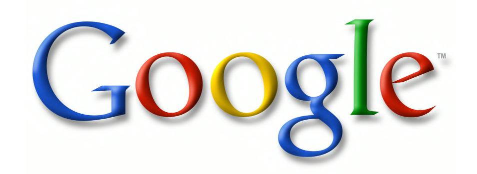
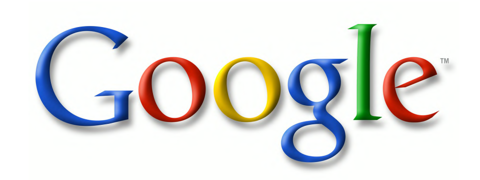
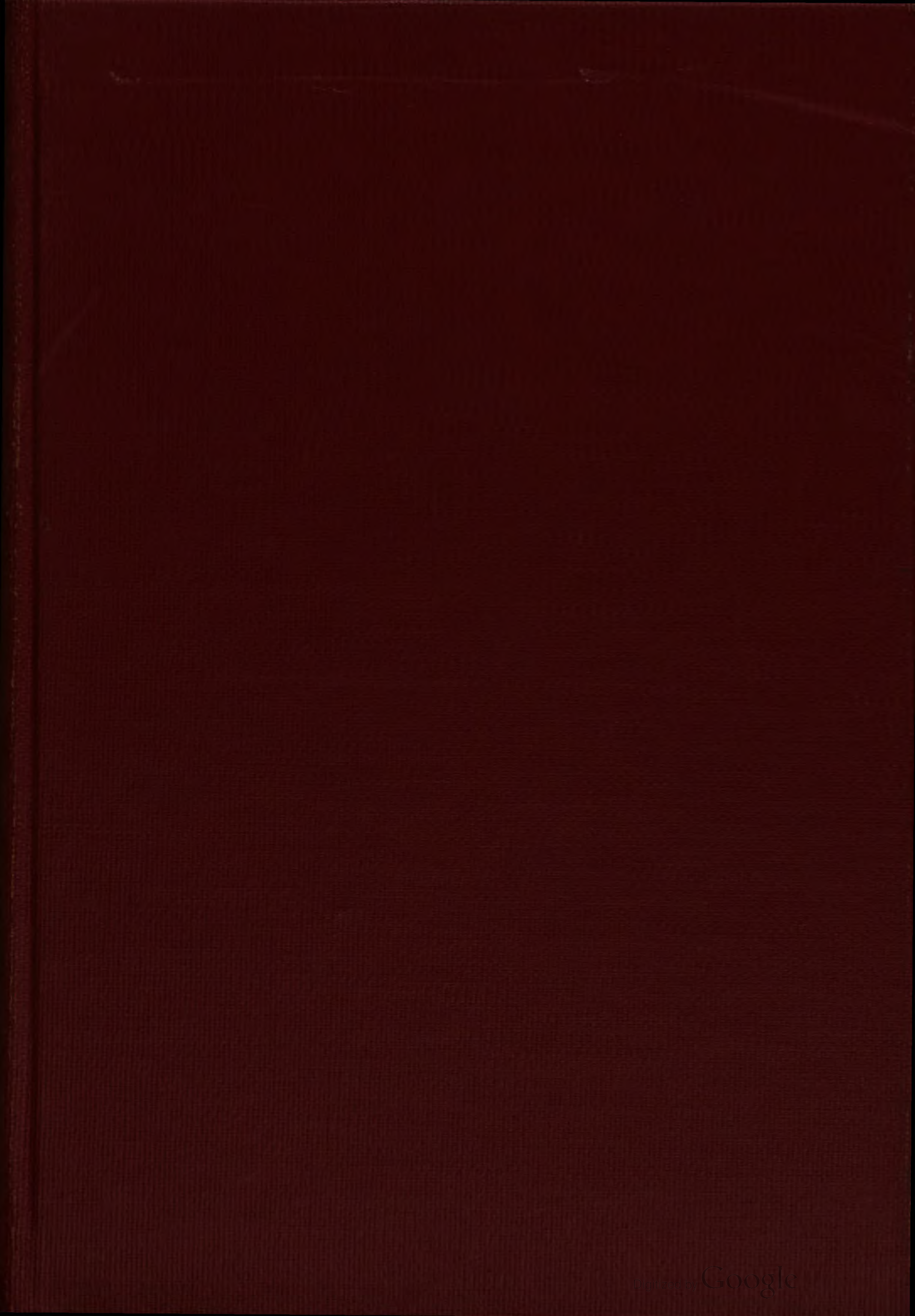

Google

Google

VE RI
TAS

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ"

Новый журналъ исторической литературы и науки.

ВЪ ПЕРВОМЪ ПОЛУГОДІИ НАПЕЧАТАНЫ: ст. В. А. Апушкина, В. М. Грибовскаго, М. В. Головинскаго, академика проф. Н. П. Жданова, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, М. М. Ковалевскаго, проф. гр. Л. А. Камаровскаго, Д. Ѳ. Кобеко, Іосибуми Куроно (лект. японскаго языка петерб. универ.), проф. Н. М. Коркунова, проф. Н. П. Лихачева, А. П. Фаресова, А. П. Субботина, проф. П. А. Шляпкина, Н. К. Шильдера, истор. романы и пов. Д. Л. Мордовцева „За всемірное владычество", В. Я. Свѣтлова „Даръ слезъ", В. Н. Никитина, І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго) и др. сообщены неизд. письма гр. І. А. Каподистрія (президента Греціи), декабриста кн. Е. П. Оболенскаго, Е. А. Баратынскаго, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоѣдова, М. Н. Загоскина, И. С. Тургенева, А. С. Хомякова, Н. С. Лѣскова и напечатаны пер. ст. проф. Маркса «Королева Елизавета англійская и ея время» (съ рисунками), нов. воспоминанія В. Гюго, Вестермарка „Матріархатъ" и т. д.

ОСОБЫЕ ОТДѢЛЫ ПОСВЯЩЕНЫ: „На рубежѣ XIX вѣка"— изображенію состоянія общества въ Зап. Европѣ наканунѣ нашего столѣтія; **„Странички прошлаго"**—мелкимъ истор. фактамъ и курьезамъ; **„Литературная Лѣтопись"**—возможно полному обзору русск. и иностр. журналовъ и нов. книгъ; **„Изъ мертвыхъ законовъ"**—оцѣнкѣ прошлаго нашихъ законовъ съ точки зрѣнія современника; **„Изъ области археологіи"**—наиболѣе выдающимся фактамъ въ этой области.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ: Библіотека избран. сочин. по исторіи народовъ Европы—„Исторія польскаго народа", В. Смоленскаго и „Сборникъ иност. истор. романовъ".—„Торжество силы", истор. романъ Поля Адамъ изъ временъ консульства и имперіи во Франціи.

Задача изданія—ознакомленіе русскаго общества съ общимъ ходомъ исторіи съ точки зрѣнія идеи прогресса.

Всѣ первыя книги высылаются немедленно, новымъ подписчикамъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно послѣ десятаго числа каждаго мѣсяца, съ декабря по декабрь.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 6 руб., за полгода 3 руб. и за границу 9 руб.

Принимается также мѣсячная подписка съ 1 Іюня, съ платой по **50** коп. въ мѣсяцъ.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЯМЪ:

1 стр.	впер. тех.	на 1 раз.	75 р.,	на 6 раз.	по 60 р.	на 12 раз.	по 52 р. 50 к.
1 »	сзади	» »	66 »	»	48	»	42 — »
1/2 »	впер.	»	40	»	32	»	28 — »
1/2 »	сзади	»	30	»	24	»	21 — »

Цѣна первой и послѣдней страницы журнала, а равно наружная обложка и обложки внутри по соглашенію.

Подписку принимаютъ всѣ книгопродавцы.

Иногороднихъ подписчиковъ просятъ адресовать деньги исключительно въ редакцію—Ямская, 2. С.-Петербургъ.

 Редакторъ-издатель **Сергѣй Сухонинъ.**

Столичная типографія, С.-Петербургъ, Гороховая, 12.

Вѣстникъ всемірной исторіи

Ежемѣсячный журналъ

№ 10.
1900 г.

О продажѣ недвижимостей.

Продается домъ
въ С.-Петербургѣ,

близъ Николаевскаго вокзала, пятиэтажный, каменный, принос. 10% чистаго доходу.

Спѣшно по болѣзни владѣльца.

Продается имѣніе,

Самарской губ., глубокій черноземъ. 600 дес., лѣсу 70 дес. по 40 руб. десятина. **немедленно.**

ПРОДАЕТСЯ ДАЧА
ВЪ ЛѢСНОМЪ,

земли 800 саж., садъ, двухъэтажный домъ, конюшня, дворницкая, прачешная, ледникъ и всѣ удобства.

Высокое мѣстоположеніе — около церкви Новосильцево.

Свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ имуществахъ можно получить ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ праздниковъ, *между 3 и 5 часами, на Зимней канавкѣ (уг. Милліонной), д. № 6, кв. 2.*

ВѢСТНИКЪ
ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

СЕНТЯБРЬ

№ 10

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Столичная типографія. Гороховая, 12.
1900.

Дозволено цензурою. Спб. 9 Августа 1900 г.

Римскій поэтъ Теренцій на западно-европейской сценѣ.

Максъ Шнейдевинъ [1], стараясь выяснить различіе между направленіемъ, существующимъ теперь въ классической филологіи и существовавшимъ въ началѣ этого столѣтія, усматриваетъ его въ самыхъ воззрѣніяхъ филологовъ на классическую древность. Присяжному филологу былыхъ лѣтъ античный міръ представлялся совершенно цѣлостной, замкнутой величиной, восхищавшей его своимъ неизмѣримымъ превосходствомъ передъ современностью. Наоборотъ, классикъ нашихъ дней уже не позволяетъ себѣ кичливо отворачиваться отъ всего того, что моложе 476 года, и съ особенной ревностью ищетъ то, что является общимъ достояніемъ какъ древняго, такъ и новаго міра; усердно выдѣляетъ онъ при этомъ тѣ проявленія единаго, вѣчнаго духа, которыя такъ неразрывно соединяютъ міръ древній и міръ новый. Только такимъ путемъ, столь же плодотворнымъ, сколь и труднымъ, удается достигать выясненія всего богатства, всей несокрушимости тѣхъ жизненныхъ началъ, которыя легли въ основу античной культуры. Только при такомъ способѣ изслѣдованія выясняется динамическая сторона античнаго духа.

Для современниковъ Готфрида Германа, говоритъ Шнейдевинъ, античный міръ былъ все: имъ покрывались всѣ ихъ интересы, онъ одинъ составлялъ поле ихъ зрѣнія. Теперь античность стала центромъ другой величины, отъ котораго во всѣ стороны идутъ нити, соединяющія воедино разбросанныя единицы всевозможныхъ порядковъ.

I.

Одною изъ такихъ соединительныхъ нитей является Теренцій со своими шестью комедіями. Судьба этого писателя была невесела; правда, онъ былъ желаннымъ гостемъ въ кружкѣ Сципіона, гдѣ собирались лучшіе люди тогдашняго Рима, маститый поэтъ Цецилій Стацій почтилъ Теренція полнымъ вниманіемъ при первомъ же ознакомленіи съ его комедіями, но зато на сценѣ первоначально его пьесы успѣха не имѣли. Со своей второй пьесой „Hecyra“ему пришлось испытать всю тягость полнаго провала, когда

[1]) Etwas über Geist und Art der alten Philologie. Neue Jahrb. f. d. klas. Altertum. 1898. I Band. Heft 10 p. 537—544.

народъ не досидѣлъ до конца спектакля и ушелъ изъ театра смотрѣть кулачныхъ бойцевъ. Только пять лѣтъ спустя удалось ему безпрепятственно поставить эту пьесу на сцену, и только энергія артистовъ спасла ее отъ провала и на этотъ разъ. Да и успѣхъ остальныхъ пьесъ сильно омрачался происками литературныхъ противниковъ, съ которыми поэту приходилось постоянно бороться. Прологъ каждой своей пьесы Теренцій долженъ былъ посвящать полемикѣ съ враждебной партіей, не скупившейся на нападки и обвиненія. Эти нападки были тѣмъ болѣе неумѣстны, что Теренцій самъ сознавалъ свои недостатки, видѣлъ, что ему надо еще многому и многому поучиться, и вотъ въ 160 г. до Р. X., по преданію, двадцатипятилѣтній поэтъ—авторъ шести комедій ѣдетъ въ Малую Азію для ознакомленія съ греческимъ бытомъ. На возвратномъ пути, когда Теренцій везъ съ собой въ Римъ свои новыя пьесы и сдѣланные имъ переводы, служившихъ для него оригиналомъ комедій Менандра, его корабль разбила буря и всѣ его новыя произведенія погибли. Этого удара юный поэтъ не пережилъ и отъ тоски умеръ, не доѣхавъ даже до Рима.

Послѣ Теренція осталось шесть пьесъ, представляющихъ передѣлку для римской публики греческихъ пьесъ Менандра и Аполлодора, изъ которыхъ первый безспорно былъ лучшимъ авторомъ т. н. „новой“ греческой комедіи. Эта новая греческая комедія, возникшая послѣ смерти Александра Великаго, когда политическая жизнь Греціи была далека отъ блеска вѣка Перикла, не брала своихъ сюжетовъ изъ круга общественно-политическихъ явленій, какъ это дѣлала комедія Аристофана, а занималась лишь изображеніемъ тѣхъ отношеній, которыя возникли на почвѣ частной жизни. Ея типы—не граждане своего отечества, а просто частные люди съ ихъ вѣчными достоинствами и недостатками. Эта особенность персонажей «новой» греческой комедіи обусловливала ихъ долговѣчность, такъ какъ, благодаря ей, они представляютъ интересъ даже и тогда, когда античный міръ съ его своеобразнымъ общественнымъ складомъ пересталъ существовать.

Первая по времени пьеса Теренція — „Дѣвушка съ острова Андроса — Andria». Сынъ Симона Памфилъ любитъ покинутую дѣвушку съ Андроса, съ которой успѣлъ прижить ребенка, а его отецъ хочетъ женить его на дочери своего пріятеля Хремета, отъ чего Памфилъ отказывается. Несогласенъ выдать за него дочь и Хреметъ, узнавшій о его связи. Послѣ цѣлаго ряда запутанныхъ осложненій является чужестранецъ и доказываетъ, что дѣвушка съ Андроса тоже дочь Хремета. Тогда дѣло оканчивается свадьбой Памфила, а его прежнюю невѣсту выдаютъ за Харина, который давно добивался ея руки. Затѣмъ слѣдуетъ «Свекровь» (Hecyra). Памфилъ любилъ гетеру, но отецъ заставилъ его жениться на Филуменѣ. Сначала молодые жили плохо, но потомъ, когда своимъ характеромъ жена успѣла привязать къ себѣ Памфила, дѣла заставляютъ его уѣхать. Внезапно Филумена покидаетъ домъ своей свекрови и переселяется къ матери, а свекровь свою

не хочетъ и видѣть. Мать Памфила показываетъ себя съ наилучшей стороны: она думаетъ, что это она не нравится Филуменѣ и, чтобы не мѣшать счастью сына, беретъ вину на себя и рѣшаетъ удалиться въ деревню. Приходитъ Памфилъ и узнаетъ, что виновата совсѣмъ не его мать, а жена, въ его отсутствіе родившая ребенка, отцомъ котораго онъ никакъ не можетъ быть. Но дѣлу помогаетъ перстень, по которому Памфилъ узнаетъ, что его жена и есть та самая дѣвушка, которую онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до свадьбы обезчестилъ. Такимъ образомъ — ребенокъ его, и вся пьеса оканчивается всеобщимъ примиреніемъ. Третья пьеса «Сама себя раба бьетъ, коль не чисто жнетъ (Hautontimorumenos). Менедемъ суровымъ обращеніемъ заставилъ своего сына Клинію покинуть отцовскій домъ и поступить въ наемные солдаты. Мысль о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя изъ-за него терпѣлъ сынъ, мучитъ Менедема, но его успокаиваетъ сосѣдъ Хреметъ, сынъ котораго Клотифонъ влюбленъ въ расточительную гетеру Бакхиду. Возвращается Клинія, но, не зная о настроеніи отца, останавливается у Хремета. Это на руку Клотифону, который выдаетъ Бакхиду за возлюбленную Клиніи—и поселяетъ ее у себя въ домѣ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ Клинія любитъ скромную Антифолу. Опять таки перстень раскрываетъ, что Антифола—дочь Хремета. Тогда обманъ Клотифона обнаруживается, и суровый отецъ заставляетъ его разстаться съ Бакхидой и жениться на другой, а Клинія женится на своей Антифилѣ.

«Евнухъ» (Eunuchos) самая веселая пьеса Теренція. У гетеры Таиды братъ хочетъ продать ту красавицу-дѣвушку Памфилу, которая была вмѣстѣ съ ней воспитана, но ее покупаетъ и даритъ Таидѣ влюбленный въ нее, «хвастливый воинъ» Тразонъ, соперникъ Фэдріи, который тоже влюбленъ въ Таиду и даритъ ей евнуха. Братъ Фэдріи—Херея, увидавъ Памфилу, воспылалъ къ ней страстью и теперь раздумываетъ о томъ, какъ бы удовлетворить свои желанія. Тогда рабъ Пармевонъ въ шутку предлагаетъ Хереѣ переодиться и выдать себя за того евнуха, котораго Фэдрія даритъ Таидѣ. Херея ухватывается за эту мысль, одѣвается евнухомъ и идетъ въ домъ Таиды. Служанка послѣдней, вѣря, что онъ—евнухъ, поручаетъ ему присутствовать при купаньѣ Памфилы. Хереѣ только этого и надо, и онъ достигаетъ желанной цѣли. Происходитъ скандалъ, но Памфила на счастье оказывается свободною гражданкой, и Херея можетъ свадьбой загладить свою вину.

Въ пятой пьесѣ „Форміонъ" Антифонъ въ отсутствіе своего отца Демифонта полюбилъ и женился на бѣдной сиротѣ Фаніи, уроженкѣ острова Лемноса, и теперь боится пріѣзда отца. Но сутяга Форміонъ научаетъ его сослаться на законъ, по которому на сиротѣ былъ долженъ жениться ближайшій родственникъ, самъ же Форміонъ берется выступить въ качествѣ истца. Вернувшійся Демифонтъ отрицаетъ всякое родство Фаніи и не признаетъ брака дѣйствительнымъ. Форміонъ согласенъ самъ жениться на Фаніи, но ему нужны деньги, взамѣнъ того придан-

наго, которое ему принесла бы другая невѣста; на самомъ же дѣлѣ эти деньги нужны для покупки возлюбленной Федріи, сына Хремета. Демифонтъ согласенъ дать деньги, и вдругъ оказывается, что у Хремета на Лемносѣ, куда онъ часто ѣздилъ будто бы по дѣламъ отъ своей жены, была вторая семья—и Фанія его дочь,—съ которой теперь Антифонъ уже не долженъ разставаться, а Форміонъ доноситъ женѣ Хремета о проказахъ ея мужа и этимъ заручается ея расположеніемъ.

Послѣдняя пьеса Теренція — «Братья» (Adelphoi). Передъ нами два брата: холостякъ Миціонъ — любитель пожить въ свое удовольствіе и сдержанный, угрюмый Демея, одного изъ сыновей котораго, Эсхина, усыновилъ Миціонъ. Воспитательные пріемы Миціона не по душѣ Демеѣ; онъ ставитъ въ примѣръ другого своего сына Ктезифонта, юношу образцовой скромности, тогда какъ Эсхинъ совершилъ цѣлый рядъ непозволительныхъ, на его взглядъ, поступковъ. Миціонъ оправдываетъ его молодостью. Особенно не по душѣ Демеѣ то, что Эсхинъ въ связи съ кноаристкою. На самомъ дѣлѣ — въ кноаристку влюбленъ Ктезифонтъ, а Эсхинъ только досталъ ее для брата, самъ же онъ любитъ Памфилу, дочь бѣдной вдовы Сострáты. Вдова тоже не знаетъ, что Эсхинъ досталъ кноаристку для брата, и думаетъ, что онъ бросилъ ея дочь. Когда все раскрывается, Демея видитъ, что воспитанный въ строгости Ктезифонтъ ничѣмъ не лучше Эсхина, видитъ, что свободомысліе Миціона снискиваетъ ему всеобщую любовь, и рѣшаетъ ласковостью перещеголять своего брата, но устраиваетъ это такъ ловко, что всѣ издержки дѣлаются изъ кармана Миціона. Пьеса кончается свадьбой не только Эсхина на Памфилѣ, но и Миціона на Состратѣ.

Этимъ шести комедіямъ по смерти ихъ автора была суждена долголѣтняя, полная почета жизнь. Кропотливыя изысканія новѣйшихъ ученыхъ показали, что пьесы Теренція послѣ его смерти занимали почетное мѣсто въ репертуарѣ римской сцены 2-го вѣка до Р. Х. [2]).

Его сочиненія скоро обратили на себя вниманіе ученыхъ изслѣдователей съ самимъ Маркомъ Теренціемъ Варрономъ во главѣ. Другой современный Теренцію авторъ комедій, поэтъ Афраній, сомнѣвается, чтобы кого-либо можно было поставить рядомъ съ Теренціемъ. И слѣдующій вѣкъ продолжалъ такъ-же любовно относиться къ памяти юнаго поэта: Юлій Цезарь ставилъ языкъ его комедій очень высоко; еще выше, пожалуй, ставилъ Теренція Цицеронъ. Новѣйшія изслѣдованія языка Теренція показали, что онъ имѣетъ гораздо больше точекъ соприкосновенія со стилемъ Цицерона, чѣмъ у его предшественника—Плавта.

Научный интересъ къ комедіямъ Теренція все усиливался, и римская имперія дала цѣлый рядъ ученыхъ грамматиковъ, которые трудились надъ изученіемъ и толкованіемъ его комедій; среди нихъ первое мѣсто занимаетъ ученый грамматикъ 4-го вѣка Элій Донатъ.

---

[2]) См. M. Schanz. Gesch. d. Röm. lit. 2 p. 87.

Но Теренціемъ занимались не только ученые спеціалисты: отзвуки его комедій слышатся подчасъ и тамъ, гдѣ этого никакъ не ожидаешь; сатиры Горація, Персія, историко-литературный діалогъ Тацита, вездѣ есть признаки того, что ихъ авторы хорошо знали Теренція. Даже въ трактатѣ Варрона о сельскомъ хозяйствѣ, и тамъ выступаютъ персонажи его комедій. Притомъ всѣ эти упоминанія таковы, что, очевидно, его пьесы пользовались самой широкой извѣстностью въ читающихъ кругахъ: Теренціевскаго Демею [3]) или Менедема [4]) упоминаютъ тогда, когда нужно напомнить о чемъ-нибудь обще-извѣстномъ, привести для всѣхъ сразу понятное сравненіе.

Комедіи Теренція находили себѣ читателей и послѣ паденія древней римской имперіи. Нечего, конечно, разсчитывать на то, что намъ удастся найти непрерывный рядъ свидѣтельствъ, которыя показывали бы, что изъ году въ годъ его комедіи читались или ставились. При скудости и недоступности свидѣтельствъ этого рода мы должны довольствоваться, если кое-гдѣ находимъ отдѣльныя звенья, позволяющія болѣе или менѣе опредѣленно возстановить всю цѣпь послѣдовательной передачи комедій Теренція изъ рукъ одного поколѣнія въ руки другого.

II.

Ближайшимъ доказательствомъ того, что новая Европа интересовалась Теренціемъ, служатъ, конечно, многочисленныя рукописи его комедій, дошедшія до насъ отъ того времени: не будь интереса къ этимъ пьесамъ, ихъ, конечно, не стали бы такъ часто и переписывать. Но у насъ есть болѣе осязательныя доказательства популярности Теренція въ періодъ ранняго средневѣковья. Мы знаемъ, напримѣръ, что при дворѣ Карла Великаго былъ обычай, чтобы во время пировъ въ присутствіи приближенныхъ императора читались комедіи Теренція, причемъ чтецомъ выступалъ не кто иной, какъ знаменитый Алкуинъ.

Эти рецитаціи происходили въ 9 вѣкѣ, а отъ 10-го вѣка намъ сохраненъ литературный памятникъ, свидѣтельствующій, что комедіи Теренція были знакомы не только при дворѣ, но были достояніемъ всего тогдашняго читающаго общества, какъ бы малочисленно оно ни было. Этотъ памятникъ—шесть латинскихъ комедій, написанныхъ инокиней обители Gandersheim Росвитой (Hrotswitha) [5]). Росвита родилась въ знатной саксонской семьѣ около 932 года, и, по обычаю того времени, очень рано разсталась съ міромъ и поступила въ Гандерсхеймскій монастырь, куда принимали дочерей только знатныхъ фамилій. Въ стѣнахъ обители она получила солидныя свѣдѣнія по классикамъ. Росвита ознакомилась съ Гораціемъ, Овидіемъ, Вергиліемъ, Плавтомъ и Теренціемъ, а также съ христіанскими поэтами Пруденціемъ и Седуліемъ. Многочисленныя греческія слова и цитаты, встрѣчаю-

[3]) Главное лицо комедіи „Братья“.
[4]) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи „Сама себя раба бьетъ“.
[5]) См. All. D. Biogr. v. 29 pp. 283 sq. А. Н. Веселовскій. Старинный театръ въ Европѣ стр. 15—20.

щіяся въ ея произведеніяхъ, заставляютъ предполагать, что и греческій языкъ ей былъ знакомъ. Узнать этотъ языкъ было не трудно: въ ея монастырѣ существовалъ обычай читать на Троицу Евангеліе на греческомъ языкѣ. Кромѣ того, высокая покровительница обители супруга Оттона II, Теофана, дочь византійскаго императора, поощряла монахинь къ изученію языка ея далекой родины. Росвита не ограничилась только изученіемъ классическихъ произведеній, а рѣшилась сама испробовать свои силы, причемъ эти попытки были настолько удачны, что средневѣковые критики, не задумываясь, называютъ ее христіанской Сафо и даже десятой музой. Литературной дѣятельности Росвита предавалась въ теченіе всей своей тихой, небогатой внѣшними фактами жизни, угасшей около 1002 года.

Росвита пробовала свои силы и въ эпосѣ, и въ драмѣ. Къ первому роду поэзіи относятся два большія ея историческія стихотворенія: одно—De gestis Ottonis I imperatoris [6]), другое — хроника ея родной обители — De primordiis coenobii Gandersheimensis. Этимъ стихотвореніямъ предшествовало 8 „легендъ", написанныхъ на сюжеты, заимствованные изъ житій святыхъ западной церкви. Но эти стихотворенія горячей почитательницы мученичества и неустанной молитвенницы передъ святой дѣвой Маріей не встрѣчали особеннаго сочувствія со стороны читателей, которые были не прочь предпочесть святымъ стихотвореніямъ Росвиты суетныя произведенія классическихъ язычниковъ. Это не могло не возмущать ея глубоко вѣрующую душу и жалобой на это прискорбное для нея явленіе начинаетъ она предисловіе къ изданію своихъ комедій. „Нахожу я", говоритъ она, „весьма много такихъ вѣрующихъ, поступки которыхъ съ трудомъ могутъ быть оправдываемы. Они изъ-за краснорѣчія болѣе изощреннаго языка gentilium vanitatem librorum utilitati praeferunt sacrarum scripturarum (пустоту свѣтскихъ книгъ предпочитаютъ пользѣ священнаго писанія); а есть другіе, которые заглядываютъ на страницы священныхъ книгъ и, хотя гнушаются остальныхъ мірскихъ сочиненій, все-таки слишкомъ часто читаютъ вымыслы Теренція и, зачарованные сладостью его языка, оскверняютъ себя ознакомленіемъ съ грѣховными дѣлами. Поэтому я, clamor validus Gandershemensis (громкій гласъ изъ Гандерсхейма), — такъ толкуетъ она свое имя, — „дерзнула подражать стилю того писателя, котораго остальные читаютъ съ благоговѣніемъ, чтобы на томъ самомъ языкѣ, которымъ описывались прелюбодѣянія похотливыхъ женщинъ, была вознесена похвала достославному цѣломудрію святыхъ дѣвственницъ — iuxta mei facultatem ingenioli (по мѣрѣ силъ моего скуднаго дарованія)", не забываетъ прибавить скромная инокиня [7]).

Это предисловіе для насъ драгоцѣннѣйшій документъ; оно говоритъ намъ, что въ 10 вѣкѣ Теренцій былъ настолько распространенъ среди читающей публики, что представители духовной

[6]) О дѣяніяхъ императора Оттона I-го.
[7]) Изд. J. Bendixen'a Lübeck, 1862.

литературы видѣли для себя настоятельную необходимость вступать въ борьбу съ этимъ осквернителемъ христіанскихъ душъ,—явленіе, съ которымъ намъ еще неоднократно придется встрѣчаться впослѣдствіи. Видимъ мы также изъ этого предисловія, что Теренцій былъ самымъ любимымъ изъ всѣхъ писателей-классиковъ, передъ сладостью сочиненіи котораго не могли устоять даже тѣ, кто находилъ въ себѣ достаточно силы для воздержанія отъ чтенія остальныхъ язычниковъ. Поэтому-то его и выбрало духовенство предметомъ своихъ особенно сильныхъ нападокъ. И это явленіе не чуждо послѣдующему времени. Когда, много лѣтъ спустя, на площадяхъ Флоренціи раздалась зовущая къ покаянію рѣчь Савонароллы, то съ особенной силой онъ обрушился именно на комедіи Теренція—источникъ всякихъ соблазновъ. Росвита хотѣла бороться съ Теренціемъ равнымъ оружіемъ и написала шесть драмъ.

„Мотивы, руководившіе Росвиту при созданіи ея драмъ", говоритъ А. Н. Веселовскій [8]), „весьма малочислены: ея творчествомъ управляють лишь двѣ коренныя темы: или чудесное обращеніе язычниковъ въ христіанство, или картины мученій, претерпѣваемыхъ за него, и эти двѣ темы, часто сплетаясь между собой и разрабатываемыя на подобіе музыкальной фуги, составляютъ содержаніе всѣхъ драмъ; содержаніе ихъ взято изъ различныхъ средневѣковыхъ легендъ и апокрифовъ, часто съ сохраненіемъ даже особенностей народнаго ихъ пересказа и отчасти этимъ можно объяснить нѣкоторыя полныя грубаго, почти циническаго юмора сцены, встрѣчающіяся въ ея драмахъ".

Содержаніе первой пьесы „Gallicanus" таково: императоръ Константинъ огорченъ тѣмъ, что скиѳы нарушаютъ миръ его государства, и проситъ своего полководца Галликана положить конецъ ихъ нападеніямъ. Тотъ согласенъ исполнить волю своего господина, но требуетъ за это особенной награды—руки дочери Константина, Констанціи, которую любитъ. Это требованіе смущаетъ Константина, и онъ велитъ позвать свою дочь. Между ними происходитъ слѣдующій діалогъ.

Констанція.—Господинъ нашъ императоръ приходитъ къ намъ печальнѣе обыкновеннаго. Недоумѣваю, что на душѣ у него.

Константинъ. Подойди ко мнѣ, дочь моя Констанція, мнѣ надо нѣчто повѣдать тебѣ.

Констанція. Я здѣсь, господинъ мой, изволь сказать, что повелишь.

Константинъ. Сжимается грустью сердце мое и сильно скорблю я.

Констанція. Лишь увидѣла тебя при входѣ твоемъ, постигла печаль твою, и, хоть причина ея мнѣ невѣдома, въ смятеніи сердечномъ я оробѣла.

Константинъ. Изъ-за тебя я печалюсь.

Констанція. Изъ-за меня?

---

[8]) Старинный театръ стр. 19.

Константинъ. Изъ-за тебя.

Констанція. Вся въ страхѣ я; что значитъ рѣчь твоя, владыко?

Константинъ. Сказать мнѣ стыдно: тебя-бъ не огорчить.

Констанція. Печаль моя еще сильнѣе, коль о причинѣ умолчишь.

Константинъ. Вождь Галликанъ, котораго успѣхъ тріумфовъ—ту почесть высшую себѣ умѣлъ стяжать... о помощи къ кому мы часто всѣ взываемъ... для родины защиты...

Констанція. Что же онъ?

Константинъ. Жениться на тебѣ желаетъ.

Констанція. На мнѣ?

Константинъ. Да, на тебѣ.

Констанція. Сама мнѣ смерть желаннѣй.

Константинъ. Ужъ чуялъ я бѣду!

Констанція. Не диво, вѣдь съ твоего согласія, по волѣ по твоей, обѣтъ дала я Богу всю жизнь быть дѣвой.

Константинъ. Я помню.

Констанція. Не чьи моленья не заставятъ нарушить неоскверненную обѣта святость.

Константинъ. Согласенъ. Но вотъ что меня гнететъ: вѣдь, если я, какъ долгъ отцовскій мнѣ повелѣваетъ, позволю вѣрной слову твоему тебѣ на вѣкъ пребыть, вкусить немалую придется мнѣ печаль отъ государства, а если—да не совершится то!—рѣшенію твоему воспротивлюсь—на вѣчны муки буду обреченъ.

Констанція. Коль не ждала-бъ я помощи отъ Бога, то мнѣ бы, мнѣ бы сильно надо было горевать.

Константинъ. По истинѣ.

Констанція. Теперь же мѣста нѣтъ кручинѣ. Твою, владыко, милость ко мнѣ я знаю напередъ.

Константинъ. Какъ хороши твои слова, Констанція моя!

Констанція. Коль удостоишь внять ты моему совѣту, избыть сумѣемъ ту напасть.

И вотъ въ такомъ діалогѣ, уродливость котораго едва-ли удалось передать этимъ вычурнымъ переводомъ—идетъ вся пьеса. Благочестивая дѣва совѣтуетъ отцу прибѣгнуть къ хитрости: обнадежить Галликана, а вмѣстѣ съ тѣмъ послать съ нимъ на войну двухъ благочестивыхъ юношей: Іоанна и Павла, которые должны обратить его въ христіанство. Такъ на дѣлѣ все и происходитъ. Въ рѣшительную минуту битвы Галликанъ подъ вліяніемъ Іоанна и Павла обращается въ христіанство и обрекаетъ себя на безбрачіе. Впослѣдствіи, по приказу Юліана, Отступника, его посылаютъ въ изгнаніе, гдѣ онъ и принимаетъ мученическій вѣнецъ. По приказу того же Юліана тайно убиваютъ и обоихъ отроковъ; но вскорѣ дьяволъ похищаетъ сына убійцы, и только разсказъ о поступкѣ отца и признаніе мученичества обоихъ юношей спасаетъ его около могилы обоихъ отроковъ, и онъ крестится вмѣстѣ съ отцомъ.

Таково же содержаніе и остальныхъ пяти пьесъ Росвиты: Дульцицій, Каллимаха, Авраама, гдѣ повѣствуется о жизни блуд-

литературы видѣли для себя настоятельную необходимость вступать въ борьбу съ этимъ осквернителемъ христіанскихъ душъ,—явленіе, съ которымъ намъ еще неоднократно придется встрѣчаться впослѣдствіи. Видимъ мы также изъ этого предисловія, что Теренцій былъ самымъ любимымъ изъ всѣхъ писателей-классиковъ, передъ сладостью сочиненіи котораго не могли устоять даже тѣ, кто находилъ въ себѣ достаточно силы для воздержанія отъ чтенія остальныхъ язычниковъ. Поэтому-то его и выбрало духовенство предметомъ своихъ особенно сильныхъ нападокъ. И это явленіе не чуждо послѣдующему времени. Когда, много лѣтъ спустя, на площадяхъ Флоренціи раздалась зовущая къ покаянію рѣчь Савонароллы, то съ особенной силой онъ обрушился именно на комедіи Теренція—источникъ всякихъ соблазновъ. Росвита хотѣла бороться съ Теренціемъ равнымъ оружіемъ и написала шесть драмъ.

„Мотивы, руководившіе Росвиту при созданія ея драмъ", говоритъ А. Н. Веселовскій [8]), „весьма малочислены: ея творчествомъ управляютъ лишь двѣ коренныя темы: или чудесное обращеніе язычниковъ въ христіанство, или картины мученій, претерпѣваемыхъ за него, и эти двѣ темы, часто сплетаясь между собой и разрабатываемыя на подобіе музыкальной фуги, составляютъ содержаніе всѣхъ драмъ; содержаніе ихъ взято изъ различныхъ средневѣковыхъ легендъ и апокрифовъ, часто съ сохраненіемъ даже особенностей народнаго ихъ пересказа и отчасти этимъ можно объяснить нѣкоторыя полныя грубаго, почти циническаго юмора сцены, встрѣчающіяся въ ея драмахъ".

Содержаніе первой пьесы „Gallicanus" таково: императоръ Константинъ огорченъ тѣмъ, что скиоы нарушаютъ миръ его государства, и проситъ своего полководца Галликана положить конецъ ихъ нападеніямъ. Тотъ согласенъ исполнить волю своего господина, но требуетъ за это особенной награды—руки дочери Константина, Констанціи, которую любитъ. Это требованіе смущаетъ Константина, и онъ велитъ позвать свою дочь. Между ними происходитъ слѣдующій діалогъ.

Констанція.—Господинъ нашъ императоръ приходитъ къ намъ печальнѣе обыкновеннаго. Недоумѣваю, что на душѣ у него.

Константинъ. Подойди ко мнѣ, дочь моя Констанція, мнѣ надо нѣчто повѣдать тебѣ.

Констанція. Я здѣсь, господинъ мой, изволь сказать, что повелишь.

Константинъ. Сжимается грустью сердце мое и сильно скорблю я.

Констанція. Лишь увидѣла тебя при входѣ твоемъ, постигла печаль твою, и, хоть причина ея мнѣ невѣдома, въ смятеніи сердечномъ я оробѣла.

Константинъ. Изъ-за тебя я печалюсь.

Констанція. Изъ-за меня?

[8]) Старинный театръ стр. 19.

Константинъ. Изъ-за тебя.

Констанція. Вся въ страхѣ я; что значитъ рѣчь твоя, владыко?

Константинъ. Сказать мнѣ стыдно: тебя-бъ не огорчить.

Констанція. Печаль моя еще сильнѣе, коль о причинѣ умолчишь.

Константинъ. Вождь Галликанъ, котораго успѣхъ тріумфовъ—ту почесть высшую себѣ умѣлъ стяжать... о помощи къ кому мы часто всѣ взываемъ... для родины защиты...

Констанція. Что же онъ?

Константинъ. Жениться на тебѣ желаетъ.

Констанція. На мнѣ?

Константинъ. Да, на тебѣ.

Констанція. Сама мнѣ смерть желаннѣй.

Константинъ. Ужъ чуялъ я бѣду!

Констанція. Не диво, вѣдь съ твоего согласія, по волѣ по твоей, обѣтъ дала я Богу всю жизнь быть дѣвой.

Константинъ. Я помню.

Констанція. Не чьи моленья не заставятъ нарушить неоскверненную обѣта святость.

Константинъ. Согласенъ. Но вотъ что меня гнететъ: вѣдь, если я, какъ долгъ отцовскій мнѣ повелѣваетъ, позволю вѣрной слову твоему тебѣ на вѣкъ пребыть, вкусить немалую придется мнѣ печаль отъ государства, а если—да не совершится то!—рѣшенію твоему воспротивлюсь—на вѣчны муки буду обреченъ.

Констанція. Коль не ждала-бъ я помощи отъ Бога, то мнѣ бы, мнѣ бы сильно надо было горевать.

Константинъ. По истинѣ.

Констанція. Теперь же мѣста нѣтъ кручинѣ. Твою, владыко, милость ко мнѣ я знаю напередъ.

Константинъ. Какъ хороши твои слова, Констанція моя!

Констанція. Коль удостоишь внять ты моему совѣту, избыть сумѣемъ ту напасть.

И вотъ въ такомъ діалогѣ, уродливость котораго едва-ли удалось передать этимъ вычурнымъ переводомъ—идетъ вся пьеса. Благочестивая дѣва совѣтуетъ отцу прибѣгнуть къ хитрости: обнадежить Галликана, а вмѣстѣ съ тѣмъ послать съ нимъ на войну двухъ благочестивыхъ юношей: Іоанна и Павла, которые должны обратить его въ христіанство. Такъ на дѣлѣ все и происходитъ. Въ рѣшительную минуту битвы Галликанъ подъ вліяніемъ Іоанна и Павла обращается въ христіанство и обрекаетъ себя на безбрачіе. Впослѣдствіи, по приказу Юліана, Отступника, его посылаютъ въ изгнаніе, гдѣ онъ и принимаетъ мученическій вѣнецъ. По приказу того же Юліана тайно убиваютъ и обоихъ отроковъ; но вскорѣ дьяволъ похищаетъ сына убійцы, и только разсказъ о поступкѣ отца и признаніе мученичества обоихъ юношей спасаетъ его около могилы обоихъ отроковъ, и онъ крестится вмѣстѣ съ отцомъ.

Таково же содержаніе и остальныхъ пяти пьесъ Росвиты: Дульциція, Каллимаха, Авраама, гдѣ повѣствуется о жизни блуд-

ницы Маріи, внуки Авраама, Пафнутія и Премудрости, гдѣ описываются мученія святыхъ дѣвъ: Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софіи—вездѣ тотъ же призывъ къ христіанской семьѣ, то же прославленіе безбрачія, то же особое умиленіе передъ дѣвой Маріей. Въ пьесы вставлены молитвенныя обращенія къ Спасителю.

Съ Теренціемъ эти комедіи, кромѣ своего числа (шесть) не имѣютъ ничего общаго. Ясно, что Росвита хотѣла не передѣлать его пьесы для христіанскихъ читателей, а дать взамѣнъ его комедій христіанамъ болѣе здоровое, на ея взглядъ, чтеніе.

Французскіе біографы Росвиты (напр. Ch. Magnin) полагаютъ, что ея пьесы исполнялись преимущественно въ монастыряхъ самими инокинями, такъ что храмъ Гандерсхеймской обители превращался въ театръ—съ этимъ мнѣніемъ, уступая довольно вѣскимъ соображеніямъ, не соглашается А. Н. Веселовскій (Старинный театръ, 90). Но если ея пьесы даже и не ставились на сценѣ, онѣ важны для насъ, какъ образецъ орудія борьбы съ Теренціемъ. Очевидно, что для этой цѣли комедіи Росвиты не годились. Онѣ могли нравиться только тѣмъ, кто въ литературномъ произведеніи не искалъ ни занимательности содержанія, ни красоты формы. Къ нимъ могли обращаться любители иныхъ достоинствъ, а кто искалъ наслажденія отъ cultioris facundia sermonis,—изящества болѣе утонченнаго слога, кто искалъ изящества болѣе отдѣланнаго стиля, тому опять приходилось браться за того же Теренція и осквернять свою душу „notitia nefandarum rerum“, ознакомленіемъ съ грѣховными дѣлами.

III.

Борьба Росвиты не удалась: комедіи Теренція все еще находили читателей, изъ числа которыхъ съ особенной настойчивостью исключаютъ себя представители духовенства. Такъ въ одномъ изъ памятниковъ 11-го вѣка (1003 года) читаемъ: „намѣстники Петра не хотятъ имѣть своимъ наставникомъ ни Платона, ни Вергилія, ни Теренція, "neque ceteros pecudes philosophorum“ (остальныхъ прихвостней философовъ). Невольно тутъ напрашивается на сопоставленіе слѣдующее мѣсто изъ житія святого Плаудія, написаннаго Петромъ Діакономъ (1140 г.): „Не подобаетъ людямъ церковнымъ стремиться къ изнѣженнымъ и утонченнымъ рѣчамъ, которыя заманиваютъ души человѣческія въ сѣти всякой скверны и всякаго порока. Такое именно дѣйствіе производятъ авторы комедій и трагедій.“

Это житіе написано въ 12 вѣкѣ, а въ то же самое время въ Англіи комедіи Теренція усердно читались въ школахъ: Бернардъ Клерво, Вильгельмъ Брито наперерывъ спѣшатъ прославить латинскій стиль римскаго комика, а каждая страница сочиненій философа Іоанна Сорисберійскаго свидѣтельствуетъ объ основательномъ знакомствѣ этого писателя съ комедіями Теренція. Куртизанка Таида, „хвастливый воинъ“ Тразонъ, а особенно паразитъ Гнатонъ, создавшій новую систему лизоблюдства — любимые типы Іоанна Сорисберійскаго, ссылаясь на которые, онъ развиваетъ свои этическія положенія. Теренцій

его любимый поэтъ, и онъ не упускаетъ случая назвать его „comicus, qui prae ceteris placet“—комикъ, нравящійся больше остальныхъ [9]). Англійскіе ученые въ данномъ случаѣ своими предшественниками имѣли германскихъ гуманистовъ, которые, какъ этого и слѣдовало ожидать, не раздѣляли взглядовъ ни инокини Росвиты, ни Петра Діакона. Еще одинъ изъ первыхъ по времени нѣмецкихъ писателей-педагоговъ — Альбрехтъ фонъ-Эйбъ (1420—1475) въ своемъ трактатѣ „Von lieb and sorg der kinder und wie sy ertzogen söllen werden“ (о любви и заботѣ къ дѣтямъ и о томъ какъ ихъ надо воспитывать) ссылается на Теренція, какъ на одного изъ главнѣйшихъ авторитетовъ. „Terencius, пишетъ онъ, schreibt, es sei besser die kinder mit schame mit Freyeheit und auch mit Gütickeyt zu halten, dann mit übriger Forcht [10]),“—очевидно онъ имѣетъ въ виду тѣ принципы, которые у Теренція въ Adelphoe развиваетъ Миціонъ.

Какъ разъ ту самую книгу, которую Гандерсхеймская инокиня, не жалѣя силъ, старалась вырвать изъ рукъ читающаго общества, гуманисты предлагали съ наилучшими рекомендаціями учащейся молодежи. Эразмъ Роттердамскій [11]) въ своемъ трактатѣ De pueris libere instituendis (о свободномъ воспитаніи дѣтей), задается вопросомъ о томъ: „языкъ какого латинскаго писателя полезнѣе Теренція?“ Этотъ писатель, продолжаетъ онъ, „имѣетъ чистый, отдѣланный, наиболѣе приближающійся къ обыденной рѣчи языкъ, а кромѣ того, Теренцій любезенъ юношеству по самому характеру содержанія своихъ комедій“.

Если по отношенію къ этимъ словамъ Эразма и допустимо еще возраженіе въ томъ смыслѣ, что языкъ комедій Теренція ставила высоко и Росвита, то оно совершенно непримѣнимо къ тому замѣчанію Меланхтона, которое этъ предпослалъ своему изданію Теренція. Для него Теренцій auctor optimus (наилучшій авторъ), изданіе его комедій sanctissimum negotium, (священнѣйшее предпріятіе); такъ относится Меланхтонъ къ своему дѣлу потому, что въ этихъ комедіяхъ изображены достойнѣйшіе характеры: „honestissima morum civilium exempla“, кромѣ того, онѣ поразительно способствуютъ, на взглядъ Меланхтона, изощренію краснорѣчія.

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Меланхтонъ писалъ, что „комедія Теренція для ознакомленія съ человѣческими характерами полезнѣе многихъ философовъ“. „Авторы комедій“, пишетъ онъ же, „хотѣли изобразить примѣры нравовъ и приключеній, предостерегаемые которыми мы сумѣемъ лучше судить о житейскихъ дѣлахъ“.

Ученикъ Меланхтона и Камерарія Казеліусъ говоритъ о комедіяхъ Плавта и Теренція, что знакомство съ ними спасеніе для юношества: „избѣгай того, что, какъ ты поймешь изъ этихъ комедій, постыдно и приводитъ къ худому концу: это ближайшій путь къ добродѣтели и къ сознанію своего долга“.

---

9) O. Franke. Terenz und lateinische Schulkomödie in Deutschland. Weimar 1877 p. 7.
10) Hein. Kurz. Gesch. d. d. Litt I p. 787.
11) П. О. Морозовъ. Очерки изъ ист. рус. драмы. стр. 55.

Насколько серьезно смотрѣлъ на комедіи Теренція, глава реформаціоннаго движенія Лютеръ, это видно изъ слѣдующаго его изреченія: „man lese anders als Knabe, anders als Mann den Terenz“ (въ дѣтствѣ надо читать Теренція иначе, чѣмъ въ зрѣлые годы).

IV.

Меланхтонъ не довольствовался чтеніемъ комедій Теренція; чтобы лучше ознакомить съ ними учащуюся молодежь, онъ рѣшилъ ставить ихъ на сценѣ. Въ Corpus Reformatorum (изд. Bretschneider'a X стр. 462) разсказываются слѣдующія подробности изъ его жизни: „послѣ женитьбы Меланхтонъ помѣстилъ у себя въ домѣ много молодыхъ людей и даже мальчиковъ, которыхъ заставлялъ упражняться въ писаніи латинскихъ стиховъ. Въ то время въ этой частной школѣ Меланхтона былъ Францискъ Бурхардъ и многіе другіе ученики, которые ради упражненія исполняли пьесы древнихъ писателей, Плавта и Теренція, для чего Меланхтонъ написалъ много стиховъ“.

Исполненіе пьесъ Теренція въ школѣ во времена Меланхтона не могло быть новшествомъ. Еще въ 15 вѣкѣ, въ Люттихѣ, въ монастырской школѣ братства св. Іеронима исполнялись пьесы Теренція. Здѣсь извѣстный Іоаннъ Штурмъ исполнялъ роль раба Геты во время представленія Теренціевскаго «Phormio». Переселившись въ Страсбургъ, Штурмъ перенесъ туда и этотъ обычай, и сталъ усердно ставить пьесы Теренція. Въ одномъ изъ писемъ къ учителю своей школы Голіусу, онъ писалъ: „Я хочу, чтобы здѣсь были актеры—вторые Росціи (знаменитый исполнитель комедій во время Цицерона), искуснѣе тѣхъ, которые могутъ быть въ менѣе высокихъ учрежденіяхъ, чтобы никогда не прекращалось желаніе присутствовать на нашихъ спектакляхъ, потому что я не хочу прерывать представленій и на одну недѣлю“.

Такое увлеченіе театромъ вызвало протестъ со стороны нѣкоторой части общества, сѣтованія которой Штурмъ намъ самъ и сообщаетъ. „Многіе“, говоритъ онъ въ своемъ трактатѣ De exercitatione rhetorum (объ упражненіи риторовъ), „не одобряютъ постановки изъ-за нѣжныхъ тѣлодвиженій прелестницъ, изъ-за грязныхъ шутокъ паразитовъ и сводниковъ, въ чемъ усматриваютъ порчу нравовъ“.

Меланхтонъ ставилъ въ своей школѣ пьесы съ выборомъ. Онъ поставилъ на сцену всѣ пьесы Теренція, кромѣ Hecyra и Hautontimorumenos, зато изъ Плавта онъ выбралъ только одного Miles gloriosus („Хвастливый воинъ“; пьеса эта существуетъ въ переводѣ Шишкова, помѣщенная въ сборникѣ „Пропилеи“). Кромѣ этихъ комедій, онъ ставилъ еще Тіеста Сенеки и Гекубу Эврипида.

До насъ дошло подробное описаніе спектакля отъ 1 января 1531 г. въ Цюрихѣ, когда была поставлена комедія Аристофана «Богатство». Въ этой пьесѣ всѣ роли исполнялись взрослыми, кромѣ роли «Бѣдноты», которую исполнялъ четырнадцатилѣтній Конрадъ Гесснеръ. Но изъ всѣхъ авторовъ особенной любовью пользовался Теренцій, особенно въ Саксоніи, которая всегда отли-

чалась особеннымъ почитаніемъ этого писателя. Такъ еще Фридрихъ Мудрый, про котораго хроникеры говорятъ, что „er waste auch viele gute Sprüche d. Terenz auswendig, (зналъ наизусть много славныхъ изреченій Теренція), былъ такимъ ревностнымъ почитателемъ Теренція, что учредилъ даже особую каѳедру въ Виттенбергѣ для толкованія его комедій. Въ 1540 г. въ Саксоніи былъ изданъ указъ учителямъ заставлять учениковъ играть пьесы Теренція. Указъ этотъ былъ подтвержденъ и въ 1580 году. Но и кромѣ Саксоніи, обычай этотъ былъ весьма распространенъ. Въ Кенигсбергѣ и Торнѣ пьесы Теренція ставились ежегодно. Въ Данцигѣ ректоръ Мöллеръ (1560—1567) ввелъ обычай ежегодно ставить по одной пьесѣ этого писателя для того, „чтобы оставалось время изучить также одну нѣмецкую пьесу и одну библейскаго содержанія". Такой же обычай существовалъ и въ Мекленбургѣ и въ Вѣнѣ, гдѣ эти спектакли были устроены впервые Цельтисомъ. Этихъ данныхъ достаточно для того, чтобы признать, насколько широко были распространены въ 16-мъ вѣкѣ комедіи Теренція на школьныхъ сценахъ Германіи, въ то время, какъ о Плавтѣ мы находимъ лишь изрѣдка отрывочныя упоминанія и даже знаемъ рядъ школъ, гдѣ его комедіи умышленно оставлялись безъ вниманія.

Счастливый случай даетъ намъ возможность ознакомиться съ обстановкой этихъ спектаклей. До насъ дошелъ текстъ всѣхъ введеній, которыя предшествовали исполненію самихъ пьесъ въ Zwickau. Послѣ пролога на сцену выходилъ мальчикъ, называлъ дѣйствующихъ лицъ, обрисовывалъ ихъ характеры и выяснялъ ихъ взаимное отношеніе. Назначеніе такихъ praelisiones, которыя назывались „риѳмологіями", ясно: онѣ замѣняли наши афиши, а отчасти и либретто, и должны были облегчать публикѣ пониманіе пьесъ. Поэтому, хотя сама пьеса и исполнялась на латинскомъ языкѣ, эти риѳмологіи писаны по нѣмецки, и актеры считали нужнымъ извиняться тѣмъ соображеніемъ, что

Wir müssen uns aber nach der Zeit'
Richten, in welcher wenig Leut'
Lateinischer Zungen kundig sein.

(Мы должны однако сообразжаться съ нашимъ временемъ, когда мало народа знаетъ по латыни).

Представленіе публикѣ отдѣльныхъ лицъ дѣлалось въ чрезвычайно наивной формѣ, авторы риѳмологій нисколько не стѣснялись хронологическими данными и, не задумываясь, вводили персонажей Теренціевскихъ комедій въ обстановку германскихъ городовъ 16 вѣка.

Такой пріемъ былъ весьма удаченъ. Ловко найденная параллель сразу выясняла зрителямъ всю сущность выведеннаго характера и давала возможность легко усваивать содержаніе античной комедіи. Стоило только при появленіи «хвастливаго воина» Тразона сказать, что это ландскнехтъ, уѣхавшій изъ отцовскаго дома um am Fladenkrieg Teil zu nehmen, и зрителю, незнакомому съ условіями античной жизни, этотъ типъ становился совершенно понятнымъ и близкимъ, а спектакль пріобрѣталъ инте-

ресъ современности. Для насъ эти попытки модернизаціи античной комедіи интересны еще и потому, что лишній разъ доказываютъ, какъ живучи были тѣ типы, которые канонизировала новая греческая комедія. Потому, приходится очень сильно жалѣть о томъ, что до сихъ поръ не издана только риомологія Eunuchus.

Въ своемъ стремленіи къ модернизаціи авторъ риомологіи къ этой пьесѣ представляетъ намъ юнаго Хремета какъ „ein Jüngling von der albern Welt"; онъ имѣетъ „in Schlesien, in der Nähe der behmischen Gebürg' seine Besitzung in sehr fruchtbahrer Gegend". (Наивный юноша, у него въ Силезіи вблизи богемскихъ горъ, помѣстье въ очень плодородной мѣстности).

Иногда авторъ въ своемъ стремленіи заходитъ слишкомъ далеко и умышленнымъ сгущеніемъ красокъ искажаетъ ради эффекта характеры оригинала. Такъ, про поведеніе служанки Пиоіи въ пьесѣ Теренція не говорится ничего особенно дурнаго, а авторъ риомологіи разсказываетъ намъ изъ ея житья въ Лейпцигѣ слѣдующія, весьма поразительныя для школьной сцены, подробности:

Darnach vermiedet sie sich ferner,
Kam in Vorstadt zu einem Kerner,
Der hielt mit losen Weybern Hauss.
Viel Bursch ging bei ihm ein und aus,
Und sondereich von vielen Studenten
Die sind gern um solch Regiemente.

(Затѣмъ она дальше поступила въ наймы,
Пришла въ пригородъ и нанялась къ одному человѣку,
Который содержалъ домъ съ распутными женщинами.
Много юношей къ нему ходило,
А особенно много студентовъ,
Которые любятъ быть въ такихъ мѣстахъ).

Такое сгущеніе красокъ весьма характерно: передѣлыватели и подражатели Теренція, какъ мы это еще увидимъ впослѣдствіи, были не прочь ввести циническія подробности даже туда, гдѣ оригиналъ не представлялъ для этого никакихъ удобствъ. Непонятнымъ для насъ образомъ они находили совмѣстимымъ и жалобы на недостаточную чистоту комедій Теренція, и внесеніе въ нихъ такихъ подробностей, которыя неизмѣримо болѣе поражаютъ своей откровенностью. Отъ этого не уберeглась даже Росвита, у которой въ комедіи „Пафнутій" нѣкоторыя сцены совсѣмъ не похожи на произведенія монашескаго пера.

Немногочисленныя гравюры, уцѣлѣвшія отъ того времени, даютъ намъ возможность судить о костюмахъ дѣйствующихъ лицъ во время этихъ спектаклей. На гравюрѣ, украшающей древнѣйшій переводъ комедіи Eunuchus Ганса Нютара, вышедшій въ 1486 г. въ Ульмѣ, молодой герой пьесы Cherea изображенъ въ типичномъ костюмѣ пиккельгеринга, Тразонъ величественно выступаетъ въ длинномъ плащѣ съ мечемъ на боку. Очень потѣшно иллюстрирована знаменитая сцена штурма дома Таиды плутовской когортой Тразона: всѣ артисты изображены въ костюмахъ ландскнехтовъ. И такъ, модернизація сказалась не только въ риомологіяхъ, она отразилась и на самой обстановкѣ спектаклей.

V.

Въ сторонѣ отъ такихъ спектаклей держались школы іезуитовъ; ни разу не поставили они ни одной комедіи ни Плавта, ни Теренція, который былъ чуть ли не совсѣмъ вычеркнутъ изъ программъ. Отъ нихъ исходитъ особенно сильная борьба противъ этихъ спектаклей, отголоски которой намъ уже не разъ приходилось слышать. Пьесы Теренція сдѣлались орудіемъ той борьбы, которая въ эпоху реформаціи охватила всѣ стороны духовной жизни. Вѣрные слуги престола св. Петра не могли одобрять того, что такъ усердно проводили въ жизнь Лютеръ и Меланхтонъ. Устранить эти спектакли совершенно они не могли: любовь къ нимъ была слишкомъ велика какъ со стороны публики, такъ и со стороны учащихся исполнителей. И вотъ является попытка замѣнить Теренція, сочиняя пьесы въ духѣ клерикальнаго направленія. Появляется цѣлый рядъ пьесъ библейскаго содержанія: на сцену выводится Эсфирь, Сусанна, Нааманъ, Товія, Неемія, Саулъ, Юдифь и т. п.

Повторяется то же самое, что было съ Росвитой: то же скудное содержаніе, та же убійственная латынь, то же полное отсутствіе сценичности. И опять всѣ авторы ополчаются не на кого другого, какъ на Теренція. Въ каждомъ прологѣ авторъ спѣшитъ заявить, что его комедія совсѣмъ не то, что Теренціевы, которыя, на его взглядъ, средоточіе всѣхъ недостатковъ: онѣ vanae, profanae, et impudicae, et lubricae, (пусты, безбожны, безстыжи, соблазнительны). Но чѣмъ больше Теренція бранятъ, тѣмъ больше обрисовываютъ истинное положеніе вещей,—съ слабымъ, безсильнымъ врагомъ такъ бороться не стоитъ.

Какъ разъ въ XVI вѣкѣ Конрадъ Цельтисъ издалъ впервые забытыя до тѣхъ поръ комедіи Росвиты. Онѣ явились цѣнной находкой для представителей оппозиціоннаго движенія, которые въ своихъ собственныхъ попыткахъ ушли не далеко отъ своего первообраза. Разсматривать ихъ здѣсь отдѣльно положительно не стоитъ: было бы слишкомъ скучно возвращаться къ этимъ безжизненнымъ орудіямъ реакціонной борьбы [12]). Произведенія XVI вѣка были даже слабѣе пьесъ Росвиты.

Насколько онѣ были не сценичны, видно хотя бы изъ того, что въ іезуитскихъ комедіяхъ, которыя въ XVI и XVII вѣкѣ играли въ Мюнхенѣ, число дѣйствующихъ лицъ по большей части превышало 100, каждое изъ нихъ успѣвало сказать два—три слова съ тѣмъ, чтобы поскорѣе дать мѣсто другому. Это не могло нравиться публикѣ, и потому Макропедій, авторъ пьесы Hecastus, гдѣ занято 21 человѣкъ, извиняется передъ публикой тѣмъ соображеніемъ, что онъ заботился объ интересахъ учениковъ своей школы болѣе, чѣмъ о художественности пьесы.

Для учениковъ эти спектакли могли быть полезны только въ томъ отношеніи, что пріучали ихъ владѣть латинскимъ языкомъ. А о той латыни, къ которой здѣсь пріучали учениковъ, мы можемъ составить себѣ представленіе хотя бы по такому образчику—выдержкѣ изъ гимна въ честь учености:

---

[12]) Ф. Ф. Voigt. Die Wiederbelebung d. Klassischen Alterthums. p. 433.

Facilius est sedere in umbra et schola
Quam mistladinare et ackarare et Holtz
Hackare et Pflueghebare et postea nihil
Aliud quam Kraut, Züb, Milch atque Wasser-Suppen
Essare et Kaltes-Wasser trinckenare.

(Легче сидѣть въ тѣни и въ школѣ,
Чѣмъ возить навозъ, обработывать землю, рубить дрова,
Ходить съ плугомъ, а послѣ этого не
Ѣсть ничего, кромѣ травы,
Молочнаго и водяного супа и пить холодную воду).

Педагоги того времени придавали большое значеніе участію учениковъ въ спектаклѣ, видя въ этомъ одно изъ лучшихъ образовательныхъ средствъ. Такъ Францискъ Бэконъ пишетъ: „есть занятіе, позорное, когда ему придаются какъ спеціальности, но являющееся въ то же время однимъ изъ лучшихъ образовательныхъ средствъ. Мы имѣемъ въ виду театральныя упражненія, такъ какъ они укрѣпляютъ память, вырабатываютъ голосъ и произношеніе, увеличиваютъ силу и звучность голоса, сообщаютъ изящество мимикѣ и жестикуляціи, придаютъ не малую увѣренность и наконецъ пріучаютъ юношей быть на глазахъ у народа" (De dignitate et augmentis scientia. rum. ed. P. Mages). Но эти педагогическіе принципы сильно оспаривались тѣми педагогами, которые боялись, что всѣ эти качества пріобрѣтаются на счетъ д бр й нравственности учениковъ, которыхъ эти спектакли учили „грѣшить".

Въ Мюнхенѣ въ 1599 г. была поставлена „De humanitatis regno comedia—комедія о царствѣ гуманности", заключительная сцена которой представляла комедію Плавта на страшномъ судилищѣ. Председателемъ на томъ судѣ является нѣкій Өеодоръ, а помогаютъ ему Elegantia (изящество) и Sollertia (ловкость). Послѣдняя обращается къ humanitas со слѣдующимъ заявленіемъ: „мое мнѣніе таково, что многіе научились грѣшить ex Plauto, ex Ovidio, et Martiali et aliis eiusdem farinae" (у Плавта, Овидія, Марціала и имъ подобныхъ). Лютеръ не могъ согласиться съ подобными мнѣніями; его мечтою было видѣть пьесы Теренція въ рукахъ у каждаго, и въ одной изъ „застольныхъ бесѣдъ" онъ замѣчаетъ: „христіане вовсе не должны чуждаться комедій изъ-за того, что въ нихъ иногда попадаются непристойныя и разнузданныя выходки: вѣдь и библію изъ-за этого нельзя было бы читать". (Tischreden. изд. 1848 г., т. IV, стр. 592).

Несмотря однако на всѣ старанія Лютера и Меланхтона, приверженцы папы предпочитали предлагать ученикамъ Теренція въ исковерканномъ видѣ. Ихъ рвенію обязаны своимъ появленіемъ такія изданія, какъ вышедшее въ 1605 г. въ Антверпенѣ подъ заглавіемъ „Publii Terentii comoediae sex a mendis denuo omnique obscaenitate in scholarum usum perpurgatae". (Шесть комедій Публія Теренція, снова очищенныя совершенно отъ изъяновъ и всякихъ непристойностей для школьнаго употребленія). Оппозиціонная реформаціи партія съ жадностью хваталась за всякую пьесу, которой надѣялись вытѣснить ненавистнаго Теренція. Такъ, когда

извѣстный филологъ Никодимъ Фришлинъ написалъ въ 1576 г. пьесу „Ревекка“, а въ слѣдующемъ „Сусанну“, городской совѣтъ и бургомейстеръ города Меммингенъ постановили. чтобы впредь ученики читали уже не Теренція, а эти двѣ пьесы Фришлина. Объ этомъ было сообщено автору въ надеждѣ обрадовать его столь лестнымъ для него рѣшеніемъ. Но надежда не сбылась. Фришлинъ не за честь, а за оскорбленіе счелъ замѣну его пьесами пьесъ Теренція: онъ испугался, что и его причислятъ къ той партіи, которая, по выраженію Штрауса, schon damals damit umging, die heinduischen klassiker durch christliche Wechsdbälge zu ersetzen“, Авторъ счелъ себя вынужденнымъ заявить, что свои комедіи онъ написалъ „не для того, чтобы вытѣснить Теренція изъ школъ, а для того, чтобы присоединить свои писанія къ его твореніямъ“.

Среди всѣхъ этихъ попытокъ „пообчистить“ для благочестивыхъ читателей текстъ Теренція, первое мѣсто занимаетъ книга: „Terentius Christianus“ ректора школы въ Гарлемѣ Корнелія Шонеуса, родившагося въ 1541 г. въ Гудѣ. Изъ авторовъ школьныхъ комедій онъ по справедливости можетъ быть признанъ какъ самымъ плодовитымъ, такъ и самымъ способнымъ. До насъ дошло 17 его пьесъ: Товія, Неемія, Саулъ, Іосифъ, Юдифь, Сусанна, Даніилъ, Тріумфъ Христа, Товитъ, Пятидесятница, Ананій, Баптисты, Dyscoli, Pseudostratiotae, Cusae, Vitulus. Авторъ постоянно напоминаетъ, что приступилъ къ сочиненію этихъ пьесъ только потому, что комедіямъ самого Теренція не хватаетъ чистоты — „castitas“. О своемъ предшественникѣ, авторѣ изданія 1605 года „Publii Terentii comoediae sex a mendis denuo omnique abscaenitate in scholarum usum perpurgatae“, Шонеусъ отзывается довольно язвительно: „не такъ давно“, пишетъ онъ въ 1620 г., „появился человѣкъ, который въ порывѣ благочестія, желая сдѣлать комедіи Теренція чистыми, лишилъ ихъ жизненныхъ соковъ, а для того, чтобы онѣ больше уже не могли вернуться къ жизни, онъ измѣнилъ положеніе и полъ дѣйствующихъ лицъ. Заставляя мужа, а не его соперника, играть роль любовника, онъ ввелъ нарушеніе супружеской вѣрности, а подставивъ юношей вмѣсто отроковицъ, онъ превратилъ, самъ того не замѣчая, не совсѣмъ чистаго писателя въ совершенно гнуснаго, такъ что его комедіи никоимъ образомъ нельзя читать въ присутствіи юношей“. Шонеусъ вообще относится критически къ дѣятельности своихъ предшественниковъ. Такъ въ 1559 году школамъ г. Вюртенберга былъ данъ приказъ относительно того, какъ надо понимать слова Миціона въ комедіи Теренція „Братья“. обращенныя имъ къ его суровому брату Демеѣ: „Ни пить, ни волочиться, повѣрь, для молодежи не порокъ, не порокъ и двери выломать, и если бы ты былъ человѣкомъ, и ты бы своему сыну позволялъ продѣлывать все это, пока года позволяютъ“. Вюртенбергскій циркуляръ, перемѣшивая латинскую рѣчь съ родной, предлагалъ, „чтобы учителя in enarratione Terentii [13]) такую pru-

[13]) Излагая Теренція.

dentiam [14]) имѣли, чтобы ясно указывали consilium authoris [15]), что онъ не все ex sua persona [16]) говоритъ, но diversa vitia et ingenia in diversis personis [17]) рисуетъ. Item [18]), такъ какъ Миціонъ говоритъ, non est effringere [19]), то надо показать, что Миціонъ говоритъ эти слова не серьезно". Шонеусъ въ своемъ предисловіи касается этого предусмотрительнаго циркуляра и говоритъ: „во сколько разъ было бы лучше и плодотворнѣе, если бы на спектакляхъ предлагались пьесы изъ священной исторіи: столь наглядны и славны дѣянія святыхъ".

Комедіи Шонеуса пользовались большимъ успѣхомъ, если судить по тому, что его современникъ Греценбрухъ говоритъ, что „весьма многіе мудрѣйшіе и ученѣйшіе мужи не побоялись и не погнушались принести этого Terentius Christianus въ общественныя школы и предлагать его юношеству наряду съ остальными классиками, замѣняя ими древняго Теренція".

На современнаго читателя, приступающаго къ ознакомленію съ этой книгой, прежде всего самымъ отталкивающимъ образомъ дѣйствуетъ та хвастливость и самоувѣренность, съ какими авторъ заявляетъ, что по изяществу стиля, глубинѣ чувствъ, живости дѣйствія, по шуткамъ, столь же изящнымъ, сколь и приличнымъ, и даже по гармоніи стиха его комедіи стоятъ нисколько не ниже оригинала, а своимъ благонравіемъ и благочестіемъ даже значительно его превосходятъ. Онѣ должны ни больше, ни меньше, какъ облагодѣтельствовать цѣлыя государства! „Счастливы будутъ", восклицаетъ онъ, „тѣ государства, гдѣ юношество, изощренное чтеніемъ такого рода литературныхъ произведеній, приступитъ къ совершенію великихъ подвиговъ. Теперь же у весьма многихъ лицъ, стоящихъ во главѣ государственнаго правленія, нѣтъ никакихъ познаній по литературѣ, нѣтъ знакомства ни съ религіей, ни съ добродѣтелью". „Поэтому-то", заключаетъ онъ свое предисловіе, „и желалъ бы я убѣдить учащееся юношество въ одномъ: чтобы оно проводило добрую часть своего времени за чтеніемъ этихъ комедій Теренція-Христіанина, никогда не выпускало бы ихъ изъ рукъ, но куда-бы ни шло, имѣло ихъ при себѣ на груди и не ранѣе предавалось бы покою, какъ изучивъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ".

Послѣ такого предисловія читатель въ правѣ ожидать встрѣчи съ первоклассными литературными произведеніями, изящно задуманными, прекрасно выполненными, гдѣ безупречная мораль соперничаетъ съ эстетически чистой отдѣлкой. А на самомъ дѣлѣ онъ встрѣтитъ „въ двухъ первыхъ частяхъ библейскія сказанія, по большей части прикрашенныя жидкими и подслащенными разсужденіями, а въ третьей части—пьесы свѣтскаго содержанія, которыя, можетъ быть, и были бы хороши, не будь въ нихъ мно-

---

[14]) Мудрость.
[15]) Намѣреніе автора.
[16]) Отъ себя.
[17]) Различные пороки и характеры въ различныхъ образахъ.
[18]) Точно также.
[19]) Выламывать (двери) не есть порокъ.

жества неловкостей и докучливаго повторенія заѣзженныхъ сентенцій и общихъ мѣстъ“ [20]).

Языкъ комедій Шонеуса бойкій, хотя подчасъ и не совсѣмъ складный, но все дѣло портитъ его страсть вставлять ни къ селу, ни къ городу всѣмъ давнымъ давно извѣстныя пословицы и прибаутки, которыя только ослабляютъ впечатлѣніе, повторяясь много разъ безъ всякихъ перемѣнъ.

Эстетическія требованія нарушаетъ описаніе отвратительной болѣзни Наамана. Уже раньше мы видѣли, какъ неудачны были попытки исправить пьесы Теренція въ отношеніи нравственности. Роковымъ образомъ тѣ самыя пьесы, которыя должны были служить для юношества замѣной вредныхъ комедій Теренція, заключали въ себѣ такія непристойности, на какія у Теренція нѣтъ и намека. То же самое случилось и съ Шонеусомъ: онъ писалъ свои комедіи только потому, что не находилъ у Теренція достаточной castitas, а самъ рисовалъ такія сцены, въ сравненіи съ которыми пьесы Теренція кажутся произведеніемъ невиннаго младенца. Даже самая чистая пьеса, „Юдифь“, и та не свободна отъ такихъ описаній. У языческаго писателя нѣтъ и тѣни тѣхъ разговоровъ, какими въ этой пьесѣ обмѣниваются стражи у палатки Олоферна, пускаясь въ предположенія о томъ, что въ это время тамъ происходитъ между прекрасной іудейкой и довѣрчивымъ полководцемъ царя ассирійскаго.

И такъ широковѣщательныя обѣщанія Шонеуса остались невыполненными: онъ грѣшилъ какъ разъ тѣмъ же, за что осуждалъ своихъ предшественниковъ.

Здравомыслящая часть тогдашняго общества, несмотря на все увлеченіе современниковъ книгой Шонеуса, увидала всю неудачу и безплодность его попытокъ. Выразителемъ ея взглядовъ явился извѣстный ученый Морхофъ, который писалъ: „есть люди, желающіе вырвать изъ рукъ юношества комедіи Теренція, книгу превосходнѣйшую, а взамѣнъ ея подсовываютъ какого-то Теренція-христіанина. Ихъ надо отвергнуть вмѣстѣ съ ихъ проектомъ: Теренцій достаточно чистъ, а если ему и случается сказать что-нибудь посвободнѣе для обрисовки характеровъ дѣйствующихъ лицъ, то для юношества весьма благотворно знакомство и съ такими типами“.

Такимъ искреннимъ защитникамъ удалось отстоять права Теренція на вниманіе школьной молодежи, и его комедіи вплоть до нашихъ дней продолжаютъ въ Германіи быть учебной книгой.

Не слѣдуетъ думать, что къ комедіямъ Теренція обращались во дни только такихъ спектаклей, когда устроители ихъ преслѣдовали чисто педагогическія цѣли. Эти школьныя спектакли оказали громадное вліяніе на всю исторію германской драмы [21]). Этимъ и объясняется большое число переводовъ пьесъ Теренція. Ихъ рядъ открывается переводомъ комедіи „Эвнухъ“ Ганса Нютардта въ 1486, а черезъ 13 лѣтъ появился переводъ уже всѣхъ

[20]) Francke p. 76.
[21]) Kurz I стр. 715. Н. Тихонравовъ. Полное собр. соч. II. стр. 120.

6 комедій, принадлежащій неизвѣстному автору. Такіе переводы до 1625 г. появлялись 6 разъ. Особенно понравился читающей публикѣ переводъ комедіи „Евнухъ“ и „Дѣвушка съ Андроса“ Гейнриха Гана, вышедшій въ Лейпцигѣ въ 1535 году и выдержавшій три изданія въ небольшой промежутокъ времени. Въ числѣ переводчиковъ комедій Теренція былъ и знаменитый нюренбергскій поэтъ Гансъ Саксъ. И онъ перевелъ комедію „Евнухъ“. При этомъ композиція античнаго оригинала не осталась безъ вліянія на его собственныя пьесы. Такъ, напримѣръ, „Печальная трагедія о Лизаветѣ, купеческой дочери, въ 5-ти актахъ“, начинается слѣдующимъ прологомъ, который произноситъ Ehrenhold: „Да благословитъ васъ всѣхъ Господь! Мы пришли къ вамъ съ тѣмъ, чтобы сыграть передъ вами трагедію, продекламировавъ ее на нѣмецкомъ языкѣ,—печальную исторію про любовь, какъ одинъ купецъ, который давно уже умеръ въ Мессинѣ, нажилъ себѣ большой капиталъ и трехъ сыновей, и еще одну дочь, нѣжную и прекрасную, которою легко овладѣлъ слуга ея братьевъ, благодаря продажности ея служанки. А что дальше было съ ея любовью, объ этомъ вы все сами доподлинно услышите. Но только сидѣть тихо! Вотъ идутъ всѣ три брата! Слушайте, о чемъ они совѣтуются“.

Такой прологъ могъ выйти только изъ-подъ пера человѣка, хорошо вчитавшагося въ остатки античной комедіи.

Было бы утомительно указывать здѣсь всѣ примѣры вліянія Теренція на германскую драму [22]). Оно продолжаетъ сказываться вплоть до самаго послѣдняго времени, когда фонъ-Винтерфельдтъ написалъ своего „Winkelschreiber“, явно подражая Теренціевому „Форміону“.

Заслуживаютъ упоминанія только два спектакля. Это, во-первыхъ, спектакль 28 іюля 1767 г. на сценѣ Гомбургскаго театра, когда какой-то жалкій писака, прикрывшійся псевдонимомъ Romanus, поставилъ на сценѣ своихъ Brüder, передѣлку „Братьевъ“ римскаго комика. Несмотря на все уродство этой передѣлки, мы должны быть благодарны ея автору; она вызвала рядъ превосходныхъ главъ въ „Hamburgische Dramaturgie“ Лессинга, представляющихъ единственный въ своемъ родѣ психологическій анализъ комедіи „Adelphoe“, къ прискорбію, забытый послѣдующими учеными [23]).

Второй спектакль, о которомъ слѣдуетъ упомянуть, состоялся 24 октября 1801 года на сценѣ Веймарскаго театра въ директорство Гете. Въ этотъ день давали „Братьевъ“ Теренція въ обработкѣ Einsidel'я. Знаменитъ этотъ спектакль тѣмъ, что это единственный, извѣстный въ исторіи театра случай, когда современные актеры выступали замаскированными на античный манеръ. Этотъ пріемъ погубилъ весь спектакль, неимѣвшій никакого успѣха [24]). Наряду съ такой заботливостью объ археологическомъ сохраненіи античнаго колорита древній Римъ былъ представ-

[22]) Peucor. Lewalds Theater revue 1835 p. 1895 q.
[23]) Hamburgische Dramaturgie. Stück 96—100.

лёнъ современной улицей и у двери античнаго дома мирно висѣли пудреные парики [25]). Времена Кронека тогда были еще впереди, и публика не смущалась такими анахронизмами.

VI.

Кругъ вліянія комедій Теренція не ограничивается одной только Германіей: оно было велико и въ остальныхъ земляхъ.

Обращаясь къ Италіи, мы прежде всего видимъ, что дѣятели перваго вѣка Возрожденія усиленно занимались Теренціемъ, котораго они ставили на ряду съ такими общепризнанными кумирами ренессанса, какъ Цицеронъ [26]) и Виргилій. Боккачіо такъ дорожилъ исправностью текста комедій Теренція, что не довѣрялъ ихъ переписку какому-нибудь писцу, а предпочелъ переписать собственноручно всѣ 6 комедій римскаго комика. И Филельфо, составляя программу своихъ лекцій въ высшей школѣ Флоренціи, почетное мѣсто отводитъ толкованію комедій Теренція [27]). Поэтому нисколько не удивительно, если въ 1499 году при дворѣ феррарскаго герцога Геркулеса II изъ семейства Эсте былъ поставленъ „Евнухъ" Теренція [28]). Въ началѣ слѣдующаго вѣка Никколо Маккіавелли перевелъ „Andria" римскаго комика [29]). 13 іюня 1536 г. происходило бракосочетаніе герцога Алессандро де Медичи и Маргариты Австрійской. Во время брачныхъ торжествъ была поставлена комедія Aridosio, спеціально для этого написанная двоюроднымъ братомъ жениха двадцатидвухъ-лѣтнимъ Лоренцино ди Пьеръ-Франческо де Медичи. Въ основу этой комедіи, являющейся одной изъ лучшихъ итальянскихъ комедій XVI вѣка, положена Плавтовская „Aulularia", но авторъ искусно воспользовался также и нѣкоторыми положеніями изъ „Adelphoe" Теренція. „Ariodsio"— это плавтовскій скупецъ, Эвкліонъ. Его братъ Маркантаніо, добрый старикъ, понимающій страсти юношества; не имѣя дѣтей, онъ усыновилъ сына Аридозіо—Эрминіо, даетъ ему большую свободу во всемъ и только косится на его связь съ Фіаметтой, которая, будучи обречена на безбрачіе, живетъ въ монастырѣ. Другой сынъ скупого—Тиберіо, любитъ Ливію, рабыню нѣкоего Руффо, который ее ему и уступаетъ за опредѣленную сумму денегъ. Наконецъ въ дочь Аридозіо, Кассандру, влюбленъ Чезаре, отецъ котораго не соглашается на бракъ, если не получитъ въ приданное за невѣсткой 1000 скудій. Скупецъ является изъ деревни во Флоренцію, и его слуга Лючидо увѣряетъ его, что его домъ, гдѣ скрылся со своей возлюбленной Тиберіо, посѣщаютъ духи— здѣсь авторъ ловко воспользовался тѣмъ матеріаломъ, который

---

[24]) E. Devrient. Gesch. d. deutschen Schauspielkunst. III p. 263. Б. В. Варнеке. „Театръ и Искусство" 1900 г., № 26.

[25]) Ibid. 397.

[26]) Th. Zielinski. Cicero im Wandel der Jahrhunderte. Leipzig 1897. стр. 25 sg.

[27]) G. Voigt. Opeix. p. 107, 180.

[28]) Tiraboschi. Storia dell'lit. Ital. 10 § 32, стр. 876.

[29]) Гаспари. Ист. ит. лат. II стр. 536.

ему давала Mostellaria Плавта. Поэтому старикъ прячетъ свой кошелекъ подъ камни мостовой, но Чезаре это замѣчаетъ, опустошаетъ кошелекъ и кладетъ его обратно, замѣнивъ деньги камнями. Происходитъ много комическихъ сценъ, когда Аридозіо сторожитъ свой кладъ, трясясь за богатство, отъ котораго уже ничего не осталось. Малѣйшій шорохъ повергаетъ его въ ужасъ, каждое слово внушаетъ ему подозрѣніе. Лючидо призываетъ священника заклинать духовъ, и святой отецъ серьезнѣйшимъ образомъ ведетъ переговоры со злыми духами, заклиная ихъ... стихами изъ Овидіевыхъ „Heroides", а духи отвѣчаютъ ему голосомъ Лючидо. Они не прочь удалиться, только имъ за это нужно кольцо Аридозіо, а когда тотъ наконецъ раскрываетъ свой завѣтный кошелекъ, то вмѣсто денегъ находитъ камни. Но тутъ на выручку скупцу, а въ то же время и автору, является изъ Тортоны отецъ Ливіи, Альфонсо, и выдаетъ свою дочь за Тиберіо съ приданымъ въ 6000 скудій. Нѣжный братъ уступаетъ тысячу сестрѣ, и та можетъ выйти за своего Чезаре. Въ это время съ Фіаметтой въ монастырѣ происходитъ нѣчто такое, что заставляетъ святыхъ сестеръ всячески способствовать ея браку съ Эрминіо. Чезаре отдаетъ Аридозіо его деньги, и скупецъ соглашается на бракъ, но и тутъ онъ уже высказываетъ тѣ черты, которыя впослѣдствіи такъ ярко обрисовались на Мольеровскомъ Гарпагонѣ: онъ пересчитываетъ деньги, требуетъ отъ брата письменнаго удостовѣренія и въ концѣ-концовъ на него же взваливаетъ всѣ расходы по свадьбѣ, которая для него оказалась столь выгодной [30]). Вся эта любовная интрига и типы обоихъ стариковъ навѣяны Теренціемъ, только характеръ одного изъ братьевъ дорисованъ плавтовскими красками.

Пьетро Аретино для своей комедіи Talanta, поставленной въ 1542 году, пользуется опять таки „Эвнухомъ" Теренція [31]). Теренціевская Таида превращается въ куртизанку Таланту. Венеціанецъ Верголо ей даритъ молодого сарацина, а хвастливый капитанъ Танка—Теренціевскій Тразонъ—даритъ ей рабыню. Сарацинъ и рабыня оказываются братомъ и сестрой. Они переряживаются—она въ мужской, а онъ въ женскій костюмъ—и сочетаются бракомъ съ сыномъ Верголо и дочерью Танки. Появляются на сцену ихъ отецъ—старикъ Бландо съ третьимъ близнецомъ—дочерью Ореттой, и только послѣ многихъ превратностей оба героя, соединенные такой тѣсной, кровной связью, а когда-то похищенные турками, узнаютъ другъ друга. Таланту ждетъ счастье. Оба старика не имѣютъ къ ней больше претензій, и ея возлюбленный Орфиніо, на время ею отвергнутый, снова получаетъ ея благосклонность, за что лишается разныхъ драгоцѣнныхъ вещей [32]).

Почти въ то же самое время Бенедетто Варки посвятилъ герцогу Косимо Медичи свою комедію Suocera. Эта пьеса, стольже моральна, сколь скучна и растянута. Въ сущности это не что

---

[30]) Гаспари. II стр., 538 сл.
[31]) Гаспари. II 539.
[32]) Гаспари. II 542.

иное, какъ Hecyra Теренція, искаженная нелѣпыми вставками. Варки не понялъ, что мотивы, на которыхъ построена интрига у Теренція, нелѣпы и безсмысленны въ современномъ ему обществѣ, но онъ и не старается устранить эту неестественность [33]).

Такіе литературные пріемы не могли не встрѣтить протеста, и онъ раздался со стороны знаменитаго Антона Франческо Грацинио, по прозвищу Ласка, основателя Academia Fiorentina. Это былъ аптекарь, не знавшій ни латинскаго, ни греческаго языка, онъ издѣвался надъ исключительнымъ преклоненіемъ передъ древними, ставилъ Данте и Петрарку выше Вергилія и Горація, Гомера и Пиндара. [34]) И вотъ въ 1550 г. онъ поставилъ въ Palazzo Vecchio свою комедію La Gelosia; въ прологѣ къ ней онъ смѣется надъ тѣми, которые дѣйствіе комедіи относятъ къ современности, мѣстомъ дѣйствія выбираютъ города Новой Европы, а между тѣмъ вводятъ старые обычаи, давнымъ давно отжившіе нравы, извиняясь тѣмъ, что такъ поступали Плавтъ, Теренцій и Менандръ. Ужъ если нѣтъ способностей что-нибудь самому выдумать, то лучше, совѣтуетъ Грацини, попросту переводить, а не коверкать свое и чужое, сшитовывая все вмѣстѣ. Но совѣты его услышаны были не скоро, и какъ разъ въ томъ же 1550 году Джіованмарія Чекки написалъ комедію Moglie, не особенно-то удачно склеивъ Andria Теренція съ Менэхмами Плавта [35]).

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы показать значеніе Теренція для новой италіянской комедіи. По словамъ А. Н. Веселовскаго, „возстановленіе вкуса къ литературамъ классическимъ повліяло на первые же серьезные опыты созданія италіянской драмы. Комедіи Плавта, Теренція были передъ глазами первыхъ италіянскихъ комиковъ, у нихъ заимствовали они до мельчайшихъ подробностей всѣ пріемы, предметы насмѣшекъ, планъ и развитіе интриги. Первоначально только въ тѣсныхъ границахъ такого подражанія вращалась дѣятельность италіянскихъ драматурговъ. Подражаніе и переводы классическихъ пьесъ составляли усладу придворной жизни, любимое развлеченіе знати, герцоговъ и папы“ [36]).

Такое же благотворное вліяніе имѣли комедіи Теренція и на испанскую драму. Въ 1577 г. Педро Симонъ де-Абриль перевелъ всѣ его пьесы въ надеждѣ увидѣть ихъ на сценѣ и тѣмъ способствовать преобразованію родного театра [37]). Но его желаніе осуществилось не скоро. Такъ еще Лопе де-Вега жалуется на то, что публика предпочитаетъ здравымъ пьесамъ Теренція дикіе вымыслы разнузданной фантазіи. „Я засталъ“, говоритъ онъ, „испанскую комедію не такой, какой ее задумали ея основатели, но увидалъ въ ней порожденіе неразвитыхъ умовъ, которые представляютъ публикѣ всѣ выдуманныя ими причудливыя странности. Эти комедіи пользовались такимъ успѣхомъ, что всякому, кто

[33]) Гаспари 556.
[34]) Гаспари II 473.
[35]) Гаспари II 561.
[36]) Стар. театръ стр. 149.
[37]) Klein. Gesch d. Drama IX стр. 126,185.

вздумалъ бы писать сообразно всѣмъ законамъ искусства, пришлось бы умирать съ голода. Я пробовалъ писать комедіи, сообразуясь съ извѣстными принципами, но когда видѣлъ, что ихъ чудовищныя произведенія, написанныя только для внѣшняго успѣха, привлекали изумленную толпу, я возвращался къ варварскимъ обычаямъ, запиралъ на ключъ всѣ принципы и отгонялъ отъ себя Плавта и Теренція". [38])

То же самое видимъ мы и въ Англіи: тамъ еще при Генрихѣ VIII и при королевѣ Елизаветѣ между другими античными пьесами исполнялись и комедіи Теренція, оказавшія, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, свое вліяніе на характеръ литературной дѣятельности Шекспира. [39]).

Насколько сильно было увлеченіе французскихъ литераторовъ Теренціемъ, лучше всего видно изъ слѣдующаго факта. Знаменитый дѣятель Hôtel de-Rambouillet — поэтъ Menage, тотъ самый, который послужилъ Мольеру портретомъ для его Vadius'a изъ Femmes Savantes — въ теченіе 10 лѣтъ написалъ въ сотрудничествѣ съ аббатомъ Обиньякъ нѣсколько увѣсистыхъ томовъ, и все это только для того, чтобы выяснить сколько часовъ занимаетъ дѣйствіе комедіи Теренція — Hautontimorumenos [40]). Все это показываетъ, что Теренцій былъ хорошо знакомъ съ французами XVII вѣка, знакомство это не могло не отразиться на творчествѣ и величайшаго писателя вѣка Людовика XIV — Мольера. По выраженію лучшаго знатока Мольера, А. Н. Веселовскаго, хотя въ первыхъ опытахъ Мольера слогъ уже начинаетъ вырабатываться, чутье къ оригинальности пробуждается, но страсть къ заурядной характеристикѣ все прежняя. Нѣсколько ходячихъ типовъ: педантъ, невѣжда, — докторъ, сутяга, хвастливый воинъ, безсмѣнно проходятъ по самымъ разнообразнымъ пьесамъ и хранятъ традиціи, идущія отъ Теренція. [41]) Такъ въ его пьесѣ L'école des maris противоположные характеры братьевъ Сганареля и Ариста навѣяны все тѣми же Adelphoe Теренція. [42]) При этомъ Мольеръ влагаетъ иногда въ уста своихъ героевъ цѣлыя фразы, дословно взятыя изъ римскаго оригинала. Къ подражанію Теренцію Мольеръ прибѣгалъ и въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, что и сказалось въ его Le dépit d'amoureux. [43]) Въ 1671 году онъ написалъ очень бойкій фарсъ Les fourberies de Scapin, представляющій обработку Теренціевскаго Phormio. Обработка эта, правда, очень свободна: здѣсь въ сравненіи съ подлинникомъ слишкомъ много балаганныхъ пріемовъ, и недаромъ Буало, имѣя въ виду какъ разъ эту пьесу, сказалъ въ своей L'art poétique про Мольера, что онъ sans honte à Terence allie Taborin, знаменитаго буффона начала 12 вѣка [44]). Ближайшіе изслѣдователи Мольера, желая со-

---

[38]) Веселовскій стр. 116.
[39]) Gerwinus. Shakespeare I стр. 99.
[40]) E. Mennechet. Matinées. litt. II p. 200.
[41]) Этюды о Мольерѣ II.
[42]) Terence. Adelphoe par Benoist. pp. 92—96.
[43]) Веселовскій. Этюды и характеристики, ср. 108.
[44]) C. H. Hambert. Le Phormio de Ter. et les Four. de Scapin. Elberfeld 1889 г. Mennechet p. 393.

поставить его пьесы съ комедіями античнаго міра, выбрали для этого сравненія не кого иного, какъ Теренція. Такъ поступилъ между прочимъ Фенелонъ въ своемъ знаменитомъ этюдѣ о языкѣ Мольера, гдѣ отдается безусловное предпочтеніе стилю римскаго комика.[45]) Въ 17 вѣкѣ знаменитый Лафонтенъ передалъ для французской сцены Теренціевскаго „Эвнуха", сдѣлавъ по собственному признанію „médiocre copie d'un original excellent" (посредственную копію превосходнаго оригинала). Эта слабая пьеса, написанная въ 1654 г., навѣрно, никогда не видала свѣта рампы. Въ 1691 г. на сценѣ Comédie Française была поставлена комедія Brueys и Palaprat „Muet", представляющая передѣлку все той же комедіи „Эвнухъ". Въ послѣдній разъ къ ней обратился Michel Carré въ пьесѣ, поставленной въ 1845 г. на сценѣ Одеона. Эта передѣлка больше остальныхъ удерживаетъ колоритъ подлинника.[46])

Мы видимъ, что и новой Европѣ Теренцій далъ не мало, во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ взялъ отъ грековъ, и въ этомъ состоитъ громадное историческое значеніе его комедій, отразившихся на драмѣ почти всѣхъ европейскихъ народовъ. Повсюду мы видимъ одно и то же: сначала его пьесы ставятся въ подлинникѣ, встрѣчая вездѣ радушный пріемъ; затѣмъ переводятся на мѣстные языки, причемъ переводчики всегда хотятъ этимъ способствовать усовершенствованію своей родной драмы. Античные типы мало по малу пересоздаются сообразно съ мѣстными культурными условіями, становятся близкими, родными новой Европѣ и продолжаютъ жить въ ея оригинальныхъ произведеніяхъ, все болѣе и болѣе развивая и создавая новые типы.

Мы слишкомъ долго блуждали по чужимъ краямъ: пора вернуться намъ на родину и посмотрѣть, не найдемъ ли мы и здѣсь чего нибудь. Въ 16 и 17 вѣкахъ мы не найдемъ ничего, но зато въ 1705 году, въ Кіевской академіи знаменитый впослѣдствіи Ѳеофанъ Прокоповичъ читалъ курсъ піитики. Въ основу лекцій были положены сочиненія „ученаго" іезуита Понтана и praelusiones rhetoricae Фаміана Страды и, по всей вѣроятности, это они надоумѣли Ѳеофана преподать „Россійскимъ господамъ Мольерамъ" слѣдующее наставленіе [47]): „кто хочетъ писать комедію, пусть тотъ подражаетъ Теренцію".

Б. Варнеке.

[45]) Fénélon, Lettres sur les occupatoins de l'académie française: см. F. Brunetier. La langue de Molière. Revue de deux Mondes. 1898. 15 decembre p. 823

[46]) P. Terenti Eunuchus par. Th. Fabia p. 72.

[47]) Н. С. Тихонравовъ полн. собр. соч. II 126.

ЗА ВСЕМІРНОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(*Продолженіе* [1]).

XXXIII.

Въ Сиріи въ это время находились другіе римскіе легіоны подъ начальствомъ Скавра, Лоллія и Метелла. Они посланы были туда въ виду волненій, потрясавшихъ Іудею и Сирію вслѣдствіе распрей изъ-за іерусалимскаго престола двухъ сыновей, скончавшагося царя Іудеи, Александра,— братьевъ Аристовула и Гиркана. Послѣдній призвалъ къ себѣ на помощь изъ каменистой Аравіи царя Арета съ сильнымъ войскомъ [2]).

Пока Аристовулъ и Гирканъ боролись въ Іудеѣ, римляне успѣли взять Дамаскъ, а Скавръ съ другимъ легіономъ поспѣшилъ въ Іудею.

Но на дорогѣ къ нему явилось посольство отъ враждовавшихъ братьевъ. Послы Аристовула умоляли Скавра оказать поддержку ихъ господину, за что обѣщали ему взятку-подкупъ въ размѣрѣ четырехсотъ талантовъ. Послы Гиркана обѣщали такую-же сумму.

„Но,—говоритъ Іосифъ Флавій,—Скавръ склонился на сторону Аристовула, потому что этотъ былъ и богаче и великодушнѣе и менѣе требователенъ, тогда какъ Гирканъ былъ бѣденъ и скупъ, и требовалъ за свое неопредѣленное обѣщаніе гораздо большого. Въ силу этихъ соображеній онъ склонился на сторону Аристовула, получилъ съ него деньги, и освободилъ его отъ осады, при чемъ повелѣлъ Арету удалиться, иначе онъ будетъ объявленъ врагомъ римлянъ".

---

[1]) См. кн. № 9.

[2]) Іосифа Флавія «Іудейскія древности», кн. XIV, гл. I, 1—4; гл. II, 3.

Наконецъ, прибылъ въ Сирію и Помпей. Стоустая молва разнесла вѣсти о его побѣдахъ по всей Сиріи, Іудеи и Египту. Отовсюду стали являться къ нему посольства съ дарами. Аристовулъ прислалъ дорогой подарокъ—золотой виноградникъ, цѣною въ пятьсотъ талантовъ, о чемъ кромѣ Іосифа Флавія упоминаетъ и Страбонъ, говоря, что мастерское произведеніе это художники назвали «Усладиць».

Это подношеніе и мы видѣли въ Римѣ,—говоритъ Іосифъ Флавій,—выставленнымъ въ святилищѣ Юпитера Капитолійскаго съ надписью: «Принадлежалъ Александру, царю іудейскому».

Изъ Египта посольства прибыли съ золотымъ вѣнцомъ, стоимостью въ четыре тысячи золотыхъ монетъ.

Немного спустя—опять посольства: отъ Гиркана—Антипатръ, отъ Аристовула—Никодимъ.

— Мой повелитель, говорилъ послѣдній Помпею, приказалъ доложить тебѣ, вождь державнаго Рима, что предшественники твои, и Габиній, и Скавръ запятнали римскую честь взяточничествомъ: первый взялъ триста, послѣдній—четыреста талантовъ.

— Твое заявленіе, посолъ претендента на іудейскую тетрархію, я не оставлю безъ разслѣдованія, сказалъ Помпей.—Передай это пославшему тебя. А взаимныя претензіи Гиркана и Аристовула я разберу послѣ, когда они лично явятся ко мнѣ.

И наклоненіемъ головы онъ далъ знать, что аудіенція кончена.

Зима этого года—63-го до христіанской эры—близилась къ концу, и съ наступленіемъ весеннихъ дней Помпей вывелъ свои войска изъ зимнихъ стоянокъ, и двинулся въ область Дамаска.

Дни стояли чудные. Лучи пламеннаго сирійскаго солнца еще не жгли, какъ знойнымъ лѣтомъ, а только ласкали. Легіоны Помпея, отдохнувъ за зиму, смотрѣли бодро, весело. Роскошная природа радовала взоры.

— Какъ милостивы боги къ этой странѣ, говорилъ старый мечтатель Ауфидій, хотя обитатели ея и не признаютъ ихъ.

Разговоръ шелъ въ обозѣ съ начальникомъ обоза, старымъ Корвусомъ.

— Какъ не признаютъ боговъ! удивился послѣдній.— Возможно-ли!

— Да, у нихъ свои боги, не наши, а туда, дальше,

тамошніе народы—самаряне, галилеяне и іудеи—такъ эти выдумали себѣ бога, у котораго совсѣмъ нѣтъ имени, или они боятся называть его... Впрочемъ въ какой-то книгѣ я читалъ, что его зовутъ Адонай.

— Такъ, такъ,—обрадовался Корвусъ,—отъ тѣхъ воиновъ —іудеевъ, что находились въ легіонѣ Кая Ригора и бѣжали изъ Лаодицеи, чтобы не сражаться противъ соотечественниковъ; я слышалъ имя Адонай.

— Ахъ, да, перебилъ Корвуса Ауфидія,—это тѣ, что, при видѣ снѣжной горы недалеко отъ Артаксаты, упали на колѣни и громко привѣтствовали эту гору... Помню, помню... Послѣ я ихъ спрашивалъ, что это значитъ. Такъ они разсказали мнѣ какую-то сказку, которой они слѣпо вѣрили, будто давно-давно когда-то боги послали на землю всемірный потопъ, а какому-то Ною предварительно сказали, чтобъ онъ построилъ огромный корабль, и посадилъ туда съ собой свое семейство и по парѣ и семи паръ всѣхъ животныхъ на разводъ... И вотъ когда потопъ истребилъ всѣхъ людей и животныхъ на землѣ, этотъ Ной, будто бы, остановился съ своимъ кораблемъ на этой горѣ, которую они называли Араратъ, и когда вода съ земли сошла въ моря, то Ной самъ вышелъ изъ корабля съ семьей, и выпустилъ оттуда всѣхъ животныхъ.

— И львовъ? съ удивленіемъ спросилъ наивный Корвусъ.

— Конечно, и львовъ.

— Какъ-же они его не съѣли?

— Говорю тебѣ, что это сказка... Они, вѣрно, смѣшали о Девкаліонѣ, и спутали—и вышла сказка.

— О какомъ Девкаліонѣ? спросилъ Корвусъ...—Вѣдь насъ въ казармахъ, кромѣ воинскихъ упражненій, ничему не учили.

— Видишь-ли, другъ мой, въ незапамятныя времена жилъ нѣкто Девкаліонъ, сынъ Прометея и мужъ Пирры. Они были люди благочестивые, и боги, разгнѣванные на нечестіе людей, послали на землю всемірный потопъ, чтобъ истребить всѣхъ людей, а Девкаліона и Пирру за ихъ благочестіе пощадили. Такъ вотъ, когда кончился потопъ, Девкаліонъ и Пирра пошли по землѣ, и, по наущенію боговъ, бросали черезъ себя камни, и камни эти превращались въ людей.

— Ну, это я понимаю, согласился Корвусъ;—для боговъ все возможно... А то въ одномъ кораблѣ со львами, тиграми, слонами... Ясно, что сказка... Такъ вотъ отъ этихъ бѣжавшихъ іудеевъ я и слышалъ слово Адонай.

Между тѣмъ легіоны двигались все болѣе на югъ, къ Дамаску.

По дорогѣ, говоритъ Іосифъ Флавій. Помпей разрушилъ крѣпость Апамею, которую укрѣпилъ кизикіецъ Антіохъ, и разгромилъ владѣнія Птолемея Меннея, гнуснаго человѣка, который былъ нисколько не лучше своего родственника, обезглавленнаго Діонисія изъ Триполиса. самъ-же за свои злодѣянія онъ избѣгъ кары цѣною 10,000 талантовъ, которыми Помпей и выплатилъ жалованье своимъ солдатамъ. Послѣ этого Помпей овладѣлъ Лисіадою, гдѣ властвовалъ іудей Силасъ. Затѣмъ онъ прошелъ черезъ города Геліополь и Халкиду, и, перейдя черезъ хребетъ, пересѣкающій Келесирію, черезъ Пеллу достигъ снова Домаска [1]).

Тутъ къ грозному вождю Рима явились Тигранъ и Аристовулъ.

Свиту послѣдняго, — говоритъ тотъ-же Іосифъ Флавій, составляли молодые франты, которыхъ пурпуровыя одежды, головныя прически, запястья и прочія украшенія вызывали насмѣшки, такъ какъ эти щеголи явились сюда какъ будто не на судъ, а на какой-то парадъ.

Но прежде враждующихъ за престолъ братьевъ явилась къ Помпею депутація отъ народа, которую полководецъ Рима принялъ ласково.

— Вся Іудея и Самарія возмущены поведеніемъ сыновей Александра,—говорилъ почтенный сѣдой левитъ,—и не желаютъ подчиняться ни Гиркану, ни Аристовулу. Въ нашей странѣ испоконъ вѣковъ существуетъ обычай, въ силу котораго іудеи обязаны подчиняться лишь священнослужителямъ, почитаемаго нами Бога. А между тѣмъ, хотя Гирканъ и Аристовулъ и потомки священниковъ, однако они стараются ввести у насъ другую форму правленія, чтобъ поработить себѣ народъ.

Эта рѣчь, обнаруживная смуту въ странѣ, отвѣчала тайнымъ замысламъ римлянина.

— Divide et impera, думалъ онъ, слушая рѣчь депутаціи,—и я раздѣлю ихъ, и покорю Риму.

Милостиво отпустивъ депутацію и обѣщавъ войти въ положеніе страны, Помпей приказалъ пригласить враждующихъ братьевъ.

Когда они подошли къ лѣстницѣ преторіи, окруженные и сопровождаемые тысячами наиболѣе знатныхъ іудеевъ, Помпей вышелъ къ нимъ, сопровождаемый ликторами и ихъ служеб-

[1]) Іудейс. древности, кн. XIV, гл. III, 2.

ными знаками—пучками палокъ и выступавшими изъ нихъ блестящими сѣкирами.

Въ тысячной толпѣ воцарилось гробовое молчаніе. Да и было отчего! Всѣ знали, что въ безчисленномъ обозѣ этого страшнаго римлянина слѣдуютъ плѣнные цари невиданныхъ народовъ, какія-то удивительныя дѣвы—амазонки, плѣнныя царскія дѣти скиѳовъ и сарматовъ, какіе-то странные люди въ блестящихъ панцыряхъ изъ конскихъ копытъ и несмѣтныя сокровища, добытыя мечемъ этого ужаснаго римлянина.

— Слово принадлежитъ старшему брату, прозвучалъ съ высоты металлическій голосъ.

Впередъ выступилъ Гирканъ.

— Великій мужъ державнаго Рима! началъ онъ робко. Передъ твоимъ лицомъ и предъ всѣмъ іудейскимъ народомъ я обвиняю моего младшаго брата въ томъ, что, хотя я и старше его, однако я лишенъ Аристовуломъ права первородства и владѣю небольшою частью страны, тогда какъ всю остальную силою захватилъ Аристовулъ. Аристовулъ-же совершаетъ постоянные набѣги на пограничныхъ сосѣдей, а также занимается морскими разбоями, какъ пиратъ. Народъ іудейскій никогда не думалъ-бы возстать противъ него, еслибы онъ не былъ такимъ своевольнымъ и безпокойнымъ человѣкомъ.

— Правда! правда! правда! великій мужъ державнаго Рима!—завопила тысячная толпа, волнуясь и жестикулируя.

Помпей махнулъ рукой, и все смолкло.

Выступилъ впередъ Аристовулъ. Въ его лицѣ, во взорѣ, въ движеніяхъ сказывался пламенный темпераментъ потомка Маккавеевъ. Рѣчь его, собственно тонъ ея и жестикуляція были рѣзки.

— Вождь Рима! началъ онъ, — виною потери власти моего брата—его характеръ, его бездѣятельность и, вслѣдствіе этого—отсутствіе авторитетности. Я по необходимости вынужденъ былъ взять власть въ свои руки изъ опасенія, какъ-бы не утратить ее совсѣмъ. А теперь я управляю совершенно такъ-же и на томъ-же основаніи, какъ нѣкогда управлялъ мой отецъ, Александръ. Это-ли моя вина!

— Это не вина! Это подвигъ! — подхватили «молодые франты», вызвавъ смѣхъ у сторонниковъ Гиркана.

Помпей нетерпѣливо махнулъ рукой, и опять все смолкло.

— Фактъ насилія, совершеннаго Аристовуломъ—на лицо,—сказалъ онъ въ сторону приверженцевъ Гиркана.—Но я лично

явлюсь въ вашу страну, и данною мнѣ сенатомъ и народомъ римскимъ властью положу окончательное рѣшеніе. Удалитесь-же съ миромъ и ждите меня:—я скоро буду. Только соблюдайте спокойствіе.

Съ этими словами онъ удалился въ преторію.

XXXIV.

За нѣсколько недѣль до 179-ой олимпіады, въ консульство Гая Антонія и Марка Туллія Цицерона, войско Помпея расположилось около Іерихона, въ долинѣ Іордана, занимая собою десятки верстъ въ окружности, отъ береговъ Іордана и Мертваго или Асфальтоваго моря вплоть до источника пророка Елисея.

Станъ Помпея представлялъ неописуемое зрѣлище. Сотни разбитыхъ палатокъ, осѣняемыхъ стройными финиковыми пальмами, сотни колесницъ и возовъ, составлявшихъ обозъ римлянъ, стада воловъ, перевозившихъ на себѣ этотъ обозъ и стѣнобитныя, страшно тяжелыя орудія, доставленныя сюда изъ самаго Тира, особые шатры для плѣнныхъ амазонокъ, для Тиграна Артаксы съ юною супругою, тоже бывшею амазонкой, шатры для плѣнныхъ царевичей Иверіи, трехъ военноначальниковъ иберовъ, двухъ вождей албанцевъ, шатры для скиѳскихъ и сарматскихъ царевичей и скиѳскихъ женщинъ царской крови,—нестройный гулъ, волнами носившійся надъ станомъ, ржаніе боевыхъ коней Помпея, легатовъ, квесторовъ и центуріоновъ, — все это, подавляя воображеніе неуловимо для описанія.

На берегу Іордана, въ тѣни олеандровыхъ гигантскихъ деревьевъ, расположилась группа плѣнныхъ. Это были амазонки. Въ другой группѣ, ниже по теченію Іордана, сидѣли въ тѣни іерихонскихъ густолиственныхъ ивъ плѣнные царевичи иберовъ и ихъ вожди съ вождями албанцевъ. Еще ниже, не взирая на пламенное іудейское солнце, виднѣлась маленькая группа плѣнныхъ знатныхъ скиѳовъ и сарматовъ съ ихъ женщинами царской крови.

Издали доносились возгласы и смѣхъ купавшихся въ Іорданѣ римскихъ солдатъ.

— О, вѣчные боги! куда занесла насъ немилостивая судьба!—тихо говорила одна амазонка, глядя на виснѣвшія за Мертвымъ моремъ мрачныя Моавитскія горы.—Гдѣ-то теперь моя милая родина, Пафлагонія, мои родители, братья, сестры?

По какимъ невѣдомымъ морямъ и странамъ пришлось блуждать намъ съ этими жестокими римлянами!.. Мысль моя, какъ ласточка, стремится къ далекой, милой родинѣ.

— А моя родина еще дальше, говорила другая. — Милая, священная Пантикапея! — Неужели я не увижу ея никогда?

— А наша Клеопатра?.. гдѣ-то она, дорогая царевна? что съ ней?

— А царь нашъ, Митридатъ? Боги обѣщали ему всемірное владычество... Когда-же онъ выручитъ насъ изъ неволи?

— Какъ я помню эту роковую битву на берегу Кира, въ засадѣ... Мы съ албанцами отступили въ лѣсъ... И вдругъ— кругомъ пламя... Мой испуганный конь понесъ меня прямо на огонь... Я, опаленная, вынеслась изъ лѣсу, и меня поражаетъ римское копье... Что было дальше,— не помню... Потомъ, очнувшись, я увидѣла Помпея...

— Но онъ такъ добръ къ намъ, такъ милостивъ, какъ отецъ родной. Но для чего мы ему?

— А этотъ старикъ Корвусъ говоритъ, что мы нужны ему для тріумфа, что въ Римѣ мы будемъ слѣдовать за его тріумфальной колесницей... У нихъ такъ заведено...

— А потомъ? Что потомъ съ нами будетъ?

— Можетъ быть, насъ отпустятъ на родину, и мы увидимъ нашу милую царевну.

— О, Клеопатра! сколько дала она намъ радостей и горя!

Въ другой группѣ плѣнныхъ слышались другіе разговоры.

— Что-то теперь въ нашей милой Иберіи? — говорилъ юный царевичъ, сынъ Артока.— По горамъ цвѣтутъ ирисы, вода Кира бушуетъ отъ таянія снѣговъ на горахъ... Увидимъ-ли все это?

— Увидимъ, — успокаиваетъ его одинъ изъ вождей иберовъ: мы—заложники, а не плѣнные, заложниковъ отпускаютъ.

— Но, боги Иберіи! когда это будетъ!—Помпей хочетъ, кажется, завоевать весь міръ, а міръ такъ великъ.

— Тутъ и деревья не тѣ, что у насъ, въ милой Иберіи, говоритъ другой царевичъ.—Вонъ тѣ, высокія, гладкія, а наверху шатромъ.

— Римляне называютъ ихъ пальмами, и сегодня намъ давали плодовъ отъ этихъ деревьевъ.

— А лучше было-бы, если-бъ насъ отпустили на нашъ дорогой Кавказъ.

— Надо терпѣть.—успокоивалъ царевичей ихъ вождь.— Говорятъ, какъ только Помпей возьметъ Іерусалимъ, такъ сейчасъ-же и воротится съ нами въ Римъ.

— Но когда это будетъ?

Скифы говорили о раздольѣ своихъ степей, о табунахъ своихъ коней, о кочевкахъ съ мѣста на мѣсто.

— Забыли насъ и Перунъ и Сварогъ... Вѣрно, римскіе боги сильнѣе нашихъ.

— А Дажбогъ... Онъ милостивый... Онъ вызволитъ насъ... Мы не въ битвѣ взяты, а какъ заложники.

Къ амазонкамъ подошелъ Тигранъ Артакса съ своею супругой амазонкой.

— Боги посылаютъ намъ утѣшеніе, заговорилъ Тигранъ радостно.—Сейчасъ Помпей сказалъ мнѣ, что походъ его скоро кончится, и онъ тотчасъ возвратится въ Римъ, и оттуда, послѣ тріумфа, отправитъ насъ всѣхъ на родину. Онъ говоритъ:— ты, Тигранъ, добровольно покорился Риму, раньше твоего отца, и Римъ зачтетъ тебѣ это въ заслугу. Я только, говоритъ, рѣшу споръ между претендентами на іерусалимскій престолъ между Гирканомъ и Аристовуломъ, а потомъ, оставивъ въ Іудеѣ Габинія, немедленно возвращусь въ Римъ, куда меня, говоритъ, призываютъ сенатъ и народъ римскій. — Аристовулъ ужъ здѣсь, я его видѣлъ, когда онъ уѣзжалъ въ Іерусалимъ.

Дѣйствительно, Аристовулъ являлся къ Помпею, но съ тайною надеждой обмануть его, чтобъ приготовиться къ сопротивленію. Однако, Помпей разгадалъ хитраго, талантливаго, надо сказать правду, очень талантливаго іудея, таланты котораго, къ сожалѣнію, принесли гибель Іудеѣ, отчизнѣ всего лучшаго на землѣ и отчизнѣ самыхъ святыхъ заповѣдей человѣчества.

Іосифъ Флавій, въ другомъ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Іудейская война», говоритъ:

«Земля Іерихонская — самая плодородная въ Іудеѣ, производящая въ огромномъ изобиліи пальмовыя деревья и бальзаминовые кустарники, изъ которыхъ, если надрѣзать заостреннымъ камнемъ нижній стволъ ихъ, капаютъ ароматныя слезы, которыя и собираютъ, какъ бальзамъ. Въ этой мѣстности Помпей отдохнулъ ночь, и на слѣдующій день, рано утромъ, скорымъ маршемъ двинулся къ Іерусалиму. Устрашенный его появленіемъ, Аристовулъ вышелъ къ нему навстрѣчу съ мольбой о пощадѣ. Обѣщаніемъ денегъ, добровольной сдачей го-

рода и предоставленіемъ самого себя въ его распоряженіе онъ смягчилъ его гнѣвъ. Но ни одно изъ этихъ обѣщаній не было исполнено; Габинія, посланнаго Помпеемъ за полученіемъ денегъ, приверженцы Аристовула не впустили даже въ городъ.

«Раздраженный Помпей, продолжаетъ Іосифъ Флавій, приказалъ взять подъ стражу Аристовула и, приблизившись къ городу, сталъ высматривать удобное мѣсто для нападенія. Онъ нашелъ, что городскія стѣны сами по себѣ настолько крѣпки, что штурмовать ихъ будетъ чрезвычайно трудно, что эти стѣны окружены еще страшнымъ рвомъ, а площадь храма, находящаяся по ту сторону рва, снабжена такими сильными укрѣпленіями, которыя и послѣ взятія города могутъ служить убѣжищемъ для осажденныхъ. Такъ размышляя, Помпей долгое время оставался въ нерѣшительности, а между тѣмъ среди жителей города вспыхнулъ раздоръ: партія Аристовула требовала вооруженнаго сопротивленія и освобожденія изъ-подъ ареста царя: сторонники-же Гиркана склонялись къ тому, чтобы открыть ворота предъ Помпеемъ. Страхъ предъ находящимся на-виду хорошо организованнымъ римскимъ войскомъ все больше увеличивалъ число сторонниковъ послѣдняго мнѣнія. Наконецъ, приверженцы Аристовула, увидѣвъ себя въ меньшинствѣ, отступили къ храму, уничтоживъ мостъ, служившій сообщеніемъ между послѣднимъ и городомъ, и стали готовиться къ отчаянному сопротивленію. Остальные-же приняли въ городъ римлянъ, и предоставили въ ихъ распоряженіе царскій дворецъ. Тогда Помпей отрядилъ туда войско подъ предводительствомъ Пизона. Послѣдній занялъ весь городъ, и, такъ какъ ему не удалось переманить ни одного изъ укрывшихся въ храмѣ, то онъ началъ приспособлять все кругомъ къ аттакѣ. Приверженцы Гиркана усердно помогали ему въ этомъ дѣлѣ и словомъ и дѣломъ»[1]).

— Еще однимъ царствомъ меньше на землѣ, задумчиво сказалъ Ауфидій, глядя съ Елеонской горы на обложеніе Іерусалима римскимъ войскомъ. — Мой ученикъ не дремлетъ.

— Да. Гней Помпей не дремлетъ, согласился старый Корвусъ. — А въ самомъ дѣлѣ, сколькимъ царямъ онъ обрѣзалъ крылья?

— Сколькимъ? — будемъ считать: Арменія, Колхида, Иберія, Албанія, Скиѳія, Сарматія, Босфоръ Киммерійскій...

— Ну, у Митридата обрѣзано только одно крыло, замѣтилъ Корвусъ.

[1]) „Іудейская война“, гл. VI, 6; VII, 1, 2.—„Іудейскія древности“, гл. VI, 1, 2.

— Обрѣжетъ и другое... Дай только ему управиться съ царствомъ Соломона.

Слова Ауфидія скоро сбылись.

XXXV.

Прибывъ къ Іерусалиму, Помпей приказалъ разбить свою палатку на горѣ, которая, впослѣдствіи, пріобрѣла всемірную славу.

Это была—Голгоѳа!

Какъ-бы по предвѣчному предопредѣленію, избранникъ языческаго міра, нанося смертельный ударъ «избранному Богомъ народу», остановился именно на той горѣ, откуда долженъ былъ послѣдовать смертельный ударъ этому именно языческому міру.

Палатка Помпея, разбитая на этой горѣ, вмѣщала въ себѣ то самое пространство, гдѣ впослѣдствіи водружены были три креста... средній — для «избраннѣйшаго» сына этого «избраннаго Богомъ народа»...

Помпей стоялъ около палатки, и глядѣлъ на вѣчный городъ, болѣе вѣчный, чѣмъ его Римъ. Вмѣстѣ съ нимъ созерцали городъ Мельхиседека и Соломона его приближенные, раздѣлявшіе съ нимъ труды походовъ по Кавказу, Арменіи, Колхидѣ, Иберіи, Албаніи, Скиѳіи, Сарматіи—квесторы Эмилій Самнитъ и Квинтъ Теофанъ, легаты Афраній, Кай Ригоръ, Корвусъ и неразлучный Ауфидій. Около Іерусалима и храма начались уже съ ранняго утра осадныя работы.

— Я не послалъ ваши центуріи и когорты на работы, чтобъ дать и имъ и вамъ небольшой роздыхъ, сказалъ Помпей, обращаясь къ своей свитѣ. Пусть поработаютъ пока здѣшніе — Пизонъ, Фаустъ Корнелій, Габиній Фурій, Фабій.

— Фаустъ Корнелій далеко пойдетъ, замѣтилъ Квинтъ Теофанъ, весь въ отца—въ Суллу.

— Я зналъ знаменитаго Суллу еще молодымъ, сказалъ Корвусъ, тотъ-же крутой, упрямый лобъ и отцовскіе глаза.

— И отцовская отвага, добавилъ Афраній.

Внизу кипѣла работа. Нужно было засыпать глубокій оврагъ, отдѣлявшій храмъ отъ города. Подъ дождемъ камней, летѣвшихъ со стѣнъ храма на римлянъ, послѣдніе работали съ ожесточеніемъ. Но оврагъ все еще представлялъ сильное затрудненіе для осады.

Такъ продолжалось нѣсколько дней.

Въ одну изъ пятницъ къ Помпею явился Гирканъ.

— Трудно твоимъ воинамъ работать подъ ударами камней и стрѣлъ, сказалъ онъ.—Но позволь мнѣ дать тебѣ полезный совѣтъ, великій мужъ Рима.

— Въ чемъ-же будетъ состоять твой совѣтъ, благородный сынъ Александра? спросилъ Помпей.

— Въ силу законовъ нашей вѣры, іудеямъ строго воспрещено по субботамъ всякое дѣланіе. Сегодня пятница. Съ закатомъ солнца іудеи, послѣ молитвы, начинаютъ празднованіе субботы, сказалъ Гирканъ.—Сегодня съ вечера твои воины могутъ безъ помѣхи работать для осады храма и работа ихъ безпрепятственно можетъ продолжаться до вечера завтрашняго дня.

Помпей не зналъ этого, и потому совѣтъ Гиркана обрадовалъ его.

— Благодарю тебя, царь и первосвященникъ, сказалъ онъ, я воспользуюсь твоимъ совѣтомъ и не останусь неблагодарнымъ тебѣ.

И тотчасъ Помпей, пригласивъ къ себѣ военачальниковъ, объявилъ имъ, чтобы все римское войско, всѣ легіоны, попеременно работали надъ засыпкою оврага и возведеніемъ вала всю нынѣшнюю ночь и весь слѣдующій день.

— Евреи въ это время не тронутъ осаждающихъ, сказалъ онъ, объявите объ этомъ войску.

Дѣйствительно, съ вечера Іерусалимъ точно вымеръ. Свѣтились только очень ярко огни въ каждомъ домѣ: то горѣли седьмисвѣщники, освѣщая субботнюю трапезу іудеевъ.

— Субботу іудеи встрѣчаютъ какъ желанную невѣсту, объяснилъ Габиній, уже познакомившійся съ нѣкоторыми обычаями страны.

— Что-жъ ты не доложилъ Помпею? спросилъ Фаустъ Корнелій, сынъ Суллы, молодой человѣкъ въ богатыхъ доспѣхахъ.

— Я сегодня за тѣмъ и шелъ къ Помпею, но Гирканъ предупредилъ меня, отвѣчалъ Габиній.

— За одну ночь мы соединенными всѣхъ легіоновъ силами совсѣмъ засыпемъ оврагъ, и намъ останется возводить валъ, сказалъ Фурій.

— И подводить стѣнобитныя орудія, добавилъ Фабій.

— Завтра къ ночи или въ воскресенье утромъ я вломлюсь первымъ, увѣренно сказалъ крутолобый сынъ Суллы.

— Ты развѣ одинъ думаешь получить «стѣнной вѣнецъ»?— гордо спросилъ Фурій.

—Другіе—какъ знаютъ; это ихъ дѣло, улыбнулся имъ сынъ Суллы.

— Клянусь богами! воскликнулъ Фабій: — и я на то-же разсчитываю.

— Ну! — весело засмѣялся Фаустъ Корнелій, — ты, какъ прямой потомокъ Квинта-Фабія-Кунктатора, помедлишь «получѣніемъ стѣнного вѣнца».

— Но Фабія-Кунктатора не одолѣлъ и Ганнибалъ. Надѣюсь, меня не одолѣетъ Фаустъ Корнелій, презрительно пожалъ плечами Фабій.

Усиленная работа всю ночь кипѣла у стѣны храма. Добывъ въ складахъ подъ Елеонской горой амфоры оливковаго масла и найдя въ Геосиманскомъ саду связки веревокъ, римляне устроили изъ амфоръ блестящіе свѣтильники, при свѣтѣ которыхъ удобно было работать, какъ при дневномъ освѣщеніи.

— Кто догадался такъ прекрасно освѣтить работы? спросилъ Помпей, подъѣхавъ къ работавшимъ.

— Благородный Ауфидій, отвѣчалъ Габиній. — Онъ, зайдя въ Геосиманскій садъ, что подъ Елеонской горой, богатой масличными деревьями, случайно наткнулся на склады оливковаго масла, и подалъ мысль о факелахъ.

— Мой старый учитель до сихъ поръ продолжаетъ учить меня, улыбнулся Помпей. — Слава благородной старости!

Другіе воины воздвигали туры, съ которыхъ метательными машинами — карробалистами должны были метать въ осажденныхъ камнями, а третьи воздвигали башни для осадныхъ орудій — тарановъ.

Эти разрушительныя машины были иногда такой страшной тяжести, что въ гористыхъ мѣстахъ римляне впрягали подъ нихъ по нѣсколько сотъ паръ воловъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: такимъ чудовищемъ — машиной была одна привезенная изъ Тира съ исполинскою желѣзною головой барана. При неимовѣрной энергіи римлянамъ удалось, наконецъ, на третій мѣсяцъ осады поднять на туры корраболисты и установить чудовищный таранъ.

Сколько ни терпѣли римляне при этой осадѣ, говоритъ Іосифъ Флавій, все-таки они должны были удивляться стойкости іудеевъ вообще и въ особенности тому, что они подъ самымъ жестокимъ градомъ камней и стрѣлъ не упускали ни одного малѣйшаго обряда изъ богослуженія: точно глубокій миръ царилъ вокругъ нихъ — совершались со всей пунктуальностью ежедневныя жертвоприношенія, омовенія и вообще весь порядокъ богослуженія. Даже послѣ взятія храма, когда кровь

ихъ лилась ежедневно вокругъ алтаря, они не переставали совершать обычныя богослуженія [1])

Итакъ, какъ сказано выше, въ 179-ю олимпіаду, въ консульство Гая Антонія и Марка Туллія Цицерона, началась разрушительная работа желѣзной головы страшнаго тарана, ударявшаго въ самую высокую башню наружной стѣны храма. Отъ этихъ ударовъ, казалось, сотрясалась земля Іерусалима съ каменной горою Моріей, на которой стояло святилище Іудеи. Но и громъ тарана не заглушалъ криковъ и воплей осажденныхъ, поражаемыхъ камнями метательныхъ машинъ и стрѣлами римлянъ.

Фаустъ Корнелій, Фурій и Фабій стояли у тарана впереди своихъ центурій и незамѣтно, но ревниво наблюдали другъ за другомъ. Въ сторонѣ, на возвышеніи, у края одного тура, стоялъ Помпей съ Габиніемъ и Скавромъ.

— Кто-то изъ молодыхъ центуріоновъ получитъ сегодня «стѣнной вѣнецъ», сказалъ Помпей, указывая на Фауста, Фурія и Фабія.

— Мнѣ почему-то кажется, что сынъ Суллы, отвѣчалъ Габиній.

Послѣдовалъ ужасающій ударъ тарана.

— Башня шатается!—воскликнулъ Скавръ. О боги!

Еще ударъ, еще и еще!

— Валится, валится башня! какъ бы испуганно повторилъ Габиній возгласъ Скавра.

— Рухнула! глухо произнесъ онъ,—finis Iudeae!

Во мгновеніе ока, какъ молодой тигръ, бросился въ расщелину стѣны Фаустъ.

— За мной, центурія! крикнулъ онъ, перескочивъ препятствіе и исчезая въ расщелинѣ.

— Сынъ Суллы первый! сказалъ Помпей, наблюдая, какъ центурія Фауста, по выраженію Іосифа Флавія, «влилась за стѣну».

— Вторымъ центуріонъ Фурій! возгласилъ Габиній.

— Третьимъ—Фабій! сказалъ Скавръ Фабіи, всѣ Кунктаторы—опаздываютъ.

XXXVI.

Страшный таранъ продолжалъ расширять проломъ стѣны, а волны римлянъ и іудеевъ, сторонниковъ Гиркана, продолжали заливать храмъ.

---

[1]) Іудейская война, гл. VII, ч.

Началась ужасающая, омерзительная рѣзня своихъ своими, преимущественно.

— Нѣтъ злѣе враговъ, какъ два брата, проговорилъ Помпей, продолжая наблюдать съ высоты.

— О, боги! воскликнулъ прибывшій на мѣсто наблюденія Помпея — Ауфидій. — Тысячи несчастныхъ свергаются по стѣнѣ въ пропасть!... Уже кровью окрашены откосы пропасти.

— Они сами осудили себя на смерть, сурово произнесъ Помпей, — это ихъ выборъ.

— О, великіе боги! какіе вопли! продолжалъ соболѣзновать добрый Ауфидій. — Вопли эти донесутся до Олимпа.

— Но у нихъ — свой богъ, онъ не слышитъ ихъ воплей, не спасетъ.

Въ это время мимо тура, на которомъ стоялъ Помпей, пробѣжалъ къ пролому стѣны Эмилій Самнитъ съ крикомъ:

— Evoe! для меня эти вопли — музыка Орфея!

— Прикажи тамъ, крикнулъ ему Помпей, чтобъ не убивали никого изъ семейства Аристовула, и оставили жизнь зачинщикамъ смуты... Я буду ихъ судьей.

Недолго продолжалась ужасная рѣзня, потому что рѣзавшихъ было въ десять разъ больше тѣхъ, которыхъ рѣзали.

«Такимъ образомъ, говоритъ Іосифъ Флавій, погибло 12,000 іудеевъ: римлянъ-же пало очень немного».

Когда ужасы рѣзни смолкли, Помпей обратился къ стоявшему неподалеку и плакавшему Гиркану:

— Царь Іерусалима и первосвященникъ іудейскаго народа, введи и меня въ святилище, гдѣ когда-то отдалъ должное вашему божеству великій Александръ, сынъ Филиппа, царь Македоніи.

Всѣ сошли съ тура и направились черезъ проломъ стѣны во храмъ. При входѣ, среди массы труповъ, Помпея встрѣтили центуріоны Фаустъ Корнелій, Фурій и Фабій.

— Доблестный сынъ славнаго Люція-Корнелія-Феликса, ты достойно завоевалъ себѣ «стѣнной вѣнецъ», торжественно сказалъ Помпей сыну Суллы.

Замѣтивъ смущеніе на лицахъ Фурія и Фабія, онъ добавилъ:

— И вы получите соотвѣтственныя награды... Я все видѣлъ.

Увидѣвъ входящаго въ храмъ Помпея вмѣстѣ съ Гирканомъ и другими, римляне и іудеи поспѣшили очистить отъ труповъ путь для вошедшихъ.

Храмъ представлялъ потрясающее зрѣлище. Груды мертвыхъ, лужи крови, обрызганные кровью жертвенники.

Гирканъ продолжалъ плакать.

Когда Помпей подошелъ съ приближенными къ дорогой завѣсѣ, скрывавшей святая святыхъ, въ храмѣ послышались крики и вопли.

— О! нечестивецъ дерзаетъ вступить въ святая святыхъ!

— Это—оскорбленіе святилища! кощунство! О, Адонай.

— Туда можетъ вступать только первосвященникъ.

— Богъ отцовъ нашихъ! Богъ Авраама, Исаака и Іакова!—разрази дерзновеннаго!

Не слушая протестовъ, Помпей вошелъ въ святилище вмѣстѣ съ Гирканомъ. Вошли и военачальники.

— Это святая трапеза съ седьмисвѣщіемъ и лампадами, говорилъ Гирканъ, показывая сокровища святыни,—это жертвенныя чаши, кадильницы.

— Все изъ чистаго золота? спросилъ Помпей, поражаясь массивностью золотыхъ предметовъ.

— Какой-же другой металлъ мы могли бы посвятить Предвѣчному!—отвѣчалъ Гирканъ, благоговѣйно поднимая заплаканные глаза къ небу.

— А это для куреній? спросилъ Помпей, указывая на массы сложеннаго оиміама.

— Это земля, созданная Имъ, посылаетъ свои куренія къ престолу Предвѣчнаго, былъ отвѣтъ.

Тутъ же стояла золотая рака, наполненная тоже золотомъ.

— Это храмовой кладъ, сказалъ Гирканъ, видя, что Помпей подходитъ къ ракѣ.—Это достояніе Предвѣчнаго.

— Сколько тутъ? спросилъ Помпей.

— Двѣ тысячи талантовъ (около 3,000,000 рублей).

— Будь покоенъ, первосвященникъ, ни я, ни мои воины не дотронутся до сокровищъ храма.

— Я былъ увѣренъ въ твоемъ благородствѣ, великій римлянинъ! сказалъ Гирканъ.

И Іосифъ Флавій говоритъ, что въ святилищѣ Помпей «ничего не тронулъ, въ силу своего благочестія, поступивъ такъ, какъ того и слѣдовало ожидать отъ его добродѣтели».

Выйдя изъ святилища, Помпей приказалъ храмовымъ прислужникамъ очистить оскверненный храмъ отъ труповъ и крови и принести Предвѣчному установленныя жертвы.

И тутъ же произнесъ приговоръ надъ зачинщиками смуты, которыхъ окружала римская стража.

— За смерть — смерть, сказалъ онъ, обратившись къ арестованнымъ.

— И, по закону отцовъ нашихъ, око за око, сказалъ и одинъ изъ фарисеевъ, принадлежавшій къ партіи Гиркана.

— Завтра приведите ихъ къ дворцу, указалъ онъ стражѣ на арестованныхъ.—А это кто? указалъ онъ на одного, выдѣлявшагося своимъ богатымъ одѣяніемъ.

— Это Авессаломъ, сынъ Гиркана I-го, дядя и тесть Аристовула, отвѣчалъ Гирканъ II.

— Ты мой военноплѣнный, сказалъ ему Помпей, и я щажу твою жизнь.

Затѣмъ онъ оставилъ храмъ.

На другой день утромъ толпа осужденныхъ на казнь стояла около дворца, ожидая выхода Помпея. Тутъ же находились и палачи изъ нумидійцевъ, бронзовое тѣло которыхъ, прикрытое только у бедръ, обнаруживало ихъ могучіе, стальные мускулы.

Массы іудеевъ толпились кучами въ недалекомъ разстояніи.

Осужденные раздѣлены были на двѣ неравныя группы: къ меньшей принадлежали самые ярые изъ волновавшихъ народъ, къ большей—всѣ остальные.

Скоро Помпей показался на открытой галлереѣ, подъ которой стояли осужденные. За нимъ слѣдовала свита изъ военачальниковъ и двѣнадцать ликторовъ съ топорами.

На кровлѣ дворца стоялъ Гирканъ съ воздѣтыми къ небу руками. Онъ молился за осужденныхъ и призывалъ благословеніе Предвѣчнаго на свой народъ.

Всѣ ждали рѣчи грознаго римлянина.

— Іудеи! сказалъ онъ громко, такъ чтобы слышали стоявшіе въ отдаленіи. Да не смущается сердце ваше при видѣ того, что сейчасъ по волѣ боговъ должно произойти. Я наказываю только виновныхъ предъ вами и вашимъ первосвященникомъ. Вамъ же я объявляю милость сената и народа римскаго.

Потомъ онъ взглянулъ внизъ на осужденныхъ.

— Вы, сказалъ онъ меньшей группѣ, получите смерть отъ руки «варваровъ», сыновъ Нумидіи, а вы (къ большей)—отъ гражданъ римскихъ. Ликторы и палачи! совершайте ваше дѣло.

И гнусное дѣло было совершено.

Ни одинъ осужденный не просилъ пощады, только одинъ, подходя къ палачу, кинулъ вызовъ Помпею:

— Предвѣчный отмститъ за насъ языческому Риму!

— Аминь! проговорилъ кто-то въ толпѣ казнимыхъ.

Д. Мордовцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

На рубежѣ XIX вѣка.

Девятаго тэрмидора [1]) партія Робеспьера была совершенно уничтожена; болѣе ста ея членовъ погибли на эшафотѣ. Но свержение диктатора погубило также и Гору, которая всѣми силами содѣйствовала этой катастрофѣ.

Противъ Робеспьера соединились всѣ партіи: Гора, центръ и остатки жирондистовъ. Но, достигнувъ своей цѣли, этотъ противоестественный союзъ немедленно же долженъ былъ распасться. И это распаденіе совершилось уже въ ближайшіе дни послѣ катастрофы.

Члены комитетовъ полагали, что власть ихъ упрочилась, но они ошибались и скоро имъ пришлось убѣдиться, что девятое тэрмидора обезсилило ихъ.

Люди Долины и остатки жирондистовъ осторожно выжидали поворота въ ходѣ дѣлъ: они понимали, что правленіе добродѣтели и ужаса не можетъ быть продолжительнымъ. Въ этихъ партіяхъ преобладала выдвинутая революціей крупная и мелкая буржуазія съ ея приспѣшниками. У этого класса были сторонники также и въ Горѣ,—именно, въ правой фракціи ея. Союзъ девятаго тэрмидора объединилъ всѣ родственные элементы и произвелъ новое распредѣленіе партій. Съ буржуазіей, къ которой послѣ девятаго тэрмидора перешла власть, соединились карьеристы изъ партіи Горы, люди, плывшіе по теченію и усвоившіе не духъ, а лишь фразы и внѣшніе пріемы революціи.

Девятаго тэрмидора буржуазія употребила всѣ усилія для сверженія Робеспьера. Этому классу не по вкусу была спартанская республика добродѣтели; онъ хотѣлъ воспользоваться побѣдой надъ феодализмомъ, приняться за накопленіе богатствъ и устроить государство и общество сообразно со своими интересами. Онъ хотѣлъ пока удержать внѣшнюю форму республики, но всю власть передать въ руки буржуазной аристократіи состоянія и ума. Робеспьеръ, сломивъ силу коммуны и лишивъ этимъ парижскій народъ его правой руки, помогъ буржуазіи достичь господства. Но этимъ же и самого себя онъ лишилъ всякой опоры, что подтверждается поразительной быстротой его паденія.

---

[1]) Девятаго термидора произошелъ переворотъ въ національномъ конвентѣ, свергшій Робеспьера и положившій конецъ террору.

Гора, увѣренная въ томъ, что она побѣдила Робеспьера, скоро увидѣла, что въ дѣйствительности она сама была побѣждена девятаго тэрмидора. Послѣ паденія Робеспьера, противъ нея выступила новая, многочисленная и сплоченная группа, члены которой инстинктивно объединялись классовыми интересами буржуазіи. Эти люди называли себя тэрмидористами. Къ нимъ почти цѣликомъ перебѣжала правая фракція Горы,—все, что еще осталось тамъ отъ дантонистовъ. Въ теченіе нѣкотораго времени ораторомъ этой партіи былъ Талльянъ, создавшій себѣ имя ролью, сыгранной имъ девятаго тэрмидора. Лежандръ, Барра, оба Мерлены, Бурдонъ изъ Уазы, Роберъ и Фреронъ соединились съ Сіейсомъ, Буасси д'Англа и Дюранъ-Мелльяномъ. Тщеславные и властолюбивые люди были увлечены теперь реакціей, какъ раньше ихъ увлекла революція. Между тѣмъ, какъ раньше конвентъ казался собраніемъ исключительно республиканцевъ, теперь медленно и осторожно всплывали въ немъ роялистическіе элементы.

Отъ Горы осталась только ея радикальная, лѣвая фракція; она была слаба сравнительно съ большой партіей тэрмидористовъ, и членовъ ея противники въ насмѣшку прозвали ее „людьми вершины“ или „вершинниками“, такъ какъ они занимали теперь уже только верхнія мѣста прежней Горы. Фракціей этой руководили Билло Варенны и Колло д'Эрбуа; къ ней присоединился также, подъ вліяніемъ своего прошлаго, Барреръ.

Тѣмъ не менѣе остатки Горы все еще были сильной партіей, потому, что они могли опираться на вооруженныя предмѣстья, тогда какъ за тэрмидористовъ стояли буржуазные элементы секцій. Враждебныя партіи скоро должны были столкнуться. Крайности терроризма въ послѣдніе мѣсяцы правленія Робеспьера вызвали сильное раздраженіе противъ безпрерывныхъ казней; раздраженіе открыто выражали и радикально настроенные рабочіе предмѣстій. Уже 8 тэрмидора народъ задержалъ колесницы съ осужденными, и его нужно было разогнать кавалеріей Анріо; теперь народъ энергично требовалъ открытія тюремъ, и онѣ были открыты. Такъ какъ во время диктатуры Робеспьера жертвы закона о подозрительныхъ выхватывались въ значительно большей степени изъ среды мѣщанъ, рабочихъ и крестьянъ, чѣмъ изъ аристократической среды, то эта мѣра вызвала всеобщую радость. Но освобожденіе арестованныхъ тоже усилило реакціонные элементы, потому что многія тысячи узниковъ, выпущенныхъ теперь на свободу, были проникнуты пламеннымъ желаніемъ отметить за свой арестъ, страхъ пережитый ими, и за своихъ друзей.

Члены старыхъ комитетовъ сперва еще занимали свои должности и, казалось, сохранили свое вліяніе. Но все это скоро измѣнилось, потому что тэрмидористы не упустили случая воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ. Несмотря на возраженія Билло Варенна и Баррера, революціонный трибуналъ былъ закрытъ съ той цѣлью, чтобы дать ему новую организацію; отмѣненъ былъ также законъ 22 прэріаля, уничтожавшій защитниковъ и допросы. Трибуналъ былъ вскорѣ возстановленъ, но теперь имъ уже пользовались тэрмидористы противъ якобинцевъ

и террористовъ. Прокуроръ революціоннаго трибунала, страшный Фукье-Тэнвилль былъ отданъ подъ судъ.

Эти мѣры показывали, что власть старыхъ комитетовъ пала. Очень скоро тэрмидористы проникли въ составъ правительства. Надо было замѣстить казненныхъ или находившихся въ отлучкѣ членовъ комитета благосостоянія, и тэрмидористы избирали на ихъ мѣста, понятно, людей изъ своей среды. Впредь ежемѣсячно должна была обновляться четвертая часть комитета благосостоянія. Такимъ образомъ, Талльянъ, Трельяръ, Бреаръ и другіе тэрмидористы вошли въ составъ правительства и парализовали дѣятельность старыхъ членовъ комитета. Вскорѣ затѣмъ выбыли изъ комитета, вслѣдствіе обновленія четвертой части его, Барреръ, Карно и Роберъ-Линдэ, послѣ чего добровольно вышли изъ него Билло Вареннъ и Колло д'Эбруа. Подобныя же перемѣны произошли и въ комитетѣ безопасности, и съ этихъ поръ тэрмидористы уже господствовали въ правительствѣ.

Власть комитетовъ была ограничена; хотѣли устранить возможность диктатуры. Комитетъ благосостоянія съ этихъ поръ вѣдалъ уже только общія политическія и военныя дѣла, а комитетъ безопасности завѣдывалъ полиціей. Но кромѣ нихъ было учрежденно еще четырнадцать комитетовъ, а именно: для финансовъ, законодательства, просвѣщенія, земледѣлія и искусствъ, для торговли и продовольственнаго дѣла, для общественныхъ сооруженій, почты, военныхъ дѣлъ, для судоходства и колоній, для общественныхъ вспомоществованій, для протоколовъ и архива, для петицій, корреспонденціи и депешъ и, наконецъ, для надзора за національнымъ дворцомъ.

Тэрмидористы господствовали во всѣхъ этихъ комитетахъ; они всѣми силами старались лишить народъ того вліянія на общественныя дѣла, которымъ онъ пользовался до сихъ поръ, и забрать всю власть въ свои руки. Число революціонныхъ комитетовъ, пользовавшихся въ послѣднее время такой громадной властью, было значительно уменьшено, власть ихъ была ограничена и составъ измѣненъ. Клубъ якобинцевъ оставляли еще въ покоѣ, имѣя въ виду закрыть его при первомъ удобномъ случаѣ. Теперь еще не рѣшались обезоружить предмѣстья, но то постановленіе, въ силу котораго каждый неимущій посѣтитель секціонныхъ собраній получалъ ежедневно 40 су, было отмѣнено. Это постановленіе привлекало нѣкогда рабочихъ къ живому участію въ политическихъ дѣлахъ и давало имъ нѣкоторую поддержку въ трудныя времена. Рабочіе довольно равнодушно смотрѣли на свержение Робеспьерра и уничтоженіе его партіи, потому что имъ были противны крайности системы ужаса, при которыхъ большинство жертвъ выхватывалось изъ среды бѣдняковъ. Но теперь они почувствовали, что у кормила правленія стала совершенно новая сила, не думающая о популярныхъ мѣропріятіяхъ. Они теперь держали себя спокойно, потому что и ихъ утомили безпрерывныя возстанія, не доставившія имъ прочнаго улучшенія ихъ судьбы. Къ тому же у нихъ уже не было старой коммуны, всегда заботившейся объ уменьшеніи бѣдствій рабочихъ

и уничтоженной Робеспьеромъ. Въ это время рабочіе уже мало чего ждали отъ революціи или даже не ждали отъ нея ровно ничего: они чувствовали, что на мѣсто старыхъ привилегированныхъ сословій выступилъ новый господствующій классъ, который стремится возстановить привилегіи въ новой формѣ и въ свою пользу. Они смотрѣли, какъ этотъ классъ овладѣвалъ государственной властью и не трогались съ мѣста. Но весной слѣдующаго года нужда заставила ихъ выйти изъ предмѣстій и двинуться противъ конвента съ требованіемъ хлѣба.

Это равнодушное настроеніе демократическихъ и революціонныхъ рабочихъ массъ, которыя при всѣхъ правительствахъ терпѣли нужду и лишенія, было очень на руку тэрмидористамъ. Равнодушіе это придало имъ смѣлость для уничтоженія демократическаго строя и его послѣднихъ слѣдовъ. Уже черезъ мѣсяцъ послѣ паденія Робеспьера, Лекуантръ изъ Версаля, бывшій раньше ревностнымъ террористомъ, выступилъ съ обвиненіемъ въ 26 пунктахъ противъ нѣкоторыхъ членовъ прежняго правительства, а именно, противъ Билло Варенна, Коло д'Эрбуа, Баррера, Вадье и Амара. Но люди Горы защищались очень удачно и одержали полную побѣду; обвиненіе Лекуантра было отвергнуто, какъ клевета.

Сторонниковъ системы ужаса называли теперь „хвостомъ Робеспьера“: сюда причисляли также и тѣхъ, которые больше всего содѣйствовали паденію Робеспьера. Отозванные изъ провинцій комиссары подверглись преслѣдованіямъ; противъ Лебона и Карье, распространявшихъ ужасъ по приказанію комитета благосостоянія на сѣверѣ (Лебонъ) и на югѣ (Карье), возбуждено было преслѣдованіе—Фукье-Тенвилль былъ отданъ подъ судъ. Тотъ самый конвентъ, который раньше подъ давленіемъ системы ужаса одобрялъ образъ дѣйствій этихъ комиссаровъ, теперь преслѣдовалъ ихъ за ихъ дѣятельность. Обвиняемые комиссары возражали, что если они виновны, то виновенъ также и весь конвентъ,—и это было вѣрно.

Новая партія съ яростью реакціоннаго фанатизма преслѣдовала все, что имѣло связь съ павшей системой. Буржуазная аристократія, которую такъ долго не допускали къ желанному ей господству и добычѣ, жаждала мести, власти и богатства; честолюбцы набросились на общественныя мѣста и должности. Тутъ начались гоненія, которыя по своей жестокости далеко превзошли крайности системы ужаса.

Сейчасъ же послѣ паденія Робеспьера изъ укромныхъ уголковъ вышло множество лицъ, скрывавшихся отъ системы ужаса и отъ полиціи комитетовъ. Парижъ сбросилъ съ себя мантію добродѣтели, въ которую нарядили его Робеспьеръ и Сэнъ-Жюстъ и которую онъ носилъ лишь изъ страха передъ революціоннымъ трибуналомъ; фривольныя явленія прежняго времени снова показались на улицахъ города, вынесшаго такъ много бурь. Биржевые игроки и ростовщики, ажіотеры и скупщики, галантныя дамы и грязные сводники, мошенники и проходимцы всякаго рода

пестрой толпой тѣснились въ Парижѣ и рѣшались уже открыто выходить на свои промыслы. Между тѣмъ, какъ въ предмѣстьяхъ рабочіе глухо роптали, что революція со всѣми ея кризисами не уменьшила ихъ бѣдствій, въ буржуазныхъ кварталахъ образовалось новое, пестрое общество, готовое воспользоваться пріобрѣтеніями революціи для удовлетворенія своей алчности и чувственности. Республика добродѣтели вдругъ превратилась въ свою противоположность; мѣсто спартанской строгости заняла сибаритская распущенность и безнравственность. Преувеличенія политическихъ системъ вызвали то, что люди изъ одной крайности впали въ другую.

Новое общество, подкрѣпленное подозрительными, выпущенными изъ тюремъ, скоро стало господствовать въ секціяхъ. Въ его рукахъ оказалось страшное орудіе борьбы въ видѣ прессы, которая во время диктатуры Робеспьера была совершенно подавлена. Палачъ выбилъ изъ рукъ журнализма талантливое и острое перо Камилла Демулена. Фреронъ, желавшій отмстить за боготворимую имъ Люсиль Демуленъ, сдѣлалъ свой журналъ «Народный Ораторъ» самымъ выдающимся органомъ термидористовъ. Онъ участвовалъ въ кровавомъ наказаніи контръ-революціоннаго города Тулона и теперь старался добиться забвенія своей террористической дѣятельности, нападая со всей яростью на якобинцевъ. Этотъ наглый перебѣжчикъ, бывшій нѣкогда поклонникомъ Марата, дошелъ въ своемъ лицемѣріи до того, что злоупотреблялъ именемъ Марата, чтобы притворнымъ уваженіемъ къ „другу народа" прикрыть свои реакціонныя стремленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался организовать термидористовъ для насилій, въ которыхъ они нуждались для полнаго уничтоженія якобинцевъ. Въ Пале-Роялѣ, гдѣ 12 іюля 1789 г. Камиллъ Демуленъ призвалъ народъ къ оружію, Фреронъ собиралъ вокругъ себя молодежь буржуазной аристократіи, выдвинутой революціей. Онъ воспламенялъ этихъ молодыхъ людей зажигательными статьями своего журнала и фанатизировалъ ихъ до крайней степени. Они носили особый костюмъ: кафтанъ съ большимъ вырѣзомъ, короткіе штаны, чулки до колѣнъ и широкополую шляпу. Этотъ костюмъ называли платьемъ жертвъ гильотины. Они носили длинные, спадающіе на плечи волосы. Эти люди были вооружены тяжелыми свинцовыми палками и, сверхъ того, пистолетами и кинжалами. Пѣніе Марсельезы они замѣнили новымъ гимномъ, который называли: „Пробужденіемъ народа"; меланхолическіе звуки этого гимна, казалось, оплакивали жертвы гильотины. Эти толпы забіякъ прозвали впослѣдствіи „jeunesse dorée"—*золотой молодежью*; споръ о томъ, употреблялось ли это имя уже тогда или нѣтъ, для насъ не важенъ. Молодежь эта наполнила Парижъ волненіями и смутами и разгоняла собранія якобинцевъ. Якобинцы уже не могли имѣть опоры ни въ какомъ общественномъ элементѣ, а буржуазія, ставшая теперь у власти, или буржуазная аристократія, всѣми силами поддерживала своеволіе „золотой молодежи".

Осенью 1794 г. Парижъ и Франція оказались всецѣло въ

рукахъ новой аристократіи, которая, хотя и оставила Франціи внѣшнюю форму республики, но возстановила своеволіе, роскошь и всѣ пріемы старой аристократіи. Демократическія формы обращенія были снова уничтожены. Не безъ основанія говорятъ, что при господствѣ системы ужаса, извѣстное число грубыхъ людей презирало ученость, науку и высшія наслажденія; но то, что настало теперь, было лишь пустой фривольностью, лишенной всякаго ума.

Буржуазія собиралась въ салонѣ, открытомъ госпожей Талльянъ. Эта молодая испанка создала комиссару конвента въ Бордо, Талльяну, репутацію крайней умѣренности. Дочь испанскаго банкира Кабаррю, она была замужемъ за членомъ парламента Фонтенэ и развелась съ нимъ, чтобы выйти за Талльяна. Въ Парижѣ она была арестована и изъ тюрьмы безпрестанно подстрекала Талльяна къ нападенію на Робеспьера. Безъ нея онъ, вѣроятно, никогда не съигралъ бы своей роли девятаго тэрмидора. Дѣйствительно ли она любила мужа — неизвѣстно, такъ какъ она впослѣдствіи оставила его и вышла замужъ за князя Шимэ. Талльянъ въ общемъ былъ человѣкъ негодный и незначительный.

Въ салонѣ госпожи Талльянъ бывало много вліятельныхъ людей изъ мужчинъ и элегантныхъ интригановъ изъ дамъ. Дамы эти пускали въ дѣло всѣ чары своей красоты, любезности, кокетства и любви, чтобы привлечь вліятельныхъ революціонеровъ на сторону тэрмидористовъ. И въ большинствѣ случаевъ это имъ удавалось слишкомъ легко. Г-жа Талльянъ давала тонъ этому обществу, желавшему наслаждаться жизнью въ полной мѣрѣ. Законодательство пришло ему на помощь, и разводы облегчились до такой степени, что для полученія развода достаточно было лишь „не сойтись во вкусахъ“. Г-жа Талльянъ давала тонъ также и въ дѣлѣ моды, и дамы высшаго круга стали обнажаться еще въ большей степени, чѣмъ это было принято въ древней Греціи. Мужчины, употребляя выраженіе Виктора Гюго, обитали въ огромныхъ жабо; они точно старались еще превзойти чопорность и натянутость дореволюціоннаго времени. Платье дамъ какъ будто нарочно было разсчитано на то, чтобы разнузданность возвести въ принципъ. Моду, введенную г-жей Талльянъ, называли платьемъ обнаженія. Дамы носили широкія бѣлыя платья съ большими прорѣзами по бокамъ отъ пояса, охватывавшаго тѣло подъ самой грудью. Грудь и плечи оставались совершенно открытыми. На ногахъ носили сандальи; чулки были совершенно упразднены, потому что г-жа Талльянъ хотѣла щеголять своими изящными ножками. На большихъ пальцахъ ногъ носили кольца. Иногда платье было такъ прозрачно, что нужно было носить трико, чтобы хоть сколько нибудь щадить чувство стыда. Въ карикатурахъ г-жу Талльянъ часто изображали въ этомъ костюмѣ, который „ничего не скрывалъ“.

Въ салонъ г-жи Талльянъ являлись будущія свѣтила Франціи,— между прочимъ, молодой Наполеонъ Бонапартъ и его будущая жена, Жозефина Богарнэ, первый мужъ которой, генералъ Богарнэ, былъ гильотинированъ за свои военныя неудачи.

Примѣръ, даваемый этимъ салономъ, производилъ свое дѣйствіе и на постороннихъ лицъ. Казалось, люди хотятъ вернуться къ райской наготѣ. Однажды на улицахъ Парижа произошло сильное волненіе. Три молодыхъ дѣвушки изъ видныхъ семействъ настолько заразились маніей обнаженія, что явились на улицу безъ всякаго платья, кромѣ тонкихъ покрововъ отъ плечъ до колѣнъ. Народная толпа проявила больше чувства приличія и среди насмѣшекъ и издѣвательствъ загнала этихъ мечтательницъ въ ихъ жилища.

Въ зажиточныхъ кварталахъ господствовала бѣшеная толкотня; повсюду царили опьяняющія наслажденія, игры, танцы и самыя безумныя удовольствія. Танцовали и въ церквахъ, и на кладбищахъ, гдѣ были погребены въ негашеной извѣсти жертвы времени ужаса. Въ бальныхъ туалетахъ вошли въ моду обрѣзанные воротники и коротко остриженные волосы осужденныхъ; устраивались балы, на которые могли являться лишь тѣ, у кого хоть одинъ родственникъ умеръ на гильотинѣ. Въ театрахъ всегда была суматоха; якобинцевъ вездѣ, гдѣ только можно было, оскорбляли и унижали.

Люди прокучивали все, что у нихъ было, и бросались на игру, ростовщичество, спекуляцію и ажіотажъ, чтобы снова разжиться. Торговля, промышленность и сношенія остановились. Максимумъ цѣнъ, со страшной строгостью поддерживаемый во времена ужаса, теперь сталъ козломъ отпущенія за голодъ и дороговизну. Въ декабрѣ 1794 г. максимумъ былъ отмѣненъ, но дѣйствіе этой мѣры оказалось очень ничтожнымъ, потому что лишь съ уничтоженіемъ таксы цѣнъ ажіотажъ, спекуляція, ростовщичество и мошенничество развернулись во всей красѣ. Ассигнаты послѣ паденія Робеспьера быстро пали въ цѣнѣ. Послѣ уничтоженія максимума они стали падать еще ниже и притомъ съ неожиданной быстротой. Теперь-то и сказались упущенія прежняго времени. Продовольствованіе Парижа становилось все труднѣе и труднѣе. Обезцѣненные ассигнаты парализовали всѣ предпріятія, а правительство не могло придумать ничего лучшаго, какъ наводнять Францію новыми массами бумажныхъ денегъ.

Между тѣмъ, какъ въ зажиточныхъ кварталахъ царили опьяняющія удовольствія, — въ предмѣстьяхъ страшная нужда доходила до крайнихъ предѣловъ. Жены рабочихъ должны были при всякой погодѣ съ полуночи стоять передъ хлѣбными и мясными лавками, выстраиваясь въ длинные ряды и дожидаясь своей очереди, чтобы купить за высокую цѣну кусокъ негоднаго мяса или плохого хлѣба. Максимумъ избавлялъ, по крайней мѣрѣ, отъ дороговизны. Зима должна была еще больше усилить бѣдствія народа,—а въ зажиточныхъ кварталахъ города жилось все шумнѣе и шумнѣе.

Въ провинціяхъ также повсюду преслѣдовали якобинцевъ и арестовывали множество лицъ, содѣйствовавшихъ комиссарамъ конвента во время ихъ дѣятельности. Къ этому еще присоединилось недовольство сельскаго населенія, все еще поджигаемаго духовенствомъ и роялистическими агентами, безконечные споры

и замѣшательства при покупкѣ національныхъ имуществъ и упрямство крестьянъ, которые во время максимума не хотѣли вывозить хлѣбъ на рынокъ, потому что находили цѣну слишкомъ низкой, а теперь не вывозили его потому, что не хотѣли брать обезцѣненныхъ бумажныхъ денегъ.

Вслѣдствіе внезапнаго уничтоженія принудительныхъ мѣропріятій времени ужаса нужда и всеобщее замѣшательство еще больше увеличились. Правящая теперь, новая буржуазная аристократія съ первыхъ же дней проявила свое главное свойство: безчувственность къ бѣдствіямъ народа.

Скоро въ конвентѣ возникла мысль о томъ, чтобы снова вернуть жирондистовъ, объявленныхъ внѣ закона, и освободить 73 депутатовъ, арестованныхъ за протестъ противъ этого постановленія. Но этому мѣшали якобинцы. Клубъ якобинцевъ все еще былъ довольно силенъ, благодаря тому уваженію, которымъ пользовалось его имя, благодаря его связямъ съ предмѣстьями и развѣтвленію его по всей странѣ. Послѣ паденія Робеспьера всѣ демократическіе элементы, всѣ лица, скомпромитировавшія себя во время ужаса, сгруппировались въ клубѣ и въ тѣсной сплоченности стали искать защиты отъ надвигающейся реакціи. Клубъ этотъ считали болѣе сильнымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Сами якобинцы, надѣясь на то имя, которое составило себѣ во всей Европѣ это народное общество, ожидали, что власть снова перейдетъ въ ихъ руки. Но они обманулись, потому что населеніе предмѣстій отнеслось довольно равнодушно къ судьбѣ клуба. Рабочіе бѣдствовали и тогда, когда власть была въ рукахъ якобинцевъ. Бѣдствіями рабочаго класса раньше воспользовались за тѣмъ, чтобы натравить его на аристократовъ, въ пользу же рабочихъ не приняли никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, а довольствовались лишь жалкими, временными средствами. Реквизиціи и раздача припасовъ были ничтожными средствами противъ постоянныхъ лишеній массы. Съ другой стороны, предмѣстья не могли забыть, что якобинцы содѣйствовали паденію гебертистовъ и коммуны. Вслѣдствіе этого предмѣстья спокойно смотрѣли, какъ знаменитый клубъ палъ жертвою термидористовъ. Рабочіе стали пессимистами.

Организованная Фрерономъ молодежь термидористовъ держала себя все нахальнѣе, и борьба между термидористами и якобинцами принимала все болѣе и болѣе страстный характеръ. Термидористы скоро перестали довольствоваться своими палками; они организовались, какъ милиція, и вооружились ружьями и саблями. На парижскихъ улицахъ происходили настоящія стычки. Реакціонеры изливали потоки обвиненій и клеветы на якобинцевъ и настраивали противъ нихъ общественное мнѣніе. Дальше всѣхъ зашелъ Талльянъ: онъ отправился въ одну отдаленную улицу, нанесъ себѣ выстрѣломъ изъ пистолета легкую рану и заявилъ, будто его хотѣли убить якобинцы. Сейчасъ же засуетились всѣ трусы и карьеристы, которые больше всѣхъ бѣсновались во время

ужаса и теперь въ роли крайнихъ тэрмидористовъ старались загладить свои революціонные грѣхи. Въ особенности отвратительно держали себя Мерленъ изъ Тіонвилля, Лежандръ, Бурдонъ изъ Уазы, Роверъ и Лекуантръ. Они требовали уничтоженія всего „хвоста якобинцевъ", а банды тэрмидористовъ повторяли это требованіе съ дикими, кровожадными криками на улицахъ.

Въ клубѣ якобинцевъ Билло Варенкъ и Колло д'Эрбуа явились теперь вождями низвергнутой демократіи и держали рѣчи въ защиту преслѣдуемыхъ проконсуловъ и коммиссаровъ времени ужаса. Однажды Билло Варенкъ потерялъ последнее терпѣніе. Кругомъ раздавались жалобы на преслѣдованія, которыя якобинцамъ приходится выносить въ провинціяхъ, и Билло сказалъ: „Когда левъ спитъ, то иные думаютъ, что онъ потерялъ свою силу,—но страшно будетъ его пробужденіе: онъ уничтожитъ своихъ враговъ". Слова эти, конечно, не взволновали предмѣстій, но въ конвентѣ ими воспользовались для новыхъ рѣзкихъ нападокъ на якобинцевъ и хотя еще не рѣшались сейчасъ же закрыть клубъ, но ему запретили сноситься съ его развѣтвленіями, что сильно подорвало его вліяніе.

Такое поведеніе конвента еще больше увеличило безстыдство „золотой молодежи"; въ Парижѣ повсюду—на улицахъ, въ театрахъ и частныхъ домахъ происходили схватки, побоища и избіенія. Тэрмидористы скоро доставили конвенту столь желательный ему предлогъ для дальнѣйшихъ мѣропріятій противъ якобинцевъ.

8 ноября 1794 г. якобинцы собрались въ своемъ обычномъ помѣщеніи; въ это же время „золотая молодежь" устремилась въ Пале-Рояль и наполнила тамошнія кафе страшными криками противъ якобинцевъ. Самъ Фреронъ былъ здѣсь и употреблялъ всѣ усилія, чтобы довести волненіе до взрыва. Паролемъ этихъ бандъ стала гибель клуба якобинцевъ. Наконецъ, онѣ двинулись всей массой и напали на помѣщеніе якобинцевъ. Въ окна якобинцевъ полетѣли камни; нападающіе взялись за палки и сабли. Якобинцы, среди которыхъ были также женщины и дѣти, энергично защищались: они сдѣлали вылазку съ членомъ конвента Дюгаломъ (Duhem) во главѣ, причемъ произошла страшная рукопашная свалка, въ которой оказались и раненые. Тэрмидористы были въ большинствѣ и они не постыдились жестоко расправляться съ женами якобинцевъ, обнажать ихъ и бить палками. Наконецъ, явились послы комитета безопасности, прекратили борьбу и арестовали много лицъ съ обѣихъ сторонъ. Захваченныхъ тэрмидористовъ скоро освободили, якобинцы же остались подъ арестомъ. Комитетъ безопасности велѣлъ запечатать залъ засѣданій якобинцевъ.

Радость новой аристократіи по случаю этого постановленія вышла изъ всякихъ предѣловъ; во многихъ мѣстахъ зажиточныхъ кварталовъ Парижа устраивались иллюминаціи. Но надругательства золотой молодежи надъ якобинцами продолжались по прежнему и оставались безнаказанными, потому что правительство Талльяна и его товарищей даже не давало себѣ труда скрывать свою враждебность къ якобинцамъ.

При такихъ обстоятельствахъ конвентъ рѣшился окончательно закрыть клубъ якобинцевъ. Онъ утвердилъ распоряженіе комитета безопасности съ лживой мотивировкой, будто клубъ якобинцевъ даетъ поводъ къ безпрестаннымъ волненіямъ и грозитъ вызвать гражданскую войну.

Якобинцы со скрежетомъ зубовъ покорились своей судьбѣ: отвратить ее они не могли. Они видѣли, что съ уничтоженіемъ ихъ центральнаго пункта уничтожена и ихъ сила, потому что остатки демократическихъ организацій, уцѣлѣвшіе еще въ Парижѣ, были незначительны. Съ этихъ поръ демократія не имѣла уже въ рукахъ никакого рычага, никакой точки опоры подъ собою. Враги старались уничтожить даже имя знаменитаго клуба, котораго еще недавно страшилась вся Европа, и площадь, на которой стоялъ монастырь св. Якова, переименовали въ рынокъ Тэрмидора. Но изъ исторіи, конечно, нельзя было вычеркнуть память объ этомъ обществѣ, сыгравшемъ такую грандіозную роль.

Послѣ пораженія якобинцевъ конвентъ уже не колебался снова допустить 73 арестованныхъ депутатовъ. По предложенію Карно въ Вандеѣ была объявлена амнистія для каждаго, кто въ теченіе мѣсяца сложитъ оружіе,—чтобы хоть сколько нибудь умиротворить эту опустошенную страну. Но если амнистирована была Вандея, то и арестованные депутаты тоже не могли оставаться въ тюрьмѣ. 8 ноября 1794 г. они были освобождены и снова допущены на засѣданія. Это возбудило вопросъ о возвращеніи жирондистовъ, объявленныхъ внѣ закона, и Грегуаръ представилъ записку Ланжюинэ, въ которой этотъ послѣдній требовалъ, чтобы объявленіе внѣ закона было отмѣнено и жирондисты снова были призваны въ конвентъ. Но тутъ даже нѣкоторые изъ тэрмидористовъ испугались столь быстраго усиленія реакціи. Тэрмидористы, принадлежавшіе раньше къ Горѣ, во время возстанія 31 мая высказались за арестъ жирондистовъ и принадлежали къ ихъ ревностнымъ гонителямъ. Они не могли еще рѣшиться снова допустить жирондистовъ въ конвентъ, и Мерленъ изъ Дуэ яростно восклицалъ: „Неужели вы хотите открыть двери Тампля?"—А въ Тамплѣ содержался сынъ Людовика XVI, бывшій раньше дофиномъ. Наконецъ, было рѣшено отмѣнить постановленіе, объявлявшее жирондистовъ внѣ закона, но не допускать ихъ еще въ конвентъ.

При такихъ обстоятельствахъ, понятно, реакціонеры должны были наброситься съ удвоенной энергіей на якобинцевъ и сторонниковъ системы ужаса. Первыми жертвами мстительности реакціонеровъ были избраны три человѣка со страшной репутаціей: Каррье, Лебонъ и Фукье-Тэнвилль. Люди эти были не виновнѣе всѣхъ остальныхъ, исполнявшихъ приказанія конвента; не были они также виновнѣе и самого конвента, одобрявшаго распоряженія комитетовъ, которые выполняли эти обвиняемые. Ихъ можно было упрекнуть въ томъ, что они выполняли эти распоряженія съ чрезмѣрной ревностью и нѣкоторой жестокостью, но все же

они лишь дѣйствовали по приказанію тѣхъ, которые теперь выступили ихъ обвинителями и судьями. Лебонъ, молодой человѣкъ и любимецъ Робеспьера, былъ посланъ комиссаромъ конвента въ Аррасъ для уничтоженія и наказанія опасныхъ происковъ роялистовъ на сѣверной границѣ. Онъ велъ при этомъ дѣло настолько мягко, что поведеніе его вызвало рѣзкое порицаніе со стороны комитета благосостоянія. Тогда мягкость Лебона перешла въ страшную строгость; онъ производилъ множество казней, и говорили, будто онъ еще велѣлъ читать на эшафотѣ осужденнымъ извѣстія о побѣдахъ, получаемыя съ театра военныхъ дѣйствій, чтобы продлить и усилить ихъ мученія. Говорили также, что онъ приглашалъ къ своему столу палача, какъ „полезнаго гражданина“. Правда ли это или нѣтъ, — во всякомъ случаѣ фактъ, что Лебонъ, лишь по приказанію комитета благосостоянія, впалъ въ террористическое неистовство и что конвентъ, утверждая мѣропріятія комитета, одобрялъ это приказаніе. Но теперь тотъ же самый конвентъ предалъ Лебона суду революціоннаго трибунала, который и осудилъ его на смерть. Въ подобномъ же положеніи находился и Карье, который былъ посланъ въ Нантъ для суда надъ захваченными въ плѣнъ вандейскими инсургентами. Ему было велѣно наказывать съ крайней строгостью. Карье былъ человѣкъ мрачный и фанатичный; онъ счелъ бы преступленіемъ не выполнить даннаго ему приказанія со всей точностью. Кромѣ того, онъ былъ посланъ въ Вандею, охваченную кровавой гражданской войной, въ которой обѣ стороны дѣйствовали съ безчеловѣчной жестокостью. Карье былъ неразборчивъ въ средствахъ; онъ назначалъ массовыя казни и производилъ ихъ такъ жестоко, что его отозвали еще въ правленіе Робеспьера. 132 нантскихъ плѣнника онъ отправилъ въ Парижъ на судъ парижскаго революціоннаго трибунала. Этотъ процессъ былъ тогда отложенъ. Теперь же его поставили на очередь, и обвиняемые давали ужасныя показанія о расправахъ Карье надъ плѣнными вандейцами. По ихъ словамъ, онъ не только казнилъ безъ суда массами плѣнныхъ мужчинъ, но и умертвилъ также множество женщинъ и дѣтей. Карье, по показаніямъ нантцевъ, ввелъ революціонныя свадьбы и крестины. „Свадьбы“ эти состояли въ томъ, что связывали попарно обнаженныхъ мужчинъ и женщинъ и бросали ихъ въ Луару. „Крестины“ совершались такъ, что приготовляли суда съ клапанами въ трюмахъ, наполняли трюмы плѣнными и затѣмъ, открывъ клапаны, топили плѣнныхъ. Впрочемъ, грубыя издѣвательства надъ осужденными были тогда въ обычаѣ у всѣхъ партій. Несомнѣнно, въ показаніяхъ вандейцевъ о Карье не все было правдой и, повидимому, преувеличены ихъ разсказы о томъ, что когда въ трюмахъ топили плѣнныхъ, Карье пировалъ съ распутными женщинами на палубахъ тѣхъ же судовъ. Карье не отрицалъ массовыхъ истребленій, но онъ указывалъ въ свое оправданіе на приказы, данные ему, на опасности, угрожавшія республикѣ, и на разнузданность страстей въ гражданской войнѣ. Члены нантскаго революціоннаго трибунала, обвинявшіеся вмѣстѣ съ Карье, повидимому, также взвалили всю вину на одного

Каррье. Когда конвентъ постановилъ предать Каррье суду революціоннаго трибунала, онъ воскликнулъ: „Здѣсь все виновно, все — до колокольчика президента!“ И въ этихъ словахъ было много правды.

Каррье, смерти котораго ежедневно требовала „золотая молодежь“, былъ осужденъ и казненъ 18 декабря 1794 г.; во время процесса онъ обнаружилъ много хладнокровія. Фукье-Тэнвилль, бывшій прокуроръ революціоннаго трибунала, добровольно явился для ареста, когда узналъ, что постановлено возбудить противъ него обвиненіе. Процессъ его тянулся очень долго. Фукье заявилъ, что онъ дѣйствовалъ только по приказаніямъ комитетовъ; онъ протестовалъ противъ кроваваго акта 22 преріаля и оттягивалъ процессъ нантцевъ. Его жестокость много повредила дѣлу демократіи; онъ всегда былъ простымъ, безчувственнымъ орудіемъ господствующей системы. Но многіе изъ термидористовъ были гораздо болѣе виновны въ усиленіи системы ужаса, чѣмъ Фукье-Тэнвилль; смерти его требовали, главнымъ образомъ, Фреронъ и Мерленъ: одинъ изъ нихъ былъ авторомъ закона о подозрительныхъ, а другой руководилъ казнями въ Тулонѣ. Фукье былъ приговоренъ къ смертной казни, вмѣстѣ съ двѣнадцатью другими членами революціоннаго трибунала; они казнены 7 мая 1795 г., когда Парижъ заволновался вслѣдствіе бурныхъ возстаній предмѣстій. Два года тому назадъ конвентъ учредилъ революціонный трибуналъ,—а теперь отвѣтственность за него взвалилъ на прокурора и двѣнадцать судей и присяжныхъ.

Въ провинціяхъ, также какъ и въ Парижѣ, сторонники павшей системы подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ. Реакціонный терроризмъ занялъ мѣсто революціоннаго. Поэтому и законъ о подозрительныхъ былъ оставленъ въ силѣ. Между тѣмъ часто обнаруживалось, что обвиненія, выдвигаемыя противъ отдѣльныхъ комиссаровъ конвента были преувеличены. Такъ, говорили, будто Менье, любимецъ Кутона, истреблялъ вмѣстѣ съ революціоннымъ трибуналомъ населеніе въ Оранжѣ, а одну деревню, съ людьми и постройками, совершенно стеръ съ лица земли. Но конвентъ не возбуждалъ противъ него обвиненія.

Вскорѣ Фреронъ нашелъ уже излишнимъ противопоставлять имя Марата имени Робеспьера, какъ онъ лицемѣрно дѣлалъ это до сихъ поръ. „Золотая молодежь“ преслѣдовала Марата и въ гробу и всячески издѣвалась надъ его бюстами и портретами. Прахъ его удалили изъ Пантеона, куда онъ былъ перенесенъ, и конвентъ постановилъ, что никто не можетъ быть погребенъ въ Пантеонѣ, раньше какъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти. Прахъ Марата былъ брошенъ въ клоаку. Великолѣпная картина, на которой Давидъ изобразилъ убійство Марата Шарлотою Кордэ, была уничтожена вандалами золотой молодежи.

Конвентъ очень разумно отмѣнилъ введенное Робеспьеромъ постановленіе относительно Высшаго Существа и объявилъ полную свободу религіи. Государственной религіи теперь уже не было и на религіозныя учрежденія не отпускалось суммъ изъ государственнаго казначейства. Было только предписано, что церковныя

торжества должны совершаться внутри зданій, въ остальномъ же каждый могъ избрать себѣ культъ по своему усмотрѣнію. Правда, конвентъ установилъ оффиціальное празднованіе декадъ, при которомъ играла музыка, устраивались танцы и чтенія, но участіе въ этихъ празднествахъ ни для кого не было обязательнымъ. Такой порядокъ, представлявшій собою полное отдѣленіе церкви отъ государства и дававшій больше всего гарантій противъ столкновеній съ церковными властями, былъ однимъ изъ немногихъ разумныхъ установленій конвента термидористовъ.

Лекуантръ нашелъ, что теперь настало болѣе благопріятное время для обвиненія членовъ старыхъ комитетовъ, и добился того, что конвентъ возбудилъ обвиненіе противъ Билло Варенна, Колло д'Эрбуа, Баррера и Вадье. Вслѣдствіе такого рѣшенія требованіе возвращенія жирондистовъ становилось все настойчивѣе и настойчивѣе. Въ мартѣ 1759 г. послѣ долгихъ и бурныхъ преній это требованіе было удовлетворено. Шенье говорилъ, что во Франціи не нашлось пещеръ, достаточно глубокихъ, чтобы скрыть краснорѣчіе Верніо и геній Кондорсэ. Онъ утверждалъ, что федерализмъ жирондистовъ—пустая клевета, и предложилъ возвратить ихъ. Гора настойчиво противодѣйствовала этому мѣропріятію, потому что отъ вернувшихся жирондистовъ она могла ждать лишь самыхъ сильныхъ нападеній. Противъ возвращенія были также многіе изъ термидористовъ. Бантаболь говорилъ, что если вернуть исключенныхъ 31 мая 1793 г., то надо возбудить преслѣдованіе противъ тѣхъ 80000 человѣкъ, которые въ этотъ день окружили конвентъ: эта мѣра разожжетъ всѣ страсти. Тутъ поднялся Сійесъ, давно уже игравшій въ конвентѣ роль смиреннаго и робкаго молчальника: усиленіе реакціи придало ему теперь мужество. Этотъ аббатъ, такъ часто въ первомъ національномъ собраніи разсѣевавшій сомнѣнія своихъ товарищей относительно законности ихъ дѣйствій, теперь настаивалъ, что постановленіе 31 мая было актомъ незаконнымъ и его нужно признать неимѣющимъ никакого значенія; что до 31 мая конвентъ былъ подавленъ народомъ, а съ тѣхъ поръ до 9-го термидора онъ угнеталъ народъ, — теперь же царитъ справедливость!—„Какъ, воскликнулъ съ горы Камбонъ: 31 мая не имѣетъ никакого значенія? Тогда и все, что вы сдѣлали съ тѣхъ поръ, не имѣетъ значенія. Весь этотъ огромный трудъ, эта масса законовъ, всѣ декреты, на которыхъ основано нынѣшнее правленіе,—все это тоже не имѣетъ никакого значенія!"

Но реакціонное теченіе было слишкомъ сильнымъ, чтобы для него могло стать опаснымъ противодѣйствіе Горы. Конвентъ постановилъ возвратить жирондистовъ и Ланжюинэ, Лувэ, Ляривьеръ, Иснаръ, Ляревельеръ-Лепо и другіе снова явились въ конвентъ. Послѣ столь долгаго пребыванія внѣ закона они были исполнены жаждой мести и немедленно же обрушились на „хвостъ Робеспьера". Сейчасъ же послѣ ихъ возвращенія конвентъ рѣшилъ арестовать Билло-Варрена, Колло д'Эрбуа, Баррера и Вадье.

Со вступленіемъ возвращенныхъ жирондистовъ въ конвентъ, распредѣленіе партій еще разъ измѣнилось. Теперь снова образовалась правая, созданная жирондистами и подкрѣпленная остат-

ками этой партіи, удержавшимися въ конвентѣ во время пребыванія ихъ товарищей внѣ закона. Здѣсь вынырнулъ плохо скрытый роялизмъ, потому что многіе жирондисты объявили себя республиканцами лишь подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Тѣ самые жирондисты, которые до 10 августа были вождями революціи, теперь стали вождями реакціи. Конечно, не надо упускать изъ виду и того, что самые выдающіеся изъ ихъ главарей погибли въ буряхъ партійной борьбы. Въ такомъ же положеніи находилась и лѣвая, занимавшая гору; она тоже теряла одного за другимъ своихъ первостепенныхъ вождей. Лѣвая сравнительно съ другими партіями была слаба и численностью, и вліяніемъ; тѣмъ сильнѣе былъ центръ, въ которомъ господствовали термидористы. Эта партія не была вполнѣ сплочена, такъ какъ въ ней существовала фракція независимыхъ нежелавшихъ поддаваться реакціи. Но центръ иногда увлекался реакціоннымъ теченіемъ гораздо дальше, чѣмъ онъ разсчитывалъ. Эта партія хотѣла „солидной", буржуазно-аристократической республики и стояла въ рѣзкомъ антогонизмѣ какъ съ правой, желавшей конституціонной монархіи, такъ и съ лѣвой, стоявшей за конституцію 1793 года. Дѣло должно было дойти до рѣшительной борьбы между этими партіями, и дальше мы увидимъ, какъ центръ съ помощью роялистовъ уничтожилъ демократію, а съ помощью демократіи—роялистовъ.

Послѣ 9 термидора конвентъ почти всю свою дѣятельность направилъ на партійную борьбу и на преслѣдованіе демократіи, теряя много драгоцѣннаго времени въ пустыхъ партійныхъ спорахъ. Экономисты девятаго термидора столь же мало понимали экономическія неурядицы, увеличивавшіяся съ каждымъ днемъ, какъ мало и сочувствовали бѣдствіямъ народа. Они думали, что устранивъ возможно скорѣе ненавистныя имъ установленія времени ужаса, они уже сдѣлаютъ все. Никакихъ новыхъ идей у нихъ не было. Быстрая отмѣна почти всѣхъ принудительныхъ мѣръ времени ужаса лишь увеличила запутанность всѣхъ отношеній и усилила бѣдствія народа. Правда, урожай теперь былъ обильный, но страна во многихъ мѣстахъ была опустошена гражданской войной. Торговля съ иностранными землями почти совершенно прекратилась и промышленность пала; въ Ліонѣ, бывшемъ нѣкогда самымъ значительнымъ фабричнымъ городомъ страны, работало едва 2000 ткацкихъ станковъ. Не трудно было понять, что для борьбы съ нуждою необходимы самыя энергичныя мѣры. Но экономисты девятаго термидора не могли придумать ничего, кромѣ „свободной конкурренціи", которая въ то время была именно опаснѣе всего, такъ какъ можно было предвидѣть, что спекулянты, скупщики и ростовщики воспользуются быстрой отмѣной всѣхъ охранительныхъ законовъ и тяжелымъ положеніемъ французовъ для эксплоатаціи народа и собственнаго обогащенія. Тибодо, человѣкъ плоскаго ума, но умѣвшій играть роль въ это время посредственностей, восклицалъ: „единственное спасеніе—въ *свободѣ торговли* и въ уничтоженіи максимума!" Мак-

симумъ, какъ мы видѣли былъ уничтоженъ уже въ декабрѣ; такимъ образомъ, свобода торговли была достаточно возстановлена. Но тѣмъ не менѣе, во всемъ чувствовался недостатокъ, такъ какъ ассигнаты все продолжали падать и продавцы не являлись на рынокъ. Къ 9 термидора ассигнаты понизились до 33%; послѣ уничтоженія максимума они упали до 19%, а нѣсколько позже до 17%. Въ теченіе зимы недостатокъ въ дровахъ и угольяхъ до того увеличился, что комитетъ благосостоянія однажды долженъ былъ устроить рубку деревьевъ въ большихъ размѣрахъ, рискуя уничтожить государственные лѣса.

Отъ этихъ всеобщихъ бѣдствій болѣе всего пришлось выстрадать Парижу. Мы уже видѣли, какимъ лишеніямъ подвергались рабочіе предмѣстій и съ какимъ рѣдкимъ терпѣніемъ они ихъ выносили. У нихъ уже не было особенной охоты къ возстаніямъ, потому что они ничего не ждали отъ этихъ возстаній. Но теперь имъ пришлось пережить суровую и продолжительную зиму —это была та зима, когда замерзъ голландскій флотъ—и бѣдствія ихъ увеличились до крайней степени. Плохая и скудная пища, какую они могли достать, была совершенно недостаточна, и часто бывали случаи голодной смерти. Вандея, такъ долго служившая житницей Парижа, была теперь опустошена и не могла дать ничего. А тутъ еще роскошныя пиршества и вся жизнь новой буржуазной аристократіи въ „чистыхъ" кварталахъ должны были дѣйствовать на рабочихъ самымъ раздражающимъ образомъ. Они видѣли, какъ рядомъ съ самой страшной нищетой, точно въ насмѣшку, развивалось своеволіе. Голодъ выгонялъ въ предмѣстьяхъ мужчинъ и женщинъ на улицы и здѣсь составлялись тѣ толпы, въ которыхъ можно было видѣть прелюдію возстанія.

Якобинцы и партія Горы возложили всѣ упованія на то, что бѣдствія зимы доведутъ рабочихъ до возстанія. Они хотѣли воспользоваться этимъ движеніемъ, чтобы снова достигнуть власти и свергнуть жирондистовъ. Народу за его лишенія они, вѣроятно, и на этотъ разъ могли бы предложить только усиленныя преслѣдованія аристократовъ, рабочимъ же и впредь пришлось бы голодать, какъ въ правленіе Робеспьера. Доведенные до отчаянія и подстрекаемые якобинцами, рабочіе волновались. Имъ данъ былъ лозунгъ, свидѣтельствовавшій о вліяніи на нихъ якобинцевъ: они должны были требовать и добиться возстановленія конституціи 1793 г., а также освобожденія арестованныхъ патріотовъ, какъ теперь называли гонимыхъ сторонниковъ демократіи. Конституція 1793 г. обезпечивала за народомъ преобладаніе во Франціи; якобинцы надѣялись, что введеніе ея снова передастъ власть въ ихъ руки. Но надежда эта врядъ ли бы исполнилась, если бы была введена конституція 1793 г., потому что при плебисцитахъ рѣшающей силой уже стали крестьяне: они желали мира и спокойнаго труда и, понятно, должны были враждебно относиться къ пылкому и неугомонному якобинству.

Страшныя бѣдствія предмѣстій заставили конвентъ снова серьезнѣе заняться продовольствованіемъ Парижа. Въ половинѣ марта было постановлено выдавать каждому жителю по 1 фунту

хлѣба, а рабочимъ, занятымъ тяжелымъ трудомъ, по 1½ фунта въ день. Этимъ думали удовлетворить предмѣстья. Однако вышло иначе: вскорѣ, 17 марта, изъ предмѣстій Сентъ-Антуанскаго и Сэнъ-Марсо явилась депутація, имѣвшая представить петицію, требовавшую устраненія недостатка въ хлѣбѣ. Депутація эта говорила, что рабочимъ всегда приходится терпѣть лишь одни лишенія и что они готовы сожалѣть о жертвахъ, принесенныхъ ими для революціи. Тибодо, предсѣдательствовавшій въ конвентѣ, далъ довольно грубый отвѣтъ, а Буасси д'Англа заявилъ, что раціоны хлѣба раздаются правильно. Почтенный Буасси могъ бы понять, что для содержанія человѣка зимой еще недостаточно фунта хлѣба въ день. Депутаціи велѣно было удалиться; рабочіе, понятно, были раздражены: они въ волненіи били кулаками по барьеру, передъ которымъ они стояли, крича: „хлѣба, хлѣба!" Многочисленная толпа народа, ожидавшая передъ конвентомъ результата депутаціи, заволновалась, когда узнала исходъ дѣла, и попыталась ворваться въ залъ засѣданій. Въ это время подоспѣли вооруженныя секціи изъ зажиточныхъ кварталовъ и разогнали рабочихъ. Депутація удалилась.

Конвентъ нашелъ волненія среди рабочихъ очень опасными, такъ какъ предмѣстья были вооружены и имѣли пушки. Но на этотъ разъ не было принято никакихъ мѣръ для подавленія волненій. Предмѣстья все волновались, потому что комитетъ конвента, завѣдывавшій продовольствіемъ Парижа, едва могъ доставать 1500 мѣшковъ муки, необходимыхъ для ежедневнаго прокормленія города. Хлѣбъ былъ плохой, и знаменательно, что Буасси д'Англа, предсѣдательствовавшаго въ продовольственномъ комитетѣ, народъ прозвалъ „голоднымъ Буасси".

20 марта предмѣстья снова поднялись, и рабочіе толпами стекались къ конвенту: они требовали „хлѣба и конституціи 1793 г.!" Въ ближайшіе дни долженъ былъ начаться процессъ Билло-Варенна, Колло д'Эрбуа и Баррера, и поэтому рабочіе воспользовались случаемъ, чтобы потребовать освобожденія арестованныхъ патріотовъ. Передъ Тюльери собралась также часть золотой молодежи, и дѣло дошло у нея до побоища съ рабочими предмѣстій, причемъ нѣкоторые изъ „золотыхъ" палочниковъ были брошены въ пруды тюльерійскаго сада. Раздавались крики: „Да здравствуетъ конвентъ! Долой террористовъ!" а въ отвѣтъ на это кричали: „Да здравствуетъ клубъ якобинцевъ! Долой аристократовъ!"

Въ залѣ засѣданій конвента въ это время читалась петиція. Она рекомендовала, какъ средство умиротворенія, конституцію 1793 г. „Введите", говорилось въ петиціи, „эту популярную конституцію, которую народъ принялъ и поклялся соблюдать; она примиритъ всѣ интересы, успокоитъ всѣ умы и приведетъ васъ къ цѣли вашей дѣятельности".

Относительно этого предложенія возникли ожесточенныя пренія: Гора поддерживала петицію, тогда какъ другія партіи отвергали ее. Тибодо сдѣлалъ безсмысленное заявленіе, что конституція 1793 г. не демократична. Онъ говорилъ: „Демо-

кратична не та конституція, при которой народъ самъ пользуется всей властью, а та при которой вслѣдствіе мудраго раздѣленія властей народъ наслаждается свободой, равенствомъ и спокойствіемъ". Этой фразѣ конвентъ усердно аплодировалъ.

Затѣмъ, было постановлено ввести конституцію 1793 г. не раньше, какъ послѣ изданія необходимыхъ органическихъ законовъ: этимъ постановленіемъ термидорiанцы лишь плохо скрывали свое нерасположеніе къ конституціи 1793 г.

Тѣмъ временемъ подоспѣла золотая молодежь и вооруженныя секціи: послѣ яростной схватки они разсѣяли толпу, собравшуюся передъ Тюльери, и затѣмъ, депутація оставила залъ. Тогда Сійесъ предложилъ „законъ высшей полиціи", устанавливавшій строгія наказанія для предупрежденія массовыхъ сборищъ, и конвентъ принялъ этотъ законъ.

Послѣ этого начался процессъ Билло, Колло и Баррера, которыхъ съ большимъ самоотверженіемъ защищали ихъ товарищи: Карно, Пріёръ и Линдэ. Карно въ своей прекрасной рѣчи указалъ на то, что ни одного члена комитета благосостоянія нельзя считать отвѣтственнымъ за распоряженія, подписанныя имъ, такъ какъ комитетъ былъ настолько заваленъ работой, что члены его едва имѣли время для принятія пищи: они вынуждены были поручать другъ другу расписываться за себя, и поэтому подпись того или иного члена комитета еще ничего не доказываетъ.

Процессъ этотъ вызвалъ сильное возбужденіе, и цѣлую недѣлю партіи яростно боролись въ конвентѣ, не придя ни къ какому результату. Исходъ дѣла казался сомнительнымъ. Но городъ и предмѣстья пришли въ движеніе, такъ какъ якобинцы употребляли всѣ средства для спасенія обвиняемыхъ. Особенно энергично дѣйствовалъ въ предмѣстьяхъ членъ конвента, пылкій и мужественный молодой человѣкъ, Гужонъ. Къ барьеру конвента снова являлись депутаціи мужчинъ и женщинъ, требовавшія хлѣба, и Гужонъ поддерживалъ ихъ. Была представлена новая петиція, въ которой говорилось: „Почему въ Парижѣ нѣтъ муниципалитета? Почему закрыты народныя общества? Что сталось съ жатвой? Почему стоимость ассигнатовъ все понижается? Почему дозволяется молодежи собираться въ Пале-Роялѣ, и почему въ тюрьмахъ сидятъ одни лишь патріоты?"

Конвентъ отклонилъ эту петицію, отвѣтивъ, что нарушенія спокойствія будутъ преслѣдоваться.

Раздраженные до крайности рабочіе собрались утромъ 1 апрѣля и съ барабаннымъ боемъ снова направились къ конвенту. Они толпой ворвались въ залъ,—здѣсь они ничего не предпринимали, а лишь мѣшали совѣщаніямъ. Они, очевидно, были не подготовлены и только кричали: „Хлѣба! хлѣба! Конституцію 1793 г.!.." Депутатовъ, желавшихъ говорить, они прерывали. Совершенно невозможно было принять какое нибудь постановленіе. Люди Горы сами не знали, что дѣлать; они видѣли, что съ неорганизованной массой ничего нельзя предпринять. Поэтому они уговаривали толпу удалиться, чтобы можно было принять какое нибудь рѣшеніе. Но рабочіе не уходили, и нѣкій Ванэкъ выступилъ

ихъ ораторомъ; онъ требовалъ освобожденія патріотовъ и конституціи 1793 г. Толпа все требовала хлѣба. Черезъ четыре часа явилась вооруженная сила реакціонныхъ секцій и разогнала толпу. Движеніе снова окончилось неудачей.

Тѣмъ насильственнѣе поступалъ теперь конвентъ, еще недавно признавшій исключеніе жирондистовъ преступленіемъ. Генералу Пишегрю, бывшему тогда въ Парижѣ, было поручено начальствованіе надъ вооруженной силой, и онъ подавилъ всѣ движенія въ пользу обвиняемыхъ членовъ комитета. Билло, Колло, Барреръ и Вадье были приговорены къ ссылкѣ въ Кайену и сейчасъ же увезены. Попытка освобожденія ихъ не удалась, и Билло и Колло были отправлены въ Кайену, гдѣ Колло въ слѣдующемъ году умеръ. Билло, котораго долго исключали изъ амнистіи, съ гордостью отвергъ амнистію, предложенную ему Наполеономъ. Впослѣдствіи онъ жилъ на о. Гаити. Барреръ и Вадье остались во Франціи. Вся вина въ возстаніи была приписана Горѣ, и семь членовъ лѣвой были присуждены къ заключенію въ замкѣ Анъ (Ham). Среди нихъ находились: Амаръ, Леонаръ Бурдонъ и Шудье; впослѣдствіи къ нимъ присоединили еще девять человѣкъ, среди которыхъ были Камбонъ, Тюріо и Левассеръ изъ Сарты. Послѣ этого неудачнаго возстанія наступила пауза, и рабочіе, вѣроятно относились бы къ дальнѣйшему ходу дѣлъ съ тѣмъ же равнодушіемъ, какъ при Директоріи и Наполеонѣ, если бы ихъ не такъ сильно мучилъ голодъ. У конвента были для нихъ лишь увѣщанія, обѣщанія и угрозы, за которыми выдвигался реальный доводъ, въ видѣ палокъ золотой молодежи, ружей и пушекъ реакціонныхъ членовъ секцій. Для продовольствованія Парижа, которое едва могло удовлетворять потребностямъ, у конвента уже не хватало средствъ; теперь сказались пагубныя послѣдствія слишкомъ поспѣшной отмѣны принудительныхъ мѣропріятій. Рабочіе страшно страдали. Уже невозможно было доставлять назначенныхъ конвентомъ раціоновъ хлѣба въ 1—1½ фунта; май мѣсяцъ начался для населенія предмѣстій тѣмъ, что стали выдавать уже лишь по ¼ фунта хлѣба на человѣка. Сверхъ хлѣба бѣдняки могли получать еще по горсти риса. Эти бѣдствія вызвали страшное озлобленіе, которымъ люди Горы воспользовались, чтобы снова произвести возстаніе. Агитацію среди рабочихъ вели, главнымъ образомъ, члены конвента Гужонъ и Бурботтъ; второй изъ нихъ былъ раньше комиссаромъ конвента въ Вандеѣ. Преслѣдованіе якобинцевъ на югѣ Франціи, приведшее къ кровавымъ избіеніямъ, усилило возбужденіе рабочихъ; они боялись утратить всѣ пріобрѣтенія революціи и потому еще разъ послушались пылкихъ людей Горы и двинулись противъ конвента.

Это возстаніе съ самаго же начала имѣло мало надежды на успѣхъ. Ему недоставало прежде всего извѣстнаго и популярнаго имени, которое могло бы служить знаменемъ. Революція шла уже на убыль; власть была въ рукахъ противниковъ демократіи, и возставшіе защищали позицію, которая уже на половину была занята врагами. Парижское населеніе было во власти членовъ секцій, сторонниковъ термидористовъ и золотой молодежи,

которымъ ихъ успѣхи придали большую самоувѣренность и наглость, тогда какъ якобинцы упали духомъ вслѣдствіе своихъ пораженій. У рабочихъ было еще оружіе, и они надѣялись на него.

19 мая 1795 г. показались предвѣстники возстанія, въ видѣ волненій на улицахъ и возбужденія на галлереяхъ конвента. Вечеромъ явилась массовая петиція, исходившая отъ якобинцевъ, содержавшая въ одиннадцати статьяхъ требованія патріотовъ. Они требовали исключенія изъ конвента жирондистовъ и семидесяти трехъ, возвращенія сосланныхъ и освобожденія заключенныхъ патріотовъ, введенія конституціи 1793 г., организаціи общиннаго совѣта и возстановленія максимума и реквизицій. Изъ этого видно, что якобинцы были столь же бѣдны соціально-экономическими идеями, какъ и ихъ противники; они умѣли лишь совершенно схематически требовать возстановленія мѣропріятій времени ужаса,—при которыхъ народъ тоже терпѣлъ горькую нужду. Но имъ прежде всего важно было свергнуть жирондистовъ и термидористовъ. Поэтому они призывали въ своемъ манифестѣ народъ противъ конвента и приглашали всѣхъ патріотовъ написать на своихъ шляпахъ: „хлѣба и конституцію 1793 г.!"

На слѣдующій день поднялись голодныя массы,—какъ раньше, 31 мая и 2 іюня 1793 г. Въ пять часовъ утра раздался набатъ, вооруженныя массы стали собираться на улицахъ и шли къ конвенту. Якобинцы внутренняго города соединились съ рабочими Сэнтъ-Антуана и Сэнъ-Марсо. Какъ во времена Анріо, раздался пушечный выстрѣлъ въ знакъ тревоги. Когда конвентъ почувствовалъ приближающуюся бурю, онъ потребовалъ отъ секцій, чтобы онѣ предоставили свою вооруженную силу въ его распоряженіе. Но секціи собирались медленно, и золотая молодежь, для которой конвентъ не былъ достаточно роялистическимъ, сперва тоже не проявляла особенной ревности. Галлереи конвента, занятыя большею частью тѣми женщинами, которыхъ называли швейками Робеспьера, а теперь зло прозвали также вдовами Робеспьера, стража конвента очистила плетями. Но скоро подошла масса возставшихъ и ворвалась въ залъ засѣданій. Повсюду раздавался набатъ. Среди патріотовъ было также много женщинъ и дѣтей; на шляпахъ у мужчинъ было написано мѣломъ: „хлѣба и конституцію 1793 г.!" Толпа разбила ворота, разогнала стражу конвента сильнымъ ружейнымъ огнемъ, причемъ пули ударялись въ стѣны зала засѣданій, и достигла бюро конвента. Депутатъ Феро, человѣкъ молодой, бросился на-встрѣчу ворвавшимся. Его ранили, толпа смяла его и двинулась черезъ него. Его смѣшали съ Фрерономъ, и кровожадный мясникъ Тинель отрѣзалъ ему голову и воткнулъ ее на пику, причемъ ему помогалъ одинъ негръ.

На президентскомъ мѣстѣ сидѣлъ Буасси д'Англа; онъ былъ блѣденъ, но оставался неподвижнымъ во время страшной суматолоки, когда вокругъ него сверкало оружіе возставшихъ. Къ нему протянули на пикѣ голову Феро, и онъ поклонился ей. Толкотня становилась все сильнѣе; толпы отливали и снова приливали, и долго невозможно было приступить ни къ какимъ обсужденіямъ.

Возставшіе хотѣли принудить конвентъ къ принятію требованій, изложенныхъ въ петиціи, хотѣли воспроизвести 31 мая. Послѣ долгой и бѣшенной сутолоки, Ромму, Гужону, Бурботту и другимъ людямъ Горы удалось довести дѣло до голосованія относительно требованій возставшихъ. На это уходило важное для нихъ время. Въ этотъ моментъ неизвѣстно было, существуетъ-ли еще какое-нибудь правительство. Депутаты, многіе изъ которыхъ разбѣжались, были стиснуты въ кучку и должны были голосовать. Каждый пунктъ петиціи голосовался отдѣльно, и результатъ каждаго голосованія встрѣчался радостными восклицаніями народа и размахиваніями шапокъ. Комитеты, составлявшіе правительство, были уничтожены и назначенъ исполнительный комитетъ, имѣвшій получить диктаторскую власть. Въ этотъ комитетъ были избраны: Бурботтъ, Пріёръ изъ Марны, Дюкенуа и Дюруа. Субрани былъ назначенъ начальникомъ военныхъ силъ.

Народъ думалъ, что этимъ онъ побѣдилъ реакціонный конвентъ и путемъ переворота, какъ 31 мая, снова доставилъ господство демократіи. Но онъ ошибался, потому что теперь положеніе дѣлъ было совершенно иное. 31 мая почти весь Парижъ съ оружіемъ въ рукахъ поднялся противъ жирондистовъ, теперь же большая часть вооруженнаго населенія Парижа была на сторонѣ конвента. Возставшіе торжествовали слишкомъ рано и не думали о томъ, какъ отразить нападеніе секцій и золотой молодежи, а предавались шумной радости, увѣренные въ своей побѣдѣ. Повидимому, и реакціонеры были увѣрены въ побѣдѣ патріотовъ, и кто-то изъ толпы хитро предложилъ отмѣнить смертную казнь, чтобы про случай обезопасить головы реакціонеровъ. Къ полуночи исполнительный комитетъ готовился вступить во власть и распорядиться объ арестѣ членовъ правительственныхъ комитетовъ. Но было упущено слишкомъ много времени, и теперь уже подступали вооруженныя секціи. Возгорѣлась ожесточенная борьба, и національная гвардія секцій была отражена, отчаянно защищавшимися, возставшими. Тогда послышался генеральный маршъ; секціи явились въ преобладающей силѣ и, бросившись въ штыки, очистили залъ. Возставшіе обратились въ бѣгство и пытались собраться въ городской ратушѣ.

Теперь мстительность конвента обрушилась на тѣхъ депутатовъ Горы, которые проявили свои симпатіи къ возставшимъ; тринадцать изъ нихъ были немедленно арестованы и среди нихъ члены исполнительнаго комитета: Роммъ, Гужонъ, Субрани, а также старикъ Рюль. Декреты, вынужденные у конвента, были объявлены неимѣющими никакого значенія, протоколы сожжены; говорили, что эти декреты продиктованы шайкой разбойниковъ. Конвентъ не зналъ теперь никакихъ границъ: онъ постановилъ обезоружить предмѣстья: въ декретѣ говорилось, что „разбойникамъ, кровопійцамъ, грабителямъ и агентамъ тираніи, существовавшей до 9 термидора", нельзя оставлять оружія.

Но этотъ декретъ и этотъ языкъ, полный ярости и ненависти, снова довелъ броженіе въ предмѣстьяхъ до взрыва. На другой день возставшіе вышли изъ ратуши, гдѣ они хотѣли образовать

новый конвентъ, и перешли въ предмѣстья: національная гвардія вступила въ Сэнтъ-Антуанъ, но скоро увидѣла передъ собой многочисленную военную силу, вооруженную пушками, и быстро ушла назадъ. Возставшіе снова вышли изъ предмѣстій и опять направились къ конвенту. Въ залѣ засѣданій былъ слышенъ грохотъ перевозимыхъ пушекъ, и Лежандръ театрально воскликнулъ: „Мы должны остаться на нашемъ посту; самое худшее, что насъ можетъ постигнуть, — только смерть!" Если бы возставшіе теперь сдѣлали нападеніе, они вышли бы побѣдителями, потому что національная гвардія, охранявшая конвентъ, не могла устоять противъ нихъ. Обѣ стороны нѣкоторое время стояли съ оружіемъ въ рукахъ, и битва казалась неизбѣжной. Тогда конвентъ хитро началъ переговоры. Онъ послалъ къ возставшимъ депутацію, которая обѣщала, что конвентъ позаботится о продовольствіи. Возставшіе, лишенные свѣдущаго и опытнаго вождя, были склонны къ примиренію, потому что этимъ рабочимъ, какъ мы видѣли, давно уже надоѣли смуты и возстанія; лишь голодъ побудилъ ихъ теперь къ бунту. Конвентъ постановилъ добыть продовольствіе и поручилъ особой коммиссіи въ теченіе четырехъ дней выработать органическіе законы къ конституціи 1793 г. Такимъ образомъ, рабочіе думали, что главныя требованія массовой петиціи выполнены, и когда депутація ихъ, явившаяся въ конвентѣ, была обнята председателемъ и получила самыя успокоительныя увѣренія, они полагали, что все кончилось для нихъ хорошо. Сладкія рѣчи реакціонеровъ обманули ихъ. Они считали себя побѣдителями, гордо вернулись со своими пушками въ предмѣстья и оставили депутатовъ, защищавшихъ ихъ наканунѣ, въ рукахъ ихъ кровожадныхъ враговъ.

Скоро возставшіе должны были почувствовать, какъ сильно они обманулись, потому что мстительный конвентъ ждалъ лишь прихода, вызваннаго имъ, войска, чтобы напасть на предмѣстья. Явились сильные отряды пѣхоты и кавалеріи; изъ одной только сѣверной арміи прибыло 3000 человѣкъ кавалеріи. Была назначена военная коммиссія для производства полевого суда надъ арестованными участниками возстанія. 22 мая убійца Феро, Тинель, былъ приговоренъ къ смертной казни, но населеніе Сэнтъ-Антуана освободило его на пути къ эшафоту. Тогда конвентъ привелъ въ исполненіе свой декретъ объ обезоруженіи предмѣстій. Сэнтъ-Антуанъ отказался выдать свои пушки и убійцу Феро; затѣмъ, генералъ Мелу съ 30,000 солдатъ и сильной артиллеріей окружилъ предмѣстье и грозилъ бомбардировать его. Эта угроза произвела свое дѣйствіе: Сэнтъ-Антуанъ выдалъ не только Тинеля, но и свое оружіе и пушки.

Теперь реакціонный конвентъ набросился на все, что было ему неудобно и непріятно. Пашъ и Бушоттъ съ шестью товарищами были преданы суду; арестованы были еще нѣкоторые изъ людей Горы и всѣ члены старыхъ комитетовъ, за немногими исключеніями, среди которыхъ былъ Карно. Реакція дошла до такого бѣшенства, что старикъ Рюль, бывшій нѣкогда гофмейстеромъ у нѣмецкихъ аристократовъ, умертвилъ себя въ тюрьмѣ,

отчаявшись въ возможности свободы. Этотъ Рюль, будучи комиссаромъ конвента, торжественно передъ большимъ сборищемъ народа разбилъ на рынкѣ въ Реймсѣ знаменитый сосудъ съ масломъ, принесенный, по преданію, голубемъ съ неба и употреблявшійся для помазанія французскихъ королей при вѣнчаніи ихъ на царство. Когда совершалось помазаніе Людовика XVIII при его коронаціи, сосудъ этотъ снова былъ на своемъ мѣстѣ.

Между тѣмъ какъ конвентъ потребовалъ докладъ о всѣхъ якобинскихъ комиссарахъ, 17 іюня Гужонъ, Роммъ, Дюруа, Дюкенуа, Субрани и Бурботтъ предстали предъ военной комиссіей. Они не совершили никакихъ преступленій, но 20 мая они защищали въ конвентѣ возставшихъ. Военная комиссія приговорила ихъ къ смертной казни. Всѣ они выдвинулись въ буряхъ революціи; давно свыкшіеся съ мыслью о смерти, они умерли съ мужествомъ античныхъ героевъ. По объявленіи имъ смертнаго приговора, ихъ имѣли препроводить на гильотину. Тогда Роммъ вынулъ кинжалъ и вонзилъ его себѣ въ сердце; умирая онъ передалъ кинжалъ Гужону, который сдѣлалъ то же самое и умирая передалъ кинжалъ Дюкенуа. Такъ это оружіе смерти обошло всѣхъ осужденныхъ. Но лишь трое изъ нихъ сейчасъ же умерли: Роммъ, Гужонъ и Дюкенуа; Дюруа, Бурботтъ и Субрани были при смерти, въ собственной крови доставлены на эшафотъ и казнены. Эта трагическая смерть преимущественно молодыхъ, преданныхъ дѣлу свободы людей Горы произвела сильное впечатлѣніе, и отвращеніе къ реакціонному терроризму конвента достигло не меньшей степени, чѣмъ и отвращеніе къ массовымъ убійствамъ во время диктатуры Робеспьера.

Съ этихъ поръ рабочіе равнодушно относились къ ходу событій во Франціи. Они смотрѣли, какъ возникаютъ и падаютъ правительства и оставались безучастными. Такъ кончились движенія въ пользу свободы. Буржуазія, вознесенная революціей, пока упрочила свое господство, боролась за множество интересовъ,—только не за свободу и благосостояніе всего народа.

Паденіе демократіи въ Парижѣ почувствовалось въ провинціяхъ еще до послѣдняго большого возстанія предмѣстій. Въ Вандеѣ и Бретани до весны все еще продолжались военныя дѣйствія, хотя въ этихъ опустошенныхъ странахъ можно было вести лишь партизанскую войну. Но реакція съ поразительной быстротой распространялась въ южной и восточной Франціи. Горячая кровь юга всегда сильнѣе воспламеняетъ страсти въ тревожныя времена. Какъ раньше молодежь Марсели и Авиньона, очертя голову, бросилась въ бури революціи, такъ и теперь сангвиническое населеніе юго-востока слѣпо увлеклось потокомъ реакціи. Священники, отвергавшіе присягу, и эмигрировавшіе дворяне вели здѣсь свою пропаганду изъ сосѣдней Швейцаріи. Правда, имъ подъ угрозой смертной казни воспрещено было переходить французскую границу, но они знали, что найдутъ защиту у населенія, враждебно настроеннаго противъ якобинцевъ. Извѣстно, что иные комиссары конвента отличались чрезмѣрной

суровостью при подавленіи роялистическихъ и федералистическихъ возстаній. Теперь это было отмщено. Но терроризмъ реакціи былъ гораздо безпощаднѣе, чѣмъ терроризмъ революціи. Революціонный терроризмъ все-таки дѣйствовалъ большею частью въ извѣстныхъ правовыхъ и судебныхъ формахъ, терроризмъ же реакціонный устраивалъ массовыя убійства безъ всякихъ формальностей. Священники, отвергавшіе присягу, всѣми силами старались фанатизировать народъ противъ якобинцевъ. Они просто призывали истреблять „безбожныхъ" террористовъ огнемъ и мечемъ. Подъ террористами разумѣлись всѣ сторонники Робеспьера и системы ужаса, всѣ тѣ, которые оказывали поддержку революціоннымъ властямъ, революціоннымъ комитетамъ и комиссарамъ. Какъ во время революціи преслѣдовались аристократы, такъ во время реакціи террористы. Священники, отвергавшіе присягу, организовали такъ называемыя общества Іисуса или Солнца, главной цѣлью которыхъ было преслѣдованіе террористовъ и якобинцевъ. Сверхъ того, духовенство, отвергавшее присягу, объявляло конфискацію церковныхъ имуществъ святотатствомъ, а религіозные акты, совершаемые конституціонными священниками, недѣйствительными. Въ непродолжительное время эти общества Іисуса или Солнца стали очень многочисленны и такъ разъярили народъ, что скоро уже ни одинъ изъ извѣстныхъ якобинцевъ не могъ показаться на улицѣ безъ опасности для жизни. Многіе якобинцы были заключены въ тюрьмы, и такъ какъ надъ ними хотѣли учинить настоящій судъ, то члены обществъ Солнца опасались, что ихъ оправдаютъ. 5 мая 1795 г. въ Ліонѣ производился судъ надъ однимъ человѣкомъ, который исполнялъ полицейскую службу при Колло д'Эруа. Фанатизированные духовенствомъ члены обществъ Солнца толпой ворвались въ залу суда и требовали смерти осужденнаго. Когда судьи хотѣли вести дѣло съ соблюденіемъ установленныхъ формъ, толпа убила осужденнаго. Затѣмъ она ворвалась въ тюрьму и убила тамъ безъ всякаго слѣдствія 97 человѣкъ, арестованныхъ по подозрѣнію въ терроризмѣ. Священники въ облаченіи смотрѣли, какъ саблями и топорами избивали арестованныхъ; о массовыхъ слѣдствіяхъ и допросахъ, производившихся при избіеніяхъ въ сентябрѣ 1792 г., не было здѣсь и помина. Исполнители этого реакціоннаго „самосуда" часто имѣли при себѣ четки. Въ Ліонѣ стоило лишь произнести за кѣмъ нибудь слово: „Mathavon", и его бросали въ Рону, какъ террориста. Въ 1792 г. массовыя убійства совершались почти только въ Парижѣ, теперь же такія избіенія распространились по всему югу. Въ Э 11 мая убито тридцать арестантовъ на глазахъ комиссара конвента, который лишь слабо противился этому. Повсюду устраивались большія облавы на якобинцевъ; въ Тарасконѣ захваченыхъ жертвъ втаскивали на высокую башню, и оттуда замаскированные палачи сбрасывали ихъ на скалистый берегъ Роны. Въ Тулонѣ 17 мая дѣло дошло до большого возстанія якобинцевъ, которые составили полчище въ 3000 человѣкъ и мужественно сражались съ подошедшимъ войскомъ конвента. Но военная сила конвента была втрое

многочисленнѣе возставшихъ, и они послѣ упорнаго сопротивленія были разбиты. Такъ кончилась неудачей эта попытка противодѣйствія реакціи на югѣ. Въ то же время въ Марсели двѣсти арестованныхъ террористовъ, находившихся въ фортѣ Сэнъ-Жанъ, были частью разстрѣляны картечью, а частью сожжены живыми. Власти вмѣшались поздно, и арестованные убійцы были снова освобождены. Кровожадные гонители демократовъ могли безъ помѣхи истреблять свои жертвы; зачинщики многочисленныхъ убійствъ 1795 г. на югѣ Франціи даже не были привлечены къ отвѣтственности.

Несмотря на внутреннія неурядицы и раздоры во Франціи, вторая коалиція, составленная Питтомъ, не имѣла успѣха въ борьбѣ съ республикой. Если военное счастье и измѣняло иногда французамъ, всетаки ни одного солдата коалиціи не было на французской землѣ. Между тѣмъ, какъ партіи терзали другъ друга, республика проявила изумительную силу и устойчивость на полѣ сраженія. Великій геній Карно руководилъ движеніями ея войскъ и придалъ имъ единство прекрасно организованной и сильной арміи.

Нѣкоторые государи были утомлены войной. Великій герцогъ тосканскій, Фердинандъ III, испугался за свой престолъ, когда увидѣлъ, что французы побѣдоносно перешли Альпы. Страхъ его былъ сильнѣе его ненависти, и онъ рѣшился просить мира у республики. Онъ послалъ генерала Карлетти въ Парижъ и тотъ заключилъ частный мирный трактатъ, которымъ Тоскана обязывалась уплатить милліонъ франковъ военнаго вознагражденія. Съ реакціоннымъ конвентомъ представитель Тосканы, понятно, легче могъ столковаться, чѣмъ это было бы возможно годомъ раньше, а тщеславію термидористовъ льстила роль государственныхъ людей.

Тѣмъ временемъ Пишегрю завоевалъ Голландію. Пишегрю занялъ острова и въ январѣ двинулся противъ англійской арміи, которую онъ отбросилъ въ нѣсколькихъ стычкахъ. Наступили страшные холода; рѣки и болота замерзли и не могли уже служить для защиты. Англійская армія, безпрестанно преслѣдуемая Пишегрю, пришла въ очень печальное состояніе и была рада, когда ей удалось отступленіемъ, больше похожимъ на бѣгство, достигнуть нѣмецкой границы. Голландскіе патріоты съ торжествомъ встрѣтили французовъ, и штаттгалтеръ Вильгельмъ V, увидѣвъ, какъ мало онъ можетъ разсчитывать на любовь своего народа, бѣжалъ въ Англію. Голландскій флотъ хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но дѣло затянулось и, такимъ образомъ, случилось неслыханное событіе: военный флотъ былъ взятъ французской кавалеріей. Суда замерзли, и когда нѣсколько эскадроновъ французскихъ гусаръ смѣло подошли по льду, флотъ сдался на капитуляцію.

Голландскіе патріоты оказывали французамъ всяческое содѣйствіе и поэтому французы отнеслись къ Голландіи не какъ къ завоеванной, а какъ къ союзной странѣ. 16 мая была учреждена

суровостью при подавленіи роялистическихъ и федералистическихъ возстаній. Теперь это было отмщено. Но терроризмъ реакціи былъ гораздо безпощаднѣе, чѣмъ терроризмъ революціи. Революціонный терроризмъ все-таки дѣйствовалъ большею частью въ извѣстныхъ правовыхъ и судебныхъ формахъ, терроризмъ же реакціонный устраивалъ массовыя убійства безъ всякихъ формальностей. Священники, отвергавшіе присягу, всѣми силами старались фанатизировать народъ противъ якобинцевъ. Они просто призывали истреблять „безбожныхъ" террористовъ огнемъ и мечемъ. Подъ террористами разумѣлись всѣ сторонники Робеспьера и системы ужаса, всѣ тѣ, которые оказывали поддержку революціоннымъ властямъ, революціоннымъ комитетамъ и комиссарамъ. Какъ во время революціи преслѣдовались аристократы, такъ во время реакціи террористы. Священники, отвергавшіе присягу, организовали такъ называемыя общества Іисуса или Солнца, главной цѣлью которыхъ было преслѣдованіе террористовъ и якобинцевъ. Сверхъ того, духовенство, отвергавшее присягу, объявляло конфискацію церковныхъ имуществъ святотатствомъ, а религіозные акты, совершаемые конституціонными священниками, недѣйствительными. Въ непродолжительное время эти общества Іисуса или Солнца стали очень многочисленны и такъ разъярили народъ, что скоро уже ни одинъ изъ извѣстныхъ якобинцевъ не могъ показаться на улицѣ безъ опасности для жизни. Многіе якобинцы были заключены въ тюрьмы, и такъ какъ надъ ними хотѣли учинить настоящій судъ, то члены обществъ Солнца опасались, что ихъ оправдаютъ. 5 мая 1795 г. въ Ліонѣ производился судъ надъ однимъ человѣкомъ, который исполнялъ полицейскую службу при Колло д'Эрбуа. Фанатизированные духовенствомъ члены обществъ Солнца толпой ворвались въ залу суда и требовали смерти осужденнаго. Когда судьи хотѣли вести дѣло съ соблюденіемъ установленныхъ формъ, толпа убила осужденнаго. Затѣмъ она ворвалась въ тюрьму и убила тамъ безъ всякаго слѣдствія 97 человѣкъ, арестованныхъ по подозрѣнію въ терроризмѣ. Священники въ облаченіи смотрѣли, какъ саблями и топорами избивали арестованныхъ; о массовыхъ слѣдствіяхъ и допросахъ, производившихся при избіеніяхъ въ сентябрѣ 1792 г., не было здѣсь и помина. Исполнители этого реакціоннаго „самосуда" часто имѣли при себѣ четки. Въ Ліонѣ стоило лишь произнести за кѣмъ нибудь слово: „Mathavon", и его бросали въ Рону, какъ террориста. Въ 1792 г. массовыя убійства совершались почти только въ Парижѣ, теперь же такія избіенія распространились по всему югу. Въ Э 11 мая убито тридцать арестантовъ на глазахъ комиссара конвента, который лишь слабо противился этому. Повсюду устраивались большія облавы на якобинцевъ; въ Тарасконѣ захваченыхъ жертвъ втаскивали на высокую башню, и оттуда замаскированные палачи сбрасывали ихъ на скалистый берегъ Роны. Въ Тулонѣ 17 мая дѣло дошло до большого возстанія якобинцевъ, которые составили полчище въ 3000 человѣкъ и мужественно сражались съ подошедшимъ войскомъ конвента. Но военная сила конвента была втрое

многочисленные возставшихъ, и они послѣ упорнаго сопротивленія были разбиты. Такъ кончилось неудачей эта попытка противодѣйствія реакціи на югѣ. Въ то же время въ Марсели двѣсти арестованныхъ террористовъ, находившихся въ фортѣ Сэнъ-Жанъ, были частью разстрѣляны картечью, а частью сожжены живыми. Власти вмѣшались поздно, и арестованные убійцы были снова освобождены. Кровожадные гонители демократовъ могли безъ помѣхи истреблять свои жертвы; зачинщики многочисленныхъ убійствъ 1795 г. на югѣ Франціи даже не были привлечены къ отвѣтственности.

Несмотря на внутреннія неурядицы и раздоры во Франціи, вторая коалиція, составленная Питтомъ, не имѣла успѣха въ борьбѣ съ республикой. Если военное счастье и измѣняло иногда французамъ, всетаки ни одного солдата коалиціи не было на французской землѣ. Между тѣмъ, какъ партіи терзали другъ друга, республика проявила изумительную силу и устойчивость на полѣ сраженія. Великій геній Карно руководилъ движеніями ея войскъ и придалъ имъ единство прекрасно организованной и сильной арміи.

Нѣкоторые государи были утомлены войной. Великій герцогъ тосканскій, Фердинандъ III, испугался за свой престолъ, когда увидѣлъ, что французы побѣдоносно перешли Альпы. Страхъ его былъ сильнѣе его ненависти, и онъ рѣшился просить мира у республики. Онъ послалъ генерала Карлетти въ Парижъ и тотъ заключилъ частный мирный трактатъ, которымъ Тоскана обязывалась уплатить милліонъ франковъ военнаго вознагражденія. Съ реакціоннымъ конвентомъ представитель Тосканы, понятно, легче могъ столковаться, чѣмъ это было бы возможно годомъ раньше, а тщеславію термидористовъ льстила роль государственныхъ людей.

Тѣмъ временемъ Пишегрю завоевалъ Голландію. Пишегрю занялъ острова и въ январѣ двинулся противъ англійской арміи, которую онъ отбросилъ въ нѣсколькихъ стычкахъ. Наступили страшные холода; рѣки и болота замерзли и не могли уже служить для защиты. Англійская армія, безпрестанно преслѣдуемая Пишегрю, пришла въ очень печальное состояніе и была рада, когда ей удалось отступленіемъ, больше похожимъ на бѣгство, достигнуть нѣмецкой границы. Голландскіе патріоты съ торжествомъ встрѣтили французовъ, и штатгальтеръ Вильгельмъ V, увидѣвъ, какъ мало онъ можетъ разсчитывать на любовь своего народа, бѣжалъ въ Англію. Голландскій флотъ хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но дѣло затянулось и, такимъ образомъ, случилось неслыханное событіе: военный флотъ былъ взятъ французской кавалеріей. Суда замерзли, и когда нѣсколько эскадроновъ французскихъ гусаръ смѣло подошли по льду, флотъ сдался на капитуляцію.

Голландскіе патріоты оказывали французамъ всяческое содѣйствіе и поэтому французы отнеслись къ Голландіи не какъ къ завоеванной, а какъ къ союзной странѣ. 16 мая была учреждена

батавская республика. Потеря Голландіи была для коалиціи очень чувствительной и не мало содѣйствовала ея распаденію.

Фридриху-Вильгельму II прусскому тоже надоѣла война. Удовольствія придворной жизни имѣли для него гораздо больше прелести, чѣмъ изнурительной и опасный походъ противъ французовъ. Побѣды республики вызвали у прусскаго короля опасеніе, что если французы вступятъ побѣдителями въ Германію, то они могутъ потребовать вознагражденія за нападеніе 1792 г. У него также не было денегъ, потому что война и хозяйничанье фаворитовъ при его дворѣ опустошили его кассы. Субсидіи Англіи были недостаточны. Отъ Австріи нельзя было получить денегъ, потому что ея кассы тоже были пусты. Австріи было предложено платить Пруссіи за участіе въ коалиціи ежегодно тридцать милліоновъ талеровъ и дать ей, въ видѣ залога, австрійскую Силезію. Но Австрія на это не согласилась. Сверхъ того, Пруссія, послѣ подавленія польской революціи въ предъидущемъ году, боялась возникновенія споровъ съ Россіей изъ-за дѣлежа Польши, и дружба съ Австріей тоже была ненадежна. Каждая изъ этихъ державъ опасалась, что союзница ея заключитъ миръ съ французской республикой къ ея невыгодѣ. Вслѣдствіе этого начались мирные переговоры, которые велись, главнымъ образомъ, въ Базелѣ между прусскимъ повѣреннымъ Гольтцомъ и французскимъ посломъ въ Швейцаріи, Бартелеми. Уже въ январѣ прусскій секретарь посольства Гарнье прибылъ въ Парижъ для непосредственныхъ переговоровъ съ комитетомъ благосостоянія. Съ термидористами прусскій дипломатъ, понятно, могъ поладить; заходила рѣчь даже о союзѣ между Франціей и Пруссіей. До этого дѣло не дошло, но 5 апрѣля былъ заключенъ отдѣльный мирный договоръ Пруссіи съ Франціей. Пруссія оставила всѣ свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна во власти Франціи до общаго мира, заключенію котораго долженъ былъ содѣйствовать прусскій король. Тайной статьей мирнаго договора установлялось, что если Германская имперія уступитъ лѣвый берегъ Рейна республикѣ, то прусскій король по соглашенію съ республикой долженъ получить—понятно въ Германіи же!—территоріальное вознагражденіе за свои земли на этомъ берегу. Соглашеніе это очень достопримѣчательно: осуществиться могло оно, разумѣется, на счетъ Австріи. 17 мая была объявлена демаркаціонная линія, проходившая отъ восточной Фрисландіи до Майна и Кохера и опредѣлявшая будущую нейтральную область. Относительно Ганноверскаго королевства, принадлежавшаго Англіи, возникли нѣкоторыя затрудненія, и прусскіе дипломаты проявляли склонность устранить эти затрудненія посредствомъ присоединенія Ганновера къ Пруссіи. Но Пруссія должна была ждать еще семьдесятъ лѣтъ, пока она могла навсегда присоединить Ганноверъ.

Послѣ выхода Пруссіи изъ коалиціи былъ заключенъ мирный договоръ также и съ Испаніей. Переговоры съ Испаніей были еще разъ прерваны, потому что испанскій кабинетъ главнымъ условіемъ мира съ Франціей ставилъ возстановленіе въ ней королевской власти на основаніи конституціи 1791 г.; онъ требовалъ

также освобожденія содержавшагося въ Тамплѣ сына Людовика XVI. Тѣмъ временемъ молодой Капетъ умеръ, что дало поводъ обвинять республиканцевъ въ убійствѣ его. Французы теперь снова одержали побѣды въ Испаніи. Монсэ, командовавшій западно-пиринейской арміей, разбилъ испанцевъ при Ормеѣ 6 іюня и взялъ Бильбао. Шереръ, начальникъ восточно-пиринейской арміи, несмотря на жалкое состояніе своего войска, далъ испанцамъ нѣсколько благопріятныхъ для французовъ стычекъ, взялъ крѣпость Фигуэрасъ съ большими военными запасами и готовился двинуться на Мадридъ. „Князь мира", Годой, любимецъ королевы, управлявшій Испаніей, пришелъ въ ужасъ; онъ боялся, что успѣхи французовъ вызовутъ демократическое возстаніе въ Испаніи. Состоялось соглашеніе; Франція получила испанскую часть о. Гаити, возвративъ за это всѣ свои завоеванія въ самой Испаніи. 22 іюля былъ заключенъ базельскій миръ.

Тѣмъ временемъ декретъ объ амнистіи, изданный конвентомъ, произвелъ свое дѣйствіе въ Вандеѣ; инсургенты лишь притворно покорялись, потому что они были совершенно истощены. Вожди возставшихъ не ладили между собой. Ларошъ-Жакеленъ палъ въ одной стычкѣ; Стоффле и Шареттъ враждовали другъ съ другомъ, такъ какъ Шареттъ получилъ отъ графа Прованскаго титулъ генералъ-лейтенанта, что Стоффле счелъ обидой для себя. Республиканскими войсками командовали: въ Вандеѣ—Канкло, а въ Бретани—Гошъ. Оба эти генералы усвоили разумную тактику примиренія. Въ Вандеѣ возстаніе было уже незначительнымъ; въ Бретани же маркизъ де Пюисо и одинъ искатель приключеній, по имени Корматенъ, организовали шуанерію, энергичную партизанскую войну, причемъ шуаны дѣйствовали какъ разбойники. Шареттъ и Стоффле покорились, чтобы дать Вандеѣ возможность оправиться отъ ея полнаго истощенія, и заключили съ республикой мирные договоры по всей формѣ,—однако, лишь затѣмъ, чтобы выждать перваго благопріятнаго случая и снова подняться противъ республики.

Такимъ образомъ, конвентъ одержалъ верхъ надъ своими врагами внутри Франціи и разстроилъ коалицію Питта, которая состояла теперь уже только изъ Англіи, Австріи, Португаліи, Сардиніи и Неаполя. Франція вышла побѣдительницей изъ борьбы съ иностранными державами. Но у тэрмидористовъ не было ни умѣнья, ни желанія надлежащимъ образомъ воспользоваться этимъ успѣхомъ. Преслѣдованіе террористовъ и обогащеніе на общественныхъ должностяхъ всецѣло поглотило этихъ людей.

Тэрмидористы и соединившіеся съ ними жирондисты думали, что теперь настало время окончательно умиротворить революцію и устроить государство и общество въ ихъ собственномъ вкусѣ. Якобинцы были разбиты и ежедневно подвергались кровавымъ преслѣдованіямъ; парижскія предмѣстья были обезоружены и безпомощно стонали подъ гнетомъ нищеты; буржуазная аристократія достигла безспорнаго господства. Теперь конвентъ просто оставилъ вопросъ о конституціи 1793 г. и избралъ комиссію изъ

двѣнадцати членовъ, которая должна была выработать проектъ новой конституціи.

Тѣмъ временемъ въ республиканскомъ Парижѣ роялизмъ уже совершенно открыто поднялъ голову. Правая конвента не скрывала, что она стоитъ за возстановленіе монархіи. Въ зажиточныхъ частяхъ города роялизмъ распространялся съ чрезвычайной быстротой. Иные эмигранты рѣшались уже возвращаться. Г-жа Сталь, особа, значеніе которой такъ часто преувеличивается, снова открыла свой салонъ, ставшій сборнымъ пунктомъ реакціонеровъ всякаго рода. Золотая молодежь открыто выступала въ пользу монархіи, и скоро въ Парижѣ снова уже была роялистическая пресса. Наблюдая жизнь въ Сэнъ-Жерменѣ, можно было подумать, что воскресла аристократія старой Франціи. Еще и года не прошло со времени паденія Робеспьера, а Парижъ, столько лѣтъ бывшій фокусомъ революціи и душою республики, казалось, ничего не желаетъ такъ пламенно, какъ возстановленія монархіи.

Молодой Капетъ, котораго роялисты называли Людовикомъ XVII, умеръ въ Тамплѣ. Сапожникъ Симонъ, у котораго мальчикъ сперва жилъ, обращался съ бывшимъ дофиномъ очень сурово; послѣ казни Симона, отправленнаго на эшафотъ 9 тэрмидора вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, мальчика содержали подъ арестомъ, такъ какъ правители республики боялись, что если его похитятъ, то это усилитъ роялистическое движеніе. Мы не можемъ рѣшить, вѣрны ли тѣ потрясающіе разсказы, которые сообщаются роялистическими историками относительно обращенія съ мальчикомъ, и оставляемъ этотъ вопросъ безъ разсмотрѣнія. Несомнѣнно однако, что мальчикъ, страдавшій и раньше англійской болѣзнью, долгое время жилъ въ тяжелыхъ условіяхъ. Но говорить о „медленномъ убійствѣ“ его все-таки слишкомъ смѣло. Какъ бы тамъ ни было,—молодой Капетъ умеръ 8 іюня 1795 г., и предположеніе, что язвы, покрывавшія его тѣло, были слѣдствіемъ англійской болѣзни, представляется намъ самымъ правдоподобнымъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, являлись обманщики, выдававшіе себя за бывшаго дофина и встрѣчавшіе довѣріе среди роялистовъ. Всѣ они утверждали, что дофинъ былъ похищенъ изъ тюрьмы, а на его мѣсто былъ посаженъ другой мальчикъ. Тщательныя разслѣдованія показали, что Людовикъ, сынъ Людовика XVI и Маріи-Антуанеты, дѣйствительно умеръ въ Тамплѣ 8 іюня 1795 г. Особенно настойчиво выдавалъ себя за дофина часовщикъ Наундорфъ изъ Пруссіи; ему многіе повѣрили, и онъ жилъ этимъ обманомъ. Потомки его по сей день утверждаютъ, что они происходятъ отъ Людовика XVII.

Послѣ смерти молодого Капета, графъ Прованскій сталъ называть себя Людовикомъ XVIII, а братъ его, д'Артуа, принялъ титулъ Monsieur. Первый изъ нихъ оставался въ Веронѣ, графъ же д'Артуа, жившій въ Англіи, полагалъ, что теперь настало время для вторженія эмигрантовъ во Францію. У него были надлежащія связи съ Бретанью и Вандеей. Особенно энергично старался подготовить возстаніе въ этихъ, такъ страшно опустошенныхъ войною провинціяхъ Пюиссэ. Шареттъ и Стоффле при первомъ

приглашеніи изъявили готовность, снова начать враждебныя дѣйствія противъ республики.

Въ Англію прибыло множество эмигрантовъ, куда ихъ призвалъ графъ д'Артуа, и англійское правительство выразило готовность дать для этого предпріятія военныя суда и оружіе. Дѣйствительно ли Питтъ вѣрилъ въ возможность успѣха этого фантастическаго предпріятія? Возможно, что при его страстной ненависти къ республикѣ и революціи виды на успѣхъ казались ему лучшими, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Хотѣли пристать къ западному берегу Франціи, высадить тамъ эмигрантовъ и проникнуть внутрь страны для соединенія съ вооруженными силами Шаретта, Стоффле и Корматена. Затѣмъ, сейчасъ же предполагался походъ на Парижъ. Вышло однако иное.

Эмигранты обучились военнымъ пріемамъ и организовались въ Англіи. Ихъ было около 1,500 человѣкъ; къ нимъ присоединили 3,000 военно-плѣнныхъ солдатъ французской республики, которыхъ одѣли въ англійскую военную форму, снабдили бѣлыми кокардами и распредѣлили по батальонамъ эмигрантовъ. Надо было имѣть очень превратное представленіе о положеніи дѣлъ во Франціи, чтобы думать, будто эти, насильно переодѣтые республиканцы даже на французской землѣ пойдутъ за роялистическимъ знаменемъ.

Графъ д'Эрвильи и Пюисэ командовали этимъ экспедиціоннымъ отрядомъ, доставленнымъ во Францію англійскимъ флотомъ подъ начальствомъ адмирала Уоррэна. На судахъ, сверхъ того, былъ провіантъ на 600 челов. на три мѣсяца, 17,000 мундировъ для пѣхоты и 4,000 для кавалеріи, 27,000 ружей, 10 пушекъ и 600 бочекъ пороха. Въ военной кассѣ эмигрантовъ было 10,000 луидоровъ.

Англійскій флотъ отплылъ въ море, имѣлъ 23 іюня стычку съ французскимъ флотомъ, который отступилъ, и присталъ 25 іюня у полуострова Киберона на западномъ берегу Бретани. Въ Вандеѣ и Бретани уже собрались полчища роялистическихъ крестьянъ; въ одномъ только Морбіанѣ стояло подъ ружьемъ около 10,000 человѣкъ. Они соединились съ эмигрантами и двинулись къ Ванну. Хотя между вождями роялистовъ были раздоры, но вначалѣ казалось, что все складывается благопріятно для нихъ. Войска Гоша, начальствовавшаго здѣсь надъ республиканской арміей, были разбросаны, и онъ не былъ подготовленъ къ столь сильному и внезапному нападенію непріятеля. Двинувшись съ Киберона, эмигранты взяли приступомъ фортъ Пантьевръ, расположенный на узкомъ перешейкѣ, соединяющемъ полуостровъ Киберонъ съ материкомъ.

Но въ это время Гошъ собралъ свои силы и напалъ на бретанскихъ шуановъ, тщетно ждавшихъ подкрѣпленія отъ эмигрантовъ. Эмигранты же, получившіе тѣмъ временемъ подкрѣпленіе изъ Англіи, все стояли на Киберонѣ, такъ какъ ихъ вожди не могли столковаться относительно плана наступленія. Но вскорѣ передъ ними явился Гошъ съ войскомъ, доведеннымъ до 15,000 человѣкъ; прибыли также Талльянъ и Бладъ съ чрезвычайными

полномочіями, въ качествѣ комиссаровъ конвента. Занявъ позицію близъ Сэнъ-Барба, Гошъ отрѣзалъ полуостровъ Киберонъ съ эмигрантами отъ материка. 16 іюля эмигранты подъ предводительствомъ Эрвильи съ большой яростью двинулись съ полуострова; но Гошъ ихъ отразилъ и снова загналъ на опасный полуостровъ. Положеніе эмигрантовъ стало отчаяннымъ, такъ какъ тѣмъ временемъ и полчища возставшихъ крестьянъ тоже во всѣхъ мѣстахъ были разбиты и разсѣяны.

Ночью Гошъ напалъ на фортъ Пантьевръ, еще прикрывавшій полуостровъ, и взялъ его. Республиканскіе солдаты, которыхъ принудили въ Англіи къ участію въ экспедиціи эмигрантовъ, немало содѣйствовали успѣху этого приступа и массами переходили къ Гошу. Утромъ эмигранты увидѣли на фортѣ трехцвѣтное знамя и уже поняли, что они погибли. Они отступили на крайній конецъ полуострова, между тѣмъ какъ графъ Сомбрёль, прибывшій недавно изъ Англіи, пытался оказать послѣднее противодѣйствіе. Англійскій флотъ помогалъ эмигрантамъ, обстрѣливая изъ пушекъ полуостровъ. Гошъ не сразу двинулся впередъ, и полагаютъ, что онъ по своей мягкости хотѣлъ дать эмигрантамъ время спастись на англійскіе корабли. Но англійскія шлюпки подоспѣли очень поздно, и нельзя было въ короткое время принять на суда тысячи людей, толпившихся на полуостровѣ. Когда республиканцы вышли, наконецъ, изъ форта и двинулись на полуостровъ, среди эмигрантовъ возникла страшная паника. Они такъ безпорядочно бросались въ шлюпки, что англійскіе матросы часто должны были разгонять ихъ ударами сабель. Лишь небольшую часть ихъ можно было принять въ шлюпки. Пюнсэ, считавшій свою жизнь слишкомъ драгоцѣнной, чтобы подвергать ее здѣсь опасности, бѣжалъ въ шлюпкѣ. Сомбрёль же приблизительно съ 1,000 эмигрантовъ, болѣе 3,000 шуановъ и 1,600 бывшихъ республиканскихъ солдатъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Гошъ вскорѣ отступилъ со своимъ войскомъ, когда ушелъ англійскій флотъ; наказаніе плѣнныхъ было предоставлено комиссарамъ конвента, Тальяну и Бладу. Тальянъ въ это время былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ роялистами; онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы подновить свою республиканскую репутацію, и въ рѣзкой рѣчи предложилъ наказать кибероискихъ плѣнныхъ по закону. По закону же они подлежали смертной казни. Въ Орэ былъ учрежденъ военный судъ, и около 600 плѣнныхъ были осуждены и разстрѣляны.

Попытка роялистовъ уничтожить республику при помощи Англіи кончилась неудачей. Тогда они снова принялись за свои происки въ Парижѣ, гдѣ въ это время конвентъ обсуждалъ новую конституцію. Парижскія секціи настолько подпали вліянію роялистовъ, что вскорѣ онѣ, за немногими лишь исключеніями, были уже на сторонѣ роялизма.

Конституція, принятая реакціоннымъ конвентомъ, уже не имѣла демократическаго характера, хотя по имени она и была республиканской. Введены были косвенные выборы: избиратели назна-

чали выборщиковъ, которые и избирали народныхъ представителей. Выборщикомъ могъ быть лишь тотъ, кто имѣлъ извѣстное состояніе и могъ представить доказательства, что онъ регулярно платилъ подати; избирателемъ же былъ каждый гражданинъ, достигшій двадцати-лѣтняго возраста. Для того, чтобы быть избраннымъ въ народные представители, нужно было достигнуть опредѣленнаго возраста и имѣть опредѣленное состояніе. Новая конституція снова вводила двухпалатную систему. Такимъ образомъ, вернулись назадъ еще дальше конституціи 1791 г., которая установляла одну палату. Народное представительство имѣло состоять изъ двухъ корпорацій: совѣта пятисотъ и совѣта старѣйшинъ (conseil des anciens). Члены совѣта пятисотъ должны были имѣть не менѣе тридцати лѣтъ. Ежегодно обновлялась треть этого совѣта. Эта корпорація предлагала законы, которые для вступленія ихъ въ силу нуждались въ утвержденіи сената. Совѣтъ старѣйшинъ состоялъ изъ 250 членовъ; треть его тоже должна была ежегодно обновляться. Члены его должны были избираться изъ лицъ не моложе сорока лѣтъ, женатыхъ или раньше состоявшихъ въ бракѣ. Совѣтъ старѣйшинъ имѣлъ настоящее право veto относительно постановленій совѣта пятисотъ, что доводило безсмысленность двухпалатной системы до крайней степени. Правительственная власть въ собственномъ смыслѣ слова находилась въ рукахъ директоріи, состоявшей изъ пяти членовъ и отвѣтственной передъ народнымъ представительствомъ. Ежегодно долженъ былъ выходить въ отставку одинъ изъ директоровъ, и онъ не могъ быть избранъ вторично. Отдѣльныя отрасли управленія были поручены новымъ министрамъ. Эта конституція, казалось, нарочно была придумана затѣмъ, чтобы вызвать возможно болѣе конфликтовъ, потому что столь тяжеловѣсный и сложный правительственный аппаратъ непремѣнно долженъ былъ запутаться въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ. Конституція была украшена объявленіемъ правъ человѣка, но это было сдѣлано точно на смѣхъ, потому что, хотя признавалась свобода печати и совѣсти, но одно изъ важнѣйшихъ народныхъ правъ, право коалицій, было просто отмѣнено этой конституціей, воспрещавшей всѣ народныя общества, устраивавшія публичныя засѣданія, имѣвшія трибуну или бюро.

Затѣмъ было установлено, что обѣ палаты сами могутъ избирать мѣсто своихъ засѣданій и что ни одинъ законъ не можетъ войти въ силу, пока онъ не будетъ принятъ въ трехъ чтеніяхъ; однако, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, сенатъ могъ принимать исключительныя постановленія.

Этой конституціей роялисты перехитрили конвентъ. Она лишена была всякаго демократическаго характера и сдѣлала народную массу снова политически-безправной, допустивъ къ участію въ законодательствѣ и управленіи лишь имущихъ. Доновъ, бывшій, главнымъ образомъ, авторомъ этой конституціи и представившій докладъ о ея проектѣ, думалъ, что онъ осчастливилъ отечество чрезвычайно мудрыми и глубокими идеями. Скоро онъ долженъ былъ разочароваться. Преслѣдованіями якобинцевъ и

террористовъ демократія была уничтожена. Изъ этого само собой вытекало, что въ предстоящихъ выборахъ народныхъ представителей будутъ избраны исключительно реакціонеры.

Конвентъ вдругъ съ ужасомъ увидѣлъ это и почувствовалъ, что новая конституція означаетъ монархію или гражданскую войну. Среди выскочекъ революціи было очень много такихъ, которые должны были страшиться возстановленія монархіи; правящая буржуазія хотѣла, по крайней мѣрѣ, не выпускать оружія изъ рукъ. Люди увидѣли, что они увлеклись реакціей слишкомъ далеко и подрыли почву даже подъ собственными ногами. Но конвентъ не могъ также рѣшиться снова уничтожить уже принятую имъ конституцію; такимъ образомъ, она была окончательно утверждена подъ именемъ конституціи III года республики.

Такъ, колеблясь между страхомъ и надеждой, конвентъ напалъ на самый странный выходъ, какой только можно себѣ представить; онъ попытался обезпечить за собою на ближайшее время большинство въ палатахъ. Съ этой цѣлью, рядомъ съ конституціей, было издано два особыхъ декрета. Одинъ изъ нихъ опредѣлялъ, что двѣ трети состава каждой палаты должны состоять изъ членовъ конвента, другой же говорилъ, что эти двѣ трети должны выбираться не избирателями, а самимъ конвентомъ. Такимъ образомъ, конвентъ могъ исключить изъ новаго представительства остатки партіи Горы и возстановить въ немъ прежнее большинство.

Конституція III года и оба декрета были переданы на утвержденіе первичныхъ собраній. Конвентъ могъ разсчитывать на ихъ принятіе и не ошибся, потому что народная масса была настроена все еще достаточно демократически, чтобы, по мѣрѣ возможности, противодѣйствовать реакціи. Конечно, съ точки зрѣнія демократическихъ принциповъ, народъ долженъ былъ бы голосовать противъ этой конституціи; онъ не имѣлъ также никакихъ основаній гарантировать реакціонному конвенту продолженіе его господства. Но ему предстояло лишь выбрать одно изъ двухъ золъ, и онъ выбралъ то, которое казалось меньшимъ.

Конституція была принята французскимъ народомъ почти единогласно, такъ какъ за нее голосовали и роялисты, потому что она открывала имъ благопріятные виды. Но и декреты относительно большинства двухъ третей тоже были приняты, несмотря на то, что роялисты всѣми силами старались провалить ихъ. Они шумно упрекали конвентъ въ томъ, что онъ нарушаетъ державность народа, — которая, понятно, въ дѣйствительности ихъ не очень то заботила. Золотая молодежь, бывшая теперь вполнѣ роялистической и враждебной конвенту, ходила толпами по улицамъ съ криками: „долой двѣ трети!“ Въ Парижѣ одна лишь секція Quinze-Vingts приняла декреты, во всѣхъ другихъ секціяхъ они были отвергнуты, и роялисты держали себя при этомъ столь безстыдно, что рекомендовали всѣмъ патріотамъ не являться на собранія избирателей, а тѣхъ, кто изъ нихъ все-таки явился, просто прогнали.

Когда конвентъ объявилъ 22 сентября, что конституція и оба

декрета приняты народомъ, роялисты пришли въ сильное движеніе. Они надѣялись посредствомъ конституціи возстановить королевскую власть. Теперь они увидѣли, что эта возможность предотвращена декретами относительно двухъ третей. Они рѣшились дѣйствовать вооруженной рукой.

Такимъ образомъ, эта несчастная конституція уже при своемъ появленіи накликала на Францію кровавую гражданскую войну. Черезъ годъ съ четвертью послѣ паденія терроризма Парижъ увидѣлъ роялистическое возстаніе противъ конвента: съ такой изумительной быстротой усиливалась реакція.

Рабочіе предмѣстій оставались безучастными, хотя они должны были чувствовать приближеніе бури. Они ничего не ждали отъ роялистовъ, но ничего не ждали они также и отъ конвента, который оставлялъ въ нищетѣ и разоружилъ ихъ. Они безучастно ждали исхода борьбы.

Въ эти дни много эмигрантовъ частью тайно, частью явно прибыли въ Парижъ, такъ какъ видно было, что вооруженное столкновеніе между роялистами и республиканцами стало неизбѣжнымъ. Секціи избирали вождей для предстоящей борьбы изъ дворянъ. Шкій Лакстръ организовалъ роялистическое движеніе противъ конвента.

Когда конвентъ назначилъ на 2 и 12 октября новые выборы для подлежащихъ избранію двухъ третей обѣихъ палатъ, въ Парижѣ возникли бурные и кровавые безпорядки. Золотая молодежь вступала въ стычки съ вооруженной силой конвента. Конвентъ издалъ рядъ энергическихъ декретовъ противъ роялистовъ и отмѣнилъ также законъ о подозрительныхъ, потому что онъ давалъ слишкомъ большую власть городскимъ учрежденіямъ, ставшимъ теперь вполнѣ роялистическими. Борющіяся партіи разгорячались все больше и больше, и золотая молодежь уже не скрывала, что имѣется въ виду окружить конвентъ, разогнать его и возстановить монархическую власть. Такъ собирались теперь напасть на конвентъ тѣ самые люди, которые помогали ему подавить предмѣстья, когда они полъ-года тому назадъ двинулись противъ конвента.

Четыре секціи созвали своихъ выборщиковъ за долго до дня выборовъ и охраняли ихъ вооруженной силой. Конвентъ запретилъ собранія выборщиковъ до дня выборовъ, но его декретъ былъ встрѣченъ насмѣшками и издѣвательствами. Тогда и конвентъ сталъ готовиться къ борьбѣ: онъ велѣлъ силой разогнать собраніе выборщиковъ, объявилъ свои засѣданія безпрерывными и назначилъ чрезвычайную комиссію для охраны общественнаго порядка. Въ своемъ стѣсненномъ положеніи конвентъ обратился за помощью къ террористамъ и якобинцамъ, которыхъ онъ такъ сурово преслѣдовалъ, и они имѣли достаточно великодушія, чтобы явиться на этотъ зовъ. Они были снабжены оружіемъ и образовали „баталіонъ патріотовъ 1789 г.“ численностью въ 2000 человѣкъ. Неспособный генералъ Мену, трусости котораго секціи были обязаны своими первоначальными успѣхами, отказался командовать баталіономъ патріотовъ, потому что этотъ баталіонъ, по

батавская республика. Потеря Голландіи была для коалиціи очень чувствительной и не мало содѣйствовала ея распаденію.

Фридриху-Вильгельму II прусскому тоже надоѣла война. Удовольствія придворной жизни имѣли для него гораздо больше прелести, чѣмъ изнурительной и опасный походъ противъ французовъ. Побѣды республики вызвали у прусскаго короля опасеніе, что если французы вступятъ побѣдителями въ Германію, то они могутъ потребовать вознагражденія за нападеніе 1792 г. У него также не было денегъ, потому что война и хозяйничанье фаворитовъ при его дворѣ опустошили его кассы. Субсидіи Англіи были недостаточны. Отъ Австріи нельзя было получить денегъ, потому что ея кассы тоже были пусты. Австріи было предложено платить Пруссіи за участіе въ коалиціи ежегодно тридцать милліоновъ талеровъ и дать ей, въ видѣ залога, австрійскую Силезію. Но Австрія на это не согласилась. Сверхъ того, Пруссія, послѣ подавленія польской революціи въ предъидущемъ году, боялась возникновенія споровъ съ Россіей изъ-за дѣлежа Польши, и дружба съ Австріей тоже была ненадежна. Каждая изъ этихъ державъ опасалась, что союзница ея заключитъ миръ съ французской республикой къ ея невыгодѣ. Вслѣдствіе этого начались мирные переговоры, которые велись, главнымъ образомъ, въ Базелѣ между прусскимъ повѣреннымъ Гольтцомъ и французскимъ посломъ въ Швейцаріи, Бартелеми. Уже въ январѣ прусскій секретарь посольства Гарнье прибылъ въ Парижъ для непосредственныхъ переговоровъ съ комитетомъ благосостоянія. Съ термидористами прусскій дипломатъ, понятно, могъ поладить; заходила рѣчь даже о союзѣ между Франціей и Пруссіей. До этого дѣло не дошло, но 5 апрѣля былъ заключенъ отдѣльный мирный договоръ Пруссіи съ Франціей. Пруссія оставила всѣ свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна во власти Франціи до общаго мира, заключенію котораго долженъ былъ содѣйствовать прусскій король. Тайной статьей мирнаго договора устанавливалось, что если Германская имперія уступитъ лѣвый берегъ Рейна республикѣ, то прусскій король по соглашенію съ республикой долженъ получить—понятно въ Германіи же!—территоріальное вознагражденіе за свои земли на этомъ берегу. Соглашеніе это очень достопримѣчательно: осуществиться могло оно, разумѣется, на счетъ Австріи. 17 мая была объявлена демаркаціонная линія, проходившая отъ восточной Фрисландіи до Майна и Кохера и опредѣлявшая будущую нейтральную область. Относительно Ганноверскаго королевства, принадлежавшаго Англіи, возникли нѣкоторыя затрудненія, и прусскіе дипломаты проявляли склонность устранить эти затрудненія посредствомъ присоединенія Ганновера къ Пруссіи. Но Пруссія должна была ждать еще семьдесятъ лѣтъ, пока она могла навсегда присоединить Ганноверъ.

Послѣ выхода Пруссіи изъ коалиціи былъ заключенъ мирный договоръ также и съ Испаніей. Переговоры съ Испаніей были еще разъ прерваны, потому что испанскій кабинетъ главнымъ условіемъ мира съ Франціей ставилъ возстановленіе въ ней королевской власти на основаніи конституціи 1791 г.; онъ требовалъ

также освобожденія содержавшагося въ Тамплѣ сына Людовика XVI. Тѣмъ временемъ молодой Капетъ умеръ, что дало поводъ обвинять республиканцевъ въ убійствѣ его. Французы теперь снова одержали побѣды въ Испаніи. Монсэ, командовавшій западно-пиринейской арміей, разбилъ испанцевъ при Ормеѣ 6 іюня и взялъ Бильбао. Шереръ, начальникъ восточно-пиринейской арміи, несмотря на жалкое состояніе своего войска, далъ испанцамъ нѣсколько благопріятныхъ для французовъ стычекъ, взялъ крѣпость Фигуэрасъ съ большими военными запасами и готовился двинуться на Мадридъ. „Князь мира", Годой, любимецъ королевы, управлявшій Испаніей, пришелъ въ ужасъ; онъ боялся, что успѣхи французовъ вызовутъ демократическое возстаніе въ Испаніи. Состоялось соглашеніе; Франція получила испанскую часть о. Гаити, возвративъ за это всѣ свои завоеванія въ самой Испаніи. 22 іюля былъ заключенъ базельскій миръ.

Тѣмъ временемъ декретъ объ амнистіи, изданный конвентомъ, произвелъ свое дѣйствіе въ Вандеѣ; инсургенты лишь притворно покорялись, потому что они были совершенно истощены. Вожди возставшихъ не ладили между собой. Ларошъ-Жакеленъ палъ въ одной стычкѣ; Стоффле и Шареттъ враждовали другъ съ другомъ, такъ какъ Шареттъ получилъ отъ графа Прованскаго титулъ генералъ-лейтенанта, что Стоффле счелъ обидой для себя. Республиканскими войсками командовали: въ Вандеѣ—Канкло, а въ Бретани—Гошъ. Оба эти генералы усвоили разумную тактику примиренія. Въ Вандеѣ возстаніе было уже незначительнымъ; въ Бретани же маркизъ де Пюисо и одинъ искатель приключеній, по имени Корматенъ, организовали шуанерію, энергичную партизанскую войну, причемъ шуаны дѣйствовали какъ разбойники. Шареттъ и Стоффле покорились, чтобы дать Вандеѣ возможность оправиться отъ ея полнаго истощенія, и заключили съ республикой мирные договоры по всей формѣ,—однако, лишь затѣмъ, чтобы выждать перваго благопріятнаго случая и снова подняться противъ республики.

Такимъ образомъ, конвентъ одержалъ верхъ надъ своими врагами внутри Франціи и разстроилъ коалицію Питта, которая состояла теперь уже только изъ Англіи, Австріи, Португаліи, Сардиніи и Неаполя. Франція вышла побѣдительницей изъ борьбы съ иностранными державами. Но у тэрмидористовъ не было ни умѣнья, ни желанія надлежащимъ образомъ воспользоваться этимъ успѣхомъ. Преслѣдованіе террористовъ и обогащеніе на общественныхъ должностяхъ всецѣло поглотило этихъ людей.

Тэрмидористы и соединившіеся съ ними жирондисты думали, что теперь настало время окончательно умиротворить революцію и устроить государство и общество въ ихъ собственномъ вкусѣ. Якобинцы были разбиты и ежедневно подвергались кровавымъ преслѣдованіямъ; парижскія предмѣстья были обезоружены и безпомощно стонали подъ гнетомъ нищеты; буржуазная аристократія достигла безспорнаго господства. Теперь конвентъ просто оставилъ вопросъ о конституціи 1793 г. и избралъ комиссію изъ

двѣнадцати членовъ, которая должна была выработать проектъ новой конституціи.

Тѣмъ временемъ въ республиканскомъ Парижѣ роялизмъ уже совершенно открыто поднялъ голову. Правая конвента не скрывала, что она стоитъ за возстановленіе монархіи. Въ зажиточныхъ частяхъ города роялизмъ распространялся съ чрезвычайной быстротой. Иные эмигранты рѣшались уже возвращаться. Г-жа Сталь, особа, значеніе которой такъ часто преувеличивается, снова открыла свой салонъ, ставшій сборнымъ пунктомъ реакціонеровъ всякаго рода. Золотая молодежь открыто выступала въ пользу монархіи, и скоро въ Парижѣ снова уже была роялистическая пресса. Наблюдая жизнь въ Сэнъ-Жерменѣ, можно было подумать, что воскресла аристократія старой Франціи. Еще и года не прошло со времени паденія Робеспьера, а Парижъ, столько лѣтъ бывшій фокусомъ революціи и душою республики, казалось, ничего не желаетъ такъ пламенно, какъ возстановленія монархіи.

Молодой Капетъ, котораго роялисты называли Людовикомъ XVII, умеръ въ Тамплѣ. Сапожникъ Симонъ, у котораго мальчикъ сперва жилъ, обращался съ бывшимъ дофиномъ очень сурово; послѣ казни Симона, отправленнаго на эшафотъ 9 тэрмидора вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, мальчика содержали подъ арестомъ, такъ какъ правители республики боялись, что если его похитятъ, то это усилитъ роялистическое движеніе. Мы не можемъ рѣшить, вѣрны ли тѣ потрясающіе разсказы, которые сообщаются роялистическими историками относительно обращенія съ мальчикомъ, и оставляемъ этотъ вопросъ безъ разсмотрѣнія. Несомнѣнно однако, что мальчикъ, страдавшій и раньше англійской болѣзнью, долгое время жилъ въ тяжелыхъ условіяхъ. Но говорить о „медленномъ убійствѣ“ его все-таки слишкомъ смѣло. Какъ бы тамъ ни было,—молодой Капетъ умеръ 8 іюня 1795 г., и предположеніе, что язвы, покрывавшія его тѣло, были слѣдствіемъ англійской болѣзни, представляется намъ самымъ правдоподобнымъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, являлись обманщики, выдававшіе себя за бывшаго дофина и встрѣчавшіе довѣріе среди роялистовъ. Всѣ они утверждали, что дофинъ былъ похищенъ изъ тюрьмы, а на его мѣсто былъ посаженъ другой мальчикъ. Тщательныя разслѣдованія показали, что Людовикъ, сынъ Людовика XVI и Маріи-Антуанеты, дѣйствительно умеръ въ Тамплѣ 8 іюня 1795 г. Особенно настойчиво выдавалъ себя за дофина часовщикъ Наундорфъ изъ Пруссіи; ему многіе повѣрили, и онъ жилъ этимъ обманомъ. Потомки его по сей день утверждаютъ, что они происходятъ отъ Людовика XVII.

Послѣ смерти молодого Капета, графъ Прованскій сталъ называть себя Людовикомъ XVIII, а братъ его, д'Артуа, принялъ титулъ Monsieur. Первый изъ нихъ оставался въ Веронѣ, графъ же д'Артуа, жившій въ Англіи, полагалъ, что теперь настало время для вторженія эмигрантовъ во Францію. У него были надлежащія связи съ Бретанью и Вандеей. Особенно энергично старался подготовить возстаніе въ этихъ, такъ страшно опустошенныхъ войною провинціяхъ Пюисэ. Шареттъ и Стоффле при первомъ

приглашеніи изъявили готовность, снова начать враждебныя дѣйствія противъ республики.

Въ Англію прибыло множество эмигрантовъ, куда ихъ призвалъ графъ д'Артуа, и англійское правительство выразило готовность дать для этого предпріятія военныя суда и оружіе. Дѣйствительно ли Питтъ вѣрилъ въ возможность успѣха этого фантастическаго предпріятія? Возможно, что при его страстной ненависти къ республикѣ и революціи виды на успѣхъ казались ему лучшими, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Хотѣли пристать къ западному берегу Франціи, высадить тамъ эмигрантовъ и проникнуть внутрь страны для соединенія съ вооруженными силами Шаретта, Стэффле и Корматена. Затѣмъ, сейчасъ же предполагался походъ на Парижъ. Вышло однако иное.

Эмигранты обучились военнымъ пріемамъ и организовались въ Англіи. Ихъ было около 1,500 человѣкъ; къ нимъ присоединили 3,000 военно-плѣнныхъ солдатъ французской республики, которыхъ одѣли въ англійскую военную форму, снабдили бѣлыми кокардами и распредѣлили по батальонамъ эмигрантовъ. Надо было имѣть очень превратное представленіе о положеніи дѣлъ во Франціи, чтобы думать, будто эти, насильно переодѣтые республиканцы даже на французской землѣ пойдутъ за роялистическимъ знаменемъ.

Графъ д'Эрвильи и Пюисэ командовали этимъ экспедиціоннымъ отрядомъ, доставленнымъ во Францію англійскимъ флотомъ подъ начальствомъ адмирала Уорэна. На судахъ, сверхъ того, былъ провіантъ на 600 челов. на три мѣсяца, 17,000 мундировъ для пѣхоты и 4,000 для кавалеріи, 27,000 ружей, 10 пушекъ и 600 бочекъ пороха. Въ военной кассѣ эмигрантовъ было 10,000 луидоровъ.

Англійскій флотъ отплылъ въ море, имѣлъ 23 іюня стычку съ французскимъ флотомъ, который отступилъ, и присталъ 25 іюня у полуострова Киберона на западномъ берегу Бретани. Въ Вандеѣ и Бретани уже собрались полчища роялистическихъ крестьянъ; въ одномъ только Морбіанѣ стояло подъ ружьемъ около 10,000 человѣкъ. Они соединились съ эмигрантами и двинулись къ Ванну. Хотя между вождями роялистовъ были раздоры, но вначалѣ казалось, что все складывается благопріятно для нихъ. Войска Гоша, начальствовавшаго здѣсь надъ республиканской арміей, были разбросаны, и онъ не былъ подготовленъ къ столь сильному и внезапному нападенію непріятеля. Двинувшись съ Киберона, эмигранты взяли приступомъ фортъ Пантьевръ, расположенный на узкомъ перешейкѣ, соединяющемъ полуостровъ Киберонъ съ материкомъ.

Но въ это время Гошъ собралъ свои силы и напалъ на бретанскихъ шуановъ, тщетно ждавшихъ подкрѣпленія отъ эмигрантовъ. Эмигранты же, получившіе тѣмъ временемъ подкрѣпленіе изъ Англіи, все стояли на Киберонѣ, такъ какъ ихъ вожди не могли столковаться относительно плана наступленія. Но вскорѣ передъ ними явился Гошъ съ войскомъ, доведеннымъ до 15,000 человѣкъ; прибыли также Тальянъ и Бладъ съ чрезвычайными

полномочіями, въ качествѣ комиссаровъ конвента. Занявъ позицію близъ Сэнъ-Барба, Гошъ отрѣзалъ полуостровъ Киберовъ съ эмигрантами отъ материка. 16 іюля эмигранты подъ предводительствомъ Эрвильи съ большой яростью двинулись съ полуострова; но Гошъ ихъ отразилъ и снова загналъ на опасный полуостровъ. Положеніе эмигрантовъ стало отчаяннымъ, такъ какъ тѣмъ временемъ и полчища возставшихъ крестьянъ тоже во всѣхъ мѣстахъ были разбиты и разсѣяны.

Ночью Гошъ напалъ на фортъ Пантьеврь, еще прикрывавшій полуостровъ, и взялъ его. Республиканскіе солдаты, которыхъ принудили въ Англіи къ участію въ экспедиціи эмигрантовъ, не мало содѣйствовали успѣху этого приступа и массами переходили къ Гошу. Утромъ эмигранты увидѣли на фортѣ трехцвѣтное знамя и уже поняли, что они погибли. Они отступили на крайній конецъ полуострова, между тѣмъ какъ графъ Сомбрёль, прибывшій недавно изъ Англіи, пытался оказать послѣднее противодѣйствіе. Англійскій флотъ помогалъ эмигрантамъ, обстрѣливая изъ пушекъ полуостровъ. Гошъ не сразу двинулся впередъ, и полагаютъ, что онъ по своей мягкости хотѣлъ дать эмигрантамъ время спастись на англійскіе корабли. Но англійскія шлюпки подоспѣли очень поздно, и нельзя было въ короткое время принять на суда тысячи людей, толпившихся на полуостровѣ. Когда республиканцы вышли, наконецъ, изъ форта и двинулись на полуостровъ, среди эмигрантовъ возникла страшная паника. Они такъ безпорядочно бросались въ шлюпки, что англійскіе матросы часто должны были разгонять ихъ ударами сабель. Лишь небольшую часть ихъ можно было принять въ шлюпки. Пюизсэ, считавшій свою жизнь слишкомъ драгоцѣнной, чтобы подвергать ее здѣсь опасности, бѣжалъ въ шлюпкѣ. Сомбрёль же приблизительно съ 1,000 эмигрантовъ, болѣе 3,000 шуановъ и 1,600 бывшихъ республиканскихъ солдатъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Гошъ вскорѣ отступилъ со своимъ войскомъ, когда ушелъ англійскій флотъ; наказаніе плѣнныхъ было предоставлено комиссарамъ конвента, Талльяну и Бладу. Талльянъ въ это время былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ роялистами; онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы подновить свою республиканскую репутацію, и въ рѣзкой рѣчи предложилъ наказать киберонскихъ плѣнныхъ по закону. По закону же они подлежали смертной казни. Въ Орэ былъ учрежденъ военный судъ, и около 600 плѣнныхъ были осуждены и разстрѣляны.

Попытка роялистовъ уничтожить республику при помощи Англіи кончилась неудачей. Тогда они снова принялись за свои происки въ Парижѣ, гдѣ въ это время конвентъ обсуждалъ новую конституцію. Парижскія секціи настолько подпали вліянію роялистовъ, что вскорѣ онѣ, за немногими лишь исключеніями, были уже на сторонѣ роялизма.

Конституція, принятая реакціоннымъ конвентомъ, уже не имѣла демократическаго характера, хотя по имени она и была республиканской. Введены были косвенные выборы: избиратели назна-

чали выборщиковъ, которые и избирали народныхъ представителей. Выборщикомъ могъ быть лишь тотъ, кто имѣлъ извѣстное состояніе и могъ представить доказательства, что онъ регулярно платилъ подати; избирателемъ же былъ каждый гражданинъ, достигшій двадцати-лѣтняго возраста Для того, чтобы быть избраннымъ въ народные представители, нужно было достигнуть опредѣленнаго возраста и имѣть опредѣленное состояніе. Новая конституція снова вводила двухпалатную систему. Такимъ образомъ, ...нулись назадъ еще дальше конституціи 1791 г., которая установляла одну палату. Народное представительство имѣло состоять изъ двухъ корпорацій: совѣта пятисотъ и совѣта старѣйшинъ (...nseil des anciens). Члены совѣта пятисотъ должны были имѣть не менѣе тридцати лѣтъ. Ежегодно обновлялась треть ...го совѣта. Эта корпорація предлагала законы, которые для ...упленія ихъ въ силу нуждались въ утвержденіи сената. Совѣтъ старѣйшинъ состоялъ изъ 250 членовъ; треть его тоже ...жна была ежегодно обновляться. Члены его должны были ...раться изъ лицъ не моложе сорока лѣтъ, женатыхъ или ...ьше состоявшихъ въ бракѣ. Совѣтъ старѣйшинъ имѣлъ на...щее право veto относительно постановленій совѣта пятисотъ, ... доводило безсмысленность двухпалатной системы до крайней степени. Правительственная власть въ собственномъ смыслѣ ...ва находилась въ рукахъ директоріи, состоявшей изъ пяти ...новъ и отвѣтственной передъ народнымъ представительствомъ. ...годно долженъ былъ выходить въ отставку одинъ изъ директоровъ, и онъ не могъ быть избранъ вторично. Отдѣльныя отрасли ...авленія были поручены новымъ министрамъ. Эта конституція, ...лось, нарочно была придумана затѣмъ, чтобы вызвать возможно болѣе конфликтовъ, потому что столь тяжеловѣсный и ...жный правительственный аппаратъ непремѣнно долженъ былъ ...таться въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ. Конституція была ...нена объявленіемъ правъ человѣка, но это было сдѣлано ...но на смѣхъ, потому что, хотя признавалась свобода печати и ...сти, но одно изъ важнѣйшихъ народныхъ правъ, право ко...цій, было просто отмѣнено этой конституціей, воспрещавшей ... народныя общества, устраивавшія публичныя засѣданія, имѣв... трибуну или бюро.

Затѣмъ было установлено, что обѣ палаты сами могутъ избирать мѣсто своихъ засѣданій и что ни одинъ законъ не можетъ ...ти въ силу, пока онъ не будетъ принятъ въ трехъ чтеніяхъ; ...ако, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, сенатъ могъ ...нимать исключительныя постановленія

Этой конституціей роялисты перехитрили конвентъ. Она ли...а была всякаго демократическаго характера и сдѣлала народ... массу снова политически-безправной, допустивъ къ участію ... законодательствѣ и управленіи лишь имущихъ. Дононъ, быв... главнымъ образомъ, авторомъ этой конституціи и предста...ній докладъ о ея проектѣ, думалъ, что онъ осчастливилъ ...чество чрезвычайно мудрыми и глубокими идеями. Скоро онъ долженъ былъ разочароваться. Преслѣдованіями якобинцевъ и

террористовъ демократія была уничтожена. Изъ этого само собой вытекало, что въ предстоящихъ выборахъ народныхъ представителей будутъ избраны исключительно реакціонеры.

Конвентъ вдругъ съ ужасомъ увидѣлъ это и почувствовалъ, что новая конституція означаетъ монархію или гражданскую войну. Среди выскочекъ революціи было очень много такихъ, которые должны были страшиться возстановленія монархіи; правящая буржуазія хотѣла, по крайней мѣрѣ, не выпускать оружія изъ рукъ. Люди увидѣли, что они увлеклись реакціей слишкомъ далеко и подрыли почву даже подъ собственными ногами. Но конвентъ не могъ также рѣшиться снова уничтожить уже принятую имъ конституцію; такимъ образомъ, она была окончательно утверждена подъ именемъ конституціи III года республики.

Такъ, колеблясь между страхомъ и надеждой, конвентъ напалъ на самый странный выходъ, какой только можно себѣ представить; онъ попытался обезпечить за собою на ближайшее время большинство въ палатахъ. Съ этой цѣлью, рядомъ съ конституціей, было издано два особыхъ декрета. Одинъ изъ нихъ опредѣлялъ, что двѣ трети состава каждой палаты должны состоять изъ членовъ конвента, другой же говорилъ, что эти двѣ трети должны выбираться не избирателями, а самимъ конвентомъ. Такимъ образомъ, конвентъ могъ исключить изъ новаго представительства остатки партіи Горы и возстановить въ немъ прежнее большинство.

Конституція III года и оба декрета были переданы на утвержденіе первичныхъ собраній. Конвентъ могъ разсчитывать на ихъ принятіе и не ошибся, потому что народная масса была настроена все еще достаточно демократически, чтобы, по мѣрѣ возможности, противодѣйствовать реакціи. Конечно, съ точки зрѣнія демократическихъ принциповъ, народъ долженъ былъ бы голосовать противъ этой конституціи; онъ не имѣлъ также никакихъ основаній гарантировать реакціонному конвенту продолженіе его господства. Но ему предстояло лишь выбрать одно изъ двухъ золъ, и онъ выбралъ то, которое казалось меньшимъ.

Конституція была принята французскимъ народомъ почти единогласно, такъ какъ за нее голосовали и роялисты, потому что она открывала имъ благопріятные виды. Но и декреты относительно большинства двухъ третей тоже были приняты, несмотря на то, что роялисты всѣми силами старались провалить ихъ. Они шумно упрекали конвентъ въ томъ, что онъ нарушаетъ державность народа, — которая, понятно, въ дѣйствительности ихъ не очень то заботила. Золотая молодежь, бывшая теперь вполнѣ роялистической и враждебной конвенту, ходила толпами по улицамъ съ криками: „долой двѣ трети!“ Въ Парижѣ одна лишь секція Quinze-Vingts приняла декреты, во всѣхъ другихъ секціяхъ они были отвергнуты, и роялисты держали себя при этомъ столь безстыдно, что рекомендовали всѣмъ патріотамъ не являться на собранія избирателей, а тѣхъ, кто изъ нихъ все-таки явился, просто прогнали.

Когда конвентъ объявилъ 22 сентября, что конституція и оба

декрета приняты народомъ, роялисты пришли въ сильное движеніе. Они надѣялись посредствомъ конституціи возстановить королевскую власть. Теперь они увидѣли, что эта возможность предотвращена декретами относительно двухъ третей. Они рѣшились дѣйствовать вооруженной рукой.

Такимъ образомъ, эта несчастная конституція уже при своемъ появленіи накликала на Францію кровавую гражданскую войну. Черезъ годъ съ четвертью послѣ паденія терроризма Парижъ увидѣлъ роялистическое возстаніе противъ конвента: съ такой изумительной быстротой усиливалась реакція.

Рабочіе предмѣстій оставались безучастными, хотя они должны были чувствовать приближеніе бури. Они ничего не ждали отъ роялистовъ, но ничего не ждали они также и отъ конвента, который оставлялъ въ нищетѣ и разоружилъ ихъ. Они безучастно ждали исхода борьбы.

Въ эти дни много эмигрантовъ частью тайно, частью явно прибыли въ Парижъ, такъ какъ видно было, что вооруженное столкновеніе между роялистами и республиканцами стало неизбѣжнымъ. Секціи избирали вождей для предстоящей борьбы изъ дворянъ. Нѣкій Лаэстръ организовалъ роялистическое движеніе противъ конвента.

Когда конвентъ назначилъ на 2 и 12 октября новые выборы для подлежащихъ избранію двухъ третей обѣихъ палатъ, въ Парижѣ возникли бурные и кровавые безпорядки. Золотая молодежь вступала въ стычки съ вооруженной силой конвента. Конвентъ издалъ рядъ энергическихъ декретовъ противъ роялистовъ и отмѣнилъ также законъ о подозрительныхъ, потому что онъ давалъ слишкомъ большую власть городскимъ учрежденіямъ, ставшимъ теперь вполнѣ роялистическими. Борющіяся партіи разгорячались все больше и больше, и золотая молодежь уже не скрывала, что имѣется въ виду окружить конвентъ, разогнать его и возстановить монархическую власть. Такъ собирались теперь напасть на конвентъ тѣ самые люди, которые помогали ему подавить предмѣстья, когда они полъ-года тому назадъ двинулись противъ конвента.

Четыре секціи созвали своихъ выборщиковъ за долго до дня выборовъ и охраняли ихъ вооруженной силой. Конвентъ запретилъ собранія выборщиковъ до дня выборовъ, но его декретъ былъ встрѣченъ насмѣшками и издѣвательствами. Тогда и конвентъ сталъ готовиться къ борьбѣ: онъ велѣлъ силой разогнать собраніе выборщиковъ, объявилъ свои засѣданія безпрерывными и назначилъ чрезвычайную комиссію для охраны общественнаго порядка. Въ своемъ стѣсненномъ положеніи конвентъ обратился за помощью къ террористамъ и якобинцамъ, которыхъ онъ такъ сурово преслѣдовалъ, и они имѣли достаточно великодушія, чтобы явиться на этотъ зовъ. Они были снабжены оружіемъ и образовали „баталіонъ патріотовъ 1789 г." численностью въ 2000 человѣкъ. Неспособный генералъ Мену, трусости котораго секціи были обязаны своими первоначальными успѣхами, отказался командовать баталіономъ патріотовъ, потому что этотъ баталіонъ, по

Всѣ возликовали, такъ какъ казалось, что найдено средство избавиться отъ страшнаго наводненія ассигнатовъ. На мандаты смотрѣли какъ на звонкую монету. Оказалось, однако, что последствія обезцѣненія бумажныхъ денегъ не такъ то легко было устранить новыми бумажными деньгами. Дѣльцы отнеслись къ мандатамъ съ недовѣріемъ, опасаясь выпуска ихъ такими массами, что номинальная стоимость ихъ превзойдетъ стоимость національныхъ имуществъ, служившихъ для нихъ обезпеченіемъ. Мандатовъ не принимали, вслѣдствіе чего дѣло дошло до уличныхъ безпорядковъ и даже грабежей. Надѣялись, что полноцѣнные мандаты, которыми по трехъ-процентному курсу погашались ассигнаты, поднимутъ курсъ ассигнатовъ. Однако, сами мандаты падали въ цѣнѣ съ поразительной быстротой и опустились до 5%. Обезцѣненію этихъ бумагъ содѣйствовала также безумная биржевая спекуляція.

Такъ кончилась неудачей вся эта финансовая операція, и правительство оказалось безпомощнымъ со все возрастающимъ дефицитомъ, уменьшающимся поступленіемъ доходовъ и безъ всякаго кредита. Это непремѣнно привело бы къ печальному концу и государственное банкротство во всей формѣ стало неизбѣжнымъ, — если не откроются какіе либо чрезвычайные вспомогательные источники.

Такіе источники открылись: молодой генералъ Бонапартъ одерживалъ въ это время свои блестящія побѣды въ Италіи. Милліоны, получаемые имъ съ итальянскихъ государей въ видѣ контрибуціи и военнаго вознагражденія, отправлялись въ Парижъ, въ кассы правительства, которое благодаря этому, могло нѣсколько укрѣпить свои совершенно истощенные финансы.

Борьба 13 вандемьера, при которой конвенту понадобилась помощь баталіона патріотовъ, нѣсколько ободрила подавленную демократію, и амнистія, объявленная конвентомъ въ концѣ его дѣятельности, освободила многихъ террористовъ, содержавшихся въ тюрьмахъ. Они соединились съ бывшими членами Горы, еще уцѣлѣвшими остатками этой фракціи, такъ часто подвергавшейся истребленіямъ. Хотя при конституціи III года трудно было основывать общества, однако попытка была сдѣлана. Въ это время выступилъ Франсуа Ноэль Бабёфъ, человѣкъ еще молодой и до сихъ поръ мало извѣстный. Раньше онъ былъ осужденъ за фальсификацію, но этотъ приговоръ былъ кассированъ, какъ несправедливый. Послѣ 9 термидора Бабёфъ, какъ ревностный террористъ, попалъ въ тюрьму и познакомился тамъ съ итальянцемъ Буонаротти, бывшимъ другомъ Робеспьера, который былъ теперь арестованъ будто бы за злоупотребленія, сдѣланныя имъ въ качествѣ комиссара конвента. Къ нимъ присоединился Дартэ, бывшій раньше секретаремъ казненнаго комиссара конвента Лебона въ Аррасѣ. Эти три человѣка часто бесѣдовали о средствахъ доставить благосостояніе народу. Бабёфа, обладавшаго философскимъ умомъ, бесѣды эти побудили составить новую соціально-политическую систему. Онъ еще о конвентѣ говорилъ, что—дѣй-

ствительно ли пятьсотъ болтливыхъ адвокатовъ лучше одного короля?

Когда арестованные были освобождены, Бабёфъ началъ въ своей газетѣ: „Народный Трибунъ“ рѣзко нападать на директорію и господствующие классы. Онъ принялъ имя Гракха, желая этимъ показать, что онъ стоитъ за неимущихъ гражданъ. Вскорѣ вокругъ него собрались сторонники Марата и Робеспьера, бывшие члены демократическихъ клубовъ и революціонныхъ комитетовъ. Но демократы скоро должны были понять, что ихъ партія послѣ послѣднихъ пораженій слишкомъ слаба, чтобы заставить правительство считаться съ собой. Бабёфъ, человѣкъ непреклонной воли и смѣлости, не остановился передъ этимъ. Приступили къ заговору съ цѣлью подготовить возстаніе.

Сперва была сдѣлана попытка основать клубъ въ предѣлахъ тѣхъ стѣснительныхъ формъ, какія предписывались конституціей. Былъ основанъ клубъ Пантеона, въ которомъ впервые во время революціи выступилъ продуманный соціализмъ. Директорія подвергла этотъ клубъ внимательному надзору. Въ немъ было до 4,000 человѣкъ, и онъ съ полной тщательностью исполнялъ предписанія закона. У него не было ни президента, ни секретарей; онъ также никогда не вступалъ въ связь съ другими обществами. Но легко было увидѣть, что якобинцы и террористы здѣсь снова создали себѣ сборный пунктъ. Дарте рѣзко нападалъ здѣсь на роскошь и излишества знатнаго парижскаго общества, а Бабёфъ изображалъ въ своемъ журналѣ лишенія народа. Онъ говорилъ о томъ, что люди, взявшие нѣкогда Бастилію, теперь страдаютъ отъ голода и наполняютъ собою тюрьмы. Внимание массъ было возбуждено, и директорія, опасаясь болѣе значительнаго движенія, снова ввела недавно отмѣненную ею раздачу хлѣба и мяса. Это мѣропріятіе на время успокоило массы, но директорія воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы закрыть клубъ Пантеона. Предлогомъ для закрытія его послужила одна рѣзкая рѣчь Дарте, и это распоряженіе было выполнено генераломъ Бонапартомъ.

Но это не сломило энергіи демократовъ: они только были лишены гласности клуба и перешли къ другимъ средствамъ. Такъ какъ имъ уже нельзя было устраивать открытыя собранія, то они стали собираться тайно. Бабёфъ, преслѣдуемый полиціей, скрывался и, подобно Марату, издавалъ свою газету тайно. Онъ много размышлялъ объ экономическихъ вопросахъ и часто имѣлъ столкновенія съ людьми Горы, которые говорили лишь о казняхъ, организовать же не умѣли ничего. Бабёфъ былъ мыслитель и обладалъ характеромъ, внушающимъ уваженіе всякому, кто только ближе присмотрится къ этому оригинальному человѣку, хотя бы онъ и не раздѣлялъ его взглядовъ. Основу общественнаго блага онъ видѣлъ въ избавленіи народныхъ массъ отъ нищеты и невѣжества. Историки извратили образъ Бабёфа, стараясь представить его грубымъ насильникомъ, который, увлекаясь плоскимъ матеріализмомъ, хотѣлъ пожертвовать образованіемъ, культурой и свободой ради неосуществимаго равенства наслажденій. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи онъ оказывается совершенно инымъ.

его словамъ, состоялъ изъ бандитовъ. Баталіонъ патріотовъ въ послѣдней битвѣ за конвентъ сражался съ большой храбростью.

Секція Лепеллетье составляла центральный пунктъ возстанія, къ которому изъ 48 секцій присоединилось 44. Военная сила секцій доходила до 40000 человѣкъ, но съ прэріаля мѣсяца у нихъ не было пушекъ. Раздался генеральный маршъ: сошлись вооруженные національные гвардейцы, и въ пламенной прокламаціи противъ „палачей въ конвентѣ“ было по всей формѣ объявлено возстаніе. Генералъ Мену двинулся съ войсками конвента противъ секціи Лепеллетье, но натолкнулся на энергичное противодѣйствіе и отступилъ. Онъ былъ сейчасъ же смѣненъ.

Въ этотъ критическій моментъ Барра́, назначенный конвентомъ главнымъ начальникомъ вооруженныхъ силъ, вспомнилъ объ одномъ молодомъ офицерѣ, который, по его мнѣнію, былъ способенъ отразить нападеніе роялистовъ. „*Я знаю*“, сказалъ онъ: „*одного маленькаго корсиканца, который не станетъ церемониться*“. Этотъ маленькій корсиканецъ былъ не кто иной, какъ *Наполеонъ Бонапартъ*; онъ еще подъ Тулономъ обнаружилъ свои необычайныя способности, но затѣмъ, послѣ паденія Робеспьера, сторонникомъ котораго онъ считался, просидѣлъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ и былъ оставленъ безъ всякой должности. Онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ ожидалъ въ Парижѣ подходящаго назначенія, безъ всякой надежды получить его. Пылкое воображеніе Бонапарта наполняло его голову фантастическими планами, такъ что иные считали его сумасбродомъ. Барра потребовалъ, чтобы его назначили вторымъ начальникомъ вооруженной силы, и Бонапартъ, призванный въ комиссію пяти, говорилъ о средствахъ, которыя должны доставить конвенту побѣду, съ такой импонирующей увѣренностью, что ему сейчасъ же поручили защиту Тюльери. Никто и предчувствовать не могъ, какія послѣдствія долженъ будетъ имѣть этотъ шагъ, и никто не могъ бы предугадать въ тщедушномъ, молчаливомъ молодомъ офицерѣ будущаго императора французовъ.

Между тѣмъ, какъ секціи медлили съ нападеніемъ на конвентъ, Бонапартъ сейчасъ же принялъ самыя рѣшительныя мѣры. Онъ зналъ, что пушки національной гвардіи стояли въ Медонѣ въ паркѣ; немедленно же былъ отправленъ сильный кавалерійскій отрядъ, чтобы привезти эти пушки. Бонапартъ располагалъ, самое большее, 7000 человѣкъ, но ему давали преимущество пушки, дисциплина его войска и его геній. Скоро зданіе Тюльери было превращено въ крѣпость, изъ которой можно было обстрѣливать всѣ пути, ведущіе къ нему. Бонапартъ подумалъ также и о возможности отступленія и на этотъ случай велѣлъ принести въ залъ засѣданій конвента 800 ружей и патронташей, чтобы вооружить депутатовъ, какъ резервъ. Провіантъ былъ запасенъ на нѣсколько дней.

Возставшими начальствовалъ генералъ Даниканъ, эмигрантъ, сражавшійся раньше въ Вандеѣ за республику, но смѣненный за нерасторопность. Даниканъ понялъ, что противъ баттарей Бонапарта, ему съ національными гвардейцами трудно что нибудь предпринять, но его принудили къ наступленію. Отбросивъ одинъ

выдвинувшійся впередъ постъ Бонапарта, онъ послалъ къ конвенту парламентеровъ, требуя, чтобы собраніе отозвало всѣ свои войска, обезоружило террористовъ и отмѣнило декреты относительно двухъ третей. Роялисты конвента проявили склонность вступить въ переговоры. Но постъ Шенье увлекъ за собою конвентъ. „Я удивляюсь, воскликнулъ онъ,—что насъ занимаютъ требованіями мятежныхъ секцій. Здѣсь нечего переговариваться или измѣнять,—конвенту остается лишь смерть или побѣда!" Слова эти вызвали бурныя одобренія, и переговоры были прерваны.

Тогда, въ 4 часа послѣ обѣда 4 октября (13 вандемьера) 1795 г., Даниканъ повелъ роялистическія секціи противъ конвента. Возставшіе двинулись по всѣмъ улицамъ, ведшимъ къ Тюльери. Они были встрѣчены страшнымъ залпомъ картечи и приведены въ смятеніе на всѣхъ пунктахъ. Затѣмъ, Бонапартъ двинулъ свои баталіоны и энергичнымъ ударомъ въ штыки обратилъ непріятеля въ бѣгство у церкви св. Роха, гдѣ роялисты выставили было свои лучшія силы. Онъ выдвинулъ впередъ баттареи, и къ 6 часамъ вечера пораженіе секцій было настолько полнымъ, что Бонапартъ велѣлъ стрѣлять по бѣжавшимъ холостыми зарядами во избѣжаніе излишняго кровопролитія. Въ этой битвѣ пало съ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ около 400 человѣкъ, но побѣда конвента была полной. Въ ночь Бонапартъ занялъ всѣ важные пункты города.

Конвентъ отнесся къ побѣжденнымъ не съ такой строгостью, какъ раньше къ якобинцамъ и возстававшимъ предмѣстьямъ. Онъ ограничился только обезоруженіемъ секціи Лепеллетье, увольненіемъ генеральнаго штаба національной гвардіи и распущеніемъ стрѣлковыхъ отрядовъ золотой молодежи. Особая коммиссія должна была судить участниковъ возстанія. Но скомпрометированнымъ лицамъ дали достаточно времени для бѣгства и преслѣдованіе велось такъ небрежно, что нѣкоторые изъ осужденныхъ in contumatiam совершенно открыто показывались въ Парижѣ.

Реакціонный конвентъ словно старался, чтобы не возникло никакого сомнѣнія въ его расположеніи къ роялистамъ, которые только что нападали на него съ оружіемъ въ рукахъ и пытались уничтожить республику.

Теперь, въ концѣ своей трехлѣтней дѣятельности, конвентъ выбралъ изъ среды своихъ членовъ двѣ трети обѣихъ палатъ и членовъ будущаго правительства, директоріи. Возстаніе секцій показало распространенность и силу вновь просыпающагося роялизма, и буржуазія, старавшаяся удержать власть въ своихъ рукахъ, озабоченно смотрѣла на будущее. Въ послѣдніе дни снова оживилось республиканское настроеніе. Въ директорію были избраны лишь люди, голосовавшіе за казнь Людовика XVI: Барра, Ревбелль, Ларевельеръ-Лепо, Летурнеръ и, вмѣсто Сіейеса, отклонившаго избраніе, Карно. Потомъ конвентъ издалъ амнистію, распространявшуюся на всѣ политическіе акты, но изъ нея были исключены граждане, отправленные въ ссылку. Тотъ самый конвентъ, который такъ мягко поступилъ съ возставшими секціями, отказалъ въ амнистіи Билло-Вареннѣ и Колло д'Эрбуа.

Затѣмъ, конвентъ объявилъ революцію законченной, какъ будто это зависѣло отъ какого нибудь парламентскаго акта, и переименовалъ прежнюю площадь Революціи, гдѣ стоялъ эшафотъ, въ площадь Согласія

25 октября 1795 г. конвентъ распустилъ себя. Президентъ его сказалъ при этомъ: „Конвентъ объявляетъ, что миссія его исполнена и засѣданія его закончены". При крикахъ: „да здравствуетъ республика!" члены конвента разошлись.

Этотъ парламентъ, правившій республикой среди бури революціи и отправившій на эшафотъ столь многихъ изъ своихъ членовъ, всегда будетъ занимать выдающееся мѣсто въ исторіи. Недостатки его были велики; но еще болѣе велики были его труды, содѣйствовавшіе полному преобразованію Франціи. Они часто носятъ печать поспѣшности и скоросиѣлости, что вполнѣ понятно у собранія, обязаннаго защищать Францію отъ большой коалиціи Питта и вмѣстѣ съ тѣмъ вести самую страшную гражданскую войну. Конвентъ, вышедшій изъ республиканскаго возстанія, вскорѣ послѣ открытія своихъ засѣданій увидѣлъ, что двѣ трети Франціи поднялись противъ него съ оружіемъ въ рукахъ; побѣдивъ всѣхъ своихъ противниковъ, онъ склонился предъ властью Робеспьера и образовалъ интересную эпоху государства съ добродѣтелью и ужасомъ, чтобы закончить ее внезапной вспышкой энергіи. Онъ видѣлъ, какъ съ оружіемъ въ рукахъ шли на него колонны демократіи и роялизма, и громъ пушекъ Бонапарта послужилъ введеніемъ къ закрытію его оживленныхъ и бурныхъ засѣданій.

Этотъ парламентъ, въ которомъ было такъ много блестящихъ именъ, хотя и привелъ Францію къ побѣдѣ въ борьбѣ съ коалиціей Питта, но оставилъ страну въ послѣдней степени истощенія. Во время терроризма конвентъ старался бороться съ народными бѣдствіями насильственными средствами; послѣ паденія терроризма онъ воспользовался властью, чтобы подавить всѣ движенія народныхъ массъ, измученныхъ крайней нуждой. Подъ давленіемъ терроризма онъ принялъ рядъ принудительныхъ мѣропріятій, слишкомъ усердное примѣненіе которыхъ должно было привести къ пагубнымъ послѣдствіямъ; съ окончаніемъ правленія ужаса, какъ мы видѣли, эти принудительныя мѣропріятія были вдругъ отмѣнены, и внезапная отмѣна ихъ должна была произвести вдвойнѣ пагубное дѣйствіе.

Финансовыя затрудненія постоянно были разъѣдающей язвой, противъ которой не помогали никакія принудительныя мѣропріятія. При расшатанности всѣхъ отношеній подати поступали очень нерегулярно, и правительству не оставалось ничего иного, какъ наводнять Францію все новыми и новыми массами ассигнатовъ. Эта масса бумагъ еще больше увеличивалась фальшивыми ассигнатами, которые постыднымъ образомъ пускала въ обращеніе Англія. Чѣмъ больше правительство выпускало ассигнатовъ, тѣмъ ниже падала ихъ цѣна, а чѣмъ ниже падала цѣна ассигнатовъ, тѣмъ больше ихъ печатали. Потребность въ ассигнатахъ настолько увеличилась, что невозможно было уже ихъ печатать съ достаточной быстротой. Уже весной 1795 г. курсъ ассигнатовъ упалъ

до 7½%; въ іюлѣ 1795 г. они имѣли уже лишь 2½% номинальной стоимости. Государственнымъ кредиторамъ приходилось плохо: они должны были принимать ассигнаты по номинальной стоимости. У кого были долги, тотъ выплачивалъ ихъ ассигнатами по номинальной стоимости, и противъ этого мало что можно было подѣлать. По мѣрѣ того, какъ падала стоимость ассигнатовъ, быстро повышались цѣны. Лучше всего было еще крестьянамъ, арендовавшимъ обрабатываемую ими землю, такъ какъ цѣны на хлѣбъ достигли необычайной высоты; отъ этого и теперь по деревнямъ встрѣчалась сравнительная роскошь, стоявшая въ рѣзкомъ противорѣчіи съ нищетою массъ въ большихъ городахъ. Арендаторы земли могли покрыть арендную плату выручкой отъ продажи совершенно ничтожной части урожая. Раньше по деревнямъ предпринимались реквизиціи, чтобы облегчить нищету въ городахъ; теперь городской пролетаріатъ былъ предоставленъ своимъ бѣдствіямъ, и крестьяне, обязанные своей свободой возстаніямъ столичнаго населенія, стали теперь консервативными и не интересовались ничѣмъ, кромѣ своей земли.

Буржуазія, достигшая господства, наслаждалась въ полной мѣрѣ. Безумная суета въ столицѣ продолжалась при всѣхъ политическихъ катастрофахъ. Отмѣна принудительныхъ законовъ снова открыла путь всѣмъ грязнымъ способамъ пріобрѣтенія; было время, когда въ Парижѣ силошь всѣ вели мѣновую торговлю, обдѣлывали крупныя ростовщическія дѣла, скупая массами всѣ предметы и продукты за малоцѣнные кредитные билеты, чтобы перепродать ихъ и извлечь пользу изъ безпрестанныхъ колебаній курса.

Народная масса, какъ и всегда, больше всѣхъ страдала отъ этихъ неурядицъ. По какъ неугомонны были до сихъ поръ рабочіе,—такъ равнодушны стали они теперь ко всѣмъ политическимъ измѣненіямъ. Къ тому-же, самые энергичные элементы изъ ихъ среды поглощались безпрестанными войнами республики. Парижскія предмѣстья послѣ ихъ разрушенія въ маѣ 1795 г. нельзя было уже привести въ движеніе. Исходъ всѣхъ возстаній лишилъ ихъ всякой надежды на улучшеніе ихъ судьбы.

Такъ исчезла у всѣхъ классовъ страсть къ свободѣ, въ теченіе нѣкотораго времени господствовавшая во всей Франціи. Тѣ, кто пожалъ плоды революціи,—буржуазія и крестьяне, не хотѣли переворотовъ, потому что они желали спокойствія и безопасности для своего имущества и пріобрѣтенія; рабочіе и пролетаріи тоже не хотѣли революціи, потому что они не видѣли отъ нея никакой пользы. Это положеніе дѣлъ дало мѣсто военной власти, которая сумѣла замѣнить страсть къ свободѣ страстью къ славѣ. Франція и Европа должны были дорого заплатить за эту страсть къ славѣ:— четвертью вѣка военной суматохи.

* *
*

Къ этому времени идеализмъ, преобладавшій въ первый періодъ революціи, почти совершенно исчезъ. Масса французской буржуазіи жаждала покоя, благосостоянія и наслажденія; пролетаріатъ желалъ уменьшенія своихъ бѣдствій. Время, когда искренно

настаивали на равенствѣ и братствѣ прошло окончательно; теперь правительство считалось уже только съ силой. Нужно было нѣкоторое мужество, чтобы принять правленіе во Франціи, оставленной революціоннымъ конвентомъ. Все находилось въ плачевномъ состояніи. Войска терпѣли лишенія, и даже генералы часто не получали жалованія. Вороватые поставщики обогащались, а защитникамъ республики не доставалось ничего. Въ правленіе террористическаго конвента на общественныя должности пробралось множество карьеристовъ; существовалъ огромный бюрократическій аппаратъ и, всетаки ничего не дѣлалось. Народное просвѣщеніе, судъ, пути сообщенія—все пришло въ упадокъ, такъ какъ за спартанской строгостью системы ужаса послѣдовала болѣе чѣмъ аѳинская распущенность. Правда, и время ужаса среди быстрой смѣны событій и яростной борьбы партій тоже мало что организовало, но оно, по крайней мѣрѣ, выставило принципы. Теперь же все падало и разлагалось.

Новое правительство имѣло всѣ основанія быть благодарнымъ конвенту за его декреты относительно двухъ третей, потому что если бы эти декреты не обезпечили за нимъ большинства въ палатахъ, то неизбѣжно наступило бы замѣшательство, исходъ котораго не трудно было бы предугадать. Результаты всѣхъ новыхъ выборовъ оказались въ пользу роялистовъ, и если бы избирался весь составъ палатъ, то монархія, вѣроятно, была бы возстановлена парламентскимъ путемъ. Когда это правительство, не располагавшее ни деньгами, ни довѣріемъ, явилось въ отведенный ему люксембургскій дворецъ, его затруднительное положеніе сказалось даже во внѣшней обстановкѣ. Во дворцѣ не оказалось рѣшительно никакой мебели, и кастелянъ его долженъ былъ дать новому правительству въ пользованіе кривоногій столъ и пять продранныхъ соломенныхъ стульевъ, чтобы оно могло начать свои засѣданія. Къ счастью, бумагу, перья и чернила директора принесли съ собой. Въ этомъ первомъ засѣданіи директорія составила посланіе къ палатамъ и избрала своихъ министровъ.

Самымъ вліятельнымъ членомъ этого правительства оказался Барра, хотя онъ собственно не обладалъ ни политическими, ни военными талантами. Онъ происходилъ изъ низшаго дворянства, былъ въ военной службѣ и участвовалъ въ походахъ въ Остъ-Индію и Америку. Онъ состоялъ членомъ перваго національнаго собранія и конвента. Онъ былъ сторонникомъ дантонистовъ, что ему, однако, не помѣшало въ 1793 г. участвовать съ Фрерономъ въ кровавомъ наказаніи Тулона. Роль его 9 термидора и 13 вандемьера намъ извѣстна. Онъ обладалъ большой способностью къ интригамъ и проявлялъ много наглости; въ остальномъ же это былъ испорченный, безнравственный человѣкъ, который выше всего ставилъ свое собственное благополучіе, всѣмъ льстилъ, всѣхъ вводилъ въ заблужденіе и предавалъ. Барра, занимавшійся главнымъ образомъ внутренними дѣлами, былъ настоящимъ представителемъ того класса, вынесеннаго наверхъ революціей, который стремился насладиться своей побѣдой среди кутежей и распутства. Наполеонъ не безъ основанія называлъ Барра и его сторонниковъ гнилыми.

Карно, единственный изъ директоровъ, имѣвшій истинно-демократическія убѣжденія, представлялъ прямую противоположность Барра своей нравственной строгостью и чистотой своего характера. Карнопе повиненъ въ низменной дѣятельности директоріальнаго правительства. Онъ и теперь занимался почти исключительно военными дѣлами, и главная забота его состояла въ томъ, чтобы удержать за Франціей тѣ границы, которыя онъ считалъ естественными. Карно держался Летурнеръ, управлявшій морскими и колоніальными дѣлами. Но Ревбель и Ляревельеръ-Лепо, вмѣстѣ съ Барра, составляли прочное большинство. Ревбель, адвокатъ изъ Эльзаса, держалъ себя тихо во время ужаса и затѣмъ выступилъ ярымъ гонителемъ якобинцевъ. По внѣшнему виду онъ казался гордымъ и настойчивымъ, но слылъ за человѣка любостяжательнаго и подкупнаго. Однако это былъ умѣлый и умный администраторъ: юстиціей и финансами онъ управлялъ настолько хорошо, насколько это было возможно въ то трудное время. Наконецъ, Леревельеръ-Лепо, завѣдывавшій просвѣщеніемъ, науками и искусствами, былъ жирондистъ, объявленный въ свое время внѣ закона. Онъ воспользовался правительственной властью для осуществленія своей несчастной идеи основать новую религію, которую онъ хотѣлъ противопоставить грубому матеріализму, господствовавшему у торжествующей буржуазіи. Онъ основалъ такъ называемую теофилантропію, послѣдователямъ которой онъ предоставилъ десять приходскихъ церквей. Это была гуманная религія: основнымъ принципомъ ея была любовь къ Богу и людямъ; ея послѣдователи вѣрили въ безсмертіе души. Теофилантропія подвергалась множеству насмѣшекъ, и основатель ея за свою некрасивую наружность сталъ мишенью французскаго остроумія.

Таково было правительство, взявшее теперь власть въ свои руки. Примѣненіе новой конституціи сразу же началось нарушеніемъ ея посредствомъ декретовъ относительно двухъ третей; но безъ этого нарушенія новая конституція вообще не могла бы существовать. Изъ этого же нарушенія возникли опасные конфликты, приведшіе къ новымъ нарушеніямъ конституціи и, наконецъ, къ паденію директоріальнаго правительства.

Было двѣ партіи, враждебныя директоріи: демократическая и роялистическая. Но обѣ эти партіи были въ 1795 г. подавлены конвентомъ и обезоружены; онѣ не могли устраивать въ Парижѣ уличныя битвы, такъ какъ невозможно было вовлечь въ борьбу народныя массы. Поэтому за періодомъ возстаній послѣдовалъ періодъ заговоровъ, къ которымъ всегда приходятъ рѣшительные вожаки, если у нихъ нѣтъ силы для открытой борьбы. Народъ привыкъ молча переносить лишенія, которыя въ это время снова достигли послѣднихъ предѣловъ возможности. Онъ смотрѣлъ на борьбу партій, не увлекаясь ни одной изъ нихъ. У него было уже лишь одно убѣжденіе,—убѣжденіе въ безнадежности его судьбы.

Если директорамъ въ началѣ ихъ дѣятельности и удалось внести нѣкоторый порядокъ въ государственное управленіе, то финансовыя затрудненія все-таки были и остались неисчерпаемымъ источникомъ неурядицы. Государственное банкротство, котораго нѣкогда боялся Мирабо, наступило если и не формально, то фактически, лишь только государство стало принимать ассигнаты уже по ихъ дѣйствительному курсу. А государство такъ и сдѣлало: между тѣмъ, какъ раньше оно принимало ассигнаты за 20%, теперь оно стало принимать ихъ уже по значительно низшему курсу. Невозможно было уже покрывать убытки, возникавшіе отъ принятія ассигнатовъ за 20%. Убытки же государственнаго банкротства должны были нести граждане въ видѣ потерь, приносимыхъ имъ все усиливающимся паденіемъ стоимости ассигнатовъ.

При стѣсненности своего финансоваго положенія директорія пыталась найти выходъ въ принудительномъ займѣ у богачей. Заемъ этотъ имѣлъ быть сдѣланъ на сумму въ 600 милліоновъ франковъ и имѣлъ вноситься металлическими деньгами или ассигнатами по текущему курсу. Ассигнаты въ это время равнялись лишь 1% своей стоимости. Хотѣли, чтобы принудительный заемъ палъ только на богатыхъ. Обѣ палаты утвердили этотъ заемъ, но онъ не имѣлъ ожидавшагося успѣха. Если бы онъ удался, то директорія могла выдти изъ своего затруднительнаго положенія. Но можно было предвидѣть, что богатые люди, къ которымъ предполагалось примѣнить это мѣропріятіе, всѣми силами будутъ противодѣйствовать ему; можно было также заранѣе догадаться, что во Франціи, вынесшей такъ много бурь, большая часть денегъ припрятана или отправлена заграницу. Уже при оцѣночныхъ работахъ возникли безконечныя затрудненія и, въ концѣ-концовъ, все это мѣропріятіе пришлось признать неудачнымъ. Придумывая, какимъ путемъ достать денегъ, правительство вынуждено было все-таки снова выпускать ассигнаты. Его пугала огромная масса ассигнатовъ, находившихся въ обращеніи; неизвѣстно было даже, сколько ихъ выпущено. Говорили, что выпущено 40,000,000,000 ассигнатовъ, и это было приблизительно вѣрно.

Правительство изворачивалось среди постоянныхъ дефицитовъ и прибѣгало къ самымъ отчаяннымъ средствамъ. Такъ, рѣшено было не платить чиновникамъ; затѣмъ, было объявлено, что чиновниковъ слишкомъ много, и въ короткое время ихъ было уволено около 12,000 человѣкъ. Дѣйствительно, обремененіе государства писцами и канцеляристами было очень велико. Директорія подвергалась множеству нападокъ въ печати и во вновь образующихся клубахъ: роялисты нападали на нее за финансовыя неурядицы, республиканцы за увольненіе чиновниковъ, демократы по обѣимъ этимъ причинамъ. Общественное мнѣніе было сильно настроено противъ директоріи, и она потерпѣла парламентское пораженіе по вопросу о конфискаціи имуществъ роялистовъ. Въ свое время было объявлено, что имущества родителей эмигрантовъ, въ случаѣ ихъ смерти, переходятъ въ собственность республики; законъ этотъ не приводился въ исполненіе;

теперь исполненіе его было предложено директоріей и принято совѣтомъ пятисотъ, но отвергнуто сенатомъ.

Въ это время ассигнаты опустились до ½% своей стоимости: такимъ образомъ, за одинъ франкъ звонкой монеты или стоимость его давали 200 франковъ ассигнатами. Рѣшено было не выпускать больше ассигнатовъ, а пріискать иныя средства. Печатаніе ассигнатовъ должно было быть прекращено, когда сумма ихъ достигнетъ 40 милліардовъ. Станокъ, на которомъ печатались ассигнаты, 21 февраля 1796 г. былъ торжественно и публично сожженъ при огромномъ стеченіи народа, который очень радовался этому акту. Меньше удовольствія доставилъ докладъ Камю въ совѣтѣ пятисотъ, что хотя въ обращеніи имѣется только 39½ милліарда ассигнатовъ, но отпечатано ихъ на сумму свыше 45 милліардовъ. Такимъ образомъ, сумма, опредѣленная закономъ, была превышена на цѣлыхъ пятьсотъ милліоновъ. Когда это стало извѣстно, ассигнаты упали до ⅓% своей стоимости.

Старались опредѣлить, сколько еще осталось національныхъ имуществъ, но свѣдѣнія по этому предмету были неточны и неопредѣленны. Существовали лишь приблизительныя представленія объ истинномъ положеніи дѣлъ. Директорія была безпомощна. Объ облегченіи участи рабочихъ въ предмѣстьяхъ уже мало думали: выдача раціоновъ хлѣба была прекращена. Зато старались помочь рантье, которые попали въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ они получали свои ренты ассигнатами по курсу. Знаменательно, что рантье сочли больше нуждающимися въ помощи, чѣмъ рабочихъ. Но и имъ невозможно было помочь, потому что слабыя законодательныя мѣропріятія оказались совершенно безсильными передъ законами денежнаго и товарнаго обращенія.

Но директорія снова нуждалась въ деньгахъ, и такъ какъ уже нельзя было фабриковать ассигнаты, то пришлось изобрѣсти новое средство. Послѣ долгихъ размышленій были придуманы новыя бумажныя деньги.

Дѣло само по себѣ казалось довольно надежнымъ, такъ какъ высчитали, что у государства было еще на 8,400 милліоновъ свободныхъ отъ долговъ земель, которыя могли служить ипотекой для новыхъ бумажныхъ денегъ. Надѣялись, что новыми государственными билетами можно будетъ вытѣснить совершенно обезцѣненные ассигнаты. Вслѣдствіе этого 17 марта 1796 г. были установлены такъ называемые мандаты или земельные мандаты. Они носили надпись: „Promesse de mandat territorial", и на нихъ можно было покупать національныя имущества по цѣнѣ 1790 г. Цѣна 1790 года опредѣлялась доходомъ съ земли въ теченіе 22 лѣтъ. Рѣшено было выпустить 2,400 милліоновъ мандатовъ: на 840 милліоновъ имѣли быть выкуплены находившіеся въ обращеніи ассигнаты по курсу въ 3%. Но если докладъ Камю въ другихъ отношеніяхъ былъ вѣренъ, то этихъ 800 милліоновъ не могло бы хватить на выкупъ ассигнатовъ по трехъ-процентному курсу. 1,100 милліоновъ мандатовъ правительство имѣло выпустить немедленно, остальные же 1,300 милліоновъ должны были служить для него обезпеченіемъ на будущее время.

Всѣ возликовали, такъ какъ казалось, что найдено средство избавиться отъ страшнаго наводненія ассигнатовъ. На мандаты смотрѣли какъ на звонкую монету. Оказалось, однако, что послѣдствія обезцѣненія бумажныхъ денегъ не такъ то легко было устранить новыми бумажными деньгами. Дѣльцы отнеслись къ мандатамъ съ недовѣріемъ, опасаясь выпуска ихъ такими массами, что номинальная стоимость ихъ превзойдетъ стоимость національныхъ имуществъ, служившихъ для нихъ обезпеченіемъ. Мандатовъ не принимали, вслѣдствіе чего дѣло дошло до уличныхъ безпорядковъ и даже грабежей. Надѣялись, что полноцѣнные мандаты, которыми по трехъ-процентному курсу погашались ассигнаты, поднимутъ курсъ ассигнатовъ. Однако, сами мандаты падали въ цѣнѣ съ поразительной быстротой и опустились до 5%. Обезцѣненію этихъ бумагъ содѣйствовала также безумная биржевая спекуляція.

Такъ кончилась неудачей вся эта финансовая операція, и правительство оказалось безпомощнымъ со все возрастающимъ дефицитомъ, уменьшающимся поступленіемъ доходовъ и безъ всякаго кредита. Это непремѣнно привело бы къ печальному концу и государственное банкротство во всей формѣ стало неизбѣжнымъ, — если не откроются какіе либо чрезвычайные вспомогательные источники.

Такіе источники открылись: молодой генералъ Бонапартъ одерживалъ въ это время свои блестящія побѣды въ Италіи. Милліоны, получаемые имъ съ итальянскихъ государей въ видѣ контрибуціи и военнаго вознагражденія, отправлялись въ Парижъ, въ кассы правительства, которое благодаря этому, могло нѣсколько укрѣпить свои совершенно истощенные финансы.

Борьба 13 вандемьера, при которой конвенту понадобилась помощь баталіона патріотовъ, нѣсколько ободрила подавленную демократію, и амнистія, объявленная конвентомъ въ концѣ его дѣятельности, освободила многихъ террористовъ, содержавшихся въ тюрьмахъ. Они соединились съ бывшими членами Горы, еще уцѣлѣвшими остатками этой фракціи, такъ часто подвергавшейся истребленіямъ. Хотя при конституціи III года трудно было основывать общества, однако попытка была сдѣлана. Въ это время выступилъ Франсуа Ноэль Бабёфъ, человѣкъ еще молодой и до сихъ поръ мало извѣстный. Раньше онъ былъ осужденъ за фальсификацію, но этотъ приговоръ былъ кассированъ, какъ несправедливый. Послѣ 9 термидора Бабёфъ, какъ ревностный террористъ, попалъ въ тюрьму и познакомился тамъ съ итальянцемъ Буонаротти, бывшимъ другомъ Робеспьера, который былъ теперь арестованъ будто бы за злоупотребленія, сдѣланныя имъ въ качествѣ комиссара конвента. Къ нимъ присоединился Дартэ, бывшій раньше секретаремъ казненнаго комиссара конвента Лебона въ Аррасѣ. Эти три человѣка часто бесѣдовали о средствахъ доставить благосостояніе народу. Бабёфа, обладавшаго философскимъ умомъ, бесѣды эти побудили составить новую соціально-политическую систему. Онъ еще о конвентѣ говорилъ, что—дѣй-

ствительно ли пятьсотъ болтливыхъ адвокатовъ лучше одного короля?

Когда арестованные были освобождены, Бабёфъ началъ въ своей газетѣ: „Народный Трибунъ“ рѣзко нападать на директорію и господствующіе классы. Онъ принялъ имя Гракха, желая этимъ показать, что онъ стоитъ за неимущихъ гражданъ. Вскорѣ вокругъ него собрались сторонники Марата и Робеспьера, бывшіе члены демократическихъ клубовъ и революціонныхъ комитетовъ. Но демократы скоро должны были понять, что ихъ партія послѣ послѣднихъ пораженій слишкомъ слаба, чтобы заставить правительство считаться съ собой. Бабёфъ, человѣкъ непреклонной воли и смѣлости, не остановился передъ этимъ. Приступили къ заговору съ цѣлью подготовить возстаніе.

Сперва была сдѣлана попытка основать клубъ въ предѣлахъ тѣхъ стѣснительныхъ формъ, какія предписывались конституціей. Былъ основанъ клубъ Пантеона, въ которомъ впервые во время революціи выступилъ продуманный соціализмъ. Директорія подвергла этотъ клубъ внимательному надзору. Въ немъ было до 4,000 человѣкъ, и онъ съ полной тщательностью исполнялъ предписанія закона. У него не было ни президента, ни секретарей; онъ также никогда не вступалъ въ связь съ другими обществами. Но легко было увидѣть, что якобинцы и террористы здѣсь снова создали себѣ сборный пунктъ. Дартэ рѣзко нападалъ здѣсь на роскошь и излишества знатнаго парижскаго общества, а Бабёфъ изображалъ въ своемъ журналѣ лишенія народа. Онъ говорилъ о томъ, что люди, взявшіе нѣкогда Бастилію, теперь страдаютъ отъ голода и наполняютъ собою тюрьмы. Вниманіе массъ было возбуждено, и директорія, опасаясь болѣе значительнаго движенія, снова ввела недавно отмѣненную ею раздачу хлѣба и мяса. Это мѣропріятіе на время успокоило массы, но директорія воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы закрыть клубъ Пантеона. Предлогомъ для закрытія его послужила одна рѣзкая рѣчь Дартэ, и это распоряженіе было выполнено генераломъ Бонапартомъ.

Но это не сломило энергіи демократовъ: они только были лишены гласности клуба и перешли къ другимъ средствамъ. Такъ какъ имъ уже нельзя было устраивать открытыя собранія, то они стали собираться тайно. Бабёфъ, преслѣдуемый полиціей, скрывался и, подобно Марату, издавалъ свою газету тайно. Онъ много размышлялъ объ экономическихъ вопросахъ и часто имѣлъ столкновенія съ людьми Горы, которые говорили лишь о казняхъ, организовать же не умѣли ничего. Бабёфъ былъ мыслитель и обладалъ характеромъ, внушающимъ уваженіе всякому, кто только ближе присмотрится къ этому оригинальному человѣку, хотя бы онъ и не раздѣлялъ его взглядовъ. Основу общественнаго блага онъ видѣлъ въ избавленіи народныхъ массъ отъ нищеты и невѣжества. Историки извратили образъ Бабёфа, стараясь представить его грубымъ насильникомъ, который, увлекаясь плоскимъ матеріализмомъ, хотѣлъ пожертвовать образованіемъ, культурой и свободой ради неосуществимаго равенства наслажденій. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи онъ оказывается совершенно инымъ.

Что Бабёфъ приспособилъ свою систему къ явленіямъ революціи, это вполнѣ понятно. Ни одно изъ правительствъ революціи не останавливалось передъ насильственными переворотами: такъ и Бабёфъ со своими товарищами задумывалъ возстаніе. Былъ организованъ тайный инсуррекціонный комитетъ благосостоянія, состоявшій изъ семи членовъ, и агенты его подготовляли секціи. Сѣть этой организаціи была раскинута по всему Парижу. Въ рабочихъ кварталахъ нашлись нѣкоторые элементы, готовые къ возстанію, тогда какъ масса населенія ихъ не хотѣла уже и слышать о возстаніяхъ и ничего не ожидала отъ нихъ. Но къ заговору примкнуло много уволенныхъ офицеровъ, среди которыхъ были: Россиньоль, Фіонъ, Жерменъ и другіе; они поддерживали связи съ войскомъ и были увѣрены въ его сочувствіи. Полицейскій легіонъ, очень многочисленный и уволенный въ отставку директоріей, былъ охваченъ крайнимъ недовольствомъ и сочувствовалъ заговору въ пользу равенства, какъ Бабёфъ назвалъ свое предпріятіе.

Бабёфъ говорилъ, что равенство, которое до сихъ поръ такъ часто объявлялось, было лишь обманомъ. Онъ хотѣлъ установить фактическое равенство, положивъ въ основу его собственность. Съ этою цѣлью онъ хотѣлъ образовать для своего новаго общества обще-національное владѣніе (grande communauté nationale), которое имѣло составиться изъ имуществъ всѣхъ осужденныхъ и бѣглыхъ реакціонеровъ. Путемъ отмѣны права наслѣдованія это обще-національное владѣніе имѣло увеличиваться и, наконецъ, охватить всю страну. Главнымъ образомъ, въ общее владѣніе должна была поступить земля. Воспитаніе молодежи должно вестись однообразно въ большихъ національныхъ заведеніяхъ. Всѣ граждане обязаны заниматься полезнымъ трудомъ, какимъ должны считаться земледѣліе, ремесла и военная служба. Должны быть организованы рабочіе классы, состоящіе подъ надзоромъ выборныхъ лицъ; каждый гражданинъ долженъ вступить въ одинъ изъ такихъ классовъ. Продукты труда должны сдаваться въ государственные и общинные магазины, откуда всѣ граждане могли-бы получать поровну все необходимое. Лѣность должна была наказываться принудительнымъ трудомъ. Деньги уничтожались, и вся внѣшняя торговля становилась монополіей правительства. Какъ ученикъ Робеспьера, Бабёфъ желалъ также возстановленія культа Высшаго Существа. Для политическихъ преобразованій руководящей нитью служила конституція 1793 г.

Такова система Бабёфа, о которой столь много говорили, которую столь часто называли враждебной культурѣ и варварской. Ученые возмущаются, что Бабёфъ не отнесъ къ полезному труду наукъ и искусства. Но онъ полезность, очевидно, понималъ въ экономическомъ смыслѣ слова и хотѣлъ этимъ избѣжать образованія новыхъ классовъ. Что онъ вообще отвергалъ науки и искусства, это вымыселъ. Фанатики индивидуализма утверждаютъ, что его система неизбѣжно подавила бы всѣ побужденія къ дѣятельности, — какъ они это утверждаютъ и относительно всякой государственной организаціи труда, что ежечасно опровергается же-

лѣзными дорогами и почтами. Система Бабёфа была предчувствіемъ современнаго научнаго соціализма, отлившимся въ нѣсколько грубую форму, какъ это всегда бываетъ съ новыми, наскоро составленными системами. Современный соціализмъ, конечная и мирная цѣль котораго состоитъ въ регулированіи обществомъ производства и потребленія на пользу всѣхъ, изгладилъ шероховатости системы Бабёфа. Система эта является столь несовершенной, потому что экономическія отношенія, къ которымъ она была приспособлена, были крайне запутаны и находились въ началѣ новой стадіи развитія; она имѣетъ насильственный характеръ, потому что она появилась въ эпоху безпрестанныхъ насильственныхъ катастрофъ и переворотовъ. Но при всемъ томъ каждый безпристрастный наблюдатель долженъ признать, что Бабёфъ былъ оригинальнымъ мыслителемъ и человѣкомъ—филистеры сказали-бы: мечтателемъ — рѣдкой силы убѣжденія.

Бабёфъ вездѣ искалъ связей и скоро нашелъ ихъ у остатковъ партіи Горы. Амаръ, Друэ, Роберъ Линдэ, Леньло, Шудьё, Жавогъ, Гюге (Huguet). Кюссэ и другіе бывшіе члены конвента сблизились съ заговорщиками. Достопримѣчательно, что съ ними сблизился также и Барра; однако его отношенія къ заговорщикамъ не вполнѣ выяснены. Какъ бы то ни было, этотъ испорченный человѣкъ хотѣлъ обезопасить себя также на случай побѣды заговорщиковъ. Сблизиться съ партіей Горы было нѣсколько трудно, потому что Бабёфъ, Буонаротти и Дартэ были поклонниками Робеспьера, паденію котораго такъ много содѣйствовали Вадье и Амаръ. Въ собраніяхъ заговорщиковъ пѣлись пѣсни, оплакивавшія смерть Марата, Робеспьера и Сэнъ-Жюста. Въ эти собранія являлись также и женщины.

Наконецъ, состоялось соединеніе Бабёфа и его сторонниковъ со старыми членами Горы и былъ составленъ полный планъ возстанія. Рѣшено было въ опредѣленное время расклеить объявленія такого содержанія: „Конституція 1793 г.! Равенство! Общее благо!“ На другомъ плакатѣ имѣло быть написано: „Всѣ, узурпировавшіе власть, должны быть убиты свободными людьми“. Заговорщики хотѣли начать вооруженное возстаніе въ секціяхъ и увлечь за собою народъ; затѣмъ, они разсчитывали обезопасить себя со стороны директоріи и палатъ и созвать новый конвентъ. Этотъ конвентъ имѣлъ состоять изъ 68 еще оставшихся членовъ Горы, а также изъ представителей, которыхъ имѣлъ назначить новый комитетъ благосостоянія, по одному отъ каждаго департамента. Онъ долженъ былъ получить диктаторскую власть, возстановить конституцію 1793 г. и основать національное общее владѣніе посредствомъ конфискаціи имущества арестованныхъ и бѣглыхъ реакціонеровъ.

Тутъ въ заговоръ проникъ шпіонъ и донесъ обо всемъ властямъ. Въ общество былъ введенъ одинъ капитанъ, по имени Гризель, который своими возбуждающими листками и рѣчами сумѣлъ вызвать къ себѣ довѣріе заговорщиковъ. Онъ вызвался установить связи съ войскомъ, стоявшимъ лагеремъ на Гренелльской равнинѣ. Но тѣмъ временемъ онъ донесъ обо всемъ дирек-

торіи, и Карно, бывшій тогда президентомъ директоріи, былъ крайне возмущенъ, такъ какъ этотъ заговоръ онъ счелъ покушеніемъ на жизнь директоровъ. Гризель сообщилъ также, гдѣ скрывается Бабёфъ, который вслѣдствіе этого 10 мая былъ застигнутъ, вмѣстѣ съ Буонаротти, и арестованъ. Всѣ компрометирующія бумаги попали въ руки полиціи; она объявила собравшемуся народу, что арестуется шайка воровъ.

Послѣ своего ареста Бабёфъ обратился къ директоріи съ письмомъ, полнымъ гордости и достоинства. „Граждане директора,—писалъ онъ:—неужели вы сочли бы ниже своего достоинства отнестись ко мнѣ, какъ сила къ силѣ? Вы видѣли, какимъ огромнымъ довѣріемъ я пользовался. Вы видѣли, что моя партія можетъ почти сравниться съ вашей. Вы видѣли безчисленныя развѣтвленія ея, и я увѣренъ, что вы задрожали при этомъ зрѣлищѣ". Директорія обнародовала это письмо. Арестовано было много заговорщиковъ. Они были переданы суду вандомской палаты, такъ какъ среди нихъ былъ Друэ, котораго, какъ члена совѣта пятисотъ, нельзя было судить въ Парижѣ, и сверхъ того, не хотѣли, чтобы въ Парижѣ производился возбуждающій процессъ. Впрочемъ, Друэ удалось бѣжать.

Процессъ затянулся и заговорщики, оставшіеся на свободѣ, попытались произвести переворотъ. Они хотѣли склонить на свою сторону войска, стоявшія на Гренелльской равнинѣ, и затѣмъ, двинуться противъ директоріи. 9 сентября 1796 г. произошелъ бунтъ, въ которомъ принимали участіе Друэ и еще три бывшихъ члена конвента. Около 700 плохо вооруженныхъ демократовъ отправились въ гренелльскій лагерь, неся съ собою вино, ветчину и колбасы въ знакъ того, что они имѣютъ желаніе побрататься съ солдатами. Солдаты находились въ палаткахъ, такъ какъ было уже около полуночи. Возставшіе, полагая, что солдаты сочувствуютъ имъ, стали кричать: «да здравствуетъ республика! —да здравствуетъ конституція 1793!» Однако, начальствовавшій надъ войскомъ ротмистръ Мало велѣлъ ударить тревогу; войско было выстроено, кавалерія сѣла на лошадей и бросилась на демократовъ, которые, пораженные столь неожиданнымъ пріемомъ, обратились въ бѣгство. Многіе изъ нихъ были арестованы и преданы суду военной комиссіи, расправившейся съ ними крайне быстро: 86 человѣкъ были осуждены и 31 изъ нихъ приговорены къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе; среди разстрѣлянныхъ были также прежніе члены конвента: Гюге, Жавогъ и Кюссэ. Друэ снова бѣжалъ.

Дѣло Бабефа и его сообщниковъ поступило на разбирательство вандомской судебной палаты въ концѣ февраля 1797 г. Арестованныхъ везли въ Вандомъ въ телѣгахъ за рѣшетками; реакціонныя толпы смотрѣли на нихъ, какъ на дикихъ звѣрей, и издѣвались надъ ними. Были однако города, гдѣ демократическіе муниципалитеты принимали ихъ дружелюбно. Гризель выступилъ свидѣтелемъ со стороны обвиненія, и обвиняемые осыпали его самыми презрительными названіями. Обвиняемые, за которыми послѣдовали и ихъ семьи, въ каждомъ засѣданіи суда

пѣли марсельезу. Присяжные признали заговоръ съ цѣлью свержения директоріи недоказаннымъ,—но обвиняемые хотѣли возстановить конституцію 1793 г. и, слѣдовательно, уничтожить насиліемъ конституцію III года. Затѣмъ состоялся приговоръ: изъ обвиняемыхъ, которые всѣ держали себя гордо и мужественно, Бабёфъ и Дартэ были приговорены къ смертной казни, а Буонаротти, Жерменъ и пять другихъ къ ссылкѣ.

Когда Бабёфъ и Дартэ услыхали смертный приговоръ, они вынули кинжалы и попытались убить другъ друга; но нанесли себѣ лишь легкія раны и были отправлены на гильотину, гдѣ они умерли съ мужествомъ,—не представлявшимъ рѣдкости въ тѣ времена.

Могло ли предпріятіе Бабёфа увѣнчаться успѣхомъ,—этого нельзя безусловно ни утверждать, ни отрицать. Равнодушіе массъ, безъ всякаго сомнѣнія, было бы главнымъ препятствіемъ для смѣлыхъ заговорщиковъ. Господствующіе классы пришли въ ужасъ, когда они узнали крайнія теоріи и планы Бабёфа. Они уже свыклись съ той мыслью, что они лишь одни призваны пожать плоды революціи: теперь Бабёфъ требуетъ этихъ плодовъ для всего общества, произведшаго революцію. Въ этомъ собственно и состояло великое преступленіе Бабёфа, потому что перевороты и насильственныя предпріятія совершались въ теченіе этой революціи всѣми партіями. Именно соціалистическіе выводы, сдѣланные Бабёфомъ изъ революціи, были вмѣнены ему господствующими классами въ тяжкую вину. Поэтому то они и старались опозорить его память и представить его образъ въ уродливомъ видѣ. Его система была, конечно, незрѣла и расплывчата; но если бы осуществленіе ея привело ко всѣмъ несчастьямъ, которыя господствующіе классы считали ея неизбѣжными слѣдствіями, то все-таки для французскаго народа это было бы еще значительно легче, чѣмъ бѣдствія и неурядицы подъ владычествомъ той буржуазіи, которая устроила 9 термидора и создала конституцію III года.

Заговоръ Бабёфа былъ послѣдней попыткой возстановить владычество народа. Послѣ этой катастрофы власть осталась въ рукахъ господствующихъ классовъ, чтобы затѣмъ перейти въ желѣзныя руки военной диктатуры.

Страшное пораженіе эмигрантовъ на Киберонѣ не положило конца возстанію Вандеи. Старые вожди, Шареттъ и Стоффле, нарушили свой миръ съ республикой: Шареттъ начальствовалъ надъ возставшими въ самой Вандеѣ, Стоффле—въ Анжу, а Жоржъ Кадудаль, имя котораго пріобрѣло теперь извѣстность, взволновалъ Бретань. Возстаніе приняло опасный для республики характеръ, когда въ возставшихъ провинціяхъ распространились извѣстія, что графъ д'Артуа съ нѣсколькими сотнями опытныхъ въ военномъ дѣлѣ офицеровъ самъ идетъ на Вандею, чтобы стать во главѣ возставшихъ. Легитимистическіе крестьяне снова стали толпами стекаться подъ знамена Шаретта и Стоффле. Дѣйствительно, принцъ съ англійской эскадрой явился у береговъ Бретани. Но онъ

въ бездѣйствіи оставался на островѣ д'Іе и когда Шареттъ прибылъ со своимъ войскомъ къ морю, ожидая высадки принца, —принцъ уже принялъ иное рѣшеніе. Онъ прислалъ Шаретту почетную шпагу съ надписью: „Я никогда не отступаю“,—а самъ тѣмъ временемъ поспѣшно бѣжалъ, не желая подвергать опасностямъ свою драгоцѣнную жизнь. Онъ отплылъ назадъ въ Англію, между тѣмъ какъ Шареттъ горько жаловался на трусость этого принца.

Значительная часть крестьянъ разошлась и вожди не ладили другъ съ другомъ. Въ то же самое время Гошъ началъ разумную и плодотворную политику примиренія. Этотъ молодой генералъ собралъ значительную военную силу. Онъ велъ дѣло совсѣмъ иначе, чѣмъ генералы конвента, которые со своими „адскими колоннами“ хотя и превратили Вандею въ пустыню, но не подавили возстанія. Онъ прежде всего сталъ дружелюбно обращаться съ духовенствомъ, которое пользовалось въ этихъ провинціяхъ чрезвычайнымъ вліяніемъ; онъ обезпечилъ ему уваженіе и терпимость и, такимъ образомъ, до извѣстной степени примирилъ его съ республикой. Истребленія огнемъ и мечемъ прекратились. Гошъ искусно провелъ свои колонны между отдѣльными территоріями, такъ что отряды возставшихъ не могли сноситься другъ съ другомъ. Затѣмъ, онъ принялся за разоруженіе отдѣльныхъ мѣстностей; гдѣ ему не выдавали оружія, онъ велѣлъ захватывать скотъ и задерживать его, пока оружіе не будетъ принесено. Такъ умиротворилъ онъ одну провинцію за другой, пока возстаніе не было сведено лишь на одну небольшую территорію. Здѣсь Гошъ преслѣдовалъ возставшихъ со всей энергіей, не давая имъ отдыха. Розрозненныя толпы инсургентовъ были разбиты въ различныхъ стычкахъ и частью истреблены, а частью разсѣяны; Стоффле былъ въ февралѣ выданъ измѣнниками изъ среды своихъ воиновъ республиканцамъ и разстрѣлянъ въ Анжерѣ. Въ январѣ Шареттъ былъ разбитъ на голову, потерялъ свое послѣднее войско въ 5,000 человѣкъ; онъ обратился въ бѣгство и скитался по окрестностямъ, преслѣдуемый Траво, генералъ-адъютантомъ Гоша. Въ послѣднее время онъ уже имѣлъ лишь около 50 человѣкъ и, наконецъ, былъ окруженъ въ лѣсу. Послѣ самой отчаянной защиты онъ, получивъ нѣсколько ранъ, былъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ въ мартѣ 1796 г. въ Нантѣ. Во время казни онъ самъ скомандовалъ солдатамъ стрѣлять и до послѣдней минуты сохранилъ то мужество, съ которымъ онъ велъ свою страшную борьбу противъ республики.

Затѣмъ Гошъ обратился противъ Кадудаля, который былъ прогнанъ назадъ въ Бретань и здѣсь, наконецъ, попалъ въ такое отчаянное положеніе, что ушелъ съ немногими товарищами на корабль и уѣхалъ въ Англію. Это положило конецъ роялистическому возстанію, которое такъ долго опустошало эти провинціи и наполнило ихъ кровью и пожарами. 15 іюня 1796 г. директорія офиціально сообщила палатамъ объ окончаніи гражданской войны.

Однако, въ этихъ мѣстностяхъ, которыя съ неимовѣрнымъ фанатизмомъ были привязаны къ династіи Бурбоновъ и испол-

пенны столь же неимовѣрной ненавистью къ республикѣ, было еще достаточно горючаго матеріала, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ снова вспыхнула гражданская война.

Пораженіе Вандеи было для роялистовъ столь же тяжелымъ ударомъ, какъ и катастрофа на Кибéронѣ, и они съ этихъ поръ снова вступили на путь тайныхъ заговоровъ, такъ какъ у нихъ уже не было средствъ для открытаго возстанія. Происки роялистовъ во Франціи были организованы: существовало три большихъ агентуры бурбонскаго двора, который находился тогда въ Бланкенбургѣ, въ Гарцѣ. Аббатъ Броттье, игравшій нѣкоторую роль еще при экспедиціи на Киберонъ, бывшій членъ парламента Лавилль д'Эрнуа (d'Heurnois) и офицеръ флота Дюверинь-дю-Пресль составили планъ организаціи роялистическаго возстанія въ Парижѣ. Хотѣли устроить неожиданное возстаніе, избить директорію и ея министровъ и арестовать палаты. Разсчитывали на содѣйствіе Ліона и Вандеи. Затѣмъ долженъ былъ явиться въ Юрѣ „Людовикъ XVIII", послѣ чего, какъ надѣялись, должна была возстать вся Франція. Новый монархъ долженъ былъ объявить амнистію, чтобы обмануть французовъ. Потомъ парламентъ долженъ былъ кассировать эту амнистію и затѣмъ имѣла начаться кровавая расправа со всѣми республиканцами и революціонерами.

Заговорщики, получившіе инструкціи отъ министра „Людовика XVIII", старались найти сообщниковъ въ арміи; они считали ревностнымъ роялистомъ начальника директоріальной гвардіи Рамеля, а также ротмистра Мало за его рѣзкія выходки противъ демократовъ и за бойню, устроенную имъ на Гренелльской равнинѣ. Они обратились къ этимъ офицерамъ, которые отнеслись къ нимъ довольно дружелюбно. Заговорщики довѣрились имъ и были приглашены для переговоровъ къ Мало, взявъ съ этой цѣлью свои бумаги. Они прибыли въ квартиру Мало съ полномочіями, присланными имъ „Людовикомъ XVIII", и здѣсь ихъ захватила полиція со всѣми компрометирующими документами: Мало заранѣе извѣстилъ обо всемъ полицію.

Документы, найденные у заговорщиковъ, были такъ краснорѣчивы, что всякая защита казалась излишней. Тѣмъ не менѣе директоріальное правительство чрезвычайно мягко отнеслось къ этимъ роялистическимъ заговорщикамъ, которые въ случаѣ удачи ихъ плана даже виновниковъ конституціи 1791 г. сочли бы достойными смертной казни. Судъ надъ агентами „Людовика XVIII" стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчіи къ суду надъ Бабёфомъ. Правда, они были преданы военному суду, но судъ нашелъ для нихъ смягчающія обстоятельства, и они, такимъ образомъ, были приговорены къ десятилѣтнему тюремному заключенію.

Роялизмъ скоро уже не нуждался въ заговорѣ; вскорѣ онъ могъ оставить мракъ тайной агитаціи и смѣло поднять свою голову въ парламентѣ. Тамъ и мы снова встрѣтимся съ нимъ.

Парламентаризмъ и партіи въ Англіи.

Очень распространенъ тотъ взглядъ, будто представительная система правленія обязательно является орудіемъ господства буржуазіи.

«Если есть безспорная истина», писалъ въ 1869 г. Риттингаузенъ, «такъ это та, которую впервые указалъ я, а именно, что всякій порядокъ вещей, опредѣляющій взаимныя отношенія гражданъ другъ къ другу, положеніе ихъ труда и собственности, соотвѣтствуетъ особой формѣ правленія, посредствомъ которой они проводятся въ жизнь и охраняются. Дворянство и буржуазія, конечно, достигли нѣкотораго пониманія этой истины, но лишь настолько, насколько она затронула ихъ интересы... Буржуазія поняла, что классовое господство ея установляется и охраняется только такъ называемымъ представительнымъ образомъ правленія. Однако и этотъ взглядъ не былъ свободенъ отъ грубыхъ заблужденій; такъ, напр., буржуазія даже не догадывалась, что введеніе столь страшнаго ей, такъ называемаго всеобщаго избирательнаго права не можетъ внести въ представительную систему никакихъ существенныхъ измѣненій».

Намъ очень жаль, что мы вынуждены самымъ рѣшительнымъ образомъ оспаривать эту безспорнѣйшую изъ всѣхъ истинъ.

Что представительная система неразрывно связана съ господствомъ буржуазіи — это сказка, которую опровергаетъ даже поверхностный взглядъ на прошлое. Представительная система есть политическая форма, которая можетъ имѣть и дѣйствительно имѣла самое разнообразнѣйшее содержаніе.

Это можно видѣть на примѣрѣ Англіи.

Англійскій парламентъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ двухъ палатъ: верхней, или палаты лордовъ, и нижней, или палаты общинъ. Первая изъ нихъ была съ самаго начала своего су-

ществованія классовымъ представительствомъ крупнаго землевладѣнія и осталась имъ до настоящаго времени. Она состояла и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ представителей большихъ аристократическихъ семействъ.

Но какія же причины сдѣлали въ XVII столѣтія и нижнюю палату орудіемъ господства землевладѣльческой аристократіи?—Съ одной стороны, соціальное значеніе относительно другихъ классовъ, которое крупные землевладѣльцы сумѣли сохранить и даже усилить, а съ другой,—избирательная система, соотвѣтствовавшая интересамъ дворянства.

Въ сельскихъ округахъ господствовало крупное землевладѣніе: избирательное право принадлежало здѣсь только землевладѣльцамъ (freeholders), получавшимъ болѣе 10 шиллинговъ поземельной ренты. Чѣмъ больше исчезало въ теченіе XVIII вѣка мелкое землевладѣніе, тѣмъ больше сельскіе округа переходили въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ. Но еще благопріятнѣе для этихъ послѣднихъ было положеніе дѣлъ въ большинствѣ городовъ. Капиталистическій способъ производства имѣетъ тенденцію концентрировать населеніе въ немногихъ большихъ городахъ, мелкіе же города, лежащіе въ сторонѣ отъ главныхъ путей сообщенія, онъ стремится обезлюдить и разорить. Большинство цвѣтущихъ городовъ Англіи, за исключеніемъ лондонскаго Сити, было расположено въ сельскихъ округахъ на земляхъ немногихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Для этихъ городовъ изобрѣтательное право просто не существовало.

Въ старыхъ же городахъ избирательныя системы были очень разнообразны: первоначально каждый городъ самъ устанавливалъ свое избирательное право. Но чѣмъ больше города пустѣли, чѣмъ больше жизнь затихала въ нихъ, тѣмъ сложнѣе и запутаннѣе становились ихъ избирательныя системы, тѣмъ больше суживался кругъ лицъ, обладавшихъ избирательнымъ правомъ, которое переходило въ руки малочисленной клики.

До билля о реформѣ 1832 г. въ Англіи насчитывалось 111 избирательныхъ округовъ, въ которыхъ было менѣе 200 избирателей, причемъ въ 46 городахъ было менѣе 50 избирателей. Сверхъ того, выборы производились гласно, посредствомъ поднятія рукъ. Неудивительно, что при такомъ порядкѣ процвѣтали подкупы и всяческое давленіе на избирателей. При столь ничтожномъ числѣ избирателей оказывать подобныя воздѣйствія было легко — тѣмъ легче, чѣмъ труднѣе было найти какой-нибудь источникъ дохода въ пустующихъ

городахъ. Продажа голосовъ на выборахъ стала во многихъ изъ нихъ самымъ выгоднымъ источникомъ дохода [1]).

Питтъ, предлагая парламенту въ 1782 г. билль, по которому 36 самыхъ «гнилыхъ» мѣстечекъ должны были потерять избирательное право, оффиціально призналъ подкупъ обычнымъ и правомѣрнымъ доходомъ избирателей. Въ видѣ вознагражденія за потерю этого благопріобрѣтеннаго права, Питтъ предлагалъ мѣстечкамъ небольшую сумму, — милліонъ фунтовъ стерл. (около 10 милліоновъ рубл.): вѣдь всякая собственность священна!

Не слѣдуетъ однако думать, что подкупъ на выборахъ составляетъ отличительную особенность парламентаризма. Онъ игралъ также большую роль при выборахъ должностныхъ лицъ въ народныхъ собраніяхъ Аѳинъ и Рима. Но и въ швейцарскихъ старо-демократическихъ кантонахъ подкупъ при выборахъ на общественныя должности былъ тоже не безъизвѣстенъ, что доказывается законами, издававшимися противъ него. Онъ существовалъ во всѣхъ кантонахъ, имѣвшихъ подвластныя земли, эксплуатировавшіяся кантонами [2]). Особенно прибыльной была должность фохта въ подвластной землѣ и очень выгодно было купить эту должность за деньги или обильныя угощенія. Пока какая бы то ни было выборная должность служитъ средствомъ эксплуатаціи, до тѣхъ поръ въ подкупахъ или, покрайней мѣрѣ, въ поползновеніяхъ на подкупы при выборахъ на эту должность недостатка не будетъ.

Но аристократія все еще не удовлетворялась этой системой выборовъ. Для большей вѣрности она установила, что депутатъ сельскаго избирательнаго округа долженъ имѣть поземельную ренту въ 600 фунтовъ стерлинговъ. Городской депутатъ тоже долженъ былъ имѣть землю и получать, по меньшей мѣрѣ, 300 фунтовъ стерлинговъ поземельной ренты.

Такими избирательными законами аристократія обезпечила за собою господство. Парламентъ сталъ орудіемъ классового господства крупнаго землевладѣнія.

---

[1]) Въ концѣ XVIII вѣка расходы borough mongers, покупщиковъ мелкихъ мѣстечекъ, пользовавшихся избирательнымъ правомъ, опредѣлялись въ 1.260.000 фунт. стерл. (около 12.000.000 рублей). Чтобы не слишкомъ часто прибѣгать къ этому нѣсколько дорогому удовольствію, парламентъ еще въ царствованіе Георга I увеличилъ срокъ своихъ полномочій съ трехъ до семи лѣтъ. Этотъ срокъ дѣятельности парламента сохранился до сихъ поръ.

[2]) Нѣкоторыя швейцарскія земли вели значительныя войны и захватывали иногда довольно отдаленныя территоріи, которыя потомъ становились „подданными" (unterthan) землями завоевателей. Обращеніе съ „подданными" землями было столь-же деспотическое, какъ и въ монархіяхъ.

Но сами землевладѣльцы распались на двѣ партіи. Въ одной изъ нихъ были современные, капиталистически-настроенные землевладѣльцы, которые извлекали выгоды изъ капиталистическаго развитія, поощренія торговли, колоніальной политики и отдачи своихъ земель въ аренду на капиталистическихъ началахъ; другая же состояла изъ консервативныхъ землевладѣльцевъ, сердце которыхъ лежало на сторонѣ феодальныхъ способовъ эксплуатаціи. Къ первой партіи, къ вигамъ, присоединилась буржуазія: эти слои въ экономическомъ отношеніи преобладали надъ другими классами и были сторонниками того взгляда, что владычество парламента больше всего соотвѣтствуетъ классовымъ интересамъ господствующей аристократіи. Вторая же партія, торіи, состояла изъ экономически отсталыхъ и слабыхъ элементовъ, которые полагали, что поземельная аристократія лучше всего можетъ пользоваться государствомъ для своихъ цѣлей посредствомъ королевской власти, какъ французское дворянство. Если виги были сторонниками всемогущества парламента, то торіи хотѣли неограниченной власти.

Но въ теченіе XVIII в. характеръ торіевъ измѣнился. Господство парламента утвердилось слишкомъ прочно для того, чтобы можно было серьезно думать о его низверженіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ торіи такъ-же прониклись капиталистическими интересами, какъ и виги. Различіе между этими партіями все болѣе и болѣе исчезало; наконецъ, оно стало не большимъ, чѣмъ разногласія внутри самихъ партій. И если рознь между торіями и вигами все-таки продолжалась, то это объясняется тѣмъ, что общественный пирогъ былъ слишкомъ малъ для того, чтобы за нимъ могли одновременно усѣсться обѣ партіи.

Такимъ образомъ, борьба въ парламентѣ все болѣе и болѣе утрачивала принципіальный характеръ. Она все болѣе и болѣе сводилась къ интригамъ карьеристовъ, прокладывавшихъ себѣ дорогу къ чинамъ и должностямъ не затѣмъ, чтобы управлять государствомъ по своимъ принципамъ, а затѣмъ, чтобы эксплуатировать его по своимъ вкусамъ.

Одновременно съ этимъ и избиратели превратились въ явно-продажную толпу. Политическая борьба стала торговой спекуляціей, рядомъ мошенническихъ продѣлокъ всякихъ проходимцевъ, грабившихъ государство.

Англійскій парламентаризмъ, казалось, шелъ къ полному банкротству. Но дѣйствительность тутъ же и показала, что парламентаризмъ есть лишь форма, которая можетъ имѣть самое

разнообразное содержаніе. Обанкротился не парламентаризмъ, а самодержавіе землевладѣнія въ формѣ парламентаризма.

Къ концу прошлаго вѣка рядомъ съ землевладѣльцами и ихъ союзницей. финансовой аристократіей, выступили новые, бодрые классы, интересы которыхъ стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами землевладѣнія. Самое важное значеніе имѣло здѣсь образованіе класса промышленныхъ капиталистовъ и промышленнаго пролетаріата. Торговля и землевладѣніе могли прекрасно уживаться, но промышленность и землевладѣніе должны были придти въ столкновеніе другъ съ другомъ.

Чѣмъ больше развивалась промышленность, тѣмъ сильнѣе буржуазія должна была чувствовать свое политическое безправіе. Она вступила въ борьбу съ владычествомъ землевладѣльцевъ и для увеличенія своихъ силъ соединилась съ другими политически-безправными классами: мелкой буржуазіей и пролетаріатомъ, который быстро разросталея, но обладалъ еще слишкомъ ничтожнымъ самосознаніемъ для того, чтобы буржуазія сочла для себя опаснымъ вовлекать его въ политическую борьбу. Результатомъ этого союза была буржуазно-радикальная партія, враждебная землевладѣльцамъ.

Главнымъ предметомъ начавшейся теперь политической борьбы было избирательное право. Посредствомъ своеобразной формы избирательнаго права аристократія превратила парламентъ въ исключительное представительство своихъ интересовъ. И только измѣненіе избирательнаго права могло превратить его въ представительство интересовъ буржуазіи. Къ избирательному праву сводилось все.

Побѣдительницей изъ этой борьбы вышла буржуазія. Пролетаріатъ загребалъ для нея жаръ своими руками; онъ несъ всѣ тяготы борьбы, сдѣлалъ реформаторское движеніе непобѣдимымъ. Но самъ онъ избирательнаго права не получилъ.

Вслѣдствіе билля о реформѣ 1832 года 88 мелкихъ мѣстечекъ (rotten boroughs) частью совершенно лишились права особаго представительства, а частью стали посылать меньше депутатовъ (вмѣсто двухъ—по одному), причемъ было образовано 42 новыхъ избирательныхъ округа. Въ сельскихъ округахъ, рядомъ съ крупными землевладѣльцами получили избирательное право также крупные арендаторы, заключавшіе контракты на срокъ не менѣе 20 лѣтъ и платившіе ежегодно не менѣе 20 фунтовъ ренты. За то избирательное право было отнято у мелкихъ землевладѣльцевъ. До сихъ поръ имъ пользовались всѣ землевладѣльцы, получавшіе 40 шиллинговъ (2 фунта) по-

земельной ренты, теперь же оно (съ незначительными исключеніями) было признано лишь за тѣми, рента которыхъ равнялась, по меньшей мѣрѣ, 10 фунтамъ. Въ городахъ избирательное право было дано всѣмъ лицамъ, занимавшимъ больніія и самостоятельныя квартиры, т. е. людямъ, платившимъ за квартиру не менѣе 10 фунтовъ, а также квартирный налогъ, налогъ на окна и подать въ пользу бѣдныхъ.

Эта реформа удвоила число избирателей, которыхъ было раньше 400000. Голосованіе осталось открытымъ; цензъ для депутатовъ не былъ отмѣненъ [3]), содержаніе имъ не назначалось; расходы на избирательную агитацію покрывались и теперь еще покрываются самими кандидатами, которые должны даже вносить впередъ соотвѣтствующую сумму, достигавшую иногда до 1000 фунтовъ стерлинговъ.

Сельскіе и часть мелкихъ городскихъ округовъ (а они не всѣ были уничтожены) остались послѣ этой реформы, какъ и до нея, въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Но большая часть городскихъ избирательныхъ округовъ посылала теперь въ парламентъ представителей промышленныхъ интересовъ. Новое избирательное право дало парламенту новый характеръ. Изъ орудія классового господства землевладѣльческой аристократіи онъ превратился въ поле сраженія, на которомъ началась ожесточенная борьба между землевладѣніемъ и промышленнымъ капиталомъ.

Землевладѣніе было еще очень сильно въ соціальномъ отношеніи; избирательное право было все еще благопріятно для него. Промышленная буржуазія долго не могла провести своего главнаго требованія: свободы торговли.

Но она не ограничилась только борьбою въ парламентѣ. Нѣтъ ничего абсурднѣе той мысли, будто партія, имѣющая представительство въ парламентѣ, должна отказаться отъ всякихъ иныхъ средствъ политической борьбы. Это безусловно ложно. Нигдѣ парламентскія партіи не обращаются къ народнымъ массамъ, стоящимъ внѣ парламента, такъ часто, какъ именно на родинѣ парламентаризма; нигдѣ такъ не выработаны способы воздѣйствія на парламентъ посредствомъ народныхъ массъ, какъ именно въ Англіи. Еще не такъ давно консервативнѣйшій министръ проповѣдывалъ въ Эльстерѣ возстаніе съ цѣлью провалить гомъ-руль.

Подобнымъ же образомъ дѣйствовала и лига противъ

[3]) Онъ отмѣненъ лишь въ 1858 г.

пошлинъ на хлѣбъ. Она тоже обращалась къ массамъ и, когда это было ей на руку, призывала пролетаріатъ къ возмущенію, даже къ всеобщей стачкѣ.

Съ другой стороны, и земледѣльцы старались расположить къ себѣ рабочихъ. Если фабриканты обѣщали рабочимъ паденіе цѣнъ на хлѣбъ съ отмѣною хлѣбныхъ пошлинъ, то землевладѣльцы предложили имъ десятичасовой рабочій день.

Одно лишь съ одинаковымъ упорствомъ отвергали, какъ землевладѣльцы, такъ и фабриканты, а именно, главное право организованнаго пролетаріата, всеобщее избирательное право.

Англійскіе государственные люди слишкомъ хорошо знали силу парламента, чтобы безъ крайней надобности открыть въ него доступъ врагамъ капиталистическаго общества.

Въ 1846 г. борьба кончилась и хлѣбныя пошлины пали. Началась эра свободной торговли и вслѣдствіе замѣчательнаго совпаденія различныхъ обстоятельствъ она стала также эрой невиданнаго раньше экономическаго расцвѣта. Англія получила господство на всемірномъ рынкѣ. Крупная промышленность этой страны развивалась со сказочной быстротой и доходы ея были огромны.

Этотъ экономическій расцвѣтъ былъ такъ грандіозенъ, что почти всѣ классы получили выгоды отъ него. Убытки должны были нести чужія страны. Землевладѣльцы примирились съ новымъ положеніемъ дѣлъ. Теперь уже и они стали принимать участіе въ промышленныхъ предпріятіяхъ — именно, въ акціонерныхъ обществахъ — и вслѣдствіе этого были заинтересованы въ развитіи промышленности.

Тутъ повторилось явленіе, имѣвшее мѣсто во второй половинѣ прошлаго вѣка. Какъ раньше исчезъ антагонизмъ между торіями и вигами, такъ и теперь антагонизмъ между либералами и консерваторами и потерялъ свой принципіальный характеръ. Въ слѣдующее десятилѣтіе послѣ 1848 г. мы видимъ, что консервативныя министерства выполняютъ либеральныя программы своихъ предшественниковъ и въ либерализмѣ часто идутъ дальше, чѣмъ сами либералы. Единственное существенное различіе между обѣими партіями было теперь не во внутренней, а во внѣшней политикѣ, — именно, въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи. Если же партіи все-таки оставались отдѣльными, то главная причина этого опять состояла въ томъ, что за общественнымъ пирогомъ не могли усѣсться всѣ, пробравшіеся къ нему черезъ парламентъ. Политика снова потеряла всякій принципіальный характеръ; борьба партій въ пар-

ламентѣ снова превратилась въ пустую комедію, разыгрываемую политиками по профессіи и карьеристами.

Избирательная реформа 1867 г. не произвела существенныхъ измѣненій въ этомъ положеніи дѣлъ.

Экономическій развѣтъ примирилъ съ капиталистическимъ режимомъ не только землевладѣльцевъ, но и часть рабочихъ. Онъ далъ возможность болѣе энергичнымъ и находящимся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ рабочимъ добиться значительныхъ улучшеній посредствомъ профессіональныхъ организацій. А такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ и доходы капиталистовъ чрезвычайно возрасли, то буржуазія мирилась съ побѣдами рабочихъ. Возникла рабочая аристократія, которая увѣровала въ гармонію интересовъ капитала и труда. Лишь одно обстоятельство еще нарушало эту гармонію: политическое безправіе рабочихъ.

Ни либералы, ни консерваторы не могли имѣть особенно важныхъ причинъ къ тому, чтобы противодѣйствовать вступленію рабочей аристократіи въ среду политически-привилегированныхъ классовъ. Это даже отдѣлило бы ее отъ остальныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, городскіе рабочіе, находившіеся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, получили избирательное право по закону 1867 г., предоставившему его въ городскихъ округахъ всѣмъ мужчинамъ, которые ведутъ сомостоятельное хозяйство. Въ 1872 г. послѣдовалъ законъ, введшій закрытую баллотировку.

Но отсутствіе вознагражденія депутатамъ, а также необходимость для кандидата покрывать значительные расходы по выборамъ и вносить для этой цѣли соотвѣтствующую сумму,—все это оставалось по прежнему.

Это не помѣшало рабочимъ проникнуть въ парламентъ. Но туда проникали преимущественно тѣ изъ нихъ, которые пользовались расположеніемъ богатыхъ «друзей рабочихъ», покрывавшихъ издержки по выборамъ.

Цвѣтущія профессіональныя организаціи стали источникомъ эгоистическаго кастоваго духа, цеховой исключительности—и этимъ много содѣйствовали ослабленію классового самосознанія у своихъ членовъ. Отдѣленіе ихъ отъ общей массы рабочаго населенія и принятіе ихъ въ среду политически-привилегированныхъ классовъ совершенно убили у нихъ классовое самосознаніе. Изъ предводителей низшихъ слоевъ рабочихъ они превратились въ ихъ угнетателей.

Лишенные классового самосознанія, лишенные общей организаціи, которая превратила бы ихъ въ политическую рабочую

партію, эти въ экономическомъ отношеніи такъ прочно организованные слои рабочихъ представляли собою въ области политики столь же разрозненную массу, какъ и средніе классы. Появленіе ихъ въ парламентѣ нисколько не измѣнило его характера. Онъ остался классовымъ представительствомъ буржуазіи.

Однако, парламентское затишье не могло быть слишкомъ продолжительнымъ. Экономическое развитіе пошло дальше и разрушило гармонію прибыли на капиталъ, поземельной ренты и заработной платы. Рядомъ съ Англіей постепенно выступали и другія промышленныя націи, которыя могли конкурировать съ нею на всемірномъ рынкѣ, какъ Соединенные Штаты послѣ войны за освобожденіе негровъ, Германія послѣ войны съ Франціей. Конкурренція на всемірномъ рынкѣ становилась все сильнѣе и сильнѣе. Къ этому присоединились еще опустошительные кризисы, періодическіе застои въ дѣлахъ, достигавшіе такихъ размѣровъ и продолжительности, о какихъ раньше и не слышно было. Прибыль на капиталъ начала уменьшаться.

Но одновременно съ этимъ падала также поземельная рента и заработная плата. Начиная съ семидесятыхъ годовъ, развитіе морской торговли доставляло на англійскій рынокъ все большія и большія количества предметовъ первой необходимости. Съ семидесятыхъ годовъ наступило то, чего землевладѣльцы еще въ пятидесятыхъ ожидали отъ уничтоженія таможенныхъ пошлинъ: постоянное уменьшеніе поземельной ренты, насколько она зависѣла отъ сельско-хозяйственнаго труда. Съ этихъ поръ снова ожило влеченіе землевладѣльцевъ къ охранительнымъ пошлинамъ.

Но падала не одна поземельная рента. Продолжительные застои въ дѣлахъ понижали и заработную плату. Даже тамъ, гдѣ плата формально не понижалась, фактически падалъ годичный заработокъ, такъ какъ работа становилась нерегулярной и въ среднемъ увеличивалось число дней въ году, когда рабочій не могъ достать занятій. Профессіональныя организаціи, одержавшія съ 50-хъ до начала 70-хъ годовъ столь блестящія побѣды, оказывались часто безсильными противодѣйствовать пониженію заработной платы и поддерживать безработныхъ. Столкновенія между капиталомъ и трудомъ становились все чаще и ожесточеннѣе, въ старыхъ, цеховыхъ профессіональныхъ организаціяхъ началъ время отъ время проявляться новый духъ, враждебный капиталу, и вмѣстѣ съ тѣмъ стало

расти новое рабочее движеніе, предъявлявшее новыя требованія къ государству и обществу.

При такихъ обстоятельствахъ буржуазія распалась на два лагеря. Часть ея считала рабочихъ болѣе опаснымъ врагомъ и съ испугу примкнула къ землевладѣльцамъ. Любовь землевладѣльцевъ къ ввознымъ пошлинамъ на хлѣбъ не опасна: болѣе проницательные изъ нихъ слишкомъ хорошо понимають, что существованіе Англіи зависитъ теперь, главнымъ образомъ, не отъ сельскаго хозяйства, а отъ развитія промышленности. Сверхъ того, въ общемъ крупные землевладѣльцы даже лично заинтересованы теперь въ развитіи промышленности т. е., въ увеличеніи прибыли на капиталъ. Консервативная партія, бывшая въ 30-хъ и 40 годахъ еще чистымъ представительствомъ землевладѣльцевъ, натравлявшимъ рабочихъ на фабрикантовъ, стала въ 60-хъ годахъ лишь одной изъ двухъ капиталистическихъ партій, которая такъ же, какъ и ея либеральная соперница, кокетничала съ рабочей аристократіей. Съ конца же 70-хъ годовъ она все болѣе и болѣе становится партіей имущихъ, вообще враждебной рабочему классу. Иногда она позволяетъ тому или тому изъ своихъ членовъ демагогически разыгрывать роль сторонника рабочихъ, но энергично противодѣйствуетъ всякому практическому мѣропріятію въ интересахъ рабочаго класса.

Другая часть буржуазіи, именно та, которая сохранила радикальную традицію изъ временъ первой борьбы за избирательную реформу; когда землевладѣніе было главнымъ врагомъ буржуазіи и противъ него должны были тѣсно сплотиться капиталисты, мелкое мѣщанство и рабочіе,—эта часть буржуазіи, также же какъ и та, которая стала «консервативной», начинаетъ бояться рабочихъ массъ. Но эти буржуа, «радикалы», понимаютъ, что соединеніе имущихъ классовъ въ одну «реакціонную массу» было бы самымъ лучшимъ средствомъ для усиленія того, что они хотѣли бы предотвратить. Такое соединеніе заставило бы рабочихъ совершенно отдѣлиться отъ имущихъ классовъ и образовать свою особую партію, которая скоро стала бы непобѣдимой. Единственное средство пользоваться рабочими въ интересахъ буржуазіи состоитъ въ томъ, что буржуазія становится во главѣ рабочихъ въ борьбѣ за лучшія условія жизни и отвоевываетъ для нихъ нѣкоторыя выгоды— насчетъ землевладѣльцевъ т. е., того класса, относительно котораго у капиталистовъ и рабочихъ есть общность интересовъ. Чѣмъ были въ 30-хъ и 40-хъ годахъ консерваторы, тѣмъ те-

перь становится либеральная партія: партіей «друзей рабочихъ» и филантроповъ. Роли перемѣнились.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ экономическаго развитія вырабатываются новыя рамки политической дѣятельности и подъ старыми названіями — двѣ новыя партіи. Парламентъ снова перестаетъ служить лишь сценою для интригъ карьеристовъ и фокусниковъ и снова превращается въ поле серьезной классовой борьбы,—борьбы принципіально-различныхъ партій.

Первымъ важнымъ результатомъ такого положенія дѣлъ была избирательная реформа 1885 года.

Желая ослабить землевладѣльцевъ въ сельскихъ округахъ, либеральная партія дала этой реформой избирательное право сельскимъ рабочимъ. Избирательное право домохозяевъ, существовавшее раньше только въ городскихъ округахъ, распространено теперь и на сельскіе округа, графства. Буржуазія расчитывала этимъ надолго упрочить свое господство. Но она подводила счетъ безъ хозяина. Ея разсчеты оправдались бы лишь въ томъ случаѣ, если бы число ея сторонниковъ въ буржуазныхъ округахъ оставалось прежнимъ. Но она не можетъ дѣлать никакихъ уступокъ рабочему классу безъ того, чтобы не отталкивать отъ себя цѣлаго ряда буржуазныхъ элементовъ. Уменьшеніе числа ея буржуазныхъ сторонниковъ ставитъ ее въ еще большую зависимость отъ рабочихъ. Она должна завоевывать для нихъ новыя политическія права и прежде всего расширять избирательное право, чтобы увеличить свое вліяніе, опирающееся на рабочихъ. Но она должна также дѣлать имъ уступки и въ экономической жизни, чтобы увеличивать число своихъ сторонниковъ среди рабочихъ или, по крайней мѣрѣ, удерживать ихъ въ своихъ рядахъ.

Если консерваторы становятся партіей имущихъ, то либеральная партія идетъ къ тому, что въ концѣ концовъ она будетъ имѣть опору только въ рабочемъ классѣ.

Но буржуазные друзья рабочихъ въ Англіи не могутъ ограничиться программой: соціальная реформа исключительно насчетъ землевладѣнія. Экономическое развитіе затронуло народныя массы, стоящія ниже рабочей аристократіи, и избирательная реформа 1885 г. дала значительной части ихъ политическія права. Онѣ становятся политическимъ факторомъ. Но эти слои еще не вполнѣ заразились буржуазнымъ радикализмомъ: соціальное положеніе и историческія условія дѣлаютъ ихъ болѣе доступными для современнаго соціализма, чѣмъ рабочая аристократія, которая теперь, впрочемъ, тоже,

по мѣрѣ ея медленнаго разложенія, начинаетъ склоняться къ соціализму.

Эти слои враждебны всему капиталистическому обществу. И они теперь требуютъ непосредственнаго улучшенія своего соціальнаго положенія, непосредственнаго улучшенія условій труда. Въ началѣ 80-хъ годовъ англійскіе рабочіе настаивали, главнымъ образомъ, на земельной реформѣ. Генри Джорджъ былъ тогда героемъ дня. Теперь же лозунгомъ ихъ служитъ восьмичасовый рабочій день и большинство либеральной партіи, которое еще недавно рѣшительно отвергало это требованіе, теперь вынуждено прекратить свое противодѣйствіе. Эта партія уже фактически находится въ рукахъ пролетаріата вслѣдствіе его экономическаго значенія и той политической силы, которую ему даетъ избирательное право. Либералы съ прискорбіемъ видятъ, что они уже теперь вынуждены дѣлать уступки рабочимъ не только насчетъ землевладѣнія, но на счетъ промышленныхъ капиталистовъ.

Къ чему приведетъ и должно привести такое положеніе дѣлъ—ясно: либеральная партія въ непродолжительномъ времени достигнетъ того пункта, на которомъ она должна будетъ рѣшить, оставаться ли ей и впредь буржуазной партіей, или стать партіей чисто-рабочей. Если она рѣшится на первое, то ей придется порвать съ рабочими и совершенно погибнуть, такъ какъ число ея сторонниковъ въ буржуазныхъ кругахъ быстро уменьшается, да оно и слишкомъ ничтожно для того, чтобы своими силами могло поддержать ее. За нею же возникаетъ независимая рабочая партія, которую усиливаетъ всякое колебаніе либераловъ, всякій шагъ, сдѣланный ими противъ пролетаріата: партія эта моментально займетъ мѣсто либераловъ, лишь только они скажутъ: до сихъ поръ,—но не далѣе!

Если же у либераловъ не хватитъ мужества для этого, если они позволятъ толкать себя все дальше и дальше на пути уступокъ рабочимъ,—то возможно, что они помѣшаютъ образованію самостоятельной рабочей партіи. Но это удастся либеральной партіи лишь въ томъ случаѣ, если она сама разовьется въ современную рабочую партію.

Нѣтъ, конечно, особенныхъ надеждъ на то, что развитіе Англіи пойдетъ именно этимъ путемъ, хотя англичане упорно держатся старыхъ формъ и любятъ вливать новое вино въ старые мѣхи.

Поживемъ,—увидимъ. Здѣсь же мы хотѣли только пока-

зать на примѣрѣ англійской партійной жизни, какъ ложна та мысль, что парламентъ служитъ исключительно классу капиталистовъ. Мы видѣли, что представительная система служила самымъ разнообразнымъ классовымъ интересамъ и принимала самыя разнообразныя формы — въ зависимости отъ высоты экономическаго развитія и избирательнаго права.

Послѣ того, какъ англійская нижняя палата болѣе полутораста лѣтъ служила орудіемъ диктатуры аристократіи, она въ теченіе полувѣка была орудіемъ диктатуры промышленныхъ капиталистовъ. Но единодержавіе этихъ послѣднихъ уже пало; пролетаріатъ уже въ состояніи оказывать въ парламентѣ вліяніе на внутреннюю политику страны сообразно со своими интересами. И гигантскими шагами приближается тотъ день, когда всемогущій англійскій парламентъ станетъ орудіемъ диктатуры пролетаріата.

К. Каутскій.

Алмазъ изъ рода Гиреевъ.

(Крымское преданіе).

Батый, пройдя огнемъ и мечемъ Персію и сосѣднія съ ней страны, ворвался, наконецъ, въ предѣлы нынѣшней Россіи и, среди прочихъ земель, присоединилъ къ владѣніямъ отца Таврическій полуостровъ. Часть татарскихъ ордъ осѣла въ степяхъ и долинахъ благословеннаго Крыма. Вначалѣ, крымская орда зависѣла отъ золотой, но въ пятнадцатомъ вѣкѣ, вслѣдствіе раздоровъ, дошедшихъ до крайности въ центрѣ, ей удалось добиться самостоятельности, однако ненадолго. Въ 1475 г. династія Гиреевъ подпала подъ опеку турецкихъ султановъ и съ тѣхъ поръ не выходила изъ подъ нея, пока русскіе не присоединили Крымъ къ своимъ владѣніямъ.

Первый изъ вассальныхъ Турціи хановъ, Менгли-Гирей, съумѣлъ обставить свое подчиненіе благопріятными условіями, на которыя не могли жаловаться ни онъ самъ, ни крымскіе татары. Менгли поклялся за себя и наслѣдниковъ въ вѣчной покорности Портѣ и призналъ право ея возводить на престолъ хановъ по своей волѣ. Но взамѣнъ этого султанъ Магометъ II обязался назначать ханами только князей изъ рода Чингизова, никого изъ членовъ ханскаго семейства не подвергать смертной казни, дозволить молиться о ханахъ въ мечетяхъ, не отказывать имъ ни въ какой письменной просьбѣ, касающейся блага народа, въ случаѣ требованія отъ татаръ вспомогательныхъ войскъ, платить имъ значительныя суммы денегъ. Не подвергаясь никакимъ стѣсненіямъ, татары получили въ турецкихъ гарнизонахъ на границахъ ханства надежныхъ защитниковъ, обезпечивавшихъ внѣшнее спокойствіе. Но оставляя за крымской ордой полнѣйшую внутреннюю политическую самостоятельность, турецкое правительство старалось нечувствительно совсѣмъ подчинить себѣ татаръ въ культурномъ духовномъ отношеніи. И блистательной магометанской Портѣ этого достигнуть было легче, нежели кому другому.

Для достиженія своихъ скрытыхъ цѣлей, Турція съ одной стороны нарочно поддерживала посѣянное недовольство между высшимъ дворянствомъ и ханами, а съ другой стороны старалась воздѣйствовать такимъ способомъ: она воспитывала хан-

скихъ сыновей и вообще молодыхъ татаръ въ Константинополѣ въ турецкихъ училищахъ, откуда выходили молодые люди насквозь проникнутые османскимъ духомъ; изъ нихъ вербовались высшія должностныя лица, наставники медрессе (училищъ) въ Крыму. Наряду съ тѣмъ, на впечатлительныхъ, но еще дикихъ, татаръ низшихъ классовъ, дѣйствовала обстановка роскошной жизни, стоявшихъ у нихъ турецкихъ войскъ. Бившая въ глаза роскошь ихъ наглядно доказывала, какъ выгодно и почетно служить такому могущественному падишаху, какимъ былъ султанъ Стамбула. Отсюда зародилось стремленіе честолюбивыхъ крымчаковъ, при удобномъ случаѣ, перебираться въ Константинополь и возвращаться оттуда съ нажитымъ богатствомъ и сознаніемъ своего превосходства надъ земляками. Къ туркамъ татары и у себя на родинѣ охотно шли въ работники, въ слуги. Тѣсная связь съ Турціей подняла въ Крыму торговлю, хлѣбопашество, скотоводство. Крымъ превратился постепенно въ рынокъ Стамбула, гдѣ продавались десятки тысячъ плѣнниковъ и плѣнницъ изъ Польши, Литвы, Россіи, Малороссіи, Кавказа; сюда изъ степей и изъ городовъ ханства приводились лошади, овцы, доставлялись кожи, сафьянъ, войлокъ, медъ, соль. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе постоянныхъ тѣсныхъ сношеній съ турками, крымскіе татары заговорили турецкимъ нарѣчіемъ, переняли отъ османовъ главнѣйшія правила ихъ общежитія, начали стремиться завязывать съ ними родственныя связи. Турецкіе архитекторы научили ордынцевъ искусству строить роскошныя бани, мечети, фонтаны; за художниками были приняты поэты, сказочники, фокусники, жонглеры. Населеніе Крыма пріобрѣло пестрый оттѣнокъ.

На окраинахъ въ значительныхъ городахъ, гдѣ проживали турецкіе паши, напримѣръ, въ Гезлевѣ (Евпаторіи) и Кафѣ (Өеодосіи), городская жизнь принимала совершенно константинопольскую физіономію. Въ Кафѣ шелъ безпрерывный праздникъ; здѣсь день и ночь на площадяхъ шумѣли фонтаны, на каждомъ шагу раскрывались гостепріимныя двери великолѣпныхъ кофейнъ, гдѣ толпились купцы изо всѣхъ концовъ Азіи, забавляясь состязаніемъ поэтовъ-импровизаторовъ, пѣвцовъ, танцовщиковъ; здѣсь можно было учиться святой жизни у безчисленныхъ хаджей, посѣщавшихъ неоднократно священныя мѣста Медины и Мекки; здѣсь же за ничтожную сумму можно было наслаждаться всѣми прелестями магометова рая, имѣя подъ руками богатѣйшіе рынки невольницъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и достоинствъ.

Изъ всѣхъ крымскихъ городовъ относительно большую самобытность сохранилъ Бахчисарай—столица хановъ. Бахчисарай не былъ кореннымъ главнымъ городомъ Крыма. До него, ханскимъ мѣстопребываніемъ являлся Эски-Крымъ или Солхатъ, въ свое время тоже переживпій эпоху могущества и великолѣпія. Есть извѣстіе, что Батый въ тринадцатомъ вѣкѣ построилъ здѣсь дворецъ и богатыя мечети. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ Солхатъ сдѣлался ханской столицей, но когда Сеидъ-Ахмедъ, ханъ золотой орды, преслѣдуя вторгшагося въ его владѣніе Менгли-Гирея, захватилъ

Эски-Крымъ и предалъ его полному разрушенію, крымскимъ властителямъ пришлось искать новаго болѣе безопаснаго и удобнаго убѣжища, нежели то, какое представлялъ собой стоявшій близъ моря въ ровной мѣстности Солхатъ. Выборъ палъ на долину близъ старой и неприступной горной крѣпости Кыръ-Кора или Чуфутъ-Кале. Основаніе Бахчисарая совпадаетъ съ первыми моментами установленія турецкаго вліянія на полуостровѣ. Поэтому и самый городъ создался подъ сильнымъ турецкимъ воздѣйствіемъ, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны. Первоначальное населеніе Бахчисарая, дикіе кочевники, еще пыталось жить въ кибиткахъ или древнихъ пещерахъ, но уже въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, ханъ Сагибъ-Гирей потребовалъ отъ подданныхъ, чтобы они строили постоянныя жилища. Съ этихъ поръ началось процвѣтаніе Бахчисарая, украсившагося великолѣпнымъ ханскимъ дворцомъ, мечетями, банями, кофейнями, и потонувшаго въ морѣ роскошныхъ садовъ, сообщившихъ свое имя новому городу. По-татарски Бахчи—садъ, сарай—городъ.

I.

Надъ Бахчисараемъ стоялъ жаркій и ослѣпительный майскій полдень. Сейфиль, хапу-агасы — начальникъ главныхъ дворцовыхъ воротъ въ столицѣ, подъѣзжая къ городу и услышавъ съ ближайшаго минарета призывъ муэзина къ молитвѣ, слѣзъ съ коня и на краю пыльной каменистой дороги расположился совершать полуденный намазъ. Сейфиль въ ряду исполнителей ханской воли и преданныхъ его слугъ занималъ не очень высокое мѣсто; должность его по списку государственныхъ чиновъ числилась въ довольно отдаленномъ разрядѣ, но это не мѣшало главному дворцовому привратнику быть глубоко проникнутымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Хотя и въ неважныхъ дѣлахъ но все-же ему приходилось очень часто представать предъ ханскіе очи и становиться со своимъ повелителемъ правовѣрныхъ въ непосредственное общеніе. На обязанности Хапу-агасы лежало не только смотрѣть за дворцовыми воротами, но и докладывать хану о прибывающихъ.

Происходя родомъ изъ ногайцевъ, Сейфиль стыдился своего по крымскимъ понятіямъ, низменнаго происхожденія и старался хотя-бы одеждою быть похожимъ даже не на крымскаго татарина, а на турка. Онъ носилъ вмѣсто барашковой шапки затѣйливо наверченную чалму, шаровары въ мельчайшихъ складкахъ, стянутые у самой щиколотки, длиннополый съ позументомъ кафтанъ. Сегодня и кафтанъ и шаровары и чалма были свѣжѣе обыкновеннаго, хотя Сейфиль вообще слѣдилъ за собою. Сегодня хапу-агасы ѣздилъ въ гости къ своему пріятелю, начальнику стражи у главныхъ воротъ Чуфутъ-Кале. Сейфиль не водилъ знакомства и дружбы съ кѣмъ попало. Для своихъ тридцати съ небольшимъ лѣтъ онъ уже занималъ достаточно видное положеніе и, обладая пристойными манерами настоящаго царедворца, надѣялся со временемъ достигнуть степе-

ней высшихъ. Для этой цѣли нужно было умѣть держать себя, нравиться сильнѣйшимъ и ладить съ равными. Сейфиль хорошо зналъ тайны житейскаго успѣха и потому смѣло глядѣлъ будущему въ лицо.

Ставъ на колѣни на маленькій, предусмотрительно захваченный, коврикъ и осторожно коснувшись лбомъ руки, чтобы при земномъ поклонѣ не запачкать чалмы, хапу-агасы вскочилъ на лошадь и продолжалъ путь. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже былъ на главной улицѣ Бахчисарая. Дѣловое движеніе города сразу охватило его. По избитой мостовой скрипѣли неуклюжіе мажары и задумчиво шагали тупоносые черные косматые буйволы; въ ближайшей харчевнѣ бородатый поваръ, проворно повертывая на вертелѣ, жарилъ цѣлаго барана; кузнецы стучали молотами и работали мѣхами, не стѣсняясь тучами искръ, сыпавшихся на прохожихъ; тутъ-же у лавочекъ съ хлѣбомъ, съ зеленью, мясомъ, кожами останавливались и вступали въ разговоры съ продавцами прохожіе. Раза два Сейфиль чуть было не наѣхалъ на цыганскихъ ребятишекъ, возившихся, какъ воробьи, на выбоинѣ дороги. Нѣсколько разъ, наоборотъ, самъ давалъ дорогу длиннымъ закутаннымъ въ бѣлое фигурамъ женщинъ, сверкавшихъ на него глазами изъ-за плотной чадры. На этой тѣсной, но дружной улицѣ, гдѣ съ балкончика или крыши одного домика можно было подать руку другому, всѣ знали Сейфиля и почти всѣ первыми кланялись дв...ому привратнику. Хапу-агасы умѣлъ вселить къ себѣ распол...ніе и уваженіе въ людяхъ.

— Эй, дасть (пріятель), окликнулъ Сейфиля кто-то съ балкончика нарядной кофейни,—слѣзай съ коня и выпей-ка съ нами чашечку сладкаго какъ медъ кофе.

Сейфиль оглянулся и увидѣлъ почти рядомъ съ собою хулъагу—начальника ханскихъ рабовъ, рядомъ съ какимъ-то суровымъ старымъ хаджи въ громадной зеленой чалмѣ, отъ которой голова странника къ святымъ мѣстамъ невольно свѣшивалась книзу. Отказаться было неловко. Хулъ-ага стоялъ выше хапуагасы по мѣстнымъ чинамъ. Сейфиль привязалъ свою лошадь у воротъ кофейни и поднялся наверхъ.

Кромѣ хаджи и хулъ-аги на балконѣ въ глубинѣ возсѣдало еще нѣсколько человѣкъ, съ которыми Сейфилю было пріятно лишній разъ выпить чашку кофе: тутъ бесѣдовали, покуривая длинныя трубки, между прочимъ селердаръ-ага—начальникъ придворныхъ оруженосцевъ, байрамъ-ага — распорядитель пиршествъ. Сейфиль сдѣлалъ общій селямъ и подсѣлъ на софу къ хулъ-агѣ.

— Тутъ сегодня почти весь дворецъ собрался, замѣтилъ онъ.

— Пока подымаешь топоръ, топорище пусть отдохнетъ, смѣясь отвѣчалъ хулъ-ага, оглядывая присутствовавшихъ.

Всѣ поняли шутку и закивали головами. Съ нѣкоторыхъ поръ можно было многимъ свободно отлучаться изъ дворца безнаказано. Ханъ уѣхалъ въ Стамбулъ къ султану, и дворцовая дисциплина ослабла на продолжительный срокъ.

— Каведжи, скомандовалъ опять веселый начальникъ ханскихъ рабовъ, кивая на Сейфиля.

Каведжи налилъ крохотную чашечку горячимъ кофе и подалъ ее новому гостю.

Кофейня, въ которой собрались ханскіе придворные, считалась лучшею въ Бахчисараѣ. По мѣрѣ силъ хозяинъ старался въ обстановкѣ подражать много наслышанной роскоши кофеенъ Кафы, Стамбула, Алеппо, Багдада. Полъ большой комнаты и балкона былъ устланъ пестрыми мѣстными и турецкими коврами, на софахъ красовались узорами вышитыя бархатныя подушки; двери задѣланы были парчевыми занавѣсями. На низенькихъ вырѣзныхъ столикахъ и табуретахъ блестѣли начищенные маленькіе мѣдные и серебряные кофейники съ крошечными узорными чашечками турецкой работы. Гости курили кальяны и трубки. Поговаривали, что во внутреннихъ частяхъ жилища хозяина кофейни, старика Кечима, тайкомъ, хорошимъ близко знакомымъ гостямъ, можно было курить еще особый индѣйскій порошокъ, дающій сладкіе сны, но, въ виду ханскаго запрещенія торговать этимъ порошкомъ, слухъ носился въ качествѣ сплетни. У дверей въ почтительномъ ожиданіи приказаній посѣтителей, сидѣли на корточкахъ подававшіе кофе — каведжи, раскуривавшіе трубки-чибукчи, цыгане, пѣвцы и сказочники. Хозяинъ Кечимъ сидѣлъ съ гостями, какъ равный съ равными, на балконѣ, одной стороной выходившемъ на улицу, а другой въ садикъ, откуда на верхъ по столбикамъ и веревочкамъ вились и цѣплялись сочные стебли крученыхъ барвинокъ.

— А что, Кечимъ, у тебя какъ будто скучно сегодня, началъ опять хулъ-ага, обращаясь къ хозяину кофейной.

Тотъ наклонилъ голову въ знакъ уразумѣнія словъ почетнаго посѣтителя и три раза хлопнулъ въ ладоши. На балконъ изъ внутренняго помѣщенія кофейной вышли двое пѣвцовъ и сказочникъ.

— Кому прикажетъ начать эфенди, спросилъ старшій темнобронзовый, черноглазый, сухопарый вертлявый цыганъ съ саазомъ въ рукахъ.

— Ну, все равно, начни ты, обратился хулъ-ага къ задумчивому сказочнику.

— Что прикажетъ эфенди разсказывать, въ свою очередь спросилъ тотъ, низко кланяясь и прикладывая руки къ груди.

— А что ты знаешь?

— Я знаю сказки про Ашикъ-Хариба, про красавицу Гульбери, Арзы и Гамбера, милосерднаго и щедраго Ханчемъ-тая.

— Наскучили всѣ эти Ашикъ-Харибы и Гульбери, вмѣшался вдругъ до того молчавшій селердаръ-ага.

— Сказалъ пророкъ, да сохранитъ и спасетъ его Аллахъ, гнусавымъ голосомъ на распѣвъ заговорилъ вдругъ и суровый хаджи, не увлекайтесь никакими исторіями, ибо онѣ отвлекаютъ отъ слова Божія.

— Каждое слово святого человѣка—золото, внушительно произнесъ хулъ-ага.

— Оно проникаетъ въ душу черезъ каждое отверстіе тѣла, добавилъ Сейфиль.

— Эфенди, почтительно вставилъ свое замѣчаніе въ отвѣтъ на рѣчи гостей старшій цыганъ-пѣвецъ, шаиръ-баши бахчисарайскихъ музыкантовъ, нѣтъ священнѣе словъ великаго пророка, но говоритъ пословица: „самая сладчайшая въ мірѣ вещь есть человѣческій языкъ"; все знаніе ласточки состоитъ изъ трехъ словъ: ай батанъ, хай батанъ, унчора: скворецъ знаетъ такихъ непонятныхъ словъ одиннадцать, но человѣку только одпихъ именъ Аллаха извѣстно девяносто девять. А сколько словъ у него для всего видимаго въ мірѣ?

Всѣ присутствовавшіе, кромѣ хаджи, одобрительно закивали головами.

— Въ праздникъ трубъ, произнесъ Кечимъ,—нашъ шаиръ-баши вступитъ въ состязаніе съ шаиръ-баши Кафы, обѣщавшимъ пріѣхать въ Бахчисарай на мѣсяцъ. Тогда прошу всѣхъ дорогихъ гостей пожаловать подъ мою кровлю. Клянусь бородою пророка, нашъ Абла не уступитъ въ острословіи и пѣсняхъ лучшимъ пѣвцамъ самаго Стамбула.

— Вѣримъ, вѣримъ, хоромъ отвѣчали гости:—ну, спой, Абла, что нибудь.

Не дожидаясь вторичнаго приглашенія, шаиръ-баши ударилъ по струнамъ сааза и запѣлъ извѣстное сказаніе про баснословнаго богатыря „Коръ-оглу".

Съ возвышенности горы замѣтилъ я его слѣды.
Не хотѣлъ видѣть, но увидѣлъ лицо Москова,
Или онъ возьметъ мою лошадь или я его.
Я тотъ, котораго называютъ Реанъ-арапомъ.
Ей бенъ биръ Кёръ-оглу имъ
Ей! я одинъ называюсь Кёръ-оглу
Даглерденъ даглере гезеримъ
Изъ лѣсовъ перехожу въ лѣса....

— А феримъ, а феримъ—браво! закричали гости:—но не знаешь-ли ты что нибудь повеселѣе, не сочинилъ-ли самъ чего нибудь новаго, добавилъ хулъ-ага.

— Твой приказъ для меня законъ, эфенди, отвѣчалъ, сверкая глазами, польщенный цыганъ.

Онъ провелъ рукой по горлу. Ему подали чашку кофе. Выпивъ ее, Абла снова ударилъ по струнамъ и запѣлъ звонкимъ чистымъ голосомъ:

Бахчисарай жительство хановъ.
Здѣсь найдешь ты цѣлый рой красивыхъ дѣвушекъ.
Корми лошадь, она будетъ хороша!
Дурной дѣвушкѣ повѣсь камень на шею,
А хорошей дай яблоко и поцѣлуй въ губы.

— А феримъ, а феримъ,—опять закричали посѣтители.

Абла низко кланялся и прикладывалъ руки къ груди. Пока онъ пѣлъ. Товарищъ его, юноша лѣтъ восемнадцати, весь впивался въ него глазами и въ самозабвеніи перебиралъ струны своего сааза. Ему тоже хотѣлось запѣть и услышать одобреніе отборныхъ слушателей. Хулъ-ага замѣтилъ это.

— А ты что, скворецъ, скажи намъ и свои одиннадцать

словъ. Тебѣ не угнаться за шаиромъ, но пусть онъ отдохнетъ.

Юноша также не заставилъ себя ждать. Онъ запѣлъ немножко дрожащимъ, но тоже сильнымъ и чистымъ, голосомъ.

Полюбилъ я красавицу безумно,
И сердце мое запылало огнемъ.
А душа зарыдала кровью!
Сорвалъ я розу въ саду,
Но загорѣлись лепестки ея,
А изъ шиповъ полилась алая кровь.
Взялъ я въ руки сазъ.
Хотѣлъ въ честь красавицы сложить пѣсню,
Но загорѣлся въ рукахъ сазъ,
А струны его залились кровавыми слезами.

— А феримъ, а феримъ.—закричали гости.

— Сказалъ пророкъ,—опять также гнусаво затянулъ хаджи, раскачиваясь и какъ-бы не видя никого изъ присутствовавшихъ,—скажи, я ищу прибѣжища у Господа людей, скажи—царя людей, скажи—Бога людей; скажи—отъ злости того, кто внушаетъ дурныя мысли и срываетъ ихъ; скажи—вдыхалъ зло въ сердца людей....

На этотъ разъ гости молча выслушали хаджи, но ничѣмъ не привѣтствовали его.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ черезъ нѣсколько мгновеній хулъ-ага молодого цыгана у котораго еще пылали щеки отъ услышанныхъ похвалъ.

— Мое имя—Джемалъ, эфенди, отвѣчалъ почтительно юноша.

— Ты потомъ будешь самъ шаиръ-баши, — продолжалъ хулъ-ага;—Аллахъ далъ тебѣ голосъ соловья и чувства безумца-влюбленнаго. А посмотрите,—обратился къ остальнымъ собесѣдникамъ начальникъ ханскихъ рабовъ,—чѣмъ же Джемалъ и не красавецъ? Развѣ онъ чѣмъ нибудь хуже нашего новаго смотрителя ханскихъ цвѣтниковъ?

— Кяфиръ (нечестивецъ-христіанинъ) очаровалъ сердце хана, да сохранитъ его Аллахъ на тысячу лѣтъ, со вздохомъ отозвался селердаръ-ага.

— Ну, дастъ, съ горячностію продолжалъ хулъ-ага, немного нужно колдовства, чтобы иной разъ очень легко околдовать ханское сердце. Но эта проклятая собака, Искандеръ, да войдетъ дьяволъ въ его душу, онъ насмѣхается надъ правовѣрными.....

При послѣднихъ словахъ хулъ-аги Сеифиль всталъ и началъ прощаться. Онъ замѣтилъ, что разговоръ получилъ рискованный оборотъ и потому рѣшилъ благоразумно скрыться, не принимая въ немъ участія. Искандеръ былъ выросшій при дворѣ плѣнный мальчикъ, теперь уже юноша, къ которому ханъ почувствовалъ необычайную нѣжность и влеченіе. Онъ приблизилъ его къ себѣ, позволилъ временно не мѣнять исповѣданія, одѣваться по-европейски, недавно назначилъ его начальникомъ всѣхъ дворцовыхъ садовъ и, такимъ образомъ, подчинилъ ему магометанъ садовниковъ. Пристрастіе хана къ главному садовнику вызывало всеобщее осужденіе. Объ этомъ говорили вслухъ и передавали, что муфтій намѣренъ былъ побесѣдовать по данному поводу съ ханомъ. Но пока еще эта бесѣда не состоялась и пока Искандеръ

былъ въ силѣ, осторожный человѣкъ дѣлалъ бы прямую ошибку, участвуя въ толкахъ и пересудахъ на счетъ ханскаго поведенія.

— Ты куда? пытался было остановить пріятеля хуль-ага.

Но Сейфиль остался вѣренъ себѣ. Онъ указалъ на свои обязанности старшаго привратника и вышелъ на улицу.

II.

Отъ дворца до кофейной было рукой подать. Сейфиль пустилъ лошадь шагомъ и черезъ нѣсколько минутъ очутился у главныхъ воротъ ханскаго жилища. Наружная стража въ бездѣйствіи, за отсутствіемъ хана, дремала или забавлялась бросаньемъ камешковъ въ неуспѣвшій еще высохнуть городской ручей, Чурукъ-су. Внутренняя стража точно также предавалась лѣни и нѣгѣ на обширномъ дворцовомъ дворѣ. Вступивъ на эту обширную площадь, осѣненную могучими тополями и шелковицами, Сейфиль, послѣ душнаго зноя улицы и дороги, вздохнулъ полной грудью. Сочная свѣжая зелень ханскихъ садовъ, близость цѣлой массы фонтановъ, обильная тѣнь отъ многочисленныхъ башенокъ, балкончиковъ и куполовъ зданія дворца располагали къ отдохновенію. Хану-агасы, по примѣру джигитовъ стражи, готовъ былъ растянуться подъ какимъ нибудь изъ тополей на коврѣ или войлокѣ, но приличіе не разрѣшало такой вольности. Сейфиль отдалъ лошадь конюху, а самъ пошелъ во внутреннюю часть дворца.

Первымъ, кого онъ встрѣтилъ въ передней комнатѣ, былъ хранитель гарема—Акъ-Маджи-бей, толстый, обрюзгшій, пожилой негръ украшенный множествомъ колецъ на пальцахъ и запястій, выше и ниже обнаженныхъ локтей. Сейфиль поспѣшилъ привѣтствовать главнаго евнуха.

— Да умножитъ Аллахъ дни твои, любезно отвѣчалъ на селямъ Акъ-Маджи-бей, любившій почетъ и внимательность.

— Что твое хозяйство, эфенди?—спросилъ хану-агасы.

Лоснящееся лицо негра расплылось въ широкую улыбку и толстыя губы обнаружили ярко-красныя десна. Онъ понялъ, о чемъ говорилъ Сефиль, и ему стало очень смѣшно, какъ бы подъ вліяніемъ какого-то забавнаго воспоминанія.

— Прогнали,—со смѣхомъ проговорилъ онъ,—прогнали; просятъ, чтобъ хоть одинъ день я имъ не садился бѣльмомъ на глазу. И все Зайнабъ съ Дильбергёзъ-ханымъ! Онѣ мнѣ покою не даютъ... Ужъ я когда нибудь разсчитаюсь съ Зайнабъ.

При имени Зайнабъ Сейфиль точно встрепенулся и весь сталъ на-сторожѣ. Зайнабъ была дочь бедуина, ханскаго тѣлохранителя, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Ханъ распорядился взять дѣвушку ко двору въ число подругъ дочерей своихъ и ни въ чемъ не стѣснялъ гордую аравитянку. Сохраняя привычки родины, она не носила, по обычаю осѣдлыхъ мусульманокъ, чадры, позволяла себѣ смѣяться и шутить съ мужчинами, упорно отказывалась отъ замужества, цѣлые дни хохотала, проказничала и развлекала весь гаремъ забавными выходками. Самъ ханъ, выходя изъ залы дивана (совѣта) на отдыхъ въ какой-нибудь изъ па-

вильоновъ сераля, любилъ говорить съ Зайнабъ и потѣшаться ея остроуміемъ. Образъ темнолицей, большеглазой, живой и веселой бедуинки уже давно поразилъ воображеніе Сейфиля, и потому то упоминаніе имени Зайнабъ подѣйствовало на него, подобно электрической искрѣ.

Хану-агасы молчалъ. Для мусульманина было неприлично, что бы то ни было разспрашивать о женщинахъ. Евнуху Сейфиль задалъ первый вопросъ описательно въ полной увѣренности, что тотъ пойметъ его. Негръ хорошо понялъ, о чемъ его спрашивали и чѣмъ интересовался главный привратникъ.

— Ха-ха-ха,—продолжалъ онъ, — Зайнабъ выдумала сегодня представлять кара-гоца (китайскія тѣни) и не хочетъ, чтобы я видѣлъ, какія картины у нихъ пойдутъ. А я знаю все... Я знаю, что онѣ хотятъ представить бѣгство изъ гарема. Ха-ха-ха. Пусть... Я все знаю. Пусть она меня называетъ чернымъ шайтаномъ... Черный шайтанъ все знаетъ, все слышитъ, все видитъ...

Евнухъ самодовольно погладилъ себя по животу и поправилъ на локтяхъ запястья. Нѣсколько мгновеній онъ еще постоялъ съ Сейфилемъ, а потомъ, осторожно крадучись, черезъ дальнія дорожки сада направился обратно въ свои владѣнія. Но когда онъ приблизился къ главной ханской спальнѣ, гдѣ устраивалась кара-гоца, представленіе кончилось. На полу на софахъ валялись куски тканей и ковровъ, которыми завѣшивали окна, чтобы образовать темноту, зеленыя свѣчи были брошены въ углу цѣлой горой. Зайнабъ, запыхавшаяся отъ возни и усилій, лежала на коврѣ посреди комнаты, а рядомъ съ ней на колѣняхъ стояла Амдэ-ханымъ, младшая дочь султана, его любимица, прозванная за рѣдкую красоту свою Дильберъ-гезъ—наслажденіемъ глазъ.

Если сравнивать обѣихъ дѣвушекъ, то бедуинку можно было сравнить съ черной розой. На смуглыхъ щекахъ, точно выточенной изъ бронзы шестнадцатилѣтней Зайнабъ горѣлъ густой румянецъ, высокая, подобная гроздьямъ винограда грудь дышала порывисто и мощно, при всякой улыбкѣ точно молніи сверкали глубокіе черные глаза и изъ-за коралловыхъ губъ блистали крупные сплошные жемчужные зубы. Амдэ-ханымъ являлась полнѣйшей противоположностью подругѣ. Ханская дочь едва еще вышла изъ дѣтскаго возраста. Ей недавно исполнилось тринадцать лѣтъ,—пора брачнаго совершеннолѣтія, но дѣтство еще не совсѣмъ покинуло дѣвушку. Она была стройна, но хрупка, какъ бѣлая лилія. Нѣжный румянецъ, почти прозрачная кожа на лбу и у подбородка, голубые широко и довѣрчиво раскрытые глаза, крошечный ротикъ, какъ лепестокъ розы, тонкія соболиныя брови и родинка на правой щекѣ, все сливалось въ одинъ обликъ свѣжести и чистоты.

Приподнявшись съ полу, Зайнабъ обхватила Амдэ обѣими руками и прижалась къ ея губамъ своимъ ртомъ.

— Цѣлуй меня, моя Дильберъ, цѣлуй горячѣе, шептала бедуинка, блестя смѣющимися глазами, вѣдь я джигитъ, я похитила тебя, ты теперь моя.

Дѣвушки продолжали игру, начатую китайскими тѣнями. Амдэ

не сопротивлялась; неувѣренная улыбка застыла у нея на лицѣ, но щеки точно также понемногу разгорались и прозрачный взглядъ синихъ глазъ, точно подъ наитіемъ какого-то новаго чувства, темнѣлъ и углублялся. Всѣ присутствовавшія въ комнатѣ женщины смѣялись и криками выражали одобреніе. Акъ-Маджи-бей остановился за драпировкой двери и самъ съ улыбкой слѣдилъ за гаремнымъ увеселеніемъ. Всѣ увлекались. Были забыты змѣевидные кальяны, филиджаны-чашечки душистаго кофе, сласти, бубны, кости. Даже въ глазахъ почтенныхъ матронъ бѣгали какіе-то огоньки подъ вліяніемъ воспоминаній прошлаго.

Но вотъ Акъ-Маджи-бей рѣшилъ напомнить о себѣ, величественно вошелъ въ комнату и разомъ прекратилъ веселое настроеніе общества.

— Мелекъ (ангелъ) Зайнабъ, шутливо проговорилъ евнухъ, приближаясь къ бедуинкѣ, я твой джигитъ, поцѣлуй меня.

— Ахъ ты обезьяна, воскликнула Зайнабъ, быстро вскакивая съ пола; она схватила со своей ноги расшитый терликъ и съ размаха ударила имъ по жирной шеѣ негра.

Акъ-Маджи-бей, повидимому, остался доволенъ оказанной ему лаской. Съ той же сіяющей физіономіей онъ величественно прослѣдовалъ черезъ ханскую спальню и скрылся за дверью. Но игра послѣ его ухода уже потеряла свою занимательность. Нѣсколько минутъ женщины лежали на своихъ мѣстахъ въ молчаніи, пока, наконецъ, одна изъ ханскихъ фаворитокъ-гоздекъ не обратилась къ старѣйшей матронѣ съ просьбою разсказать что-нибудь поучительное.

— Что-жъ разсказать вамъ, хотите что-нибудь про Исса или Якубъ Пейгамбера?

— Нѣтъ, нѣтъ, это ты уже нѣсколько разъ разсказывала, какъ Исса сдѣлалъ изъ грязи воробьевъ и какъ они полетѣли. Онъ былъ великій пророкъ. Нѣтъ лучше разскажи намъ подробно, какъ женился Рессулъ-Магометъ на Хатидже.

Матрона затянулась кальяномъ и съ важностью на-распѣвъ на подобіе чтенія корана, начала разсказъ:

— Въ одно время Рессуль, да благословитъ его Аллахъ и спасетъ, проходилъ мимо дома дальней родственницы своей Хатидже, дочери Хавелифа, славившейся въ Меккѣ красотой и имѣвшей толпу жениховъ.

— Какъ Зайнабъ? наивно спросила ханская фаворитка.

Матрона строго посмотрѣла на гоздеку, давая ей понять, какъ неумѣстно перебивать старшихъ и сравнивать Зайнабъ съ Хатидже.

— Молодые люди,—продолжала разскащица,—сразу почувствовали любовь и пожелали вступить въ бракъ, но Абдулъ-Талебъ съ прочими родственниками воспротивился. Съ тѣхъ поръ Рессуль удалился на гору Морія, грустилъ тамъ, и крылатый драконъ охранялъ его отъ зноя солнца.

Затѣмъ послѣдовалъ разсказъ о томъ, какъ Абдулъ-Талебъ, наконецъ, согласился на бракъ Хатидже, какъ Рессулъ, отправляясь съ женой въ Сирію, укротилъ дикаго верблюда, заговорившаго въ этотъ

моментъ человѣческимъ голосомъ, какъ Аллахъ послалъ своего любимца, бѣлаго орла, показывать пророку путь черезъ разлившуюся рѣчку, какъ одинъ изъ прежнихъ враговъ Ресула, Абучихилъ, тщетно старался погубить избранника Божія, и многое другое.

Всѣ дѣвушки и женщины слушали повѣствованіе со вниманіемъ. И многія въ ту минуту мечтали о томъ, какъ было бы хорошо, если бы и ихъ кто нибудь увидѣлъ у воротъ дома и увезъ съ собой на верблюдѣ въ далекія страны.

Не отходившая отъ Зайнабъ Амдэ вдругъ сама притянула къ себѣ подругу и крѣпко поцѣловала ее въ губы.

— А я слышала, проговорила вдругъ болтливая гездека, что той женщинѣ, которая хочетъ сдѣлать какого нибудь мужчину безъ ума отъ нея, должна достать свой потъ и пить его, повторяя то, чего она желаетъ.

— А я слышала, вмѣшалась другая, что нужно зашить въ фередже (верхнее платье) 40, 8 и 10 зеренъ проса, это легче.

— Тогда нужно знать заклинаніе,—авторитетно замѣтила матрона—разсказщица.

— Кто грамотенъ, тотъ можетъ ихъ прочесть въ книгѣ Джинджи-китабъ, прибавила третья.

— Мужчины не любятъ жениться не на дѣвушкахъ, продолжала безпокойная, а Ресуль женился на Хатидже, вдовѣвшей два раза.

— Мужчины не любятъ вдовъ, вмѣшалась въ разговоръ Зайнабъ, я вамъ разскажу по этому поводу какъ у насъ Мурриффа-Ибнъ-Тиба обманулъ джигита изъ рода Хариеса-Ибнъ-Каба. Муриффа хотѣлъ жениться на одной дѣвушкѣ, а Хариеса ему сказалъ: „не женись, я видѣлъ, какъ ее цѣловалъ мужчина". Муриффа отказался отъ женитьбы, а Хариеса взялъ эту дѣвушку за себя замужъ. Когда же Муриффа бранилъ ея мужа и сказалъ: „развѣ не ты мнѣ сказалъ, что эту дѣвушку цѣловалъ мужчина"? Хариеса отвѣтилъ: „да, я сказалъ, но это былъ ея отецъ".

Всѣ громко засмѣялись.

— Вотъ каковы мужчины, воскликнула одна изъ ханскихъ фаворитокъ.

— Да, провозгласилъ неожиданно Акъ-Маджи-бей, появляясь въ дверяхъ комнаты,—сказалъ Ресуль: „я поднялся въ рай и увидѣлъ, что тамъ больше всего бѣдняковъ; я опустился въ адъ, и увидѣлъ, что тамъ больше всего женщинъ".

— Онъ опять тутъ, воскликнула Зайнабъ,—вѣдь тебѣ пора спать идти, ты всегда спишь въ это время.

— Иду, иду, мелекъ, сейчасъ уйду, если поцѣлуешь джигита.

— Еще чего? Не хочешь-ли лучше филинджанъ кофе?

— Нѣтъ, тогда я спать не буду.

Одалиски переглянулись. Онѣ давно уже держали наготовѣ для главнаго евнуха особый кофейникъ, куда былъ всыпанъ купленный у цыганки сонный порошокъ.

— Не заснешь, тѣмъ лучше, замѣтила Зайнабъ,—намъ веселѣе будетъ.

Но Акъ-Маджи-бей достаточно натоптался съ утра за сегодняш-

ній день; сномъ же онъ обладалъ прекраснымъ, и никакого кофе не боялся. Чашечка дымящагося напитка была осушена имъ съ наслажденіемъ, и черезъ нѣсколько минутъ шлепанье его туфель затихло въ отдаленіи. Еще немного погодя изъ комнаты къ себѣ на послѣполуденный отдыхъ вышли старшія женщины; осталась одна молодежь съ Зайнабъ и Дильбергёзъ-ханымъ во главѣ. Спустя нѣсколько времени, посланная на развѣдки служанка донесла, что всѣ спятъ. Молодежь притихла. Всѣмъ хотѣлось воспользоваться минутой свободы, выкинуть какую нибудь шутку, но заранѣе ничего не было придумано.

— Тсъ!—вдругъ сдѣлала знакъ Зайнабъ,—внизу, въ саду кто то идетъ. Не Искандеръ-ли это! Онъ смотритъ за цвѣтами.

Всѣ бросились къ рѣшеткамъ, замѣнявшимъ въ окнахъ стекла.

— Онъ, онъ, Искандеръ,—послышались отрывистыя восклицанія,—машъ-Аллахъ (удивленіе Богу), какъ онъ хорошъ! Джигитъ! Азраиль!

Лилія ханскаго гарема голубоглазая Амдэ вмѣстѣ съ другими жадно прильнула къ рѣшеткѣ и точно застыла у нея.

III.

Искандеръ заслуживалъ того удивленія и толковъ, которые ходили о немъ. Теперь, когда онъ стоялъ на свѣту, весь облитый золотомъ солнца, можно было разглядѣть особенности его красоты и не ошибиться. Говорили, что плѣнный юноша происходитъ изъ польскаго или валашскаго племени. Онъ былъ высокъ ростомъ и строенъ, но въ немъ не доставало сухощавости, подобранности настоящаго южанина. Онъ среди бахчисарайскихъ юношей выдавался полнотою и округленностью формъ, особенно выступавшихъ въ его полуевропейскомъ нарядѣ. На немъ были шаровары изъ легкой бѣлой матеріи, голубой плотно прилегавшій къ тѣлу, расшитый бѣлыми шнурами, кафтанчикъ, красные сапоги съ подковами и алый турецкій фесъ на черныхъ шапкой стоявшихъ вьющихся волосахъ.

Искандеръ поднялъ голову вверхъ, и женщины изъ-за рѣшетки увидали передъ собою овалъ блѣднаго, правильнаго, полнаго лица, особенная нѣжная матовая бѣлизна котораго оттѣнялась точно выписанными тонкими бровями, громадными рѣсницами полузакрытыхъ глазъ и чуть пробившимся чернымъ пушкомъ надъ верхнею губою. Едва замѣтный золотистый налетъ загара на матовой блѣдности щекъ не только не портилъ, но даже увеличивалъ впечатлѣніе своеобразной наружности Искандера. На лицѣ его лежалъ отпечатокъ какой-то грусти, движенія были медленны, взглядъ прятался за длинными рѣсницами.

Молодой хранитель ханскихъ садовъ исполнялъ свои обязанности: онъ осматривалъ дворцовые цвѣтники. Въ рукѣ у него виднѣлся букетъ изъ свѣжесорванныхъ розъ и жасмина. Юноша нарочно выбралъ этотъ часъ для обхода садовъ, зная, что послѣ полуденнаго намаза большая часть населенія Бахчисарая погружается въ сонъ; и такимъ образомъ Искандеръ менѣе рисковалъ

встрѣтиться въ саду съ какой либо изъ ханскихъ женъ или наложницъ и тѣмъ навлечь на себя неудовольствіе завѣдующихъ гаремомъ. Искандеръ проходилъ мимо галлерей сераля въ полной увѣренности, что за зелеными рѣшетками теперь сонное царство, но внезапный стукъ у окна заставилъ его поднять голову. Онъ ничего не могъ увидѣть сквозь частую сѣть рѣшетки, но инстинктивно почувствовалъ, что тамъ женщины, и остановился. Потомъ онъ быстро подошелъ къ цвѣточной клумбѣ, сорвалъ оттуда нѣсколько бѣлыхъ гіацинтовъ и положилъ ихъ на траву передъ галлереей.

За рѣшеткой послышался легкій шорохъ и тихій смѣхъ. Бѣлые гіацинты на языкѣ цвѣтовъ означали добрыя чувства. Искандеръ ждалъ. Вдругъ стукнуло окно, рѣшетка приподнялась въ одномъ мѣстѣ и на траву упала вѣтка бѣлаго жасмина—„вы очень любезны“. Юноша прижалъ руки къ груди, положилъ свой букетъ розъ рядомъ съ гіацинтами и медленно пошелъ по дорожкѣ въ глубину сада.

Что-то опять стукнуло за нимъ. Онъ оглянулся и остановился, какъ вкопанный. Балованная шалунья Амдэ подняла рѣшетку и почти до половины высунулась въ окно. Взоры молодыхъ людей встрѣтились.

Что-то необычайное случилось вдругъ съ той, которая сама заставляла всѣхъ восхищаться взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ. Она только что изъ за рѣшетки смотрѣла на Искандера, но тогда рѣсницы его были низко опущены надъ зрачками. Теперь онѣ поднялись, и точно снопъ солнечный лучей брызнулъ оттуда и достигъ до самаго сердца Дильберъ-гезъ-ханымъ. Остальныя дѣвушки также увидали взглядъ юноши и только теперь вполнѣ поняли, почему самъ суровый ханъ вдругъ оказалъ такое вниманіе кіяфиру.

Амдэ нарушила всѣ правила и приличія. Она не только открыла окно, она не могла оторваться отъ него. Искандеръ также не трогался съ мѣста, не спуская взгляда съ лица дѣвушки. Лучи огненнаго солнца погрузились въ голубой хрусталь глазъ Амдэ и освѣтили до того еще никому недоступные тайники дѣвичьей души.

— Акъ-Маджи-бей! Крикнула изъ корридора сторожевая служанка.

Дѣвушки быстро разсыпались по комнатѣ. Рѣшетка захлопнулась. Искандеръ опомнился и быстрыми шагами скрылся за ближайшимъ кустомъ дорожки, ведущей внутрь сада. На порогѣ ханской опочивальни показался главный евнухъ. Онъ подозрительно оглядѣлъ всѣ углы комнаты. Взволнованныя серьезныя лица дѣвушекъ говорили ему, что здѣсь что-то произошло. Акъ-Маджи-бей былъ раздраженъ. У него почему-то сильно болѣла голова и передъ глазами прыгали красные круги. Онъ еле поднялся съ постели, чтобы пройти обычнымъ дозоромъ по гарему, котораго никому не довѣрялъ.

Вывезенному изъ Стамбула, видѣвшему интриги и хитрости всякаго рода, негру обстановка сегодняшняго дня въ связи съ

выпитой въ гаремѣ чашкой кофе показалась подозрительной. Преодолѣвая головную боль, онъ тщательно обошелъ всѣ уголки женскаго помѣщенія, перетрогалъ всѣ занавѣсы, всѣ ковры. Нѣсколько разъ онъ подходилъ къ рѣшеткамъ галлерей и проводилъ по нимъ руками. Въ это мгновенье, сердца всѣхъ дѣвушекъ замирали отъ страха. Акъ-Маджи-бей могъ замѣтить открывающееся окно, увидѣть букетъ розъ на травѣ, и тогда быть бы большой бѣдѣ. Но Аллахъ закрылъ глаза евнуху.

Ничего не открывъ подтверждающаго зародившіяся было подозрѣнія, Акъ-Маджи-бей вышелъ изъ ханской спальни. Дѣвушки продолжали сидѣть въ молчаніи по своимъ мѣстамъ. Онѣ хорошо знали, что негръ подслушиваетъ за дверной занавѣсью. Бойкая Зайнабъ пришла въ себя раньше всѣхъ.

— Гулюзаръ, крикнула она одной изъ прислужницъ, догоняй меня.

Дѣвушка бросилась бѣжать. Бедуинка ринулась къ двери и со всего размаха ткнулась головой въ середину дверной занавѣски. Легкій крикъ послышался изъ корридора. Зайнабъ разсчитала вѣрно; лбомъ она пребольно угодила прямо въ животъ евнуху.

Съ проклятіями, призывая всѣхъ демоновъ, злыхъ духовъ и самого шайтана, при громкомъ хохотѣ дѣвушекъ, Акъ-Маджи-бей зашлепалъ туфлями и на этотъ разъ дѣйствительно удалился на время.

— Послушайте, воскликнула Зайнабъ, когда прислужница донесла, что старшій евнухъ вышелъ изъ гарема, теперь нужно принять предосторожности. Я знаю мужчинъ; они падки до насъ, какъ мухи на медъ, и глупы. Не я буду, если завтра въ этотъ самый часъ Искандеръ не придетъ сюда подъ окошко и не станетъ дожидаться какихъ-нибудь разговоровъ. А каждый разъ это не будетъ проходить такъ счастливо, какъ сегодня.

— Такъ какъ же быть? хоромъ спросили дѣвушки.

— Вотъ какъ! Ты, Гулюзаръ, бѣги скорѣе и неси сюда оставленный Искандеромъ букетъ... А я... мнѣ все можно... я сама сегодня ему вечеромъ скажу, чтобъ онъ не ходилъ тутъ подъ окнами.

— Такъ мы его больше не увидимъ, съ сожалѣніемъ воскликнула одна изъ гоздекъ.

— Вайланамъ,—жалобно простонала другая.

Зайнабъ оглянулась и увидала, что Амдэ смотритъ на нее умоляющими глазами.

Бедуинка поняла, что ея планъ окончательнаго удаленія Искандера ни въ комъ не встрѣчаетъ сочувствія. Дѣвушка приложила руку ко лбу, подумала нѣсколько секундъ и объявила:

— Хорошо. Я скажу ему такъ. Пусть онъ каждый день черезъ часъ послѣ полуденнаго намаза становится у второй бесѣдки въ саду, и мы его будемъ видѣть съ Соколиной башни.

Громкіе крики одобренія покрыли послѣднія слова бедуинки. Въ это время Гулюзаръ вернулась съ букетомъ Искандера. Дѣвушки набросились на служанку и мигомъ расхватали цвѣты; но самый крупный, самый махровый чайный розанъ достался Дильберъ-гезъханымъ, приколовшей цвѣтокъ на грудь.

Понемногу въ комнату начало собираться остальное населеніе гарема. Пришли выспавшіяся дородныя матроны и размѣстились по диванамъ съ кальянами и чашками кофе; прибѣжали игравшіе въ отдаленныхъ покояхъ маленькіе ханскіе наслѣдники, и маленькія наслѣдницы. Опять начались разсказы, шутки, загадки, пѣсни, чтеніе священной книги корана. Акъ-Маджи-бей не явился. Послѣ выпитаго кофе и полученнаго толчка въ животъ онъ почувствовалъ себя совсѣмъ дурно и велѣлъ позвать къ себѣ придворнаго лѣкаря изъ армянъ.

Посидѣвъ нѣсколько времени, дѣвушки и молодыя женщины толпой съ хохотомъ и криками отправились купаться въ садовомъ бассейнѣ.

IV.

Съ того дня, какъ послѣ пѣнія шаиръ-баши и молодого цыгана хулъ-ага завелъ въ кофейной открыто рискованный разговоръ о поведеніи хана, Сейфиль старался не пользоваться табакомъ и кофе стараго Кечима. Толки о ханѣ, о его внезапномъ отъѣздѣ усиливались. Открыто поговаривали, что ханъ отправился въ Стамбулъ просить объ оставленіи его на престолѣ, на который великій визирь султана уже нашелъ новаго замѣстителя. Ни для кого не было тайной, что мурзы Акъ-Мечети (Симферополя) получили изъ Стамбула значительныя деньги, чтобы слѣдить за ханомъ и доносить о немъ всякую бездѣлицу султану. Между мурзами и ихъ прямымъ повелителемъ недавно произошло крупное столкновеніе и всѣ ожидали мести со стороны зазнавшихся владѣтельныхъ князей.

Толки со дня на день росли все больше и больше. Нѣкоторые изъ наиболѣе дальновидныхъ придворныхъ уже намѣревались сдѣлать визитъ ханскому брату, Калгѣ-султану, по уставу жившему въ Акъ-Мечети въ качествѣ главнаго начальника татарскихъ войскъ. Поговаривали о томъ, кто подымется и кто надетъ при новомъ властителѣ. Къ частой смѣнѣ хановъ всѣ давно привыкли и опытъ давалъ нѣкоторыя указанія насчетъ будущаго. Не занимая отвѣтственнаго положенія, Сейфиль за себя боялся менѣе другихъ. Для него было важно не постъ свой сохранить, на что онъ вполнѣ надѣялся, но при случаѣ добиться повышенія. Въ этихъ видахъ хану-агасы старался держать себя съ особенной осторожностью. Онъ не очень довѣрялъ толкамъ. Сверженный ханъ могъ вернуться, заподозрѣнный оправдаться и откупиться. У царствовавшаго же повелителя правовѣрныхъ была своя сильная партія въ Крыму. Онъ боролся съ мурзами, но дружилъ съ ногайскими хаймаками и былъ любимъ бахчисарайской чернью и духовенствомъ за щедрость. Сейфиль видѣлъ нѣсколько разъ важнаго сановника—казнедаръ-агу (министра финансовъ), и это почтенное лицо на тревожные разспросы постороннихъ отвѣчало загадочной улыбкой въ бороду. Это еще болѣе заставляло Сейфиля настораживаться.

Несмотря на общее ослабленіе служебной дисциплины, хаўагасы, на удивленіе всѣмъ, очень старательно исполнялъ свои

обязанности. Онъ почти не отлучался отъ главныхъ воротъ. Стражу Сейфиль не стѣснялъ своимъ присутствіемъ, смотря сквозь пальцы, какъ и начальникъ ея и подчиненные оставляли дворецъ почти безъ призора и цѣлые дни пропадали въ Бахчисараѣ въ различныхъ заманчивыхъ кофейняхъ. Хапу-агасы стремился только къ тому, чтобы переждать тревожное время.

Однимъ утромъ Сейфиль столкнулся съ Зайнабъ, выходившей изъ дворца на базаръ за какими то покупками. Вѣрная преданіямъ родины, бедуинка и по городу ходила безъ покрывала, что также ставилось въ вину хану, позволявшему у себя при дворѣ такія отступленія отъ приличій.

Зейнабъ хотѣла было проскользнуть въ боковыя двери, но хапу-агасы, воспользовавшись тѣмъ, что никого поблизости не находилось, преградилъ дорогу аравитянкѣ.

— Зайнабъ, обратился онъ къ дѣвушкѣ, послѣ обычнаго селяма,—долго-ли ты будешь мучить меня?

Молодая бедуинка сдѣлала недоумѣвающее лицо.

— Что тебѣ нужно отъ меня, Сейфиль?—спросила она съ видимымъ удивленіемъ.

— Я хочу, чтобъ ты для меня промѣняла свои косы на два зелифа *).

Зайнабъ засмѣялась, обнаруживъ свои крупные сплошные, какъ кипень, бѣлые зубы.

— Ты съ ума сошелъ, Сейфиль?

— Да я потерялъ умъ, увидя тебя. Зайнабъ, твоя грудь, какъ гроздья чернаго винограда!

— А твой носъ, Сейфиль, какъ терликъ (башмакъ) бахчисарайской цыганки.

Хапу-агасы покраснѣлъ. Носъ и весь полуногайскій складъ его лица были слабымъ и больнымъ мѣстомъ щепетильнаго хранителя главнаго входа.

— Ты все смѣешься надо мной, Зайнабъ,— печально произнесъ онъ.

— Подожди, буду плакать. Ты знаешь, что по обычаямъ моей страны у мужчины только одна жена, а у тебя ихъ сколько?

— Клянусь бородой пророка,— горячо отвѣчалъ Сейфиль,— у меня ни одной... онѣ мнѣ не жены... Ты будешь у меня одна... Послушай меня...

Въ это время чьи то громкіе голоса послышались въ ближайшемъ корридорѣ. Зайнабъ и Сейфиль быстро отстранились другъ отъ друга.

— Скоро въ Чуфутъ-Кале караимская свадьба,—шепнулъ на прощанье хапу-агасы,—я буду среди провожатыхъ.

— Увидимъ,—также шепотомъ проговорила Зайнабъ и поспѣшно вышла на дворъ ханскаго дворца.

Бедуинка отправлялась въ городъ по важному дѣлу. Она вызвалась сказать Искандеру, чтобы онъ не ходилъ около зеленаго павильона, а становился подальше такъ, чтобы его можно

*) Локоны, означающіе замужнюю женщину.

было видѣть со Соколиной башни, но потомъ разсудила, что личные переговоры съ красивымъ кафиромъ могутъ повлечь за собой лишніе толки и непріятности. Слово же необходимо было сдержать. Младшее населеніе гарема не давало ей покоя. Амдэ не говорила ничего, но Зайнабъ хорошо видѣла, что у юной Дильбергезъ-ханымъ поблѣднѣли щеки и губы перестали улыбаться. Бедуинка направлялась теперь въ предмѣстье Бахчисарая Салачикъ, цыганское гнѣздо, съ тѣмъ, чтобы потолковать съ цыганкой, у которой было куплено снотворное зелье, а черезъ нее переговорить съ Искандеромъ. Чтобы не возбуждать лишнихъ толковъ, выходя на улицу, Зайнабъ накинула и на голову фередже въ видѣ чадры, желая тѣмъ показать, что она недалеко идетъ отъ дома.

Салачикъ въ самомъ дѣлѣ находился недалеко отъ ханскаго жилища. И мѣсто это было хорошо знакомо бедуинкѣ. Она уже не разъ навѣдывалась въ крысьи норы обитателей Салачика съ цѣлью таинственныхъ собесѣдованій съ одной старухой, слывшей знахаркой и лѣкаркой.

Салачикъ расположился у подошвы необъятной каменной громады, изрытой во всѣхъ направленіяхъ трещинами и разсѣлинами, послѣдствіемъ давнишнихъ земныхъ переворотовъ. Было еще грязнѣе и знойнѣе въ этой котловинѣ, со всѣхъ сторонъ закрытой горами, заваленной откуда то сорвавшимися каменьями. Зайнабъ прошла вдоль ряда прижавшихся къ горѣ низенькихъ и темныхъ сакль среди сора, голыхъ, возившихся въ пыли ребятишекъ. Въ Салачикѣ жили почти исключительно цыгане-элекчи, т. е. пѣвцы и музыканты, а потому изъ мужчинъ почти никого не было видно ни на улицѣ, ни во дворахъ. Пройдя всѣ сакли, Зайнабъ поднялась по тропинкѣ на ближайшую скалу и тамъ остановилась передъ пещерой, въ которой обитала знахарка.

Въ пещерѣ все было грустно и убого. Въ углу валялась куча тряпья, постель старой цыганки, по серединѣ дымился и чадилъ кизякъ подъ закоптѣлымъ таганомъ съ какимъ то варевомъ, на стѣнахъ въ углубленіяхъ виднѣлись пучки сохнувшихъ и засохшихъ травъ. Сама хозяйка пещеры что то мурлыкала себѣ подъ носъ и плела корзину. Увидя почетную гостью, старуха быстро соскочила съ мѣста и съ низкими поклонами привѣтствовала Зайнабъ.

— Что прикажешь, ханымъ, заговорила цыганка; хорошо ли подѣйствовало мое снадобье тотъ разъ, какъ вы его у меня взяли?

— Хорошо, Акъ-Маджи-бей спалъ, только мы побоялись дать ему порошка побольше, и онъ скоро проснулся. Нужно теперь, чтобъ ты помогла намъ инымъ способомъ. Ты можешь увидѣть садовника Искандера?

— Почему же нѣтъ?

— Хорошо. Тогда ты передай ему вотъ что.

Зайнабъ разсказала подробно всѣ обстоятельства дѣла и вопросительно взглянула на старуху. Знахарка улыбалась хитро и зорко поглядывала на дѣвушку своимъ однимъ глазомъ, другой у

нея вышибли еще въ дѣтствѣ, что и заставило кривую красавицу обратиться къ изученію силъ травы и исполненію всякихъ сомнительныхъ порученій. Замужемъ сама она никогда не была, но тонкости сердечныхъ дѣлъ понимала отлично.

— А кому нуженъ Искандеръ? спросила старуха.

— Всѣмъ, смѣясь, отвѣчала Зайнабъ.

Цыганка погрозила пальцемъ бедуинкѣ и спросила:

— А Сейфиль, что же? Онъ у меня два раза былъ.

— И прекрасно, пусть придетъ еще третій.

Цыганка сокрушенно покрутила головой, но тотчасъ же накинула на плечи пеструю шаль и раньше посѣтительницы вышла изъ пещеры. Зайнабъ осталась ожидать ее въ пещерѣ. Бедуинка присѣла у входа, откинула фереджe и щурилась на солнцѣ, наслаждаясь роднымъ ей жаромъ и ослѣпительнымъ свѣтомъ. Дѣвушка раньше не задумывалась надъ своими отношеніями къ Сейфилѣ, но сегодня вспомнила о его неустанномъ ухаживаніи, выражавшемся различными способами. Нравился ли ей хану-агасы, Зайнабъ не могла дать себѣ яснаго отчета; но ее располагало къ потомку ногайцевъ постоянство и терпѣливость въ отношеніи тѣхъ многочисленныхъ насмѣшекъ, которыми щедро осыпала хранителя воротъ бедуинка. „Что-жъ,—рѣшила, наконецъ, дѣвушка,—если онъ меня дѣйствительно любитъ и поклянется передъ муллой, что кромѣ меня другихъ женъ брать не будетъ, можно за него выйти“.

Какъ и многіе другіе, Зайнабъ была убѣждена, что Сейфиль не останется навсегда въ должности главнаго привратника; для этого онъ былъ слишкомъ уменъ и дѣятеленъ; еще недавно его видѣли простымъ джигитомъ въ рядахъ ханскаго конвоя, а теперь онъ имѣетъ доступъ къ самому повелителю правовѣрныхъ, и ханъ за добрыя вѣсти подарилъ ему собственный халатъ. Толки о смѣнѣ хана доходили до гарема, но тамъ имъ не вѣрили, какъ вообще не вѣрятъ близкіе, но незначительные люди, возможно паденія ихъ господина.

V.

Старой цыганкѣ можно было довѣрить исполненіе всякаго порученія. Знахарка быстро отыскала въ саду Искандера и передала ему слова Зайнабъ. Отъ юноши цыганка принесла букетъ изъ цвѣтовъ могильницы, гіацинта, резеды и алыхъ и бѣлыхъ розъ.

Зайнабъ быстро перебрала цвѣты и разсмѣялась: могильница—означала сладостное воспоминаніе, гіацинты—добрыя пожеланія, резеда—высшую похвалу наружности, алыя и бѣлыя розы—пламень сердца.

— Джанэмъ,—вдругъ обратилась къ дѣвушкѣ старая цыганка,—Джанэмъ (душа моя), но я тебѣ должна передать и нехорошую вѣсть.

— Какую?—удивилась Зайнабъ.

— Когда я сказала, что меня прислала къ нему черная роза гарема, кіяфиръ не выказалъ особенной радости и сказалъ: „ахъ, если бы тебя прислала бѣлая лилія“. Я ему начала говорить, что нѣтъ въ ханскомъ царствѣ, нѣтъ во всѣхъ его садахъ цвѣтка

красивѣе тебя, но онъ опять вздохнулъ и отвѣтилъ: хороша роза востока, и соловей умираетъ отъ любви къ ней, но лучше ея бѣлая лилія съ небесными глазами, холодныхъ странъ; она не затуманитъ головы своимъ запахомъ, но зато заставитъ себя не забыть никогда". Джанэмъ, повѣрь старухѣ, у этого кіяфира осталась дома лилія сердца, и ты напрасно будешь тосковать о немъ, а тоска портитъ человѣка, только ангелы созданы изъ алмазовъ, а люди изъ простой глины. Лучше вспомни о Сейфилѣ.

— Должно быть, хорошій подарокъ сдѣлалъ тебѣ этотъ Сейфиль,—засмѣялась Зайнабъ, оттого онъ у тебя постоянно на умѣ, но, слышишь, ничего не говори ему про Искандера.

Бедуинка вернулась къ подругамъ съ букетомъ, спрятаннымъ подъ фередже, и въ свою очередь сообщила разсказъ и догадку цыганки.

— Ифію, ньо-ана-сикенъ, — передразнила одна изъ гоздекъ поговорку ногайцевъ,—развѣ мало въ Бахчисараѣ красивыхъ дѣвушекъ, чтобъ онъ долго помнилъ о своей лиліи и ея небесныхъ глазахъ... А если онъ тоскуетъ о бѣлой лиліи, такъ кому же тогда присланы сладостныя воспоминанія и пламень сердца?

— Никому,—откликнулась другая,—мужчина не можетъ пройти мимо женщинъ, чтобы не сдѣлать имъ любезности.

Зайнабъ засмѣялась на это замѣчаніе вмѣстѣ съ другими, но, скользнувъ нечаянно взглядомъ по лицу Дильберъ-гёзъ-ханымъ, поразилась необычайно печальнымъ его выраженіемъ. Казалось, Амдэ хотѣлось, чтобы букетъ предназначался ей...

Послѣ полудня, подруги отправились на Соколиную башню, воспользовавшись тѣмъ, что старшія расположились на отдыхъ.

Гаремный дворъ былъ со всѣхъ сторонъ огороженъ каменной стѣною. Въ разныхъ мѣстахъ его росли деревья, розовые кусты; пестрѣли яркіе цвѣтники. Туганъ-кулеси или Соколиная башня высилась посреди двора. Длинный рядъ ступеней велъ на ея вершину, гдѣ съ высоты птичьяго полета ханскія жены, дочери и прислужницы могли любоваться раскинувшимся у ихъ ногъ дворцовымъ садомъ, гаремнымъ дворомъ, цѣлымъ Бахчисараемъ съ предмѣстьями, недоступнымъ Чуфутъ-Кале и стѣснившимися вокругъ города желтыми обрывистыми скалами.

Поднявъ рѣшетки оконъ, дѣвушки и женщины радовались, какъ дѣти. Утонавшій въ садахъ городъ въ рамкѣ каменныхъ окрестныхъ громадъ казался богатымъ ковромъ съ причудливыми зелеными узорами. Горячее глубокое темно-синее небо опрокинулось надъ видимымъ горизонтомъ. Въ его голубомъ пространствѣ съ радостнымъ щебетаньемъ ныряли и рѣяли бѣлогрудыя ласточки, темныя точки какихъ-то пернатыхъ хищниковъ стояли въ синей выси. Но гаремныхъ обитательницъ недолго занимали картины природы. Вскорѣ все вниманіе ихъ сосредоточилось на той части сада, гдѣ около стекляннаго павильона съ фонтаномъ и бассейномъ долженъ былъ появиться Искандеръ.

Юноша не заставилъ себя долго ждать. Онъ пришелъ, какъ и прошлый разъ въ томъ же самомъ нарядѣ: въ голубомъ кафтанѣ, бѣлыхъ шароварахъ и красныхъ сапогахъ для того, чтобы

его можно было признать издали. На сравнительно большомъ разстояніи лицо его казалось съ Соколиной башни бѣлымъ пятномъ съ черными точками вмѣсто глазъ и рта: но и этого было довольно гаремнымъ затворницамъ. Безъ стѣсненія поднявъ рѣшетки башенной комнаты, онѣ одна за другой высовывались наружу и дѣлали садовнику различные знаки руками. Искандеръ всѣхъ привѣтствовалъ, но было одно мгновенье, когда онъ точно рванулся впередъ и протянулъ руки. Это случилось въ ту минуту, когда Амдэ вслѣдъ за подругами показалась въ окошкѣ. Дѣвушка замѣтила движеніе юноши, совпавшее съ ея появленіемъ у окна. Лицо ея внезапно покрылось густымъ румянцемъ и глаза вспыхнули. Нужно было очень острое зрѣніе, чтобы узнать кого нибудь на такомъ разстояніи, но Искандеръ узналъ Амдэ; въ томъ не оставалось сомнѣнія. Зайнабъ также замѣтила это.

— Ханымъ, шепнула бедуинка ханской дочкѣ, клянусь Аллахомъ, это для тебя былъ присланъ букетъ съ цыганкой.

Амдэ ничего не отвѣтила, но только обѣими руками крѣпко обхватила Зайнабъ за шею.

Благоразуміе требовало не злоупотреблять милостями и свободой. Дѣвушки закрыли окна и начали спускаться внизъ. Дневной жаръ сегодня умаялъ всѣхъ. Къ относительной вольности, наступившей послѣ отъѣзда хана, населеніе гарема уже привыкло. Поэтому сегодня затворницы опять разбрелись по многочисленнымъ и отдаленнымъ комнатамъ сераля по двѣ, по три, чтобы или спать, или повѣрять другъ другу свои несложныя мечты и мысли.

Незамѣтно для другихъ Зайнабъ съ Амдэ вышли въ садъ въ стеклянный павильонъ къ бассейну, гдѣ недавно стоялъ Искандеръ. Сообразно съ наставленіемъ цыганки, послѣ закрытія оконъ на Соколиной башнѣ юноша долженъ былъ немедленно уйти изъ сада, и потому дѣвушки пошли къ бассейну безъ опасеній. Войдя въ бесѣдку, Зайнабъ сѣла на софу, а Амдэ припала къ ней, охвативъ ее руками.

Въ бесѣдкѣ было тихо и прохладно. Чуть слышно журчала вода фонтана, вытекая изъ трубки въ бассейнъ; изъ чащи сада доносилось сюда стрекотаніе кузнечиковъ и жужжанье пчелъ въ густой травѣ; а отъ розъ и жасмина струился густой теплый опьяняющій ароматъ. Амдэ подъ наплывомъ какихъ-то невѣдомыхъ чувствъ, томившихъ и волновавшихъ ей грудь, прятала лицо свое въ складкахъ фередже бедуинки.

— Звѣзда очей моихъ, очарованіе взора, говорила Зайнабъ, лаская ханскую дочку, — ты думаешь о немъ и онъ думаетъ о тебѣ.... Скажи мнѣ, что у тебя въ душѣ и на сердцѣ; можетъ быть, Зайнабъ раздѣлитъ твою тоску и съумѣетъ быть чѣмъ-нибудь полезной тебѣ.

— Зайнабъ,—отвѣтила Амдэ, поднимаясь на рукахъ,—я сама не знаю, что со мной... Когда онъ на меня взглянулъ, и я увидала его глаза, взглядъ ихъ дошелъ до моего сердца; ахъ, еслибы никогда онъ не являлся передо мною!... Теперь я вижу его вездѣ, я не разстаюсь мысленно съ нимъ... Онъ околдовалъ меня,

какъ околдовалъ хана.... Зайнабъ, если отъ меня не отгонятъ колдовство, я умру, я истомлюсь.... Зайнабъ!...

Амдэ опять припала къ подругѣ. Бедуинка что-то хотѣла сказать, но въ это время снаружи послышался тихій голосъ, напѣвавшій пѣсню:

Ты вся подобна жемчужинѣ.
Я не знаю твоего имени,
Но я умру, если ты не поцѣлуешь меня!
Твои щеки, какъ бѣлая лилія,
Глаза отражаютъ небо,
А брови такъ хороши,
Что нѣтъ силъ терпѣнію...
Нѣтъ, не могу я жить,
Если ты не поцѣлуешь меня!

— Мужчина! — воскликнула Зайнабъ, — какъ онъ смѣлъ? кто это? Госпожа моя, закройся фередже, это, вѣроятно, садовникъ.

Бедуинка нагнулась къ стеклянному цвѣтному окну и въ кустахъ увидала Искандера.

— Аллахъ, — невольно вскрикнула она, — онъ не ушелъ.

Личико Амдэ тотчасъ-же выглянуло изъ-подъ фередже.

— Скорѣй, скорѣй уходи отсюда, — закричала изъ бесѣдки Зайнабъ, — здѣсь женщины.

Но Амдэ вцѣпилась въ руку бедуинки. Искандеръ стоялъ въ дверяхъ передъ ними.

— Что тебѣ нужно? — строго и торопливо спросила Зайнабъ, — иди! Впрочемъ, постой!

Но юноша и безъ того не трогался съ мѣста въ нѣмомъ восхищеніи и не спускалъ глазъ съ Амдэ. Дилоберъ-гезъ-ханымъ не поднялась съ софы; фередже ея спустилось, и съ открытымъ лицомъ дѣвушка съ какимъ-то испугомъ и страданіемъ сливалась взоромъ съ взглядомъ садовника.

— Машъ Аллахъ, — прошепталъ, наконецъ, Искандеръ, — скажи: кто ты, небесный ангелъ? пусть я услышу хоть одинъ звукъ твоего голоса и умру.

— Я дочь хана, Амдэ, чуть слышно отвѣчала дѣвушка.

Юноша быстро упалъ на колѣни и поцѣловалъ полу кафтана ханской дочери.

— Госпожа, — произнесъ онъ, — прости меня, что я осмѣлился поднять на тебя глаза. Но, награждая красотою, Аллахъ не разбираетъ ханской дочери и служанки.

— Иди, иди, — замахала руками Зайнабъ.

Послѣ ухода Искандера, Амдэ нѣсколько мгновеній сидѣла все въ томъ-же положеніи съ застывшимъ выраженіемъ страданія на лицѣ. Зайнабъ тронула ее за рукавъ, но она не пошевельнулась. Наконецъ, Амдэ очнулась.

— Ахъ, Зайнабъ, Зайнабъ, почему я такъ несчастна! — прошептала она.

— Госпожа, — отвѣчала бедуинка, — тебѣ-ли считать себя несчастной, ты хороша какъ ангелъ, ты молода, ты только что еще вступила въ жизнь... Ты выйдешь замужъ за пашу или сераскира, тебя счастье ждетъ впереди.

Вмѣсто отвѣта ханская дочь заплакала, закрывъ лицо руками.

— Госпожа, — воскликнула Зайнабъ я знаю, ты хочешь еще разъ видѣть его. Да? Если ты хочешь, я могу это устроить!

— Ты можешь?

— Могу. На этихъ дняхъ въ Чуфутъ-Кале выдаютъ замужъ дочь караимскаго газана.... Мнѣ говорилъ Сейфиль хану-агасы.... Будетъ много гостей; мы поѣдемъ вмѣстѣ смотрѣть на невѣсту. Онъ будетъ тамъ.

— А если не будетъ?

— Будетъ. Я дамъ ему знать.

— Какъ?

— Это мое дѣло.

— Ахъ, Зайнабъ, еслибъ ты знала, какъ я люблю тебя.... Ты возьми себѣ мое большое жемчужное ожерелье!

— Госпожа, будь ты сама моимъ жемчужнымъ ожерельемъ, если ты меня такъ любишь.

Амдэ бросилась къ бедуинкѣ на шею.

В. Грибовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Непризнанный король.

(*Продолженіе* [1]).

«Все, что я говорю, замѣтила съ живостью герцогиня, васъ рѣшительно не касается; я убѣждена, что вы честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, но вы заблуждаетесь, и я рѣшительно не раздѣляю вашего заблужденія».

— Наконецъ, быть можетъ, ваше высочество, замѣтилъ я,— объясните, почему вы не признаете возможнымъ согласиться на свиданіе.

«*Если я соглашусь на свиданіе*, возразила съ жаромъ герцогиня, *это будетъ имѣть видъ признанія*».

Мнѣ оставалось еще послѣднее средство.

Я сказалъ, что имѣю непремѣнный приказъ отъ имени принца заявить ея высочеству, что принцу вполнѣ извѣстны нижеслѣдующіе факты:

1) Людовикъ XVIII передъ смертью оставилъ завѣщаніе, въ которомъ предписывалъ своему наслѣднику гласно признать принца и дать ему возможность взойти на престолъ. Завѣщаніе это было разсмотрѣно, по приказанію Карла X, въ частномъ немногочисленномъ собраніи. Въ виду настояній сего совѣщанія, Карлъ X собственноручно уничтожилъ эту бумагу.

2) Принцу въ точности извѣстна секретная переписка герцога Ангулемскаго съ герцогомъ Деказомъ. Эта переписка касается всецѣло принца и чрезвычайно ему враждебна.

Герцогиня выслушала мое заявленіе внимательно съ большимъ волненіемъ. Всѣ усилія ея побороть это волненіе оказались не дѣйствительны. Герцогиня отрицая вѣрность перваго факта, промолчала однако о другомъ.

Свиданіе наше было такъ продолжительно и принцесса была такъ взволнована, что я не счелъ возможнымъ говорить

---

[1]) См. августовскую книжку.

о путешествіи г-жи Рамбо, еще менѣе просить о новомъ свиданіи.

Я рѣшилъ, что удобнѣе было отложить это до завтра.

На слѣдующій день я увидѣлъ графиню д'Агу и сообщилъ ей, что по приказанію принца въ Прагу пріѣхала г-жа Рамбо, которая должна была при свиданіи подтвердить все то, что она сообщала въ письмахъ принцессѣ.

Г-жа д'Агу обѣщала мнѣ исполнить мою просьбу, но на слѣдующій день она отвѣтила письменно, что герцогиня и на это свиданіе не согласилась. Въ письмѣ этомъ г-жа д'Агу сообщала, что герцогиня дѣйствительно знала 40 лѣтъ тому назадъ г-жу Рамбо, какъ кормилицу брата; что она не можетъ предположить, чтобы лицо почтенное по возрасту могло совершить столь утомительное путешествіе, и что она не находитъ причины ее видѣть.

За отказомъ въ свиданіи послѣдовало распоряженіе полиціи о немедленномъ выѣздѣ г-жи Рамбо изъ Праги.

Въ Прагѣ въ это время жилъ извѣстный герцогинѣ Ангулемской докторъ. Онъ сдѣлался партизаномъ принца и велъ съ нимъ переписку.

Въ одномъ изъ писемъ онъ сообщаетъ, что въ замкѣ были очень смущены предстоящимъ путешествіемъ г-жи Рамбо. На слѣдующій день, послѣ отказа герцогини въ свиданіи, къ г-жѣ Рамбо явился агентъ съ предложеніемъ выѣхать изъ австрійскихъ владѣній въ 24 часа.

Вотъ какимъ способомъ герцогиня Ангулемская отдѣлывалась отъ неудобной г-жи Рамбо! По всей вѣроятности серьезныя причины заставили её закрыть глаза передъ истиной.

Въ разговорѣ съ г. де-Сенъ-Дидье она отзывалась невѣденіемъ о покушеніи на убійство претендента, между тѣмъ она отлично знала объ этомъ происшествіи отъ виконта Состена-де-Ларошфуко, посланнаго ею съ цѣлью слѣдить за каждымъ шагомъ претендента.

Въ своихъ мемуарахъ [1]) послѣдній сообщаетъ, что 29 января ему сообщили о сдѣланномъ на личность (le personnage) претендента покушеніе на площади Каруселя въ 8 часовъ вечера.

Принцу нанесено было нѣсколько ранъ кинжаломъ, изъ коихъ одна весьма глубокая.

«Я отправился на слѣдующій день и разслѣдовалъ все

---

[1]) Memoires de Sosthene de Larochefoucauld. Paris. 1838.

это съ большимъ вниманіемъ: я увидѣлъ раны, все платье изрѣзанное и бѣлье въ крови. Рана находилась какъ разъ возлѣ сердца, а нѣсколько ниже—сильная контузія отъ серебряной медали, вдавленной и проткнутой въ нѣсколькихъ частяхъ. Она-то и отпарировала смертельный ударъ.

Въ виду настоятельной необходимости удостовѣриться въ этомъ, я послалъ искуснаго доктора, которому, къ тому-же, не была извѣстна личность раненаго.

Протоколъ о происшествіи составленъ точно. Больному сдѣлано кровопусканіе и ему лучше, но нагноеніе отъ раны больное, и ударъ, нанесенный нѣсколько ниже, былъ-бы смертеленъ».

Г-жа Рамбо со своей стороны тоже увѣдомила герцогиню объ этомъ происшествіи. Между прочимъ она писала, что обманщиковъ не убиваютъ, — ихъ судятъ.

Такъ какъ съ этой стороны не было надежды на какое либо признаніе правъ принца, то для защиты его интересовъ друзья его признали необходимымъ издавать журналъ «La Justice», о чемъ сказано выше.

Въ это время появилось въ Парижѣ новое лицо, нѣкто баронъ де-Ришмонъ, домогавшійся также права на имя Людовика XVII.

Баронъ де-Ришмонъ сталъ добывать незаконнымъ образомъ средства къ жизни, за что и былъ привлеченъ къ суду.

Въ октябрѣ 1834 года, когда въ судѣ разбиралось это дѣло, Морель-де-Сенъ-Дидье представилъ суду письмо Наундорфа въ коемъ претендентъ говоритъ:

«Процессъ барона де-Ришмонъ ничто иное, какъ уловка сдѣлать всякое домогательство на имя Людовика XVII смѣшнымъ. Лицо, которое сочиняетъ всю эту комедію, отлично знаетъ, что сынъ Людовика XVI былъ спасенъ отъ преслѣдованій дяди его, узурпатора Людовика XVIII, который имѣлъ свѣдѣнія о его существованіи и старался всѣми средствами избавиться отъ него.

Таинственному покровителю интригана Ришмонъ извѣстно также, что настоящій сынъ несчастнаго Людовика XVI снабженъ всѣми документами, удостовѣряющими его происхожденіе, и что онъ можетъ доказать до послѣдней очевидности тождество свое съ дофиномъ. Ему отлично извѣстно, что каждый разъ, когда царственный сирота добивался признанія со стороны семейства, ему противопоставляли новаго Людовика XVII, подобнаго тому, котораго вы въ настоящее время судите.

Цѣлью этой интриги было заглушить голосъ настоящаго сына Людовика XVI: съ этою цѣлью и были выдвинуты на сцену въ разное время самозванцы Герваго и Матюренъ Брюно (Hervagault и Mathurin Bruneau).

Необходимо упомянуть, г.г. присяжные, что означенный Ришмонъ присвоилъ себѣ титулъ герцога Нормандійскаго только тогда, когда появилось въ нѣмецкихъ и французскихъ изданіяхъ сообщеніе о предположеніи проживающаго въ Кроссенѣ (Силезіи) сына Людовика XVI опубликовать исторію своихъ несчастій.

Знайте-же, г.г. присяжные и вы, французы, у которыхъ сохранились чувства чести и справедливости, что сынъ вашего несчастнаго короля Людовика XVI существуетъ, что провидѣніе его сохранило для обнаруженія происковъ лицъ, старавшихся погубить его кинжаломъ, какъ это и доказываетъ рана на тѣлѣ.

Да, французы, Людовикъ XVII существуетъ и, разсчитывая на живое участіе, съ какимъ нація не переставала относиться къ сыну несчастнѣйшаго изъ вашихъ королей, онъ добьется признанія принадлежащаго ему имени, этой священной собственности, которую онъ получилъ при рожденіи и которую никто не въ состояніи будетъ у него оспаривать, въ виду тѣхъ неоспоримыхъ документовъ и доказательствъ, какія онъ можетъ представить.

Карлъ-Людовикъ, герцогъ
Нормандійскій.

Парижъ, 28 октября 1834 г.»

Образъ дѣйствій претендента болѣе и болѣе безпокоилъ герцогиню Ангулемскую. Желая имѣть точныя свѣдѣнія о немъ, она, какъ мы видѣли раньше, предложила виконту де-Ларошфуко слѣдить за каждымъ шагомъ Наундорфа.

Выше мы сообщили свѣдѣнія, сообщенныя виконтомъ о покушеніи на жизнь претендента. Весьма интересными являются дальнѣйшія сообщенія виконта о своихъ переговорахъ съ претендентомъ.

«Я очутился, говоритъ виконтъ, въ обществѣ человѣка, имѣющаго нѣкоторое сходство съ извѣстными портретами Людовика XVI, а также съ чертами другихъ членовъ дома Бурбоновъ. Онъ былъ предувѣдомленъ о моемъ визитѣ.

«Мнѣ неизвѣстно, сказалъ я, съ кѣмъ я имѣю честь бесѣдовать, и я могу имѣть къ вамъ только уваженіе, которое чувствую ко всякому вообще несчастью. Жизнь моя посвящена

принципу легитимизма, и я счелъ-бы себя столь-же виновнымъ въ принятіи недоказаннаго предположенія, какъ и въ легкомысленномъ недовѣріи. Пока вы мнѣ не докажете правдивости всѣхъ фактовъ, васъ касающихся, столь же ясно, какъ существованіе Бога, я остаюсь безусловно вѣренъ Генриху V. Я считаю васъ (je vous suppose) достойнымъ моего уваженія и полагаю заслужить и ваше подобнымъ же образомъ мыслей. Мнѣ рѣшительно безразлично, какое впечатлѣніе произведу я на васъ настоящими словами. Я въ вашемъ распоряженіи, милостивый государь, не для того, чтобы содѣйствовать интересамъ Людовика XVII, существованіе котораго въ моихъ глазахъ весьма сомнительно, но единственно для того, чтобы облегчить вамъ способы доказать вашу тождественность съ этимъ лицомъ».

Я замолчалъ и сталъ холодно его наблюдать. Повторяю, онъ былъ спокоенъ безъ аффектаціи. Онъ воодушевился въ разговорѣ. Хотя онъ хорошо говоритъ по французски, но въ рѣчи его слышенъ иностранный акцентъ.

Сжавъ мнѣ крѣпко руку, онъ сказалъ: «Ваши слова, г. виконтъ, я уважаю. . . . .
. . . .

Я столько разъ былъ недостойно обманутъ, что сдѣлался поневолѣ недовѣрчивъ, но не съ вами. Настало время, когда Промыслъ Божій долженъ осуществиться. Я жертва самыхъ ужасныхъ преслѣдованій, въ особенности со стороны моего семейства. Одинъ герцогъ Беррійскій хотѣлъ меня признать; онъ былъ убитъ. Моя несчастная сестра недостойно обманута, я хочу ее просвѣтить. Я желаю спасти честь нашего семейства.

Теперь я добиваюсь своего имени и фамиліи. Я желаю этого какой-бы то ни было цѣною. Я утверждаю, что сестра моя въ теченіи 10 минутъ свиданія со мною признаетъ меня за брата.

Я предлагаю ей свиданье, я требую его, вотъ вамъ письмо къ ней. Пусть она отправится въ Дрезденъ подъ какимъ нибудь предлогомъ: это легко сдѣлать. Но если она, подъ вліяніемъ злонамѣренныхъ совѣтовъ, откажетъ мнѣ въ свиданіи, мое рѣшеніе неизмѣнно. Горе моей семьѣ, горе всѣмъ, меня погубившимъ!

Всѣ эти несправедливости будутъ раскрыты. Существованіе мое извѣстно всѣмъ государямъ; у меня въ рукахъ достаточно доказательствъ, чтобы быть признаннымъ. Я самъ отдаюсь

въ руки правосудія, требуя возстановленія имени, въ которомъ они не могутъ мнѣ отказать. Богъ поможетъ въ остальномъ!

Развѣ это, милостивый государь, образъ дѣйствій самозванца? Въ противномъ случаѣ я готовъ кончить жизнь въ тюрьмѣ.

Да, г. виконтъ, промолвилъ онъ, плача, да, я дѣйствительно сынъ несчастнаго Людовика XVI, и недалеко время, когда это будетъ доказано. Возьмите эту тетрадь, это разсказъ о моей несчастной жизни. Я довѣряю ее вашей честности. Разсказъ мой обнаружитъ ужасныя вещи.

Я прощаю, но я желаю своего имени, часъ правосудія насталъ. Я васъ увижу черезъ три дня».

Я былъ, добавляетъ Ларошфуко, окончательно сбитъ съ толку разсказомъ этого человѣка, который говорилъ свободно о семьѣ Бурбоновъ, какъ о своей; называлъ герцогиню Ангулемскую своею сестрою и т. д.

И тѣмъ не менѣе долженъ засвидѣтельствовать, ни въ тонѣ его рѣчей, ни въ манерахъ, ничто не наводило на мысль о самозванствѣ или мошенничествѣ. И если это мономанія, idée fixe, врожденная или внушенная, то она настолько разсудительна, что понемногу самъ начинаешь убѣждаться въ ея правдивости.

Весь этотъ разговоръ продолжался полтора часа. Я взялъ тетрадь и сказалъ: я прочту все это со вниманіемъ, но этотъ разсказъ еще не доказательство, а доказательствъ нужно много.

«Недостатка въ нихъ не будетъ, я ихъ представлю въ свое время».

На этомъ мы разстались.

Я его еще разъ видѣлъ, и впечатлѣніе было точно такое-же, какъ и въ первый разъ.

«Ваше высочество, продолжаетъ виконтъ, получили разсказъ этотъ и письмо отъ него отъ 2-го ноября. Разсказъ его настолько неправдоподобенъ, что любой романъ былъ бы ближе къ дѣйствительности.

Какого мнѣнія ваше высочество относительно предложенія, сдѣланнаго въ настоящемъ письмѣ? Согласиться на тайное свиданье съ означеннымъ лицомъ,—значитъ дать ему возможность выдумывать и распространять потомъ все, что ему вздумается, что въ свою очередь придастъ болѣе серьезности толкамъ.

Отказъ въ свиданіи и въ разсмотрѣніи тѣхъ доказательствъ, которыми онъ, якобы, располагаетъ, несомнѣнно, можетъ его раздражить и вынудить обратиться къ суду, рѣшеніе котораго,

конечно, будетъ не въ его пользу, но шагъ этотъ, какъ бы то ни было, будетъ при настоящихъ обстоятельствахъ имѣть неблагопріятныя послѣдствія. Высокая житейская опытность вашего высочества, руководимая сердцемъ и разумомъ, рѣшитъ этотъ вопросъ.

Что же касается моего вмѣшательства въ эту странную исторію, то мнѣ представляется необходимымъ, до полученія инструкцій отъ вашего высочества, совершенно удалиться отъ этого лица. Тѣмъ не менѣе, я буду поставленъ въ извѣстность о его предположеніяхъ и дѣйствіяхъ, наконецъ, о его положеніи, которое, я всегда это скажу, внушаетъ интересъ».

Адельбертъ Бурбонъ-Наундорфъ.

Свиданіе не состоялось, несмотря на письмо г-жи Рамбо, на путешествіе въ Прагу Мореля де-Сенъ-Дидье. Герцогиня Ангулемская упорно отказала въ этомъ претенденту, утверждая, что ей самымъ достовѣрнымъ образомъ извѣстна смерть Людовика XVII въ Тамплѣ.

Между тѣмъ странное и необъяснимое покушеніе на жизнь претендента 28-го января 1834 года въ Парижѣ заставило защитниковъ его снова добиваться какого либо соглашенія по этому дѣлу. Главный аргументъ справедливости притязаній Наундорфа, по увѣреніямъ его сторонниковъ—это знаки на тѣлѣ, о которыхъ писала еще ранѣе г-жа Рамбо. Докторъ Жанруа (Jeanroy), призванный къ вскрытію тѣла ребенка, умершаго въ Тамплѣ 8-го іюня 1795 г., и непризнавшій въ немъ дофина, утверждалъ, что принца можно всегда узнать по знаку на ногѣ въ видѣ голубя съ раскрытыми крыльями и головою внизъ.

Означенный знакъ былъ также найденъ на тѣлѣ претен-

дента, какъ сообщаетъ объ этомъ г. Морель де-Сенъ-Дидье [2]). Въ письмѣ отъ 11 февраля 1834 года виконтъ де-Ларошфуко продолжалъ увѣдомлять герцогиню о всемъ происходящемъ въ Парижѣ.

„Дѣло, о которомъ я доставляю свѣдѣнія вашему высочеству, съ каждымъ днемъ дѣлается болѣе и болѣе серьезнымъ. Я употреблю всѣ усилія раскрыть истину. Этимъ ограничивается моя миссія. Я долженъ прибавить безпристрастно, что чѣмъ болѣе наблюдаешь за претендентомъ, тѣмъ болѣе находишь въ немъ сходство съ королевскою фамиліею и во многомъ печать истины. Только по воспоминаніямъ и свидѣтельствамъ ваше высочество можете рѣшить этотъ вопросъ.

Лицо, именующее себя Людовикомъ XVII, возмущенное отказомъ въ свиданіи, желало обратиться немедленно въ судъ и добиться признанія за нимъ имени, въ которомъ ему не откажутъ, если, какъ онъ утверждаетъ, у него находятся неопровержимыя доказательства.

По моему мнѣнію, желательно избѣгнуть этого шага.

Я добился отсрочки съ трудомъ еще на одинъ мѣсяцъ со дня отправки сего письма.

По истеченіи этого срока никакихъ колебаній не будетъ».

---

[2]) Въ брошюрѣ редактора Revue Contemporaine A. Lepingleur Deshayes: „Le secret d'Henri V. Naundorff etait Louis XVII“, сообщаются свѣдѣнія о состоявшемся, будто бы, въ 1844 году свиданіи герцогини съ Наундорфомъ.

Встрѣча произошла у одной знакомой герцогини, причемъ Наундорфъ не зналъ, что съ нимъ бесѣдуетъ герцогиня, явившаяся на свиданіе. „Да, сказалъ онъ ей, я герцогъ Нормандійскій, Людовикъ XVII, и могу утвердительно сказать, что доказалъ-бы своей сестрѣ, герцогинѣ Ангулемской, что я дѣйствительно ея братъ“.

— Но, отвѣтила герцогиня въ волненіи, всѣ доказательства ваши представлены публикѣ, и если бы ваша сестра могла васъ признать, она давно бы это сдѣлала.

„Нѣтъ, я еще не все сказалъ, и если вы интересуетесь моей судьбою, я вамъ скажу, какое неоспоримое доказательство я могу представить. У меня на груди пятно въ видѣ земляники. Это уже особенный знакъ. Кромѣ того еще два другихъ знака: первый—отъ привитія оспы, особенной формы. Вамъ быть можетъ извѣстно, что королевскимъ дѣтямъ оспа прививалась особымъ инструментомъ. Герцогиня, моя сестра имѣетъ такой-же знакъ.“

Волненіе послѣдней все болѣе и болѣе возрастало.

„Мой разсказъ, продолжалъ Наундорфъ, васъ интересуетъ, а между тѣмъ вы мнѣ чужая. Насколько заинтересовалась-бы моя сестра, которой извѣстно все это. Второй знакъ у меня такого вида, что никто не въ состояніи его поддѣлать. У меня на ногѣ изображенъ голубь. Знакъ этотъ былъ извѣстенъ при дворѣ отца моего Людовика XVI подъ именемъ знака „Святаго Духа“.

При этихъ словахъ герцогиня упала въ обморокъ. Дамы, ее сопровождавшія, объяснили Наундорфу, что его разсказъ произвелъ столь сильное впечатлѣніе на герцогиню, что она лишилась чувствъ.

Какъ только онъ вышелъ, онѣ начали приводить герцогиню въ чувство и разстегнули для этого корсетъ. Желая возстановить циркуляцію крови, онѣ стали растирать ея руку и дѣйствительно нашли точно такой-же знакъ, о которомъ говорилъ Наундорфъ.

А герцогиня, въ припадкѣ отчаянія, рвала на себѣ волосы и кричала: „C'est mon frére! Ah, la raison d'etat! La raison d'etat.“

---

22 марта виконтъ де-Ларошфуко свидѣлся съ претендентомъ. Послѣдній былъ внѣ себя отъ неполученія отвѣта изъ Праги.

Герцогиня, между тѣмъ, писала одной дамѣ, что все прочитанное ею не убѣждаетъ ее въ существованіи дофина. Если претендентъ имѣетъ доказательства, пусть обратится къ маркизу Пасторэ (Pastoret), который ему сообщитъ о результатѣ переговоровъ. Тогда только она дастъ согласіе на свиданіе, или откажетъ въ немъ. Угроза-же обратиться къ суду на нее не подѣйствуетъ и ни въ чемъ не измѣнитъ ея рѣшенія.

Виконтъ Ларошфуко говорилъ о претендентѣ съ г. Жанвье, адвокатомъ. Послѣдній пожелалъ видѣть претендента, причемъ свиданіе состоялось въ присутствіи виконта.

Въ теченіи 3 часовъ Жанвье допрашивалъ претендента.

„Человѣкъ этотъ, сказалъ потомъ Жанвье, ставитъ меня въ невозможное положеніе. Безъ сомнѣнія, въ его жизни есть нѣчто необъяснимое. Онъ не производитъ впечатлѣніе самозванца или сумасшедшаго. Его увѣренность меня поражаетъ. А между тѣмъ онъ говоритъ о невозможныхъ вещахъ. Подождемъ его мемуаровъ».

Мемуары претендента, по мнѣнію Жанвье,—это собраніе самыхъ невѣроятныхъ событій.

«Я сообщилъ мнѣніе г. Жанвье о его мемуарахъ претенденту, думая этимъ его смутить. Претендентъ, напротивъ, спокойно отвѣтилъ, что въ рукахъ прусскаго правительства находятся доказательства его идентичности, что онъ ничего не боится и что въ четверть часа герцогиня Ангулемская его признаетъ за брата.

Въ 1836 году претендентъ, по возвращеніи своемъ изъ Швейцаріи отъ одного изъ своихъ приверженцевъ г. Bremond, увидѣлъ, что переговоры съ дворомъ въ Прагѣ ни къ чему не приведутъ. Въ виду этого, онъ, наконецъ, рѣшился обратиться въ судъ.

Адвокаты де-Жоли, Бурбонъ-Лебланъ, Брике и де-ла-Барръ 13 іюня того-же года подали прошеніе въ судъ отъ имени Карла-Вильгельма Наундорфа, «принятаго въ число гражданъ по личному приказу прусскаго короля и освобожденнаго отъ необходимости предъявить требуемые въ подобныхъ случаяхъ по закону документы, въ дѣйствительности-же Людовика-Карла герцога Нормандійскаго, родившагося въ Версалѣ 27 марта 1785 года отъ Людовика XVI, короля Франціи и Наварры, и Маріи-Антуанеты».

Вызвана была къ суду герцогиня Ангулемская, мужъ ея

Антуанъ-Людовикъ и Карлъ Филиппъ, графъ Артуа, братъ короля Людовика XVI. (Карлъ X).

Но мѣры предосторожности уже были приняты.

15 іюня, два дня спустя послѣ подачи прошенія въ судъ, полиція произвела внезапный обыскъ у г-жи Рамбо въ улицѣ Ришеръ, гдѣ жилъ претендентъ. 5 комиссаровъ заявили ему, что у нихъ есть приказъ арестовать его и секвестровать всѣ находящіяся у него бумаги. Грюо де-ла-Барръ съ братомъ и г. Морель-де-Сенъ-Дидье поспѣшили явиться къ претенденту, но уже было поздно. У Наундорфа забрали около 200 разныхъ документовъ, которые, конечно, никогда не были ему возвращены. На вопросъ Грюо комиссару, въ чемъ-же обвиняется Наундорфъ, комиссаръ отвѣтилъ: «вина его въ томъ, что онъ иностранецъ».

Два агента сѣли съ претендентомъ и Грюо-де-ла-Барръ въ карету и отвезли его въ тюрьму. Грюо немедленно отправился къ префекту Жиске (Gisquet) съ маркизомъ де-ла-Феррьеръ и г. Брикс, и настаивалъ на освобожденіи принца, такъ какъ по законамъ, будь онъ французъ или иностранецъ,— его личность неприкосновенна, тѣмъ болѣе, что онъ въ настоящее время самъ обратился въ судъ.

Префектъ полиціи заявилъ, что претендентъ, находясь подъ особымъ присмотромъ, ни въ чемъ предосудительномъ не былъ замѣченъ, и что Грюо остается обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго эта мѣра исходитъ, и что у него есть приказъ—выслать претендента въ 24 часа изъ Парижа.

Грюо не добился свиданія съ министромъ.

Тогда друзья претендента обратились съ петиціями къ министрамъ, королю и королевѣ [3]).

Довѣритель, какъ сказано въ петиціи, постоянно заявлялъ, что онъ по происхожденію французъ. Поэтому административная власть не компетентна въ разрѣшеніи вопроса о національности его, тѣмъ болѣе, что онъ ждетъ разрѣшенія этого вопроса отъ суда, къ которому обратился.

Если судъ удовлетворитъ его просьбу, то станетъ очевидно, что администрація самоуправно дѣйствовала противъ французскаго гражданина.

Въ виду этого просители ходатайствуютъ объ освобожденіи Наундорфа и возвращеніи ему его бумагъ.

---

[3]) Слѣдуетъ припомнить, что моментъ, выбранный Наундорфомъ для заявленія его требованій, былъ особенно неблагопріятенъ: во Франціи была возстановлена королевская власть и на престолѣ былъ Людовикъ XVIII, который, при признаніи правъ Наундорфа, являлся узурпаторомъ.

Министру внутреннихъ дѣлъ они писали, что протестуютъ противъ мѣры, принятой правительствомъ по отношенію къ ихъ клієнту. Правительство, по ихъ мнѣнію, не можетъ, не нарушая хартіи 1830 года, отказать ихъ кліенту въ судѣ. Поэтому до рѣшенія суда, котораго онъ добивается, онъ не удалится добровольно изъ своего отечества и не согласится носить другое имя, какъ то, которое ему принадлежитъ.

Наконецъ Кремье, адвокатъ, обратился къ королю съ энергичной просьбою о томъ-же.

Марія-Терезія Бурбонъ-Наундорфъ.

14 іюля, несмотря на пламенную и краснорѣчивую защиту Кремье, громко заявившаго въ государственномъ совѣтѣ (Conseil d'Etat), что лишеніе свободы и изгнаніе подсудимаго — мѣры нелегальныя, король, принявъ во вниманіе, что распоряженія и постановленія, противъ которыхъ протестуетъ проситель, всецѣло относятся къ области мѣръ, принимаемыхъ высшею полиціею королевства и не могутъ быть обсуждаемы въ государственномъ совѣтѣ путемъ спора (et ne peuvent dès lors nous être deférés en notre Conseil d'Etat par la voie contentieuse) постановилъ:

1) Прошеніе г. Наундорфа оставить безъ послѣдствій.

2) Хранитель печати, министръ юстиціи и министръ внутреннихъ дѣлъ уполномочены привести въ исполненіе это постановленіе.

---

16 августа послѣдовала высылка Наундорфа изъ предѣловъ Франціи. Сопровождали претендента графъ Грюо де-ла-Барръ и маркизъ де-ла-Феррьеръ.

Претендентъ, надѣясь все-таки вести свой процессъ противъ герцогини Ангулемской, напечаталъ въ Лондонѣ исторію своей жизни подъ заглавіемъ: «Abrégé de l'histoire des infortunes du Dauphin».

250 экземпляровъ этого изданія были посланы во Францію, но полиція Луи-Филиппа не дремала и арестовала два ящика съ этимъ изданіемъ въ предупрежденіе распространенія его въ публикѣ. Желая ослабить значеніе несправедливой мѣры, выразившейся изгнаніемъ Наундорфа изъ предѣловъ Франціи, правительство Луи-Филиппа возбудило противъ него судебное преслѣдованіе по обвиненію въ мошенничествѣ. Въ качествѣ свидѣтеля былъ привлеченъ другъ претендента г. Бремондъ, который на судѣ въ Веве (въ Швейцаріи) 1 ноября 1837 года заявилъ, что онъ признаетъ Наундорфа Людовикомъ XVII.

«Людовикъ XVIII, заявилъ Бремондъ, оставилъ написанное имъ собственноручно письмо, въ коемъ разсказалъ жизнь своего племянника герцога Нормандійскаго, причемъ вмѣнилъ въ обязанность брату своему графу д'Артуа признать его и провозгласить королемъ Франціи.

Эта чрезвычайно важная бумага была спрятана въ ящичкѣ въ кабинетѣ короля. Я занимался тогда вопросомъ о Людовикѣ XVII и черезъ одну приближенную къ королю особу могъ бы получить на 24 часа этотъ ящикъ съ бумагами, при внесеніи залога въ 100.000 франковъ. Особа эта говорила съ графомъ д'Артуа, который согласился на это подъ условіемъ представить всю эту комбинацію на разсмотрѣніе одного сановника, пользующагося его довѣріемъ, которому, съ его согласія, будетъ переданъ этотъ ящикъ съ бумагами.

Сановникъ отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ.

Въ 1824 году та-же особа, предвидя близкую кончину Людовика XVIII, сдѣлала визитъ г. Франше (Franchet, нотаріусъ), разсказала ему исторію съ ящикомъ и пригласила его удостовѣриться, дѣйствительно-ли ящикъ въ цѣлости и довести объ этомъ до свѣдѣнія наслѣдника престола.

Въ моментъ смерти короля ящикъ этотъ въ цѣлости былъ переданъ г. де-Виллель (M. de-Villèle) и двумъ другимъ министрамъ.

Насколько намъ извѣстно, означенныя лица пришли къ признанію необходимости провозгласить королемъ герцога Нормандійскаго, но при этомъ сочли нужнымъ переговорить съ кардиналомъ де-Латиль (de-Latil), который считалъ весь разсказъ Людовика XVIII баснею и рѣшилъ, что графъ д'Артуа долженъ быть немедленно провозглашенъ королемъ подъ именемъ Карла X.

По разсмотрѣніи этого дѣла Карлъ X убѣдился въ истинѣ,

но имѣлъ слабость увлечься ложными династическими интересами и былъ коронованъ».

Бремондъ кончаетъ свое заявленіе, утверждая, что существованіе дофина—историческій фактъ, и что всѣ государства Европы имѣютъ въ своихъ архивахъ свѣдѣнія объ этомъ.

Въ другихъ письмахъ онъ сообщаетъ, что, по признаніи принца, онъ вмѣстѣ съ сестрою является собственникомъ родового имущества. Въ 1820 году въ заграничныхъ банкахъ хранилось отъ 7 до 8 милліоновъ, происхожденіе которыхъ ему отлично извѣстно. Субсидія, выдаваемая Россіею, Австріею и Пруссіею семейству Бурбоновъ, ничто иное, какъ проценты съ капитала, который долженъ быть уплаченъ этими государствами.

21 февраля 1837 года Бремондъ писалъ претенденту:

«Въ 1815 году капиталъ, врученный Блака (Blacas) моимъ другомъ Монсіель, равнялся 307 милліонамъ, приносившимъ около 9 милліоновъ ренты. Въ прошломъ году я узналъ отъ одного изъ приближенныхъ лицъ герцогини Беррійской, что ваша августѣйшая сестра хлопотала при содѣйствіи двухъ великихъ сѣверныхъ державъ о возведеніи на престолъ своего мужа и что въ ея распоряженіи находилось около 14 милліоновъ. Я ему отвѣтилъ, что это только проценты съ капитала, который вамъ принадлежитъ. Онъ покраснѣлъ и сталъ увѣрять, что герцогиня Ангулемская не пожертвовала-бы и 5 франковъ въ пользу экспедиціи герцогини Беррійской».

Бремондъ добивался всѣми силами собрать семейный совѣтъ, который разсмотрѣлъ бы дѣло претендента, при чемъ убѣждалъ барона де-Шареть (baron de-Charette), племянника знаменитаго вандейскаго вождя, принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Послѣдній отказался, ссылаясь на то, что для признанія Наундорфа ему необходимо имѣть разрѣшеніе папы и герцогини Ангулемской, тогда какъ, по его словамъ, «первый обязанъ по своему положенію хранить молчаніе, а вторая слѣдуетъ въ этомъ дѣлѣ внушеніямъ своего честолюбія и держится опредѣленнаго взгляда по вопросу о существованіи ея брата».

Претендентъ надѣялся, что ему удастся добиться правосудія и предстать передъ судьями. 10 января 1837 года онъ послалъ петицію въ палату депутатовъ и въ палату перовъ, но безъ результата, такъ какъ обѣ палаты не нашли нужнымъ обратить на это дѣло вниманіе. Ни одинъ голосъ не поднялся въ защиту незаконно изгнаннаго.

Какъ только составилась новая палата депутатовъ послѣ избирательнаго періода, претендентъ, 21 января 1838 года, подалъ новую петицію о своемъ дѣлѣ. Въ ней онъ весьма горячо описываетъ свои несчастія, протестуетъ противъ возмутительнаго насилія власти и добивается, какъ милости, суда.

«. . . . . . Какъ оправдать возмутительное насиліе, заявляетъ онъ, препятствующее разсмотрѣнію моего процесса!

Какъ на оправданіе этого насилія министерство указываетъ на то, что я прусскаго происхожденія, но это заявленіе неудачно, такъ какъ никакой законъ во Франціи не разрѣшаетъ такого насилія надъ иностранцемъ.

Предположеніе о моемъ происхожденіи опровергнуто правительствомъ того государства, къ которому я, будто-бы, принадлежу. Во время моего ареста послѣднее сообщило французскому правительству, что я по происхожденію не прусскій подданный.

Это предположеніе лишено всякаго основанія, въ виду подачи мною прошенія въ судъ о возстановленіи принадлежащаго мнѣ имени и гражданскихъ правъ въ качествѣ француза, родившагося въ Версалѣ 27 марта 1785 года......

До этого момента одинъ лишь гражданскій судъ, компетентный въ этомъ, можетъ разрѣшить вопросъ о достовѣрности акта о смерти 8 іюня 1795 года».

25 копій этого заявленія были посланы въ Парижъ на имя каждаго депутата, но на границѣ были задержаны.

Газета «Courrier anglais» отъ 30 марта 1838 года, сообщая объ этомъ фактѣ, проиизируетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Французская нація имѣетъ право гордиться своими конституціонными порядками.

Этою мѣрою и другими насильственными распоряженіями противъ августѣйшаго просителя Луи-Филиппъ несомнѣнно доказалъ свое убѣжденіе въ томъ, что проситель дѣйствительно сынъ Людовика XVI и Маріи-Антуанеты».

Въ то время, когда событія эти происходили въ Парижѣ, племянница г-жи Рамбо г-жа де-Женересъ (Génerès) отправилась, какъ уже было сказано выше, въ январѣ 1834 года въ Кроссенъ для оказанія матеріальной помощи семейству Наундорфа, въ которой оно такъ нуждалось.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того-же года семейство претендента переѣхало въ Дрезденъ. На сходство членовъ семьи съ Бурбонами было обращено особое вниманіе. Дочь претендента Амели своими чертами живо напоминала королеву Марію-Антуанету. Старый эмигрантъ Романъ (Roman), который, по просьбѣ г-жи Женересъ, давалъ уроки французскаго языка дѣтямъ Наундорфа, былъ пораженъ этимъ сходствомъ. «Эта особа не нѣмка, она скрываетъ свое происхожденіе—это живой портретъ Маріи-Антуанеты», говорилъ онъ.

Въ августѣ претендентъ вернулся изъ Парижа и провелъ нѣсколько недѣль вмѣстѣ со своимъ семействомъ.

Дрезденское общество интересовалось семействомъ претендента, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстнымъ изгнаніе его изъ Франціи. И въ Дрезденѣ у претендента явилось нѣсколько приверженцевъ, напримѣръ принцъ Іоаннъ Саксонскій, графиня Шуазель Гуффье, г. Форестъ (Forest), баронъ Габленцъ, военный комендантъ гор. Дрездена и проч.

Извѣстный докторъ Шевалье Жанъ-де-Каро (Jean de-Caro), пользовавшійся большимъ почетомъ и имѣвшій сношенія со многими высокопоставленными лицами Европы, также познакомился съ семействомъ претендента. Не занимаясь политикою, онъ имѣлъ полную возможность безпристрастно изучить вопросъ о Людовикѣ XVII. Впослѣдствіи онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ рьяныхъ приверженцевъ претендента.

Въ своемъ сочиненіи «Mes relations avec Louis XVII» Каро сообщаетъ, что изумительное сходство дѣтей Наундорфа съ Бурбонами не ускользнуло отъ его наблюденій.

Въ семействѣ претендента хранилось нѣсколько портретовъ королевы Маріи-Антуанеты въ молодости, удивительно схожихъ съ дочерью претендента Амели.

Старшій сынъ Эдуардъ очень былъ похожъ на герцога Беррійскаго.

Герцогиня Ангулемская въ 1836 году лѣчилась у Каро въ Карлсбадѣ. Вѣки герцогини отличались необыкновенно краснымъ цвѣтомъ, какъ говорили, отъ слезъ, пролитыхъ въ молодости въ заключеніи. Между тѣмъ, по наблюденіямъ Каро оказалось, что вѣки были краснаго цвѣта отъ природы. Дочь Наундорфа Амели имѣла такія-же вѣки.

Во время своего пребыванія въ Дрезденѣ Шевалье-де-Каро часто видѣлся съ графомъ и графинею де-Шуазель-Гуффье, которые живо интересовались семействомъ Наундорфа. Графиня была поражена сходствомъ дѣтей его съ Бурбонами. Особенно

поразилъ ее одинъ изъ сыновей претендента, у котораго былъ характерный взглядъ Людовика XVIII.

Симпатіи, которыми въ Дрезденѣ пользовалось семейство Наундорфа, не понравились французскому правительству, которое всячески добивалось удаленія его изъ этого города. Но такъ какъ семейство это нельзя было ни въ чемъ предосудительномъ упрекнуть, то саксонское правительство отвѣтило, что въ пользованіи привилегіями Наундорфамъ, какъ иностранцамъ, нельзя отказать.

Тогда Пруссія возымѣла странную мысль потребовать выдачи жены и дѣтей Наундорфа, какъ прусскихъ подданныхъ, совершенно упустивъ изъ виду, что послѣ изгнанія Наундорфа изъ Франціи, она не пожелала его принять, какъ своего подданнаго, мотивируя этотъ отказъ именно его иностраннымъ происхожденіемъ.

Тѣмъ не менѣе, въ виду давленія со стороны Франціи, саксонское правительство вынуждено было предложить семейству Наундорфа выѣхать изъ предѣловъ Саксоніи.

Послѣднее поселилось у г. Бремондъ въ Швейцаріи въ замкѣ Гранкло (Grandclos).

Проживъ тамъ около года, семейство Наундорфа въ ноябрѣ 1838 г. переѣхало въ Лондонъ, гдѣ Наундорфъ и прожилъ до 1845 г.

Не успѣла семья Наундорфа поселиться вмѣстѣ, какъ 16 ноября 1838 года послѣдовало новое покушеніе на жизнь претендента.

Вечеромъ того числа Наундорфъ, прогуливаясь въ саду, прилегающемъ къ занимаемому имъ дому, встрѣтился съ неизвѣстнымъ лицомъ, которое выстрѣломъ въ него изъ пистолета два раза въ упоръ ранило его и скрылось. Графъ Грюо-де-ла-Барръ и г. Лапрадъ, услышавъ выстрѣлъ, выбѣжали изъ дома и нашли претендента въ саду на землѣ тяжело раненаго и съ обожженнымъ платьемъ.

По заявленію врача Брювнъ (Brown), однимъ выстрѣломъ претендентъ раненъ въ верхнюю часть лѣвой руки, другимъ— недалеко отъ сердца.

Розысканный убійца, нѣкто Дезире-Руссель, неоднократно являлся въ квартиру претендента и добивался свиданія съ нимъ, но по случайнымъ причинамъ не былъ принятъ. Судъ присудилъ его къ наказанію, но, по личной просьбѣ претендента, Руссель былъ освобожденъ.

Это прискорбное событіе подало поводъ барону Капелль (Capelle), послѣднему министру Карла X, распространять вездѣ слухи, что означенное покушеніе на убійство—не что иное, какъ комедія, такъ какъ самозванецъ или, по его просьбѣ, одинъ изъ его друзей выстрѣлилъ въ него для возбужденія большаго интереса къ его личности.

26 апрѣля 1840 года послѣдовало рожденіе Адельберта, записаннаго въ метрической книгѣ подъ именемъ Бурбона.

Марія-Терезія Бурбонъ-Наундорфъ (въ мужск. придвор. костюмѣ типъ Бурбоновъ).

Спустя нѣкоторое время послѣ описаннаго инцидента, Наундорфъ привлекъ къ суду за диффамацію редактора газеты «Capitole».

Дѣло это заключалось въ нижеслѣдующемъ:

Въ 1839 году въ іюлѣ возбужденъ былъ процессъ противъ Наундорфа за изданіе брошюры «La doctrine céleste» [4]). Хотя сочиненіе это было противно принципамъ и догматамъ католицизма, тѣмъ не менѣе авторъ имѣлъ неоспоримое право его публиковать, такъ какъ по хартіи 1830 года всѣ вѣроисповѣданія были сравнены между собою. Несмотря на это правительство Людовика-Филиппа [5]) не постѣснялось конфисковать, до появленія въ печати, это произведеніе. Этимъ правительство воспользовалось для разсылки циркуляра отъ имени министерства внутреннихъ дѣлъ на имя одного изъ приверженцевъ Ришмона, Моренъ-де-ла Гривьеръ, слѣдующаго содержанія:

«Парижъ, 9 іюля 1839 г.

Милостивый государь,

Вы изъявили желаніе имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія относительно нравственности, прошлаго и настоящаго Наундорфа

---

[4]) Родъ теософической религіи, отвергающей существованіе католицизма.

[5]) См. Bulletin de la Société d'études sur la question Louis XVII. Іюль 1893 г.

(Карла-Вильгельма), который выдаетъ себя за сына Людовика XVI.

Вотъ отчасти тѣ свѣдѣнія, которыя находятся въ архивахъ моего министерства. Они сообщены оффиціально прусскимъ правительствомъ министру иностранныхъ дѣлъ.

Наундорфъ происходитъ отъ еврейскаго семейства, поселившагося въ прусской Польшѣ».

Въ виду оффиціальнаго характера этой бумаги, распространенной Моренъ-де-ла Гериньеръ съ цѣлью осмѣять всѣ домогательства Наундорфа, послѣдній поручилъ Грюо-де-ла-Барръ написать прусскому королю письмо съ просьбою увѣдомить, дѣйствительно-ли прусское правительство приписываетъ его довѣрителю еврейское происхожденіе.

14 ноября 1839 года министръ внутреннихъ дѣлъ и полиціи де-Роховъ представляетъ рапортъ прусскому королю, что «несмотря на всѣ произведенныя имъ въ 1836 году изслѣдованія, не оказалось возможнымъ открыть истинное происхожденіе Наундорфа. Въ особенности не видно изъ этого изслѣдованія, что Наундорфъ родомъ еврей.

Я самъ никогда не утверждалъ этого факта и не слышалъ его отъ другихъ».

Далѣе де-Роховъ сообщаетъ, что «замѣтка о происхожденіи Наундорфа, почерпнутая, будто-бы, изъ моей переписки, если только она не прибавлена съ извѣстною цѣлью, могла произойти или по ошибкѣ, или по небрежности переводчика».

Такъ какъ въ подлинникѣ оффиціальнаго сообщенія прусскаго правительства французскому о Наундорфѣ нѣтъ этой фразы (копія этой бумаги хранится въ берлинскомъ архивѣ), то остается предположить о фальсификаціи правительствомъ Луи-Филиппа оффиціальныхъ бумагъ съ цѣлью окончательно дискредитировать всѣ домогательства Наундорфа.

Прусскій король, убѣдившись изъ представленныхъ ему бумагъ въ фальсификаціи оффиціальной бумаги, приказалъ отвѣтить Наундорфу нижеслѣдующимъ письмомъ:

«Въ виду выраженнаго вами желанія имѣть свѣдѣнія, дѣйствительно-ли прусское правительство возымѣло претензію приписать вамъ еврейское происхожденіе, я не колеблюсь увѣрить, что такой претензіи у прусскаго правительства не было и, болѣе того, оно не въ состояніи было это сдѣлать, не имѣя какого-либо основанія приписать вамъ это происхожденіе.

Берлинъ, 27 апрѣля 1840 г.

де-Роховъ».

Письмо это Наундорфъ поспѣшилъ опубликовать.

Интересно, что де-Роховъ въ рапортѣ королю находилъ неудобнымъ дѣлать какія-либо оффиціальныя сообщенія «этой личности» и только исполнилъ это весьма неохотно и по личному приказу короля.

Сообщеніе, о которомъ выше шла рѣчь, было напечатано въ газетѣ «Capitole». Въ немъ говорилось о грязныхъ интригахъ и жертвахъ обмана Наундорфа.

Наундорфъ и Грюо-де-ла-Барръ возбудили противъ этой газеты искъ въ диффамаціи, требуя въ то-же время напечатанія въ газетѣ отвѣта де-Рохова.

Дѣло было назначено къ слушанію 13 августа, но по неизвѣстнымъ причинамъ отложено до 15 января 1841 года.

Приведемъ мнѣніе по дѣлу Наундорфа и Грюо-де-ла-Барръ съ редакторомъ газеты «Capitole», подписанное Жюль-Фавромъ:

«Нижеподписавшійся, адвокатъ при королевскомъ судѣ въ Парижѣ, по тщательномъ изученіи указанныхъ выше документовъ, пришелъ къ убѣжденію:

1) что такъ называемый Карлъ-Вильгельмъ Наундорфъ не прусскаго и не польскаго происхожденія и что до настоящаго времени его происхожденіе остается вполнѣ неизвѣстнымъ;

2) что есть серьезное основаніе предполагать, что онъ дѣйствительно Карлъ-Людовикъ, герцогъ Нормандійскій, сынъ Людовика XVI;

3) что вслѣдствіе непрестаннаго и упорнаго домогательства съ его стороны, въ продолженіи 25 лѣтъ, о возстановленіи его гражданскихъ правъ, онъ и его семейство подвергались преслѣдованіямъ;

4) что послѣ того, какъ онъ обратился въ судъ съ означеннымъ ходатайствомъ, послѣдовало, вопреки закону, его удаленіе изъ предѣловъ Франціи. Между тѣмъ, къ нему нельзя было примѣнить мѣръ, касающихся иностранцевъ, такъ какъ онъ заявлялъ, что онъ французъ, тѣмъ болѣе, что для выясненія своего домогательства онъ обратился въ судъ;

5) что возбужденное противъ него обвиненіе въ мошенничествѣ послѣдовало послѣ изгнанія его изъ Франціи и имѣло конечною цѣлью ослабить жестокость этой незаконной мѣры; лицо-же, руководящее слѣдствіемъ по этому дѣлу въ теченіи трехъ лѣтъ, замедлило его ходъ и не представило до сихъ поръ его въ совѣтъ для постановленія окончательнаго рѣшенія;

6) что, наконецъ, г. Грюо-де-ла-Барръ адвокатъ, бывшій прокуроръ короля, другъ и совѣтникъ лица, именующаго себя герцогомъ Нормандійскимъ, будучи представленъ въ одной газетѣ, какъ соучастникъ грязной интриги, имѣетъ право требовать судомъ удовлетворенія за диффамацію.

Его дѣло находится въ связи съ дѣломъ Наундорфа. Нижеподписавшемуся представляется невѣроятнымъ (если только какія-либо высшія государственныя соображенія не парализовали дѣйствіе суда), что судъ отказывается постановить рѣшеніе по ходатайствамъ этого человѣка: что всякій доступъ къ гражданскому и уголовному суду ему закрытъ; что онъ утомляетъ Европу своими постоянными заявленіями, а между тѣмъ никто еще не уличилъ его въ самозванствѣ. Настала пора прекратить подобный скандалъ. Если Наундорфъ—дѣйствительно ловкій мошенникъ, пусть онъ будетъ изобличенъ, но если онъ дѣйствительно то лицо, какимъ онъ себя называетъ, то пусть всѣ безпристрастные люди выслушаютъ его защиту, выскажутся и пусть они помогутъ исправить наконецъ эту высшую несправедливость.

Современное состояніе страны таково, что даже торжественное признаніе его сыномъ Людовика XVI будетъ лишено всякаго политическаго значенія; онъ самъ это понимаетъ. Онъ домогается только своего имени для себя и для дѣтей, которыя могли-бы укорять его за ихъ скомпрометтированную будущность.

Положеніе его въ этомъ дѣлѣ настолько ясно и добросовѣстно, что оно исключаетъ самымъ нагляднымъ образомъ предположеніе объ обманѣ, въ виду чего нижеподписавшійся можетъ только желать окончательнаго разъясненія его. Какъ человѣкъ, какъ гражданинъ, герцогъ Нормандійскій имѣетъ право стремиться къ справедливости. Посему нижеподписавшійся признаетъ нужнымъ: 1) требовать рѣшенія суда по начатому противъ Наундорфа дѣлу по обвиненію въ мошенничествѣ и 2) возобновить, возбужденное имъ въ 1836 году, дѣло о своихъ правахъ и добиться отъ суда, въ видѣ предварительной мѣры, его возвращенія во Францію, а затѣмъ и производства дознанія. 10 декабря 1840 г. Жюль Фавръ».

Въ первомъ же засѣданіи правительство предполагало воспользоваться дѣломъ по обвиненію Наундорфа въ мошенничествѣ и отложить на неопредѣленное время жалобу его на клевету. Жюль Фавръ воспротивился этому и потребовалъ рѣшенія суда по дѣлу о мошенничествѣ Наундорфа.

«Настоящее дѣло серьезно, болѣе серьезно, чѣмъ вы думаете. Ваша несправедливость обнаруживаетъ ваши сокровенныя мысли. Вы отказываете въ правосудіи человѣку, который не перестаетъ требовать его. Этимъ образомъ дѣйствій вы доказываете противоположное тому, что гласно высказываете. Вы воспользовались оставленнымъ безъ движенія дѣломъ по обвиненію въ мошенничествѣ съ цѣлью опять отказать въ правосудіи.

Но мы добьемся этого правосудія, такъ какъ вы не можете представить возраженій противъ г. Грюо-де-ла-Барръ, и я заранѣе вамъ предсказываю: вы не рѣшитесь открыто дѣйствовать такимъ образомъ.

Вашъ образъ дѣйствій будетъ именно служить доказательствомъ идентичности герцога Нормандійскаго. Вы не можете выбраться изъ того лабиринта, въ которомъ по своей винѣ очутились, не давъ восторжествовать правдѣ, которую вы затемняете, мы требуемъ окончательнаго рѣшенія по дѣлу, которое вы намъ противупоставляете. Если послѣдуетъ рѣшеніе оставить дѣло безъ послѣдствій, герцогъ Нормандійскій немедленно явится, чтобы принудить васъ его судить. Если-же послѣдуетъ противоположное рѣшеніе, — лицо, которое вы преслѣдуете, получитъ санкцію своего царственнаго происхожденія отъ судебной власти и возбужденное вами противъ него дѣло въ мошенничествѣ, вопреки вашимъ стремленіямъ, реабилитируетъ его».

На этотъ разъ, благодаря энергичной защитѣ знаменитаго адвоката, который не постѣснялся заявить гласно суду, что онъ не остановится ни передъ какимъ препятствіемъ, чтобы заставить власть быть справедливою и добиться истиннаго правосудія для герцога Нормандійскаго, судъ постановилъ, что дѣло по обвиненію Наундорфа въ мошенничествѣ «за недостаткомъ уликъ оставлено безъ послѣдствій».

Пламенная рѣчь Жюль Фавра настолько повліяла на прокурора, что послѣдній имѣлъ неловкость заявить: «Наундорфъ скромно добивался имени и состоянія. За этимъ безкорыстіемъ скрывалась задняя мысль, и онъ вскорѣ сталъ-бы добиваться короны».

Къ этому времени относится первое знакомство Жюль Фавра съ претендентомъ. Пробывъ въ Лондонѣ недѣлю среди семьи Наундорфа, онъ вынесъ глубокое убѣжденіе въ правотѣ дѣла, — убѣжденіе, которое не оставляло его до конца жизни.

31 января 1841 года онъ писалъ претенденту, «что онъ

съ юныхъ лѣтъ научился желать, какъ благодѣянія, правительства, которое дѣйствовало-бы на пользу народа и при его участіи.

«Я полагаю, что великое революціонное движеніе 89 года продолжается и еще болѣе отдаляетъ разныя государства и въ особенности Францію отъ монархическаго режима прошлаго столѣтія. Съ такими симпатіями я не могу желать реставраціи Бурбоновъ, ни служить имъ. Но вы просили моей слабой поддержки, чтобы добиться того, на что каждый гражданинъ имѣетъ право: имени, гражданскаго состоянія, фамиліи. Я понялъ, какими огорченіями была наполнена ваша жизнь въ изгнаніи. Я особенно это почувствовалъ, когда познакомился съ вашимъ благороднымъ семействомъ, и я чистосердечно обѣщалъ, насколько въ моей власти, помочь вашимъ усиліямъ добиться истины. Въ этомъ направленіи я и г. де-ла-Барръ не перестаемъ работать» . . . .

Въ концѣ письма Жюль Фавръ проситъ Наундорфа воздержаться отъ личнаго вмѣшательства, такъ какъ «вы послѣ всѣхъ страданій вѣрите еще въ добрыя намѣренія правителей. Вы забываете, что личный интересъ исключительно ими руководитъ, и они добровольно не признаютъ вашихъ правъ. Король французовъ и другіе монархи Европы сознательно глухи, и вы не обладаете средствомъ излечить ихъ отъ зла, т. е. отъ направленія ихъ политики.

Ни король, ни министры не согласятся допустить Васъ во Францію. Только судъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія рѣшитъ это. Наша задача—представить ваше дѣло яснымъ до очевидности и т. д. Жюль Фавръ".

Къ этому нужно добавить, что когда г. де-ла-Барръ просилъ Жюля Фавра принять на себя веденіе дѣла Наундорфа, тотъ ему отвѣтилъ: «если вы можете меня убѣдить въ томъ, что вы не заблуждаетесь, разсчитывайте на меня».

По тщательномъ анализѣ всѣхъ представленныхъ документовъ Жюль Фавръ согласился. Ниже мы увидимъ, что въ 1851 и 1874 году онъ велъ дѣло наслѣдниковъ Наундорфа въ Парижскомъ судѣ.

Этими несчастіями еще не кончились испытанія Наундорфа. Въ ноябрѣ 1841 года онъ былъ заключенъ въ тюрьму.

Газета «British-Queen», сообщая объ этомъ событіи добавляетъ, что единственнымъ мотивомъ этого ареста была клятва, данная на судѣ однимъ изъ его кредиторовъ въ томъ, что претендентъ имѣлъ намѣреніе тайно бѣжать изъ Англіи

10*

отъ долговъ. Претендентъ протестовалъ противъ законности этого ареста, послѣ чего послѣдовалъ приказъ объ освобожденіи его и отдачѣ на поруки.

Во время своего послѣдняго пребыванія въ Англіи претендентъ занялся изобрѣтеніемъ разрушительныхъ снарядовъ для войны [6]), причемъ сдѣлалъ въ техническомъ отношеніи весьма цѣнныя открытія. Испытаніе дѣйствія этихъ снарядовъ имѣло мѣсто въ присутствіи властей въ Вульвичѣ. Въ газетахъ появились отчеты объ этихъ испытаніяхъ, причемъ авторъ ихъ именовался Карломъ - Людовикомъ де Бурбонъ, герцогомъ Нормандійскимъ. Такимъ образомъ Наундорфъ въ Англіи свободно пользовался этимъ титуломъ.

Покинутый своими друзьями изъ-за doctrine céleste, Наундорфъ лишился денежной помощи и весьма нуждался. Кромѣ того ему приходилось много тратить денегъ на предварительныя изысканія по своимъ работамъ. Продать свои открытія Англіи онъ не рѣшался изъ чувства патріотизма и въ 1841 году послалъ графа Грюо-де-ла-Барръ въ Парижъ съ предложеніемъ сообщить тайну своихъ изобрѣтеній французскому правительству. Военный министръ, къ которому обратился графъ Грюо, отвѣтилъ, что открытія, сдѣланныя Наундорфомъ, весьма цѣнны и что французское правительство не прочь войти въ соглашеніе о покупкѣ его изобрѣтенія. На заявленіе посланнаго, что дѣло это можетъ быть рѣшено при личномъ участіи Наундорфа, министръ отвѣтилъ, что никогда французское правительство не разрѣшитъ Наундорфу пріѣзда во Францію и что послѣдній можетъ продать другой державѣ секретъ своихъ изобрѣтеній.

Тогда Наундорфъ рѣшился обратиться съ тѣмъ же предложеніемъ въ Швейцарію, а такъ какъ въѣздъ черезъ Францію ему былъ воспрещенъ, то онъ рѣшилъ проѣхать черезъ Голландію, для чего и обратился къ консулу Голландіи съ просьбою о выдачѣ ему паспорта. Желаніе его было исполнено, и онъ получилъ таковой отъ голландскаго консула на имя Карла-Людовика де-Бурбонъ.

Однако, черезъ нѣкоторое время ему предложили зайти въ консулатъ для исправленія нѣкоторой неточности въ паспортѣ, въ сущности же для отобранія его.

---

[6]) Изобрѣтенныя имъ бомбы носили названіе bombe-Bourbon. Въ этомъ стремленіи къ техническимъ работамъ нельзя не усмотрѣть какъ-бы преемственности дарованія. Извѣстно, что король Людовикъ XVI занимался съ увлеченіемъ слесарствомъ.

Предупрежденный своими друзьями, Наундорфъ, во избѣжаніе задержки, просилъ англійскаго полковника г. Бютса (Buttes), который ѣхалъ съ нимъ въ Голландію, объявить его при переѣздѣ какъ-бы своимъ слугой, состоящимъ въ свитѣ, на что со стороны послѣдняго послѣдовало полное согласіе.

Въ Роттердамѣ у Наундорфа, какъ и у другихъ пассажировъ, потребовали паспортъ. Наундорфъ отвѣтилъ, что онъ принадлежитъ къ свитѣ полковника Бютса. Но на вторичное требованіе ему волею или неволею пришлось отдать свой паспортъ. Ему позволили остановиться въ гостинницѣ, но приставили агента слѣдить за нимъ.

Паспортъ посланъ былъ въ Гаагу, а затѣмъ послѣдовалъ приказъ возвратить паспортъ Наундорфу и предложить ему немедленно выѣхать изъ Голландіи въ Англію. Наундорфъ отказался исполнить это требованіе. Дѣло кончилось бы очень плохо, если-бы ему не пришла случайно мысль обратиться къ извѣстному юрисконсульту Van Buren. Съ этого времени начинается какъ-бы поворотъ къ лучшему въ его жизни.

Вотъ что говоритъ по этому поводу въ своемъ заявленіи Van Buren о лицѣ (какъ сказано въ немъ), именующемъ себя Карломъ-Людовикомъ де-Бурбонъ, герцогомъ Нормандійскимъ.

«17 февраля 1845 года явилось ко мнѣ неизвѣстное лицо, которое, не называя себя, однако, герцогомъ Нормандійскимъ, просило моего совѣта и помощи противъ притѣсненій роттердамской полиціи, настоятельно требовавшей отъ него немедленнаго отъѣзда изъ Голландіи. При этомъ проситель заявилъ, что не желаетъ возвращаться обратно, такъ какъ везетъ съ собою изобрѣтенные имъ военные снаряды съ цѣлью продать ихъ швейцарской республикѣ. Главнымъ образомъ просьба его заключалась въ возвращеніи ему обратно паспорта.

«Я переговорилъ по этому дѣлу съ директоромъ полиціи, который объяснилъ мнѣ, что означенный человѣкъ—лицо политическое, получившее въ отсутствіе генеральнаго консула въ Лондонѣ паспортъ изъ канцеляріи, въ которомъ неправильно вписаны имена Карла-Людовика де-Бурбонъ. Директоръ полиціи старался убѣдить меня не оказывать поддержки этому иностранцу, такъ какъ у нашего правительства могутъ возникнуть дипломатическія затрудненія, если будетъ извѣстно, что паспортъ былъ выданъ этому лицу отъ имени генеральнаго консула. Я обратился тогда письменно къ директору полиціи для полученія оффиціальнаго отвѣта по сему дѣлу, но онъ требовалъ, чтобы лицо это самолично явилось къ нему для объясненій.

Тогда я обратился къ нему съ требованіемъ возвратить моему кліенту паспортъ или мотивировать чѣмъ нибудь отказъ въ выдачѣ этого документа.

Директоръ отвѣтилъ, что онъ тотчасъ исполнитъ мое желаніе, при условіи если мой кліентъ также исполнитъ обращенное къ нему требованіе.

Министръ юстиціи, къ которому обратился мой кліентъ съ ходатайствомъ о возвращеніи паспорта, въ свою очередь предложилъ ему обратиться для нужныхъ объясненій къ директору полиціи.

Было ясно, что власти избѣгали оффиціально мотивировать отказъ въ выдачѣ паспорта. Правительству желательно было немедленное возвращеніе его въ Лондонъ, но принудительныхъ мѣръ въ данномъ случаѣ оно не рѣшалось употреблять.

Я положительно знаю, продолжаетъ Бюренъ, что главная причина двойственнаго отношенія голландскаго правительства въ этомъ дѣлѣ обусловливалась имѣющимися точными свѣдѣніями о претендентѣ, какъ о Карлѣ-Людовикѣ де-Бурбонъ.

Во время этихъ переговоровъ всѣ относились весьма почтительно къ г. де-Бурбонъ, что доказывало, по моему мнѣнію, безусловное признаніе его тѣмъ лицомъ, которымъ онъ самъ себя именовалъ.

Въ моихъ рукахъ находятся письма морского министра. Въ нихъ этотъ сановникъ, а равно и высшіе военные чины, признавали претендента человѣкомъ достойнымъ уваженія и относились къ нему весьма почтительно. Морской министръ сообщилъ, что онъ, по совѣщаніи съ военнымъ министромъ и министромъ колоній, рѣшилъ вопросъ о пріобрѣтеніи у претендента его снарядовъ, но что именованіе претендента де-Бурбонъ затрудняетъ благопріятный исходъ этого дѣла.

Когда состоялось между этими тремя лицами соглашеніе, было предложено начальнику артиллерійскаго бюро въ военномъ министерствѣ войти въ переговоры со мною о заключеніи договора съ г. де-Бурбонъ, который въ семъ актѣ могъ быть поименованъ только Карломъ-Людовикомъ.

Я долженъ заявить, что никому изъ насъ не приходило въ голову считать де-Бурбона самозванцемъ. Напротивъ, все убѣждало насъ въ томъ, что правительство не сомнѣвалось нисколько въ его царственномъ происхожденіи, но признавало его не гласно, такъ какъ при современномъ положеніи Голландіи гласное признаніе за претендентомъ его титула

могло вызвать недоразумѣніе съ французскимъ правительствомъ. Власти и мы относились къ претенденту съ подобающимъ почтеніемъ, какъ къ лицу высокопоставленному, съ выдающимися способностями и замѣчательно честному».

Затѣмъ ванъ-Бюренъ приводитъ письмо артиллерійскаго полковника le-Brun къ нему, въ которомъ послѣдній сообщаетъ, что король подписалъ указъ, уполномачивающій министровъ заключить договоръ съ г. Карломъ-Людовикомъ и проч. Такимъ образомъ наступилъ поворотъ къ лучшему въ судьбѣ претендента, причемъ и матеріальное положеніе его значительно улучшилось. 30 іюня 1845 года по приказу короля былъ заключенъ контрактъ между военнымъ министромъ и Карломъ-Людовикомъ. Послѣдній избралъ своимъ мѣстопребываніемъ г. Дельфтъ, гдѣ всѣ власти относились къ нему, какъ къ Карлу-Людовику де-Бурбонъ, герцогу Нормандійскому. Внимательность правительства къ Наундорфу была такъ велика, что оно предложило ванъ-Бюрену оказывать и въ будущемъ свое содѣйствіе претенденту во всѣхъ его дѣлахъ. Ванъ-Бюренъ простеръ свою любезность до того, что авансировалъ претенденту 60.000 франковъ. Въ іюнѣ 1845 года, возвращаясь съ прогулки въ Швеннигѣ, Наундорфъ простудился и заболѣлъ.

Какъ только претендентъ почувствовалъ себя нѣсколько лучше, онъ вернулся въ Дельфтъ для занятій въ своей лабораторіи, но здѣсь болѣзнь его приняла угрожающій характеръ, оказался сильнѣйшій тифъ, и 10 августа 1845 года онъ скончался въ присутствіи своего семейства, внезапно вызваннаго изъ Англіи. Всѣ окружающіе были поражены сходствомъ дѣтей его съ типомъ Людовика XVI, Маріи-Антуанеты и др. Бурбоновъ, и это еще больше убѣдило многихъ лицъ, что онъ былъ дѣйствительно Людовикомъ XVII.

«Существуетъ серьезное основаніе предполагать, продолжаетъ ванъ-Бюренъ, что министры знали достовѣрно, кто именно былъ претендентъ. Были присланы два военныхъ врача въ помощь врачамъ Дельфта. Король ежедневно получалъ рапортъ о состояніи здоровья больного.

Немедленно послѣ смерти я распорядился приступить къ вскрытію и осмотру тѣла почившаго для того, чтобы удостовѣриться въ существованіи тѣхъ особыхъ знаковъ, которые дѣйствительно были на тѣлѣ Людовика XVII по увѣреніямъ лицъ, его видѣвшихъ въ дѣтствѣ, напримѣръ М-me Рамбо и др. По тщательномъ изслѣдованіи врачами всего тѣла, всѣ

эти знаки были найдены, въ виду чего и былъ составленъ протоколъ за подписью присутствовавшихъ».

На могилѣ Наундорфа, несмотря на энергичныя представленія короля Луи-Филиппа, голландское правительство разрѣшило слѣдующую надпись:

Ici repose

Louis XVII, roi de France et de Navarre (Charles—Louis, duc de Normandie), né à Versailles, le 27 Mars 1785; décédé à Delft, le 10 Août 1845.

Процессъ Бурбонъ-Шамборъ въ 1874 году, по мнѣнію защитниковъ Наундорфа, представляется величайшею несправедливостью. Подъ хитроумнымъ предлогомъ, что смерть Людовика XVII въ Тамплѣ вполнѣ подтверждается актомъ о смерти 12 іюня 1795 года, судъ отказалъ просителямъ въ допросѣ свидѣтелей и производствѣ дознанія. Пристрастное заключеніе прокурора Бенуа [7]) (Benoist) было съ замѣчательною логикою опровергнуто графомъ Грюо-де-ла-Барръ въ его «Appel à la conscience publique».

Въ своемъ отвѣтѣ на заключеніе прокурора, розданномъ 24 февраля 1874 года всѣмъ членамъ апелляціоннаго суда, Жюль Фавръ также заявилъ, что сущность домогательства его вѣрителей заключается въ разрѣшеніи произвести изслѣдованіе, что до сихъ поръ не было допущено.

«Однако необходимость въ разрѣшеніи изслѣдованія представляется очевидною всѣмъ не только въ интересѣ просителей, но и въ интересѣ исторической правды, а также ради тѣхъ, которые играли роль въ этой трагедіи. Полагаютъ, что молчаніе будетъ служить имъ защитою. Одно только изслѣдованіе можетъ пролить свѣтъ на это дѣло и прекратить всѣ сомнѣнія. Эти сомнѣнія будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведено изслѣдованіе, которое откроетъ истину» [8]).

В. Серебрениковъ.

---

7) Otto Friederichs. Un crime politique. 617—618.
8) Louis XVII. Plaidoirie de Jules Favre, 1891, page 350.

Изъ далекаго прошлаго.

Усиленныя сѣтованія современныхъ педагоговъ на тяжесть ихъ положенія невольно воскресили въ моей памяти воспоминанія изъ слышаннаго мною отъ бывшихъ мнѣ близкими людей и самому мнѣ извѣстнаго о томъ, какъ въ старину жилось, въ провинціи, тогдашнимъ педагогамъ, но прежде, чѣмъ приступлю къ воспоминаніямъ, — предпошлю краткую историческую справку о самыхъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ того времени, дабы читатели могли судить, въ какихъ сферахъ вращались педагоги.

I.

Въ 1798 г. учреждены были военно-сиротскія заведенія изъ двухъ отдѣленій, для обученія малолѣтнихъ сыновей: въ первомъ—дворянъ: закону Божію, русскому и нѣмецкому языкамъ, грамматикѣ, ариѳметикѣ, геометріи, рисованію, исторіи, географіи, артикуламъ, фортификаціи и тактикѣ, а во второмъ—солдатъ и другихъ простыхъ людей: закону Божію, чтенію, письму, грамматикѣ, ариѳметикѣ и ремесламъ, причемъ изъ послѣдняго отдѣленія питомцевъ, отличавшихся способностями и поведеніемъ, — дозволялось переводить, для продолженія образованія, — въ первое отдѣленіе, съ тѣмъ, чтобы по „утвержденіи въ высшихъ наукахъ"—обращать ихъ въ учительскихъ помощниковъ и учителей тѣхъ же заведеній.

Заведенія эти, созданныя по всей Россіи, на 16000 питомцевъ, мирно занимались, по приведенной программѣ, воспитаніемъ юношества до отечественной войны, но въ продолженіе ея и по окончаніи—они быстро переполнились осиротѣвшими мальчиками вообще и солдатскими сыновьями въ особенности. Не взирая, однако, на сильный наплывъ питомцевъ—всѣхъ продолжали воспитывать и учить по прежнему, больше десяти лѣтъ сряду. Затѣмъ, по правиламъ 1824 г., „самыхъ образованныхъ" въ первомъ отдѣленіи юношей, по достиженіи ими 15-лѣтняго возраста,—установлялось опредѣлять въ учительскіе помощники, съ оставленіемъ происходившихъ изъ низшихъ сословій—на кантонистскомъ положеніи на 3 года, по истеченіи которыхъ лучше подготовленныхъ — дозволялось повышать въ учители унтеръ-офицеры, а по безукоризненномъ ихъ пребытіи въ этомъ званіи 16 лѣтъ,—они подлежали производству въ первый классный чинъ;

наконецъ прослужившіе учителями—чиновниками 10 лѣтъ (дальше коллежскаго секретаря имъ чиновъ не полагалось) пріобрѣтали право, буде желали, уходить въ отставку, т. е.. они обязывались отслужить за воспитаніе въ сложности 29 лѣтъ, а за этотъ срокъ назначалась имъ пенсія въ 100 руб. ассигнаціями въ годъ.

Въ 1826 г. всѣ сиротскія заведенія переименованы были въ баталіоны военныхъ кантонистовъ; программа обученія заключалась уже въ законѣ Божіемъ, чтеніи, письмѣ, грамматикѣ, ариѳметикѣ съ дробями и тройными правилами, рисованіи геометрическихъ фигуръ, черченіи, фронтовыхъ упражненіяхъ, музыкѣ, пѣніи и ремеслахъ. Съ этихъ поръ заведенія, какъ баталіоны, слегка начали принимать характеръ военныхъ школъ, въ которыя дворянскіе сыновья поступали уже изрѣдка, а взамѣнъ ихъ туда постепенно обязательно направлялись: законно и незаконнорожденные сыновья солдатъ, солдатокъ, мелкихъ польскихъ шляхтичей (послѣ мятежа 1831 г.), цыганъ, раскольниковъ, малолѣтніе рекруты изъ евреевъ и преступники, — всѣ отъ 10-лѣтняго возраста, а въ заключеніе четыре изъ множества баталіоновъ кантонистовъ, находившіеся: въ Москвѣ, Ярославлѣ, селѣ Медвѣдь—Новгородской губерніи и въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ 1835 — 1836 гг., присоединены были къ образованнымъ въ названныхъ мѣстахъ учебнымъ карабинернымъ полкамъ. Изъ этихъ полковъ кантонистовъ, обученіе которыхъ должно было происходить по вышеуказанной программѣ,—предписывалось приготовлять: самыхъ рослыхъ и физически развитыхъ — въ строй, а изъ остальныхъ, глядя по ихъ способностямъ: въ учителя, писаря, музыканты, фельдшерскіе ученики, цейхдинеры, цейхшрейберы и въ мастеровыя команды.

Между тѣмъ въ дѣйствительности первенствующимъ учебно-воспитательнымъ элементомъ сдѣлалась шагистика въ самыхъ утонченныхъ, разнообразныхъ формахъ, а вмѣстѣ съ нею водворилась суровѣйшая дисциплина, не щадившая ни нѣжности возраста, ни физической слабости, ни умственнаго развитія, такъ что заведенія вскорѣ же очень мѣтко прозваны были „палочными академіями"; въ нихъ царили истязанія, въ связи съ полуголоднымъ содержаніемъ дѣтей, ибо значительная часть отпускавшихся на нихъ суммъ постоянно расхищалась алчнымъ начальствомъ. Вся эта чудовищная система твердо продержалась, безъ измѣненій, ровно 20 лѣтъ сряду. Здѣсь кстати добавить, что къ 1800 г. въ заведеніяхъ было питомцевъ 16000, въ 1824 г.— 120,800, а съ 1826 г. по 1856 г. включительно во всѣхъ баталіонахъ перебывало 7.905,000 чел., стоившихъ казнѣ 20.150,000 рублей.

Въ 1856 г. солдатскіе сыновья освобождены были отъ обязательнаго поступленія на воспитаніе въ баталіоны кантонистовъ, въ 1858 г. — учебные полки преобразованы были въ стрѣлковые баталіоны; мальчиковъ, находившихся въ баталіонахъ кантонистовъ, разрѣшено было родителямъ и родственникамъ взять на свое попеченіе; для тѣхъ же, которыхъ, по ихъ безродству, никто не бралъ, — учреждены были, въ 1859 г., особыя военныя училища,

въ 1865 г., однако, тоже упраздненныя по малочисленности наличныхъ питомцевъ: выросшіе — постепенно распредѣлялись на службу, а новыхъ родители добровольно туда уже не отдавали. Такимъ образомъ въ опустѣвшія прекрасныя казармы училища, напр. въ Нижнемъ-Новгородѣ (на мѣстѣ дальнѣйшаго нашего разсказа) — переведенъ былъ, и по нынѣ тамъ расположенный, Аракчеевскій кадетскій корпусъ.

II.

Десятилѣтнимъ мальчикомъ Никита Ермолаевичъ Валовъ, какъ солдатскій сынъ, доставленъ былъ въ 1817 г. изъ Котельнича, Вятской губерніи, въ бывшее въ Нижнемъ-Новгородѣ сиротское заведеніе и помѣщенъ во второе отдѣленіе, а изъ него, за способности и успѣхи, переведенъ былъ въ первое отдѣленіе и, хорошо кончивъ въ немъ черезъ 5 лѣтъ курсъ, — опредѣленъ младшимъ учительскимъ помощникомъ 1 января 1825 г., затѣмъ, выказавъ свои дарованія, произведенъ: въ старшіе учительскіе помощники—въ 1828 г., а въ учителя унтеръ-офицеры—въ 1830 г., съ жалованьемъ по 27 руб. ассигнаціями въ годъ. Какъ въ отдѣленіи, такъ вначалѣ и въ баталіонѣ учителямъ служилось безобидно: всѣ власти относились къ нимъ съ уваженіемъ, обходились съ ними вѣжливо, ничѣмъ, кромѣ уроковъ, ихъ не обремѣняли; не только имѣть приватныя кондиціи, но и ходить на нихъ въ вольномъ платьѣ — имъ дозволялось; даже жить могли они, если желали, внѣ казармъ, лишь бы во время являлись въ классъ, въ установленные часы. Начальствовалъ: сперва — надъ заведеніемъ, а потомъ десять лѣтъ — надъ баталіономъ, обрусѣвшій нѣмецъ — педагогъ, ревнитель тогдашней Ланкастерской системы обученія, майоръ Швейцаръ. Онъ и обратилъ особенное вниманіе на Н. Е., за быстро усвоенную имъ систему и умѣніе хорошо преподавать разные предметы, потомъ простеръ свое благоволеніе къ Н. Е. до того, что въ 1828 г. поручилъ ему собственныхъ своихъ дѣтей, затѣмъ тщательно слѣдя за ихъ успѣхами и приписывая ихъ дарованіямъ учителя, — все болѣе и болѣе одобрялъ его, и, когда, въ 1833 г., отправилъ вполнѣ подготовленныхъ двухъ сыновей своихъ въ московскій благородный пансіонъ, то рекомендовалъ Н. Е. богатому помѣщику Панютину для его дѣтей. Со своей стороны и Панютинъ, убѣдившись въ педагогическихъ талантахъ Н. Е., способствовалъ распространенію его популярности среди своихъ городскихъ родныхъ и знакомыхъ, такъ что, вслѣдствіе ощущавшагося сильнаго недостатка въ учителяхъ, Н. Е. занимался съ дѣтьми многихъ мѣстныхъ аристократовъ и пользовался ихъ благорасположеніемъ до происшедшаго неожиданно въ его служебномъ положеніи крутого переворота.

Вскорѣ послѣ слиянія баталіона съ полкомъ, полковое начальство, признавъ учителей обыкновенными нижними чинами, — обязало ихъ жить непремѣнно въ казармахъ, на всемъ солдатскомъ положеніи, носить постоянно исключительно форменную одежду, во внѣклассное время заниматься съ кантонистами фрон-

томъ и артикулами, дежурить цѣлыми сутками по ротамъ, завѣдывать капральствами кантонистовъ (50—70 чел.) и отвѣчать за цѣлость ихъ обмундировки, за чистоту и порядокъ въ казармахъ; частные же уроки воспретило имъ, а отлучки изъ казармъ дозволило поочередно, лишь на 2 — 3 часа по праздникамъ и не иначе, какъ съ вѣдома ротныхъ фельдфебелей; наконецъ законъ, избавлявшій ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній,—сочло баловствомъ и сравнило ихъ, и въ этомъ отношеніи, съ солдатами и кантонистами. Словомъ, всѣ учительскія привилегіи отмѣнило собственною властью. Учителя впали въ уныніе, отчаяніе, а состоятельные мѣстные господа, лишившись учителей,—заволновались, захлопотали предъ учительскимъ начальствомъ, которое уступило только самымъ почетнымъ просителямъ—разрѣшивъ нѣсколькимъ учителямъ ходить учить ихъ дѣтей часа на два въ день, но въ солдатской одеждѣ.

Въ числѣ осчастливленныхъ и Н. Е. получилъ льготу, а преподавая разные предметы дѣтямъ знатныхъ лицъ—онъ, естественно, посвятилъ ихъ въ постигшую учителей бѣду, отъ которой они предположили освободить его, соотвѣтствовавшимъ его профессіи способомъ.

Въ Нижнемъ учреждалось, въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія, закрытое учебное заведеніе - гражданское училище для сыновей приказныхъ, подлежавшихъ приготовленію въ чиновники для присутственныхъ мѣстъ. Принимать въ училище повелѣвалось сыновей бѣдныхъ мѣстныхъ канцелярскихъ служителей и чиновниковъ до VII класса включительно. Въ програму училища входили: законъ Божій, чтеніе, письмо, грамматика, ариометика, русская и всеобщая исторія, формы дѣлопроизводства и судопроизводства съ практическимъ примѣненіемъ, а отличныхъ учениковъ предписывалось еще учить латинскому и нѣмецкому языкамъ, но уже въ мѣстной гимназіи, куда ихъ водили на уроки. Полный училищный курсъ полагался 6-лѣтній, но ученики, кончившіе этотъ курсъ, обязывались прослужить, за воспитаніе, въ мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ, воспитывавшіеся въ училищѣ пансіонерами самого приказа — 8 лѣтъ, а дворянства — 4 года [1]).

И вотъ организовавшійся попечительный совѣтъ училища, разбирая достоинства ограниченнаго контингента мѣстныхъ учителей, предрѣшилъ, по рекомендаціи своихъ сочленовъ, привлечь въ составъ преподавателей Н. Е., но въ виду того, что онъ не могъ собою располагать,—совѣтъ возбудилъ, чрезъ губернатора, особое ходатайство, о дарованіи Н. Е. исключительнаго права на преподаваніе въ училищѣ. Губернаторъ, раздѣляя мнѣніе совѣта, представилъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, а онъ снесся съ военнымъ министромъ, который доложилъ императору Николаю I и въ заключеніе бывшій начальникъ главнаго штаба военнаго министерства, генералъ-адъютантъ графъ

[1]) Полн. собр. закон. 16 февраля 1828 г., 1 сентября 1829 г. и 29 декабря 1845 г.

Клейнмихель объявилъ губернатору и полковому командиру высочайшее повелѣніе о предоставленіи учителю, унтеръ-офицеру Валову права, сверхъ военной учительской службы, — обучать воспитанниковъ названнаго училища русскому чтенію, чистописанію, по методѣ Ходоровскаго, грамматикѣ, ариѳметикѣ и формамъ дѣлопроизводства, для чего навсегда освободить его отъ всѣхъ внѣклассныхъ военныхъ обязанностей.

III.

Приведенное разрѣшеніе, избавившее Н. Е. отъ тяжкаго гнета полкового начальства, искренно порадовало его и породило въ нёмъ страстное стремленіе оказаться достойнымъ своего назначенія, тѣмъ болѣе, что по училищу опредѣлили ему значительное, по тогдашнему, годовое жалованье 85 руб. 72 коп. ассигнаціями. Далѣе попечительный совѣтъ училища, опасаясь, что преподаваніе Н. Е. въ унтеръ-офицерскомъ мундирѣ будетъ профанировать учительское званіе, а благородные ученики не станутъ слушаться солдата,—выхлопоталъ для Н. Е. дозволеніе военнаго губернатора, какъ прямого начальника училища, а косвеннаго— и полка,—преподавать въ училищѣ въ „цивильномъ" платьѣ, которое онъ тотчасъ же завелъ въ самомъ училищѣ: предъ уроками—надѣвалъ, а по ихъ окончаніи—снималъ и тамъ же оставлялъ, ибо военное начальство убѣдившись, что Н. Е. ускользнулъ отъ его произвола, рѣшительно воспротивилось тому, чтобы онъ ходилъ по улицамъ „цивильнымъ", вопреки его солдатскому званію и воинской дисциплинѣ.

Такимъ образомъ Н. Е., закончивъ уроки въ баталіонномъ классѣ ,— отправлялся въ училище, гдѣ первое время всѣ гражданскія власти, начиная съ губернатора, просиживали цѣлыми часами на его урокахъ, для удостовѣренія, какъ онъ учитъ сразу 20—30 учениковъ, причемъ благодарили его за хорошее умѣнье справляться со своими обязанностями. Мало-по-малу онъ перезнакомился со всѣмъ цвѣтомъ мѣстной аристократіи и съ коллегами на урокахъ, засѣданіяхъ педагогическаго совѣта и экзаменахъ, производившихся постоянно въ присутствіи губернатора, архіерея и почетныхъ гостей, а знакомство это кстати увеличивало ему число частныхъ учениковъ, ибо онъ располагалъ достаточнымъ досугомъ. Предъявлять знати условія вознагражденія за трудъ Н. Е. представлялось рискованнымъ: могли обидѣться, поэтому кто сколько хотѣлъ, тотъ столько ему и платилъ, а отсюда въ среднемъ получалъ онъ 30 — 50 коп. ассигнаціями за часъ. Нѣкоторые господа затруднялись допускать Н. Е. къ своимъ сыновьямъ и дочерямъ въ солдатскомъ мундирѣ, почему онъ, въ угоду имъ, носилъ съ собою въ узлѣ свое цивильное платье и, въ ихъ людскихъ, переодѣвался въ него — до урока, а послѣ урока — въ мундиръ, платье же несъ въ домъ слѣдующаго барина и т. д. до вечера. Онъ располагалъ, правда, средствами на разъѣзды по урокамъ (извозчики брали за конецъ 3—5 коп.), но ему, какъ нижнему чину, воспрещалось ѣздить по

городу, отчего онъ принужденъ былъ ходить 15 — 20 верстъ въ день.

Эта трудная дѣятельность Н. Е. продолжалась однообразно нѣсколько лѣтъ, пока самому губернатору, свиты Его Величества генералъ-майору князю Урусову, не понадобился для своихъ дѣтей учитель, и онъ пригласилъ того же Н. Е. Однако, по неразгаданнымъ имъ и впослѣдствіи причинамъ,—князь велѣлъ ему заниматься въ своей квартирѣ въ солдатской формѣ, но несмотря на свою сановитость и строгость нрава,—при всѣхъ подавалъ ему руку, называлъ его по имени и отчеству, говорилъ съ нимъ на „вы“ [2]), сажалъ его за завтраки и обѣды вмѣстѣ съ своими гостями (иногда военными начальниками Н. Е.), рекомендовалъ имъ его „уважаемымъ учителемъ“ и тѣмъ самымъ побуждалъ многихъ господъ къ деликатному обхожденію съ Н. Е., такъ что въ губернаторскомъ дворцѣ, даже непосредственный начальникъ Н. Е., полковой командиръ, полковникъ Чирковъ, нерѣдко заискивалъ въ немъ. Руководствуясь примѣромъ губернатора, иные господа тоже переставали шокироваться мундиромъ Н. Е. и стали сажать его въ числѣ своихъ гостей.

Тѣмъ не менѣе, выйдя изъ дворца губернатора или дома предводителя дворянства на улицу, „уважаемый учитель“ Н. Е. при встрѣчахъ съ офицерами,—безъ различія ихъ чиновъ,—по дисциплинѣ снималъ предъ ними шапку и становился во фронтъ, на ихъ привѣтствія: „здравствуй“—почтительно отвѣчалъ „здравія желаю, ваше благородіе“, а когда они проговаривали: „ступай“, — поворачивался направо, надѣвалъ шапку и шелъ куда ему слѣдовало. Встрѣчались, случалось, Н. Е. и только что произведенные изъ кадетъ и вернувшіеся на родину служить въ полкъ прапорщики изъ бывшихъ прежде его учениковъ, но и имъ онъ отдавалъ честь установленнымъ порядкомъ, во избѣжаніе столкновеній какъ съ ними, такъ и со старшими ихъ офицерами, по донесеніямъ которыхъ, если замѣчалось нарушеніе дисциплины, подвергались взысканіямъ какъ нижніе чины, совершавшіе нарушенія, такъ и офицеры, допускавшіе таковыя. Короче, высокое для учителя унтеръ-офицера положеніе въ губернаторскомъ дворцѣ, училищѣ и въ барскихъ домахъ и, напротивъ, унизительная роль учителя на улицѣ и въ казармѣ — одинаково тягостно дѣйствовали на Н. Е., но онъ молча переносилъ все, придерживаясь пословицы „терпѣніе все превозмогаетъ“, въ надеждѣ, что, авось, судьба надъ нимъ сжалится...

---

[2]) Князь принималъ также съ почетомъ богатаго крестьянина раскольника Бугрова, который одѣвался въ лапти, грязный армякъ и ѣздилъ на дрожкахъ, но съ княземъ сидѣлъ, какъ ровня, въ бархатныхъ креслахъ: онъ благоволилъ къ нему за его умъ и щедрыя пожертвованія на больницу и богадѣльню, а кончилъ тѣмъ, что построилъ каменный театръ и подарилъ его городу. Былъ и другой богачъ, — торговецъ Акинфіевъ, который задумалъ вызолотить крышу своего дома и желѣзную вокругъ нея ограду, но князь разрѣшилъ ему позолотить только ограду и то подъ условіемъ вызолотить сперва церковный куполъ. Онъ сдѣлалъ то и другое, причемъ зѣваки толпами ходили разсматривать ограду къ удовольствію ея владѣльца.

IV.

Наступилъ желанный этотъ день—получился высочайшій приказъ о производствѣ его (38 лѣтъ) за выслугу 16 лѣтъ учителемъ въ коллежскіе регистраторы (30 мая 1845 г.), и всѣ моральныя и матеріальныя его невзгоды сразу прекратились, а лелѣянныя долгіе годы, завѣтныя мечты о свободѣ и независимости вдругъ осуществились... Производство это давало ему равноправность среди господъ и офицеровъ, увеличеніе въ полку жалованія до 80 руб. въ годъ и сопровождалось еще дорогою для него оцѣнкою плодотворной его дѣятельности: попечительный совѣтъ училища выдалъ ему, въ награду, на экипировку 50 руб., служившіе уже въ нижегородскихъ присутственныхъ мѣстахъ бывшіе его ученики — въ складчину подарили ему офицерскую шинель, а учившіеся еще въ училищѣ мальчики, также въ складчину, поднесли ему шпагу.

Съ удвоенною энергіею продолжалъ Н. Е. педагогическую свою дѣятельность и, въ знакъ признательности судьбѣ за свое окончательное избавленіе отъ невзгодъ, — сосредоточилъ свое вниманіе на училищныхъ бѣдныхъ и въ особенности осиротѣлыхъ питомцахъ. Такъ, до и послѣ экзаменовъ, ежегодно странствовалъ онъ по присутственнымъ мѣстамъ [3]), въ которыхъ многіе изъ бывшихъ его учениковъ состояли уже столоначальниками, дѣлопроизводителями, либо секретарями, даже стряпчими и ассесорами и рекомендовалъ имъ выпускныхъ, сообразно ихъ способностямъ и наклонностямъ на службу, непремѣнно на жалованье, по неимѣнію ими средствъ къ существованію, а сиротамъ находилъ вліятельныхъ и щедрыхъ покровительницъ, въ лицѣ бывшихъ своихъ ученицъ, — женъ и дочерей совѣтниковъ, начальниковъ отдѣленій и предсѣдателей палатъ. При этомъ добивался того, что кончившіе курсъ въ первые же мѣсяцы превращались въ платныхъ служакъ палатъ, канцелярій и конторъ. Впрочемъ Н. Е. этимъ не довольствовался, а періодически освѣдомлялся, о степени прилежанія размѣщенныхъ имъ по мѣстамъ, объ ихъ отношеніяхъ къ начальству и, ежели случались недоразумѣнія, — то и ихъ улаживалъ.

Равнымъ образомъ и мелкіе чиновники, бывшіе ученики Н. Е., сообщали ему объ открывавшихся вакантныхъ должностяхъ, а онъ спѣшилъ предстательствовать за нихъ предъ ихъ начальствомъ о повышеніи ихъ и почти всегда удачно, ибо изъ занимавшихъ высшія должности иные, кончившіе потомъ курсъ въ университетахъ, въ малолѣтствѣ также состояли его учениками и стѣснялись отклонять его просьбы. Мало того: тѣ же бывшіе ученики Н. Е. ходили къ нему за совѣтами, когда задумывали жениться, приглашали его въ посаженные отцы, почетные гости

---

[3]) Канцеляріи: губернатора, предводителя дворянства, губернскаго прокурора, тюремнаго комитета: палаты: казенная, государственныхъ имуществъ, уголовнаго и гражданскаго суда, губернскія правленіе и казначейство, конторы удѣльная, почтовая и ярморочная, соляное правленіе, строительная и дорожная коммиссія, рекрутское присутствіе и проч.

и воспріемники рождавшихся дѣтей, отчего онъ имѣлъ множество крестниковъ и крестницъ, въ судьбѣ которыхъ также принималъ живѣйшее участіе. Въ новый годъ и Пасху двери маленькой его квартиры не затворялись: визитеровъ и визитершъ являлось къ нему, изъ мелкаго и средняго чиновничества, не меньше, чѣмъ къ губернатору. Наконецъ, когда онъ въ будни бывало заходилъ, въ интересахъ кого-нибудь, въ правленіе или палату, то толпа чиновниковъ мгновенно окружала его, и оживленныя рѣчи лились потокомъ изъ устъ пожилыхъ, молодыхъ и юныхъ людей, наперерывъ старавшихся занять „уважаемаго учителя" пріятными бесѣдами, воспоминаніями или сообщеніями о своихъ служебныхъ, семейныхъ и общественныхъ дѣлахъ и т. д.

Изъ сослуживцевъ по училищу — учителей мѣстной гимназіи, Н. Е. былъ друженъ со всѣми, за исключеніемъ П. И. Мельникова, котораго всѣ не долюбливали за его пренебреженіе къ нимъ и къ своему званію. Оттого онъ и учительствовалъ не долго (1839—1846 г.), а потомъ сдѣлался чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ и посвятилъ солидныя свои дарованія на изученіе раскола и столь рьяно охотился за раскольниками, что они, за его жестокія преслѣдованія ихъ — прозвали его „антихристомъ". Это былъ тотъ самый Мельниковъ, который подъ псевдонимомъ А. Печерскаго, впослѣдствіи пріобрѣлъ громкую извѣстность сочиненіями „На горахъ", „Въ лѣсахъ" и многими другими, но въ Нижнемъ литературную его славу, по мнѣнію знавшихъ его, омрачали чрезмѣрно крутыя дѣйствія съ раскольниками.

Напротивъ, съ управлявшимъ удѣльною конторою В. И. Далемъ — лексикографомъ, писавшимъ подъ именемъ Казака Луганскаго,— Н. Е. находился, лѣтъ десять (1849—1859 г.), въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ: Даль служилъ безукоризненно, держался со всѣми просто, окружалъ себя изъ всѣхъ слоевъ общества выдающимися людьми, часто разсказывалъ многое изъ своихъ интересныхъ скитаній по бѣлому свѣту и тѣмъ самымъ вызывалъ на откровенность собесѣдниковъ и черпалъ отъ нихъ разнородныя свѣдѣнія, пригодныя для его этнографическихъ и лексическихъ трудовъ.

Вращаясь въ интеллигентномъ кругу и обладая пытливымъ умомъ и жаждою знаній, Н. Е., чтобы быть въ курсѣ всякихъ житейскихъ вопросовъ, — много читалъ и путемъ самообразованія выработалъ себѣ твердые взгляды, отъ которыхъ всю жизнь не отступался въ сношеніяхъ со всѣми, съ кѣмъ судьба его сталкивала, причемъ помощь обездоленнымъ ближнимъ была основною чертою его характера.

V.

Посвящая себя училищу и частнымъ урокамъ, Н. Е. обязывался, однако, употреблять ежедневно нѣсколько часовъ на обученіе грамотѣ кантонистовъ въ казармахъ. Тамъ онъ постоянно слышалъ о совершавшихся жестокостяхъ, а нерѣдко и самъ бывалъ очевидцемъ „избіенія младенцевъ" даже въ классахъ.

защитить ихъ оказывался безсильнымъ предъ царившею системою и преступною беззаботностью со стороны высшей власти. Такъ, полкомъ долго командовалъ уже названный Чирковъ, страстный псовый охотникъ, цѣлыми недѣлями рыскавшій по лѣсамъ и не хотѣвшій, а можетъ статься, и не умѣвшій вникать въ то, что въ полку творилось. Личное его благополучіе зависѣло отъ размѣра, достававшихся ему отъ крѣпостныхъ и полка доходовъ, да отъ выправки и шагистики солдатъ и кантонистовъ, чѣмъ съ изумительною страстью занимались баталіонные и ротные командиры, а такъ какъ то и другое не оставляло желать ничего лучшаго,—то объ остальномъ онъ и не безпокоился. Изъ 50—60 полковыхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ развитыхъ, гуманныхъ людей набиралось не болѣе 10 чел.; но и они, тяготясь суровою безсмысленностію службы, которую измѣнить не могли,—предпочитали вовсе ею не заниматься и, чтобы ничего не видѣть, — даже въ казармы не ходили, благо располагали протекціею, въ лицѣ своихъ родителей и родственниковъ, игравшихъ видныя роли въ мѣстномъ высшемъ обществѣ. Зато всѣ остальные офицеры были отъявленные фронтовики, невѣжественные бурбоны и чуждые какихъ-либо чувствъ, а ощущавшіе, напротивъ, неодолимую потребность истязать подчиненныхъ имъ солдатъ и кантонистовъ; поэтому они съ остервенѣніемъ удовлетворяли звѣрскимъ своимъ наклонностямъ, за которыя не только не остерегались каръ, но ожидали еще похвалъ и наградъ, пріобрѣтавшихся послѣ инспекторскихъ смотровъ.

Дѣло въ томъ, что разъ въ годъ пріѣзжалъ инспекторъ учебныхъ полковъ, генералъ-лейтенантъ Фроловъ, и по нѣсколько дней сряду производилъ самыя разнообразныя фронтовыя ученья, и чѣмъ они были мудренѣе и удачнѣе, тѣмъ болѣе онъ радовался и увлекался до такого самозабвенія, что въ присутствіи всего начальства заставлялъ, напр., совершенно *голыхъ* кантонистовъ маршировать и рапортовать ему, причемъ до слезъ умилялся этимъ парадным зрѣлищемъ. За все это онъ хвалилъ и благодарилъ полкового, баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, а ко всему остальному, касавшемуся внутренняго быта солдатъ и кантонистовъ, относился съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. На этой слабой его струнѣ полковое начальство всегда ловко разыгрывало свою зазорную роль.

Впрочемъ, потворствовалъ Фроловъ полковому начальству и изъ иного, болѣе меркантильнаго побужденія — онъ пользовался долею изъ благоразумныхъ экономическихъ средствъ, но, чтобы знать ихъ размѣры, — возилъ съ собою своего опытнаго старшаго писаря Зотова, олицетворявшаго собою грознаго ревизора полковой хозяйственной части. Звалъ Фроловъ Зотова по имени и отчеству, обходился съ нимъ очень дружелюбно и настолько во всемъ ему довѣрялся, что безпрекословно подписывалъ, не читавши, все, что ему подавалъ Зотовъ, мнѣнія и отзывы котораго о видѣнномъ и узнанномъ были для Фролова непреложною истиною. Короче, онъ, по бумажной части, положительно жилъ умомъ Зотова и

противъ него рѣшительно никто не дерзалъ и заикаться, не рискуя быть обруганнымъ и выгнаннымъ. Оттого, начиная съ самого Чиркова, всѣ офицеры подобострастно кланялись Зотову, почитали за особенную честь пожать его руку, если онъ кому ее протягивалъ, и холопствовали предъ нимъ по той естественной причинѣ, что отъ него зависѣли представленія къ производству въ слѣдующіе чины, къ орденамъ, да и самое служеніе въ полку.

Одѣвался Зотовъ всегда въ щегольской писарскій мундиръ и сѣронѣмецкую шинель изъ лучшаго сукна, изъ-за воротника его мундира виднѣлся бѣлоснѣжный, крахмаленный воротникъ его рубашки, по борту мундира красовалась массивная золотая цѣпочка отъ дорогихъ часовъ, а на пальцахъ носилъ онъ золотыя кольца съ драгоцѣнными камнями. Принималъ онъ штабъ-и оберъ-офицеровъ надменно, говорилъ съ ними съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства ревизіи производилъ съ отличнымъ пониманіемъ дѣла и быстро открывалъ всѣ случайные промахи, а въ особенности преднамѣренныя погрѣшности, которыя мастерски группировалъ по предметамъ и ставилъ по нимъ такіе неотразимые вопросные пункты, противъ которыхъ никакихъ оправдательныхъ отвѣтовъ не находилось. Вотъ эти-то доводы Зотова служили Фролову мотивами къ тому, чтобы прижать Чиркова, и чѣмъ первый сильнѣе угрожалъ, тѣмъ послѣдній дороже откупался...

Во время инспектированія Зотовъ издавна бралъ изъ полка, въ подмогу, по учителю и писарю, отчего лично зналъ многихъ изъ нихъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ покровительствовалъ имъ. Этимъ же способомъ и Н. Е. познакомился съ нимъ еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, а такъ какъ онъ понравился Зотову, то и находившійся подъ безграничнымъ его вліяніемъ Фроловъ помнилъ его, да и по отзывамъ о немъ гражданскихъ властей, выражалъ къ нему свое благоволеніе. Однажды, когда Чирковъ, произведенный въ генералы, покидалъ полкъ, Н. Е., воспользовавшись удобнымъ моментомъ, внушилъ Зотову мысль, если не совсѣмъ искоренить, то хоть ослабить всеобщее казнокрадство образованіемъ, для веденія обширнаго полкового хозяйства, коллегіальнаго комитета.

Вскорѣ же во всѣхъ 4 полкахъ образованы были комитеты, подъ предсѣдательствомъ полковыхъ, изъ баталіонныхъ командировъ, а дѣлопроизводителемъ комитета въ Нижнемъ, по приказанію Фролова, или вѣрнѣе Зотова, назначенъ былъ Н. Е. Въ этотъ комитетъ обязывались обращаться по всѣмъ хозяйственнымъ предметамъ казначей, квартермистръ, завѣдывавшіе мастерскими, лазаретомъ, огородами и ротные командиры, отвѣтствовавшіе за всѣ свои дѣйствія предъ комитетомъ же. Новый полковой командиръ, полковникъ Паскинъ, оказался благонамѣреннымъ, честнымъ бариномъ; баталіонные по бумажной части ничего не смыслили, а за исключеніемъ казначея и квартермистра, ротные командиры и прочіе нестроевые офицеры отличались малограмотностью. Отсюда Н. Е., освобожденный отъ классныхъ

занятій, сразу пріобрѣлъ въ полку изрядныя значеніе и власть, которыя направлялъ на улучшеніе матеріальнаго положенія солдатъ и кантонистовъ, да на сдерживаніе алчности разныхъ лицъ. Напр., въ полку числилось 5—6000 чел. запасныхъ кантонистовъ, остававшихся до 10-лѣтняго возраста при родителяхъ и родственникахъ въ деревняхъ нижегородской, костромской и рязанской губерній. На всѣхъ ихъ полагались, такъ называвшіяся, „соляныя", по 3 руб. 33 коп. въ треть. Деньги эти аккуратно вытребовали на всѣхъ, безъ всякой провѣрки: живы ли они, не раздавали приходившимъ лишь изъ ближайшихъ къ городу деревень воспитателямъ 300—500 руб. въ треть; затѣмъ въ толстѣйшихъ тетрадяхъ списковъ, яко бы за безграмотныхъ, въ полученіи денегъ, много лѣтъ сряду, росписывался, для проформы, за 25 руб., какой-то отставной чиновникъ, и весь этотъ капиталъ составлялъ доходъ начальства. Точно также сочинялись требованія на обмундировку, провіантъ, фуражъ и проч. предметы, отчего причастные къ перечисленнымъ операціямъ безвозбранно раживались; но изъ всѣхъ доходовъ львиная доля подносилась, разумѣется, полковому командиру. Въ продолженіи годичнаго командованія полкомъ Паскинымъ (онъ скоропостижно умеръ) всѣ хищники ощутили большой недочетъ противъ прежнихъ своихъ доходовъ.

VI.

Новымъ полковымъ командиромъ явился полковникъ Веймарнъ, ранѣе служившій казначеемъ образцоваго полка и еще тамъ изучившій господствовавшую вездѣ систему своеобразнаго хозяйничанья.... Вступивъ въ новую должность, онъ съ ранняго утра до поздняго вечера, а нерѣдко и ночами появлялся въ казармахъ, мастерскихъ, во все вникалъ, все замѣчалъ и вывелъ заключеніе, что полкъ распущенъ и надо всѣхъ и все подтянуть, сжать въ бараній рогъ. Исходя изъ этого вывода, онъ назначалъ, ежедневно, на цѣлые дни, различныя ученья, обязалъ баталіонныхъ командировъ на нихъ присутствовать, за всякіе пустяки распекалъ, объявлялъ выговоры, всѣмъ безразлично, офицерамъ, наряжалъ ихъ не въ очередь въ караулъ и сажалъ на гауптвахту, а нижнихъ чиновъ и кантонистовъ приказывалъ драть. Послѣ значительныхъ облегченій при Паскинѣ, всѣ дѣйствія Веймарна нагнали на всѣхъ паническій страхъ, понудившій и членовъ хозяйственнаго комитета стушеваться. Достигнувъ исчезновенія власти комитета, Веймарнъ сталъ самъ распоряжаться всѣми наиболѣе крупными операціями, а комитету приказывалъ ихъ только оформливать, что онъ и дѣлалъ изъ самосохраненія, тѣмъ болѣе, что требуя строжайшаго повиновенія и обременяя ученьями, Веймарнъ въ короткое время всѣхъ офицеровъ совершенно обезличилъ и сокрушилъ, а нижнимъ чинамъ просто житья не стало: ихъ не только драли властію обозлившагося полкового начальства, но по суду нерѣдко и сквозь строй гоняли.

Былъ, напр., вотъ какой возмутительный случай. Капитанъ Савинъ квартировалъ зимою со своею ротою въ селѣ, гдѣ суще-

ствовалъ помѣщичій кожевенный заводъ. Онъ и велѣлъ двумъ ловкимъ солдатамъ-мастеровымъ стащить изъ завода кожу и покрыть ею его возокъ. Солдаты это исполнили и, по его распоряженію, пригнали заводское клеймо посрединѣ возка сзади, на манеръ герба. Помѣщикъ, дознавшись о пропажѣ кожи и о томъ, куда она дѣвалась — подстерегъ и остановилъ Савина въ возкѣ, изобличилъ его и подалъ на него жалобу, а онъ предалъ солдатъ, которыхъ и отдали подъ судъ. Они настаивали на томъ, что кожу похитили по приказанію Савина; но аудиторъ, пожелавъ его выручить изъ бѣды, передѣлалъ солдатскія показанія въ томъ смыслѣ, что они, дескать, по глупости украли кожу, заставилъ двухъ кантонистовъ канцеляріи переписать передѣланныя имъ солдатскія показанія, оформилъ дѣло, и нѣкоторое время спустя солдатъ прогнали сквозь строй.... Однако истина разгласилась, и аудиторъ, выпивши, самъ признался, что получилъ отъ Савина, за очистку его, два куля овса....

Про себя многіе возмущались по этому поводу, но заявить объ этомъ Веймарну никто не осмѣлился: онъ никому не позволялъ докладывать ему о чемъ либо, непосредственно докладчика не касавшемся, держался отъ всѣхъ въ отдаленіи, никогда ласковаго слова не произносилъ, а преслѣдовалъ всѣхъ безразлично, въ томъ числѣ учителей вообще и чиновниковъ въ частности. Такъ, не взирая на то, что онъ относился къ Н. Е. деликатно и осторожно,—все-таки не позволилъ ему носить, по слабости зрѣнія, очковъ до медицинскаго освидѣтельствованія и полученія затѣмъ разрѣшенія департамента военныхъ поселеній. Яркій примѣръ деспотизма проявилъ онъ, когда ему встрѣтился въ калошахъ учитель унтеръ-офицеръ, старикъ Гурьяновъ: онъ велѣлъ наказать его 50-ю ударами розогъ. Адъютантъ ему напомнилъ, что о производствѣ Гурьянова въ чиновники уже присланъ высочайшій приказъ, почему драть его нельзя, но онъ приказалъ: сперва отодрать Гурьянова, а потомъ объявить по полку приказъ о его производствѣ. Адъютантъ такъ и исполнилъ, но Гурьяновъ, поданнымъ черезъ три дня рапортомъ, потребовалъ преданія уголовному суду адъютанта за наказаніе его, какъ чиновника. Тогда Веймарнъ и адъютантъ, знавшіе о времени полученія приказа и освѣдомленные отъ аудитора, что результатъ Гурьяновскаго рапорта будетъ, во всякомъ случаѣ, для нихъ плохой, послали къ Гурьянову того же аудитора съ ультиматумомъ: взять назадъ рапортъ, получить за розги 25 руб. и даромъ чиновничью обмундировку и продолжать спокойно службу, или быть представленнымъ, одновременно съ посылкою рапорта, къ увольненію въ отставку, за неспособность къ дальнѣйшей службѣ. Семейный, бѣдный Гурьяновъ поддался убѣжденіямъ аудитора, предпочелъ первое и недѣлю спустя облачился въ форму, сшитую ему въ полковой швальнѣ изъ казеннаго матеріала. Другой учитель, пожилой чиновникъ Шипиловъ, проставилъ въ требовательной вѣдомости меньше, чѣмъ предполагалось, матеріала; Веймарнъ замѣтилъ это и, на извиненіе Шипилова, крикнулъ ему при всѣхъ, въ канцеляріи, что его за ошибку нужно бы отодрать,

да онъ этого не сдѣлаетъ только потому, что не хочетъ потомъ отписываться, если Шипиловъ будетъ кляузничать за полученную порницу. Шипиловъ молча снесъ оскорбленіе, чтобы не лишиться скуднаго своего жалованья 17 руб. въ мѣсяцъ.

Безправности и беззащитности дѣйствительно не предвидѣлось предѣла, потому всѣ мирились съ этимъ. Какъ-то прибылъ изъ Петербурга молодой (лѣтъ 30), красивый учитель, унтеръ-офицеръ Павловъ, присланный въ качествѣ знатока священнаго писанія, для укрѣпленія бесѣдами кантонистовъ изъ евреевъ въ православной религіи. Начальство не довѣрило миссіонерскому таланту Павлова, а пригласило на первыя три его бесѣды трехъ священниковъ, потомъ послало его на испытаніе къ самому архіерею, но и тотъ, проговоривъ съ нимъ два часа, отозвался о его познаніяхъ съ большою похвалою. Все это ни чуть, однако, не стѣснило начальство, чрезъ мѣсяцъ, приказать Павлову, кромѣ его спеціальнаго занятія, преподавать еще ариѳметику, благо онъ и въ ней былъ силенъ, да завѣдывать, наравнѣ съ другими учителями, капральствомъ, учить его фронту и, за неисправности кантонистовъ, поколачивать его вмѣстѣ съ ними, т. е. ввело его, какъ говорилось, въ общій рапжиръ. Ознакомившись съ учителями, ихъ судьбою и всѣмъ окружающимъ, Павловъ рѣшился возстать противъ деспотизма на защиту попранныхъ учительскихъ правъ. Съ этою цѣлью онъ, переговоривъ, разумѣется, по секрету, съ сослуживцами, написалъ и послалъ прямо военному министру доносъ обо всемъ, что творилось съ учителями. Доносъ этотъ былъ, какъ говорили, такой сильный и страстный, что въ Нижній пріѣхалъ производить по немъ дознаніе флигель-адъютантъ, полковникъ Герштенцвейгъ. Онъ собралъ всѣхъ, занимавшихся въ классахъ и ротахъ 30—40 учителей чиновниковъ и унтеръ-офицеровъ и предложилъ имъ высказать ему всѣ свои претензіи, но они, по своей забитости, отозвались гуртомъ, что никакихъ претензій не имѣютъ и всѣмъ довольны. Выслушавъ этотъ общій отвѣтъ, Герштенцвейгъ спросилъ ихъ: зачѣмъ же они писали доносъ на причиняемыя имъ начальствомъ обиды? Они возразили, что никакого доноса не посылали. Тогда Павловъ мужественно выступилъ впередъ и громогласно, при всѣхъ, заговорилъ, что доносъ писалъ и послалъ онъ, съ общаго согласія, и что все, въ доносѣ изложенное, правда. Учителя струсили, а Павловъ горячо принялся изобличать: начальство—въ жестокости, а учителей—во лжи, при этомъ напомнилъ, что учителей лишили всѣхъ правъ, обративъ во фронтовыхъ унтеръ-офицеровъ, колотятъ и дерутъ; что одинъ—съ отчаянія повѣсился, другого, поставленнаго на ночь къ сараю на часы въ каскѣ съ ружьемъ и въ ранцѣ, наполненномъ пескомъ,—утромъ нашли умершимъ подъ бременемъ тяжести; третій—послѣ жестокаго наказанія розгами, лежа въ лазаретѣ отравился; въ числѣ 7 чел., въ теченіе послѣдняго года драныхъ, назвалъ онъ и Гурьянова. Короче, онъ нарисовалъ такую яркую картину, отъ которой всѣмъ жутко стало, и всѣ вынуждены были, согласно его настоянію, при немъ подтвердить, поодиночкѣ, много фактовъ, которыхъ, по ихъ ясности, нельзя было скрыть. Слѣдователь, давъ

Павлову обѣщаніе оградить всѣхъ отъ произвола,—уѣхалъ, а онъ торжествовалъ.

И дѣйствительно, нѣкоторое время сконфуженное начальство растерявшись стихло, но это было, какъ въ природѣ, предъ грозою. Она и явилась въ формѣ строжайшаго выговора начальству и приказанія предать суду Павлова за доносъ, а не жалобу по начальству или на инспекторскомъ смотру, да за дерзкіе отзывы, употребленные въ доносѣ о непосредственномъ своемъ начальствѣ. Павлова переселили на гауптвахту, гдѣ онъ цѣлые дни проповѣдывалъ заключеннымъ солдатамъ слово Божіе, а мѣсяца чрезъ три осудили его къ разжалованію въ рядовые и къ ссылкѣ въ дальній гарнизонный баталіонъ. Опять собрали всѣхъ учителей и при нихъ прочли ему приговоръ, который онъ выслушалъ хладнокровно, самъ сорвалъ со своего воротника и обшлаговъ мундира ранѣе подворотный галунъ, покраснѣлъ, гнѣвно сверкнулъ вокругъ глазами, сказалъ, что пострадалъ за правду, но принесъ собою учителямъ облегченіе, почему и не раскаивается, а въ заключеніе, распрощавшись съ ними, спокойно отправился, въ сопровожденіи конвойныхъ, въ этапную команду на дальнѣйшія мытарства. Учителя, опечаленные происшедшимъ, поохали, повздыхали, еще разъ убѣдились въ безполезности „прать противъ рожна“, тайно собрали между собою 20 руб., отослали ихъ Павлову, вмѣстѣ съ его вещами, пожалѣли его и понемногу перестали о немъ думать...

Вѣсти о дѣлѣ Павлова, проникшія за предѣлы казармъ, произвели и на горожанъ сильное впечатлѣніе, но оно постепенно, конечно, сгладилось, такъ что не прошло и полугода, какъ начальство вновь запрягло всѣхъ учителей въ прежнее тяжкое ярмо...

VII.

Наступила крымская война, и жестокости и самодурства сами собою внезапно ослабѣли: полкъ получилъ приказаніе готовиться къ походу, и начальство занялось приведеніемъ въ порядокъ своихъ служебныхъ и собственныхъ дѣлъ, почему ему уже недосугъ было продолжать свою строгую систему съ подчиненными. Тѣмъ не менѣе солдаты жаждали пуститься скорѣе въ путь, чтобы, какъ говорили, при схваткахъ съ непріятелемъ—за одно расправиться и со своими тиранами, за претерпѣнныя отъ нихъ физическія и нравственныя мученія. Точно также и кантонисты нетерпѣливо ждали удаленія полка, въ надеждѣ безъ него и, въ особенности, полкового командира, — на смягченіе ихъ участи.

И дѣйствительно, со дня ухода полка кантонисты, учители унтеръ-офицеры и чиновники, да и оставшійся десятокъ офицеровъ почувствовали себя облегченными: принявшій начальствованіе надъ ними, маіоръ Оландеръ, человѣкъ, сравнительно съ ушедшими, добрый, какъ временный, никого не обижалъ, а сразу распорядился занимать кантонистовъ ежедневно, по нѣсколько часовъ, только тѣмъ, чѣмъ слѣдовало— классными уроками и, лишь иногда—

фронтовыми упражненіями, да наказалъ офицерамъ, фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ воздерживаться отъ кулачной расправы и употребленія розогъ. Потомъ впродолженіе войны кантонистское начальство, заинтересованное ея ходомъ,—ежедневно собиралось въ канцелярію и проводило подолгу время за чтеніемъ и обсужденіемъ получавшихся отрывочныхъ реляцій, свѣдѣній и писемъ отъ ушедшихъ сослуживцевъ, причемъ постепенно предоставило кантонистамъ улучшенныя продовольствіе, обмундировку и проч., такъ что они жили безобидно.

Кончилась война, и ожидавшійся возвратъ въ Нижній полка породилъ во всѣхъ сильнѣйшее, опасеніе какъ бы памятныя всѣмъ жестокости не возобновились, но, ко всеобщей невыразимой радости, опасенія оказались напрасными: слишкомъ двухлѣтнее многократное передвиженіе полка по разнымъ мѣстамъ, тревожная походная жизнь, среди различныхъ обстановокъ и всякаго высшаго начальства, произвели полный переворотъ въ умахъ, сердцахъ и наклонностяхъ офицеровъ и солдатъ. Такъ, офицеры утратили вѣру въ прелесть шагистики и одухотворявшія ее тѣлесныя наказанія, да и практиковать ихъ, на чужбинѣ, просто остерегались изъ самосохраненія: изъ постоянно находившихся въ пути съ солдатами самыхъ суровыхъ офицеровъ — ночами, въ потьмахъ, прямо покалачивали, но виновныхъ не обнаруживали, либо цѣлыя роты единогласно угрожали отказами повиноваться, а производить разбирательства было некому и некогда. Оттого солдаты постепенно отвоевывали свое освобожденіе отъ прежняго тяжелаго ярма, выглядывали безъ страха, пріобрѣли солидарность, смѣлость. Словомъ, походъ сдѣлалъ всѣхъ неузнаваемыми, ибо одинаково забыли: офицеры—свои жестокія наклонности, а солдаты—свою забитость, и въ казармахъ вмѣсто прежнихъ стоновъ и рыданій раздавались уже смѣхъ и пѣсни.

Вдругъ полкъ упразднили, солдатъ распредѣлили въ стрѣлковые баталіоны, изъ офицеровъ однихъ—перевели, другихъ — отчислили по пѣхотѣ, третьихъ—уволили въ отставку, а кантонистовъ стали возвращать родителямъ и родственникамъ, съ восторгомъ уводившимъ ихъ во-свояси (въ 1858 г.). Наконецъ изъ кантонистовъ, оставшихся неразобранными, образовали военное училище на новыхъ, гуманныхъ началахъ, съ классными должностными лицами: инспекторомъ, учителями, письмоводителемъ и экономомъ. Послѣднюю должность, по просьбѣ начальника училища, полковника Гернера, принялъ Н. Е., сдѣлавшійся ближайшимъ его совѣтникомъ по педагогической части, такъ какъ все еще продолжалъ учительствовать въ гражданскомъ канцелярскомъ училищѣ; приэтомъ онъ затратилъ много труда, усилій и знаній на организацію военнаго училища и на устраненіе изъ него всего, что напоминало бы баталіонъ кантонистовъ.

Тѣмъ временемъ и существованію канцелярскаго училища приближался уже конецъ. И вотъ, сдѣлавъ послѣдній экзаменъ и пристроивъ къ мѣстамъ выпущенныхъ юношей, Н. Е. присутствовалъ въ 1861 г. при закрытіи училища, въ которомъ преподавалъ 24 года сряду, не пропустивъ, какъ съ гордостью говорилъ

ни одного урока... Съ глубокою грустью разставшись съ училищемъ (зданіе обращено было въ богадѣльню), онъ свелъ знакомство съ ея смотрителемъ и хаживалъ туда вспоминать былое и посидѣть въ комнатахъ, изъ которыхъ вышло болѣе 1000 чиновниковъ, ежегодно выслушивалъ признательности начальства, родителей и воспитанниковъ, получалъ награды: въ 1844 г.—50 р., въ 1854 г.—30 руб., въ 1856 г.—30 руб. и въ 1861 г.—100 р., а закончилъ преподавательство съ высшимъ окладомъ жалованія по 125 руб. въ годъ и, хотя изъ него удерживалось 2% въ пенсіонный капиталъ, но правъ на пенсію онъ не пріобрѣлъ потому, что все время состоялъ на коронной военной службѣ.

Разставшись съ канцелярскимъ училищемъ, Н. Е. отдался весь военному училищу, въ которомъ тщательно охранялъ интересы питомцевъ, но тоже не долго: въ 1865 г. и оно было упразднено, а онъ вышелъ въ отставку съ пенсіею, за выслугу 40 лѣтъ, по 289 руб. 72 коп.

Привыкнувъ къ безпрерывной дѣятельности и оставшись безъ нея, Н. Е. находилъ утѣшеніе въ посѣщеніяхъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ по прежнему окружали его бывшіе ученики, дѣлами которыхъ онъ по прежнему же интересовался и занимался по мѣрѣ силъ и вліянія, которымъ все еще располагалъ, ибо будучи виднымъ нижегородскимъ старожиломъ, онъ былъ извѣстенъ всѣмъ отъ базарныхъ торговокъ до разныхъ предсѣдателей включительно, а они продолжали считать его искреннимъ другомъ человѣчества. Онъ умеръ 76 лѣтъ въ 1893 г.

Вотъ какими розами и шипами усыпано было въ старину педагогическое поприще.

В. Никитинъ.

Савойскій домъ и Италія.

I.

Викторъ-Эмануилъ I. — Карлъ-Феликсъ. — Карлъ-Альбертъ.

Послѣднія прискорбныя событія въ Италіи и трагическая кончина короля Гумберта опять обратили вниманіе всего цивилизованнаго міра на эту страну. Въ такія минуты всегда является потребность возобновить въ памяти ближайшее прошлое, и мы, согласно заранѣе намѣченному нами плану— по возможности отвѣчать исторической справкой на запросы дня, въ печатаемой нами статьѣ хотѣли-бы придти на встрѣчу этой духовной потребности.

Девятнадцатый вѣкъ знаменателенъ для Италіи и для судебъ, тѣсно связаннаго съ нею Савойскаго дома. Много перемѣнъ испытала классическая древняя колыбель европейской цивилизаціи за эти истекшія десятилѣтія, видя возвышеніе Сардинской династіи, объединеніе расчлененной прежде страны, паденіе свѣтской власти папы, включеніе Италіи въ троиственный союзъ при отчужденіи отъ ея естественной союзницы, Франціи,—и передъ глазами современниковъ прошли, за этотъ періодъ времени, такія историческія лица, какъ Пій IX, Викторъ-Эмануилъ, Гарибальди, Мацципи, Кавуръ и другія, вліявшія въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ на положеніе отечества.

Наполеонъ I, овладѣвшій Италіей въ началѣ столѣтія, сошелъ со сцены, и въ Вѣнѣ собрался конгрессъ, имѣвшій цѣлью «водвореніе порядка въ Европѣ», но неспособный, въ сущности, исполнить свою задачу, потому что въ основу ея легли идеи, уже несогласныя съ духомъ времени и вызванныя, большею частью, лишь корыстными стремленіями

разныхъ правительствъ, пользовавшихся, въ этомъ случаѣ, общимъ смутнымъ состояніемъ умовъ. Вслѣдствіе этого австрійцы, мечтавшіе о завладѣніи Венеціей и Ломбардіей, были встрѣчены населеніемъ этихъ областей радостно, какъ избавители отъ французскаго ига. Народъ видѣлъ въ нихъ лишь союзниковъ, а не новыхъ поработителей. Тоже было и въ другихъ частяхъ Италіи: ненависть къ французскому господству заставляла жителей привѣтствовать возвращеніе прежнихъ властителей. Король Викторъ-Эмануилъ I былъ также встрѣченъ съ восторгомъ своими сардинцами. Благодушный отъ природы, этотъ король дѣйствительно желалъ лишь счастія своихъ подданныхъ, но, къ сожалѣнію, не обладалъ способностями, нужными для правителя, и былъ лишь послушнымъ орудіемъ своихъ министровъ, съумѣвшихъ заставить его отвергнуть многое хорошее изъ введеннаго французами. Такъ былъ отмѣненъ кодексъ Наполеона и вернулись прежніе административные порядки со всѣми ихъ недостатками и злоупотребленіями. Затѣмъ, получивъ титулъ «Пьемонтскаго» короля, вмѣсто прежняго «Сардинскаго», Викторъ-Эмануилъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Генуя, тщетно отстаивавшую республиканскую свободу. Тоже происходило и въ другихъ мѣстахъ, не исключая и папской области. Реакція вездѣ была полная, доходившая до комизма; напр., окружающіе папу добились отъ него указа, которымъ воспрещалось прививаніе оспы и зажиганіе фонарей въ Римѣ, на основаніи того, что эти новшества были введены французами.

Особенно жестокими репрессивными мѣрами отличилось неаполитанское правительство, подготовляя тѣмъ почву для будущей революціи. И дѣйствительно, бурные, мятежные дни не заставили себя ждать въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Борьба революціонной партіи съ королевской велась съ перемѣннымъ успѣхомъ, но закончилась тѣмъ, что король Фердинандъ, обѣщавъ даровать народу конституцію, уѣхалъ въ Вѣну, оставивъ въ Неаполѣ регентомъ своего сына; но онъ скоро воротился назадъ съ австрійскими штыками, и дѣло свободы было надолго потеряно.

Между тѣмъ, на сѣверѣ Италіи происходили другія событія. Викторъ-Эмануилъ I, возвратившій себѣ престолъ, тоже возстановилъ у себя прежніе порядки, отмѣненные французами. Такимъ образомъ, повидимому, Савойскій домъ былъ столь же далекъ отъ введенія либеральныхъ учрежденій, какъ и другіе итальянскіе правители, но наслѣдникъ престола, племянникъ

короля, принцъ Карлъ-Альбертъ Кариньянскій [1]), не раздѣлялъ такого консервативнаго направленія и былъ надеждою либеральной партіи. Говорили, что онъ принадлежалъ даже къ обществу карбонаріевъ, ярыхъ противниковъ господствовавшаго режима, подчинявшаго Италію иноземцамъ.

Друзья молодого принца успѣли склонить на свою сторону армію. Все было готово къ революціи, и даже гвардейскіе полки, съ которыми король, узнавъ о возстаніи въ Александріи и другихъ городахъ, выступилъ изъ Турина, перешли на сторону революціонеровъ. Видя невозможность остановить движеніе, но не желая подчиниться мятежникамъ, король отказался отъ престола въ пользу своего брата, Карла-Феликса, назначивъ, за отсутствіемъ этого принца, регентомъ королевства принца Карла-Альберта. Самъ же король удалился въ Ниццу.

Карлъ-Альбертъ Кариньянскій былъ поставленъ въ ложное положеніе: народъ, довольный оборотомъ дѣлъ, признавалъ его своимъ вождемъ и требовалъ отъ него конституціи, подобной той, которая была вынуждена у неаполитанскаго короля и носила названіе «испанской». Между тѣмъ принцъ, правя лишь въ качествѣ регента, не имѣлъ законодательной власти. Съ другой стороны, ждать прибытія Карла-Феликса было тоже невозможно въ виду возраставшаго народнаго волненія. Принцъ-регентъ колебался; наконецъ мольбы и совѣты лучшихъ гражданъ Турина и членовъ муниципалитета заставили его уступить, но онъ издалъ лишь декларацію, въ которой, соглашаясь ввести требуемую населеніемъ конституцію, дѣлалъ ту оговорку, что его слово не связываетъ короля, вольнаго утвердить или отмѣнить принятую форму правленія. Гражданскія и военныя власти скрѣпили эту декларацію своей подписью, прибавя тутъ же, что они настояли на томъ, чтобы регентъ ввелъ конституцію ради успокоенія мятежа, грозившаго принять опасные размѣры.

Такъ было въ дѣйствительности и Карлъ-Альбертъ не нарушалъ своимъ поступкомъ вѣрности королю, который не понялъ, однако, настоящаго положенія вещей и не пошелъ ни на какія уступки. Онъ объявилъ, прежде всего, что приметъ престолъ не иначе, какъ изъ рукъ самого

---

1) Король Викторъ-Эмануилъ I не имѣлъ дѣтей: братъ его, Карлъ-Феликсъ, былъ тоже бездѣтенъ: третій братъ, Карлъ-Эмануилъ Кариньянскій, женатый на принцессѣ Саксенъ-Курляндской, умеръ въ 1800 г., но у него оставался сынъ, Карлъ-Альбертъ, къ которому и должны были перейти, со временемъ, права на престолъ.

бывшаго короля Виктора-Эмануила, поставленнаго притомъ въ условія, которыя не оказывали бы никакого давленія на его волю. Что же касалось конституціи, то онъ отвергалъ ее вполнѣ, какъ не соотвѣтствующую его понятіямъ о королевскомъ достоинствѣ.

Положеніе молодого принца-регента становилось чрезвычайно затруднительнымъ. Истощивъ всѣ усилія къ тому, чтобы сломить упорство Карла-Феликса, онъ не могъ однако объявить себя открытымъ вождемъ революціонной партіи, да и не былъ имъ въ дѣйствительности: всѣми дѣлами партіи правила юнта, засѣдавшая въ Алессандріи, имѣя во главѣ своей Санъ-Марсано, Санта-Росу и другихъ. Передъ принцемъ было лишь два пути: оставаться вѣрноподданнымъ или перейти на сторону революціи. Онъ не могъ рѣшиться на послѣднее, видя необдуманность и разъединеніе среди самихъ ея вождей, и предпочелъ, сложивъ съ себя обязанности регента, удалиться изъ Турина съ нѣкоторыми полками. Его политическая дѣятельность была окончена. Если его бывшіе приверженцы ошибались, приписывая его удаленіе австрійскимъ интригамъ, то самъ онъ предугадывалъ вѣрно близкое пораженіе революціонеровъ при помощи Австріи, которая, подъ предлогомъ подавленія возстанія въ пользу Карла-Феликса, водворилась въ Пьемонтѣ послѣ побѣды надъ возставшими. Въ силу заключеннаго съ пьемонтскимъ правительствомъ договора, 12-тысячный австрійскій корпусъ расположился въ разныхъ частяхъ страны, какъ у себя дома.

Подавленіе революціи въ Пьемонтѣ, а одновременно съ тѣмъ и въ другихъ мѣстностяхъ, повлекло за собою самую безпощадную реакцію. Мелкіе владѣтели, какъ бы чувствуя непрочность своего положенія, старались подражать болѣе сильнымъ, изъ которыхъ особенно прославились: король Обѣихъ Сицилій, герцогъ Моденскій и новый папа, Левъ XII, избранный за смертью Пія VII. При этомъ новомъ намѣстникѣ св. Петра всѣ учебныя заведенія и даже обсерваторіи были отданы въ завѣдываніе іезуитамъ; дѣла, подлежащія обыкновенному свѣтскому суду, перешли въ руки духовенства, причемъ предписывалось вести и все судоговореніе не иначе, какъ на латинскомъ языкѣ. Главною опорою папской власти была признана инквизиція, благодаря которой, опять по малѣйшему доносу, гибли сотни невинныхъ жертвъ...

Левъ XII занималъ папскій престолъ около шести лѣтъ; преемникомъ его былъ Пій VIII, бывшій папою лишь годъ

и 8 мѣсяцевъ, но съумѣвшій, за это короткое время, еще болѣе усилить грозныя мѣры своего предшественника, несмотря на то, что вспыхнувшая уже (въ іюлѣ 1830 г.) революція въ Парижѣ возбудила надежды всѣхъ тайныхъ политическихъ обществъ въ Италіи. Въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій дѣло дошло до открытаго возстанія, но Луи-Филиппъ и его супруга, тетка молодого неаполитанскаго короля, вступившаго на престолъ за смертью Франциска I, тщетно уговаривали его не отказываться отъ нѣкоторыхъ либеральныхъ реформъ, вынуждаемыхъ духомъ времени. Всѣ эти совѣты оказались напрасными. Францискъ II какъ бы стремился превзойти своего отца крутыми мѣрами противъ всего, что носило малѣйшій оттѣнокъ либерализма.

Въ Пьемонтѣ отнеслись къ дѣлу осторожнѣе. Карлъ-Феликсъ не могъ быть доволенъ парижскою революціей, но онъ считалъ нужнымъ скрывать свои чувства, призналъ Луи-Филиппа королемъ и лишь принялъ мѣры для огражденія своихъ владѣній отъ мятежа. Иначе поступилъ герцогъ Моденскій Францискъ IV. Питая скрытые честолюбивые замыслы, онъ вступилъ въ тайный союзъ съ тою революціонною партіей, главою которой былъ Чирусъ Менотти, надѣявшійся на помощь Франціи. Но когда эта надежда оказалась призрачною и мечта Франциска сдѣлаться властителемъ всей серединной Италіи исчезла, онъ предательски арестовалъ того же Менотти, вывезъ тайно свою казну и драгоцѣнности и бѣжалъ въ Мантую подъ покровительство австрійцевъ, которые, подавивъ возстаніе въ Болоньѣ, Анконѣ, Римѣ и другихъ городахъ, скоро дали ему возможность возвратиться въ свою столицу и казнить тамъ своихъ бывшихъ революціонеровъ-союзниковъ, Борелли и Менотти [2]).

Новый папа, Григорій XII, держался на своемъ престолѣ тоже лишь благодаря австрійскимъ штыкамъ. Римская курія не внимала даже благоразумнымъ предостереженіямъ дружественныхъ европейскихъ правительствъ, оффиціально совѣтовавшихъ папѣ ввести въ своихъ владѣніяхъ нѣкоторыя реформы. Григорій XII разсчитывалъ лишь на Австрію и призвалъ себѣ на помощь снова ея полки.

Французское правительство не могло однако оставаться равнодушнымъ къ полному господству Австріи въ Италіи и послало

---

[2]) Борелли былъ повѣшенъ публично, а Менотти задушенъ въ тюрьмѣ. Герцогъ боялся, что всенародная казнь Менотти вызоветъ слишкомъ сильный взрывъ негодованія даже за предѣлами Модены.

въ папскую область свой дессантъ, занявшій Анкону даже безъ выстрѣла. Это заставило папу одуматься и, послѣ нѣсколькихъ дипломатическихъ проволочекъ, французская оккупація была признана, ради чести папы, какъ бы состоявшеюся по его собственному желанію.

Эти событія не образумили молодого короля Обѣихъ Сицилій, и онъ, вмѣсто всякихъ реформъ, „продолжалъ лишь поощрять изобрѣтенія новыхъ орудій пытки», по краснорѣчивому выраженію Виктора Гюго. Но усиленіе жестокостей удвоивало и ревность революціонеровъ. Мадзини, со своимъ обществомъ Юной Италіи, дѣйствовалъ успѣшно, хотя и былъ вынужденъ бѣжать съ полуострова. Съ другой стороны, вступленіе на папскій престолъ Пія IX, извѣстнаго своимъ добродушіемъ и гуманными наклонностями, обѣщало новую эру для многострадальной Италіи. Онъ началъ съ обнародованія амнистіи и это сразу привлекло къ нему сердца населенія, понизилъ налоги на предметы первой необходимости, замѣнилъ духовные суды свѣтскими, ввелъ новые порядки въ разныя части управленія. Все это не могло не вліять на другихъ итальянскихъ властителей. Карлъ-Альбертъ, занявшій пьемонтскій престолъ послѣ своего дяди, былъ однимъ изъ первыхъ, послѣдовавшихъ благому примѣру: онъ улучшилъ судопроизводство, допустилъ большую свободу печати и пр. Герцогъ Тосканскій тоже примкнулъ къ этому направленію, не имѣвшему, впрочемъ, ничего общаго съ грознымъ призракомъ общаго потрясенія, такъ пугавшимъ вѣнскихъ политиковъ, которые нашли нужнымъ двинуть, въ видѣ угрозы, австрійскіе полки въ Феррару, принадлежавшую къ папскимъ владѣніямъ. Пій IX протестовалъ, хотя втайнѣ не желалъ ссориться съ Австріей. Между тѣмъ, въ Ломбардіи и Венеціи, которымъ было особенно чувствительно австрійское иго, все было уже готово къ возстанію. Первымъ поднялся Миланъ, и несмотря на то, что австрійскими полками командовалъ Радецкій, австрійцы должны были отступить послѣ пятидневнаго упорнаго боя. Но этого было мало для сохраненія свободы, и миланцы обратились съ воззваніемъ о помощи ко всей Италіи. Первыми откликнулись на этотъ призывъ Венеція и Пьемонтъ. Карлъ-Альбертъ вступилъ немедленно съ 24 тысячнымъ корпусомъ въ Павію, перейдя Тичино, и встрѣтилъ австрійцевъ между крѣпостями Мантуей и Пескіерой. Послѣ жаркаго боя Радецкій былъ вынужденъ укрыться въ Мантую, а на помощь пьемонтцамъ выступили изъ Тосканы еще 6000

человѣкъ. Еще важнѣе, не только въ матеріальномъ, но и въ нравственномъ смыслѣ, было то, что самъ папа выслалъ помощь войскомъ, благословляя италіанцевъ на бой,—хотя, впрочемъ, въ рѣчи своей по этому случаю и говорилъ лишь о защитѣ Церковной области, а не о дѣлѣ освобожденія всей Италіи отъ иноземцевъ.

Пьемонтцы одерживали, между тѣмъ, одну побѣду за другою, и довѣріе къ Карлу-Альберту и его войскамъ росло повсюду, но самъ онъ видѣлъ непрочность своего положенія, вслѣдствіе необходимости слишкомъ растянуть свою линію; тѣмъ не менѣе, онъ успѣлъ овладѣть Пескіерой, сдавшейся на капитуляцію, причемъ пьемонтцамъ досталось много военной добычи. При Гонто произошла новая битва, во время которой самъ Карлъ-Альбертъ былъ раненъ пулею въ ухо, а сынъ его, Викторъ-Эмануилъ, будущій король объединенной Италіи, получилъ тоже рану въ бедро, дававшую чувствовать себя потомъ во всю его остальную жизнь.

Радецкій, видя неуспѣхъ прямой борьбы съ пьемонтцами, перемѣнилъ тактику и сталъ нападать на отдѣльные города, направивъ главную атаку на Виченцу, защищенную въ то время римскимъ отрядомъ въ 5000 человѣкъ. Весь гарнизонъ города состоялъ лишь, въ общей сложности, изъ 10000 ч., между тѣмъ какъ австрійцы располагали вдвое большими силами. Однако, они были вынуждены отступать нѣсколько разъ, пока Радецкому не удалось занять сосѣднія высоты и оттуда обстрѣливать городъ, который былъ принужденъ, наконецъ, выкинуть бѣлый флагъ. Когда гарнизонъ вышелъ изъ городскихъ воротъ, даже австрійскіе полки не отказали ему въ военныхъ почестяхъ, отдавъ дань уваженія его мужеству.

Но если Виченца покрыла себя неувядаемой славой, паденіе ея было все же роковымъ для дѣла освобожденія Италіи. Одинъ за другимъ были взяты австрійцами другіе города: Тревича, Падуя, Ровиго и пр. не была занята австрійцами одна Венеція, на которую Австрія рѣшила обратить вниманіе позже, озабочиваясь заключеніемъ мира съ Карломъ-Альбертомъ; его положеніе, несмотря на то, что онъ не воспользовался случаемъ для нанесенія рѣшительнаго удара въ тылъ Радецкому, занятому въ то время осадой Виченцы, было настолько сильно, что Австрія находила для себя выгоднымъ заключить миръ съ такимъ противникомъ. Но она требовала уступки Ломбардіи до р. Эчъ. Карлъ-Альбертъ не хотѣлъ согласиться на оставленіе Венеціи въ рукахъ непріятеля. Онъ началъ

войну ради освобожденія Италіи и не могъ закончить ее лишь въ свою собственную пользу: присоединить часть Ломбардіи къ своимъ владѣніямъ при такихъ условіяхъ значило бы для него получить ее не по свободному желанію населенія, а какъ бы цѣною сдѣлки съ врагомъ. Карлъ-Альбертъ былъ щекотливъ въ этомъ отношеніи до того, что несмотря на громадное большинство, высказавшееся, при народномъ голосованіи, за такое присоединеніе, онъ заявилъ, что приметъ это рѣшеніе не иначе, какъ если оно будетъ формально подтверждено парламентомъ. Онъ не согласился, поэтому, ни на какіе переговоры и одержалъ снова нѣсколько побѣдъ надъ австрійцами, но наступилъ, наконецъ, роковой бой при Кустоццѣ, въ которомъ Карлу-Альберту съ 25000 войска пришлось выступить противъ 55000-ной арміи Радецкаго. Послѣ отчаяннаго сопротивленія, длившагося полсутокъ, піемонтцамъ пришлось отступить къ Вольжѣ, затѣмъ къ Кремонѣ, еще далѣе къ Лоди, и дать послѣднее сраженіе подъ самыми стѣнами Милана. Побѣда осталась нерѣшенною, но король понималъ, что городъ все же осужденъ на гибель и подписалъ капитуляцію, внѣшнимъ образомъ вполнѣ почетную. Этотъ шагъ, внушенный благоразуміемъ и желаніемъ спасти Миланъ отъ ужасовъ штурма, испытанныхъ уже другими городами, былъ истолкованъ жителями иначе: раздались крики объ измѣнѣ... Этого упрека не могъ вынести король и разорвалъ, на глазахъ толпы, подписанный съ Радецкимъ договоръ. Но послѣ этого онъ не считалъ себя въ правѣ оставаться въ Миланѣ и покинулъ этотъ городъ съ небольшимъ отрядомъ преданныхъ ему берсальеровъ. Австрійцы торжествовали во всей сѣверной Италіи, а на югѣ ея Францискъ II возстановлялъ и укрѣплялъ свою власть бомбардировкой Мессины и другихъ городовъ.

Римъ также волновался... Энтузіазмъ, возбужденный добрыми начинаніями Пія IX, смѣнился недовѣріемъ... Въ это время, единственный человѣкъ способный заставить папу вступить на путь либеральныхъ реформъ, министръ Росси, сторонникъ конституціоннаго образа правленія, былъ убитъ по пути въ парламентъ. У него было много враговъ: клерикальная партія ненавидѣла его за либерализмъ, крайніе радикалы не мирились съ его преданностью папѣ. Которая изъ этихъ партій выслала противъ него убійцу, осталось неизвѣстнымъ.

Папа могъ считать себя самого въ опасности: цѣлый день бушевала толпа около Квиринала, вступивъ въ столкновеніе

съ папскою военной охраной: съ той и другой стороны было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ; одинъ изъ прелатовъ, выглянувшій изъ окна, былъ убитъ, и народъ едва не ворвался въ папскій дворецъ, но одному изъ членовъ кабинета, кардиналу Галеотти, удалось проникнуть къ Пію IX и уговорить его назначить новое министерство, угодное населенію. Папа уступилъ, но не рѣшился оставаться долѣе въ Римѣ и скрылся ночью въ одеждѣ простого священника въ Гаэту, гдѣ отдался подъ покровительство неаполитанскаго короля.

Бѣгство папы развязало руки революціонерамъ; въ Римѣ была провозглашена республика. То-же произошло во Флоренціи, когда стало извѣстнымъ, что герцогъ тосканскій покинулъ свои владѣнія и бѣжалъ также въ Гаэту.

Всѣ эти событія ставили пьемонтскаго короля въ крайне затруднительное положеніе. Чтобы не быть заподозрѣннымъ въ угодничествѣ австрійцамъ, осаждавшимъ Венецію и снова занявшимъ всю Ломбардію, король долженъ былъ продолжать войну, которая грозила, однако, полною неудачей, тогда какъ сохраненіе нейтралитета грозило революціей въ его собственныхъ владѣніяхъ. Оказать помощь Карлу - Альберту въ такихъ обстоятельствахъ могла только Франція, но она была слишкомъ озабочена своими внутренними дѣлами: въ это время (конецъ 1848 г.) должны были произойти выборы президента республики. Кандидатами на этотъ постъ выступили генералъ Кавеньякъ и принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ. Послѣдній одержалъ верхъ, и французское правительство рѣшилось вмѣшаться въ римскія дѣла, но уже безъ опредѣленной цѣли: въ качествѣ республики, Франціи слѣдовало поддержать возстаніе, но дѣйствовать открыто противъ папы, обратившагося съ воззваніемъ о помощи ко всѣмъ католическимъ державамъ, казалось бы неловкимъ и не въ интересахъ Бонапарта. Было кромѣ того неизвѣстно, какъ примутъ возставшіе римляне французовъ: какъ друзей или недруговъ?

Народъ высказался въ пользу послѣдняго мнѣнія, выразителемъ котораго явился Мадзини, и римское народное собраніе заявило, что оно протестуетъ во имя Бога и воли всего населенія противъ непрошенаго вмѣшательства, возлагая отвѣтственность за всѣ послѣдствія на Францію. Въ то же время Римъ приготовился къ отпору на случай приближенія французовъ. Главнокомандующій французскими силами, генералъ Удино, предполагалъ, однако, занять городъ безъ выстрѣла и затѣмъ предъявить папѣ извѣстныя требованія для удовлетво-

ренія его возставшихъ подданныхъ. Вышло иначе; Римъ оказалъ отчаянное сопротивленіе, но сила была на сторонѣ французовъ, и народное собраніе рѣшило не продолжать безполезной борьбы. Самъ легендарный герой Гарибальди сказалъ въ отвѣтъ на шумное воззваніе Мадзини продолжать оборону, что это вело бы лишь къ продолженію кровопролитія, а не спасенію Рима, и вышелъ изъ города съ отрядомъ, приблизительно въ 5,000 ч., намѣреваясь вести партизанскую войну противъ австрійцевъ въ Тосканѣ и Пьемонтѣ. Но онъ терпѣлъ неудачи, войско его рѣдѣло, и самъ онъ едва избѣгъ гибели. Добравшись лишь съ нѣсколькими уцѣлѣвшими товарищами до границы Пьемонта, онъ покинулъ Европу, въ которую возвратился лишь черезъ десять лѣтъ, чтобы содѣйствовать объединенію Италіи подъ скипетромъ Виктора-Эмануила.

Венеція, освободившаяся уже въ это время отъ Австріи благодаря Манину и его сподвижникамъ, рѣшила, при первыхъ побѣдахъ Карла-Альберта, присоединиться къ Пьемонту но когда стало извѣстнымъ, что послѣдовавшія затѣмъ пораженія заставили его заключить перемиріе, допускавшее австрійцевъ снова въ Миланъ, отказалась отъ этого рѣшенія и предпочла дѣйствовать самостоятельно подъ диктаторскою властью единодушно избраннаго Манина. Но общія силы венеціанской республики, со включеніемъ прибывшихъ къ ней на помощь другихъ итальянцевъ, равнялись лишь 20,000 ч. Вслѣдствіе этого, Манинъ и его товарищъ Томазсо просили помощи у французскаго правительства, въ надеждѣ на то, что и Пьемонтъ поддержитъ ихъ ходатайство. Но самого Карла-Альберта уже тревожило расположеніе на альпійской границѣ французскаго 50,000-наго корпуса, готоваго къ вторженію въ Италію чрезъ Пьемонтъ для овладѣнія ею, при чемъ первымъ устраненнымъ съ престола оказался бы самъ Карлъ-Альбертъ. Между тѣмъ онъ, мечтая уже объ объединеніи Италіи, хотѣлъ быть главою національнаго движенія и произнесъ извѣстныя слова: «Италія справится сама (Italia fara da se)». Другая держава, Англія, къ которой тоже обратилась Венеція, отвѣтила откровенно устами своего консула, что ей не приходится помогать республикамъ, потому что у нея самой всегда можетъ вспыхнуть возстаніе въ Индіи и даже поближе, въ Ирландіи. Помощь явилась наконецъ съ той стороны, съ которой ея всего менѣе можно было ожидать—изъ Неаполя. Дѣло въ томъ, что неаполитанская армія занимала, въ выжидательномъ положеніи, долину р. По, не переходя на ея

съ папскою военной охраной: съ той и другой стороны было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ; одинъ изъ прелатовъ, выглянувшій изъ окна, былъ убитъ, и народъ едва не ворвался въ папскій дворецъ, но одному изъ членовъ кабинета, кардиналу Галеотти, удалось проникнуть къ Пію IX и уговорить его назначить новое министерство, угодное населенію. Папа уступилъ, но не рѣшился оставаться долѣе въ Римѣ и скрылся ночью въ одеждѣ простого священника въ Гаэту, гдѣ отдался подъ покровительство неаполитанскаго короля.

Бѣгство папы развязало руки революціонерамъ; въ Римѣ была превозглашена республика. То-же произошло во Флоренціи, когда стало извѣстнымъ, что герцогъ тосканскій покинулъ своя владѣнія и бѣжалъ также въ Гаэту.

Всѣ эти событія ставили пьемонтскаго короля въ крайне затруднительное положеніе. Чтобы не быть заподозрѣннымъ въ угодничествѣ австрійцамъ, осаждавшимъ Венецію и снова занявшимъ всю Ломбардію, король долженъ былъ продолжать войну, которая грозила, однако, полною неудачей, тогда какъ сохраненіе нейтралитета грозило революціей въ его собственныхъ владѣніяхъ. Оказать помощь Карлу-Альберту въ такихъ обстоятельствахъ могла только Франція, но она была слишкомъ озабочена своими внутренними дѣлами: въ это время (конецъ 1848 г.) должны были произойти выборы президента республики. Кандидатами на этотъ постъ выступили генералъ Кавеньякъ и принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ. Послѣдній одержалъ верхъ, и французское правительство рѣшилось вмѣшаться въ римскія дѣла, но уже безъ опредѣленной цѣли: въ качествѣ республики, Франціи слѣдовало поддержать возстаніе, но дѣйствовать открыто противъ папы, обратившагося съ воззваніемъ о помощи ко всѣмъ католическимъ державамъ, казалось бы неловкимъ и не въ интересахъ Бонапарта. Было кромѣ того неизвѣстно, какъ примутъ возставшіе римляне французовъ: какъ друзей или недруговъ?

Народъ высказался въ пользу послѣдняго мнѣнія, выразителемъ котораго явился Мадзини, и римское народное собраніе заявило, что оно протестуетъ во имя Бога и воли всего населенія противъ непрошенаго вмѣшательства, возлагая отвѣтственность за всѣ послѣдствія на Францію. Въ то же время Римъ приготовился къ отпору на случай приближенія французовъ. Главнокомандующій французскими силами, генерал Удино, предполагалъ, однако, занять городъ безъ [illegible] затѣмъ предъявить папѣ извѣстныя требованія для

ренія его возставшихъ подданныхъ. Вышло иначе; Римъ оказалъ отчаянное сопротивленіе, но сила была на сторонѣ французовъ, и народное собраніе рѣшило не продолжать безполезной борьбы. Самъ легендарный герой Гарибальди сказалъ въ отвѣтъ на шумное волненіе Мадзини продолжать оборону, что это вело бы лишь къ продолженію кровопролитія, а не спасенію Рима, и вышелъ изъ города съ отрядомъ, приблизительно въ 5,000 ч., намѣреваясь вести партизанскую войну противъ австрійцевъ въ Тосканѣ и Піемонтѣ. Но онъ терпѣлъ неудачи, войско его рѣдѣло, и самъ онъ едва избѣгъ гибели. Добравшись лишь съ нѣсколькими уцѣлѣвшими товарищами до границы Піемонта, онъ покинулъ Европу, въ которую возвратился лишь черезъ десять лѣтъ, чтобы содѣйствовать объединенію Италіи подъ скипетромъ Виктора-Эммануила.

[illegible] уже къ этому времени отъ Австріи [illegible]

и 8 мѣсяцевъ, но съумѣвшій, за это короткое время, еще болѣе усилить грозныя мѣры своего предшественника, несмотря на то, что вспыхнувшая уже (въ іюлѣ 1830 г.) революція въ Парижѣ возбудила надежды всѣхъ тайныхъ политическихъ обществъ въ Италіи. Въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій дѣло дошло до открытаго возстанія, но Луи-Филиппъ и его супруга, тетка молодого неаполитанскаго короля, вступившаго на престолъ за смертью Франциска I, тщетно уговаривали его не отказываться отъ нѣкоторыхъ либеральныхъ реформъ, вынуждаемыхъ духомъ времени. Всѣ эти совѣты оказались напрасными. Францискъ II какъ бы стремился превзойти своего отца крутыми мѣрами противъ всего, что носило малѣйшій оттѣнокъ либерализма.

Въ Пьемонтѣ отнеслись къ дѣлу осторожнѣе. Карлъ-Феликсъ не могъ быть доволенъ парижскою революціей, но онъ считалъ нужнымъ скрывать свои чувства, призналъ Луи-Филиппа королемъ и лишь принялъ мѣры для огражденія своихъ владѣній отъ мятежа. Иначе поступилъ герцогъ Моденскій Францискъ IV. Питая скрытые честолюбивые замыслы, онъ вступилъ въ тайный союзъ съ тою революціонною партіей, главою которой былъ Чирусъ Менотти, надѣявшійся на помощь Франціи. Но когда эта надежда оказалась призрачною и мечта Франциска сдѣлаться властителемъ всей серединной Италіи исчезла, онъ предательски арестовалъ того же Менотти, вывезъ тайно свою казну и драгоцѣнности и бѣжалъ въ Мантую подъ покровительство австрійцевъ, которые, подавивъ возстаніе въ Болоньѣ, Анконѣ, Римѣ и другихъ городахъ, скоро дали ему возможность возвратиться въ свою столицу и казнить тамъ своихъ бывшихъ революціонеровъ-союзниковъ, Борелли и Менотти [2]).

Новый папа, Григорій XVI, держался на своемъ престолѣ тоже лишь благодаря австрійскимъ штыкамъ. Римская курія не внимала даже благоразумнымъ предостереженіямъ дружественныхъ европейскихъ правительствъ, оффиціально совѣтовавшихъ папѣ ввести въ своихъ владѣніяхъ нѣкоторыя реформы. Григорій XVI разсчитывалъ лишь на Австрію и призвалъ себѣ на помощь снова ея полки.

Французское правительство не могло однако оставаться равнодушнымъ къ полному господству Австріи въ Италіи и послало

[2]) Борелли былъ повѣшенъ публично, а Менотти задушенъ въ тюрьмѣ. Герцогъ боялся, что всенародная казнь Менотти вызоветъ слишкомъ сильный взрывъ негодованія даже за предѣлами Модены.

въ папскую область свой десантъ, занявшій Анкону даже безъ выстрѣла. Это заставило папу одуматься и, послѣ нѣсколькихъ дипломатическихъ проволочекъ, французская оккупація была признана, ради чести папы, какъ бы состоявшеюся по его собственному желанію.

Эти событія не образумили молодого короля Обѣихъ Сицилій, и онъ, вмѣсто всякихъ реформъ, „продолжалъ лишь поощрять изобрѣтенія новыхъ орудій пытки», по краснорѣчивому выраженію Виктора Гюго. Но усиленіе жестокостей удвоивало и ревность революціонеровъ. Мадзини, со своимъ обществомъ Юной Италіи, дѣйствовалъ успѣшно, хотя и былъ вынужденъ бѣжать съ полуострова. Съ другой стороны, вступленіе на папскій престолъ Пія IX, извѣстнаго своимъ добродушіемъ и гуманными наклонностями, обѣщало новую эру для многострадальной Италіи. Онъ началъ съ обнародованія амнистіи и это сразу привлекло къ нему сердца населенія, понизилъ налоги на предметы первой необходимости, замѣнилъ духовные суды свѣтскими, ввелъ новые порядки въ разныя части управленія. Все это не могло не вліять на другихъ итальянскихъ властителей. Карлъ-Альбертъ, занявшій пьемонтскій престолъ послѣ своего дяди, былъ однимъ изъ первыхъ, послѣдовавшихъ благому примѣру: онъ улучшилъ судопроизводство, допустилъ большую свободу печати и пр. Герцогъ Тосканскій тоже примкнулъ къ этому направленію, не имѣвшему, впрочемъ, ничего общаго съ грознымъ призракомъ общаго потрясенія, такъ пугавшимъ вѣнскихъ политиковъ, которые нашли нужнымъ двинуть, въ видѣ угрозы, австрійскіе полки въ Феррару, принадлежавшую къ папскимъ владѣніямъ. Пій IX протестовалъ, хотя втайнѣ не желалъ ссориться съ Австріей. Между тѣмъ, въ Ломбардіи и Венеціи, которымъ было особенно чувствительно австрійское иго, все было уже готово къ возстанію. Первымъ ...ялся Миланъ, и несмотря на то, что австрійскими полками ...командовалъ Радецкій, австрійцы должны были отступить ...ченія ...дневнаго упорнаго боя. Но этого было мало ... во ... свободы, и миланцы обратились съ воззваніемъ ... ченія всей Италіи. Первыми откликнулись на этотъ ... 24 и ... Карлъ-Альбертъ вступилъ ... Послѣ т ... ...сомъ въ Павію, перейдя Т... Мантую, : ... крѣпостями Мантуей ... 000 : ...цкій былъ вынужденъ ... ...цамъ выступили ...

...ь ...е ...і- ...ъ ...и- ...ми ...онъ ...ный ...тать ...ь го- ...ровъ. ...а югѣ ...власть ...жденный ...ъ... Въ ...заставить ...министръ ...нія, былъ ...о враговъ: ...ъ, крайніе ...которая изъ ...алось неиз- ...: цѣлый день ...столкновеніе

сѣверный берегъ. Король Францискъ II, слѣдуя своей двусмысленной политикѣ, дѣлалъ какъ бы демонстрацію въ пользу Венеціи; но въ самомъ Неаполѣ вспыхнулъ новый мятежъ, и генералъ Пепе, командовавшій арміей, получилъ приказъ немедленно возвратиться со всѣми своими силами въ столицу. Между тѣмъ, въ это же время, его призывали и Венеція, и Пьемонтъ. Пепе рѣшился пренебречь королевскимъ приказомъ и идти въ Венецію; ему удалось, однако, увлечь за собою лишь 2,500 человѣкъ съ 12 орудіями; остальные полки вернулись въ Неаполь.

Помощь Пепе была какъ нельзя болѣе кстати венеціанцамъ. Они вытѣснили австрійцевъ изъ Местры, служившей ключемъ къ Венеціи съ суши. Притомъ, австрійскому правительству приходилось бороться съ своими внутренними затрудненіями: роковой 1848 г. угрожалъ самой династіи Габсбурговъ, и Венеція осталась спокойной на время. Такъ прошелъ конецъ года, а между тѣмъ стало извѣстнымъ, что Карлъ-Альбертъ выступаетъ открыто на защиту Венеціи. Дѣйствительно, въ мартѣ мѣсяцѣ 1849 г. онъ объявилъ Радецкому, что нарушаетъ заключенное перемиріе.

Опытный австрійскій фельдмаршалъ воспользовался ошибкою (или, по толкамъ, измѣною) одного изъ пьемонтскихъ генераловъ и успѣлъ разрѣзать армію Карла-Альберта на двое, затѣмъ вступилъ самъ въ Пьемонтъ съ значительной силой и поспѣшилъ догнать самого короля у Новары.

Карлъ-Альбертъ, лично предводительствуя своими войсками, подавалъ всѣмъ примѣръ мужества. Сраженіе длилось съ полудня до ночи, но несмотря на весь героизмъ пьемонтцевъ, они были разбиты и король былъ вынужденъ вновь просить Радецкаго о перемиріи. Но предложенныя фельдмаршаломъ условія были до того унизительны, что Карлъ-Альбертъ не могъ согласиться на нихъ. Отступленіе къ Александріи было тоже невозможно, по отзыву всѣхъ генераловъ, созванныхъ на совѣтъ: путь былъ занятъ 30-тысячнымъ австрійскимъ корпусомъ, тогда какъ у пьемонтцевъ оставалось менѣе 10 тысячъ человѣкъ. Тогда Карлъ-Альбертъ заявилъ твердо, что отрекается отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эмануила, въ надеждѣ на то, что австрійцы потребуютъ отъ него менѣе тяжкой цѣны за миръ. Самъ онъ рѣшился покинуть навсегда Италію и удалился въ Опорто.

Пораженіе пьемонтцевъ было роковымъ ударомъ для Венеціи: Франція и Англія отказались оказать ей поддержку; тѣмъ не менѣе городъ рѣшился защищаться до послѣдней

крайности. Австрійцы начали военныя дѣйствія съ осады Мальгеры, важнаго пункта, защищавшаго Венецію съ сухого пути; но гарнизонъ этой крѣпости состоялъ всего изъ 2400 человѣкъ, тогда какъ австрійцы выставили 30-тысячное войско.

Мальгера, въ которую было пущено слишкомъ 70 тысячъ ядеръ, держалась, однако, три дня. Наконецъ, когда были разстрѣлены всѣ заряды, гарнизонъ очистилъ крѣпость по приказанію диктатора Манина и отступилъ въ Венецію, чтобы усилить средства ея обороны.

Самъ австрійскій генералъ Туринъ, бомбардировавшій Мальгеру, отдалъ должную дань удивленія мужеству ея геройскихъ защитниковъ.

Подвиги, совершонные венеціанцами для обороны своего города, могли бы казаться невѣроятными, если бы они не были засвидѣтельствованы самими ихъ врагами. Два мѣсяца длилась отчаянная борьба, и къ ужасамъ войны присоединился еще недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и холерная эпидемія, уносившая ежедневно десятки жертвъ. Неизбѣжная гибель города была очевидна, но народъ не хотѣлъ слышать о капитуляціи и едва не убилъ венеціанскаго патріарха, преданнаго дѣлу республики, но рѣшившагося заговорить о необходимости сдачи. Тѣмъ не менѣе, неотвратимое совершилось: самъ Манинъ предложилъ національному собранію не продолжать безполезной борьбы, и Венеція сдалась вполнѣ и безусловно, однако съ сохраненіемъ воинской чести: всѣмъ желающимъ покинуть городъ было дано это право; всѣмъ нижнимъ чинамъ дарована амнистія. Но 40 гражданъ, съ Маниномъ и Томазо во главѣ присуждались къ изгнанію, и Манинъ нашелъ убѣжище во Франціи, въ которой и умеръ въ 1857 г.

Но если австрійцы сравнительно пощадили Венецію, то не такъ обошлись они съ Брешіей, небольшимъ городкомъ на венеціанской территоріи, успѣвшимъ прогнать извѣстнаго Гайнау, но снова осажденнымъ имъ. Гайнау требовалъ отъ города сдачи безусловной, грозя, въ случаѣ отказа, предать городъ разграбленію. Брешіанцы держались десять дней, но, наконецъ, Гайнау остался побѣдителемъ и сдержалъ свое слово: то, что произошло въ Брешіи, превосходитъ самыя дикія расправы каннибаловъ... Чтобы характеризовать всю жестокость и омерзительность этой расправы, достаточно сказать, что австрійскій же генералъ Нугентъ, опасно раненый при осадѣ Брешіи, завѣщалъ, передъ кончиной своею, все свое состояніе этому несчастному городу, какъ малое воздаяніе за его геройство и бѣдствія.

II.

Викторъ-Эмануилъ II.

Вступивъ на престолъ въ роковой день сраженія при Новарѣ, Викторъ-Эмануилъ нашелъ Пьемонтъ разсореннымъ и униженнымъ. Австрійское правительство предлагало молодому королю болѣе снисходительныя мирныя условія, нежели его отцу, въ случаѣ его согласія на уничтоженіе конституціи, дарованной странѣ Карломъ-Альбертомъ. Но Викторъ-Эмануилъ не послушалъ робкихъ голосовъ, совѣтовавшихъ ему подчиниться этому требованію, и торжественно присягнулъ, передъ туринскимъ парламентомъ, строго соблюдать статутъ, данный странѣ бывшимъ королемъ, Карломъ-Альбертомъ. Несмотря на такой отказъ принять ея условія, Австрія рѣшилась заключить миръ съ Пьемонтомъ: границы страны остались неизмѣнными, но на нее легла тяжкая военная контрибуція въ 75 мил. франковъ. Къ этому присоединились несогласія съ Римомъ: папа Пій IX былъ уже далекъ отъ своихъ первыхъ либеральныхъ тенденцій и настаивалъ на сохраненіи въ Пьемонтѣ высшей духовной юрисдикціи надъ всѣми уголовными и гражданскими дѣлами. Туринскій парламентъ рѣзко отвергъ это требованіе, причемъ впервые выступилъ на ораторской трибунѣ знаменитый впослѣдствіи графъ Кавуръ, оказавшій незамѣнимыя услуги Пьемонту и всей Италіи. Онъ велъ долгую и неустанную борьбу съ римской куріей, упразднилъ нѣсколько монашескихъ орденовъ, пощадивъ лишь тѣ, которые были дѣйствительно полезны по своему воспитательному или благотворительному значенію, улучшилъ пьемонтскіе финансы, покрылъ страну сѣтью желѣзныхъ дорогъ, создалъ новые промышленные центры и, въ то же время, успѣлъ утвердить внѣшнюю силу Савойскаго дома. Какъ дальнозоркій политикъ, онъ предвидѣлъ войну, которая была объявлена Россіи Турціей въ союзѣ съ Англіею и Франціею, и опасаясь того, что Австрія, оставаясь нейтральною, обратитъ свое вниманіе на Италію и, прежде всего, на Пьемонтъ, онъ убѣдилъ Виктора-Эмануила примкнуть къ союзникамъ. Собственно Пьемонтъ не имѣлъ никакого прямого разсчета участвовать въ этой борьбѣ, но, подкрѣпляя враговъ Россіи, онъ пріобрѣталъ права на ихъ признательность и могъ возвысить голосъ въ свою пользу на имѣющихъ быть послѣ войны дипломатическихъ переговорахъ. Викторъ-Эмануилъ и его парламентъ одобрили этотъ смѣлый проектъ, который и увѣнчался успѣ-

хомъ: на парижскомъ конгрессѣ, состоявшемся послѣ заключенія мира, занялъ мѣсто и представитель Пьемонта, тотъ-же Кавуръ. Одна Австрія, принимавшая участіе въ войнѣ только тѣмъ, что выставила 50-тысячный корпусъ къ границѣ Россіи, чѣмъ отвлекла часть русскихъ войскъ отъ театра военныхъ дѣйствій,—въ знакъ благодарности за услуги, оказанныя ей императоромъ Николаемъ въ 1848 г.,—одна Австрія возстала противъ Пьемонта на парижскомъ конгрессѣ, заявляя, что такое незначительное государство не можетъ имѣть голоса въ сонмѣ великихъ державъ. Однако графъ Кавуръ остался на своемъ посту.

Австрія была явною или тайною защитницею реакціи, господствовавшей въ Италіи со времени возвращенія въ нее прежнихъ владѣтелей, и потому видѣла въ Пьемонтѣ заклятаго врага. Австрія находила главную нравственную помощь въ папѣ, уже открыто вступившемъ на реакціонный путь, и съ своей стороны подчинялась его желаніямъ: по конкордату, заключенному ею (1855) съ римскою церковью, папа могъ завѣдывать всѣми духовными дѣлами въ австрійской имперіи, не считаясь вовсе съ императорской властью. Между тѣмъ Кавуръ, съ отличавшимъ его всегда дипломатическимъ тактомъ, успѣлъ указать, при дополнительныхъ засѣданіяхъ, происходившихъ уже послѣ заключенія мира съ Россіей, на ненормальное положеніе Италіи при разнородномъ господствѣ властей, на тяготы, обременявшія народъ, вслѣдствіе содержанія въ разныхъ мѣстахъ австрійскихъ гарнизоновъ, наконецъ даже на ненужное присутствіе французскихъ войскъ въ Римѣ, населенію котораго папа могъ бы довѣриться, не прибѣгая къ иностранной охранѣ. Въ особенности Кавуръ обращалъ вниманіе державъ на то, что совершалось въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Въ меморандумѣ, поданномъ имъ представителямъ державъ при закрытіи конгресса, онъ намекнулъ, что Пьемонтъ, вынуждаемый обстоятельствами, готовъ взяться за оружіе, а это послужитъ боевымъ кличемъ и для другихъ итальянскихъ владѣній.

Пьемонтъ сталъ дѣйствительно готовиться ко всякой случайности, но одни укрѣпленія городовъ и сооруженія новыхъ арсеналовъ были еще недостаточны для надежнаго отпора врагу, и Кавуръ рѣшилъ искать сближенія съ Франціей. Стремясь къ созданію объединенной Италіи, онъ былъ врагомъ [illegible]кихъ покушеній на убійство и, при всемъ своемъ нерасположеніи къ неаполитанскому королю, ощутилъ искрен-

нее негодованіе, узнавъ о покушеніи одного солдата на его жизнь, а затѣмъ о такой же попыткѣ Орсини противъ Луи-Наполеона. Кромѣ своего отвращенія къ подобнымъ мѣрамъ, онъ понималъ также, насколько онѣ могли вредить самому дѣлу свободы. Дѣйствительно, бомбы Орсини, хотя и пощадившія жизнь императора, вызвали со стороны французскаго правительства требованіе ограничить, подъ предлогомъ предосторожности, гражданскую вольность въ Пьемонтѣ. Викторъ-Эммануилъ, въ согласіи со своимъ министромъ, отвергъ эти настоянія, заявляя, что найдетъ всегда, и безъ такихъ мѣръ, средство защитить свой престолъ. Это небольшое столкновеніе не повело, однако, къ разрыву между двумя дворами, и хотя Луи-Наполеонъ, не даромъ названный сфинксомъ, продолжалъ не высказывать своихъ истинныхъ намѣреній, въ дипломатическихъ сферахъ чуялась близость разрыва. Дальновидные политики не ошибались. При оффиціальномъ пріемѣ въ день новаго года (1859), французскій императоръ произнесъ громко, обращаясь къ австрійскому послу: «Очень жалѣю, что наши отношенія съ вашимъ правительствомъ не такъ уже хороши, какъ то было прежде; но мои личныя симпатіи къ вашему императору остались неизмѣнными, о чемъ прошу васъ его завѣрить». Эти слова, воспроизведенныя оффиціозной газетой, были какъ бы пушечнымъ выстрѣломъ, возвѣщавшимъ начало военныхъ дѣйствій. Въ торговомъ мірѣ произошло такое волненіе, что правительственный «Moniteur» помѣстилъ на своихъ столбцахъ успокаивающія извѣстія, согласно которымъ въ сношеніяхъ государствъ не происходило рѣшительно ничего, указывающаго на малѣйшую опасность. Но это не разсѣяло общей тревоги, усилившейся еще по поводу помолвки принцессы Клотильды, дочери Виктора-Эммануила, съ принцемъ Наполеономъ, двоюроднымъ братомъ императора французовъ. Такой бракъ не могъ не имѣть политическаго значенія и заставлялъ Австрію готовиться къ войнѣ съ воззваніемъ о помощи и къ другимъ нѣмецкимъ государямъ. Всѣ европейскія правительства слѣдили съ тревогою за приближавшейся грозой, и Англія первая сдѣлала попытку предотвратить столкновеніе, совѣтуя Австріи ввести болѣе либеральный режимъ въ ея ломбардо-венеціанскихъ областяхъ и ослабить свое вліяніе на дѣла въ другихъ итальянскихъ владѣніяхъ, но это вмѣшательство не имѣло успѣха. Напротивъ того, австрійское правительство стянуло свои войска въ долину Тичино и послало Пьемонту ульти-

матумъ съ требованіемъ полнаго разоруженія и угрозою объявить войну въ случаѣ отказа.

Викторъ-Эммануилъ предпочелъ войну. Онъ принялъ личное командованіе надъ своею арміей, оставивъ намѣстникомъ въ Туринѣ своего двоюроднаго брата, принца Кариньянскаго, и объявилъ въ то же время полную амнистію всѣмъ, осужденнымъ прежде за политическія преступленія, что пополнило пьемонтскую армію многими истинными патріотами, радовавшимися возможности сражаться за родину.

Вся пьемонтская армія не превышала 100 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ лишь половина могла немедленно вступить въ дѣло. Этого было слишкомъ мало для борьбы съ такими силами, какія могла выставить Австрія, даже еслибы Франція оказала нѣкоторую помощь Пьемонту. Притомъ, австрійцы, находившіеся въ центрѣ Ломбардіи, могли быстро двинуть свои войска на Туринъ и овладѣть имъ до прибытія французовъ, а взятіе пьемонтской столицы могло имѣть громадное вліяніе на исходъ борьбы и на общественное мнѣніе всей Европы; но вѣнскій дворъ потерялъ много времени на переговоры съ Англіей, нейтралитетомъ которой на Адріатикѣ онъ хотѣлъ заручиться, а затѣмъ размытыя проливными дождями дороги затруднили движеніе австрійскихъ войскъ, которыя успѣвали сдѣлать въ недѣлю не болѣе нѣсколькихъ десятковъ верстъ, давая пищу сатирическимъ листкамъ, печатавшимъ пѣсенки вродѣ: «immer langsam voran»! и т. п.

Благодаря сказаннымъ проволочкамъ, въ маѣ 1859 г. французскія войска, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, успѣли прибыть моремъ къ Генуѣ, а другой французскій корпусъ перешелъ сухимъ путемъ черезъ Альпы, въ то время какъ пьемонтская армія заняла позицію между Александріей и Верчелли, заградивъ такимъ образомъ австрійцамъ путь на Туринъ.

Первая стычка противниковъ произошла при Монтебелло. Численность австрійскихъ войскъ доходила до 25.000; французовъ и пьемонтцевъ было, въ общей сложности, лишь 8000 челов., но благодаря искусному расположенію этихъ незначительныхъ силъ, командовавшій австрійцами маршалъ Стадіонъ былъ введенъ въ заблужденіе, думая, что имѣетъ передъ собою весь 40-тысячный французскій корпусъ. Эта ошибка повела къ тому, что союзники удержали за собою свою позицію, хотя цѣною большихъ потерь. Главнокомандующій австрійскою арміею Гіулай тоже ошибся, предполагая, что союзники хотятъ напасть на него съ юга, и потому на-

правилъ главныя свои силы къ Пьяченцѣ, между тѣмъ какъ у его противниковъ былъ совершенно другой планъ и они успѣли обойти правое крыло австрійцевъ, причемъ Викторъ-Эмануилъ лично командовалъ своими пьемонтцами. Французскіе генералы, Бараге, д'Илье, Каму, Макъ-Магонъ, дѣйствовали съ успѣхомъ съ своей стороны, и наконецъ, 8 іюня произошла знаменитая битва при дер. Маджентѣ, расположенной по дорогѣ въ Миланъ.

Весь день длился кровавый бой. Обѣ стороны дрались отчаянно, но, наконецъ, австрійцы были вынуждены отступить къ Милану и расположились за городомъ. Миланцы выслали къ союзникамъ депутацію, заявившую, что городъ съ радостью открываетъ ворота французскимъ и пьемонтскимъ войскамъ. Викторъ Эмануилъ и Наполеонъ были встрѣчены населеніемъ съ восторгомъ, какъ освободители, но пока въ миланскомъ соборѣ шла торжественная благодарственная служба и жители чествовали побѣдителей, въ окрестностяхъ города слышались еще выстрѣлы: Бараге д'Илье бился съ австрійцами у Мелиньяно; онъ одержалъ и тутъ побѣду, но она была куплена также очень дорогою цѣною, и союзники могли опасаться, что австрійцы все же подавятъ ихъ численностью, и что самыя побѣды, одержанныя при Маджентѣ и Мелиньяно, окажутся безрезультатными, но битва при Сольферино рѣшила участь кампаніи, и между противниками былъ заключенъ миръ, извѣстный подъ названіемъ виллафранкскаго. Этотъ миръ былъ необходимъ для обѣихъ сторонъ, истощенныхъ войною [1]), но онъ не удовлетворилъ ни Австріи, ни Италіи, потому что, освобождая Ломбардію отъ австрійскаго ига и включая Венеціанскую область въ составъ предполагаемой въ будущемъ итальянской конфедераціи, оставлялъ Венецію подъ властью Австріи, возвращалъ Тоскану и Модену ихъ прежнимъ владѣтелямъ, и почетнымъ предсѣдателемъ будущей быть конфедераціи назначалъ папу... Правда, что при всемъ этомъ даровалась всеобщая амнистія, но этого было мало за понесенныя по дѣлу освобожденія жертвы, и самое это освобожденіе являлось лишь призракомъ, однимъ изъ тѣхъ обѣщаній, которыми императоръ французовъ любилъ обольщать умы, съ тѣмъ, чтобы уклониться отъ практическаго осуществленія.

---

[1]) Битва при Сольферино была одною изъ кровопролитнѣйшихъ въ исторіи: убыль австрійцевъ превышала 22 т. ч.; союзники потеряли въ общей сложности, около 18 т. ч.

Какъ бы въ подтвержденіе своего прозвища «сфинкса», Наполеонъ и на этотъ разъ, покидая своего союзника, произнесъ: «Увидимъ какъ съумѣютъ теперь справиться сами итальянцы». Онъ сказалъ это, извѣщая Виктора-Эмануила объ уступкѣ ему Ломбардіи Австріей и о подписаніи виллафранкскаго договора. Викторъ-Эмануилъ не могъ не подчиниться волѣ своего могущественнаго союзника, но Кавуръ протестовалъ противъ договора и, не успѣвъ убѣдить своего государя, рѣшилъ удалиться отъ дѣлъ. Другой государственный дѣятель, д'Азелio, бывшій соперникъ Кавура, былъ теперь одного мнѣнія съ нимъ: виллафранкскій договоръ казался какою-то насмѣшкою всѣмъ итальянцамъ, и никто не понималъ Наполеона, истратившаго громадныя суммы, пожертвовавшаго многими тысячами людей для дѣйствительныхъ услугъ Италіи и покинувшаго ее по достиженіи ничтожнаго результата.

Всѣ надежды итальянцевъ сосредоточились теперь на одномъ Пьемонтѣ. Со всѣхъ сторонъ стали являться къ Виктору-Эмануилу депутаціи съ просьбою объединить Италію, принявъ на себя званіе италіанскаго короля. Это должно было доказать Наполеону, что „Италія можетъ справиться сама.“ Но надвигавшееся переустройство полуострова обезпокоило европейскую дипломатію и въ Цюрихѣ долженъ былъ состояться конгрессъ, въ задачу котораго входилъ разборъ виллафранкскаго договора. Самъ Наполеонъ, посылая на это совѣщаніе своего представителя, писалъ Виктору-Эмануилу: — „Дѣло не въ томъ, хорошо ли я сдѣлалъ, заключивъ этотъ договоръ, а въ томъ, чтобы извлечь изъ него самыя благопріятныя условія для умиротворенія Италіи и предупрежденія смутъ въ Европѣ». Далѣе Наполеонъ развивалъ тѣ мысли, которыя заставили его видѣть въ условіяхъ этого договора лучшія гарантіи для сохраненія общаго мира, но эти условія, какъ указано выше, не удовлетворяли никого, начиная съ самою папы, остроумно находившаго, что его возносятъ въ такое высокое положеніе, съ котораго его даже видно не будетъ, такъ что о его существованіи могутъ совсѣмъ позабыть... Какъ бы то ни было, цюрихскій конгрессъ подтвердилъ, за немногими измѣненіями, всѣ статьи виллафранкскаго договора, то есть, конфедерацію итальянскихъ государствъ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы, которому императоръ австрійскій и французскій почтительно предлагали ввести въ церковной области необходимѣйшія реформы.

Въ сущности, все это было лишь праздной тратой словъ, и

папа хорошо понималъ, что его ставятъ въ нелѣпое положеніе. «Сфинксъ» продолжалъ волновать публику своими загадками: предоставляя папѣ видимо верховенство, онъ въ то же время внушалъ анонимнымъ авторамъ такія брошюры, какъ «Папа и конгрессъ» [1]), указывавшія на самую неотложную необходимость ограниченія свѣтской власти римскихъ первосвященниковъ. Эта брошюра произвела переполохъ въ католическомъ мірѣ. Особенно горячими защитниками папской власти явились французскіе епископы съ монсиньоромъ Дюпанлу во главѣ. Та самая клерикальная партія, которая поддерживала Наполеона при захватѣ имъ верховной власти, возстала теперь противъ него, и ему приходилось бороться одновременно съ нею и съ либералами, обвинявшими его правительство въ крайнихъ злоупотребленіяхъ. Это двусмысленное положеніе роняло нравственную силу Франціи въ глазахъ итальянцевъ и заставляло ихъ забывать о побѣдахъ, одержанныхъ при помощи того же Наполеона. Однако Кавуръ, призванный снова къ политической дѣятельности, понималъ, что для объединенія сѣверной и средней Италіи подъ властью Виктора-Эмануила, нельзя обойтись безъ поддержки Наполеона и рѣшился заручиться его помощью цѣною уступки Франціи двухъ итальянскихъ областей: Савойи и Ниццы.

Кавуръ рисковалъ своей популярностью, представляя свой проэктъ на обсужденіе парламента,—уже называвшагося не туринскимъ, а «первымъ италіянскимъ», вслѣдствіе состоявшагося, по народному голосованію, присоединенія провинцій средней Италіи къ Пьемонту (1860). Жертва, приносимая уступкою сказанныхъ областей, должна была окупиться для Италіи присоединеніемъ и королевства обѣихъ Сицилій къ одному общему государству подъ скипетромъ итальянскаго короля.

С. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Было извѣстно, что брошюра написана виконтомъ Ла-Героньеръ, лицомъ близкимъ къ императору Наполеону.

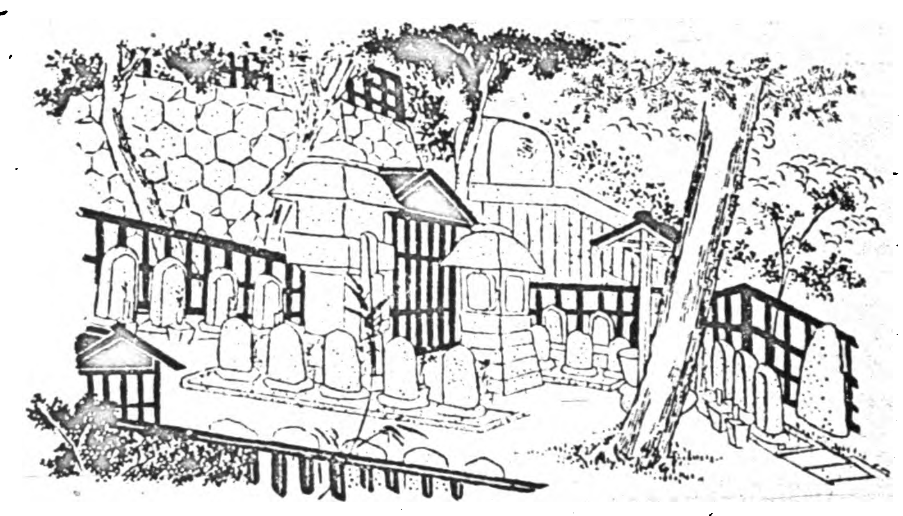
Изъ легендъ древней Японіи.

Излюбленнымъ сюжетомъ японскихъ литературныхъ, драматическихъ и художественныхъ произведеній является легенда *о сорока семи ронинахъ*, которая воспѣваетъ дѣйствительное событіе, имѣвшее мѣсто въ восемнадцатомъ столѣтіи.

Ронином, т. е. человѣкомъ — волной, подобно волнамъ, неимѣющимъ пристанища на бѣломъ свѣтѣ, назывался вассалъ—самурай (дворянинъ)—безъ сюзерена. Ронины пользовались дурной славой, потому что жили, большей частью, грабежомъ и не прочь были принять участіе въ любомъ бунтѣ или заговорѣ. Бывали, однако, и болѣе благородные ронины, отказывавшіеся отъ службы лишь на время, чтобы удержать своего господина отъ какого-нибудь безразсуднаго предпріятія. Ронинами вассалы дѣлались также послѣ смерти сюзерена, до поступленія на новую службу.

Въ ихъ средѣ высоко развиты понятія о чести, впрочемъ весьма отличныя отъ европейскихъ. Нравственный кодексъ позаимствованъ былъ японцами изъ Китая, но философскія доктрины Конфуція и Менція, пересаженныя на японскую почву, нѣсколько измѣнили свой характеръ. Въ Китаѣ главной добродѣтелью почиталась сыновняя привязанность, въ Японіи же гораздо выше ставились чувства преданности сюзерену. Нигдѣ, даже между членами семьи, не было равноправныхъ отношеній и взаимной любви, а существовало только уваженіе подданныхъ къ повелителю, жены къ мужу, дѣтей къ отцу, младшихъ къ старшимъ, слугъ къ господамъ. Тотъ, кто, по японскимъ понятіямъ, занималъ болѣе высокое соціальное положеніе, могъ снизойти до любви къ своему подчиненному, но обратный случай былъ совершенно немыслимъ. Вѣрноподданническія чувства ставились выше всякихъ другихъ обязанностей, и жертва, принесенная во имя ихъ, считалась величайшимъ подвигомъ. Чтобы отомстить за своего господина, самурай не задумывался покинуть семью, друзей, лишиться имущества. Съ четырнадцатаго вѣка у самураевъ установился особаго рода обычай самоубійства: *гара-кири* (hara-kiri) или *сеппуку*, распарываніе внутренностей. Возникъ онъ потому, что, получивъ на полѣ битвы тяжелую рану или попавъ въ плѣнъ, самураи опасались надругательства со стороны враговъ и предпочитали лишить себя жизни. Въ виду такой цѣли они носили при себѣ два меча: длинный для сраженій и короткій для гара-

кири; отсюда и происходитъ названіе „двумечниковъ", подъ которымъ они и были извѣстны. Впослѣдствіи гара-кири получило болѣе широкое значеніе. Нѣкоторые совершали его по собственному желанію, другихъ же къ этому принуждала необходимость. Если они виновны были въ какомъ-нибудь преступленіи, за которое законъ долженъ былъ карать, но которое не налагало тѣни на ихъ самурайскую честь, то судъ оффиціально приговаривалъ ихъ къ гара-кири, и они съ обязательными, очень странными церемоніями выполняли его въ присутствіи назначенныхъ имъ помощниковъ и свидѣтелей. Народъ съ величайшимъ уваженіемъ относится къ такимъ самоубійцамъ и считаетъ, что гара-кири не

Гробница ронинов.

только смыло съ нихъ пятно проступка, но еще увѣнчало ихъ ореоломъ славы и мученичества. Поэтому неудивительно, что большинство японскихъ святыхъ—канонизированные самоубійцы.

Въ настоящее время гара-кири запрещено закономъ.

* * *

Въ одномъ изъ предмѣстій Іеддо, среди тѣнистой рощи, находится храмъ Сенгакуджи съ обширнымъ кладбищемъ, гдѣ похоронены прославленные сорокъ семь рониновъ, память которыхъ свято чтится народомъ. Во дворѣ этого храма — часовня, гдѣ, кромѣ позолоченной статуи богини милосердія, Кванъ-йинъ, въ нишахъ стоятъ деревянныя лакированныя фигуры съ раскрашенными лицами, изображающія сорокъ семь воиновъ и господина, которому они до конца служили вѣрою и правдою. Одежда и вооруженіе рониновъ воспроизведены съ большой точностью. Есть между ними глубокіе старцы, есть и юноши. Рядомъ съ часовней—колодезь, обнесенный рѣшеткой, съ надписью: „Въ этой водѣ обмыта была голова, не мойі здѣсь рукъ или ногъ". Далѣе, на лоткѣ продаются книжки, картинки и медали, изображающія

геройскій подвигъ сорока семи. А еще дальше, за оградой, находятся маленькія могильныя плиты ронииовъ и одинъ памятникъ побольше, подъ которымъ покоится прахъ ихъ господина. Передъ каждой могилой, обвитой плющемъ, стоятъ дары покойнику: вода и ѳиміамъ. Эта усыпальница, какъ гласитъ надпись у входа, содержится на доброхотныя даянія.

Вотъ какова исторія ронииовъ. Однажды изъ Кіото было отправлено чрезвычайное посольство къ шогуну, чтобы возвѣстить ему волю микадо. Пріемъ и угощеніе пословъ были возложены на двухъ дайміосовъ: Такумино-Ками и Камей-Сама, которые для этой цѣли прибыли въ Іеддо изъ своихъ помѣстій. Имъ приходилось ежедневно дежурить во дворцѣ и соблюдать особый сложный церемоніалъ, а руководить ими въ этомъ трудномъ дѣлѣ долженъ былъ опытный чиновникъ Котсуке-но-Суке. Котсуке былъ человѣкъ корыстолюбивый; подарки, присланные ему за труды, показались ему недостаточно цѣнными, и онъ, вмѣсто того, чтобы помогать дайміосамъ своими указаніями, всячески издѣвался надъ ними. Камей-Сама настолько возмутился подобнымъ отношеніемъ, что въ одинъ прекрасный день, возвратившись изъ дворца, призвалъ своихъ совѣтниковъ и заявилъ имъ:

„Котсуке оскорбилъ Такуми и меня въ то время, какъ мы находились при посольствѣ. За это я чуть-чуть не убилъ его на мѣстѣ, но мысль, что, совершивъ такое преступленіе въ стѣнахъ дворца, я не только самъ рискую жизнью, но погублю свою семью и вѣрныхъ вассаловъ, удержала мою руку. Однако, жить ему на горе бѣднымъ людямъ не слѣдуетъ, и я твердо рѣшилъ убить его завтра же, по дорогѣ къ дворцу. Не пытайтесь отговаривать меня: мое рѣшеніе непоколебимо“.

Одинъ изъ его совѣтниковъ, человѣкъ умный, на словахъ одобрилъ планъ своего господина, но, тревожась за его участь, въ душѣ рѣшилъ спасти его какой бы то ни было цѣной. Полагая, что алчный Котсуке-но-Суке не откажется отъ взятки, онъ собралъ сколько могъ денегъ и ночью поскакалъ къ нему въ замокъ. Тамъ онъ отъ имени Камей-Сама передалъ тысячу унцій серебра для самого Котсуке въ благодарность за его науку и сто унцій для его свиты. Подарокъ произвелъ впечатлѣніе. Котсуке пожелалъ видѣть совѣтника и обѣщалъ ему посвятить его господина во всѣ тайны придворнаго этикета.

На слѣдующій день онъ встрѣтилъ Камей-Сама такъ привѣтливо, такъ разсыпался передъ нимъ въ любезностяхъ и извиненіяхъ, что тотъ оставилъ свое жестокое намѣреніе. Зато всѣ свои насмѣшки и издѣвательства Котсуке направилъ на Такумино-Ками. Дошло даже до того, что онъ высокомѣрно обратился къ Такуми:

„Пожалуйста, завяжите мнѣ тесемку отъ сандаліи“.

Такумино-Ками побагровѣлъ отъ гнѣва и обиды, но не вышелъ изъ повиновенія и исполнилъ приказъ. Однако, Котсуке этимъ не ограничился и гнѣвно воскликнулъ:

„Что за увалень! Даже тесемки отъ сандаліи не умѣетъ завязать, какъ слѣдуетъ. Сейчасъ видно, что деревенщина! Гдѣ ему знать придворные обычаи“!

Такуми окончательно вышелъ изъ терпѣнія:

„Позвольте, господинъ!“ крикнулъ онъ вслѣдъ Котсуке и, когда тотъ обернулся, кинулся на него съ кинжаломъ. Котсуке носилъ придворную шапочку, и кинжалъ, скользнувъ по ней, нанесъ лишь незначительную царапину. Разъяренный Такуми опять бросился на своего врага, но промахнулся. Въ это время къ нимъ подоспѣли офицеры, и Котсуке успѣлъ скрыться.

Такуми былъ арестованъ и посаженъ подъ стражу. Затѣмъ созванъ былъ совѣтъ, и на время его засѣданій надзоръ за Такуми порученъ былъ одному дайміосу, который держалъ его у себя въ домѣ подъ бдительной охраной, не допуская къ нему ни его жены, ни слугъ. Совѣтъ, за покушеніе на жизнь человѣка, совершонное въ стѣнахъ дворца, приговорилъ Такуми къ *хара-кири*, т. е. самоубійству. Когда онъ покончилъ съ собой, то его имущество было конфисковано, а осиротѣвшіе вассалы его стали ронинами.

Главный совѣтникъ Такуми, Ойши-Кураносуке, къ несчастью былъ въ помѣстьѣ своего господина, когда въ Іеддо произошли эти событія: иначе онъ сумѣлъ бы умилостивить Котсуке своевременнымъ подаркомъ и не допустилъ бы до печальной развязки. И вотъ, Ойши-Кураносуке заключилъ союзъ съ сорока шестью другими преданными вассалами Такуми и поклялся отомстить за смерть своего господина. Вся трудность предпріятія состояла въ томъ, что у Котсуке-но-Суке была надежная стража, которую ему нанялъ заботливый тесть, и надо было выждать, пока они перестанутъ опасаться мести со стороны бывшихъ слугъ Такуми и распустятъ стражу.

Ойши-Кураносуке переселился въ Кіото, выстроилъ себѣ домъ и сталъ вести безшабашную, разгульную жизнь, а остальные ронины подъ видомъ рабочихъ, ремесленниковъ и торговцевъ отправились въ Іеддо. Тѣмъ временемъ Котсуке-но-Суке подослалъ въ Кіото шпіоновъ, которымъ поручилъ слѣдить за каждымъ шагомъ Ойши-Кураносуке и доносить ему. Но Ойши такъ велъ себя, что усыпилъ всякія подозрѣнія. Однажды, возвращаясь домой въ пьяномъ видѣ, онъ растянулся и заснулъ среди улицы на посмѣшище добрымъ людямъ. Проходившій мимо самурай Сатсума остановился, наступилъ на него ногою и плюнулъ ему въ лицо со словами: „Не тотъ ли это Ойши-Кураносуке, который былъ совѣтникомъ у Такуми, и, вмѣсто того, чтобы отомстить за своего господина, кутитъ и пьянствуетъ? Негодный трусъ! Онъ недостоинъ имени самурая!“

Жена Кураносуке огорчалась его кутежами и пробовала усовѣщевать его: „Господинъ“, говорила она: „сначала ты сказалъ мнѣ, что весь твой разгулъ ведется къ тому, чтобы отвлечь вниманіе врага Но ты зашелъ уже слишкомъ далеко. Умоляю тебя, одумайся“!

„Пошла вонъ“, крикнулъ Кураносуке: „нечего тутъ хныкать! Тебѣ не нравится моя жизнь, ну такъ я разведусь съ тобой, куплю себѣ молодую дѣвушку изъ чайнаго дома и женюсь на ней. Мнѣ уже надоѣло имѣть въ домѣ старую коргу,—можешь

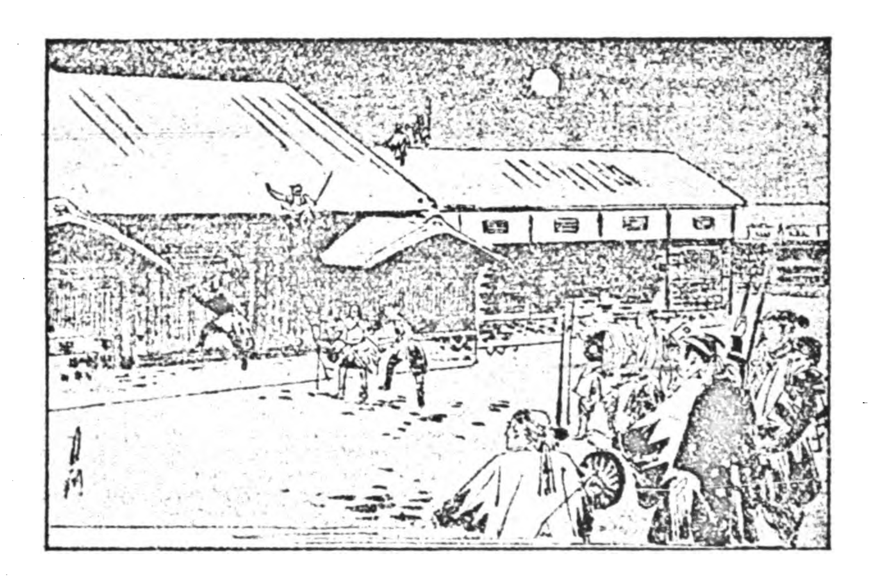
убираться на всѣ четыре стороны, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше".

Жена въ ужасѣ продолжала молить его:

„О, господинъ! Возьми назадъ эти страшныя слова! Я тебѣ была вѣрной женой двадцать лѣтъ, родила тебѣ трехъ дѣтей, въ горѣ и болѣзни никогда не покидала тебя. О, сжалься, не выгоняй меня изъ дому! Сжалься!"

„Оставь эти причитанья. Говорятъ тебѣ, что дѣло рѣшенное, ну и уходи съ Богомъ. Дѣти мнѣ тоже не нужны, можешь и ихъ взять съ собою".

Убитая горемъ женщина умоляла своего старшаго сына, Ойши-Чикара, вступиться за нее и выпросить прощеніе у мужа. Но Кураносуке не поддался никакимъ просьбамъ и увѣщаніямъ, и бѣдная жена его съ двумя младшими дѣтьми была выслана на родину. Ойши-Чикара остался при отцѣ.

Ночное нападеніе ронинов.

Шпіоны донесли обо всемъ этомъ Котсуке-но-Суке, и тотъ въ увѣренности, что ронины трусятъ, самъ пересталъ бояться и даже распустилъ половину стражи, нанятой его предусмотрительнымъ тестемъ. Онъ далекъ былъ отъ мысли, что попадетъ въ ловушку несравненнаго Кураносуке, который не задумался ради своего господина пожертвовать женою и дѣтьми.

Въ то время, какъ Кураносуке для отвода глазъ предавался порочному времяпровожденію, его союзники, подъ видомъ рабочихъ и мелочныхъ торговцевъ, пробрались въ домъ Котсуке-но-Суке, изучили расположеніе комнатъ, разузнали, кто изъ домашнихъ храбръ, а кто трусливъ, и сообщили обо всемъ Ойши-Кураносуке. Когда выяснилось, что Котсуке-но-Суке уже не находится подъ усиленной охраной, то ронины рѣшили собраться въ Іеддо. Кураносуке бѣжалъ изъ Кіото тайкомъ, чтобы не навлечь подозрѣнія вражескихъ шпіоновъ.

Была зима; стояла лютая стужа. Въ одну прекрасную ночь, когда всѣ жители Іеддо давно почивали мирнымъ сномъ на своихъ цыновкахъ, ронины рѣшили выполнить свой планъ мести. Сговорившись между собой, они раздѣлились на два отряда: одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ самого Ойши-Кураносуке, долженъ былъ напасть съ передняго фасада, а другой, подъ начальствомъ шестнадцатилѣтняго Ойши-Чикара, къ которому для руководства приставленъ былъ пожилой ронинъ, долженъ былъ напасть съ тыла. Тотъ, кому удастся захватить Котсуке-но-Суке, обязался пронзительнымъ свисткомъ дать знать объ этомъ остальнымъ товарищамъ, чтобы они пришли исполнить положенныя церемоніи.

Наканунѣ знаменательнаго дня ронины устроили прощальный ужинъ, такъ какъ знали, что ихъ ждетъ смерть. Ойши-Кураносуке произнесъ напутственное слово:

„Сегодня мы нападаемъ на нашего врага въ его собственномъ замкѣ. Его слуги, конечно, окажутъ намъ сопротивленіе, и мы волей-неволей должны будемъ убить ихъ. Но лишать жизни стариковъ, женщинъ и дѣтей незачѣмъ, и я прошу васъ тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы не тронуть ни одного безпомощнаго существа!“

Товарищи вполнѣ согласились съ нимъ.

Въ полночь всѣ были въ сборѣ. Бушевала страшная вьюга. Снѣгъ падалъ хлопьями и наметалъ сугробы. Но жаждавшіе мести ронины подвигались впередъ, не взирая на непогоду. Ойши-Кураносуке отрядилъ посланнаго сказать сосѣдямъ:

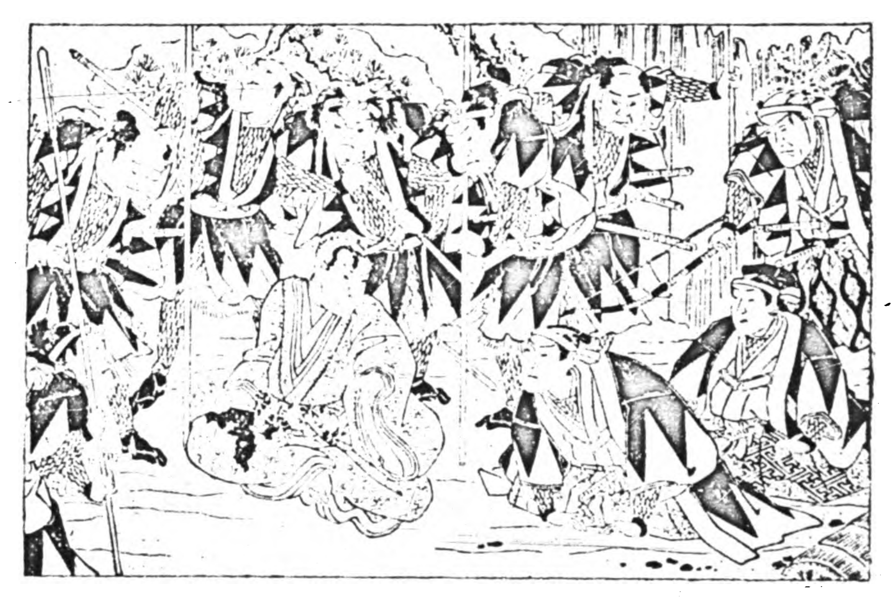
„Мы, ронины, служившіе прежде Такуми-по-Ками, нападаемъ сегодня на дворецъ Котсуке-но-Суке, чтобы отомстить за своего господина. Будьте покойны: мы не воры и не разбойники и никого изъ сосѣдей не обидимъ“.

Затѣмъ принята была другая предосторожность. Чтобы никто изъ слугъ не кинулся звать на помощь родственниковъ Котсуке, Ойши-Кураносуке поставилъ на крышѣ десять рониновъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, и отдалъ строжайшій приказъ стрѣлять по всякому, кто попытается бѣжать со двора. Послѣ этого онъ собственноручно ударилъ въ барабанъ и подалъ сигналъ къ атакѣ. Борьба была отчаянная; слуги Котсуке храбро защищались, но ронины все-таки одолѣвали ихъ.

Самъ Котсуке съ семьею заперся въ спальнѣ, у дверей которой стали три храбрые воина съ мечами наголо. Не легко было побороть ихъ, но когда ронинамъ это удалось, то они нашли въ комнатѣ только плачущихъ женщинъ и дѣтей. Котсуке куда-то исчезъ. Обшаривая комнату, они сняли со стѣны картину и подъ нею замѣтили большую дыру, которая, какъ оказалось, вела въ какой то дворикъ. Тамъ они увидали дровяной сарай и, когда проникли въ него, то нашли дрожащаго Котсуке, который забился въ самый отдаленный уголъ. Ойши-Кураносуке, изъ уваженія къ его высокому сану, на колѣняхъ подползъ къ нему и сказалъ: „Мы—вассалы Такуми-но-Ками. Въ прошломъ году ваша милость повздорили съ нашимъ господиномъ во дворцѣ; нашъ

господинъ былъ приговоренъ къ гара-кири, и семья его раззорилась. Сегодня мы пришли отомстить за него, какъ подобаетъ вѣрнымъ слугамъ. Наше намѣреніе, какъ видите, честно. Поэтому умоляемъ вашу милость совершить *гара-кири*. Я самъ надѣюсь удостоиться чести быть вашимъ помощникомъ и смиренно принять голову вашей милости, которую я намѣренъ возложить на могилу Такуми-но-Ками, какъ жертву".

Другіе ронины также стали на колѣни и присоединились къ просьбѣ Ойши-Кураносуке. Но Котсуке дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не отвѣчалъ ни слова. Тогда Кураносуке, видя, что онъ не хочетъ умереть смертью благороднаго человѣка, повалилъ его и отрубилъ ему голову тѣмъ самымъ мечемъ, которымъ Такуми лишилъ себя жизни. Исполнивъ такимъ образомъ свое завѣтное

Ронины предлагаютъ Котсуке-но-Суке совершить гара-кири.

намѣреніе, ронины положили отрубленную голову въ ведро и, передъ тѣмъ какъ уйти, потушили вездѣ огонь, чтобы по неосторожности не причинить сосѣдямъ пожара.

Уже разсвѣтало, когда они отправились въ предмѣстье Іеддо, Таканаву. Обыватели выходили изъ домовъ, чтобы высказать похвалу за храбрость и вѣрность этимъ сорока семи воинамъ, у которыхъ оружіе и платье были забрызганы кровью, что придавало имъ страшный видъ. Когда они поравнялись съ дворцомъ Сендайскаго принца, то навстрѣчу имъ посланъ былъ одинъ изъ совѣтниковъ съ приглашеніемъ отдохнуть и подкрѣпиться пищей послѣ ночного подвига. Ронины съ благодарностью приняли угощеніе принца, но тотчасъ же послѣ трапезы попросили позволенія продолжать свой путь.

Дойдя до кладбища, они обмыли голову Котсуке въ близлежащемъ колодцѣ и возложили ее на могилу Такуми. Затѣмъ они

попросили жрецовъ прочесть имъ молитвы, а сами поочередно, начиная съ Ойши-Кураносуке, воскуряли опміамъ. Послѣ того Кураносуке передалъ настоятелю храма всѣ имѣвшіяся при немъ деньги съ просьбой прилично похоронить ихъ, когда они совершатъ гара-кири. Настоятель былъ до слезъ тронутъ ихъ мужествомъ и обѣщалъ исполнить ихъ желаніе.

Наконецъ, ихъ потребовали въ верховное судилище, гдѣ имъ прочли слѣдующій приговоръ: „Въ виду того, что вы, забывъ уваженіе къ городу и страхъ передъ правительствомъ, соединенными силами ворвались ночью въ домъ вашего врага и убили его, судъ за такое дерзкое поведеніе приговорилъ васъ къ совершенію гара-кири.“

Ронины были раздѣлены на четыре группы, отданныя подъ вѣдѣніе четырехъ даймiосовъ; затѣмъ во дворцы даймiосовъ командированы были чиновники для присутствованія при гара-кири. Ронины, заранѣе приготовленные къ смерти, приняли ее мужественно и благородно. Похоронены они были, согласно желанію, около своего господина. Слава объ ихъ подвигѣ быстро разнеслась, и народъ стекался, чтобы поклониться ихъ могиламъ. Въ числѣ молящихся былъ и Сатсума, который палъ ницъ передъ могилой Кураносуке и воскликнулъ: „Когда я видѣлъ тебя пьянымъ посреди улицы, то я не зналъ, что ты готовишься мстить за своего господина и оскорбилъ тебя. Прости же меня теперь и прими въ искупленіе мою жизнь“. Съ этими словами онъ вынулъ мечъ изъ-за пояса и распоролъ себѣ внутренности. Настоятель, сжалившись надъ нимъ, похоронилъ и его рядомъ съ ронинами.

Л. Хавкина.

Ирой:

(Посвящается Ек. П. Вентцель).

I.

Одно лѣто мнѣ пришлось провести въ мѣстности, гдѣ строилась новая линія желѣзной дороги. Сонъ, въ который безмятежно былъ погруженъ еще такъ недавно этотъ медвѣжій уголъ нашего обширнаго отечества, — смѣнился бодрствованіемъ. Точно волшебствомъ въ захолустной глуши возникла сложная культурная жизнь, которую повсюду вносятъ съ собою инженеры - строители, не разстающіеся и на работахъ съ своими семьями, привыкшими къ комфорту большихъ городовъ. Въ какой нибудь заброшенной деревушкѣ, въ глухомъ городкѣ, въ покинутомъ помѣстьѣ мелькали теперь рабочія франтовскія куртки и бѣлыя фуражки инженеровъ и лѣтніе модные наряды ихъ дамъ. Я гостила въ семьѣ инженера Н. Хозяева мои занимали старинный помѣщичій домъ, помѣстительный, прочный, въ которомъ нѣкогда протекала тихая, ровная жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Домъ этотъ какъ нельзя болѣе подходилъ ко вкусу новыхъ жильцовъ, умѣвшихъ въ современныхъ формахъ существованія сохранить домовитость и широкое гостепріимство исчезающей старины. Былъ канунъ именинъ дочери моихъ друзей, маленькой, всѣми балованной и любимой дѣвочки. День этотъ всегда праздновался съ особеннымъ торжествомъ. Ожидался большой съѣздъ гостей, изъ которыхъ многіе должны были ночевать. Въ домѣ, какъ это всегда водится въ такихъ случаяхъ, поднялась суета. Переносили мебель изъ одной комнаты въ другую, чистили полы, перемывали запасные сервизы и т. п. Въ столовой старая няня Митродора Васильевна, издавна жившая въ семьѣ, помогала своей барынѣ и бывшей питомицѣ распаковывать привезенныя изъ ближайшаго города покупки.

— Ишь, сколько добра накупили! восклицала въ полномъ восхищеніи Митродора Васильевна, развязывая фунтики и мѣшечки, какъ будто-бы ей все это было въ диковину, хотя цѣлые транспорты всякой всячины то и дѣло прибывали изъ сосѣдняго

города въ хлѣбосольный домъ. Старушкѣ всякій ящикъ съ городской провизіей доставлялъ высокое удовольствіе.

— Ишь, ишь, сколько добра накупили, повторяла она, качая головой и улыбаясь. Когда я крѣпостной была у моей старой барыни, дай Богъ ей царствіе небесное, чего, чего я не перевидала, хвалилась она; и мармеладу-то, и орѣховъ-то всякихъ, и грецкихъ и волошскихъ, и мериканскихъ, и еще какихъ-то... И писташекъ, и винограду, и пельциновъ... Какихъ, какихъ только я не видала хруктовъ... Все черезъ мои руки проходило. Могу сказать, не даромъ я на свѣтѣ прожила, слава тебѣ Господи! восклицала старушка съ такой гордостью, какой она никогда не выражала при видѣ своихъ питомцевъ, выращенныхъ ею съ заботливостью и стойкостью настоящей матери. И теперь Митродора Васильевна по старушечьей привычкѣ размышляла вслухъ, не стѣсняясь присутствіемъ своей молодой барыни, для которой воспоминанія старой няни, сотни разъ повторяемыя, всегда казались милой новой сказкой.

Въ это время вошелъ молодой инженеръ, вернувшійся съ постройки ближайшаго къ дому желѣзнаго моста.

— А что, будете заказывать на завтра обѣдню? — обратился онъ къ хозяйкѣ дома, Аннѣ Сергѣевнѣ, прервавъ нить радостныхъ размышленій старушки.

— Я бы заказала, но мнѣ что-то нездоровится, боюсь мнѣ нельзя будетъ поѣхать завтра въ церковь.

Митродора Васильевна замѣтила на это, что „въ Божьей церкви здоровью акромя пользы вреда никакого не можетъ быть“. Молодой инженеръ подкрѣпилъ мнѣніе няни данными естественнонаучнаго рода, сказавъ, что на воздухѣ болѣзнь сама пройдетъ. Доводы инженера и Митродоры Васильевны оказали свое дѣйствіе, и Анна Сергѣевна согласилась заказать обѣдню.

Но кого послать къ священнику?

Люди всѣ были заняты по горло и вдобавокъ лошади оказались въ разгонѣ. Молодой человѣкъ предложилъ пройти до села самому и кстати устроить прогулку съ дамами, но наше восклицаніе „а мостъ?“ заставило его взять назадъ свое предложеніе.

До села, гдѣ находилась ближайшая церковь, было всего три версты. День стоялъ хорошій, тихій, манившій на волю. Хотя я съ удовольствіемъ слушала Митродору Васильевну, видѣвшую на своемъ вѣку столь много хорошихъ вещей и такъ искренно радовавшуюся тому, что она не даромъ прожила на бѣломъ свѣтѣ, но мнѣ хотѣлось также и прогуляться, и я предложила свои услуги. Я не нужна была ни для какой работы. Единственное дѣло, которое могло быть въ моихъ силахъ, развертываніе покупокъ, съ успѣхомъ исполняла Митродора Васильевна, поэтому предложеніе мое было охотно принято.

Рѣшили написать священнику письмо, которое должно было усилить мои устныя объясненія. Молодой инженеръ взялъ на себя секретарскія обязанности. Изложивъ дѣло, онъ тщательно заклеилъ письмо и отчетливо написалъ адресъ.

Но тутъ оказалось препятствіе, которое въ первую минуту упустили изъ виду. Я могла отнести письмо, безъ ущерба для ...шнихъ дѣлъ, но нельзя же было отпустить меня одну.

Правда, дорога была прямая, заблудиться на ней могъ-бы только слѣпой или сумасшедшій. Крестьянскія дѣвушки и женщины безопасно то и дѣло бѣгали изъ села къ намъ и обратно, но для меня требовался конвой.

Такимъ образомъ мое желаніе быть полезной моимъ гостепріимнымъ хозяевамъ и совершить пріятную прогулку встрѣтило важную помѣху.

Кто же будетъ сопровождать меня? Инженеръ нуженъ для моста, а всѣ остальные для дома. Наконецъ вспомнили про Петровича, оказавшагося въ эту минуту ненужнымъ ни для казенной службы, ни для домашнихъ услугъ.

Порѣшили, что я отправлюсь въ сопровожденіи Петровича.

— Вамъ съ нимъ будетъ очень весело, замѣтила улыбаясь, Анна Сергѣевна. Онъ разскажетъ вамъ о севастопольской войнѣ

— Почему о севастопольской войнѣ?

— Вы не знаете? Какъ-же! Онъ участвовалъ въ крымской кампаніи.

II.

Я была въ восторгѣ. Прогулка съ севастопольскимъ героемъ—это случай, который можетъ представиться не всегда и не всѣмъ. Я знала, что Петровичъ съ давнихъ поръ жилъ въ этомъ помѣстьѣ, что хозяева его, предоставивъ свой домъ инженерамъ, вмѣстѣ со всѣмъ инвентаремъ передали имъ и своего стараго слугу; но что онъ отражалъ непріятеля отъ южныхъ предѣловъ нашего отечества—это было для меня пріятной новостью.

На обязанности Петровича лежала топка печей для просушки новой пристройки къ дому. Каждое утро проходилъ онъ мимо столовой съ огромной вязанкой дровъ, бережно держа полѣнья, какъ хрупкіе и драгоцѣнные сосуды. Онъ осторожно ступалъ своими согнутыми въ колѣняхъ ногами, обутыми въ скрипучіе, всегда цѣлые и тщательно вычищенные сапоги. Петровичъ былъ высокій сухой старикъ съ черными какъ смоль волосами, въ которыхъ едва пробивалась сѣдина.. Голова его съ лицомъ, точно отлитымъ изъ бронзы, никогда не сгибалась и не поворачивалась на длинной жилистой шеѣ, прикрѣпленной къ туловищу, казавшемуся словно выточеннымъ изъ крѣпкаго дерева. Одни черные блестящіе глаза да черные торчащіе усы двигались на его застывшемъ бронзовомъ лицѣ и обнаруживали, что въ этомъ деревянномъ тѣлѣ горѣла жизнь. Проходя мимо столовой, онъ здоровался съ нами не поворачивая и не наклоняя головы, лишь скосивъ въ нашу сторону глаза и шевельнувъ усами.

Я не могла себѣ представить, чтобъ этотъ деревянный съ бронзовой головой человѣкъ когда-то дрался съ турками, французами, англичанами. Мнѣ не вѣрилось, чтобъ этотъ старикъ въ скрипучихъ сапогахъ и пиджакѣ изъ сплошныхъ заплатъ, мирно топившій печи и назначенный мнѣ въ охранители отъ злоумышленниковъ, могъ войти въ воинственный азартъ, могъ убить человѣка.

Я быстро одѣлась, захватила съ собою купленную въ петербургскомъ магазинѣ замысловатую корзиночку, предназначенную

для дачныхъ прогулокъ и пикниковъ, съ какими то ленточками и застежками, положила въ нее сласти и письмо и вышла на крыльцо, гдѣ меня уже ждалъ мой провожатый.

Въ первую минуту я почти не узнала нашего источника. Длинное и худое тѣло его было облечено въ бѣлый, холщевый, очень чистый пиджакъ и такіе-же брюки. Изъ-подъ новаго темносиняго картуза выглядывали сильно напомаженные волосы. Въ рукѣ у него была длинная съ загнутымъ концомъ суковатая палка. Передо мною стоялъ настоящій франтъ.

Увидѣвъ меня, онъ молча поздоровался со мной, заморгавъ мнѣ глазами и шевельнувъ усами.

Мы отправились. Петровичъ медленно передвигалъ ноги, глядя передъ собою вдаль, не разгибая согнутыхъ деревянныхъ колѣнъ. Мнѣ очень нравилось, что мой провожатый шелъ тихо, не спѣша. Я думала, что при его неспѣшной ходьбѣ я не отстану отъ него и мнѣ удобно будетъ завести съ нимъ бесѣду о Севастополѣ. Однако, скоро оказалось, что мѣрно и тихо ступая, Петровичъ отхватывалъ своими длинными ногами такія пространства, что я съ трудомъ поспѣвала за нимъ. Меня уже стала занимать не столько мысль о томъ, какъ-бы вызвать Петровича на бесѣду, сколько забота, какъ-бы заставить этого наполовину деревяннаго и на половину бронзоваго человѣка, двигавшагося точно по заведенному механизму, умѣрить шагъ.

Но севастопольскій воинъ безостановочно шествовалъ впередъ и, вслѣдствіе неповоротливости своей металической головы, не замѣчалъ, что я выбивалась изъ силъ, съ необыкновенной быстротой сѣменила ногами, и чтобы поспѣвать за нимъ, не пускалась бѣжать только потому, что не желала уронить своего достоинства.

— Однако, ты славно шагаешь, обратилась я наконецъ къ Петровичу. Тебѣ вѣрно приводилось много ходить пѣшкомъ, прибавила я, думая этимъ хитрымъ замѣчаніемъ навести его мысль на интересовавшій меня Севастополь и привлечь его вниманіе на мое безпомощное положеніе.

— Когда не ходилъ! Такой-ли я ходокъ былъ! Когда въ пятьдесятъ третьемъ годѣ крымская началась кампанія, я въ ту пору въ М... пѣхотномъ полку служилъ. Когда бывало я впереди иду — солдаты межъ собою, слышу ропщутъ: „Ну, дылду впередъ пустили! Ишь, точно лѣшій его несетъ!“ Мнѣ кричатъ: „сбавляй шагъ“, а я не могу. Тогда мнѣ въ задніе ряды велятъ перейтить. Одно было средство меня остановить. Тутъ поневолѣ сбавишь шагъ, когда передъ тобой вся эта мелочь плетется. А ужъ коли солнце, бывало, садится и надо было къ привалу до ночи поспѣть, меня ужъ выпускаютъ впередъ. Ну, тутъ какъ начнешь дорогу отмѣривать, всю мелкоту растеряешь.

Точно окрыленный воспоминаніями, Петровичъ сталъ „дорогу отмѣривать“ еще усерднѣе, а я чтобы не пропустить ни одного слова его, позабывъ о моемъ достоинствѣ, пустилась за нимъ бѣгомъ какъ дѣвчонка.

Къ несчастію, костюмъ мой, какъ всѣ обычные дачные наряды

нашихъ дамъ, отличался только претензіями на удобство. То и дѣло шляпа моя слетала съ головы, туфли поминутно развязывались, а изъ дорожной корзиночки выскакивали то сласти, то письмо къ священнику, и мнѣ безпрестанно приходилось нагибаться, чтобы водворять ихъ на мѣсто.

— Ты, однако, не очень-то, Петровичъ, я за тобою не поспѣваю, съ отчаяніемъ въ голосѣ крикнула я ему наконецъ въ догонку. Петровичъ, не поворачивая головы, остановился какъ вкопанный. Онъ продолжалъ стоять до тѣхъ поръ, пока я не поправила своего туалета, который вовсе не былъ разсчитанъ на походы усиленнымъ маршемъ съ севастопольскими воинами.

Петровичъ видимо вошелъ въ мое положеніе и, при дальнѣйшемъ слѣдованіи въ село, шагалъ уже не такъ широко и съ частыми остановками.

— Такъ ты былъ въ крымской кампаніи? спросила я его такимъ тономъ, будто объ этомъ мнѣ до сихъ поръ ничего не было извѣстно.

— А то какъ же! Могу сказать, что былъ солдатъ не изъ послѣднихъ! Мнѣ за то командиръ не въ примѣръ другимъ скоро жениться дозволилъ. Да! Только не привелось долго жить съ первой супругой. Теперь я на второй женатъ, прибавилъ онъ, остановившись и шевельнувъ усомъ. Женился я тогда безъ согласія родителевъ моихъ. Меня Господь за то и наказалъ, сказалъ Петровичъ и тяжело вздохнулъ. Супруга моя первая пошла зимою полоскать бѣлье, ледъ подъ ею проломился, и она подъ ледъ попала, разсказывалъ онъ. Ее хотя и спасли, но вѣрно съ простуды, аль съ перепугу... только на третій день послѣ этого она померла. Видно не слѣдовало безъ согласія родителевъ жениться. За такое дѣло Господь всегда наказуетъ... Да ужъ и баба была... Гранадеръ, не баба... Красивая. Да что говорить! Безъ родителевъ жениться не слѣдовало...

III.

— Что, страшно на войнѣ? прервала я Петровича, чтобъ отвлечь его отъ семейныхъ воспоминаній и философскихъ соображеній и навести его на занимавшія меня военныя его похожденія.

— Какъ сказать? Когда свиснетъ первая пуля—дѣйствительно страшно, потомъ какъ будто пріобыкнешь, ничего! А все—кто войны не видалъ, тотъ горя не зналъ—кто горя не зналъ, тотъ войны не видалъ, сказалъ онъ и, по ново заведенному ритму ходьбы—пріостановился. Какъ припомнишь тѣ времена, такъ иной разъ и теперь жуть беретъ, продолжалъ Петровичъ, снова шагая впередъ и все глядя передъ собою. Какъ припомнишь теперь, какъ нашихъ сразу семьсотъ человѣкъ полегло, какъ ихъ на повозкѣ всѣхъ въ кучу, точно бревна накладывали, такъ ну!.. А въ ту пору—такъ къ смертямъ приглядѣвши были, къ покойникамъ то, что когда иной съ воза сваливался—солдатики другіе еще смѣются, шутки строятъ, кричатъ другъ дружкѣ: „гляди, летитъ, летитъ, кабы совсѣмъ не убѣгъ!“ Видно на людяхъ и смерть красна! Тогда-то смѣялись, точно не страшно было, ничего... А

теперь-то какъ вспомнишь—вспоминаючи хуже! Пули свистятъ, летятъ коло тебя, какъ галки, а ты ничего, прешь...

— Ну, ну.. поощряла я Петровича.

— Помню я, командира нашего полка ранили, началъ Петровичъ передохнувъ, солдатики сейчасъ на ружьяхъ унесли его, а на евоную лошадь сѣлъ капитанъ и взялъ команду. А пули такъ и свистятъ кругомъ... Непріятель, видно, близокъ былъ... Одна пуля скоро попала въ лошадь командира. Она и свалилась, на переднія колѣнки свалилась. Видно, въ колѣнко-то пуля попала... Капитанъ остановилъ полкъ, слѣзъ съ лошади, по шеѣ потрепалъ, зъ морду ей заглянулъ, и какъ скомандуетъ: „Бросай ранцы, ребята". На утекъ, значитъ. Всѣ побросали ранцы. Я не бросилъ. У меня въ ранцѣ было полтора цѣлковыхъ денегъ и два фунта сухарей. Деньги то бы еще ничего, а сухарей бросить жалко, вѣдь околѣешь еще потомъ съ голоду-то. Думаю: умру—да съ сухарями. Не брошу сухарей. Такъ и побѣжалъ въ ранцѣ, хорошо что силища у меня въ то время была такая, что и не сказать! замѣтилъ Петровичъ, молодцовато тряхнувъ рукой съ палкой въ воздухъ. А все жениться не надо было безъ родителевъ. Ледъ бы и не подломился подъ ей... И гранадеръ была баба... шесть пудовъ въ ей было.

— А когда вы побѣжали—французы не поймали васъ? снова остановила я воина, размечтавшагося о своемъ прошломъ семейномъ благополучіи и недолѣ.

— Какое догнали! Не догнали. А бѣжали мы долго, кто куда, снова началъ онъ прерванный разсказъ—въ разсыпную, значитъ. Всѣ, всѣ какъ есть растерялись. Только четверо насъ держались вмѣстѣ. Уже къ самой ночи добѣжали мы до лѣсочка. Тутъ мы начали оглядываться, гдѣ мы да какъ мы... Ишь, а мы въ виноградникѣ.

Я вся превратилась въ слухъ, не спускала глазъ съ бронзоваго лица моего спутника, думая, что вотъ тутъ то начнется разсказъ о настоящихъ военныхъ подвигахъ. Въ моемъ воображеніи рисовалась засада французовъ, отчаянная борьба съ цѣлымъ взводомъ враговъ четырехъ русскихъ солдатъ и славная побѣда послѣднихъ надъ превосходившимъ ихъ числомъ непріятелемъ.

— Ну, что было дальше? быстро спросила я Петровича, который въ эту минуту громко сталъ сморкаться въ свой красный съ желтыми цвѣтами платокъ.

— Я хотѣлъ было сорвать ягодку, а мнѣ товарищъ и говоритъ: ты, Петровичъ, не трогай, она для русскаго человѣка вредна есть. Я и бросилъ, хоть пить хотѣлось—смерть. Тогда патронъ зубами откусывали... отъ этого самаго во рту не хорошо пахло. Думаемъ: какъ тутъ быть? Надо воду безпремѣнно отыскать. Порѣшили: двумъ товарищамъ на мѣстѣ остаться, а двумъ пойти воду искать. Я съ однимъ солдатикомъ отправился на развѣдки. Отошли—не очень чтобъ далеко и какъ разъ нашли ручеекъ. Вода чистая, прохладная. Ротъ вымыли, попили водицы и все какъ слѣдъ, и уже хотѣли вернуться къ своимъ, какъ вдругъ—видимъ огонекъ! Что такое?

„Вотъ, подумала я, начинается интересное!“ Я забѣжала нѣсколько впередъ, чтобы имѣть возможность смотрѣть въ лицо разскащику и ловить рѣчи прямо изъ его устъ.

— Ну и что же было? спросила я въ нетерпѣніи.

— Пробрались ближе, продолжалъ Петровичъ медленно и,— экое счастье—харчевня. Передъ харчевней арба стоитъ запряженная. Входимъ. Въ харчевнѣ еврей съ еврейкой. Еврей блѣдный, худой такой... У еврейки на рукахъ лежитъ ребеночекъ и грудь сосетъ. Харчевня не то чтобы ахти была. Видно сейчасъ, бѣднота! Другой разъ плюнулъ бы, да и мимо прошелъ, а теперь думаемъ, все едино, чѣмъ нибудь съ голоду поживиться можно будетъ.

— Ну-ка, говоримъ, Шлема, дай намъ водки, для насъ и товарищей.

„Опять онъ уклонился въ сторону“, съ неудовольствіемъ подумала я.

— А еврей знакомый былъ тебѣ? спросила я, разочарованная.

— Нѣту, куды знакомый, вовсе незнакомый въ первый разъ рожу его видѣлъ.

— Такъ почему ты зналъ, что его Шлемой зовутъ?

— Да я и не зналъ. Я такъ... кажиннаго еврея христопродавца Шлемой звалъ. Вѣдь имя то кажиннаго все равно не христіанское—все едино, какъ ихъ звать; Шлема, да Шлема, и все тутъ. Отзывается—значитъ и ладно.—Ну-ка, говоримъ, Шлема— водки давай!.. А онъ на то:—Водки? водки дамъ, а деньги дашь?— Денегъ нѣту, мы устали, какъ собаки. Денегъ нѣту, а водку дай.— Нѣту денегъ, нѣту водки!—Ахъ ты, песъ поганый, говорю ему, деньги есть—да не про твою честь! Вѣдь непріятель все равно у тебя водку твою заберетъ, такъ неужто не можешь ты православнаго солдата угостить? Я ему по русски говорю, по христіански, а онъ свою жидовскую линію тянетъ, лопочетъ!

Больше ужъ я не прерывала его разсказа, который онъ продолжалъ, видимо удовлетворяя собственной потребности подѣлиться всплывшими въ его памяти воспоминаніями о самой кипучей порѣ его жизни.

— Ну, братцы, говоримъ мы товарищамъ: ступайте прямо, за лѣсочкомъ поверните налѣво и найдете вы тамъ ручеекъ, промойте рты и вернитесь скорѣй назадъ. Мы вамъ и водку и закуску принесли. Такъ они и сдѣлали. Когда они пришли, я вынулъ свои сухари, разложилъ закуску, поставилъ водку... Вотъ, не успѣли мы еще приняться за ѣду,—какъ вдругъ слышимъ за кустами что-то шевелится. Я тихонько начинаю командовать: „Въ ружья готовься!.. Не стрѣляйте, братцы, пока не скажу „пли“, говорю имъ. „Кто идетъ, кричу,—а мнѣ отвѣчаютъ: „А, Петровичъ! это ты?“ Свой, значитъ. Голосъ знакомый. Это былъ полковой дохтуръ, съ которымъ я, бывало, часто на охоту ходилъ. Съ нимъ былъ еще одинъ офицеръ. Вышли-то они изъ засады, подходятъ къ намъ,—видятъ, что и водка у насъ есть, и сухари, и закуска... Дохтуръ и взмолился:—Одолжи, братецъ, сухариковъ, говоритъ. Страсть проголодался. Ни крошки цѣльный день во рту

не имѣлъ.—Ладно, ладно, а когда я съ вами на охоту ходилъ—у васъ была и водка, и колбаса была, и все—и вы Петровича тогда братцемъ не называли, а теперь—братецъ.—Извѣстно шучу, объяснилъ мнѣ Петровичъ, скосивъ въ мою сторону глаза и поводя усомъ. Выпили мы и закусили сами и нежданныхъ гостей попотчивали, а потомъ заснули, какъ мертвые. Когда проснулись—солнце уже было во-какъ высоко. Кажись, приди хоть одинъ французъ, и всѣмъ намъ живымъ не быть—такъ-то спали. Глядимъ, а гостей то нашихъ и нѣтъ. Ушли, измѣнили, значитъ, не разбудили насъ. Мой товарищъ и говоритъ: „Кажется, увидь я этого дохтура сейчасъ, не выдержалъ бы, подстрѣлилъ бы его за эту самую измѣну“...

IV.

Петровичъ велъ свой разсказъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, съ виртуозностью, которой могъ бы позавидовать иной актеръ. Особенно искусно изобразилъ онъ эпизодъ въ харчевнѣ, передавая разговоры на разные голоса съ объективностью натуралиста чистой воды.

— А случалось еще, что солдаты грабили кого? спросила я больше для того, чтобы сказать что нибудь, потерявъ надежду услышать разсказъ о настоящихъ воинскихъ подвигахъ, какіе описываются въ книгахъ.

— Случалось, какъ не случалось, отвѣтилъ онъ. Меня отъ грабежа Богъ миловалъ, прибавилъ онъ, искренно полагая, что поведеніе его въ харчевнѣ не было грабежомъ. Другіе солдатики грабили, случалось. Разъ меня съ товарищемъ послали добыть сѣна для лошадей, началъ Петровичъ немного помолчавъ. Входимъ мы этта въ одинъ домъ. Людей никого. А тутъ стоитъ стеклянный шкафъ, а въ шкафу, видимъ, серебро и все такое. Мой товарищъ хлопъ прикладомъ въ стекло, и ну загребать серебро. Сталъ онъ ложки и всякія вещи класть въ карманы и за обшлага рукавовъ. Я ничего не трогалъ. Чего, думаю: тутъ пули, какъ галки, летаютъ, можетъ и живъ не буду, думаю, такъ чего-же... Въ другомъ домѣ я, правду сказать, попользовался. Вижу—на сундукѣ лежитъ матросская рубашка. Я свою то грязную да куцую снялъ, а эту надѣлъ. Рубаха—это такъ!.. Это намъ нужно! Моя во какая куцая была, точно жилетъ, а не рубаха; этта отъ того, что дерешь ее постоянно на бинты. Кого ранятъ, оторвешь отъ своей рубахи кусокъ, рану перевязать, кровь унять, пока фершалъ подоспѣетъ. Да, рубаха вещь полезная, а серебро что? Плюнь на серебро а только. По моему и оказалось. Выходимъ мы изъ того дома, и тутъ шальное ядро и сорвало тому солдатику голову. Самъ онъ упалъ, а серебро то изъ обшлаговъ и высыпалось. И хоть безъ головы, а пальцами землю еще гребетъ. Греби, греби, братъ, много то не нагребешь!..

Петровичъ умолкъ. Я тоже молчала. Глаза его, устремленные вдаль, точно затуманились отъ тучи мрачныхъ воспоминаній изъ далекаго прошлаго.

— Вотъ-то было времечко! произнесъ онъ наконецъ. Эти три дня почитай-что ничего не ѣли, такъ что командиръ ужъ сказалъ намъ: „Надобно, братцы, иттить на авось, взять непріятеля штурмомъ... Все равно околѣешь“. Тогда-то мы нѣсколько сотенъ плѣнныхъ и взяли, прибавилъ Петровичъ уже веселымъ голосомъ. Я самъ одного агличанина живьемъ взялъ, сказалъ онъ игриво, моргнувъ заблестѣвшими глазами и шевельнувъ усами. Вижу передо мною „енъ“ бѣжитъ, во-какъ близко, объяснилъ Петровичъ, вытянувъ впередъ свою палку.—Я ему кричу „стой“,—не то стрѣлять стану, а енъ бѣжитъ. Енъ эдакій маленькій, худой да юркій, а я въ ранцѣ, во всей аммуниціи. „Стой, кричу, стой, не то стрѣлять стану“, а енъ и ухомъ не ведетъ. Ну, тутъ я взялъ да скидануль ранецъ, все побросалъ. Думаю: ладно, потомъ найду, подберу. Бѣгу за нимъ. Я за нимъ, а енъ отъ меня, я за нимъ, а енъ отъ меня. Бѣгу и кричу: „Стой, стой, убью, убью“.

Въ пылу воинственныхъ воспоминаній Петровичъ забылъ про свою спутницу, ускорилъ шагъ и даже усиленно сталъ дышать, точно передъ нимъ „енъ“ и теперь бѣжалъ. Заинтересованная судьбою бѣгущихъ непріятелей, я пустилась въ догонку за Петровичемъ.

— Я кричу ему „убью“, „убью“, повторялъ бывшій севастополецъ, а енъ не понимаетъ. Тутъ казакъ на лошади подоспѣлъ и кричитъ мнѣ: „не стрѣляй, не трошь его“. — Я не стрѣляю, отвѣчаю, только пужаю его. Казакъ возьми, да и перегороди ему дорогу, а я его схватилъ.

Къ моему удовольствію, Петровичъ тутъ остановился и радостно передохнулъ, сжавъ обѣими руками палку, точно пойманнаго плѣнника.

— Первымъ дѣломъ обыскалъ его, началъ онъ опять, шагая и произнося слова спокойнѣе и медленнѣе. Этта, значитъ, нѣтъ ли при емъ какого оружія или чего. Нашли у него ножикъ эдакій длинный, диковинный, хорошимъ манеромъ завязали ему руки за спину и привязали его къ лошади. Такъ-то привели его къ командиру. За это самое получилъ я отъ командира три цѣлковыхъ денегъ. Да, много дѣловъ было! Могу сказать, не даромъ прожилъ я на бѣломъ свѣтѣ, заключилъ Петровичъ свой разсказъ тѣмъ же тономъ радостнаго самодовольствія, съ какимъ за часъ произнесла тѣ же слова старая Митродора Васильевна при воспоминаніи о переходившихъ черезъ ея руки сластяхъ. Оба инвалида, оглядывая свои жизненные пути, столь различные — приходили къ одному и тому же сладкому заключенію, которымъ они въ свободные вечерніе часы, вѣроятно, заканчивали свои тихія и мирныя бесѣды.

— Теперь ужъ я старикъ, пояснилъ мнѣ Петровичъ. Теперь что! А прежде кабы видѣли вы меня, не то-бы сказали, прибавилъ онъ пріосанившись. Чтобъ наглядно доказать мнѣ, кѣмъ онъ былъ когда-то, онъ пустился разсказывать о своихъ успѣхахъ надъ женскими сердцами вообще и надъ сердцемъ его настоящей супруги въ особенности.

V.

— Вотъ супруга моя Анисья Федоровна, разсказывалъ онъ, такъ та, когда ужъ мнѣ 45 лѣтъ было, за меня пошла и никого другого знать не хотѣла. А сколько жениховъ за ней сваталось! воскликнулъ Петровичъ, какъ-то особенно молодцовато, мигая глазами и шевеля усами. — Жениховъ видимо-невидимо — а за меня пошла. Служилъ я въ ту пору объѣздчикомъ у молодого нашего барина. Жалованье получалъ порядочное, а все какъ есть уходило. Понятно: ни тебѣ сшить есть кому, ни сготовить. За все плати, за все плати... Думаю: нѣтъ, братъ, надо жениться. Неужто я жены не прокормлю? Вѣдь другіе же кормятъ. Дай, думаю, посватаю Анисью Федоровну. Отецъ ея въ поварахъ жилъ у старыхъ нашихъ господъ. Она изъ себя эдакъ была не то чтобы видная. Взглянешь—и смотрѣть не на что—вотъ точь въ точь вашей была породы, объяснилъ Петровичъ, махнувъ въ мою сторону рукою. Смотрѣть не на что, но въ ей тогда было такое, что за сердце хватало... Теперь то ужъ не то! А все, и теперь худого про нее никто не скажетъ... Разъ эдакъ въ воскресенье ѣду я, значитъ, въ усадьбу и думаю: посватаю, безпремѣнно посватаю. А тутъ она какъ разъ мнѣ на встрѣчу идетъ съ барышней; съ купанья возвращались. „Гляди, Анисья, ей барышня говоритъ, Петровичъ ѣдетъ тебя сватать“. Она-то барышня не знала ничего, а такъ загадала значитъ. Ужъ это мнѣ Анисья Федоровна потомъ разсказала. Вотъ я пріѣзжаю, приходитъ и моя Анисья, а въ то время у ей сидятъ еще три жениха, и все богатые, домовитые. Анисья то моя Федоровна имъ и говоритъ:—Вы хошь сидите, хошь не сидите, а я за Петровича пойду.—Да въ умѣ-ли вы, Анисья, молъ, Федоровна, у Петровича ни кола, ни двора. —И мои родители безъ двора прожили, и я проживу. Что хотите, то и говорите; хошь сидите, хошь не сидите, а за Петровичемъ буду.

— Отчего же это она такъ за тебя идти хотѣла, спросила я разсказчика. Ты ей нравился, что-ли?

— Какъ не нравился! Полюбился! вскричалъ Петровичъ, сверкнувъ глазами. Что я въ ту пору былъ! сказалъ онъ въ полномъ восхищеніи собою, въ порывѣ котораго, какъ мнѣ показалось, голова его повернулась на шеѣ. Въ ту пору я былъ одно слово ирой, прибавилъ онъ, мотнувъ головой вверхъ. Рослый молодецъ, усищи во... Хоть мнѣ было 45 годовъ, но больше тридцати мнѣ никто не давалъ, и все изъ-за усовъ... Въ то время усы фабрили. Я не фабрилъ. Только сальцемъ помажу — они у меня какъ штыки стоятъ. И сколько я лишней службы изъ-за этихъ самыхъ усовъ несъ и сказать нельзя! замѣтилъ Петровичъ и махнулъ рукой, какъ первый теноръ, разсказывающій о пріѣвшихся ему оваціяхъ за высокую ноту. Бывало, какъ только какое важное начальство пріѣдетъ, либо Государь—за кѣмъ посылаютъ? За Петровичемъ! Ужъ я фельдфебелемъ былъ и не слѣдъ мнѣ было на часахъ стоять — мнѣ велятъ пальто солдатское надѣть и на часахъ стоять. Чего подѣлаешь! Ужъ такой я былъ ирой,

такой... все болѣе и болѣе увлекаясь, повторялъ Петровичъ, усиленно шевеля усами и тряхнувъ бронзовой головой. Такой я былъ въ ту пору прой, что разъ... началъ было что то разсказывать Петровичъ, но тутъ показалось село и домъ священника, а на крыльцѣ стояли самъ батюшка и жена его.

Повѣствованія нашего источника объ его военныхъ подвигахъ и свѣтскихъ побѣдахъ поневолѣ прервались. Мнѣ было интересно слушать этого человѣка, у котораго, какъ онъ выражался, было „много дѣловъ“ на своемъ вѣку и который такъ былъ доволенъ своей протекшей долгой жизнью—но признаться, походъ мой съ севастопольцемъ подъ конецъ утомилъ меня. Минутами я даже сожалѣла, что промѣняла воспоминанія Митродоры Васильевны о старинѣ и украшавшихъ жизнь ея разныхъ сластяхъ и фруктахъ на разсказы Петровича.

Вернувшись домой я немедленно записала разсказъ моего провожатаго съ той точностью, какая только возможна.

Въ то время я еще была далека отъ предположенія, что когда нибудь стану писать незатѣйливые разсказы. Я лелѣяла тогда иную дерзкую мечту. Я мечтала открыть людямъ правду жизни, извлекать изъ нея для ихъ блага высокія поученія безсмертнаго добра. Разсказъ Петровича я записала только съ этой мыслью. Я записала этотъ разсказъ, сопровождая его краснорѣчивыми замѣчаніями о ненужности войны, о жестокости нравовъ, покровительствуемыхъ ею, о томъ, что убійство всякое—грѣхъ, убійство кровавое, убійство безкровное. Я заключила этотъ разсказъ многоглагольными поученіями о необходимости любви и мира между всѣми людьми-братьями по недолѣ, на какія бы они имена ни откликались, я напоминала о великихъ заповѣдяхъ Соединившаго всѣхъ страждущихъ въ Своемъ Божественномъ сердцѣ и т. п. Нынче, убѣдившись, что Америка, которую я открывала, давнымъ давно открыта и каждый день открывается болѣе искусными, чѣмъ я изслѣдователями, — я рѣшила безвозвратно исключить сдѣланные мной изъ разсказа выводы, какъ никому ненужныя упражненія въ области морали. Я рѣшила воспроизвести лишь точный разсказъ стараго воина, съ цѣлью познакомить читателя съ однимъ изъ рѣдкихъ счастливцевъ, которые могутъ льстить себя сладкой мыслью, что они не даромъ прожили на бѣломъ свѣтѣ.

И. Гриневская.

Странички прошлаго.

Англійскій шкиперъ и русскіе лопари.

(Изъ старыхъ сенатскихъ дѣлъ).

Сношенія наши съ Англіей начались въ 1553 году, когда Ричардъ Ченслеръ случайно прибылъ въ устье Сѣверной Двины, близъ монастыря св. Николая. Холмогорскія выборныя головы, немедленно донесли въ Москву, что въ Холмогоры пріѣхалъ отъ аглицкаго короля Едварта посолъ „Рыцертъ и съ нимъ гости". Царь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ англичанамъ право безпошлинной со многими другими важными привилегіями. На основаніи этого права англичане монополизировали ввозную торговлю въ Россію, и когда въ 1564 г. появившійся въ Москвѣ итальянецъ Барберини сталъ доказывать царю и его совѣтникамъ, что товары, привозимые англичанами вовсе не англійскіе, и что ихъ можно за болѣе дешевую цѣну пріобрѣтать у голландцевъ и нѣмцевъ. лондонское торговое общество „Московія" крайне встревожилось. Вслѣдствіе этого въ 1566 г. въ Москву явился уже ранѣе бывавшій въ Россіи и понравившійся царю посолъ Антонъ Джекинсонъ, убѣдившій Іоанна IV въ томъ, что Барберини „обманнымъ образомъ" получилъ отъ королевы англійской рекомендательное письмо къ царю и что королева вовсе не желаетъ, чтобы какіе либо иноземцы кромѣ англичанъ были допущены къ устью Двины. Барберини выслали изъ Москвы. Позднѣе однако двуличная политика Англіи раскрылась глазамъ Іоанна, и онъ неоднократно „опалялся" на англичанъ, которые, однако, всегда ловкими переговорами умѣли выпутаться изъ затруднительнаго положенія и пользоваться прежними преимуществами.

При Борисѣ Годуновѣ, несмотря на раскрывшіяся разныя злоупотребленія англійской компаніи, англичане сохраняли свои привилегіи. Михаилъ Федоровичъ, вступивъ на престолъ, рѣшилъ наконецъ, воспользоваться „дружбой" съ Англіей въ государствен

ныхъ цѣляхъ. Онъ отправилъ въ Лондонъ посломъ дворянина Зюзина съ просьбой о помощи противъ поляковъ и шведовъ. Англичане искусно уклонились отъ такой помощи, но предложили посредничество, и при содѣйствіи ихъ посла „Ивана Ульянова Мерика" былъ заключенъ столбовскій мирный трактатъ со Швеціей. Въ награду за это содѣйствіе права англійскихъ купцовъ были торжественно подтверждены, кромѣ того еще былъ прибавленъ рядъ статей; разрѣшено англійскимъ инженерамъ разрабатывать разнаго рода руды въ Россіи. Съ своей стороны московское правительство опять хлопотало о военномъ союзѣ и денежной помощи. Послу московскаго царя англичане оказали большой почетъ, но въ заключеніи союзнаго трактата отказали. Они добивались правъ, но не желали брать на себя никакихъ обязательствъ, впрочемъ въ видѣ пособія въ Москву было отправлено 80.000 р. Добрыя отношенія всетаки продолжались.

Съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича отношенія рѣзко измѣнились. Уже ранѣе русскіе торговые люди жаловались на убыточность англійскихъ привилегій, но правительство не обращало на эти жалобы достаточнаго вниманія. При Алексѣѣ Михайловичѣ ропотъ народа нашелъ себѣ опору въ недовольствѣ царя низверженіемъ Карла I. Въ 1646 г. московскіе купцы подали государю замѣчательное челобитье, въ которомъ подробно перечисляли всѣ „обиды и раззорения", претерпѣваемыя отъ англичанъ. „Всѣми торгами, говорится въ этой жалобѣ, которыми искони мы торговали, завладѣли англійскіе нѣмцы, и оттого мы отъ своихъ вѣчныхъ промысловъ отстали и къ Архангельскому городу не ѣздимъ". Кромѣ того они „все московское государство оголодили, покупая въ Москвѣ и въ городахъ мясо и всякій харчъ и хлѣбъ, вывозятъ въ свою землю", не только на своихъ корабляхъ, но также на голландскихъ, брабантскихъ и гамбургскихъ тайно и безпошлинно и „твою государеву пошлину крадутъ".

Нужно замѣтить, что пользуясь всяческими преимуществами и на словахъ предоставляя ихъ у себя русскимъ торговымъ людямъ, на самомъ дѣлѣ англичане всѣми силами фактически противодѣйствовали вывозной торговлѣ нашихъ купцовъ.

Челобитная подѣйствовала. Въ 1646 г. на всѣ иностранные товары, въ томъ числѣ и на англійскіе, была наложена двойная пошлина „для положенія ратныхъ людей".

Упраздненіе республики примирило царя съ англичанами, но прежнія льготы царь обѣщалъ вернуть только подъ условіемъ займа у королевскаго правительства, которое однако въ этомъ одолженіи отказало; отказали также и купцы, къ которымъ обратился русскій посолъ Желябужскій. Тѣмъ не менѣе въ 1664 г. въ Москву прибыло англійское посольство съ гр. Карлейлемъ во главѣ съ домогательствомъ возвращенія привилегій. На домогательства Карлейля московскіе уполномоченные заявили: „торговали англичане въ Московскомъ государствѣ безпошлинно лѣтъ сто и нажились, а узорочныхъ и другихъ товаровъ, которые были годны въ царскую казну, по своей заморской цѣнѣ не давали, и заповѣдные товары провозили и вывозили тайкомъ. Одинъ изъ

купцовъ Лондонской Компаніи пріѣхалъ въ Балтійское море на военномъ кораблѣ, и хотѣлъ грабить царскихъ подданныхъ, которые ѣздятъ въ Швецію для торговли".

Потерпѣвъ неудачу въ дипломатическихъ переговорахъ, Карлейлъ по отечественной привычкѣ перешелъ было къ угрозамъ и рѣзкостямъ, но тѣмъ только болѣе испортилъ дѣло. Въ отместку англичане грубо приняли въ Лондонѣ русскаго посла, и не доставили ему даже квартиры.

На уступки съ Англіей изъ политическихъ соображеній пошелъ только Петръ Великій. Отецъ его до конца жизни остался вѣренъ своему взгляду на англичанъ. Преобразователь, однако, ошибся въ своихъ разсчетахъ. Онъ предоставилъ англійскимъ купцамъ монополію торговли табакомъ въ Россіи, но взамѣнъ этой любезности надѣялся на дружескія услуги С. Джемскаго кабинета въ Константинополѣ, гдѣ происходили въ 1700 г. переговоры между московскимъ посланникомъ и турецкими министрами. Однако, Англія, оставаясь вѣрной своей вѣковой политикѣ, и тутъ не измѣнила себѣ; вслѣдствіе этого русскій посолъ Украинцевъ писалъ изъ Константинополя царю: „послы англійскій и голландскій во всемъ держатъ крѣпко турскую сторону и больше хотятъ имъ всякаго добра, нежели тебѣ, великому Государю.... что у тебя, Государя, морское корабельное строеніе и плаванье подъ Азовомъ и у Архангельскаго города, и тому они завидуютъ, и того ненавидятъ, чая себѣ отъ того въ морской своей торговлѣ великой помѣшки".

Петръ тѣмъ не менѣе все-таки надѣялся поладить съ сильнымъ государствомъ, хотя англійское правительство также недружелюбно вело себя и въ эпоху великой Сѣверной войны. Царь высказывалъ особое довѣріе англійскимъ купцамъ, отдавалъ имъ на откупъ ленъ и табакъ. Въ отношеніи послѣдняго англичане оказались особенно ревнивыми. Въ іюлѣ 1705 г. англійскій статсъ-секретарь сообщилъ королевскому послу Витворту, что нѣкоторыя лица въ подрывъ англійской монополіи выписали изъ Англіи мастеровъ табачнаго дѣла, и завели табачныя фабрики, что является крайне нежелательнымъ, и требуетъ соотвѣтственныхъ мѣръ. Витвортъ оказался на высотѣ своего положенія. Онъ вызвалъ къ себѣ всѣхъ англійскихъ мастеровъ, уговорилъ ихъ немедленно выѣхать домой, и самъ въ сопровожденіи секретаря и четырехъ слугъ явился на фабрику и переломалъ тамъ всѣ орудія производства, чѣмъ привелъ въ крайнее негодованіе бурмистерскую палату. Выполнивъ этотъ подвигъ противодѣйствія русской обработкѣ кавказскаго табаку, Витвортъ, по наставленію своего правительства, имѣлъ наглость увѣрять царя, что сдѣлано имъ это для пользы развитія торговли табакомъ въ Россіи. Въ Англіи восхищались ловкостью и настойчивостью великобританскаго посланника.

Противъ англичанъ и подвига Витворта, въ концѣ 1706 г. Петръ отправилъ въ Лондонъ посла Матвѣева съ порученіемъ побудить Англію взять на себя посредничество между Россіей и Швеціей. Англичане приняли Матвѣева очень любезно, но вскорѣ русскій посолъ убѣдился, что англійскіе министры „въ тонко-

стяхъ и пронырствахъ субтильнѣе самихъ французовъ, отъ словъ гладкихъ и безплодныхъ происходитъ одна трата времени для насъ". Надежда царя на великую альянцыю рушилась. Матвѣевъ доносилъ, что отъ льстиваго англійскаго министерства „никакой склонности къ Царскому Величеству нѣтъ, и сердечная любовь къ шведу со дня на день увеличивается".

Матвѣевъ получилъ приказаніе ѣхать назадъ, но передъ отъѣздомъ испыталъ крайне тягостное приключеніе. 23 іюля 1708 г. онъ назначилъ срокъ для расплаты съ кредиторами, но 21 числа его остановили на дорогѣ въ Соммерсетъ-гоузъ, гдѣ обыкновенно собирались иностранные дипломаты, вытащили изъ кареты, избили, и, наконецъ, отвезли по приказанію полицейскаго шерифа въ долговую тюрьму за неуплату 50 ф. стерлинговъ. Весь дипломатическій корпусъ былъ возмущенъ и протестовалъ. Передъ выпущеннымъ на поруки посломъ англійскія власти извинялись. Матвѣевъ выѣхалъ 30 іюля, и не скрывалъ радости, что разстается „съ христоненавистнымъ народомъ и канальскаго злочестія исполненнымъ".

Витворсъ получилъ изъ Лондона приказаніе принять всѣ мѣры, чтобы удовлетворить руское правительство за оскорбленіе представителя, но англійскій посолъ доказывалъ, что безпокоиться особенно нечего, такъ какъ „москвитяне опасны только тѣмъ, кто боится ихъ, и лучшее средство образумитъ рускихъ—не уступать имъ".

Англичане не уступили. Дѣло было замято и понемногу забыто. Императоръ, занятый соображеніями высшей политики, не хотѣлъ нарушать общихъ, якобы добрыхъ отношеній между Россіей и Англіей, а потому на удовлетвореніи фактическомъ не настаивалъ. Между тѣмъ опытъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ временъ свидѣтельствовалъ, что происшествіе съ Матвѣевымъ не было печальной случайностью, но однимъ изъ результатовъ общаго отношенія англичанъ къ туземцамъ вообще и къ рускимъ въ частности. Высокомѣріе, соединенное съ коварствомъ и крупнымъ и мелкимъ своекорыстіемъ, уже давно представляется какъ бы національной чертой англійскаго характера. Рядъ подвиговъ англичанъ въ проявленіи этихъ качествъ неисчислимъ, но вотъ между прочимъ довольно наглядный примѣръ культурнаго поведенія одного изъ просвѣщенныхъ мореплавателей, заброшеннаго на нашъ дальній Сѣверъ и волею судебъ пришедшаго въ соприкосновеніе съ рускими солдатами и инородцами.

Въ концѣ сентября 1763 г. англійское судно съ четырнадцатью матросами и штурманомъ подъ командой шкипера Ф. Бенета потерпѣло крушеніе у береговъ руской Лапландіи. Кое какъ Бенетъ съ товарищами добрался до пустыннаго берега, и здѣсь послалъ часть своихъ людей на поиски обитаемыхъ мѣстъ. Въ Семиостровьи англичане наткнулись на становище лопарей, которые, уразумѣвъ, что съ иноземцами случилось несчастіе, тотчасъ же поспѣшили на помощь пострадавшимъ. При ихъ содѣйствіи, насколько было возможно, англичане сняли съ корабля цѣнныя вещи, съ помощью лопарей выловили въ морѣ и собрали

на берегу части груза: бочки, доски, пеньку. Въ теченіе цѣлой недѣли добродушные инородцы держали англичанъ въ своихъ шалашахъ, кормили ихъ, и потомъ доставили въ слѣдующее ближайшее селеніе по кольскому тракту; оттуда при помощи другихъ лопарей Воронежскаго погоста, а также при содѣйствіи бывшихъ въ мѣстечкѣ Опасовѣ для рыбнаго промысла солдатъ перевезли пострадавшихъ на своихъ лодкахъ въ Колу.

За оказанныя инородцами и солдатами услуги, англичане подарили имъ два небольшихъ паруса, два блюда, ломанный компасъ, чайную ложечку, жестянку, таганъ, два боченка—желѣзный и дубовый, шерстяной кушакъ и камзолъ въ два рубля.

По прибытіи въ Колу Бенетъ явился въ кольскую воеводскую канцелярію и потребовалъ выдачи ему оффиціальнаго удостовѣренія въ приключившемся съ нимъ несчастіи. Тутъ произошли нѣкоторыя недоразумѣнія. „Воевода Расковъ замедлилъ „аттестата". Англичане „кланялись" ему тремя рублями, но онъ почему то пожелалъ имѣть непремѣнно англійскую гинею. Отъ Раскова вообще туго приходилось и кольскимъ обывателямъ, но англичане все таки съумѣли съ нимъ поладить. Временно экипажъ разбитаго корабля устроился въ Колѣ, между тѣмъ Бенетъ писалъ англійскому консулу и увѣдомлялъ его о случившемся съ добавленіемъ собственныхъ комментарій.

Въ моментъ пребыванія Бенета, въ Россіи между русской имперіей и англійскимъ королевствомъ дѣйствовалъ торговый трактатъ 1734 г. Въ артикулѣ пятнадцатомъ этого трактата говорилось: „что въ случаѣ корабельнаго разбіенія, если оное въ одной которой изъ высокодоговаривающихся странъ принадлежащемъ мѣстѣ случиться имѣетъ, и тѣмъ въ несчастіе впадшимъ всякое вспоможеніе учинено быть имѣетъ, и никакого насилія не чинить, и самими ими спасенныя, или изъ корабля выброшенныя вещи отъ нихъ не скрывать и не удерживать, и подъ какимъ претекстомъ то учиниться ни можетъ, оныхъ не повреждать, но *тѣ товары и вещи за плату умѣреннаго вознагражденія*, за учиненное при спасеніи ихъ персонъ, корабля или вещей вспоможеніе, имъ сохранены, охранены и отданы быть имѣютъ".

Бенетъ жаловался консулу на то, что вопреки трактату, со стороны русскихъ подданныхъ при кораблекрушеніи никакого содѣйствія ему оказано не было. Онъ обвинялъ несчастныхъ лопарей въ томъ, что они будто бы за первоначальную помощь, за кровъ, за хлѣбъ вымогали съ него деньги и различныя вещи; то же самое, по утвержденію шкипера дѣлали и солдаты, требовавшіе будто бы съ него сто рублей. Въ письмахъ къ консулу свое положеніе Бенетъ представилъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Представитель великой державы на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ земляка, потребовалъ удовлетворенія. За этимъ дѣло не стало. На мѣсто происшествія былъ командированъ изъ Архангельской губернской канцеляріи майоръ Абатуровъ для производства слѣдствія. Всѣ участвовавшіе въ перевозкѣ Бенета и въ заботахъ о немъ въ первые дни по кораблекрушеніи—лопари и солдаты были задержаны, розданныя Бенетомъ вещи отобраны у новыхъ владѣльцевъ, какъ похищенныя.

Бенету, во что бы то ни стало нужно было доказать, что при крушеніи грузъ былъ разграбленъ прибрежнымъ населеніемъ; это давало право его консулу требовать отъ русскаго правительства вознагражденія. И вотъ для такой цѣли шкиперъ пустился на клевету. Въ его показаніяхъ наши лопари и солдаты оказались какими то чудовищами, пользующимися несчастіемъ ближняго ради того, чтобы нажиться на чужой счетъ. Обвиняемыхъ подвергли допросу „съ пристрастіемъ", иначе говоря, пыткѣ; но и подъ пыткою эти двадцать два человѣка какъ одинъ показали; что съ ихъ стороны не было англичанамъ никакихъ притѣсненій, наоборотъ, о ихъ благодѣяніяхъ подтвердили всѣ свидѣтели по дѣлу; наконецъ, и самъ Бенетъ на допросахъ спутался. Онъ заявилъ, что языкъ, на которомъ говорили его спасители, ему былъ непонятенъ, и что ему казалось, будто бы они у него вымогаютъ. Впрочемъ, сначала онъ твердо стоялъ на томъ, что солдаты требовали съ него сто рублей, потомъ перешелъ на половину, потомъ на тридцать рублей. Собранные послѣ крушенія товары всѣ оказались въ цѣлости, и англичанамъ поневолѣ пришлось отказаться отъ своихъ притязаній.

Сенатъ, разсмотрѣвшій въ конечной инстанціи обвиненія, представленныя Бенетомъ противъ Раскова и лопарей съ солдатами, уволилъ воеводу, а лопарямъ и солдатамъ постановилъ выдать вознагражденіе за напрасно перенесенные подъ пыткой мученія и въ поощреніе помощи впавшимъ въ несчастіи мореплавателямъ на будущій разъ. Это вознагражденіе сенатъ приговорилъ взыскать черезъ коммерцъ или иностранную коллегію съ самаго Бенета на основаніи приведеннаго пятнадцатаго артикула коммерческаго трактата 1734 года. **В. Грибовскій.**

Бунтъ [1]).

Дѣло было въ декабрѣ 1857 года. Крестьяне деревни Островки сбились у крыльца барскаго дома и ожидали выхода помѣщика, къ которому у нихъ было дѣло.

Чудный, слегка морозный, день кончался. Солнышко уже скрылось за липовымъ паркомъ, раскинувшимся по другую сторону барскаго дома, и своими холодными лучами золотило перистыя облака, какъ легкое кружево, раскинутыя по небосклону. У мужиковъ было двоякаго рода дѣло. Пожилые мужики главнымъ образомъ хлопотали о сбавкѣ оброка, который они сами необдуманно надбавили, когда заподозрили, что помѣщикъ хочетъ перевести ихъ на барщину. Болѣе молодые предъявляли кромѣ того другія требованія: чтобы баринъ пересталъ бѣгать и приставать къ ихъ женамъ, сестрамъ и дочерямъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Бабы и болѣе пожилые мужики пользовались этой барской слабостью, старались извлекать изъ нея всевозможную выгоду, а бабы, кромѣ того, и покрывались ей отъ мужей, когда въ ихъ отсутствіе приживали на сторонѣ незаконныхъ дѣтей. Во всѣхъ былъ виновенъ баринъ.

---

[1]) Дѣло, напечатанное въ Трудахъ Рязанской архивной коммиссіи.

— Не бывать тому, чтобы онъ, старый хрычъ, опять нашихъ дѣвокъ портилъ или съ женами баловался. Будетъ, пора и честь знать, орали на сходѣ болѣе горячія головы.

— Чего зря кричать-то,—успокаивали болѣе практичные мужики.—Чего кричать; такого барина, какъ нашъ, во всей губерніи не найдешь. Душа—баринъ, одно слово.

— Хорошо вамъ говорить, на вашихъ старухъ онъ не зарится.

— А отъ вашихъ убудетъ, что ли? Все такая же останется. Позолота съ ней не слѣзетъ.

Въ то время какъ мужики судили и рядили, какъ лучше подъѣхать къ барину, Павелъ Капитоновичъ Жилинскій сидѣлъ въ своей обширной столовой и кончалъ завтракъ. Въ комнатѣ было сильно натоплено и пахло мятой. Павелъ Капитоновичъ въ стеганомъ атласномъ халатѣ сидѣлъ въ глубокомъ мягкомъ креслѣ и сосредоточенно жевалъ своимъ беззубымъ ртомъ кусокъ индѣйки. Это былъ уже дряхлый старикъ, но съ претензіей на моложавость. Свои сѣдые усы и остатки волосъ онъ красилъ въ черный цвѣтъ, но такъ плохо, что корни волосъ, а часто и цѣлыя пряди получались буро-коричневаго цвѣта. Бороду онъ гладко брилъ и всегда тщательно подпудривалъ. Глаза его, когда-то, должно быть, очень красивые, совсѣмъ заплыли и едва выдѣлялись изъ-за двухъ полныхъ розовыхъ щекъ. Они всегда были какіе-то томные, масляные и только изрѣдка загорались, какъ два потухающихъ уголька. За нимъ стоялъ его вѣрный и неизмѣнный Лепорелло-Никитушка, въ молодости дѣлившій съ бариномъ всѣ опасности любовныхъ приключеній, а теперь поставлявшій ему женщинъ.

— А что, Никитушка, заждались меня мужики? говорилъ онъ сладенькимъ, не по годамъ моложавымъ голоскомъ.—Я сейчасъ, сейчасъ, только крылышко обгложу,—и онъ сталъ торопливо глодать крыло индѣйки.

— А вы не извольте, сударь, безпокоиться. Мужичье и подождетъ. А вы кушайте себѣ на здоровье.

— Нѣтъ, Никитушка, не хорошо заставлять себя ждать. Семеро одного не ждутъ, я одинъ, а ихъ вонъ сколько.

— Избалуете вы ихъ, сударь.

— Ничего, Никитушка, ничего—добрѣе будутъ. А что это, Никитушка, въ нынѣшнемъ году индѣйки какъ будто того... не особенно жирны?...

— Не къ году, батюшка-баринъ, не къ году. Въ нынѣшнемъ году вся птица такая же щуплая.

— А Маришка такая же щуплая, хе, хе, хе?

— Что Маришка, сударь... Маришка настоящей бабой стала, во всѣхъ статьяхъ.

— Во всѣхъ статьяхъ, говоришь? Это ты хорошо сказалъ... Нехорошо, если полнѣть начнетъ. Въ индѣйкѣ это хорошо, когда въ жиръ завернется, а женщина ужъ не то, Никитушка, совсѣмъ не то....

Послѣднія слова онъ произнесъ съ такимъ сожалѣніемъ, какъ будто бы испортили его самое лучшее блюдо. Лицо вѣрнаго слуги также изобразило сожалѣніе.

— А я вѣдь помолодѣлъ, Никитушка, какъ съѣздилъ въ Москву. Откуда что взялось, бодрость какая-то явилась,—говорилъ онъ, снимая съ шеи салфетку, которой онъ былъ завязанъ, и охорашиваясь передъ зеркаломъ.

— Да, вы у насъ совсѣмъ орелъ.

— Еще поживемъ, Никитушка, пошалимъ...

— Что же вамъ, батюшка-баринъ, не погулять. Ваше дѣло такое господское.

— Такъ ты говоришь, что Маришка во всѣхъ статьяхъ вышла дѣвка? А помнишь, какой она глупенькой, да худенькой ко мнѣ въ прошломъ году бѣгала, какъ стыдливо глазки свои плутовскіе фартучкомъ закрывала, какъ нашептывала: „отстань, баринъ, не замай"... Плутъ дѣвка!

— Теперь она уже не та, сударь! Говорятъ, сильно съ парнями по деревнѣ гуляетъ, совсѣмъ съ кругу сошла.

— Да неужели?... Какъ это нехорошо. А ты ей скажи, Никитушка, что это не хорошо, грѣхъ, что баринъ осерчаетъ. Понимаешь, пожури ее, постыди.

— Да ничего, сударь, она въ резонъ не принимаетъ, одни только глупыя слова говоритъ.

— Какъ это, Никитушка?

— Да говоритъ, что ты, старый хрычъ, со своимъ бариномъ меня на развратъ толкнули.

— Ахъ, какъ нехорошо, какъ нехорошо. Какая глупая, а между тѣмъ препикантная дѣвчонка. Знаешь что, Никитушка, ей нужно проборку учинить. Ты ей шепни, чтобы вечеркомъ приходила.

И онъ, что-то шамкая своими толстыми губами, началъ надѣвать на себя нагольный тулупъ.

Мужики, завидѣвъ барина, вскочили и плотными кольцами оцѣпили крыльцо.

— Здравствуйте, мужички.

— Добро пожаловать, батюшка-баринъ, съ пріѣздомъ...—раздались одинокіе голоса.

— Опять пріѣхалъ съ вами пожить... А вы что хорошенькаго скажете?

— Что говорить, непорядокъ... оброкъ великъ... тягло... оброкъ надо сбавить... что оброкъ, законъ нашъ не разрушай... оброкъ... оброкъ...—галдѣли голоса мужиковъ.

Павелъ Кондратьевичъ сначала было струсилъ этого гама, но потомъ разслышавъ слова „оброкъ", „тягло", нѣсколько успокоился и съ обычнымъ своимъ добродушіемъ обратился къ крестьянамъ.

— А вы, ребятушки, не разомъ, не разомъ... толкомъ говорите, а то у васъ ничего не поймешь.

Жилинскій никогда не давилъ своихъ крестьянъ. Его крѣпостные пользовались всей господской землей въ количествѣ 3.485 десятинъ на 335 мужскихъ ревизскихъ душъ. Крестьяне были оброчные и уплачивали съ тягла по 75 руб. въ годъ. Господской запашки не было, и вообще крестьяне пользовались всѣми льготами и попущеніями. Нѣкоторые даже прекратили платить

оброкъ. Помѣщикъ заботился пріискивать имъ различныя работы, предлагалъ завести посѣвъ тимооеевки, прорыть для осушенія болотъ канавы, давая на это собственныя деньги, но крестьяне не соглашались, опасаясь, чтобы это не послужило началомъ къ заведенію барской запашки, въ устраненіе чего они добровольно соглашались увеличить свои повинности. Вотъ эта-то надбавка и заботила крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ они увидѣли, что помѣщикъ вовсе не посягалъ на ихъ свободу.

Среди крестьянъ происходили совѣщанія; наконецъ, вышло нѣсколько стариковъ; снявъ шапки и низко, чуть не до земли, поклонившись барину, они заявили:

— Съ докукой къ тебѣ, батюшка-баринъ, пришли. Раззоръ намъ отъ новой надбавки приходитъ, хоть въ гробъ ложись. Совсѣмъ изъ животовъ выбились, сдѣлай милость, освободи.

Павелъ Кондратьевичъ не могъ равнодушно слушать чужихъ просьбъ, а тутъ перспектива обладать хорошенькой женщиной заслоняла собой всѣ другія соображенія. Онъ могъ думать только объ одной Маришкѣ, мужики мѣшали ему сосредоточиться, и онъ готовъ былъ все отдать, лишь бы отвязаться отъ нихъ и предаться своимъ мечтаніямъ.

— Ну, что жъ, ребятки, я столбовой дворянинъ, вамъ отецъ, могу награждать, могу и наказывать. Такъ ли, дѣтушки?..

— Такъ, батюшка-баринъ, такъ. Вѣчно здравствовать вашей милости на многія лѣта.

Въ заднихъ рядахъ послышались протесты противъ такой благодарности. Податливость барина и его добродушіе вскружили голову, и нѣсколько смѣльчаковъ лѣзло впередъ, но болѣе благоразумные сдерживали ихъ.

— Чего не пускаешь? кричалъ рыжій мужикъ, у котораго въ дому росъ сынишка, приписываемый народной молвой барину. — Или въ сваты къ нему затесаться хочешь?..

— Заткни свою глотку!

— Чего молчать! Ты свою жену за грошъ любому татарину продашь, а я за золотыя горы свою Матрешку не уступлю. Слышь, баринъ, оставь нашихъ бабъ,—не унимался рыжій, поддерживаемый другими крестьянами.

— Оставь нашихъ бабъ, подхватило еще нѣсколько голосовъ.

Крикъ поднялся невѣроятный. Одни, боясь проиграть дѣло съ оброкомъ, унимали крикуновъ, а тѣ никого не хотѣли слушать и лѣзли къ крыльцу. Долго сдерживаемое озлобленіе и недовольство сразу прорвалось, и даже болѣе благоразумные крестьяне заразились имъ.

— Если ты нашъ отецъ, любишь насъ, какъ дѣтей, началъ сѣдой, какъ лунь, старикъ, все время не принимавшій участія въ крикахъ,—то зачѣмъ разрушаешь нашъ законъ? Ты воленъ надъ нами въ податяхъ и во всякихъ повинностяхъ, но не воленъ брать нашихъ женъ и дочерей себѣ въ любовницы насильно, чтобы разлучать нашъ законъ.

— Не воленъ, не воленъ...

Павелъ Кондратьевичъ перетрусилъ не на шутку. Нижняя губа его тряслась, бодрости его какъ не бывало, да и ростомъ онъ сталъ словно меньше.

— Да кто вамъ сказалъ, что я разлучаю вашъ законъ? попробовалъ было онъ отрекаться. — Все это неправда. Позовите вашихъ женъ и спросите...

— Что жъ и позовемъ; Эй, Матрешка, иди сюда! кричалъ все тотъ же рыжій мужикъ.

Подталкиваемая сзади мужиками къ крыльцу выскочила уже пожилая баба. Она была беременна. Въ морщинистомъ, испитомъ, землянаго цвѣта лицѣ трудно было угадать слѣды былой красоты, которая такъ прельщала сластолюбиваго Павла Кондратьевича.

— Ты, ты, окаянный, загубилъ меня, изъ-за тебя, я жизнь свою горемычную загубила, муки тиранскія терплю... Чтобъ тебя черти на томъ свѣтѣ такъ мучили, какъ мнѣ здѣсь изъ-за тебя достается... И она въ изступленіи начала плевать на крыльцо и ругаться самыми ужасными словами.

— Молчи, бабочка, успокойся, касатушка, какъ-то виновато успокоивалъ ее баринъ.—Да и вы, братики, уймитесь... Ну, что же, если и былъ грѣхъ, то по волѣ, по любовному соглашенію...

— Врешь, неправда, старикъ, орали бабы. — Ты тиранилъ насъ, насильничалъ...

— Успокойтесь, бабочки, успокойтесь, милыя... Не изъ чего и волноваться: дѣло прошлое. А тебѣ, Агаша, и вовсе грѣхъ орать, обратился онъ къ беззубой старухѣ, всѣхъ яростнѣе нападавшей на него.—Когда мы съ тобой грѣхъ имѣли? Лѣтъ двадцать пять тому назадъ...

— И вы, мужички, успокойтесь, продолжалъ Павелъ Кондратьевичъ. — Я вамъ вольную дамъ... наконецъ, вымолвилъ онъ, когда увидѣлъ, что всѣ мирные уговоры ни къ чему не ведутъ.

— Не нужно намъ твоей вольной, кричали мужики. — Не жалуй насъ въ генералы, а только законъ нашъ не нарушай! Уѣзжай отъ насъ, вотъ и все!

Волненія и крики принимали все болѣе и болѣе обостренный характеръ. Вмѣшательство бабъ подлило масла въ огонь, и мужики начали терять узду. Павелъ Кондратьевичъ совсѣмъ потерялъ самообладаніе и искалъ только удобной минуты, чтобы скрыться за дверью, къ которой прижала его толпа. Наконецъ, послышались ругательства и полетѣлъ первый комъ снѣга. Павелъ Кондратьевичъ скрылся за дверью. Первое, что ему попало въ прихожей на глаза—было ружье, и онъ быстро схватилъ его.

— Ребята, стрѣлять хочетъ...

И не прошло минуты, какъ помѣщикъ вмѣстѣ съ ружьемъ былъ вытащенъ на дворъ. Тутъ мужики начали рѣшать, что имъ дѣлать съ извѣргомъ. Между тѣмъ морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ. Павелъ Кондратьевичъ чувствовалъ, какъ его рѣдкіе волосы на непокрытой головѣ покрывались инеемъ и понемногу начинало щипать уши.

— Отпустите, братцы, мнѣ холодно, наконецъ взмолилъ онъ.

— Небойсь, здоровъ, не простудишься, кричали бабы, принимавшія самое энергичное участіе въ буйствѣ.—Ничего, потомъ съ Маришкой отогрѣешься, старый песъ.

Мужики боялись отпустить барина, чтобы онъ надъ собой чего-нибудь не сдѣлалъ, и рѣшили отправить его въ людскую и приставить къ нему караулъ.

Павелъ Кондратьевичъ сначала былъ страшно испуганъ и даже немного всплакнулъ, но потомъ, видимо, примирился со своей судьбой и повеселѣлъ.

— Что, Никитушка, вздыхаешь?—спросилъ онъ своего вѣрнаго слугу, когда замѣтилъ, что тотъ съ заплаканными глазами смотритъ на него и тихо вздыхаетъ.

— Какъ же, сударь, не вздыхать, когда такая оказія случилась.

— Да, напрасно я сажалъ тебя, Никитушка, напрасно. Вотъ теперь и самъ сижу подъ арестомъ.

Наступило небольшое молчаніе, во время котораго Павелъ Кондратьевичъ словно соображалъ.

— А все-таки я, Никитушка, сижу не такъ, какъ ты, а я трубочку курю,—и спустившись до шепота, онъ продолжалъ:— а ты все-таки о Маришкѣ не забудь. Да смотри только, чтобы мужики не замѣтили. Они злые, нехорошіе... они не пустятъ ко мнѣ Маришку... а она пожалѣетъ старика, приласкаетъ...

Не менѣе помѣщика растерялись и крестьяне, когда они сообразили, что они надѣлали. Для разрѣшенія своихъ недоумѣній они обратились къ священникамъ окольныхъ селъ, но никто изъ нихъ не осмѣлился дать совѣтъ. Дали знать становому, который немедленно прибылъ на мѣсто и прежде всего освободилъ изъ-подъ ареста помѣщика. Павелъ Кондратьевичъ сначала отправился на становую квартиру, а потомъ счелъ за лучшее оставить родныя палестины и совсѣмъ выбраться изъ имѣнія. Тогда же крестьяне, повидимому, наученные кѣмъ-нибудь, подали на помѣщика жалобу уѣздному предводителю дворянства, губернатору и даже архіерею. Въ жалобѣ послѣднему они указывали много случаевъ прелюбодѣйства помѣщика съ ихъ женами и дочерями, жаловались на то, что онъ „требуетъ женъ и разрушаетъ супружескій законъ", и просили его заступничества. Всѣ эти жалобы повели къ назначенію слѣдствія, результаты котораго были разсмотрѣны дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ. Послѣднее нашло, что обремененія крестьянъ работами и повинностями, а равно и жестокаго обращенія не было, любовная же связь Жилинскаго съ женами крестьянъ не доказана,—а потому и заключило: за отсутствіемъ признаковъ злоупотребленія помѣщичьей властью, имѣніе Жилинскаго опекѣ не подвергать.

Гр. Денко.

Женскія академіи во Франціи.

При своемъ возникновеніи въ XVI вѣкѣ первая французская академія или академія Валуа (съ которой академія Ришелье только блѣдная копія) была смѣшанная: въ составъ ея входили и мужчины и женщины. Присутствіе женщинъ придавало ей характеръ жизненности, который отсутствуетъ въ академіяхъ съ исключительно мужскимъ составомъ. Академія Валуа была очень независима, смѣла и либеральна въ своихъ сужденіяхъ; въ политикѣ она склонялась къ демократіи, давала уроки королямъ и защищала права народа. Ея слишкомъ свободное направленіе внушило опасеніе кардиналу Ришелье. Онъ рѣшилъ удалить женщинъ изъ академіи, и ему удалось привести въ исполненіе свое намѣреніе. Кардиналъ, достигшій своего важнаго поста съ помощью женщинъ, имѣлъ полное основаніе ихъ опасаться. Съ исключеніемъ женскаго элемента академія навсегда лишилась своей соціальной роли, а также и своего эстетическаго значенія, такъ какъ въ первой смѣшанной академіи занимались также и изящными искусствами.

При Людовикѣ XIV ученый Шарпантье, возмущенный лѣностью и бездѣйствіемъ своихъ коллегъ-академиковъ, сдѣлалъ попытку открыть женщинамъ доступъ въ академію, но, несмотря на сильныя связи при дворѣ, не могъ преодолѣть сопротивленія большинства академиковъ, которые нашли себѣ сильную поддержку въ лицѣ своего сотоварища знаменитаго Буало. Лишенныя возможности участвовать въ академическихъ засѣданіяхъ, женщины отомстили образованіемъ множества шуточныхъ академій, которыя имѣли цѣлью осмѣивать педантизмъ и бездарность академиковъ. Въ числѣ наиболѣе извѣстныхъ изъ этихъ академій (или вѣрнѣе клубовъ) можно указать на „Орденъ блаженства“, интересное масонское общество, затѣмъ на „Ложу невинности“, гдѣ блистали г-жа Шуазель и княгиня Полиньякъ, и на „Орденъ проказъ“, каждый членъ котораго носилъ на шеѣ на сѣромъ шнуркѣ изображеніе обезьяны. Марія Верьеръ, по уму и характеру предшественница Жоржъ Зандъ, основала „Орденъ свистковъ“, члены его носили на шеѣ свистокъ изъ слоновой кости. Этотъ орденъ особенно остроумно и зло осмѣивалъ академическое фарисейство и отсталость; злыя остроты его членовъ расходились по всему Парижу. „Орденъ Медузы“, громадная ассоціація, члены которой были распространены по всей Франціи, прославился убійствомъ своего президента поэта Вержье, который былъ убитъ (въ 1720 году) членами своего же ордена. Убійство было совершено при самыхъ ужасныхъ обстоятельствахъ, но полиція оставила преступленіе неразслѣдованнымъ, такъ какъ въ немъ были замѣшаны многія знатныя лица, и приписала злодѣяніе извѣстному разбойнику Картушу.

Всѣ эти кружки, несмотря на свой наружный шуточный характеръ, оказали большое вліяніе на паденіе стараго режима и подготовили почву для французской революціи.

Революція открыла широкое поле для женскаго краснорѣчія:

теперь женщинамъ не нужно было скрываться въ разныхъ тайныхъ обществахъ и ассоціаціяхъ. Во время директоріи возникаетъ смѣшанная академія, лицей, гдѣ женщины соперничаютъ въ ораторскомъ искусствѣ съ Лагарпомъ, Арно, Демутье, Легуве. Засѣданія ея происходили въ старинномъ отелѣ Марбёфъ, въ предмѣстьѣ Сентъ-Оноре. Въ это-же время въ улицѣ Провансъ, въ великолѣпномъ отелѣ Телюссонъ, аристократическій кружокъ полагаетъ начало Лицею Искусствъ, который впослѣдствіи преобразовался въ домашній клубъ и существовалъ до 1822 года. Эти отдѣльныя попытки открыть новое поприще для женской дѣятельности внушили г-жѣ Дюфренуа, довольно извѣстной въ то время поэтессѣ, мысль образовать офиціальную академію. Въ молодости г-жи Дюфренуа была влюблена въ писателя Фонтана и сохранила нѣжное чувство къ нему всю жизнь, несмотря на его многочисленныя измѣны. Самоотреченіе ея доходило до того, что она старалась даже подружиться съ новыми предметами страсти вѣтреннаго поэта. Фонтанъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Элизой Бонапартъ, и г-жа Дюфренуа рѣшила воспользоваться вліяніемъ Элизы, съ которой она также была въ дружескихъ отношеніяхъ, чтобы при ея содѣйствіи учредить женскую академію. Элиза Бонапартъ, легкомысленная и недалекая женщина, считавшая себя большой цѣнительницей литературы, съ радостью ухватилась за эту мысль, какъ за новое развлеченіе. Прежде всего она придумала женскій академическій костюмъ: длинная римская тога, на плечахъ развѣвающаяся мантія и на головѣ тюрбанъ изъ разноцвѣтной кисеи, украшенный лавровою гирляндою. Но этимъ и ограничилось ея участіе въ созданіи академіи: учрежденію этому не суждено было возникнуть. Перемѣнчивый Фонтанъ, получившій неожиданно важную должность въ университетѣ, совершенно перестал интересоваться женской академіей; болѣе того, даже сдѣлался ея противникомъ: ему невыгодно было имѣть это либеральное учрежденіе бокъ о бокъ съ консервативнымъ университетомъ, представителемъ; котораго онъ теперь сдѣлался оставшись одна, Элиза Бонапартъ не имѣла ни желанія, ни настойчивости, чтобы продолжать начатое дѣло, и послѣ нѣсколькихъ засѣданій академія закрылась.

Въ заключеніе нужно еще упомянуть о попыткѣ 1843 года, о такъ называемой академіи Кастелана, которая подобно академіи Элизы Бонапартъ, преждевременно окончила свое существованіе, но тѣмъ не менѣе возбудила много толковъ. Жюль Кастеланъ, богатый дилетантъ, рѣшилъ открыть литературный салонъ и собственный театръ, на сценѣ котораго подвизались бы аристократки любительницы наравнѣ съ профессіональными актрисами. Такое же смѣшанное общество было и въ его отелѣ, въ предмѣстьѣ Сентъ-Оноре: знатныя дамы соперничали здѣсь въ остроуміи и талантахъ съ артистками. Собранія эти отличались блескомъ, оживленіемъ и остроумными бесѣдами. Журналисты постоянно упоминали отель Кастеланъ, какъ разсадникъ французскаго остроумія. Подъ вліяніемъ всеобщихъ похвалъ печати у Кастелана явилась мысль придать своимъ собра-

ніямъ оффиціальный характеръ со всѣми академическими аттрибутами, начиная съ платья, украшеннаго вышитыми зелеными пальмовыми листьями, эмблемою литературнаго безсмертія. Но, когда пришлось перейти отъ словъ къ дѣлу, начались всевозможныя затрудненія. Прежде всего нужно было поставить во главѣ новой академіи предсѣдательницу съ литературнымъ именемъ. Г-жа Ансело, довольно талантливая писательница, которая первая и подала Кастелану мысль относительно образованія академіи, отказалась отъ этого почетнаго званія и указала на Жоржъ Зандъ, какъ на свою достойную замѣстительницу. Дѣйствительно, кто съ большимъ правомъ могъ занять такое мѣсто, какъ не авторъ „Леліи“? Но съ другой стороны возникающему обществу было хорошо извѣстно, что г-жа Жирарденъ, посредственная беллетристка, но имѣвшая большія связи въ журнальномъ мірѣ, стремится занять это мѣсто. Эта дама безъ всякаго приглашенія со стороны салона Кастелана заявила, что она согласна принять предсѣдательство (котораго ей никто не предлагалъ) и что подъ ея рукодствомъ академія будетъ имѣть избранный характеръ: писательницы изъ средняго класса, работающія изъ-за куска хлѣба, не будутъ туда допущены. Заявленіе г-жи Жирарденъ возбудило много споровъ за и противъ въ отелѣ Кастеланъ, но демократическая партія, въ концѣ концовъ, взяла верхъ, и г-жѣ Жирарденъ было отказано. Между тѣмъ Жоржъ Зандъ, смущенная возникшими толками, въ свою очередь отказалась отъ своей кандидактуры. Тогда рѣшили обратиться къ красавицѣ-княгинѣ Бельджойозо, которая и приняла предложеніе. Г-жа Жирарденъ, взбѣшенная отказомъ, пустила въ ходъ всѣ свои знакомства среди журналистовъ и хроникеровъ, и вскорѣ во многихъ журналахъ появились ироническія статьи по адресу новой академіи. Но все-таки, несмотря на всѣ препятствія, засѣданія начались, но не отличались особеннымъ интересомъ, такъ какъ среди новыхъ членовъ академіи не было ни одной выдающейся по дарованію писательницы. Среди полнаго равнодушія публики академія влачила жалкое существованіе до 1848 г., до начала революціи, которая и положила ей конецъ.

Исторія Тюильрійскаго дворца *).

Въ XIII вѣкѣ, возлѣ Лувра, на площади Каррусель и на мѣстѣ дворца и сада было обширное мѣсто и посреди нѣсколько гончарныхъ заводовъ. Отсюда и названіе дворца Тюильри. Въ XIV столѣтіи на этомъ мѣстѣ находился домъ и вокругъ сорокъ десятинъ пахатной земли. Владѣлецъ ихъ Дезессаръ завѣщалъ все свое имущество богадѣльнѣ des Quinz -Vingts. Въ началѣ XVI столѣтія, секретарь финансовъ Невиль де Вильруа построилъ здѣсь прекрасное зданіе, которое у него купилъ король Францискъ I для своей матери, герцогини Ангулемской, гдѣ она и

1) Histoire du Chateau des Tuileries, par Imbert de Saint-Amand. Paris.

жила нѣсколько лѣтъ. Этотъ домъ и нѣсколько сосѣднихъ построекъ позднѣе куплены были Екатериною Медичи, и тутъ и былъ построенъ Тюильрійскій дворецъ. Ей очень опротивѣлъ Башенный дворецъ, гдѣ умеръ ея мужъ Генрихъ II; мѣсто это казалось ей проклятымъ, и она переселилась въ Лувръ. Карлъ IX, 28-го января 1564 г., приказалъ срыть Башенный дворецъ и въ маѣ мѣсяцѣ того же года заложилъ Тюильрійскій дворецъ. Архитекторы Филиберъ Делормъ и Жанъ Бюланъ создали одно изъ самыхъ чудныхъ зданій, въ стилѣ возрожденія.

Но построенный ими дворецъ не былъ такъ обширенъ, какъ предполагалось вначалѣ. Онъ состоялъ изъ центральнаго павильона съ куполомъ, павильона съ часами, куда вела большая внутренняя винтообразная лѣстница, изъ двухъ флигелей со стороны сада, соединенныхъ портикомъ съ террасой наверху. Со стороны двора цѣлый рядъ зданій, анфиладой; заканчивалась постройка двумя павильонами съ сѣверной и южной стороны. На востокъ тянулись обработанныя земли вплоть до улицы Saint Nicaise, продолжавшейся до Сены; съ западной стороны большой садъ для увеселенія, въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и теперь, затѣмъ шли службы, конюшни, лѣсокъ, прудъ, оранжереи, лабиринтъ и птичій дворъ. Дворецъ былъ совершенно отдѣленъ отъ земель, прилегающихъ къ улицѣ Saint Nicaise, и увеселительнаго сада двумя стѣнами, вдоль которыхъ шли двѣ улицы, изъ которыхъ одна, служащая продолженіемъ улицы Пирамидъ, называлась Тюильрійской.

Постройка Тюильри въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ предполагалось раньше, а также и нежеланіе Екатерины Медичи жить въ этомъ дворцѣ, объясняется ея суевѣріемъ. Одинъ астрологъ предсказалъ ей, что она умретъ возлѣ Санъ-Жерменъ. Поэтому она избѣгала всѣ мѣстности и всѣ церкви этого имени. А такъ какъ Тюильри и Лувръ были въ приходѣ Санъ-Жерменъ, она построила себѣ другой дворецъ въ приходѣ Св. Естафія. Предсказаніе все таки сбылось: на смертномъ одрѣ Екатерину Медичи напутствовалъ Назаретскій Епископъ по имени Laurant de Saint Germain.

Въ іюнѣ 1572 года король Карлъ IX давалъ ужинъ въ Тюильри, въ павильонѣ Часовъ, англійскому посланнику лорду Линкольну. Въ слѣдующемъ году Екатерина Медичи принимала въ Тюильри польскихъ пословъ; послѣдніе были поражены роскошью и блескомъ. Одинъ изъ нихъ, Лещинскій, вскричалъ: „Послѣ такой красоты, я ни на что не хочу болѣе смотрѣть“.

Генрихъ III давалъ нѣсколько празднествъ въ Тюильри, но самъ не живалъ тамъ. Черезъ дворецъ и садъ ему удалось, въ дни баррикадъ, 12-мая 1588 года, бѣжать изъ Парижа съ нѣсколькими дворянами.

Только въ царствованіе Генриха IV Тюильри былъ соединенъ съ Лувромъ, и изъ политическихъ видовъ, чтобы быть болѣе свободнымъ и во всякую минуту по желанію находиться внѣ города, Генрихъ IV построилъ длинную галлерею, идущую отъ Лувра вдоль Сены, заканчивавшуюся большимъ павильономъ

Флоры. Людовикъ XIII отъ этого павильона построилъ флигель, соединявшійся съ Тюильри, гдѣ потомъ была галлерея Діаны. Такимъ образомъ, Генрихъ IV и Людовикъ XIII закончили постройку съ юга, Людовикъ закончилъ съ сѣверной стороны, построивъ такой же флигель съ такимъ же павильономъ de Marsan, закончившимъ Тюильри съ сѣвера. Въ сѣверномъ флигелѣ между павильонами Часовъ и Марзанъ построенъ въ 1662 г. salle des machines—залъ для спектаклей, самый обширный во всемъ свѣтѣ, вмѣщавшій отъ 7 до 8 тыс. человѣкъ. Здѣсь король, королева и высшія лица обоего пола танцовали въ феерическихъ балетахъ; здѣсь играли „Психею" Мольера, и здѣсь же (иронія судьбы), сто лѣтъ спустя засѣдалъ конвентъ.

На близлежащей мѣстности возлѣ улицы Saint Nicaise былъ разбитъ садъ, посаженный самою г-жею Монпансье, жившей нѣкоторое время въ Тюильри. Въ 1662 году Людовикъ XIV срылъ этотъ садъ и на этомъ мѣстѣ открылъ большой плацъ для конныхъ ристалищъ или каруселн, откуда и идетъ названіе этой площади.

Эти празднества начались 5-го іюня 1662 года и продолжались три дня. Площадь была окружена двойнымъ барьеромъ и трибунами, вмѣщавшими до 15 тыс. человѣкъ. Возлѣ центральнаго фасада Тюильри, посреди амфитеатра, была воздвигнута большая трибуна для императрицы матери, королевы Маріи Терезіи, англійской королевы и для принцессы. Трибуна была обита фіолетовымъ бархатомъ съ большими золотыми лиліями. Ниже царствующихъ особъ расположились маршалы Франціи и судьи. Форма амфитеатра была четыреугольная и заканчивалась со стороны входа полукругомъ,—въ которомъ должна была занять мѣсто кадриль короля,—расположеннымъ въ серединѣ противъ королевской трибуны. Четыре угла предназначены были для четырехъ другихъ кадрилей.

Кадриль короля представляла собою римлянъ; она явилась первой. Во главѣ были литаврщикъ и два трубача. Два шталмейстера везли одинъ копье короля, другой щитъ съ изображеніемъ девиза: солнце, разсѣевающее тучи, съ надписью „Utvidi, vici". Молодой 23 лѣтній король Людовикъ XIV, красавецъ въ костюмѣ римскаго императора, обшитомъ бриллiантами, приковалъ къ себѣ всѣ взгляды.

Вторая кадриль—кадриль de Monsieur—брата Людовика XIV, представляла персовъ. Принцъ Конде былъ во главѣ третьей кадрили—турокъ.

Четвертою кадрилью—индѣйцевъ предводительствовалъ герцогъ Ангіенскій. Наконецъ—пятая кадриль—герцога де Гизъ (Guise) изображала дикихъ, на лошадяхъ были одѣты львиныя, леопардовыя и тигровыя шкуры.

Прежде чѣмъ окончательно поселиться въ Версали, Людовикъ XIV часто живалъ въ Тюильри. Помѣщеніе въ первомъ этажѣ между павильонами Часовъ и Флоры называлось зимнимъ королевскимъ помѣщеніемъ и состояло изъ маленькаго кабинета для перваго камердинера короля, спальни Людовика XIV и библіо-

теки. Эту спальню занимали впослѣдствіи Людовика XV и XVI, Наполеонъ I, Людовикъ XVIII и Карлъ X. Въ этомъ же этажѣ была цѣлая серія комнатъ—главные аппартаменты короля—залъ des Cent-Suisses (потомъ маршальскій залъ), залъ гвардіи (потомъ салонъ перваго консула или бѣлая зала), залъ Аполлона, народная комната (тронный залъ), салонъ короля (сохранившій до времени разрушенія Тюильри названіе зала Людовика XIV) и, наконецъ, галлерея Діаны или посланниковъ. Въ западной стѣнѣ зала Людовика XIV была дверь, ведущая въ зимніе королевскіе аппартаменты.

Комнаты императрицы, также въ первомъ этажѣ, находились между комнатами короля и павильономъ Флоры. Онѣ состояли изъ пяти залъ: гвардіи (съ 1802 залъ Марса), передняя комната (во время имперіи залъ адъютантовъ Наполеона I) залъ королевы, спальня (кабинетъ императора), уборная (уборная Наполеона I.)

Переселившись окончательно въ Версаль въ 1682 году, Людовикъ XIV. болѣе уже не занималъ Тюильри. Въ немъ зато провелъ свои молодые годы Людовикъ XV. Спальня его была въ комнатѣ Людовика XIV, а салонъ послѣдняго былъ превращенъ въ совѣтъ министровъ. Въ концѣ царствованія великаго короля въ Тюильри жили нѣсколько артистовъ, бѣдныхъ дворянъ, которыхъ поселилъ здѣсь король за ихъ заслуги или изъ человѣколюбія, и множество придворныхъ. На мѣсто стѣны въ саду съ западной стороны поставлена была рѣшетка, а черезъ ровъ шелъ маленькій подъемный мостикъ.

11-го мая 1717 года король принималъ въ Тюильри императора Петра Великаго. Въ 1721 году состоялась въ Тюильрійскомъ дворцѣ помолвка Людовика XV съ инфантою испанской Маріей Анной Викторіей, дочерью испанскаго короля Филиппа V. Маленькая четырехлѣтняя невѣста прибыла въ Тюильри 22-го марта 1722 года. На другой день газеты сообщили, что королева—такъ называли уже заранѣе инфанту—получила отъ короля куклу въ 20 тыс. ливровъ. Людовику XV было тогда 12 лѣтъ. На гравюрѣ того времени, они оба представлены катающимися въ маленькой телѣжкѣ по Тюильрскому саду. Вскорѣ Парижъ, обожавшій молодого короля, съ неудовольствіемъ увидѣлъ, что онъ поселился тоже въ Версали (15-го іюня 1722). Тюильри былъ заброшенъ. Король появлялся тамъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Въ 1738 году снова начались спектакли въ salle des machines, продолжавшіеся до 1757 г. 6-го апрѣля 1763 года сгорѣлъ залъ оперы въ Пале Роялѣ. До перестройки зданія, опера давалась въ Тюильри до 1770 года, на ея мѣсто перешла Comédie Française. Здѣсь въ 1778 г. былъ увѣнчанъ лаврами Вольтеръ. Онъ занималъ ложу дворянскихъ депутатовъ, противъ ложи графа д'Артуа, будущаго Карла X. Какъ только онъ вошелъ въ ложу, раздались дружные аплодисменты, со всѣхъ сторонъ кричали: „вѣнокъ, вѣнокъ“. Артистъ Бризаръ возложилъ вѣнокъ на голову Вольтера. Послѣдній, растроганный такимъ пріемомъ, вскричалъ:

„Ахъ, господа, вы хотите уморить меня“.

Французская комедія оставалась въ Тюильри до 1782 г. и по-

томъ перешла въ Одеонъ. Скоро въ Тюильри, въ salle des machine, начались настоящія драмы-трагедіи: съ 10-го мая 1793 г. по 26-е октября 1795 во дворцѣ королей засѣдалъ конвентъ.

6-го октября 1789 г. Людовикъ XVI съ семьей переселился изъ Версаля въ Тюильри, который сдѣлался для нихъ тюрьмою. Послѣ неудавшагося бѣгства, королевская семья была арестована во дворцѣ. Когда Людовикъ XIV выразилъ согласіе на конституцію (14-го ноября 1791 года), какъ будто все вернулось къ прежнему, народъ принималъ короля съ криками радости. Но ненадолго: съ іюня 1792 г. начались народныя волненія и завершились пожаромъ въ Тюильри. Но на этотъ разъ Тюильри былъ спасенъ отъ огня. Въ немъ воцарился конвентъ. Затѣмъ стѣны его были свидѣтелями ужасовъ гильотины и пораженія Робеспьера. Наконецъ, въ Тюильри является баловень судьбы Бонапартъ, первый консулъ, затѣмъ императоръ. Съ появленіемъ Маріи Луизы дворецъ становится колыбелью римскаго короля. Послѣ блеска страшное паденіе: возвращеніе Людовика XVIII; герцогиня Ангулемская,— сирота изъ Тампля, падающая въ обморокъ въ моментъ, когда женщины, одѣтыя въ бѣлыя платья, съ лиліями въ рукахъ, восклицали: „Дочь Людовика XVI, благословите насъ!“ Сто дней Наполеона. Вторичное появленіе Бурбоновъ. Тюильри весь въ траурѣ—умеръ Людовикъ XVIII. Затѣмъ 1830 годъ, опять толпы народа наполняютъ Тюильри; царствованіе Луи Филиппа, герцога Орлеанскаго; ему постоянно угрожаютъ убійцы; молодой полный надеждъ, онъ выходитъ изъ Тюильри, чтобы пасть отъ руки мятежниковъ; трагическія событія февральской революціи, печальный отъѣздъ стараго короля въ изгнаніе, блескъ второй имперіи, Наполеонъ всемогущій, красавица императрица; толпы коронованныхъ особъ, принцевъ, принцессъ, прибывшихъ къ всемірной выставкѣ 1867 г. и наконецъ печальное окончаніе 4-е сентября: коммуна; наконецъ, послѣднія празднества въ Тюильри, устроенныя коммунарами въ видѣ пародій на бывшія празднества и спектакли во времена королей.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ Парижъ находился во власти коммунаровъ. Наконецъ 21-го января 1771 г. версальская армія вошла въ центръ столицы и расположилась въ Трокадеро и заняла Марсово поле. Тогда Бержере, начальникъ федератовъ, изъ зданія законодательнаго корпуса направился со своими единомышленниками въ Тюильри и провелъ тамъ 22-е и 23-е мая. Придя въ отчаяніе отъ проигрыша дѣла, они рѣшили не оставить камня на камнѣ въ Парижѣ. Подъ Тюильри былъ подложенъ порохъ, вездѣ разбросаны горючіе матеріалы; запылалъ Тюильри, стрѣлки на часахъ остановились отъ огня на 9 час. вечера. Въ 10 час. огонь уже бушевалъ во всемъ дворцѣ. Въ 4 час. раздался страшный взрывъ въ павильонѣ Часовъ. Этотъ центральный куполъ-шедевръ Филибера Делорма провалился въ огонь. Всю ночь бушевало пламя Въ 4 часа утра федераты ворвались въ библіотеку, разложили горючіе матеріалы и зажгли. Къ пяти часамъ сгорѣла и библіотека. Огонь угрожалъ уже Лувру, но, къ счастью, явились войска Макъ-Магона и Лувръ чудомъ уцѣлѣлъ.

Изъ области археологіи.

Императорское русское археологическое общество и его дѣятельность [1]. Однимъ изъ старѣйшихъ археологическихъ учрежденій Россіи, съигравшимъ значительную роль въ дѣлѣ развитія русской археологической науки, является, несомнѣнно, русское археологическое общество. За свое болѣе чѣмъ 50-тилѣтнее существованіе общество много сдѣлало какъ для сохраненія памятниковъ древности, ихъ реставраціи, такъ и вообще для развитія науки. Ученая дѣятельность общества раздѣлена между тремя отдѣленіями: отдѣленіемъ славянской и русской археологіи, восточнымъ и отдѣленіемъ классическихъ древностей. Отдѣленія находятся подъ управленіемъ спеціалистовъ, выдающихся по своимъ научнымъ заслугамъ: профессоровъ С. Ѳ. Платонова, барона В. Р. Розена и И. В. Помяловскаго. Общество имѣетъ музей древностей, библіотеку и нумизматическій кабинетъ, съ преобладающимъ количествомъ русскихъ и восточныхъ монетъ.

Основано было Русское археологическое общество 15 мая 1846 г.; въ этотъ день императоромъ Николаемъ I утверждены „статуты“ общества, состоящіе изъ 11 параграфовъ.

Предсѣдателемъ общества и его сильнымъ и энергичнымъ покровителемъ явился герцогъ Лейхтенбергскій, гостепріимно открывшій двери своего дворца членамъ юнаго общества.

Большинство первыхъ членовъ состояло изъ нумизматовъ и само названіе, которое носило общество въ первые годы своего существованія—„археологическо-нумизматическое“, указывало на то, какую значительную роль играла въ обществѣ нумизматика. Одною изъ главныхъ задачъ, которую брало на себя общество, была „забота о распространеніи въ отечествѣ вкуса къ наукѣ (о древностяхъ) и изяществу и ознакомленіе иностранцевъ съ богатствами, какими обладала Россія по части памятниковъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ временъ“.

Первыми вице-президентами общества были Я. Я. Рейхель и Ф. А. Жиль, секретарями А. И. Бартоломей и Б. В. Кене. Первое засѣданіе состоялось 17 іюня 1846 года.

Въ началѣ дѣятельности общества на засѣданіяхъ доклады дѣлались на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ; протоколы за-

[1]) При составленіи настоящаго очерка матеріаломъ служилъ краткій историческій обзоръ дѣятельности общества, сдѣланный въ рѣчи проф. Н. И. Веселовскаго, произнесенной по случаю 50-лѣтія общества 15 декабря 1896 г.

сѣданій писались по-французски: главное изданіе общества носило названіе Mémoires'овъ. По русски печатались въ издаваемыхъ обществомъ „Запискахъ" лишь переводы наиболѣе интересныхъ для русскаго читателя статей, помѣщенныхъ въ Mémoires'ахъ. Но это продолжалось недолго.

Изученіе восточныхъ древностей вошло въ число задачъ общества въ 1847 году. Русскія древности постепенно, благодаря въ особенности энергіи И. П. Сахарова и другихъ русскихъ членовъ общества, заняли свое настоящее и первое мѣсто въ его дѣятельности.

Съ 3 іюня 1847 года назначена была, сначала временно на 6 лѣтъ, субсидія обществу въ 3000 рублей, до 1866 года выдача этой субсидіи не прекращалась и въ этомъ году она сдѣлалась постоянной; въ 1872 году по случаю празднованія 25-лѣтняго юбилея общества субсидія была увеличена до 5000 руб.

Настоящее названіе общество носитъ съ 1849 года со времени утвержденія новаго измѣненнаго устава. Раздѣленіе на три отдѣленія произведено было въ 1851 году. Въ 1866 году установлены были медали для награжденія выдающихся сочиненій по археологіи.

Въ 1851 году обществомъ сдѣлано было обращеніе ко всѣмъ интеллигентнымъ труженикамъ провинціи, которые желали бы послужить интересамъ изученія родной старины сообщеніемъ свѣдѣній о мѣстныхъ древностяхъ. 10,000 экземпляровъ „Записки для обозрѣнія русскихъ древностей" И. П. Сахарова были отпечатаны и разосланы обществомъ во всѣ концы Россіи. Записка представляла стройный планъ, по которому могли бы быть собраны самыя точныя свѣдѣнія о мѣстныхъ памятникахъ археологіи.

Въ 1852 году скончался первый президентъ герцогъ Лейхтенбергскій и въ эту должность вступилъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Съ этого времени окончательно утвердилось русское направленіе дѣятельности общества. Съ 1892 г., по смерти великаго князя Константина Николаевича, предсѣдателемъ состоитъ великій князь Константинъ Константиновичъ. 5 декабря 1881 года общество было удостоено Высочайшаго покровительства Государя Императора Александра III. 3 декабря 1894 г. и нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай II соизволилъ на принятіе общества подъ свое покровительство.

Кромѣ изданія мемуаровъ, записокъ и извѣстій, обществомъ втеченіе его болѣе чѣмъ полувѣковой дѣятельности напечатано много цѣнныхъ археологическихъ трудовъ.

Отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ: Б. В. Кене „Изслѣдованіе объ исторіи и древностяхъ гор. Херсонеса Таврическаго"; архіепископа Макарія „Памятники церковныхъ древностей въ Нижегородской губерніи"; труды II археологическаго съѣзда; „Археологическіе труды" Оленина; А. В. Прахова „Зодчество древняго Египта"; „Описаніе Румеліи" архимандрита Антонина; Н. Е. Бранденбурга „Старая Ладога" и мн. др.

Ученыя археологическія экспедиціи также занимаютъ видное

мѣсто въ дѣятельности общества, такъ напр. экспедиція 1864 года имѣла задачею изслѣдованіе мѣстныхъ православныхъ памятниковъ Сѣверо-Западнаго края. Изслѣдованіе пещеръ Кавказа экспедиція археолог. общества исполнила совмѣстно съ географическимъ и московскимъ археологическимъ обществами и т. д.

Раскопки на средства общества производились К. Н. Тихоправовымъ въ Владимірской губ. и докторомъ Л. К. Ивановскимъ въ Спб. губерніи. Послѣдній работалъ надъ раскопками и изслѣдованіемъ кургановъ втеченіе почти 12 лѣтъ, всего изслѣдовано имъ болѣе 6000 кургановъ. Въ результатѣ собрана была огромная коллекція предметовъ, открытыхъ въ курганахъ. Коллекція эта описана и систематически разработана А. А. Спицынымъ. Хранится коллекція нынѣ въ археологической коммиссіи.

„Древности“. Труды Императорскаго московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціею секретаря общества, В. К. Трутовскаго. Томъ XVI, съ 25 фототипическими и 5 цинкографическими таблицами. Москва 1900.

Московское археологическое общество возобновило выпускомъ XVI тома свое главное изданіе „Древности“, пріостановившееся 6 лѣтъ назадъ. Періодическимъ изданіемъ общества съ 1893 года являлся журналъ „Археологическія извѣстія и замѣтки“, прекратившійся съ 1 января текущаго года.

Въ настоящее время общество предполагаетъ издавать „Древности“ въ количествѣ 3—4 выпусковъ въ годъ. Выпуски эти будутъ содержать въ себѣ, кромѣ научныхъ статей и протоколовъ засѣданій общества, еще и отчеты о засѣданіяхъ другихъ обществъ, археологическую хронику и библіографію.

Въ вышедшемъ XVI томѣ „Древностей“ помѣщенъ составленный секретаремъ общества В. К. Трутовскимъ „Краткій отчетъ о реставраціи Владимірскаго Успенскаго собора въ 1894 году“. Отчетъ этотъ снабженъ 24 хорошо исполненными фототипическими рисунками собора и его отдѣльныхъ частей до и послѣ реставраціи.

Величественный архитектурный памятникъ древней Руси, Владимірскій Успенскій соборъ построенъ былъ, по преданію, еще Владиміромъ св. въ 990 г. Въ 1155 г. этотъ деревянный храмъ сгорѣлъ и былъ замѣненъ вновь построеннымъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ бѣло-каменнымъ храмомъ въ 1158—1160 гг. Втеченіе своего болѣе семивѣкового существованія соборъ претерпѣлъ много бѣдствій отъ пожаровъ, расхищеній, разрушенія непріятелями и, наконецъ, отъ искаженія всего древняго внѣшняго вида неумѣлой реставраціей. Возстановленіе этого древняго памятника русской художественной архитектуры въ истинно древнемъ его видѣ, подъ наблюденіемъ московскаго археологическаго общества, рѣшено было въ мартѣ 1887 года. Но еще съ 1881 г., по просьбѣ епископа Өеогноста, московское археологическое общество наблюдало надъ работами по росписи внутреннихъ стѣнъ храма фресками древняго характера. Фрески писались, какъ на основаніи тѣхъ слѣдовъ, которые оставались отъ древней росписи Владимірскаго храма,

такъ и по образцамъ фресокъ въ другихъ древнихъ храмахъ XII вѣка. Наблюдателями при реставраціи были избраны спеціалисты по русскимъ древностямъ: И. Е. Забѣлинъ и архитекторъ Н. В. Никитинъ. Послѣ нѣсколькихъ тщательныхъ осмотровъ на мѣстѣ остатковъ древняго храма, послѣ многочисленныхъ обсужденій въ засѣданіяхъ общества различныхъ вопросовъ, возникшихъ втеченіе производства работъ, реставрація была благополучно закончена въ 1891 г. Въ осмотрахъ храма по поводу нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ участвовала особо избранная комиссія и сама энергичная предсѣдательница общества графиня П. С. Уварова.

Кромѣ отчета о реставраціи Владимірскаго собора, XVI томъ „Древностей" заключаетъ въ себѣ отчеты о дѣятельности общества за 1891—1893 года и протоколы засѣданій за это же время. Въ приложеніяхъ къ протоколамъ напечатаны и наиболѣе интересные доклады, прочитанные въ засѣданіяхъ.

А. Мироновъ.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

„Историческій Вѣстникъ“, іюль. „Великорусская народная пѣсня и ея изученіе“, А. Бороздина. Давно замѣчено, что всѣ виды прежней народной словесности забываются, такъ сказать, вымираютъ, или же перерождаются, какъ, напр., загадка, которая стала теперь предметомъ игры, чѣмъ она, вѣроятно, не была въ отдаленную эпоху своего возникновенія. Сказка теряетъ интересъ; заговоры встрѣчаются какъ анахронизмъ; одна прежняя пѣсня сохраняетъ пока довольно широко свое обиходное значеніе. Появляющаяся изрѣдка взамѣнъ ея новая пѣсня (городская и фабричная) и по формѣ и по содержанію неуклюжа и едва-ли въ состояніи вытѣснить старую, такъ какъ особаго поощренія у народа не встрѣчаетъ. Изученіе пѣсни представляетъ большой интересъ. Костомаровъ въ своей монографіи „Великорусская народная поэзія“ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Цѣнность пѣсни не должна опредѣляться ея древностью, еще менѣе тѣмъ, что она нравится намъ въ эстетическомъ отношеніи: цѣнность ея заключается въ степени распространенія ея въ народѣ и въ изображеніи признаковъ народной жизни, открывающей намъ способъ народнаго міросозерцанія, который составляетъ душу народныхъ произведеній въ совокупности“. На этой точкѣ зрѣнія авторъ статьи и останавливается, добавляя, что къ народной пѣснѣ надо относиться вообще объективно. Между тѣмъ, въ дѣлѣ собиранія и изслѣдованія пѣсенъ существуетъ шаткость взглядовъ. Въ XVIII столѣтіи и началѣ XIX на пѣсни смотрѣли какъ на продуктъ народнаго невѣжества, называли ихъ „подлыми“, а рѣдкіе собиратели не въ мѣру усердно исправляли ихъ. Другіе же, какъ славянофилы, вносили въ пѣсню неумѣренную идеализацію. Только съ шестидесятыхъ годовъ появилось истинное пониманіе задачъ изслѣдованія и его методовъ въ примѣненіи къ народной пѣснѣ: теперь уже не только не допускается исправленіе текста, но считается обязательнымъ сохраненіе особенностей мѣстнаго говора. Собираніе идетъ съ давнихъ поръ и не прекращается до сихъ поръ. Статья г. Бороздина въ сжатомъ изложеніи даетъ понятіе, въ какомъ положеніи находится матеріалъ по народнымъ пѣснямъ и его разработка въ настоящее время. Оказывается, что

матеріалъ собранъ обширный, но разрабатывается онъ туго, а къ систематическому изложенію и научнымъ выводамъ и обобщеніямъ еще не приступали. Матеріалъ за послѣдніе годы обогатился еще двумя капитальными изданіями: сборникомъ „Великорусскія народныя пѣсни", подъ редакціей проф. А. И. Соболевскаго, и сборникомъ П. В. Шейна „Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.". Огромный матеріалъ, вошедшій въ составъ перваго сборника, почерпнутъ изъ множества разнообразныхъ источниковъ. Сборникъ Шейна заключаетъ въ себѣ множество пѣсенъ, не бывшихъ еще въ печати. „Матеріалы того и другого сборника даютъ чрезвычайно характерныя указанія на прогрессивное развитіе нѣкоторыхъ явленій народной жизни, на отраженіе въ народномъ быту разныхъ перемѣнъ, происходившихъ въ строѣ государственной жизни", и, сверхъ того, „разрушаютъ предразсудокъ, по которому великорусское племя оказывается почти лишеннымъ поэтическихъ дарованій вслѣдствіе присущей ему грубости чувства".

Будетъ очень жаль, если у насъ этими сборниками не воспользуются для созданія возможно полной картины народнаго міросозерцанія, тѣмъ болѣе, что существуетъ уже превосходное пособіе для такого изображенія въ трудѣ А. Н. Пыпина „Исторія русской этнографіи".

„Міръ Божій", іюль. „Исторія открытія кровообращенія", д-ра Л. Шейниса. Вотъ небольшая страница, но очень поучительная, изъ исторіи науки. Политическая исторія часто пространна, трескуча и многорѣчива, исторія науки скромна и сжата. Многіе не подозрѣваютъ даже, что какой-нибудь вопросъ о кровообращеніи могъ имѣть и имѣлъ свою исторію. Между тѣмъ разрѣшеніе этого вопроса тянулось на протяженіи болѣе тысячи лѣтъ: отъ Гиппократа (V в. до Р. Х.) до Гарвея (XVII в. по Р. Х.), и „въ лѣтописяхъ науки трудно найти болѣе интересную и поучительную главу, чѣмъ исторія открытія кровообращенія". Въ Библіи уже находятся указанія на первостепенное значеніе крови, какъ составной части организма. О венахъ несомнѣнно было извѣстно въ эпоху Троянской войны, когда, по свидѣтельству Гомера, уже примѣнялось кровопусканіе. Во времена Гиппократа врачи отличали артеріи отъ венъ, а Аристотель замѣтилъ, что вены сообщаются съ сердцемъ. Дальнѣйшія анатомическія и физіологическія открытія подвигались медленно и принимались туго, особенно въ средніе вѣка, когда предвзятыя идеи мѣшали какому-бы то ни было изслѣдованію. Долгое время предполагали, что артеріи содержатъ воздухъ, а не кровь. Съ этимъ *воздухомъ* соединяли представленія о *духахъ*, завѣдывающихъ отправленіями тѣла. Существовала фантастическая система Галена о круговомъ движеніи крови. Эта система, хотя и удалила „воздухъ съ духами" изъ крови, но зато внесла новую ошибку: Галенъ провертѣлъ въ перегородкѣ, отдѣляющей лѣвый желудочекъ отъ праваго, отверстія для прохожденія крови и направилъ кровь по венамъ отъ печени къ периферіи. Четырнадцать вѣковъ галенов-

ская система, въ которой результаты опыта и наблюденія перемѣшивались съ безчисленными небылицами, создала вокругъ себя такую крѣпость, покушеніе на которую считалось дѣломъ святотатственнымъ. Только въ XV столѣтіи нѣкто Везаліо законопатилъ отверстія между желудочками, а Цезальпинъ заставилъ течь кровь въ обратномъ направленіи. Дѣло начало принимать *опасный* характеръ. Кровообращеніе не обошлось „безъ пролитія крови".

„Когда говорятъ о возрожденіи наукъ и реформаціи, воображенію прежде всего рисуется заманчивая картина могучихъ порывовъ творчества и новыхъ вѣяній, подъ вліяніемъ которыхъ долженъ былъ разсѣяться удушливый дымъ, распространяемый едва только потухшими кострами инквизиціи. Но, увы, представители реформаціи, порвавшіе съ католицизмомъ во имя свободы совѣсти, оказались, однако, сами далеко не чужды нетерпимости, а эта послѣдняя всегда и вездѣ приводитъ къ однимъ и тѣмъ же печальнымъ послѣдствіямъ. Неудивительно, что и одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ періодовъ западно-европейской исторіи запятнанъ кровью людей, павшихъ жертвою своихъ убѣжденій". Безумцемъ, дерзнувшимъ усомниться въ непосредственномъ переходѣ крови изъ праваго желудочка въ лѣвый, оказался врачъ и богословъ Михаилъ Серветъ, авторъ книги „Возстановленіе христіанства". Въ 5-ой главѣ этой книги онъ дѣлаетъ такое замѣчательно искусное предположеніе: „Сообщеніе не совершается черезъ срединную перегородку; кровь изъ праваго желудка дѣлаетъ долгій обходъ черезъ легкое, гдѣ она преобразуется, принимаетъ яркій цвѣтъ и переходитъ изъ легочной артеріи въ легочную вену", „процессъ превращенія венозной крови въ артеріальную совершается въ легкомъ и находится въ прямой зависимости отъ воздуха". За эту смѣлость онъ вмѣстѣ со своею книгою былъ преданъ, по настоянію Кальвина, осужденію. Отъ сочиненія уцѣлѣлъ только одинъ обгорѣлый экземпляръ, который теперь хранится въ парижской національной библіотекѣ. Замѣчателенъ путь, которымъ шелъ Серветъ къ своему открытію. Большая часть книги „Возстановленіе христіанства" посвящена основному пункту ученія церкви: тріединству Св. Троицы, ученію о Святомъ Духѣ. Такъ какъ Св. Духъ, по мнѣнію Сервета, воплощается въ человѣкѣ, то для полнаго понятія о душѣ и духахъ необходимо знать строеніе вмѣстилища этого духа, и читатель это уразумѣетъ, если онъ свѣдущъ въ анатоміи. Такъ блуждала мысль человѣческая вблизи того предмета, которымъ она сама же питалась.

Въ 1619 г. англичанинъ Вильямъ Гарвей въ первый разъ изложилъ въ лекціяхъ свое открытіе, окончательно устанавливающее одно изъ основныхъ отправленій организма и положившее начало современной физіологіи. Его за это открытіе обругали шарлатаномъ. Но ко времени смерти Гарвея (1657 г.) его ученіе о кровообращеніи пріобрѣло окончательный авторитетъ. Четыре года спустя открытіе *волосныхъ сосудовъ*, сдѣланное Мальпиги при помощи микроскопа, подтвердило предположеніе Гарвея.

На заглавномъ листѣ лондонскаго изданія 1661 г. „Анатоми-

ческаго изслѣдованія“ Гарвея находится аллегорическое изображеніе истины со свѣточемъ въ рукахъ. До тѣхъ поръ *истина* брела въ потьмахъ.

„Русская Мысль“, іюль. „Кай Петроній и его романъ“, В. Потемкина. Лѣтъ пять тому назадъ романъ Сенкевича „Quo vadis?“ заинтересовалъ падкую на такую литературу публику. Одностороннее освѣщеніе эпохи въ духѣ католичества съ одной стороны и настойчивое указаніе на вырожденіе античнаго міра, въ верхнихъ слояхъ котораго Сенкевичъ только и хотѣлъ видѣть этотъ міръ, съ другой стороны, придало роману идеалистическую окраску, крайне далекую отъ истины. Тѣ, у кого не было идей и кому нечего было сказать, ухватились за романъ, какъ за якорь спасенія. Появился рядъ статей изъ эпохи Нерона. Эту эпоху обшарили во всѣхъ углахъ, и, казалось, не осталось ни одного мѣста, которое бы не было истолковано самымъ различнымъ образомъ.

Г. Потемкина тоже увлекла нероновская эпопея, но онъ въ данномъ случаѣ сказалъ новое слово или по крайней мѣрѣ такое, которое рѣдко говорилось. У Сенкевича Петроній до такой степени идеализированъ, что является даже попустителемъ христіанства. Ни міропониманіе Петронія, проникнутое философскимъ пессимизмомъ, ни характеръ его, всецѣло подчинявшійся вліянію среды, не давали права ни на какую его идеализацію. Онъ былъ одновременно и эпикуреецъ, и скептикъ. Какъ эпикуреецъ, онъ наслаждался жизнью безъ разбора; какъ скептикъ, онъ не прочь былъ зло посмѣяться надъ нею. Онъ смотрѣлъ на жизнь, какъ на рядъ несвязныхъ случайностей: выгодный случай онъ ловилъ, отъ невыгоднаго бѣжалъ. Такъ жили всѣ патриціи того времени. Эти невыгодные случаи, которые нерѣдко захватывали мало изворотливыхъ людей врасплохъ, имъ и описываются въ его извѣстномъ романѣ „Satiricon“; но еще интереснѣе описываются имъ люди, къ которымъ выгодный случай самъ спѣшитъ навстрѣчу. Вообще же, передъ нами встаетъ картина довольно своеобразная, нарисованная грубо, не совсѣмъ связно, но во всякомъ случаѣ очень ярко. Авторъ статьи причисляетъ Петронія къ убѣжденнымъ консерваторамъ своего времени, но чуткимъ къ переливающимся черезъ край безобразіямъ. Самый романъ былъ написанъ имъ «прежде всего для забавы высшаго общества Рима и отвѣчалъ вкусамъ и интересамъ этого круга“. Вотъ то новое слово, которое г. Потемкинъ сказалъ о Петроніи, ознакомившись подробно съ этою историческою личностью и его произведеніемъ и тѣмъ лишилъ его того облика, который ему придали, какъ человѣку съ яко бы провидящимъ философскимъ умомъ. Ознакомимся съ нѣсколькими строчками этого своеобразнаго романа античной древности и съ манерою изложенія его автора.

Описывается пиръ Трималхіона. Авторъ сначала знакомитъ съ личностью Трималхіона. „Когда почти еще ребенкомъ Трималхіонъ пріѣхалъ изъ Азіи, онъ былъ не выше канделябра. Это обстоятельство его весьма смущало, и вотъ ежедневно онъ мѣритъ свой ростъ и мажетъ себѣ губы масломъ изъ лампы,

чтобы поскорѣе выросли у него усы. 14 лѣтъ онъ былъ любимцемъ и господина своего и госпожи. Но онъ не станетъ разсказывать, что это значило: вообще онъ терпѣть не можетъ хвастуновъ. За такую любовь ему отказано было наслѣдство,—и скоро Трималхіонъ сталъ владѣльцемъ шести кораблей, на которыхъ возилъ вино для продажи... У него потомъ оказалось 10 милліоновъ—кругленькая сумма!... Онъ никакъ не хочетъ разстаться со своею спѣсью. Въ триклиніи онъ появляется только тогда, когда гости разсѣлись уже по мѣстамъ. Рабы вносятъ его въ залу на рукахъ и кладутъ на ложе, которое возвышается надъ всѣми. На плѣшивой головѣ амфитріона красуется яркое алое покрывало, вокругъ шеи его, которая гнется подъ тяжестью цѣлой кучи одеждъ, повязана огромная салфетка съ широчайшей пурпуровой каймой. „Друзья мои,—говоритъ онъ гостямъ, ковыряя во рту зубочисткой, - конечно, самъ я еще не пошелъ бы къ столу, но зачѣмъ заставлять васъ ждать? Приходится мнѣ волей-неволей отказаться отъ удовольствія поѣсть со вкусомъ". Гости пируютъ, а онъ играетъ себѣ въ шашки... Впрочемъ, онъ старается быть радушнымъ хозяиномъ дома и потчуетъ всѣхъ виномъ. „Вчера гости мои были куда почище, и то я не поставилъ имъ такого винца", — любезно поясняетъ онъ. Въ разгарѣ пира онъ вдругъ покидаетъ залу, а возвратившись, пространно и подробно разсказываетъ гостямъ о скверномъ состояніи своего желудка. Къ концу пира, когда вино начинаетъ уже оказывать свое дѣйствіе на головы обѣдающихъ, стѣсненія мало по-малу оставлены въ сторонѣ: тогда всякій обнаруживаетъ свои дѣйствительные вкусы. Кто то дуетъ въ глиняный подсвѣчникъ, какъ въ флейту, кто то вторитъ ему пронзительнымъ, уши раздирающимъ свистомъ. Самъ хозяинъ ревѣтъ въ ванной, пробуя свой голосъ, потомъ подражаетъ губами духовымъ инструментамъ, наконецъ, съ криками скачетъ вокругъ стола. Онъ уже говоритъ съ рабами, какъ съ равными, и тѣ бросаются къ ѣдѣ, почти сталкивая гостей съ ихъ мѣстъ. Одинъ изъ друзей дома тащитъ Фортунату за ногу съ ложа,— конечно, она кричитъ, а всѣ кругомъ хохочутъ. Трималхіонъ велитъ читать свое духовное завѣщаніе и разливается пьяными слезами. Но сейчасъ же какой-то рабъ привлекаетъ его вниманіе, и онъ осыпаетъ его нѣжными ласками... „Собака!"—кричитъ ему въ ярости Фортуната,—немедленно же чаша съ виномъ летитъ ей въ голову. «Сухая доска!—бѣснуется Трималхіонъ.—Онъ поднялъ ее изъ грязи! развѣ она забыла объ этомъ? Его стараются успокоить, но онъ совсѣмъ пьянъ и растянулся на ложѣ во всю длину. „Вообразите, что я умеръ,— бормочетъ онъ, — скажите про меня что нибудь хорошенькое"... Поднимается невообразимый гвалтъ, такъ что ночная стража вламывается въ домъ Трималхіона, полагая, что тамъ пожаръ".

Это не сатира, а сама дѣйствительность, которой придана форма сатиры.

„Вѣстникъ Европы", августъ. „Госпожа де-Сталь", историческій этюдъ, С. В. Штейна. „Историческая литература чрезвычайно богата всевозможными изслѣдованіями о французской ре-

волюція и Наполеонѣ I, и, тѣмъ не менѣе, въ ней встрѣчаются и будутъ еще встрѣчаться немалые пробѣлы. Нескоро также здѣсь изчезнетъ потребность въ пересмотрѣ уже извѣстнаго, подъ тѣмъ или другимъ угломъ зрѣнія, сообразно построенію угловъ; но эта эпоха полна *міровою*, общечеловѣческаго интереса. Чтобы понять разнообразныя явленія той эпохи, чтобы постигнуть этотъ историческій моментъ, лучше всего обращаться къ самимъ представителямъ стремленій окружавшей ихъ среды". Одна изъ такихъ наиболѣе впечатлительныхъ натуръ была г-жа де-Сталь. „На ней, быть можетъ, лучше, чѣмъ на комъ-либо, можно изучить всю сложность, все жизненное разнообразіе переходной эпохи того времени, со всѣми ея противорѣчіями и аномаліями. Она вынесла на себѣ всю борьбу различныхъ и могущественныхъ теченій европейской жизни, какъ просвѣщеніе, революція и реакція". Такъ смотритъ авторъ на извѣстную г-жу де-Сталь, игравшую немаловажную роль во время директоріи и консульства, но настолько двусмысленную, что эта роль заставила ее спасаться изъ Франціи за-границу, открыто стать на сторону роялистовъ, изрекать фразы о величіи Франціи и употреблять все свое время, заполненное одними досугами, на словесную борьбу съ Наполеономъ и на изученіе нѣмецкой литературы. Авторъ видитъ въ г-жѣ Сталь важнаго политика и соціолога, и на этой сторонѣ ея дѣятельности онъ преимущественно и останавливается. Г-жа де-Сталь, какъ личность, является достаточно опредѣленной, ея симпатіи и антипатіи извѣстны, и потому говорить, что современная ей эпоха отразилась на ней со всѣми своими колебаніями, менѣе всего справедливо.

Что же представляла собой г-жа Сталь съ точки зрѣнія соціологіи?—спрашиваетъ авторъ. И отвѣчаетъ, что въ ней будто бы представлялся обликъ будущей соціологіи, хотя еще въ смутномъ и отрывочномъ видѣ. Несомнѣнно, что Сталь обладала нѣкоторыми знаніями и большою начитанностью, но то и другое переварила въ себѣ довольно своеобразно и нельзя сказать, чтобы особенно церемонилась съ авторами. Такъ, напримѣръ, нашъ авторъ замѣчаетъ, что она соглашалась съ Монтескье, который принималъ въ расчетъ вліяніе физической среды на правительства и общества. Г-жа Сталь идетъ въ этомъ направленіи до такой степени далеко, что, напримѣръ, считаетъ „южные языки порожденіемъ радости, а сѣверные нужды" и въ то же время называетъ языкъ какимъ-то чудомъ. Сталь была поклонницей героизма въ исторіи, той идеи, которая впослѣдствіи была выражена въ блестящей, но и чудовищной формѣ Карлейлемъ, и въ то же время она не хотѣла признавать въ Наполеонѣ героя только потому, что онъ не соотвѣтствовалъ ея идеямъ объ общественномъ устройствѣ.

Статья слишкомъ велика, чтобы слѣдить подробно и до конца за авторомъ, какъ онъ обрисовываетъ г-жу Сталь въ роли соціолога и политика. Изъ развитія его предпосылки, что Сталь была талантливой, крупной и проницательной личностью, въ концѣ концовъ оказывается, что незаурядной личностью она была дѣйстви-

тельно, но ея убѣжденія и идеи рѣшительно не выдерживаютъ никакой критики. Сталь была диллетанткой во всемъ: логики у нея не было никакой, но капризовъ и причудъ мысли у нея не оберешься. Своихъ словъ, и весьма предвзятыхъ, авторъ наговорилъ о г-жѣ Сталь много, но новаго ничего не сказалъ, а изъ стараго многое забылъ.

Одинъ изъ замѣчательныхъ и тонкихъ судей движенія первой половины XIX вѣка, молодой и безвременно умершій Шаховъ, относясь къ г-жѣ Сталь очень снисходительно, высказалъ о ней, между прочимъ, такой взглядъ: „между направленіемъ м-мъ Сталь и чистокровными тенденціями XVIII вѣка существовала очень значительная разница. Не въ примѣръ просвѣтителямъ, м-мъ Сталь мягко и серьезно относится къ такимъ явленіямъ, на которыя они не могли смотрѣть безъ ненависти или, по крайней мѣрѣ, безъ злой усмѣшки". „М-мъ Сталь находится подъ вліяніемъ нѣмецкихъ романтиковъ и метафизиковъ, она съ жаромъ высказывается за нѣмецкій спиритуализмъ и превозноситъ германскую восторженность, признаетъ необходимость теологическихъ оснований для міросозерцанія. Какъ бы то ни было, между ней и неокатоликами и реакціонерами-феодалами большая разница. М-мъ де-Сталь хочетъ мыслить, хочетъ разсуждать, анализировать, но, доходя до извѣстныхъ предѣловъ, останавливается. Кровные реакціонеры прямо провозглашаютъ несостоятельность мысли, обязательное значеніе авторитета". Такимъ образомъ, нельзя говорить, что Сталь отразила въ себѣ свою эпоху. Въ ея эпоху преобладали крайнія мнѣнія въ ту или другую сторону, а г-жа Сталь въ полномъ смыслѣ слова была оппортюнисткой и потому осталась совсѣмъ въ сторонѣ; на нее всѣ смотрѣли какъ на занимательную салонную особу; она во всѣхъ салонахъ была желаннымъ гостемъ, задавала тонъ и главенствовала... до конца вечера.

Дневникъ А. А. Тучкова. Въ этой же книжкѣ „Вѣстника Европы" помѣщенъ дневникъ 1818 года, писанный А. А. Тучковымъ. Тучковъ, впослѣдствіи, въ тридцатыхъ годахъ, инсарскій предводитель дворянства, былъ декабристъ и въ моментъ возстанія находился на службѣ въ Москвѣ. Послѣ трехмѣсячнаго ареста онъ былъ освобожденъ; въ 1850 г. онъ былъ вновь арестованъ вмѣстѣ съ Огаревымъ и Сатинымъ. Послѣ освобожденія онъ прожилъ до 1879 года. Что онъ до конца жизни не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся въ его бумагахъ любопытная записка о реформѣ рекрутскаго устава, написанная въ 1866 году. Доказавъ несостоятельность вреднаго и ненавистнаго народу очередного порядка по работникамъ въ нераздѣльномъ дому и еще болѣе ненавистной жеребьевой системы, онъ предлагалъ вернуться къ исконному, выработанному народнымъ опытомъ очередному порядку по роднымъ братьямъ, и чтобы установленіе очередей зависѣло отъ суда.

Вотъ нѣкоторыя интересныя мѣста изъ его дневника.

„Въ Филатовѣ помѣщикъ Н. В. Р., отставной гусарскій поручикъ лѣтъ тридцатипяти. Р. говоритъ хорошо, но, видно, не такъ

дѣлаетъ, какъ говоритъ; по его словамъ, тиранія помѣщиковъ—дурное дѣло, однако же вотъ уже два мѣсяца, какъ его крестьяне работаютъ поголовно на барина, а на себя ни одного еще дня. Они въ жалкомъ состояніи, говорятъ, что онъ ихъ доѣхалъ".

„Не всегда проклинаютъ крестьяне помѣщиковъ; много терпятъ они и отъ прикащиковъ, особливо отъ нѣмцевъ; эти варвары поступаютъ съ ними безчеловѣчно—бьютъ палками и сѣкутъ кнутомъ безъ пощады".

„Мнѣ разсказывалъ крестьянинъ князя Г., помѣщика деревни Желѣзенцы, довольно ужасный поступокъ барина: онъ захотѣлъ отнять дочь у отца и взять ее къ себѣ; слезы отца и матери не могли спасти дочери. Но вотъ еще примѣръ,—не знаю, который ужаснѣе. Г. хотѣлъ имѣть жену своего столяра, который, не имѣя правъ человѣческихъ, безъ сомнѣнія, не станетъ защищать священнѣйшаго изъ нихъ: такъ думалъ баринъ. Но онъ ошибся. Столяръ—рабъ умолялъ барина оставить его; но когда увидѣлъ, что это не помогало, тогда столяръ сдѣлался уже не рабомъ, ибо потребовалъ этого настоятельно. Какое же было слѣдствіе сего благороднѣйшаго поступка? Рабъ былъ высѣченъ кнутомъ жесточайшимъ образомъ и сосланъ въ деревню за 500 верстъ".

Весь дневникъ состоитъ изъ записей подобнаго рода.

Нельзя не отмѣтить статьи въ томъ же номерѣ журнала: *„Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ. По личнымъ воспоминаніямъ", Ѳ. Ѳ. Воропонова.* Статья интересна именно потому, что положеніе юго-западнаго крестьянства въ шестидесятыхъ годахъ во многомъ отличалось отъ положенія крестьянъ въ русскихъ губерніяхъ. При введеніи реформы въ краѣ приходилось отправляться совсѣмъ отъ другихъ условій, считаться съ другимъ наслѣдствомъ, съ совсѣмъ инымъ значеніемъ того или другого частнаго вопроса. Всетаки статья представляетъ интересъ далеко не для большинства: вопросъ слишкомъ спеціаленъ, но въ статьѣ имѣются и общія мѣста. Напр., о томъ, какъ посылали на экзекуцію кавалерійскій эскадронъ для усмиренія волненія крестьянъ, какъ заставляли послѣднихъ выражать покорность и благодарить за *науку*, какъ выбирали такихъ офицеровъ для усмиренія, которые любили драться, а потому „надо было дать имъ практику".

„Руская Старина", августъ. „Внутреннія причины паденія Польши". Авторъ этой статьи, переведенной съ польскаго, пожелалъ остаться неизвѣстнымъ, потому что, какъ заявляетъ въ примѣчаніи редакція, рукопись свою онъ не могъ напечатать на польскомъ языкѣ.

Внутреннюю причину паденія Польши авторъ видитъ въ потерѣ польскою шляхтою всякой дисциплины. Пока брали верхъ въ шляхтѣ добродѣтели: храбрость, вѣра и любовь къ ближнему, до тѣхъ поръ она была дѣйствительной поддержкой и помощью въ правленіе Пястовъ. Когда же отъ вѣры осталась только форма, храбрость перешла въ кастовую гордыню, а любовь къ ближнему ограничилась исключительно родственными интересами, —наступилъ разладъ съ королемъ, пренебреженіе къ интересамъ государства и забота только о собственномъ величіи, основан-

номъ не на разумѣ и честности, а на импонированіи величіемъ гордости и состоянія, пріобрѣтеннаго какими бы то ни было средствами. Справедливо можно сказать, продолжаетъ авторъ, что современный американскій принципъ: „человѣкъ стоитъ столько, сколько у него денегъ“, издавна былъ извѣстенъ въ Польшѣ. А когда, вмѣсто честности въ характерѣ, народилось достославное „liberum veto“ и извѣстныя „вольныя шляхетскія права“, выработался деспотизмъ шляхты, всякій въ своемъ помѣстьѣ хотѣлъ быть, если не de jure, то хоть de facto, почти королемъ. Неудивительно, что воспитанные на такихъ началахъ потомки, занявъ высшія должности, всегда подозрѣвали короля, какъ врага „вольныхъ шляхетскихъ правъ“, стремящагося къ неограниченной власти. Этимъ и было вызвано раздвоеніе въ государствѣ. А такъ какъ въ машинѣ всякая неладица ведетъ къ распаденію, то и польское королевство должно было распасться и распадалось.

Свое положеніе авторъ затѣмъ развиваетъ и подкрѣпляетъ описаніемъ внутренняго состоянія Польши и политическаго и бытового ея устройства. Онъ говоритъ о сеймовыхъ и судебныхъ установленіяхъ Польши, объ администрація и податяхъ и отчасти о положеніи хлоповъ, но не видно, чтобы послѣднимъ онъ придавалъ какое нибудь значеніе. Шляхетская Польша была ненормальнымъ государствомъ, какъ всѣ государства съ олигархическимъ правленіемъ. И вотъ это обстоятельство авторъ и забываетъ. Если-бы шляхта и оставалась добродѣтельной, то всетаки паденіе Польши этой шляхетской добродѣтелью не было бы устранено, а только, можетъ быть, отдалено. Главная причина паденія Польши заключалась въ томъ, что тамъ на главное ядро населенія—на народъ смотрѣли, какъ на скотъ, „быдло“.

Въ этой-же книжкѣ „Русской Старины“ закончено печатаніемъ изслѣдованіе *Н. К. Шильдера „Императоръ Николай I и Польша въ 1825—1831 г.г.“*. Между прочимъ, авторъ упоминаетъ о кончинѣ цесаревича Константина Павловича. „Церемонія ввоза тѣла цесаревича черезъ Петербургъ въ крѣпость состоялась лишь (черезъ двѣ недѣли) 14 августа; шествіе двинулось отъ Московской заставы и продолжалась четыре часа, во время проливнаго дождя. За колесницей ѣхалъ верхомъ императоръ Николай со свитою. 17 августа тѣло было предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ“. Княгиня Ловичъ поселилась въ Царскомъ Селѣ. По разсказу Бенкендорфа, „болѣзненная, печальная, убитая судьбой, неумолчно оплакивавшая того, который возвелъ ее на степень невѣстки царской и не переставалъ до конца своихъ дней питать къ ней самую нѣжную привязанность и дружбу, она не хотѣла никого видѣть и заключалась въ своей скорби. Постигшій ее ударъ и несчастіе горячо любимой ею отчизны сильно подѣйствовали на ея нервы и растроили воображеніе. Она съ жаромъ заступалась за образъ дѣйствій покойнаго супруга и старалась если не оправдать, то, по крайней мѣрѣ, ослабить безразсудство и неблагодарность своихъ соотечественниковъ“. „Вся ея бесѣда свидѣтельствовала о сильномъ волненіи, въ конецъ разрушив-

шемъ остатокъ жизненныхъ силъ, уже истощенныхъ слабымъ сложеніемъ. Вскорѣ княгиня пала жертвой нервическаго недуга".

Послѣ усмиренія Польши, въ Москву „привезли всѣ знамена и штандарты бывшей польской арміи, и государь приказалъ поставить ихъ въ Оружейную палату, въ числѣ трофеевъ, скопленныхъ тутъ вѣками. Тамъ же на полу, у подножія императора Александра, была положена и хартія, нѣкогда имъ пожалованная царству Польскому".

„Книжки Недѣли". Въ августовской „Книжкѣ Недѣли" г. Л. Рускинъ въ короткой замѣткѣ сообщаетъ, что итальянцы также обратили исключительное вниманіе на гр. Л. Н. Толстого. Нѣкто, баронъ Гарофало издалъ книгу, въ которой сравниваетъ Толстого съ Нитцше. „Нитцше, по мнѣнію Гарофало, антиподъ Толстого. Первый доводитъ до болѣзненнаго преувеличенія принципъ индивидуализма, второй доводитъ до болѣзненнаго преувеличенія принципъ альтруизма. И оба опасны. Но Толстой опаснѣе, ибо его ученіе распространяется въ тысячу кратъ шире, чѣмъ ученіе Нитцше. Между тѣмъ, оно неосуществимо; практическаго примѣненія толстовскаго альтруизма невозможно требовать ни отъ отдѣльныхъ индивидовъ, ни отъ всего человѣчества. Даже христіанство не требуетъ отъ людей такого полнаго самоотреченія, какъ Толстой; ибо христіанинъ не долженъ забывать о самомъ себѣ, о своемъ будущемъ; только его конечная цѣль отдаленная, и находится внѣ земного существованія. Судя по этому отрывку, можно предполагать, что вообще наговорилъ Горофало о Толстомъ. Практикуемый въ настоящее время западными критиками, для уясненія какого либо писателя, пріемъ сравненія его съ другимъ писателемъ или съ нѣсколькими разомъ указываетъ только на ограниченность мысли этихъ критиковъ. Затѣмъ, опасеніе, что какая нибудь мысль найдетъ широкое распространеніе и внесетъ смуту въ умы, отзывается все еще не пережитымъ средневѣковьемъ, когда опасались не только распространенія какой нибудь новой еретической мысли, но даже Библіи. И теперь баронъ Гарофало и индивидуализма боится, и альтруизма боится. Чего онъ только не боится!

Въ іюльской книжкѣ журнала „Жизнь" помѣщенъ небольшой отрывокъ *„Изъ хроники испанской жизни"*, *Ріо Баройя*. Хроникеръ останавливается на тѣхъ переходныхъ моментахъ испанской жизни, которые приходится переживать этой странѣ послѣ испано-американской войны. „Можно подумать, замѣчаетъ онъ, что Испанія, ограниченная уже своими владѣніями на полуостровѣ и лишенная своихъ заатлантическихъ колоній, приготовилась къ своему возрожденію, пересоздавъ свое отечество въ новую и могучую страну". Ничуть не бывало. Одинъ испанскій политикъ выразился такъ: „Испанія теперь есть тѣло, артеріи котораго перестали биться". Испанія потеряла свое сюзеренство надъ девятью милліонами своихъ подданныхъ; но никакія безпорядки не всколыхнули страну, не произошло никакой реакціи, не было никакой горячки. Этотъ народъ, „находящійся еще въ метафизическомъ періодѣ, безъ положительныхъ нуждъ, мо-

ментально забываетъ свои намѣренія и свои предположенія. Предусмотрительность для него не что иное, какъ безумство, и никто не помышляетъ болѣе о реваншѣ, о которомъ всѣ поголовно мечтали въ концѣ войны съ американцами. Всѣ убаюкались въ заключенномъ мирѣ, достигнутомъ цѣною потери колоній, армады, тысячи жизней и милліардовъ франковъ. Испанцы живутъ въ самомъ лучшемъ изъ міровъ: аристократія веселится, буржуазія пируетъ, народъ переполняетъ цирки, гдѣ происходитъ бой быковъ".

Трудно сказать, насколько основателенъ пессимизмъ автора, но онъ, по крайней мѣрѣ, не видитъ въ испанской жизни нигдѣ просвѣта. „Литература не можетъ произвести ничего значительнаго, даже посредственнаго". Ею, какъ и наукой, никто не интересуется, въ противоположность Франціи, гдѣ всякая идея, дурная или хорошая, логичная или абсурдъ, находитъ своихъ адептовъ. Какъ Франція—въ Парижѣ, и вся Испанія также сосредоточена въ Мадридѣ, но съ единственной цѣлью избѣжать распаденія мятежной страны, анархической по натурѣ. **И. М.**

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Доисторическая эпоха въ Китаѣ.—Императрица Θеодора.—Средневѣковые тираны. — Воспоминанія стараго офицера арміи принца Конде. — Наполеонъ I по запискамъ его личнаго секретаря барона Меневаля. — Англичане въ Ватерлоо. — Воспоминанія англичанина о Россіи.

Исторія Китая дѣлится на два періода: доисторическій [1]) и съ 1980 года до Р. Хр. по наши дни. Въ китайской миѳологіи нѣтъ разсказа о томъ, какъ появился первый человѣкъ, но сообщается только, что онъ находился между небомъ и землей. По китайскимъ народнымъ преданіямъ, первый человѣкъ обладалъ большимъ могуществомъ и держалъ въ одной рукѣ солнце, а въ другой луну. По китайскимъ священнымъ книгамъ, первый человѣкъ, носившій духъ въ земной оболочкѣ, былъ существомъ, одареннымъ высшимъ разумомъ. Солнце и земля это символы мужчины и женщины, съ момента соединенія которыхъ начинается эра страдающаго человѣчества. Это преданіе напоминаетъ нѣсколько библейское грѣхопаденіе.

Что небесное провидѣніе заботилось о первыхъ людяхъ и покровительствовало имъ, видно изъ того, что китайскимъ народомъ управляли императоры, вдохновенные высшею мудростью, считавшіеся святыми. Когда они царствовали, исторія не говоритъ, а указываетъ лишь на ихъ творенія. Первый императоръ назывался императоръ неба. Онъ ввелъ лѣтоисчисленіе, жилъ 18,000 лѣтъ. Второй императоръ—императоръ земли—также жилъ 18,000 лѣтъ; ему приписывается раздѣленіе мѣсяца на 30 дней. При

---

[1]) Le Carnet historique et littéraire, отъ 15-го августа 1900 года. Vers la Chine. Général Tcheng-Ki-Kong. La Chine préhistorique.

третьемъ императорѣ—императорѣ людей—появляются первые признаки людскихъ пороковъ. Онъ раздѣлилъ свое государство на девять частей и въ каждой поставилъ правителя изъ членовъ своей фамиліи. Царствованіе его продолжалось 45,500 лѣтъ.

Въ этотъ періодъ въ 81,000 лѣтъ не являлось вопроса ни о жилищахъ, ни объ одеждѣ. Люди жили въ пещерахъ, не боялись звѣрей и понятія о стыдѣ у нихъ не существовало. Какъ все это измѣнилось, исторія не говоритъ; но если принять во вниманіе названія императоровъ: неба, земли и людей, то невольно является предположеніе о прогрессивномъ паденіи человѣчества. Лишь съ царствованія четвераго императора—императора жилищъ (des nids) начинается у людей настоящая борьба за существованіе: человѣкъ защищается отъ дикихъ звѣрей, строитъ себѣ жилища, одѣвается въ звѣриныя шкуры. Земледѣлія еще не существуетъ. Пятый императоръ—императоръ огня. Онъ открылъ огонь и научилъ какъ добывать его. Онъ указалъ людямъ на домашнюю жизнь. Ему обязаны установленіемъ обмѣна и введеніемъ завязыванія узловъ для возстановленія въ памяти замѣчательныхъ событій, подобно тому какъ нынѣ завязываются узлы на платкахъ. [1]) Дикая жизнь совершенно исчезла. Преемникъ его Фу-Хи научилъ людей рыболовству, охотѣ, ввелъ домашнихъ животныхъ. Онъ составилъ восемь діаграмъ, т. е. основные принципы китайской цивилизаціи, отсюда зарожденіе китайской философіи. Въ царствованіе Фу-Хи установилось понятіе о собственности. Онъ указалъ на четыре времени года и урегулировалъ календарь. По его системѣ первый день новаго года приходился на первый день весны. Научилъ людей распознавать четыре страны свѣта; учредилъ бракъ со всѣми церемоніями (свадебные подарки состояли изъ звѣриныхъ шкуръ); ввелъ музыку, основанную на вибраціи струнъ.-Ченъ-Нунгъ, или императоръ земледѣлія, изучилъ свойства растеній и указалъ людямъ средства излѣчивать болѣзни. Предпринималъ большія работы по канализаціи, прорытію рѣкъ и т. д. Со времени его царствованія появляется эмблема дракона. Исторія упоминаетъ о появленіи этой фантастической лошади, какъ о таинственномъ событіи. Преемникъ Ченъ-Нунга—императоръ желтый (jaune) продолжалъ дѣла своихъ предшественниковъ; кромѣ того, открылъ и разрабатывалъ мѣдную руду, устроилъ обсерваторію, ввелъ деньги, оружіе (лукъ), строилъ корабли, улучшилъ одежду. Послѣ него осталась медицинская книга, въ которой впервые упоминается о „щупаніи пульса". Онъ установилъ цѣнность предметовъ: „брилліантъ цѣннѣе золота". Супруга его культивировала шелковичныхъ червей. Въ его царствованіе было установлено административное раздѣленіе государства: 8 домовъ составляли колодецъ (puits), три колодца — „ami" (другъ?) и три „ami"—деревню; 5 деревень составляли подпрефектуру; 10 подпрефектуръ—департаментъ; 10 департаментовъ—область; 10 областей—провинцію.

---

[1]) Только послѣ 3000 года императоръ Чангъ-Ки изобрѣлъ буквы, названныя имъ Нзіангъ, основанныя на формахъ созвѣздій. Это собственно были не буквы, а скорѣе фигуры. Письмена эти старше египетскихъ іероглифовъ на десять столѣтій.

Время вступленія на престолъ преемника его уже извѣстно по исторіи, это 2399 годъ. Съ этого времени по 1980 г. до Р. Хр., эпохи, когда начинается оффиціальная исторія Китая, всѣ императоры считались святыми. До 2399 года китайскіе императоры были не наслѣдственны, каждый изъ нихъ на склонѣ лѣтъ выбиралъ наидостойнѣйшаго для занятія трона и отрекался въ его пользу.

Въ царствованіе послѣдняго изъ святыхъ императоровъ, около 2000 год. до Р. Хр., какъ упоминается въ исторіи, были произведены гидравлическія работы во время сильныхъ наводненій, причинившихъ много вреда въ Китаѣ.

Въ началѣ XVII столѣтія библіотекарь Ватикана Н. Алеманни нашелъ интересную древнюю книгу „L'Histoire secrète de Procope", въ которой между прочимъ разсказывается много любопытнаго объ императрицѣ Ѳеодорѣ *), супругѣ византійскаго императора Юстиніана Великаго.

Въ VI вѣкѣ въ Константинополѣ жилъ бѣдный человѣкъ, по имени Акаціусъ, состоявшій сторожемъ при медвѣдяхъ въ амфитеатрѣ. Это былъ отецъ Ѳеодоры. Послѣ его смерти, Ѳеодора осталась со своими сестрами и матерью безъ всякихъ средствъ. Старшая сестра поступила въ театръ; Ѳеодора сопровождала ее туда и скоро сдѣлалась сама актрисой; она участвовала въ живыхъ картинахъ и пантомимахъ. Красота ея была замѣчательна, при томъ она была чрезвычайно умна и веселаго характера. Прокопъ въ своей исторіи разсказываетъ много пикантныхъ подробностей о болѣе чѣмъ откровенныхъ живыхъ картинахъ, о тонкихъ ужинахъ и проч., въ которыхъ участвовала Ѳеодора. По его словамъ „Мессалина, въ сравненіи съ Ѳеодорой, была ничто. Честные люди, при встрѣчахъ съ нею на улицахъ, сторонились, боясь прикоснуться къ ней". Ѳеодора внезапно исчезла изъ Константинополя. Оказалось, что она послѣдовала за Гецеболомъ, назначеннымъ въ Пентополь Африканскій губернаторомъ. Скоро однако она его бросила. Долгое время не знали, гдѣ находилась Ѳеодора. Наконецъ она снова появилась въ Константинополѣ и по возвращеніи начала вести жизнь совершенной скромницы. Въ это время ее встрѣтилъ Юстиніанъ, влюбился до безумія и хотѣлъ жениться на ней. Но осуществилъ онъ это желаніе лишь по вступленіи на престолъ въ 527 году, и въ день Пасхи Ѳеодора торжественно была коронована патріархомъ. Таковъ разсказъ Прокопа. И этому разсказу историки вѣрили впродолженіи двухъ съ половиной столѣтій. Является большое сомнѣніе, какимъ образомъ Прокопъ могъ знать такія подробности относительно Ѳеодоры, когда онъ самъ говоритъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что императрица, когда хотѣла, такъ устраивала свои дѣла, что никто ничего не могъ знать о нихъ. Слѣдуетъ замѣтить, что ни одинъ

*) Grande Revue за іюль 1900 года. Les figures byzantines. L'Impératrice, Théodore, par Ch. Diehl.

писатель VI вѣка, ни одинъ историкъ ничего не могъ говорить о скандальной жизни Θеодоры; даже церковные историки, которые нападали на императрицу, какъ на еретичку, ни словомъ не обмолвились о ея бурно проведенной молодости.

Напротивъ, быстрое возвышеніе Θеодоры породило множество легендъ, прославлявшихъ ее. Въ Византіи въ XI столѣтіи еще показывали маленькій домикъ, превращенный въ церковь, въ которомъ жила Θеодора и гдѣ встрѣтилась впервые съ Юстиніаномъ. Славянскія преданія XII и XIII столѣтій разсказываютъ, что она была благороднѣйшая, образованнѣйшая, умнѣйшая женщина. Молва о Θеодорѣ проникла даже въ отдаленные монастыри востока, гдѣ сохранилось воспоминаніе объ ея шумной извѣстности. Хроникеръ Эмуанъ де-Флери, жившій въ XI столѣтіи, разсказываетъ, что Юстиніанъ и Велизарій встрѣтили, еще въ молодости, двухъ амазонокъ, Антонію и Антонину. Юстиніанъ полюбилъ одну, Велизарій другую; Юстиніанъ обѣщалъ Антоніи, что, если онъ сдѣлается императоромъ, то женится на ней, и далъ ей свое кольцо. Затѣмъ связь была порвана. Прошло много лѣтъ. Однажды къ дверямъ дворца явилась женщина рѣдкой красоты и потребовала аудіенціи у императора. Эта была Антонія. Сначала Юстиніанъ не узналъ ея, но когда она показала ему кольцо, вспомнилъ и женился на ней. Вотъ преданія, которыя группировались вокругъ имени Θеодоры, прославляя ее.

Слѣдуетъ принять въ соображеніе еще слѣдующее. Когда Юстиніанъ встрѣтилъ Θеодору, ему было 35 лѣтъ, онъ былъ чрезвычайно честолюбивъ и никогда не женился бы на такой женщинѣ какою представляетъ Прокопъ Θеодору. Императрица Θеодора была въ полномъ смыслѣ слова кокетка, страстная, хитрая, но подъ женской внѣшностью скрывалась душа государственнаго человѣка, могущественная, крѣпкая, отважная. Честолюбіе ея не знало границъ. Она добилась того, что при присягѣ высшіе сановники клялись въ вѣрности какъ императору, такъ и Θеодорѣ, супругѣ его императорскаго величества. Во всѣхъ дѣлахъ какъ государственныхъ, такъ и церковныхъ, Θеодора занимала первое мѣсто. Она однажды писала: „Императоръ не рѣшаетъ никогда ничего, не посовѣтовавшись со мной". Вліяніе ея на Юстиніана было безграничное. Извѣстно, что Θеодора спасла престолъ Юстиніану во время народныхъ волненій въ Константинополѣ. Юстиніанъ уже рѣшился было бѣжать со своими придворными, но Θеодора отказалась слѣдовать за нимъ. Она напомнила Юстиніану и его министрамъ, какая лежитъ на нихъ отвѣтственность и сказала: „Даже если не останется другого спасенія, кромѣ бѣгства, я и тогда останусь: тѣ, которые носили корону, не должны переживать ея потерю. Я никогда не увижу того дня, когда меня перестанутъ величать императрицею. Если ты хочешь бѣжать, цезарь, бѣги,—у тебя есть деньги, корабли къ твоимъ услугамъ, море открыто; но я остаюсь, я люблю древнее изреченіе: „пурпуръ — прекрасный саванъ".

Въ статьѣ приводится еще много примѣровъ, доказывающихъ необыкновенный государственный умъ Θеодоры. Напрасно нѣ-

которые вельможи пытались поколебать довѣріе Юстиніана къ императрицѣ, она всегда выходила побѣдительницей и рѣдко кто отваживался вести съ нею открытую борьбу. Когда Ѳеодора умерла въ іюнѣ 548 года, Юстиніанъ горько оплакивалъ ее и долго не могъ забыть своей обожаемой супруги.

Портретъ императрицы Ѳеодоры будетъ неполнымъ, если не коснуться ея религіозныхъ убѣжденій. Какъ всѣ византійцы, Ѳеодора была благочестива и набожна. Хроникеры того времени перечисляютъ базилики, госпиталя, убѣжища, построенныя стараніями Ѳеодоры. Однако же церковь, несмотря на всѣ дары, относилась къ Ѳеодорѣ очень строго. Около 529 года въ Константинополь явился пользовавшійся извѣстностью и всеобщимъ уваженіемъ палестинскій пустынникъ. Ѳеодора попросила его помолиться за нее, чтобы Богъ даровалъ ей дѣтей, но пустынникъ отвѣтилъ: „эта женщина можетъ дать міру лишь враговъ церкви". Въ глазахъ православныхъ Ѳеодора была дѣйствительно еретичка: она склонялась къ ученію монофизитовъ, которые признавали лишь одно естество—божественное въ Іисусѣ Христѣ.

„Если грѣхи Ѳеодоры были слѣдствіемъ ея происхожденія и условій времени, то добродѣтели, безъ сомнѣія, были ея собственныя", — такъ заканчиваетъ авторъ свою статью.

Въ древнихъ греческихъ и латинскихъ городахъ республиканское правительство, находившееся въ рукахъ патриціевъ, превращалось постепенно въ олигархію. Патриціи не допускали народъ къ правительственнымъ должностямъ, лишали его всякихъ правъ и черезъ своихъ ораторовъ твердили постоянно о свободѣ, т. е. что они—патриціи свободны управлять общественными дѣлами, какъ имъ заблагоразсудится и эксплоатировать народный трудъ. Народъ пытался измѣнить свое положеніе, возставалъ, умерщвлялъ патриціевъ, жены и дочери послѣднихъ подвергались насиліямъ, а имущество грабежу. Но народъ не имѣлъ никакой организаціи и не могъ долго удерживать власть въ своихъ рукахъ. Главныхъ зачинщиковъ скоро схватывали, судили и подвергали смертной казни: заживо зарывали въ землю или вѣшали, и дѣла снова принимали прежній видъ. Тогда народъ создалъ тирановъ, роль которыхъ была очень проста: они, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ народа, должны были дѣйствовать въ его интересахъ, удалять богатыхъ отъ власти, налагать на нихъ налоги. Партіи измѣнили свои названія, демократовъ и аристократовъ уже не стало, а были за „свободу" или за „тиранію".

То же самое происходило и въ средніе вѣка. Олигархія купцовъ угнетала народъ, который сталъ искать защиты у могущественной фамиліи Медичи, а тѣ изъ честолюбія приняли сторону народа. Какъ въ Англіи партіи виговъ и торіевъ имѣютъ лидеровъ, такъ и въ средневѣковыхъ городахъ партіи имѣли своихъ лидеровъ, но не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыя фамиліи. Такъ Медичи стояли во главѣ народной партіи, а Альбицци во главѣ патриціевъ. Изъ средневѣковыхъ тирановъ особенно замѣчательны

были Козма и Лоренцо Медичи [1]), принадлежавшіе къ одной изъ могущественнѣйшихъ и славнѣйшихъ флорентійскихъ фамилій, еще въ началѣ XIII столѣтія, посредствомъ торговли, пріобрѣвшей несмѣтныя богатства и значеніе. Уже въ XIII вѣкѣ Сальватро Медичи принималъ участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ; съ 1378 года былъ гонфалоньеромъ; низвергнулъ Альбицци, но самъ былъ изгнанъ въ 1381 году. Противная партія одержала верхъ, но съ 1421 года Джіовани Медичи сдѣлался гонфалоньеромъ и съ этихъ поръ семейство Медичи занимало безпрерывно высшія государственныя должности. Сынъ его Козма Медичи (родился въ 1389 году) сталъ во главѣ флорентійской республики. Это былъ типичный тиранъ. Горожане были настолько преданы Козмѣ — „этой хитрой лисицѣ“, что дѣлали все, что онъ хотѣлъ. Не будучи воинственнымъ отъ рожденія, Козма имѣлъ на своей сторонѣ преданную шпагу кондотьера Франческо Сфорца. Богатства свои онъ употреблялъ на общеполезныя учрежденія, помогалъ бѣднымъ гражданамъ, давалъ блестящія народныя празднества, облагалъ богатыхъ налогами въ восемь разъ больше чѣмъ бѣдныхъ. Какъ только кто подозрѣвался въ покушеніи на авторитетъ Козмы, виновнаго тотчасъ же вѣшали за ноги у дворца; такого рода казнь стала традиціонной у Медичей. Козма обходился по царски съ писателями, учеными и художниками. Паоло Учелло покрылъ фресками его дворецъ, Гиберти вылилъ знаменитыя бронзовыя ворота, о которыхъ Микель Анджело выразился, что онѣ достойны были бы украшать рай; Брунелески воздвигъ знаменитый соборъ Santa Maria del Fiore. Козма умеръ въ 1464 году; гробница Козмы работы Донателло.

Козмѣ Медичи наслѣдовалъ его 46-лѣтній сынъ Пьетро, но онъ былъ слабаго здоровья и не особенно развитой. Послѣ его смерти (2 декабря 1469 г.), власть перешла къ двумъ его сыновьямъ Лоренцо и Джульяно. Въ началѣ правленія Лоренцо во Флоренціи состоялся заговоръ, если можно такъ назвать попытку Бернардо Нави возбудить народъ противъ Медичи. Бернардо былъ схваченъ съ 18 приверженцами и повѣшенъ, по обычаю Медичи, за ноги. Во главѣ партіи патриціевъ въ то время стояла извѣстная тосканская фамилія Пацци. Одинъ изъ Пацци игралъ большую роль въ первомъ крестовомъ походѣ. Онъ первый водрузилъ знамя на стѣнахъ Іерусалима и привезъ въ свое отечество камни со святаго гроба. Въ память этого Пацци установили торжество, которое до сихъ поръ празднуется въ святую субботу. Пацци рѣшили умертвить обоихъ братьевъ Лоренцо и Джульяно Медичи. Имъ содѣйствовалъ архіепископъ Пизы Сальвіати. 26 апрѣля 1478 г. въ соборѣ Santa Maria del Fiore происходила торжественная служба. Во время совершенія проскомидіи вдругъ раздался глухой крикъ. Бернардо Бандини бросился на Джульяно и зако-

---

[1]) Revue hebdomadaire, отъ 18-го августа 1900 года. Frantz Funck-Brentano. Les Tyrans: Laurent le Magnifique. Andre Lebey. Essai sur Laurent de Medicis, dit le Magnifique. Paris, 1900.

лолъ его кинжаломъ. Съ другой стороны два священника бросились на Лоренцо, но онъ отпарировалъ первые удары и отважно всталъ противъ враговъ. Партизаны его подоспѣли и окружили его. Народъ бросился изъ церкви, женщины кричали и падали въ обморокъ. Лоренцо и его друзья проникли въ ризницу и тамъ забаррикадировались. Народъ былъ за тирана. Дѣло окончилось. На окнахъ дворца повѣсили архіепископа Сальвіати, его брата, кузена и Якова Браччіолини. Бернардо Бандини бѣжалъ въ Константинополь, но скоро убѣжище его было открыто. Султанъ выдалъ его, потому что пришелъ въ ужасъ, по словамъ хроникера, отъ совершеннаго Бандини преступленія въ церкви, 22 декабря 1479 г. Бандини былъ повѣшенъ и, по просьбѣ Лоренцо, великій Леонардо да Винчи нарисовалъ Бандини въ этомъ положеніи. Картина сохранилась до сихъ поръ. Пацци исчезли съ лица земли. Гербъ ихъ былъ уничтоженъ, снятъ со зданій и замѣненъ народнымъ гербомъ. Площадь, носившая ихъ имя, была переименована. Всѣ оставшіеся въ живыхъ Пацци перемѣнили свою фамилію. Нужно замѣтить, что если бы двумъ священникамъ удалось убить Лоренцо, то тогда исчезла бы фамилія Медичи, и ихъ мѣсто заступили бы Пацци.

Лоренцо Медичи, названный il magnifico, т. е. великолѣпнымъ, сдѣлался единственнымъ главою Флоренціи; своею умною политикою онъ установилъ равновѣсіе между государствами Италіи и обезпечилъ за Флоренціею миръ. Онъ собралъ во Флоренціи талантливѣйшихъ людей своего времени: Брунеллески, Гиберти, Донателло, Леонардо да Винчи, Микель Анджело и другихъ, и основалъ школу живописи. Лоренцо любилъ гравюры на драгоцѣнныхъ камняхъ. У него была замѣчательная коллекція древнихъ камней, которыя можно узнать теперь по помѣткамъ „Laur. Med.". Онъ разыскивалъ и снималъ копіи съ древнихъ и рѣдкихъ манускриптовъ, на что тратилъ по 30,000 дукатовъ въ годъ. Основанная имъ флорентійская библіотека еще и теперь считается одною изъ самыхъ богатыхъ и рѣдкихъ. Самъ Лоренцо былъ талантливымъ писателемъ. Изъ его сочиненій извѣстны: „Nencia da Barberino", поэма изъ сельской жизни на тосканскомъ нарѣчіи: „Ambra" и другія, сатиры, драматическія поэмы, сонеты и проч. Лоренцо Медичи умеръ въ 1492 году и похороненъ во Флоренціи въ церкви св. Лоренцо.

Старшій сынъ его Пьетро Медичи сдѣлался главою государства, но былъ изгнанъ и погибъ въ битвѣ при Гарильяно въ 1503 г. Братъ его Джіованни Медичи снова былъ принятъ во Флоренціи въ 1513 г.; сдѣлавшись папою, подъ именемъ Льва X, доставилъ своему роду прежній блескъ. Впослѣдствіи Флорентійскій округъ сдѣланъ былъ герцогствомъ. Въ 1537 г. флорентійцы сдѣлали попытку возстановить республику, но Карлъ V назначилъ герцогомъ Козму I или Великаго, который расширилъ свои владѣнія и утвердилъ за собою титулъ великаго герцога тосканскаго. При правленіи неспособнаго Козмы III (1642—1723) благосостояніе флорентійскаго народа совершенно пало и великое герцогство перешло къ дому Лотарингскому.

Не лишены интереса воспоминанія стараго офицера арміи Конде о Россіи [1]). Послѣ перемирія при Леобенѣ армія Конде, находившаяся три года на жалованіи у англичанъ, была распущена. Понимая затруднительное положеніе французскихъ офицеровъ, принцъ Конде началъ переговоры съ императоромъ Павломъ I. Принцъ принималъ у себя въ Шантильи въ 1782 г. великаго князя наслѣдника русскаго престола, когда онъ путешествовалъ по Европѣ подъ именемъ графа Сѣвернаго, и такъ обворожилъ его, что императоръ Павелъ I, за оказанный ему тогда принцемъ Конде блестящій пріемъ, принялъ всѣхъ французовъ къ себѣ на службу.

Сначала думали поселить ихъ въ Крыму, образовавъ изъ нихъ колонію. Туда они отправились черезъ Австрію, Моравію, австрійскую Силезію и Галицію. Въ Галиціи жили они, „точно у готтентотовъ, такъ тамъ все грязно и скверно". Наконецъ дошли до рѣки Бугъ, отдѣлявшей Галицію отъ Волыни. Въ это время пришло извѣстіе, что мысль объ отправкѣ французовъ въ Крымъ была оставлена и ихъ расквартировали по разнымъ городамъ: принцъ Конде съ главной квартирой поселились въ Дубно, герцогъ Энгіенскій въ Луцкѣ и герцогъ Беррійскій въ Locatzé (?). Такъ прожили они на Волыни 18 мѣсяцевъ; вездѣ были встрѣчаемы съ распростертыми объятіями; особенно поляки старались расположить ихъ въ свою пользу и дѣлали имъ прозрачные намеки, но къ чести французовъ надо сказать, что они поступали очень корректно: они категорически заявляли, что находятся на службѣ императора всероссійскаго и слѣдовательно помочь имъ не могутъ.

Послѣ собраннаго австрійцами Раштатскаго конгресса въ 1797 году, оставшагося безъ послѣдствій и окончившагося убіеніемъ французскихъ пословъ при выѣздѣ ихъ изъ города (невыясненная дипломатическая загадка), началась снова война. Вслѣдствіе заключеннаго союза между Австріею и Россіею, графъ Суворовъ былъ посланъ съ арміею въ Италію, а князь Горчаковъ въ Германію, къ войскамъ послѣдняго присоединены были и остатки арміи принца Конде.

Секретарь Наполеона I баронъ Меневаль [2]) родился въ Парижѣ въ 1778 году. Это былъ скромный молодой человѣкъ, очень трудолюбивый и совсѣмъ не честолюбивый. Сначала онъ состоялъ секретаремъ у Іосифа Бонапарте, который рекомендовалъ его своему брату Наполеону. Первый консулъ очень полюбилъ Меневаля и сдѣлалъ его своимъ личнымъ секретаремъ. При такомъ

[1]) Souvenirs et memoires. № 26 отъ 15 августа 1900 г. F. de Castegeut. Mémoires d'un ancien officier de l'armee de Condé. Въ этомъ же нумерѣ помѣщено продолженіе дневника французскаго короля Людовика XVI (съ 30-го мая 1770 по 18-е мая 1771 г.), ничего однако выдающагося въ себѣ не заключающаго (Journal de Louis XVI, publié pour la première fois d'après le manuscrit autographe du roi, par M. le comte de Beauchamp.).

[2]) Revue des deux mondes отъ 15 августа 1900 г. Un secrétaire de Napoléon I. Le baron Meneval, par M. Henry Houssaye de l'Academie française.

дѣятельномъ человѣкѣ какъ Наполеонъ, который говорилъ, что „онъ не понимаетъ, что такое усталость", Меневалю приходилось очень трудно: ежедневно въ 7 часовъ утра онъ долженъ былъ являться въ кабинетъ Наполеона, вскрывать, прочитывать и сортировать всѣ полученныя письма. Наполеонъ дѣлалъ помѣтки на нѣкоторыхъ изъ нихъ, а на другія диктовалъ отвѣты; потомъ слѣдовала диктовка длинныхъ посланій къ министрамъ, посланникамъ, письмъ государямъ, подробныхъ распоряженій по арміи и флоту, и т. д. При такихъ условіяхъ понятно, что у Наполеона не могло быть никакихъ секретовъ отъ Меневаля. Наполеонъ очень любилъ канцелярскую работу; отправляясь на охоту или прогулку, онъ говаривалъ: „О моя дорогая канцелярія, какъ трудно покидать тебя". И по возвращеніи восклицалъ: „О моя дорогая канцелярія, наконецъ то я опять здѣсь". Война не прерывала занятій Меневаля. Съ 1805 по 1807 годъ онъ былъ вмѣстѣ съ императоромъ въ Булони, Германіи, Австріи, Пруссіи и Польшѣ. Въ 1810 году сопровождалъ Наполеона въ Компьенъ. „Императоръ, писалъ онъ 28 марта, горя нетерпѣніемъ поскорѣй увидѣть императрицу, отправился ей на встрѣчу въ коляскѣ съ неаполитанскимъ королемъ въ Суасонъ и самъ привезъ ее въ Компьенъ. Марія-Луиза очень красивая женщина. Хотя черты лица ея нѣсколько крупны, но въ общемъ очень пріятны".

Меневаль сопровождалъ Наполеона и въ Россію. 16 сентября 1812 года онъ писалъ изъ Москвы: „Бѣдная Москва вся въ огнѣ: она горитъ со вчерашняго вечера. Зрѣлище ужасное и вмѣстѣ съ тѣмъ величественное. Вѣдь Москва въ десять разъ больше Парижа. Думаю, что послѣдній день страшнаго суда будетъ имѣть такой же видъ. Подожжена Москва по распоряженію московскаго губернатора, чтобы лишить насъ возможности захватить тамошніе припасы". Въ другомъ письмѣ, отъ 25 сентября, онъ сообщалъ: „Ужасное впечатлѣніе производитъ Москва. Вчера изъ любопытства я обошелъ нѣкоторые главные кварталы. Втеченіе 3 часовъ бродилъ между развалинами, дымящимися еще балками и кучами мусора. Нигдѣ нѣтъ ни одной живой души; только изрѣдка встрѣчались несчастныя русскія бабы въ лохмотьяхъ, ищущія подъ развалинами уцѣлѣвшую отъ пожара рухлядь. Непрерывный дождь и мрачное сѣрое небо довершаютъ печальную картину".

Захворавъ отъ переутомленія, Меневаль слѣдовалъ за отступавшею арміею, лежа въ коляскѣ и почти умирающій добрался до Парижа.

Послѣ болѣзни онъ уже не въ состояніи былъ вступить въ должность и Наполеонъ сдѣлалъ его секретаремъ императрицы. Въ 1814 году Меневаль послѣдовалъ за Маріей-Луизою въ Вѣну и затѣмъ въ Шенбрунъ. Этотъ годъ, проведенный Меневалемъ въ Австріи, былъ, по его словамъ, самымъ худшимъ въ его жизни, онъ жилъ какъ бы въ изгнаніи среди враговъ своего государя и своей родины. Кругомъ него шли интриги, жертвой которыхъ была слабая Марія-Луиза. Меттернихъ не стѣснялся въ средствахъ и назначилъ къ ней генерала графа Нейпера, которому

далъ тайную инструкцію сдѣлать все, чтобы Марія-Луиза забыла Наполеона. 10 ноября Меневаль писалъ своей женѣ [3]): „Императрица совершенно измѣнилась. Нейнеръ очень къ ней близокъ; она все скрываетъ отъ меня. Мнѣ очень тяжело представлять тебѣ въ такомъ непривлекательномъ видѣ женщину, на которую мы привыкли смотрѣть какъ на ангела".

Въ апрѣлѣ 1815 года Меневаль получилъ приказаніе отъ Фуше сообщить обо всемъ, что происходитъ въ Вѣнѣ. 8 апрѣля онъ писалъ Коленкуру: „Австрійскій кабинетъ успѣлъ такъ передѣлать императрицу, что она съ ужасомъ помышляетъ о своемъ возвращеніи во Францію. Всѣ мѣры были употреблены, чтобы отдалить ее отъ императора. Генералъ Нейнеръ имѣетъ на нее громадное вліяніе. Въ воскресенье императрица сказала мнѣ, что по постановленію вѣнскаго конгресса ей отдана Парма, поэтому она безповоротно рѣшила не соединяться болѣе съ Наполеономъ. Императрица добрая, но очень слабая женщина". Меневаля больше ничто не задерживало въ Австріи, и онъ 7 мая, повидавъ въ послѣдній разъ сына Наполеона, римскаго короля, котораго удалили отъ матери и засадили въ императорскій дворецъ въ Вѣнѣ, отправился во Францію. Маленькій король, отозвавъ его въ сторону, тихо сказалъ ему: „Скажите ему, что я его очень люблю".

По возвращеніи въ Парижъ, Меневаль часто видѣлся съ императоромъ. Послѣдній скрылъ въ глубинѣ сердца печальную тайну и только приказалъ Меневалю составить оффиціальное сообщеніе о поведеніи австрійскаго двора по отношенію къ императрицѣ и императорскому принцу. Опубликованіемъ этого документа онъ думалъ возбудить общественное мнѣніе во Франціи и Европѣ противъ вѣнскаго двора. Однако, потомъ Наполеонъ измѣнилъ свое намѣреніе, боясь, что сообщеніе это отниметъ послѣднюю надежду у тѣхъ, которые вѣрили еще въ возвращеніе императорскаго принца и Маріи-Луизы во Францію.

Послѣ второго отрѣшенія отъ престола, Наполеонъ просилъ Меневаля послѣдовать за нимъ въ ссылку, но Меневалю этого не разрѣшили, и онъ, несмотря на свои молодые годы, удалился отъ дѣлъ. Баронъ Меневаль умеръ 20 апрѣля 1850 года.

Новыя книги.

Іованъ Н. Рогоновичъ. **I. „Македонскій вопросъ" на почвѣ его исторіи, этнографіи и политики.** Казань, 1900. Стр. 84.

II. Боснійско-хумскій вопросъ въ связи съ національно-государственнымъ состояніемъ сербскаго народа наканунѣ XX столѣтія. Второе дополн. изданіе. Казань, 1900. Стр. 69.

Обѣ книжки г. Рогоновича имѣютъ между собою тѣсную связь. Въ первой изъ нихъ авторъ останавливается на судьбѣ Македоніи, Старосербіи и Албаніи, въ которыхъ теперь распоряжается

[3]) Меневаль женился въ концѣ сентября 1807 г. на 15-лѣт. графинѣ Виргиніи Монъ-Берно.

Турція, а во второй на судьбѣ Босніи и Герцеговины, которыя съ Берлинскаго конгресса принадлежатъ Австро-Венгріи. Посмотримъ, какъ рѣшаетъ оба „вопроса" авторъ, какія мѣропріятія предлагаетъ онъ для того, чтобы поставить жителей Македоніи, Старосербіи, Босніи и Герцеговины въ лучшія условія жизни. На стр. 54 первой изъ названныхъ книжекъ г. Рогоновича читаемъ: „Не преслѣдуя никакихъ затаенныхъ цѣлей, оставаясь на почвѣ справедливой европейской политики и, имѣя въ виду одно лишь равновѣсіе балканскихъ государствъ, мы утверждаемъ, что это будетъ актъ величайшей справедливости, если Македонія и Старосербія, по рѣшенію европейскихъ державъ, достанутся Черногоріи, или если во главѣ автономныхъ Старосербіи и Македоніи станетъ одинъ изъ черногорскихъ принцевъ, какъ во главѣ Крита сталъ греческій королевичъ". Этотъ проектъ г. Рогоновича совершенно гибнетъ при освѣщеніи его фактами дѣйствительной жизни. Прежде всего слѣдуетъ помнить, что на Македонію далеко не платонически смотрятъ всѣ балканскія государства и Австрія. При такомъ положеніи отдача Македоніи Черногоріи невозможна. Не мѣшаетъ отмѣтить и дѣятельность болгаръ, направленную на болгаризацію Македоніи. На болгаризацію идутъ огромныя матеріальныя средства (въ нынѣшнемъ году уже собрано 500,000 фр. на болгарскую пропаганду въ Македоніи), которыя употребляются дѣльно и умно. Въ настоящее время болгары опутали Македонію сѣтью своихъ школъ, которыя играютъ огромную роль въ дѣлѣ болгаризаціи. Г. Рогоновичъ съ ужасомъ отмѣчаетъ, что въ настоящее время число болгарскихъ школъ въ Македоніи доходитъ до 250 съ 14,825 учащимися, 287 учителями и 41 учительницей.

„Боснійско-хумскій вопросъ" авторъ разрѣшаетъ въ томъ же духѣ, какъ и македонскій. Онъ рекомендуетъ взять Боснію и Герцеговину отъ Австріи, которая водворила въ этихъ провинціяхъ „сатанинское царство", и отдать ихъ Сербіи и Черногоріи.

Рѣшеніе обоихъ „вопросовъ" по предложенію г. Рогоновича было бы, пожалуй, возможно при дружескихъ отношеніяхъ Сербіи и Болгаріи. Вмѣсто нихъ авторъ отмѣчаетъ „закулисную борьбу", подробности которой намъ извѣстны изъ газетъ, да и не скрываетъ и авторъ. Черногорскій государь становится во главѣ заговора противъ сербской династіи, а въ Сербіи въ отвѣтъ на это „печатаются толстые томы гнусныхъ памфлетовъ противъ Черногоріи и черногорской династіи".

Мы изложили существенныя черты воззрѣнія автора, а теперь обратимся къ частностямъ. Страстный тонъ обѣихъ книжекъ г. Рогоновича понятенъ и объяснимъ, но возмутительный упрекъ, который авторъ въ пылу полемики бросаетъ одному уважаемому ученому, едва-ли дѣлаетъ фантастическіе проекты г. Рогоновича болѣе обоснованными и примѣнимыми на дѣлѣ.

Комичное впечатлѣніе производитъ поспѣшность нѣкоторыхъ выводовъ. Охарактеризовавъ интеллигента—серба, какъ человѣка „съ душой продажной, съ чувствомъ расшатаннымъ, готовымъ на все", авторъ спѣшитъ увѣрить, что въ этомъ виновато „раціоналистическое направленіе культуры". Мы сначала думали,

что авторъ пишетъ „эзоповымъ языкомъ“ и что подъ „раціоналистическимъ направленіемъ культуры“ слѣдуетъ понимать ех-короля Милана, но потомъ пришли къ заключенію, что смѣлый и оригинальный выводъ автора надо понимать буквально.

Сознаемъ, что пора распрощаться съ г. Рогоновичемъ, но не можемъ не отмѣтить его гнѣва на то, что Австро-Венгрія позволятъ ввозить въ Боснію и Герцеговину „развращающую литературу въ родѣ „Нана“ и „Декамерона““. Мы положительно не ожидали, что теперь найдутся господа, вѣрующіе въ спасительность запрещеній „ввоза“ какихъ либо сочиненій, не говоря уже о томъ, что жизнерадостное произведеніе Боккачіо едва-ли можно назвать „развращающимъ“. **Е. М. В.**

„Новая библіотека“. Китай и китайцы. Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. М. 1901. Ц. 25 к.

Книжка эта принадлежитъ къ числу „народныхъ“ изданій. Выпущенная „ко времени“, она имѣетъ цѣлью удовлетворить дѣйствительно уже народившуюся потребность малообразованнаго читателя быть въ курсѣ злободневныхъ событій. Авторъ старается дать понятіе и о географическомъ положеніи Китая, и о бытѣ китайцевъ, захватываетъ ихъ исторію и религію, науку и литературу и пр. Объемъ „народной“ книжки заставляетъ автора лишь скользить по всѣмъ этимъ отдѣламъ, не давая ничего цѣльнаго и опредѣленнаго. Между тѣмъ, многіе отдѣлы лучше было-бы вовсе устранить. Къ чему, напримѣръ, касаться древней исторіи Китая? Вообще сложная и запутанная, она теряетъ всякій смыслъ будучи изложена на пяти страничкахъ. Не имѣя возможности быть обстоятельнымъ, авторъ, съ другой стороны, допускаетъ и крупныя неточности, а иногда прямо невѣрности. Изложивъ китайское преданіе о потопѣ и сопоставивъ его съ библейскимъ, авторъ дѣлаетъ выводъ: „Изъ Палестины, гдѣ обитали евреи, проникло въ давнія времена ихъ несомнѣнное вліяніе на китайцевъ“. Сказаніе о потопѣ существуетъ въ миѳологіяхъ многихъ народовъ, и заимствованіе въ данномъ случаѣ китайцами у евреевъ едва-ли можно доказать. Знакомя съ языкомъ китайцевъ, авторъ предпосылаетъ слѣдующее удивительное положеніе: „Надо сказать, что всѣ языки развиваются одинаково, по одному закону. Начинаются они обыкновенно съ подражанія тѣмъ звукамъ, которые человѣкъ слышитъ вокругъ“. О началѣ языковъ нельзя говорить какъ-бы о явленіи, ежедневно совершающемся предъ нашими глазами, да и утвержденіе, что языки развиваются одинаково—совершенно невѣрно. Наиболѣе удовлетворительно изложены въ книжкѣ послѣднія политическія событія въ жизни Китая, приведшія его въ столкновеніе съ Европой. Написана книжка съ желаніемъ „упростить“ ея языкъ, что приводитъ автора къ нѣкоторой угловатости рѣчи, испещренной не кстати и излишне вставленными фразами: „Теперь можемъ мы говорить и о другихъ религіяхъ...“ „Итакъ, разсмотримъ исторію...“ „Мы разскажемъ, кстати о разныхъ китайскихъ работахъ“ и т. п. Въ общемъ при бѣдности популярной литературы и эта книжка, конечно, найдетъ себѣ мѣсто.

М. Тебеньковъ. **На рубежѣ исторіи и миѳа. Опытъ изслѣдо-**

ванія о взаимодѣйствіи двухъ важнѣйшихъ типовъ первобытной человѣческой культуры. Тифлисъ 1900 г.

Обыкновенно съ словами „ученое изслѣдованіе“ у насъ связывается представленіе объ обширномъ многотомномъ трудѣ, почти недоступномъ среднему читателю по обилію спеціальной терминологіи, по утомительному однообразію фактовъ, по безцвѣтности и сухости изложенія. Тѣмъ пріятнѣе встрѣтить проявленіе истинно-научнаго творчества въ небольшой брошюркѣ, написанной блестящимъ литературнымъ языкомъ и не смотря на спеціальность предмета способной глубоко заинтересовать каждаго читателя. Авторъ ея, г. М. Тебеньковъ придаетъ огромное значеніе выясненію доисторическаго быта народовъ, такъ какъ ихъ національные характеры и самая основа племенной индивидуальности, въ значительной мѣрѣ предопредѣляющей ихъ дальнѣйшія судьбы, слагались не въ сравнительно краткій періодъ историческаго бытія, а до него — втеченіе долгихъ тысячелѣтій доисторическаго дѣтства человѣчества. Дѣлая попытку заглянуть въ мракъ далекаго прошлаго, изслѣдователь относитъ начало культуры къ тому періоду, когда первобытный человѣкъ, обогащая свои естественныя средства борьбы за существованіе, научился утилизировать силу животныхъ, приручая ихъ къ себѣ. Первымъ прирученнымъ животнымъ являлась собака, которая, какъ помощникъ въ охотѣ, значительно облегчила трудности добыванія пищи, „расширила территорію распространенія человѣческаго рода по земной поверхности“. Затѣмъ слѣдовали мелкія млекопитающія: овцы, козы, свиньи и наконецъ рогатый скотъ. Послѣдній не только обезпечивалъ человѣка питаніемъ и одеждой, но также далъ ему и средства передвиженія, что послужило толчкомъ къ накопленію запасовъ и къ такимъ изобрѣтеніямъ, какъ повозки, кибитки, плуги и пр. Въ общей сложности прирученіе рогатаго скота должно было преобразовать весь бытъ человѣка и сильно способствовать приросту населенія. Во взаимной борьбѣ за существованіе оказывались побѣдителями тѣ племена, которыя болѣе преуспѣли въ прирученіи животныхъ. Дальнѣйшимъ шагомъ впередъ явилось прирученіе лошади. Естественная разница свойствъ рогатаго скота и лошадей повлекла коренное различіе въ общемъ складѣ жизни и строѣ культуры племенъ, пользовавшихся лошадьми, отъ племенъ, пользовавшихся рогатымъ скотомъ. Племя лошадниковъ получило возможность быстрѣе перекочевывать, чѣмъ племя воловиковъ, выбирая лучшія мѣста, особенно, когда научилось ѣздить верхомъ и замѣнило повозки вьюками. Въ военныхъ столкновеніяхъ всадники оказывались безконечно сильнѣе пѣшихъ. Это заставило пѣшихъ прибѣгать къ изобрѣтенію другихъ способовъ защиты—къ постройкѣ укрѣпленій, городовъ и пр. Все это способствовало развитію ихъ интеллектуальныхъ силъ. Заботы объ огражденіи своей территоріи отъ набѣговъ конныхъ и ограниченіе мирнаго распространенія—все это еще болѣе закрѣпощало пѣшихъ къ ихъ районамъ и во многомъ способствовало росту изобрѣтательности въ эксплуатаціи ихъ земель и переходу къ осѣдлому быту. У конниковъ никакихъ такихъ импульсовъ не существовало

и ростъ ихъ культуры былъ медленнѣе. Общественный строй пѣшихъ, благодаря скученности, сродству и солидарности интересовъ, развивался изъ союзовъ родовыхъ въ племенные, затѣмъ въ народные и наконецъ въ государственные. У конниковъ наоборотъ, вслѣдствіе ихъ разсѣянности, на большихъ пространствахъ, ростъ солидарности былъ медленнѣе, общественные скрѣпы слабѣе. Объединеніе совершается въ формѣ военнаго союза, вырабатывая деспотическую власть вождя. Весь психическій складъ пѣшихъ пастушески-земледѣльческихъ и конныхъ воинственныхъ народовъ долженъ былъ стать совершенно различнымъ. Въ силу культурныхъ преимуществъ пѣшихъ, господство конныхъ не могло быть прочнымъ и долговременнымъ и всегда приводило побѣдителей къ подчиненію культурѣ побѣжденныхъ. Въ основаніи цивилизаціи большинства народовъ лежитъ амальгама изъ этихъ двухъ культуръ. По совокупности искусно сгруппированныхъ показаній сравнительной лингвистики, археологіи и миѳологіи авторъ приходитъ къ выводу, что впервые лошадь была приручена и объѣзжена подъ верховую ѣзду жителями Туранскаго плоскогорія. Первые набѣги всадниковъ совершаются приблизительно за 3000 лѣтъ до Р. X. Въ 2600-хъ годахъ туранцы вторгаются въ страны передней Азіи. Вторженіе конныхъ полчищъ запечатлѣлось въ циклѣ народныхъ легендъ о „тьму-конномъ драконѣ“, съ которымъ борятся богатыри всѣхъ народовъ. Между прочимъ такое же происхожденіе имѣютъ и наши сказанія о змѣѣ Горынычѣ и змѣѣ Тугаринѣ. Племена, подвергшіяся нападенію конниковъ, должны были или исчезнуть съ лица земли, или перенять у своихъ враговъ ихъ главную силу—верховую лошадь. Усвоенію или культуры конниковъ помогло и смѣшеніе крови побѣдителей съ побѣжденными. Въ южномъ Туранѣ появляются народы съ преобладаніемъ арійской крови, и туранской культуры, именуемые скифами, которые за $2^1/_2$ т. лѣтъ до Р. X. распространяются по равнинамъ восточной Европы до Дуная. Интересно, что даже и нынѣ главные роды военно-коннаго строя у всѣхъ народовъ удержали за собою названія туранскаго корня: гусары — гунно-мадьярскаго, уланы—монгольскаго. Всѣ первенствующія по праву историческаго завоеванія сословія на языкѣ всѣхъ народовъ называются всадниками конниками: у римлянъ equites, у романскихъ народовъ—cabalero и chevalier, у германцевъ—Reiter (Ritter), у англичанъ esquire. Изъ этого видно, что извѣстныя черты туранской культуры путемъ длинной исторической и доисторической преемственности легли въ основу всего общественнаго строя средневѣковой Европы.

И. Гофштетеръ.

Кн. Э. Ухтомскій. **Къ событіямъ въ Китаѣ. Объ отношеніяхъ Запада и Россіи къ Востоку.** Спб. 1900 г.

Китайцы, „въ полномъ смыслѣ слова народъ—сфинксъ“ (стр. 52), признается кн. Э. Ухтомскій, но тѣмъ не менѣе онъ убѣжденно говоритъ, что понять этого сфинкса можетъ только Россія, потому что „между азіатами и нами (русскими) такое сочетаніе единомыслія по существеннѣйшимъ жизненнымъ вопросамъ, что нѣкотораго рода родство душъ всегда опредѣляется быстро и

самымъ тѣснымъ образомъ". Кн. Ухтомскій искренно вѣритъ въ это родство и поэтому для него самый полный и тѣсный союзъ Россіи съ Китаемъ дѣло вполнѣ возможное, желательное и осуществимое. Къ сожалѣнію, кромѣ вѣры нужны еще доказательства, и по этой части кн. Ухтомскій ничего не даетъ вѣскаго и убѣдительнаго.

Если мы не согласимся съ его основной точкой зрѣнія, что „Азія въ полномъ объемѣ есть та же Россія", то вся его брошюра получитъ иную окраску и будетъ для насъ имѣть интересъ лишь бѣгло написанныхъ очерковъ, въ которыхъ заключительныя главы, именующіяся „философіей исторіи русскаго слiянія съ Азіей", явятся едва-ли доказательными, такъ какъ весь фундаментъ ихъ покоится на непоколебимой вѣрѣ автора въ правоту своихъ словъ. Уважая всякое искреннее мнѣніе, мы однако не можемъ отнестись къ нему критически, потому что въ вопросахъ вѣры всякіе споры будутъ излишни. Одна вѣра слишкомъ шаткій фундаментъ для міросозерцанія. Вѣритъ каждый по своему, но заставить увѣровать другихъ въ правоту своихъ словъ можно только силою убѣжденія, силою мысли и слова и ясностью собственнаго міровоззрѣнія, покоящагося на болѣе устойчивомъ, чѣмъ вѣра, фундаментѣ. Къ этому однако мы не можемъ не прибавить, что брошюра кн. Ухтомскаго прочтется съ интересомъ даже и тѣми, кто не раздѣляетъ его положеній и взглядовъ.

Н. Н—въ

Ѳ. Курти. **Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи.** Переводъ съ нѣмецкаго *Г. Львовича.* С.-Петербургъ 1900 г. Изданіе т-ва „Знаніе".

Изъ множества переводныхъ книгъ, которыми заваливаютъ нашъ книжный рынокъ, книга Курти выдѣляется интереснымъ содержаніемъ и мастерскимъ изложеніемъ. Ея авторъ не компиляторъ, трактующій свою тему по источникамъ изъ вторыхъ рукъ, а безукоризненный политическій дѣятель, которому, какъ члену швейцарскаго національнаго совѣта, хорошо извѣстно то, о чемъ онъ хочетъ бесѣдовать съ читателями.

Книга Курти подраздѣляется на двѣ части и приложенія, въ составъ которыхъ входитъ статья переводчика и интересные „результаты швейцарскаго референдума", составленные Курти.

Первая часть книги содержитъ исторію швейцарской демократіи „отъ старинныхъ мірскихъ сходовъ до французской революціи". Во второй Курти приводитъ любопытные взгляды, высказанные различными дѣятелями за референдумъ и противъ него. Взгляды эти имѣютъ большую цѣнность въ качествѣ „человѣческихъ документовъ". Въ нихъ находимъ опасенія „здравомыслящихъ" людей, пробовавшихъ съ неотразимой логикой доказать, что народъ не созрѣлъ, не доросъ до верховной власти, выраженной въ референдумѣ. Вотъ что отвѣчалъ „здравомыслящимъ" одинъ изъ самыхъ талантливыхъ защитниковъ референдума: „Это условіе (т. е. что народъ предварительно долженъ быть „зрѣлымъ") есть самое лучшее средство къ тому, чтобы, подъ предлогомъ благожелательности, на вѣчныя времена лишить

народъ возможности осуществлять свою верховную власть и къ этому условію всегда является припѣвъ: ахъ, народъ, къ сожалѣнію, еще не зрѣлъ, нужно еще подождать съ признаніемъ его державныхъ правъ! А тѣмъ временемъ благожелательные опекуны будутъ управлять попрежнему, и народъ никогда не будетъ зрѣлымъ, во-первыхъ, потому, что опекуны никогда не захотятъ признать его совершеннолѣтнимъ, а во-вторыхъ, потому, что такъ какъ его никогда не допускаютъ къ самостоятельной дѣятельности, то онъ, въ концѣ концовъ, разучится желать и дѣйствовать". Такъ защищали референдумъ въ семидесятыхъ годахъ, а теперь, по словамъ Курти, „въ Швейцаріи нѣтъ уже ни одной партіи, которая хотѣла бы его уничтоженія".

Нельзя не отмѣтить огромнаго труда, положеннаго переводчикомъ на то, чтобы сдѣлать разбираемую исторію пригодной для широкихъ круговъ публики. Помимо статьи переводчика, дополняющей изложеніе Курти, этой цѣли способствуетъ огромное количество примѣчаній, которыми г. Львовичъ освѣщаетъ темныя для русскихъ читателей мѣста Курти. Переводъ исполненъ безукоризненно и, что особенно пріятно, при содѣйствіи автора, который для русскихъ читателей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправлялъ свою превосходную книгу. **Е. М. В.**

А. Е. Заринъ. **„Мужья и жены"**. 23 разсказа. Спб. 1901 г.

Небольшой томикъ разсказовъ А. Е. Зарина представляетъ рядъ мелкихъ, но хорошо обработанныхъ литературныхъ эскизовъ, не поражающихъ яркостью красокъ, но указывающихъ въ авторѣ богатый запасъ всестороннихъ наблюденій и способности къ юмору. Разсказы посвящены главнымъ образомъ семейному вопросу.

Вотъ передъ вами развитой умственно и физически сильный мужъ въ полномъ рабствѣ у своей маленькой и слабой жены, но обладающей могучимъ средствомъ дѣйствовать на мужа именно своей слабостью, своимъ неистощимымъ запасомъ слезъ и истерикъ; „ученый" мужъ, зарывшійся въ книги и не замѣчающій, что жена ищетъ утѣшенія и живого слова у молодого офицера; „тиранъ" — пьяница мужъ, считающій себя непризнаннымъ талантомъ и пропивающій все у семьи, включая заработокъ жены. Ярко и правдиво нарисована сцена ссоры этихъ супруговъ.

Много пищи для сарказма даетъ автору современный типъ молодежи, исповѣдывающей для достиженія земныхъ благъ изреченіе—цѣль оправдываетъ средства. Этому больному вопросу времени посвящены разсказы: „Дѣлецъ", „Трезвый взглядъ", „Согласная пара", „Фамильная гордость", „Одного поля" и „Орелъ".

Симпатичные типы подвижниковъ во имя долга встрѣчаются въ разсказахъ: „Кормилецъ",—гдѣ сынъ гимназистъ является кормильцемъ и нравственной опорой семьи, и „Долгъ", въ которомъ сынъ же отказывается отъ счастья съ любимой дѣвушкой ради матери и сестры, пустыхъ свѣтскихъ женщинъ, но совершенно безпомощныхъ безъ поддержки сына.

А. В. Стороженко. **Очерки Переяславской старины. Изслѣдованія, документы и замѣтки. Кіевъ, 1900 г.**

Вышеназванная книжка г. Стороженко представляетъ собою сборникъ довольно цѣнныхъ статей, матеріаловъ и замѣтокъ, которые или значительно поправляютъ наши свѣдѣнія о Переяславской старинѣ или даже вводятъ совершенно новыя данныя. Въ числѣ этихъ статей авторъ помѣстилъ небольшое изслѣдованіе: *„Какой юбилей предстоитъ праздновать г. Переяславу“*. Здѣсь онъ, основываясь, главнымъ образомъ, на договорѣ Олега съ греками 907 г., справедливо отвергаетъ раздѣляемое большинствомъ историковъ мнѣніе, будто Переяславъ основанъ въ 992 или 993 г., и утверждаетъ, что г. Переяславъ существовалъ еще до похода Олега на грековъ, т. е. до 907 г., какъ значительный торговый центръ, управляемый подвластнымъ Олегу княземъ. Самый же юбилей 1000-лѣтія существованія г. Переяслава онъ относитъ къ 15 августу 907 года.

Въ слѣдующей статьѣ: *„Мѣсто пролитія крови святого князя Бориса“*, г. Стороженко колеблетъ наше со школьной скамьи воспринятое свѣдѣніе, будто св. Борисъ убитъ на р. Альтѣ, и говоритъ, что подъ лѣтописнымъ „Алто“, „Лто“ слѣдуетъ разумѣть болотистую мѣстность, изъ которой вытекала рѣчка Лтица, какъ она называлась еще въ XII в., а не нынѣшнюю р. Альту (древнюю Лтицу), и что Борисоглѣбская церковь въ мѣстечкѣ Борисполѣ есть дѣйствительное мѣсто убіенія князя Бориса. Далѣе, въ статьѣ: *„Гдѣ жили Переяславскіе Торки“* авторъ, на основаніи довольно вѣрныхъ сопоставленій и вполнѣ вѣроятныхъ соображеній, указываетъ мѣсто жительства Переяславскихъ Торковъ въ окрестностяхъ нынѣшнихъ селеній: Малая Каратуль и Великая Каратуль (Кара-тули—черные клобуки), въ г. Баручѣ, въ Бронь-Княжѣ и нѣкоторыхъ другихъ, между Переяславомъ и с. Барышевкой. Статья: *„Михайловская и Покровская церкви въ г. Переяславѣ“* представляетъ собою подробный разборъ лѣтописныхъ извѣстій и другихъ документальныхъ данныхъ объ этихъ церквахъ и даетъ точныя указанія на нѣкоторые факты изъ исторической жизни названныхъ церквей.

Изъ послѣдующихъ же статей наибольшее значеніе имѣетъ *„Старые владѣльцы Переяславскаго побережья“*. Въ ней авторъ приводитъ преимущественно „акты“, сопровождая ихъ своими объясненіями, и на основаніи ихъ дѣлаетъ немаловажные выводы о заселенности Переяславской области въ старину, о ея городищахъ, селищахъ и урочищахъ, о занятіяхъ и промыслахъ ея жителей и т. п. Тутъ же приведена и родословная таблица *Сохновичей и Лозокъ.* **В. Р—въ.**

Добавленіе къ изданію о трудахъ А. С. Баташова въ ознаменованіе основанія пріютовъ. Къ области курьезовъ относится усердно распространявшаяся въ нынѣшнемъ сезонѣ въ городѣ Кисловодскѣ брошюра подъ указаннымъ выше заглавіемъ. Это „Добавленіе“ любопытный образчикъ современной *литературы особаго рода.* „Добавленіе“ состоитъ изъ цѣлыхъ 175 стр. большого формата, написанныхъ неизвѣстнымъ авторомъ. Начинается это сочи-

неніе съ предисловія нѣкоего А. Челюканова, „завѣдывающаго московскимъ зоологическимъ садомъ“, восхваляющаго на 5 страницахъ г. Баташова, затѣмъ идетъ перечень различныхъ обществъ, гдѣ означенный Баташовъ состоитъ членомъ. Изъ этого списка можно между прочимъ почерпнуть чрезвычайно важное сообщеніе, что г. Баташовъ состоитъ по единогласному избранію почетнымъ членомъ тульскаго общества велосипедистовъ. Далѣе въ книжкѣ помѣщены отъ разныхъ лицъ всевозможныя письма и телеграммы, а также и таковыя, которыя, совершенно непонятно зачѣмъ попали и кѣмъ были адресованы, такъ напр., на стр. 18 напечатано: „Телеграмма № 39305. Тула. Баташову. 1882 года. Убѣдительно прошу пріѣхать завтра, дѣло большой важности. Соболевъ“. Стр. 20. „Телеграмма № 102305. Тула. Баташову. Благодарю и поздравляю. Птицу пришлите завтра. Сажать на Николаевскую дорогу завтра въ два часа. Соболевъ“. Стр. 25. Телеграмма № 48912. Изъ Петербурга. Представлялся турецкому посланнику. Немедленно берите у губернатора заграничный паспортъ. Высылайте въ Москву тотчасъ паспортъ. Нужно визировать у консула. Челюкановъ“.

На стр. 62. Добрый братъ

Александръ Степановичъ!

При пожеланіи Вамъ всего истинно добраго и прекраснаго, не прикажете ли мнѣ заготовить объявленіе въ государственный банкъ для вкладовъ на храненіе, чтобы не затруднять Васъ, а Вамъ только остается подписать ихъ. №№ государственныхъ бумагъ попрошу вписать брата Леню, а то посторонним давать неудобно и, если пожелаете, то захватите тогда съ собой Вашу книжку текущаго счета и вмѣсто кредитныхъ я выдамъ чекъ и сумму съ него запишутъ Вамъ ранѣе просьбы Вашей въ Банкъ.

Вѣроятно, завтра совершится полувѣковая наша общая 50-тилѣтняя жизнь, и какъ мнѣ грустно и тяжело видитъ одинъ Богъ.

По гробъ Васъ уважающій, любящій братъ

В. Баташовъ.

На стр. 106. Многоуважаемый

Александръ Степановичъ!

Искренне благодарю Васъ за присланные фотографическіе снимки, которые я передалъ фотографу и, полагаю, что онъ съумѣетъ сладить съ ними. Снимковъ же съ гусей у меня не было и нѣтъ; если хороши, то не откажите прислать.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи

Василій Соболевъ.

Мы полагаемъ, достаточно приведенныхъ образцовъ, чтобы имѣть право спросить, что значитъ появленіе подобной книги? Есть-ли это продуктъ болѣзненнаго самомнѣнія г. Баташова, полагающаго, что возможно печатать подобнаго рода „переписку“, или насмѣшка надъ г. Баташовымъ, имъ непонятая, издателя книги?

Редакторъ-издатель **С. С. Сухонинъ.**

воротъ: Анна Брауншвейгская была свергнута, что изгнало изъ Курляндіи Людовика-Эриста. Въ ожиданіи возвращенія Бирона Курляндія болѣе десяти лѣтъ обходилась безъ герцога; лишь въ 1758 г. Августъ III, съ согласія совѣта сената, далъ дипломъ инвеституры своему сыну Карлу, женатому на Франциекѣ Красинской. По смерти императрицы Елизаветы Петровны, преемникъ ея, Петръ III (1762 г.), предназначилъ Курляндію для своего родственника—Георга-Людвика Голштинскаго. Воцарившаяся же вскорѣ жена Петра III, Екатерина II (1762—1796), потребовала у Августа отозванія изъ Курляндіи королевича Карла и для поддержки возвращеннаго изъ Сибири Бирона послала въ Митаву 15,000 войска. Русское войско осадило королевича въ митавскомъ замкѣ, и Августъ III вынужденъ былъ отозвать его изъ Курляндіи. Курляндцы снова признали герцогомъ Бирона.

Россія не только фактически овладѣла Курляндіей, но и съ республикой поступала какъ съ завоеванной страной. Фельдмаршалъ Минихъ велъ русскую армію противъ турокъ черезъ польскія владѣнія (1739 г.). Во время семилѣтней войны русскіе тоже шли черезъ Польшу на помощь Австріи и держали себя во владѣніяхъ республики, какъ въ непріятельской странѣ. Республика не принимала никакого участія въ современныхъ европейскихъ войнахъ (за австрійское наслѣдство и семилѣтней), но несла ихъ послѣдствія. Прусскій король, Фридрихъ II, въ возмездіе за пропускъ русскихъ войскъ во время семилѣтней войны, истощалъ пограничныя воеводства нашествіями, захватами крестьянъ и грабежами. Онъ наводнялъ республику поддѣльной монетой, которую чеканилъ въ Берлинѣ и Вроцлавѣ по саксонскому образцу.

Рядомъ съ внѣшними неудачами шла и внутренняя неурядица. Въ царствованіе Августа III не могъ благополучно закончиться ни одинъ сеймъ, кромѣ примирительнаго 1736 г. Ихъ срывали сосѣди, и въ особенности прусскій король, изъ опасенія, какъ бы республика не увеличила своего войска и не стала принимать дѣятельнаго участія въ европейской политикѣ; разстраивали ихъ и поляки, руководясь какъ частными, такъ и государственными соображеніями. Въ 1749 г. произошелъ первый въ исторіи примѣръ сорванія трибунала: былъ сорванъ піотрковскій трибуналъ, вслѣдствіе чего коронныя провинціи оказались лишенными суда. Тунеядствующая и невѣжественная шляхетская масса истощала свои силы на оргіи и сеймиковыя безчинства; общественная дѣятельность ея ограничи-

лась прислуживаніемъ знатнымъ родамъ; политическимъ лозунгомъ ея было: «Польша держится неурядицей». Во время такого упадка республики, внутренней неурядицы и деморализаціи общества, единичные лучшіе люди взяли на себя трудъ упорядоченія общественнаго дѣла. Около половины XVIII вѣка возникаетъ въ Польшѣ умственное движеніе, публицистика принимается за критику существующаго строя, организуется политическая партія, стремящаяся преобразовать республику въ благоустроенное и сильное государство.

Западно-европейскую науку насаждали въ Польшѣ иностранцы: французы, итальянцы и нѣмцы, приглашавшіеся къ дворамъ магнатовъ въ качествѣ учителей и воспитателей. Поселившійся въ 1740 г. въ Варшавѣ священникъ Антоній Марія Порталупи насаждалъ философію гальскаго профессора Христіана Вольфа; идеи этого же ученаго распространялъ широко-образованный саксонецъ, Лаврентій Митцлеръ де-Колофъ. Изъ поляковъ распространенію западной науки на родинѣ больше всего содѣйствовали духовные сановники. Генеральный визитаторъ миссіонеровъ священникъ Сливицкій очистилъ преподаваніе богословія въ семинаріяхъ своего общества отъ схоластическихъ хитросплетеній. Андрей Станиславъ Залусскій, епископъ краковскій, готовился произвести въ ягеллонской академіи реформу въ преподаваніи философіи и математики. Въ то же время піаръ Станиславъ Конарскій заботился о преобразованіи училищъ. Составивъ уставы для піарскихъ школъ, утвержденные римской куріей, онъ удалилъ изъ нихъ схоластику, въ обученіи давалъ перевѣсъ размышленію надъ памятью, расширилъ преподаваніе математики, ввелъ въ употребленіе атласъ и глобусъ при преподаваніи географіи, включилъ въ программу экспериментальную физику. Основанная имъ шляхетская коллегія (*Collegium nobilium*, 1741 г.) была главнымъ разсадникомъ такъ называемой новой философіи (philosophia recentiorum), главное содержаніе которой составляли экспериментальныя и точныя науки. Профессоръ свящ. Вишневскій яснымъ изложеніемъ физики съ искусными экспериментами возбуждалъ у молодежи интересъ къ этому предмету, въ первый разъ преподававшемуся въ Польшѣ съ точки зрѣнія западной науки. Въ популярныхъ сочиненіяхъ онъ придерживался теоріи Коперника и, вопреки библейскому представленію, говорилъ о вращеніи земли вокругъ солнца. Съ приверженцами схоластической философіи, іезуитами и доминиканцами, онъ велъ публичные диспуты, въ ко-

торыхъ при содѣйствіи театиновъ доказывалъ полезность экспериментальныхъ и точныхъ наукъ. Новая философія встрѣтила противниковъ, которые обвиняли ее въ связяхъ съ діаволомъ и ереси, но въ концѣ концовъ, послѣ ожесточенной литературной полемики, она восторжествовала: шляхетская коллегія Конарскаго наполнилась сыновьями сенаторовъ и сановниковъ. Примѣру піаровъ послѣдовали варшавскіе францисканцы; наконецъ, конкурренція вынудила и іезуитовъ порвать со схоластической философіей. Располагая значительными матеріальными средствами, они вскорѣ превзошли піаровъ въ постановкѣ учебнаго дѣла, обиліи и достоинствахъ физическихъ опытовъ. Профессора іезуитскихъ коллегій отправлялись съ физическими кабинетами на трибунальскіе и сеймиковые съѣзды и здѣсь своими эффектными публичными опытами вызывали интересъ и удивленіе шляхты. Іезуиты превзошли піаровъ и въ области астрономіи. Они устраивали обсерваторіи, привозили изъ за-границы астрономическіе приборы, публиковали научныя наблюденія. Въ виленской академіи, благодаря щедрости жены мстиславскаго каштеляна, Елизаветы Пузинской, урожденной Огинской, свящ. Жебровскій читалъ курсъ астрономіи въ связи съ практическими занятіями въ обсерваторіи, снабженной англійскими телескопами и часами. Виленскую обсерваторію улучшилъ преемникъ его, Іаковъ Накціановичъ, и, наконецъ, Мартинъ Одлявицкій-Почобутъ поставилъ ее наравнѣ съ самыми знаменитыми европейскими обсерваторіями. Въ варшавской коллегіи іезуитовъ астрономію читалъ свящ. Стефанъ Лускина, въ познанской — Іосифъ Рогалинскій. Изгнанные изъ отечества французскіе іезуиты (1761 г.) не мало способствовали распространенію въ Польшѣ западной науки.

Умственное движеніе поддерживали общества, организованныя съ цѣлью доставленія изъ за-границы и распространенія научныхъ сочиненій. Почииъ въ этомъ отношеніи принадлежалъ коронному референдарю, свящ. Іосифу Залусскому, съ Митцлеромъ де-Колофъ и другими иноземцами. Тотъ же референдарь Залусскій съ братомъ своимъ, епископомъ Андреемъ-Станиславомъ, собралъ въ Варшавѣ огромную библіотеку, которую въ 1745 г. принесъ въ даръ республикѣ. Библіотека Залусскихъ открыла ученымъ и публикѣ доступъ къ литературѣ и облегчила изслѣдованіе прошлаго Польши: Директоръ библіотеки, Янъ-Даніилъ Яноцкій, издавалъ библіографическія сочиненія, Митцлеръ де-Колофъ публиковалъ лѣтописи и географическія описанія, Конарскій издавалъ собраніе законовъ (*Volu-*

mina legum), піаръ Матвѣй Догель—историческіе документы. Благодаря почину и труду нѣкоторыхъ лицъ, обществу перестали быть чуждыми философскія изслѣдованія Бэкона, Картезія, Лейбница и Вольфа, идеи Коперника и Ньютона, историческія воззрѣнія Вольтера, стали презирать прежнее легковѣріе, выяснилось прошлое народа и недостатки государственнаго строя республики.

Вмѣстѣ съ новой философіей распространялся критицизмъ, подрывавшій суевѣрія, вѣру въ колдовство, упырей, чародѣйство и предзнаменованія. По случаю прохожденія Венеры черезъ солнечный дискъ (1761 г.) возникъ ученый споръ между астрономами и астрологами, закончившійся пораженіемъ послѣднихъ. Неумѣлость, обнаруженная знаменитымъ составителемъ календарей, профессоромъ замойской академіи, Дунчевскимъ, при наблюденіи этого явленія, побудила Лускину осмѣять астрологію и астрологическія предсказанія. Критицизмъ выступилъ также противъ общественныхъ и политическихъ предразсудковъ и старался подорвать репутацію общественныхъ отношеній и установленій, вызвавшихъ безсиліе и невзгоды государства.

Король Станиславъ Лещинскій въ своемъ сочиненіи: „*Свободный голосъ, защищающій свободу*", (1733 г.) восхвалялъ *liberum veto* и избирательность престола, но по другимъ вопросамъ рекомендовалъ реформы. Онъ совѣтовалъ ослабить королевскую власть отнятіемъ у нея права производить назначенія на высшія государственныя должности и передачею старостствъ въ государственную казну, желалъ, чтобы министры избирались каждый разъ на шесть лѣтъ и были отвѣтственны за совершаемыя ими правонарушенія, предлагалъ упростить засѣданія сеймовъ, равномѣрно распредѣлить налоги и т. п. Но важнѣе всего были его проекты реформы положенія крестьянъ. Онъ желалъ предоставленія крестьянамъ личной свободы, замѣны барщины оброкомъ, который бы вносился зерномъ, и государственной защиты крестьянъ, а именно, признанія за ними права апелляціи на приговоры помѣщика въ городскіе суды и трибуналы.

Мазовецкій воевода Станиславъ Понятовскій въ брошюрѣ: «*Письмо земскаго дворянина къ пріятелю изъ другого воеводства*» (1741), для увеличенія войска, въ которомъ онъ видѣлъ гарантію будущаго Польши, рекомендовалъ преобразованіе администраціи, государственныхъ финансовъ, развитіе промышленности и торговли, мѣры къ увеличенію населенія пу-

темъ стѣсненій для вступленія въ монашество, привлеченіе духовенства къ уплатѣ налоговъ. Сверхъ того, онъ желалъ возстановленія прежнихъ правъ мѣщанства, свободы вѣроисповѣданія для диссидентовъ и ограниченія срыванія сеймовъ. «Если нѣтъ общаго соглашенія по какому-либо пункту, отчего же не пустить его въ рецессъ (см. стр. 147), и не принять остальныхъ, по которымъ нѣтъ разногласія?» Онъ говорилъ, что цѣнитъ и уважаетъ *liberum veto* и хочетъ лишь устранить злоупотребленія имъ.

Познанскій воевода Францискъ Радзэвскій, въ изданныхъ имъ подъ псевдонимомъ Польятоцкаго «*Двойственныхъ политическихъ вопросахъ*» (1749 г.), привелъ множество аргументовъ и противъ *liberum veto*, избирательности престола, въ пользу реформы сеймиковъ и сеймовъ, но въ то же время привелъ много доводовъ и противъ измѣненій въ существующемъ строѣ, предоставляя самому читателю взвѣсить ихъ и сдѣлать надлежащій выводъ.

Болѣе смѣлымъ въ изложеніи реформаторскихъ идей былъ французъ, гувернеръ князей Сангушекъ, Цезарь-Пирръ де Вариллъ. Въ своемъ сочиненіи «*Compendium politicum*» (1760 г.), написанномъ по указаніямъ Конарскаго, онъ приписывалъ невзгоды и униженіе Польши слабости королевской власти, избирательности престола и *liberum veto*. Сильна была Польша въ періодъ наслѣдственнаго и неограниченнаго владычества Пястовъ и слабѣла она по мѣрѣ усиленія можновладства. Магнаты замѣнили наслѣдственность престола избирательностью затѣмъ, чтобы самимъ добиваться короны или эксплуатировать кандидатовъ на престолъ; они не позволили письменно изложить порядокъ избранія, чтобы имъ легче было совершать злоупотребленія и насилія; они поддерживали срываніе сеймовъ, чтобы среди неурядицъ угнетать мелкихъ обывателей и утвердить владычество своего эгоизма.

Въ то же время самъ Конарскій писалъ и публиковалъ свой четырехтомный трудъ: «*Объ успѣшномъ способѣ совѣщаній*» (1760—63 гг.), въ которомъ указывалъ на гибельный порядокъ сеймовыхъ засѣданій, какъ на причину неурядицы. Онъ опровергалъ то мнѣніе, что Польша держалась неурядицею; совѣтовалъ лишить короля права производить назначенія на вакантныя должности, чтобы онъ не могъ обезпечить за собою большинства сейма при помощи должностныхъ лицъ и этимъ не сталъ опаснымъ для свободы; авторъ

высказывалъ также мысль о наслѣдственности престола. Идеи Конарскаго встрѣтили сочувствіе самыхъ выдающихся людей среди сенаторовъ, министровъ и землевладѣльцевъ.

Не было недостатка и въ попыткахъ перенести реформаторскія идеи на практическую почву. Эти попытки предприняли князья Чарторыйскіе, составлявшіе со своими родными и политическими приверженцами партію, называвшуюся «семействомъ» (familija).

Князья Чарторыйскіе лишь въ концѣ XVII вѣка начали играть болѣе видную роль. Въ царствованіе короля Михаила Флоріанъ Чарторыйскій былъ примасомъ; братъ его, Михаилъ, воевода волынскій, впослѣдствіи сандомірскій, былъ въ царствованіе Яна III отправленъ посломъ въ Москву. Сынъ Михаила, Казиміръ († 1741 г.), каштелянъ виленскій, женатый на дочери подскарбія Морштына, лавировалъ между Лещинскимъ и Августомъ II, постоянно переходя на ту сторону, которая одерживала верхъ. Дочь Казиміра, княжна Констанція, вышла замужъ за человѣка незнатнаго происхожденія, талантливаго дипломата, Станислава Цiолка-Понятовскаго, ставшаго впослѣдствіи воеводою мазовецкимъ. Сыновья Казиміра: Өеодоръ, Михаилъ и Августъ, благодаря поддержкѣ своего шурина, пользовавшагося вліяніемъ при королевскомъ дворѣ, достигли высокаго положенія: первый изъ нихъ сталъ познанскимъ епископомъ, второй—литовскимъ подканцлеромъ, третій—воеводою русскимъ. Состояніе Чарторыйскихъ тоже чрезвычайно увеличилось, благодаря женитьбѣ Августа на самой богатой землевладѣлицѣ въ странѣ, Софіи Денгофъ, урожденной Сѣнявской. Во время послѣдняго междуцарствія Чарторыйскіе съ Понятовскимъ поддерживали Лещинскаго, но послѣ капитуляціи Гданска они первыми перешли на сторону Августа III и завязали дружественныя сношенія съ Россіей. Пользуясь покровительствомъ короля и Брюля, они стали внушительною силою, стремились превратить республику въ наслѣдственную монархію и даже думали объ утвержденіи своей собственной династіи въ Польшѣ. Гордые и недоступные, они не пользовались популярностью въ странѣ и даже не заботились о пріобрѣтеніи ея, почерпая свою силу въ связяхъ съ королевскимъ дворомъ и Россіей. Склонные насиліемъ устранять преграды на своемъ пути, они не останавливались ни передъ какими средствами, только бы обезпечить за собою рѣшающее вліяніе въ республикѣ. Князь Михаилъ Чарторыйскій держалъ при

своемъ дворѣ въ Волчинѣ на Подляшьи буйныхъ авантюристовъ, называвшихся «волками», услугами которыхъ онъ пользовался на сеймикахъ при выборахъ пословъ, депутатовъ и должностныхъ лицъ. Съ теченіемъ времени вслѣдствіе старости Понятовскаго руководство дѣлами «семейства» перешло къ князю Михаилу. Сила этой партіи увеличивалась также по мѣрѣ подростанія младшаго поколѣнія и путемъ родственныхъ связей. Впослѣдствіи на политическую сцену выступаютъ сыновья: Понятовскаго — Казиміръ и Станиславъ-Августъ; князя Августа, воеводы русскаго — Адамъ, генералъ земель подольскихъ, женатый на Изабеллѣ Флеммингъ. Дочь Понятовскаго, Изабелла, вышла замужъ за короннаго польнаго гетмана, бывшаго также краковскимъ воеводою, Яна-Клеменса Грифа-Браницкаго; Дочь Михаила Чарторыйскаго, Александра, — за литовскаго подскарбія, Сапѣгу; дочь Августа, Елизавета, — за короннаго стражника, Любомірскаго.

Противниками Чарторыйскихъ были Потоцкіе, дольше всѣхъ отстаивавшіе дѣло Лещинскаго и позже всѣхъ покорившіеся Августу III. Ихъ антагонизмъ къ «семейству» проистекалъ не столько отъ нерасположенія къ реформамъ, сколько изъ разборчивости въ политическихъ средствахъ. Программа Потоцкихъ сводилась къ освобожденію Польши отъ русскаго вліянія и преобразованію государственнаго строя собственными, національными силами или, въ крайнемъ случаѣ, при помощи Франціи. Кромѣ различія во взглядахъ на вопросы внутренней политики, рознь между Потоцкими и Чарторыйскими вызывалась также соперничествомъ, стремленіемъ обоихъ этихъ магнатскихъ родовъ къ гегемоніи въ республикѣ. Потоцкіе, искавшіе опоры въ шляхетской массѣ, льстили ея политическому консерватизму и составили себѣ репутацію консерваторовъ. Въ сущности же они выступали противъ реформъ настолько, насколько послѣднія исходили изъ иниціативы Чарторыйскихъ.

Послѣ смерти примаса Ѳеодора († 1738) главою Потоцкихъ былъ внукъ Станислава «Реверы», Іосифъ († 1751), каштелянъ краковскій и великій коронный гетманъ, а послѣ него — Францискъ-Салезій, воевода кіевскій. Впрочемъ, Потоцкіе не всегда были вождями партіи, которую они создали и прозвали «патріотической»; съ теченіемъ времени мѣсто ихъ заняли члены другихъ аристократическихъ родовъ. Къ этой партіи принадлежало большинство панскихъ домовъ съ огромной кліентелой средней и мелкой шляхты. Тѣмъ не менѣе

она была слаба, потому что въ ней не было ни организаціи, ни дисциплины, существовавшихъ въ «семействѣ». Безсиліе ея вызывалось также отсутствіемъ способнаго вождя и слабой поддержкой со стороны Франціи.

Борьба между патріотической партіей и «семействомъ» наполнила собою все царствованіе Августа III.

Съ цѣлью освобожденія Польши отъ русскаго вліянія Іосифъ Потоцкій черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ примирительнаго сейма стянулъ коронное войско подъ Сулеёвъ, задумалъ склонить шляхту къ учрежденію конфедераціи и сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ версальскому двору. Чарторыйскіе, узнавъ объ этомъ, хотѣли лишить гетмана власти, и съ этой цѣлью организовать военный союзъ; Брюль, съ своей стороны, обезопасилъ себя, заключивъ съ Франціей союзъ, который обязывалъ Саксонію помогать ей въ войнѣ съ Маріей-Терезіей за австрійское наслѣдство. Замыслы Потоцкаго потерпѣли неудачу, но борьба враждебныхъ сторонъ не прекратилась. Однимъ изъ выраженій ея было, между прочимъ, столкновеніе между Казиміромъ Понятовскимъ и сторонникомъ Потоцкихъ, бывшимъ маршаломъ дзиковской конфедераціи, Адамомъ Тарло. Возникшій между ними споръ изъ-за женщины привелъ къ поединку, въ которомъ Тарло палъ. Это частное дѣло пріобрѣло общественный характеръ, когда распространился слухъ, что Тарло былъ исподтишка заколотъ саблей однимъ изъ секундантовъ Понятовскаго. Потоцкіе приписывали смерть своего политическаго приверженца мести «семейства».

Чарторыйскіе все тѣснѣе и тѣснѣе примыкали къ королевскому двору, заискивая у всемогущаго министра и прислуживаясь ему. Брюль, вызывавшій раздраженіе шляхты тѣмъ, что онъ, будучи иностранцемъ, руководилъ королемъ и держалъ въ своихъ рукахъ республику, стремился пріобрѣсти польскій индигенатъ (см. стр. 111). Такъ какъ вслѣдствіе срыванія сеймовъ онъ не могъ дождаться индигената, то Чарторыйскіе при помощи судейскихъ фальсификаторовъ сочинили для него родословную, по которой онъ будто бы происходилъ отъ старинаго шляхетскаго рода Оцесскихъ, и добились отъ піотрковскаго трибунала утвержденія этой родословной. Брюли-Оцесскіе начали пріобрѣтать земельныя владѣнія. Сынъ министра, двѣнадцатилѣтній Фридрихъ-Алоизій, получилъ варшавское староство, уступленное ему княземъ воеводою русскимъ. Министръ отблагодарилъ за это «семейство»,

предоставляя его членамъ важнѣйшія государственныя должности. Послѣ смерти Шембека примасомъ былъ назначенъ преданный Чарторыйскимъ гнѣзненскій кустосъ, Адамъ Комаровскій. По смерти же Іосифа Потоцкаго краковское каштелянство получилъ Станиславъ Понятовскій, большую литовскую печать князь Михаилъ Чарторыйскій, а малую—зять его, Сапѣга. Казалось, что, занимая важнѣйшія государственныя должности, обладая огромными матеріальными средствами, пользуясь расположеніемъ двора и сочувствіемъ Россіи, Чарторыйскіе будутъ полновластно управлять страною, подавятъ оппозицію и превратятъ республику въ монархію. Могущество ихъ достигло своего зенита въ 1751 г. Случились однако обстоятельства, которыя сперва ослабили союзъ Чарторыйскихъ съ дворомъ и, наконецъ, уничтожили его и замѣнили враждою.

Патріотическая партія, лишенная милостей двора, искала опоры во Франціи, которая послѣ отреченія Лещинскаго отъ его притязаній не оставила стремленія утвердить свое вліяніе въ республикѣ. Программа Людовика XIV, принятая безъ вѣдома министровъ и вслѣдствіе этого называвшаяся королевской тайной (*le secret* или *l'affaire secrète du roi*), сводилась къ подготовленію почвы для доставленія польской короны герцогу де Конти. Тайныя инструкціи по этому предмету получилъ французскій резидентъ въ Варшавѣ Дю-Перонъ-де-Кастра, а въ 1752 году для продолженія тайныхъ переговоровъ былъ посланъ въ Польшу графъ де-Брольи. При посредствѣ французскихъ пословъ патріотическая партія представила версальскому двору различные планы ослабленія вліянія «семейства» и введенія реформъ въ республикѣ, но не дождалась активной поддержки съ его стороны. При такой сомнительности надеждъ на помощь Франціи передъ патріотической партіей открылись виды на союзъ съ варшавскимъ дворомъ.

Августъ III выдалъ свою дочь, Марію-Юзефу, за дофина, сына Маріи Лещинской. Бракъ этотъ, устраняя антагонизмъ, господствовавшій между саксонцами и Лещинскимъ, въ то-же время примирялъ дрезденскій дворъ съ версальскимъ. По насколько сближеніе съ Франціей уничтожало прежнюю неприязнь между Августомъ III и Потоцкими, настолько же онъ ослаблялъ и солидарность королевскаго двора съ «семействомъ». Еще болѣе важныя послѣдствія имѣлъ бракъ друга Потоцкихъ, короннаго надворнаго маршала Георгія-Вандалина Мнишка, съ дочерью Брюля, Антониною. Подъ влія-

ніемъ маршала расположеніе двора начало склоняться на сторону патріотической партіи. Большимъ ударомъ для «семейства» была измѣна ему гетмана Браницкаго. Этотъ магнатъ, внукъ дочери Стефана Чарнецкаго, владѣлецъ Бѣлостока и Тыкоцина, хотя и былъ женатъ на Понятовской, но по своимъ симпатіямъ склонялся на сторону Потоцкихъ. Предпочитая роль главы партіи второстепенному положенію въ «семействѣ», онъ послѣ Потоцкаго сталъ его руководителемъ. Лагерь Чарторыйскихъ оставилъ также самый богатый панъ въ Литвѣ, литовскій мечникъ, Карлъ Радзивиллъ—«Пане-коханку», женатый на племянницѣ Браницкаго, дочери болимовскаго старосты, Любомирской.

Чарторыйскіе, опасавшіеся лишиться расположенія двора, оставленные самыми вліятельными изъ своихъ сторонниковъ, искали спасенія въ новомъ средствѣ, извѣстномъ подъ именемъ кольбушовской трансакціи.

Владѣлецъ острожской ординаціи, князь Янушъ Сангушко, вслѣдствіе своей расточительности, запутался въ огромные долги. Когда его стали преслѣдовать кредиторы, Чарторыйскіе подали ему мысль раздѣлить ординацію и продать ее частнымъ лицамъ. Въ селѣ Кольбушовѣ (въ Сандомірскомъ воеводствѣ), гдѣ Сангушко скрывался отъ кредиторовъ, проектъ Чарторыйскихъ былъ осуществленъ. Состоялась такъ называемая кольбушовская трансакція (1752 г.), въ силу которой ординація была раздѣлена между Чарторыйскими и важнѣйшими членами патріотической партіи. Чарторыйскіе, авторы и участники трансакціи, имѣли въ виду не столько свои матеріальныя выгоды, какъ политическіе интересы: допущеніемъ членовъ враждебной партіи къ участію въ расхищеніи ординаціи они хотѣли привязать ихъ къ себѣ и склонить въ пользу своихъ политическихъ стремленій. Самовольно уничтожая институцію, утвержденную республикой, кольбушовская трансакція нарушала законъ: она нарушала также государственные интересы, лишая страну выгодъ, сопряженныхъ съ существованіемъ ординаціи — содержанія дубенской крѣпости и 600 вооруженныхъ людей. Дѣло это вызвало много шума и пріобрѣло большое значеніе. Шляхта, пользовавшаяся землями ординаціи на залоговомъ и чиншевомъ правѣ и лишавшаяся теперь средствъ къ существованію, встрѣтила ее криками возмущенія; дубенскій гарнизонъ обратился за покровительствомъ и защитою къ гетману Браницкому. Гетманъ сперва представилъ со своими политическими сторонниками протестъ про-

тивъ кольбушовской трансакціи, а затѣмъ ввелъ въ Дубно нѣсколько отрядовъ коронпаго войска и изгналъ изъ ординаціи лицъ, пріобрѣтшихъ ея земли. Возникла опасность междуусобной войны; Любомірскіе, которымъ досталось по раздѣлу девять городовъ и болѣе четырехсотъ селъ, готовились оружіемъ овладѣть Дубномъ. Вслѣдствіе представленій примаса Коморовскаго король велѣлъ Браницкому вывести изъ ординатскихъ владѣній коронныя войска и убѣдилъ Любомірскихъ оставить свои приготовленія. Наконецъ, онъ согласно постановленію совѣта сената поручилъ управленіе ординаціонной комиссіи, рѣшеніе же дѣла о самой кольбушовской трансакціи предоставилъ ближайшему сейму. Постановленія короля свидѣтельствовали о нерасположеніи его къ Чарторыйскимъ. Вслѣдствіе этого «семейство» перешло въ оппозицію, мѣсто же его при дворѣ заняла патріотическая партія, называвшаяся теперь гетманской.

Потерявъ опору въ странѣ, Чарторыйскіе вошли въ тѣсныя сношенія съ иностранными державами: Англіей, Пруссіей и въ особенности съ Россіей. Съ послѣдней державой они окончательно сблизились, благодаря той роли, которую сталъ играть въ Петербургѣ ихъ племянникъ, сынъ краковскаго каштелана, двадцатичетырехлѣтній Станиславъ-Августъ Понятовскій.

Для молодого Понятовскаго, вернувшагося не задолго до этого изъ-за-границы, князь-канцлеръ выхлопоталъ званіе литовскаго стольника и должность секретаря при англійскомъ посольствѣ въ Петербургѣ (1755 г.). Стройностью своей фигуры и элегантностью обращенія Понятовскій пріобрѣлъ на берегахъ Невы расположеніе жены наслѣдника престола, Екатерины, урожденной принцессы Ангальтъ-Цербстской. При покровительствѣ великой княгини канцлеръ императрицы Елизаветы, Бестужевъ, выхлопоталъ для него у Августа III должность саксонскаго посла при петербургскомъ дворѣ и орденъ Бѣлаго Орла. Молодой посолъ вмѣстѣ съ Бестужевымъ и англійскимъ посланникомъ, Вильямсомъ, старался разстроить политическую систему императрицы, поддерживавшей во время семилѣтней войны Австрію противъ Пруссіи. Онъ даже участвовалъ въ планахъ низложенія императрицы въ пользу наслѣдника, великаго князя Петра Θеодоровича, который вмѣстѣ съ женою былъ поклонникомъ Фридриха II. Когда эти интриги были разоблачены, участвовавшій въ нихъ Бестужевъ палъ, Понятовскій же вынужденъ былъ оставить свой постъ

1758 г.). Онъ вернулся въ Польшу съ репутаціей любовника великой княгини и такими притязаніями, которыя были непріятны даже его дядямъ, Чарторыйскимъ, мечтавшимъ о коронѣ для князя Адама, генерала земель подольскихъ, или для литовскаго польнаго писаря, Михаила Огинскаго, женатаго на вдовѣ Сапѣги. Какъ бы то ни было, отношенія молодого Понятовскаго къ великой княгинѣ упрочили политическую систему «семейства», основывавшуюся на связяхъ съ Россіей. По смерти императрицы Елизаветы Екатерина низложила своего мужа Петра III и сама вступила на престолъ. О совершенномъ ею дворцовомъ переворотѣ она сейчасъ же увѣдомила Понятовскаго, сообщивъ, что польскую корону она предназначаетъ для него или для князя-генерала земель подольскихъ. Ободренные заявленіями императрицы, Чарторыйскіе заняли вызывающее положеніе относительно двора. Они намѣревались призвать на помощь русскія войска, учредить конфедерацію и низложить Августа III. Дѣйствительно, въ Литву вступилъ генералъ Салтыковъ съ 8000 войска, между тѣмъ какъ Чарторыйскіе готовились къ засѣданіямъ піотрковскаго трибунала, на которомъ они намѣревались возбудить противъ Брюлей обвиненіе въ противозаконномъ присвоеніи польскаго шляхетства. Въ Піотрковъ направились съ многочисленными военными отрядами и противники Чарторыйскихъ: гетманъ Браницкій и кіевскій воевода, Францискъ-Салезій Потоцкій, выдавшій дочь за молодого Брюля, старосту варшавскаго. Столкновеніе на піотрковскомъ трибуналѣ должно было послужить Чарторыйскимъ исходной точкой для учрежденія конфедераціи и низложенія Августа III. Междуусобную войну предотвратило лишь извѣстіе о смерти короля, послѣдовавшей въ Дрезденѣ, въ началѣ октября 1763 г. Вожди партій удалились для приготовленій къ новымъ выборамъ.

Чарторыйскіе намѣревались возвести на престолъ члена своего семейства, противники же ихъ выставили кандидатуру молодого саксонскаго курфюрста, Фридриха-Августа. Когда этотъ послѣдній въ декабрѣ 1763 г. умеръ отъ оспы, гетманская партія пришла къ мысли доставить престолъ своему вождю, Браницкому. Ходъ дѣлъ обѣихъ партій въ значительной степени зависѣлъ отъ постановленій конвокаціоннаго сейма, созваннаго примасомъ, Владиславомъ Лубенскимъ, на 7 мая 1764 г. У обѣихъ партій было достаточно времени для того,

чтобы добиться на предконвокаціонныхъ сеймикахъ избранія въ послы возможно большого числа своихъ сторонниковъ.

Конвокаціонные сеймики были необычайно бурные. Гетманская партія преобладала на нихъ, благодаря популярности, которой она пользовалась среди шляхетской массы; Чарторыйскіе боролись посредствомъ интригъ, подкуповъ и даже насилій. Въ нѣсколькихъ городахъ состоялись двойные выборы. На прусскій *генералъ* (см. стр. 145) въ Грудзіонжѣ Чарторыйскіе привели отрядъ русскаго войска, возвращавшагося съ семилѣтней войны. Сеймикъ этотъ, устрашенный штыками иноземнаго войска, разошелся. Мало того, Чарторыйскіе, встревоженные преобладаніемъ враждебной партіи, обратились къ императрицѣ Екатеринѣ съ просьбой о военной помощи, причемъ обвиняли гетмана Браницкаго и сторонника его, Радзивилла—«Пане-коханку», не задолго до этого ставшаго виленскимъ воеводою, въ правонарушеніяхъ и насиліяхъ. Просьба ихъ не была безуспѣшной: русское войско въ разныхъ мѣстахъ перешло границу республики; одинъ отрядъ его остался въ Литвѣ, два же другихъ двинулись къ Варшавѣ. Подъ охраною русскихъ войскъ приверженцы «семейства», Массальскіе—Михаилъ, литовскій великій гетманъ, и сынъ его, Игнатій, епископъ виленскій,—учредили въ Литвѣ генеральную конфедерацію, главнымъ стремленіемъ которой было уничтоженіе Радзивилла. Эта конфедерація, дѣйствовавшая подъ предсѣдательствомъ литовскаго конюшаго, Михаила Бржостовскаго, обѣщала въ своихъ манифестахъ охрану нарушеннаго общественнаго порядка и возбудила процессъ противъ Радзивилла, обвиняя его въ покушеніи на жизнь епископа Массальскаго.

На конвокаціонный сеймъ обѣ партіи явились вооруженными. Браницкій поставилъ нѣсколько полковъ подъ Варкой близъ Варшавы; Радзивиллъ привелъ свою милицію въ Прагу. Приблизили къ столицѣ свои отряды и Чарторыйскіе; но ихъ желанію весь городъ былъ окруженъ русскими войсками. Военные отряды наполнили и столицу. Бриловскій дворецъ, въ которомъ жилъ посланникъ императрицы, Кайзерлингъ, заняло нѣсколько сотенъ русской пѣхоты. Жилища важнѣйшихъ членовъ обѣихъ партій были превращены въ укрѣпленія.

Въ день открытія сейма съ разсвѣтомъ военные отряды стали въ боевую позицію. Милиція Чарторыйскихъ и русскіе гусары заняли площади и улицы близъ королевскаго замка, гдѣ происходили засѣданія сейма. Русскій генералъ Роникеръ

сталъ лагеремъ во дворѣ замка: уланы Чарторыйскихъ заняли ступеньки, ведшія въ залу засѣданій, а также скамьи въ посольской палатѣ.

Тѣмъ временемъ происходили совѣщанія партій: гетманской—во дворцѣ Браницкаго и «семейства»—у князя-воеводы русскаго. На совѣщаніи у гетмана было рѣшено въ виду присутствія въ столицѣ русскихъ войскъ составить манифестъ о недѣйствительности конвокаціоннаго сейма и сорвать его. Прочесть этотъ манифестъ и сорвать сеймъ взялся другъ гетмана, инспекторъ коронныхъ войскъ, генералъ Андрей Мокроновскій.

7 мая Мокроновскій явился въ посольскую палату, въ которой председательствовалъ маршалъ прошлаго сейма, коронный крайчій, Адамъ Малаховскій; онъ сослался на манифестъ, подписанный нѣсколькими десятками сенаторовъ и пословъ, и воскликнулъ: «пріостанавливаю дѣятельность сейма,— *sisto activitatem!*» Поднялся шумъ; одни изъ пословъ поддерживали Мокроновскаго, другіе же требовали, чтобы Малаховскій взялъ маршальскій жезлъ и открылъ засѣданія. Надъ головою Мокроновскаго засверкали палаши гусаръ «семейства». Въ этотъ моментъ Малаховскій сказалъ: «Господа!—такъ какъ вслѣдствіе прискорбныхъ обстоятельствъ, которыя вамъ извѣстны, у насъ нѣтъ уже свободы, то я заявляю, что уношу съ собою маршальскій жезлъ и не подниму его, пока республика не избавится отъ этихъ бѣдствій». Онъ оставилъ залу засѣданій, окруженный послами, принадлежавшими къ гетманской партіи.

Сорваніе засѣданій уничтожало тѣ результаты, которыхъ Чарторыйскіе надѣялись достигнуть на конвокаціонномъ сеймѣ при помощи преданныхъ имъ пословъ и русскихъ войскъ. Не на руку «семейству» была перспектива новыхъ посольскихъ сеймиковъ, т. е. новой избирательной борьбы, которая могла окончиться въ пользу гетманской партіи. Не желая пустить изъ рукъ столь близкой побѣды, подготовленной посредствомъ такихъ денежныхъ затратъ, интригъ и насилій, Чарторыйскіе рѣшили прибѣгнуть къ послѣднему средству: игнорировать состоявшееся сорваніе засѣданій и, вопреки закону, продолжать сеймъ. По ихъ желанію, староста и посолъ сѣрадзскій, Станиславъ Косовскій, открылъ сеймъ и предложилъ присутствовавшимъ избрать сеймоваго маршала. Выборъ палъ на князя Адама Чарторыйскаго, генерала земель подольскихъ. Чарторыйскіе полагали, что посредствомъ государственнаго переворота они станутъ господами положенія.

Овладѣвъ сеймомъ, который какъ и прежніе конвокаціонные сеймы, долженъ былъ принимать свои рѣшенія конфедератскимъ способомъ, т. е. большинствомъ голосовъ, Чарторыйскіе хотѣли приступить къ реформамъ съ цѣлью превратить республику въ благоустроенное и сильное государство. Они думали объ уничтоженіи *liberum veto*, упорядоченіи судебнаго, финансоваго и военнаго дѣла, развитіи городовъ и т. п. Къ несчастью, въ своихъ стремленіяхъ къ реформамъ они натолкнулись на препятствіе, котораго раньше не предвидѣли, а именно, на противодѣйствіе сосѣднихъ государствъ: Россіи и Пруссіи. Посланники этихъ державъ, Кайзерлингъ и Бенуа, конфиденціально сообщили имъ, что они хотя и будутъ поддерживать ихъ кандидата, но не допустятъ уничтоженія *liberum veto*.

Не имѣя возможности осуществить всю программу реформъ, Чарторыйскіе осуществили часть ея, насколько это было допущено Пруссіей и въ особенности ихъ главной покровительницей, Россіей.

Они регулировали засѣданія сейма, опредѣливъ срокъ избранія маршала, соединенія посольской палаты съ сенаторской, установили порядокъ внесенія законопроектовъ и способъ голосованія. *Liberum veto* они ослабили, введя рѣшеніе экономическихъ вопросовъ простымъ большинствомъ голосовъ. Они затруднили также срываніе сеймовъ, добившись запрещенія посламъ давать присягу на рабское исполненіе ими сеймовыхъ наказовъ.

Для ускоренія судопроизводства они раздѣлили коронный трибуналъ на два: великопольскій и малопольскій. Первый изъ нихъ имѣлъ засѣдать въ Піотрковѣ для воеводствъ: сѣрадзскаго, лэнчицкаго, плоцкаго, мазовецкаго и равскаго; въ Познани и Бидгощѣ (альтерната) для познанскаго и калишскаго воеводства, Куявіи, земли добржинской и королевской Пруссіи. Малопольскій трибуналъ долженъ былъ засѣдать для воеводствъ: краковскаго, сандомірскаго, люблинскаго, подляшскаго и холмской земли въ Люблинѣ, для остальной же части Малой Польши—во Львовѣ. Какъ въ трибуналахъ, такъ и въ ассесорскихъ судахъ, которыя тоже были преобразованы, приговоры должны были впредь постановляться большинствомъ голосовъ.

Съ цѣлью регулированія и увеличенія доходовъ республики были учреждены двѣ *финансовыя комиссіи*: коронная и литовская. Коронная состояла изъ избранныхъ сеймомъ четырехъ сенаторовъ и двѣнадцати членовъ изъ рыцарскаго сословія, литовская же изъ двухъ сенаторовъ и семи членовъ изъ

шляхты. Каждая изъ нихъ, засѣдая подъ предсѣдательствомъ подскарбія или перваго сенатора, пользовалась своими полномочіями отъ одного очередного сейма до другого, которому представляла отчетъ о своей дѣятельности. Кромѣ полученія налоговъ и расходованія государственныхъ суммъ, коммиссіи эти обязаны были заботиться объ увеличеніи благосостоянія страны путемъ регулированія теченій рѣкъ, проложенія торговыхъ дорогъ, отысканія рынковъ для сбыта продуктовъ польской промышленности и т. п. Для усиленія государственной казны установленъ былъ такъ называемый *всеобщій таможенный налогъ*—сухопутный и рѣчной,—отъ уплаты котораго не освобождался даже король при провозѣ черезъ таможни хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; установлена была новая ревизія староствъ для болѣе равномѣрнаго распредѣленія „кварты", преобразована была еврейская подушная подать въ томъ смыслѣ, что теперь установленъ налогъ въ два золотыхъ съ каждаго еврея.

Завѣдываніе арміей было поручено *коронной военной коммиссіи*, состоявшей изъ избранныхъ сеймомъ четырехъ сенаторовъ и двѣнадцати членовъ изъ рыцарскаго сословія, засѣдавшей подъ предсѣдательствомъ великаго или польнаго гетмана. Какъ финансовыя коммиссіи ограничивали власть подскарбіевъ, такъ и военная уменьшала гетманскую власть, бывшую раньше безконтрольной и неотвѣтственной. Радомскій трибуналъ казначейства былъ упраздненъ: полномочія его перешли къ соотвѣтствующимъ коронным коммиссіямъ.

Для улучшенія положенія городовъ они были освобождены отъ судебной власти свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцевъ, отъ навязаннаго имъ права шляхетской проникаціи и такъ называемыхъ *«эксофиціевъ»*, т. е. обязанности давать во время съѣздовъ помѣщенія для королевскаго двора, сенаторовъ, пословъ, депутатовъ, коммиссаровъ и должностныхъ лицъ.

Кромѣ этихъ реформъ, измѣнявшихъ прежній строй республики, Чарторыйскіе провели постановленія, касавшіяся замѣщенія польскаго престола. Королемъ впредь могъ быть только польскій шляхтичъ, происходившій по отцу и матери изъ польской шляхты, католикъ, хорошо знакомый съ законами страны. Лица, поддерживающія кандидатуру на престолъ иноземца, будутъ признаваться врагами отечества, имущество ихъ будетъ конфисковано. Элекціонный сеймъ начнется 23 августа 1764 г.; во избѣжаніе суматохи шляхта можетъ не являться поголовно въ Волю, а отправлять сюда пословъ, избранныхъ въ воевод-

ствахъ, земляхъ и повѣтахъ. Чтобы упрочить свое положеніе, Чарторыйскіе подтвердили литовскую генеральную конфедерацію Бржостовскаго: на послѣдней же сессіи сейма они добились учрежденія коронной генеральной конфедераціи подъ предсѣдательствомъ князя Адама, воеводы русскаго. Эти конфедераціи должны были существовать неопредѣленное время — сперва для обезпеченія свободнаго избранія короля, а затѣмъ для осуществленія и развитія реформъ, введенныхъ конвокаціоннымъ сеймомъ. Благодаря имъ, Чарторыйскіе получали возможность овладѣть законодательной властью, такъ какъ по законамъ республики сеймы, засѣдавшіе во время существованія генеральной конфедераціи, не могли быть сорваны и рѣшали дѣла большинствомъ голосовъ. Чарторыйскимъ нужно было лишь добиться избранія на предсеймовыхъ сеймикахъ большинства расположенныхъ къ нимъ пословъ, чтобы завладѣть конфедератскимъ сеймомъ и провести на немъ конституціи въ духѣ своихъ стремленій. Учреждая конфедерацію на неопредѣленное время, Чарторыйскіе фактически отмѣняли *liberum veto* и этимъ создавали себѣ возможность ввести впослѣдствіи большинствомъ голосовъ то, чего не довелъ до конца конвокаціонный сеймъ вслѣдствіе противодѣйствія Россіи и Пруссіи. Къ тому же съ учрежденіемъ конфедераціи въ ихъ руки переходила какъ судебная, такъ и военная власть въ странѣ, что доставляло имъ своего рода диктатуру, обезпечивавшую за ними перевѣсъ надъ ихъ политическими противниками. Словомъ, конфедераціи, а въ особенности въ связи съ покровительствомъ Россіи, составляли главную силу Чарторыйскихъ.

Конституціи конвокаціоннаго сейма произвели частичныя, но важныя измѣненія въ государственномъ строѣ республики, остававшемся неизмѣннымъ со временъ учрежденія трибуналовъ въ царствованіе Стефана Баторія, т. е. въ теченіе двухсотъ лѣтъ. Вслѣдствіе внѣшнихъ препятствій онѣ не исчерпывали политической программы Чарторыйскихъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ двусмысленностью своей редакціи пытались провести то, чего не хотѣлъ допустить Кайзерлингъ. Такъ, напримѣръ, принято было постановленіе, въ силу котораго финансовая комиссія имѣла право составлять и представлять сейму «желанія» и проекты по финансовымъ дѣламъ, клонящіеся къ пользѣ республики въ какомъ бы то ни было отношеніи: эти предложенія государственные чины должны голосовать тѣмъ способомъ, какой практиковался въ судахъ (*figura judicaria*),

т. е. большинствомъ голосовъ. Подъ эту категорію проектовъ Чарторыйскіе надѣялись подвести на слѣдующихъ конфедератскихъ сеймахъ много такихъ предложеній, которыя по существу имѣли лишь отдаленную связь съ финансовыми дѣлами, чтобы имѣть возможность рѣшать ихъ большинствомъ голосовъ. Половинчатость реформъ конвокаціоннаго сейма, кромѣ препятствій со стороны сосѣднихъ государствъ, обусловливалась еще второстепенными, партійными соображеніями. Такъ, литовской военной комиссіи Чарторыйскіе не учредили потому, что не хотѣли ограниченіемъ гетманской власти вооружать противъ себя своего приверженца, Михаила Массальскаго. Къ тому же нѣкоторыя постановленія имѣли лишь косвенную связь съ программою реформъ и являлись только уступками желаніямъ Пруссіи и Россіи въ видѣ благодарности за поддержку, оказанную ими «семейству» въ борьбѣ съ гетманской партіей. Къ нимъ относились: признаніе за прусскимъ государемъ королевскаго достоинства, назначеніе комиссіи для переговоровъ съ петербургскимъ дворомъ относительно признанія титула: «императрица всея Россіи», въ которомъ до сихъ поръ Польша отказывала русской государынѣ, а также утвержденіе Эрнста Бирона въ санѣ курляндскаго герцога.

Чарторыйскіе предусмотрительно считались съ Пруссіей и Россіей, дѣлали уступки своимъ сторонникамъ, а противниковъ подавляли безъ всякой пощады. Особымъ постановленіемъ конвокаціоннаго сейма у короннаго гетмана Браницкаго было отнято начальствованіе надъ войскомъ и завѣдываніе имъ поручено князю Адаму Чарторыйскому. Великій коронный маршалъ Францискъ Бѣлинскій, отказавшій противозаконному сейму въ стражѣ, тоже лишенъ былъ должности, которая отдана была литовскому маршалу Игнатію Огинскому. Чарторыйскіе не останавливались также и передъ другими средствами, ведшими къ полному уничтоженію гетманской партіи.

Послѣ сорванія сейма вожди гетманской партіи: Браницкій, Радзивиллъ, Францискъ-Салезій Потоцкій и другіе уѣхали изъ Варшавы. Они, съ одной стороны, помышляли объ учрежденіи конфедераціи въ войскѣ и борьбѣ съ противниками, а съ другой, разсчитывали на помощь Австріи, Франціи и Турціи. Когда ихъ надежды на иноземную помощь не оправдались, они, предоставленные собственнымъ силамъ, вынуждены были покориться — тѣмъ болѣе, что многіе изъ ихъ приверженцевъ перешли на сторону «семейства». За Браницкимъ, удалившимся въ южныя коронныя воеводства, и Радзивилломъ, пред-

принявшимъ экспедицію въ Литву. Чарторыйскіе послали свою милицію и русскія войска. Преслѣдуемый врагами, Браницкій передалъ начальствованіе надъ коронныъ войскомъ польному гетману, Вацлаву Ржевусскому, и уѣхалъ въ Венгрію. Радзивиллъ, несмотря на одержанную имъ побѣду подъ Слонимомъ, вытѣсненный русскими войсками изъ Литвы, вступилъ въ Подолію, откуда перешелъ на турецкую территорію. Торжествующая литовская генеральная конфедерація лишила его должностей, имущества и гражданской чести. По окончаніи засѣданій конвокаціоннаго сейма въ странѣ прекратилось всякое вооруженное сопротивленіе «семейству» и поддерживавшимъ его русскимъ войскамъ.

Торжество Чарторыйскихъ омрачилось тѣмъ, что они обманулись въ своихъ разсчетахъ относительно личности новаго короля. Ихъ видамъ больше всего соотвѣтствовало избраніе князя Августа или его сына, генерала земель подольскихъ, Пруссія же и Россія высказались въ пользу литовскаго стольника Понятовскаго. Еще передъ конвокаціоннымъ сеймомъ прусскій король прислалъ Понятовскому орденъ Чернаго Орла, дававшійся обыкновенно лишь царствующимъ особамъ; императрица Екатерина со всей рѣшительностью высказалась за избраніе литовскаго стольника. Самъ Понятовскій, увѣренный въ томъ, что корона достанется ему, на конвокаціонномъ сеймѣ, на которомъ онъ былъ посломъ варшавской земли, держалъ себя высокомѣрно и въ длинной рѣчи восхвалялъ «великую монархиню» за ея заботы о неприкосновенности польскихъ правъ и вольностей. Чарторыйскіе, волей-неволей, должны были примириться съ желаніемъ державъ, хотя они питали нерасположеніе къ стольнику.

На элекціонный сеймъ явилось едва пять тысячъ шляхты. Послѣ избранія пословъ сеймъ, маршаломъ котораго былъ служившій «семейству» литовскій писарь, Іосифъ Сосновскій призналъ титулъ императрицы всея Россіи и назначилъ коронацію на 25 ноября, т. е. въ день тезоименитства Екатерины. По окончаніи обычныхъ формальностей 7 сентября состоялось единогласное избраніе Понятовскаго. Въ *pacta conventa* было вмѣнено ему въ обязанность учрежденіе рыцарскаго (дворянскаго) училища, соблюденіе правъ и привилегій шляхты, а также подтвержденіе постановленій конвокаціоннаго сейма.

Послѣ избранія короля остатки партіи недовольныхъ, не исключая и гетмана Браницкаго, перешли на сторону «семейства». Одинъ лишь Радзивиллъ, осужденный декретомъ

литовской конфедераціи, оставался за-границею, тщетно добиваясь помощи европейскихъ дворовъ.

Согласно постановленію конвокаціоннаго сейма, коронація состоялась въ Варшавѣ. Тридцатидвухлѣтній *Станиславъ-Августъ Ціолэкъ-Понятовскій* (1764—1795) явился не въ панцырѣ по польскому обычаю, а въ иноземномъ старо-нѣмецкомъ платьѣ. И корону Болеслава Храбраго пришлось подложить ватою, чтобы она могла удержаться на прическѣ стольника.

Коронаціонный сеймъ, состоявшійся въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Варшавѣ подъ предсѣдательствомъ піотрковскаго старосты, Яцка Малаховскаго, подтвердилъ и даже расширилъ реформы конвокаціоннаго сейма. Литовская генеральная конфедерація была сравнена въ правахъ и стремленіяхъ съ коронной, вслѣдствіе чего реформы конвокаціоннаго сейма были распространены на всю территорію республики. Несмотря на оппозицію гетмана Массальскаго, была учреждена, по образцу коронной, *литовская военная комиссія* и уничтоженъ трибуналъ казначейства. Для упроченія реформъ объединенныя конфедераціи сохранены и на дальнѣйшее время. Освободившіяся должности были предоставлены на этомъ сеймѣ исключительно сторонникамъ «семейства». Коронымъ канцлеромъ назначенъ иновроцлавскій воевода, Андрей Замойскій, коронымъ подканцлеромъ—гебдовскій аббатъ, Андрей Млодзеіовскій, литовскимъ подканцлеромъ — Антоній Пржездецкій; на должность виленскаго воеводы, послѣ отставленнаго отъ нея Радзивилла, назначенъ Михаилъ Огинскій. Братья короля: коронный подкоморій, генералъ австрійской арміи, Казиміръ, и червинскій аббатъ Михаилъ, возведены въ княжеское достоинство. Кольбушовская трансакція, столь выгодная для «семейства», была утверждена. Постановлено воздвигнуть на государственный счетъ на виленской базарной площади памятникъ князю Михаилу Чарторыйскому въ награду за его заслуги.

Россія покровительствовала Чарторыйскимъ потому, что въ поддержкѣ ихъ видѣла предлогъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши: возвышая Понятовскаго, она имѣла въ виду исключительно упроченіе своего вліянія въ республикѣ. Чарторыйскіе, съ своей стороны, пользовались помощью Россіи, какъ орудіемъ для уничтоженія гетманской партіи, возведенія на престолъ своего кандидата, завладѣнія республикой и осуществленія реформъ. Какъ Чарторыйскіе были лишь средствомъ

для Россіи, стремившейся къ покоренію Польши, такъ и Россія была лишь орудіемъ для «семейства», желавшаго возстановить силу республики. Неудивительно, что между этими притворными друзьями возникла рознь, лишь только дѣло дошло до осуществленія стремленій, тщательно маскировавшихся во время подготовительной дѣятельности.

Противорѣчіе между стремленіями Россіи и Чарторыйскихъ отчасти сказалось уже на конвокаціонномъ сеймѣ, на которомъ Кайзерлингъ при поддержкѣ Бенуа не допустилъ уничтоженія liberum veto. Чарторыйскіе надѣялись исправить пораженіе, понесенное ими по этому вопросу, полагаясь на двусмысленность редакціи сеймовыхъ постановленій и на учрежденіе конфедераціи. На коронаціонномъ сеймѣ Россія выступила болѣе откровенно, чѣмъ на конвокаціономъ: она предложила республикѣ наступательно-оборонительный союзъ, соглашаясь подъ этимъ условіемъ на увеличеніе ея арміи до 50000 человѣкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она требовала льготъ для диссидентовъ. Чарторыйскіе, хотя они горячо желали увеличенія арміи, уменьшенной на нѣмомъ сеймѣ при посредствѣ Петра Великаго до 24000,— поняли, что наступательно-оборонительный союзъ съ Россіей втянулъ бы республику во всѣ обширные планы императрицы и превратилъ бы слабаго союзника въ вассала болѣе сильнаго. Они понимали также, что исполненіе требованія императрицы относительно диссидентовъ означало бы подчиненіе республики сосѣднему государству и дало бы Россіи формальный предлогъ для постояннаго вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла. По этимъ соображеніямъ оба предложенія Россіи были отвергнуты. Отказываясь временно отъ увеличенія арміи, Чарторыйскіе, съ своей стороны, предложили Россіи только оборонительный союзъ, который не имѣлъ для императрицы никакой цѣны и потому не былъ заключенъ. Предложеніе по вопросу о диссидентахъ, внесенное, по желанію русскаго посла, примасомъ, было съ возмущеніемъ отвергнуто коронаціоннымъ сеймомъ. Послѣ такой неудачи Россія, видя, что Чарторыйскіе хотятъ освободиться отъ ея вліянія и становятся препятствіемъ осуществленію ея плановъ, вступила въ борьбу съ ними.

Преемникомъ умершаго Кайзерлинга († 30 сентября 1764 г.) сталъ бывшій раньше его помощникомъ, тридцатилѣтній генералъ-майоръ, Николай Репнинъ, состоявшій въ свойствѣ съ управлявшимъ дипломатической канцеляріей русскаго двора, Никитою Панинымъ. Быстро ознакомившись съ внутренними отношеніями республики, этотъ посолъ, по природѣ

ловкій, находчивый и притомъ безцеремонный, сталъ пользоваться для достиженія цѣлей своего двора деньгами, интригами, угрозами и насиліями. Онъ нашелъ также поддержку въ королѣ, который при каждомъ случаѣ старался отблагодарить императрицу за корону.

Станиславъ-Августъ обладалъ незаурядными способностями, развитыми основательнымъ образованіемъ. Но еще выше образованія былъ его свѣтскій лоскъ и знаніе свѣта, пріобрѣтенные имъ въ путешествіяхъ и во время пребыванія въ знатныхъ домахъ. Своимъ умѣлымъ обращеніемъ онъ привлекалъ къ себѣ людей. Онъ отличался большимъ умомъ и еще большимъ эстетическимъ вкусомъ, но былъ слабохарактеренъ. Предусмотрительный и разсудительный, но поддающійся увлеченіямъ, онъ не обладалъ настойчивостью. Настроенія его быстро мѣнялись; онъ преклонялся передъ рѣшительно высказанной ему чужой волею и поступалъ такъ, какъ ему было внушено. Императрица называла его восковой куклой. Онъ вступилъ на престолъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ: не легко было съ честью выйти изъ нихъ человѣку безъ заслугъ, получившему корону вопреки желанію большинства, по милости женщины, требовавшей взамѣнъ за престолъ подчиненія себѣ. Впрочемъ,—не только за престолъ: Станиславъ-Августъ не постѣснялся дѣлать займы у русской государственной казны, которыя императрица велѣла списывать со счетовъ. Чувство благодарности передъ Россіей отталкивало Станислава-Августа отъ Чарторыйскихъ, которые къ тому же вооружали его противъ себя своимъ абсолютизмомъ, стремленіемъ самостоятельно управлять страною. Поэтому король подчинялся требованіямъ Россіи: въ письмѣ къ императрицѣ, написанномъ во время коронаціоннаго сейма, онъ защищалъ себя отъ подозрѣнія, будто онъ содѣйствовалъ тому, что русское предложеніе относительно диссидентовъ было отвергнуто. Правдивость его увѣреній подтвердилъ Репнинъ, сообщая своему двору, что король «*наши* дѣла непритворно считаетъ *своими собственными* дѣлами». Этотъ посолъ пользовался также всякимъ случаемъ, чтобы напомнить Станиславу-Августу, что онъ лишь исполнитель петербургскихъ инструкцій. Нельзя, конечно, сказать, что Станиславъ-Августъ не понималъ необходимости реформъ, что онъ не желалъ ихъ какъ для усиленія республики, такъ и для увеличенія своей же собственной, королевской власти. Но въ своихъ стремленіяхъ въ этомъ направленіи онъ не проявлялъ достаточной настойчивости: онъ

колебался и уступалъ по мѣрѣ усиленія внѣшнихъ препятствій.

Чтобы разстроить освободительныя стремленія Чарторыйскихъ, императрица рѣшила выдвинуть противъ нихъ тѣ элементы, которые потерпѣли пораженіе во время междуцарствія. Для этого удобнѣе всего было воспользоваться диссидентскимъ вопросомъ, который, по сообщенію Репнина, долженъ былъ вторично обсуждаться на ближайшемъ очередномъ сеймѣ, имѣвшемъ собраться осенью 1766 г.

Репнинъ заявилъ, что 10,000-ное русское войско вступитъ въ предѣлы республики, если ближайшій сеймъ не исполнитъ требованія императрицы. При извѣстіи объ этомъ шляхтой овладѣло возмущеніе; она готовилась сопротивляться предоставленію равноправія диссидентамъ. Глава оппозиціи, краковскій епископъ Каетанъ Солтыкъ, приглашалъ циркулярнымъ письмомъ всѣхъ епископовъ не допускать уступокъ въ пользу иновѣрцевъ; онъ издалъ пастырское посланіе къ духовенству своей епархіи съ предписаніемъ молиться объ отвращеніи опасности, грозящей католичеству. Подъ вліяніемъ епископа бѣлое духовенство и монахи предостерегали шляхту съ церковныхъ каѳедръ и возбуждали ее къ противодѣйствію. Возмущеніе шляхты, вызванное этимъ дѣломъ, было направлено, главнымъ образомъ, противъ Чарторыйскихъ: кто же, какъ не они, призвали въ страну русскія войска, которыя грозятъ теперь католичеству, подобно тому какъ на конвокаціонномъ сеймѣ они помогли имъ уничтожить установленія республики? Поэтому цѣлью стремленій шляхты было не только недопущеніе равноправія диссидентовъ, но и уничтоженіе вліянія Чарторыйскихъ путемъ учрежденія генеральной конфедераціи, что сдѣлало бы невозможнымъ развитіе реформъ конвокаціоннаго сейма. Въ виду такого настроенія шляхетскихъ массъ Репнинъ потерялъ надежду добиться желательнаго Россіи рѣшенія диссидентскаго вопроса, но за то увидѣлъ возможность лишенія «семейства» той силы, которую ему давала конфедерація. При такихъ обстоятельствахъ въ октябрѣ 1766 г. собрался въ Варшавѣ очередной сеймъ, маршаломъ котораго былъ избранъ луцкій подкоморій Целестинъ Чаплицъ.

На одномъ изъ первыхъ засѣданій сейма краковскій епископъ выступилъ съ энергичной рѣчью, въ которой предлагалъ признать измѣнникомъ и подвергать конфискаціи имущества каждаго, кто въ настоящемъ или будущемъ осмѣлится рекомендовать какія либо уступки въ пользу диссидентовъ.

Сенаторы и послы отвѣтили на предложеніе Солтыка троекратнымъ: «согласны»! и потребовали немедленнаго голосованія. Король, не желая раздражать Россію, задержалъ голосованіе: Репнинъ въ виду такого настроенія сейма обратился въ Петербургъ за новыми инструкціями. Новый рескриптъ императрицы предписалъ послу потребовать безусловнаго рѣшенія диссидентскаго вопроса. Вслѣдствіе этого предписанія Репнинъ уговорилъ диссидентскихъ делегатовъ обратиться къ королю и сейму съ просьбою о возвращеніи имъ прежней религіозной свободы, самъ же потребовалъ для себя у государственныхъ чиновъ публичной аудіенціи. 4-го ноября 1766 г. онъ въ присутствіи короля, сената и пословъ, сидя въ креслѣ и не обнажая головы, въ рѣчи, произнесенной на русскомъ языкѣ, изложилъ желаніе императрицы и затѣмъ вручилъ Станиславу-Августу письменную декларацію такого же содержанія. Подобную же аудіенцію получилъ Бенуа, датскій же и англійскій послы вручили королю декларацію своихъ дворовъ частнымъ образомъ. Къ противодѣйствію возбуждалъ папскій нунцій Висконти, обратившійся къ сейму, подобно Репнину и Бенуа, въ публичной аудіенціи. Къ ней поощряли и авторы анонимныхъ сочиненій, получавшихся на имя короля, сенаторовъ и пословъ. Наконецъ, сеймъ поручилъ епископамъ выработать законопроектъ о диссидентахъ. Репнинъ не прибѣгалъ къ давленію, не желая вооружать противъ себя оппозицію, которая ему была необходима для борьбы съ Чарторыйскими. Вслѣдствіе этого и было принято лишь постановленіе, подтверждавшее прежнія права иновѣрцевъ; поручено было епископамъ разсмотрѣть подъ предсѣдательствомъ примаса жалобы диссидентовъ, касавшіяся исполненія ихъ религіозныхъ обрядовъ, и внести свое рѣшеніе по этому вопросу въ метрику (skrypt do archivum). Епископы установили: свободу богослуженія въ существующихъ молитвенныхъ домахъ и церквахъ, а также въ частныхъ жилищахъ; возстановленіе храмовъ, которые были у иновѣрцевъ на основаніи закона 1717 г.; погребеніе покойниковъ на кладбищахъ; изъятіе протестантскихъ и дизунитскихъ дѣлъ изъ юрисдикціи католическаго духовенства; освобожденіе иновѣрческихъ священнослужителей отъ платежей при полученіи приходовъ.

Подобнымъ же образомъ оппозиція одержала побѣду и по вопросу о реформахъ.

Канцлеръ Замойскій, дѣйствуя въ духѣ программы Чарторыйскихъ и короля, при выборѣ предметовъ для обсужде-

колебался и уступалъ по мѣрѣ усиленія внѣшнихъ препятствій.

Чтобы разстроить освободительныя стремленія Чарторыйскихъ, императрица рѣшила выдвинуть противъ нихъ тѣ элементы, которые потерпѣли пораженіе во время междуцарствія. Для этого удобнѣе всего было воспользоваться диссидентскимъ вопросомъ, который, по сообщенію Репнина, долженъ былъ вторично обсуждаться на ближайшемъ очередномъ сеймѣ, имѣвшемъ собраться осенью 1766 г.

Репнинъ заявилъ, что 10,000-ное русское войско вступитъ въ предѣлы республики, если ближайшій сеймъ не исполнитъ требованія императрицы. При извѣстіи объ этомъ шляхтой овладѣло возмущеніе: она готовилась сопротивляться предоставленію равноправія диссидентамъ. Глава оппозиціи, краковскій епископъ Каетанъ Солтыкъ, приглашалъ циркулярнымъ письмомъ всѣхъ епископовъ не допускать уступокъ въ пользу иновѣрцевъ; онъ издалъ пастырское посланіе къ духовенству своей епархіи съ предписаніемъ молиться объ отвращеніи опасности, грозящей католичеству. Подъ вліяніемъ епископа бѣлое духовенство и монахи предостерегали шляхту съ церковныхъ каѳедръ и возбуждали ее къ противодѣйствію. Возмущеніе шляхты, вызванное этимъ дѣломъ, было направлено, главнымъ образомъ, противъ Чарторыйскихъ: кто же, какъ не они, призвалъ въ страну русскія войска, которыя грозятъ теперь католичеству, подобно тому какъ на конвокаціонномъ сеймѣ они помогли имъ уничтожить установленія республики? Поэтому цѣлью стремленій шляхты было не только недопущеніе равноправія диссидентовъ, но и уничтоженіе вліянія Чарторыйскихъ путемъ учрежденія генеральной конфедераціи, что сдѣлало бы невозможнымъ развитіе реформъ конвокаціоннаго сейма. Въ виду такого настроенія шляхетскихъ массъ Репнинъ потерялъ надежду добиться желательнаго Россіи рѣшенія диссидентскаго вопроса, но за то увидѣлъ возможность лишенія «семейства» той силы, которую ему давала конфедерація. При такихъ обстоятельствахъ въ октябрѣ 1766 г. собрался въ Варшавѣ очередной сеймъ, маршаломъ котораго былъ избранъ луцкій подкоморій Целестинъ Чаплицъ.

На одномъ изъ первыхъ засѣданій сейма краковскій епископъ выступилъ съ энергичной рѣчью, въ которой предлагалъ признать измѣнникомъ и подвергать конфискаціи имущества каждаго, кто въ настоящемъ или будущемъ осмѣлится рекомендовать какія либо уступки въ пользу диссидентовъ.

Сенаторы и послы отвѣтили на предложеніе Солтыка троекратнымъ: «согласны»! и потребовали немедленнаго голосованія. Король, не желая раздражать Россію, задержалъ голосованіе: Репнинъ въ виду такого настроенія сейма обратился въ Петербургъ за новыми инструкціями. Новый рескриптъ императрицы предписалъ послу потребовать безусловнаго рѣшенія диссидентскаго вопроса. Вслѣдствіе этого предписанія Репнинъ уговорилъ диссидентскихъ делегатовъ обратиться къ королю и сейму съ просьбою о возвращеніи имъ прежней религіозной свободы, самъ же потребовалъ для себя у государственныхъ чиновъ публичной аудіенціи. 4-го ноября 1766 г. онъ въ присутствіи короля, сената и пословъ, сидя въ креслѣ и не обнажая головы, въ рѣчи, произнесенной на русскомъ языкѣ, изложилъ желаніе императрицы и затѣмъ вручилъ Станиславу-Августу письменную декларацію такого же содержанія. Подобную же аудіенцію получилъ Бенуа, датскій же и англійскій послы вручили королю деклараціи своихъ дворовъ частнымъ образомъ. Къ противодѣйствію возбуждалъ папскій нунцій Висконти, обратившійся къ сейму, подобно Репнину и Бенуа, въ публичной аудіенціи. Къ ней поощряли и авторы анонимныхъ сочиненій, получавшихся на имя короля, сенаторовъ и пословъ. Наконецъ, сеймъ поручилъ епископамъ выработать законопроектъ о диссидентахъ. Репнинъ не прибѣгалъ къ давленію, не желая вооружать противъ себя оппозицію, которая ему была необходима для борьбы съ Чарторыйскими. Вслѣдствіе этого и было принято лишь постановленіе, подтверждавшее прежнія права иновѣрцевъ; поручено было епископамъ разсмотрѣть подъ предсѣдательствомъ примаса жалобы диссидентовъ, касавшіяся исполненія ихъ религіозныхъ обрядовъ, и внести свое рѣшеніе по этому вопросу въ метрику (skrypt do archivum). Епископы установили: свободу богослуженія въ существующихъ молитвенныхъ домахъ и церквахъ, а также въ частныхъ жилищахъ; возстановленіе храмовъ, которые были у иновѣрцевъ на основаніи закона 1717 г.; погребеніе покойниковъ на кладбищахъ; изъятіе протестантскихъ и дизунитскихъ дѣлъ изъ юрисдикціи католическаго духовенства; освобожденіе иновѣрческихъ священнослужителей отъ платежей при полученіи приходовъ.

Подобнымъ же образомъ оппозиція одержала побѣду и по вопросу о реформахъ.

Канцлеръ Замойскій, дѣйствуя въ духѣ программы Чарторыйскихъ и короля, при выборѣ предметовъ для обсужде-

нія рекомендовалъ, какъ самое неотложное, обсужденіе постановленія конвокаціоннаго сейма о способѣ рѣшенія «финансовыхъ проектовъ, клонящихся къ пользѣ республики въ какомъ либо отношеніи». Онъ предложилъ, чтобы и вопросы о налогахъ поступали на обсужденіе сейма въ формѣ законопроектовъ, составленныхъ финансовой коммиссіей, и рѣшались судебнымъ порядкомъ (*figura judicaria*), т. е. большинствомъ голосовъ. Оппозиція поняла, что дѣло здѣсь идетъ о частичной отмѣнѣ *liberum veto*, и запротестовала противъ этого предложенія. Помня, что русскій и прусскій дворы воспротивились на конвокаціонномъ сеймѣ уничтоженію *liberum veto*, она обратилась къ Репнину и Бенуа съ доносомъ о грозящей ему опасности. Репнинъ заявилъ, что императрица никогда не согласится признать большинство голосовъ, „потому, де, что такой способъ принятія постановленій не совмѣстимъ со свободою народа". На аудіенціи у короля онъ прибавилъ, что если это предложеніе не будетъ взято обратно, то Россія и Пруссія сочтутъ его объявленіемъ войны. Тщетно Чарторыйскіе старались увѣрить, что законопроектъ о большинствѣ голосовъ не содержитъ въ себѣ ничего новаго и есть лишь повтореніе постановленія 1764 г.; напрасно сторонники ихъ доказывали, что отстаиваніе *liberum veto* означаетъ возвращеніе къ прежней неурядицѣ. Оппозиція, поддерживаемая Россіей и Пруссіей, одержала побѣду. Установлено, что единогласно должны приниматься только законы относительно: 1) новыхъ налоговъ, 2) увеличенія арміи, 3) объявленія войны и 4) утвержденія трактатовъ.

Послѣднимъ актомъ этого сейма было распущеніе генеральной конфедераціи обоихъ народовъ, что означало возстановленіе дѣйствія пріостановленнаго *liberum veto*.

Постановленія сейма Чаплица были побѣдой оппозиціи и пораженіемъ Чарторыйскихъ, Россія же достигла своей цѣли лишь на половину: съ одной стороны, она добилась сохраненія *liberum veto* и распущенія конфедераціи, съ другой же, ея требованія по диссидентскому вопросу были отвергнуты. Екатерина не скрыла своего недовольства постановленіемъ объ иновѣрцахъ: она сочла его личнымъ оскорбленіемъ для себя. Поэтому императрица рѣшилась пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы достигнуть своей цѣли.

Пораженіе по вопросу о диссидентахъ петербургскій дворъ приписывалъ недостаточному содѣйствію Чарторыйскихъ, а отчасти и короля, хотя Репнинъ обвинялъ въ этой неудачѣ

исключительно оппозиціи сейма. Вскорѣ послѣ закрытія сейма Панинъ обратился къ Чарторыйскимъ съ письмомъ, въ которомъ спрашивалъ, окажутъ ли они помощь иновѣрцамъ, если тѣ учредятъ конфедерацію и обратятся къ императрицѣ съ просьбою о покровительствѣ. Чарторыйскіе въ своемъ отвѣтѣ не совѣтовали учреждать диссидентскую конфедерацію и уклонились отъ участія въ дѣлѣ, которое при наличныхъ условіяхъ грозило республикѣ междоусобной войной. Этотъ отвѣтъ вызвалъ новый поворотъ въ политикѣ петербургскаго кабинета, который рѣшилъ перейти на сторону оппозиціи и поддерживать ее такъ, какъ онъ во время междуцарствія поддерживалъ „семейство", — словомъ, рѣшилъ отдать Чарторыйскихъ на месть ихъ враговъ, этимъ же послѣднимъ возвратить ихъ прежнее положеніе подъ условіемъ, что они согласятся признать равноправіе диссидентовъ.

Диссиденты, подстрекаемые Репнинымъ, учредили подъ охраною русскихъ войскъ двѣ конфедераціи для уравненія своихъ правъ съ правами католической шляхты: велико- и малопольскіе диссиденты въ Торнѣ, литовскіе же въ Слуцкѣ. Маршаломъ первой конфедераціи былъ избранъ лютеранинъ тухольскій староста Георгъ-Вильгельмъ Гольтцъ, маршаломъ же второй — кальвинистъ, генералъ войскъ республики, Янъ Грабовскій. Несмотря на всѣ старанія Репнина, на актахъ этихъ конфедерацій оказалось едва нѣсколько сотенъ подписей, причемъ среди нихъ были подписи отсутствовавшихъ лицъ и дѣтей. Въ мартѣ 1767 г. конфедераціи эти издали манифесты, излагавшіе доказательства притѣсненій и обидъ, какія диссиденты выносили въ республикѣ, и взывавшіе къ покровительству императрицы, а также королей: прусскаго, шведскаго, англійскаго и датскаго. Послѣ обнародованія манифестовъ обѣ конфедераціи отправили делегатовъ къ королю и важнѣйшимъ сенаторамъ съ просьбою объ исполненіи ихъ желаній. Станиславъ-Августъ, выслушавъ эти посольства, созвалъ совѣтъ сената, который подъ давленіемъ Репнина постановилъ созвать сеймъ на октябрь 1767 г.

Въ то же время, благодаря подстрекательствамъ Репнина, учреждались конфедераціи католической шляхты съ самой опасной политической програмой. Наемный агентъ Репнина, коронный референдарь, свящ. Гавріилъ Юноша-Подоскій, а также русскіе полковники: Василій Карръ и Отто баронъ Игельстрёмъ объѣзжали помѣстья и усадьбы шляхты, принадлежавшей нѣкогда къ гетманской партіи, и сообщали, что императрица, обма-

нувшись въ своемъ довѣріи къ «семейству» и королю, рѣшилась на полное возстановленіе республиканскихъ вольностей, нарушенныхъ постановленіями конвокаціоннаго сейма, и готова даже поддержать низложеніе Станислава-Августа, лишь бы только народъ призналъ равноправность диссидентовъ. Въ конфедераціи вошло около 80000 человѣкъ шляхты. Показывая Станиславу-Августу акты частныхъ конфедерацій, покрытые столь многочисленными подписями, Репнинъ съ злорадствомъ сказалъ: «Теперь ваше королевское величество въ моихъ рукахъ!» Испуганный король обратился къ покровительству Россіи: онъ обѣщалъ императрицѣ безусловную покорность, лишь бы только обезопасить себя отъ низложенія. Вскорѣ онъ доказалъ свою покорность на дѣлѣ. Послѣ смерти Лубенскаго, онъ, по требованію Репнина, рѣшилъ назначить примасомъ Подоскаго, служившаго Россіи, человѣка крайне низменнаго въ нравственномъ отношеніи.

Литовскія конфедераціи соединились въ генеральную подъ предсѣдательствомъ быстржицкаго старосты, Станислава Бржостовскаго. Въ маршалы же коронной генеральной конфедераціи Репнинъ предназначилъ эмигранта Радзивилла—«Пане-Коханку».

Радзивиллъ, лишенный должностей, имѣній и гражданской чести, проживалъ въ Дрезденѣ, откуда тщетно старался добиться права вернуться въ страну. Россія обратила на него вниманіе еще во время сейма Чаплица, когда она, приписывая отверженіе законопроекта по диссидентскому вопросу противодѣйствію со стороны Чарторыйскихъ и короля, старалась опереться на оппозиціонную партію. Въ 1767 г. съ нимъ были начаты переговоры. Ему было обѣщано, что онъ получитъ возможность вернуться на родину, что ему будутъ возвращены имѣнія и его прежнее положеніе, если онъ обяжется дѣйствовать въ интересахъ императрицы и, главнымъ образомъ, въ пользу диссидентовъ. Желая отомстить Чарторыйскимъ и королю, Радзивиллъ не находилъ никакого условія слишкомъ тяжелымъ. Поэтому онъ принялъ русское предложеніе, изливаясь въ выраженіяхъ благодарности и обѣщая, что будетъ всегда принадлежать къ русской партіи, что во всей своей дѣятельности онъ станетъ подчиняться желаніямъ петербургскаго двора, будетъ почтительно и покорно исполнять всѣ его приказанія. Сверхъ того, онъ просилъ, чтобы къ нему прикомандировали русскаго чиновника, который бы непосредственно сообщалъ ему желанія императрицы. Согласно

этой просьбѣ къ нему былъ прикомандированъ полковникъ Карръ. Радзивиллъ возвращался въ Польшу съ такимъ тріумфомъ, съ какимъ не встрѣчали и Собѣскаго послѣ освобожденія Вѣны. Универсалъ литовской генеральной конфедераціи возвратилъ ему имѣнія и должности. Послѣ тріумфальнаго объѣзда Литвы Радзивиллъ прибылъ въ Радомъ, гдѣ, по желанію Россіи, должна была организоваться коронная генеральная конфедерація.

Въ Радомѣ были уже маршалы и консиліары частныхъ конфедерацій, питавшіе надежду на уничтоженіе реформъ Чарторыйскихъ и низложеніе Станислава-Августа. Передъ жилищемъ каждаго изъ маршаловъ стоялъ русскій караулъ, поставленный якобы изъ уваженія къ сановникамъ, въ дѣйствительности же для надзора за ними. Послѣ пріѣзда Радзивилла собрались въ ратушѣ для составленія акта коронной генеральной конфедераціи и избранія маршала. Неотступно находившійся при Радзивиллѣ полковникъ Карръ представилъ собранію заранѣе приготовленный проектъ конфедератскаго акта, который нужно было только подписать. Чтеніе этого акта вскорѣ вызвало громкіе протесты и крики: «не допускаю!» Актъ гласилъ, что генеральная конфедерація учреждается съ цѣлью уравненія правъ диссидентовъ съ правами католиковъ и полученія гарантіи Россіей республиканскихъ вольностей; онъ не только не упоминалъ о низложеніи короля, но даже, напротивъ, говорилъ, что народъ соединяется въ конфедерацію *при королѣ*, въ защиту неприкосновенности его правъ и прерогативъ. Теперь обнаружилось, что обѣщанное низложеніе Станислава-Августа было лишь средствомъ побудить шляхту къ учрежденію конфедерацій, при помощи которыхъ Россія имѣла въ виду достигнуть своей главной цѣли: уравнять права диссидентовъ съ правами католиковъ и навязать республикѣ свою гарантію. Дѣйствительно, не въ интересахъ Россіи было низложеніе Станислава-Августа, который въ общемъ былъ очень уступчивъ въ отношеніяхъ къ ней, во время же учрежденія конфедерацій обѣщалъ императрицѣ безусловную покорность.

Въ отвѣтъ на протесты шляхты Карръ заявилъ, что не допуститъ никакихъ измѣненій въ актѣ, въ случаѣ же надобности прибѣгнетъ къ военной силѣ, которая имѣется у него наготовѣ въ городѣ и окрестностяхъ. Увидѣвъ безнадежность сопротивленія, конфедераты покорились: подписали навязанный имъ актъ и единогласно провозгласили Радзивилла маршаломъ генеральной конфедераціи. Такъ возникла радомская

генеральная конфедерація. По желанію русскаго посла она отправила депутацію въ Варшаву съ приглашеніемъ Станислава-Августа присоединиться къ ней, а также составила еще письмо къ Репнину, въ которомъ просила о гарантіи императрицею республиканскихъ правъ и вольностей.

Въ концѣ іюля 1767 г. радомская конфедерація переселилась въ Варшаву, гдѣ она соединилась съ литовской. Важнѣйшимъ дѣломъ конфедераціи обоихъ народовъ было отправленіе посольства къ императрицѣ, находившейся тогда въ Москвѣ, и разсылка манифестовъ на предсеймовые сеймики.

Сеймъ, созванный на октябрь мѣсяцъ, долженъ былъ состояться на правахъ конфедераціи, т. е. принимать законы большинствомъ голосовъ. Онъ не могъ быть сорванъ и въ этомъ отношеніи соотвѣтствовалъ желаніямъ Россіи, которой для достиженія своей цѣли оставалось лишь принять мѣры къ тому, чтобы было избрано большинство голосовъ, готовое исполнять ея требованія. Но, подобно Россіи, избраніе желательнаго большинства голосовъ важно было и для тѣхъ, которые, обманувшись въ надеждахъ на низложеніе Станислава-Августа и увидѣвъ себя вынужденными подписать въ Радомѣ навязанный имъ актъ, хотѣли не допустить признанія сеймомъ равноправія диссидентовъ. Вслѣдствіе этого на сеймикахъ началась ожесточенная избирательная борьба.

На сочиненія диссидентовъ въ защиту равноправія и манифесты конфедерацій: торнской и слуцкой, католики отвѣчали множествомъ трактатовъ и памфлетовъ, написанныхъ прозою и стихами и распространявшихся преимущественно въ рукописяхъ. Въ этихъ сочиненіяхъ они доказывали неосновательность требованій диссидентовъ, осмѣивали ихъ въ сатирахъ и пасквиляхъ. Въ одномъ лишь католики не упрекали диссидентовъ, а именно въ томъ, что они прибѣгали къ покровительству Россіи,— потому что этотъ упрекъ могъ быть обращенъ и къ самимъ католикамъ. На сеймикахъ во главѣ оппозиціи стояли: гетманъ Браницкій и епископы: краковскій Солтыкъ, кіевскій Іосифъ Залусскій; каменецкій Адамъ Красинскій и другіе, возбуждая шляхту къ противодѣйствію по диссидентскому вопросу. Они разослали сановникамъ и земскимъ должностнымъ лицамъ множество писемъ, совѣтуя избирать послами правовѣрныхъ католиковъ и требовать въ сеймиковыхъ наказахъ неприкосновенности католичества. Бѣлое духовенство и монахи метали громы противъ диссидентовъ съ церковныхъ ка-

федры; население возносило къ Богу молитвы о спасенiи католической религiи отъ грозившей ей опасности. Репнинъ, съ своей стороны, чтобы навязать сеймикамъ желательныхъ ему пословъ, прибѣгалъ къ подкупамъ, угрозамъ и насилiямъ. Въ имѣнiя вождей оппозицiи онъ посылалъ русскихъ солдатъ, мѣста засѣданiй сеймиковъ окружалъ войскомъ и заставлялъ шляхту избирать тѣхъ кандидатовъ, именной списокъ которыхъ онъ составилъ по указанiямъ своихъ наемныхъ приспѣшниковъ. Коронный подчашiй, Щенсный Чацкiй, былъ арестованъ и содержался подъ надзоромъ въ своихъ имѣнiяхъ, въ Порицкѣ, на Волыни. Такая же судьба постигла впослѣдствiи въ Варшавѣ и калишскаго чесника, Франциска Дзика-Кожуховскаго.

5 октября былъ открытъ сеймъ подъ предсѣдательствомъ маршала коронной генеральной конфедерацiи, Радзивилла.

На первомъ засѣданiи его секретарь сейма, по распоряженiю маршала, прочелъ предложенiе, которое повергло въ изумленiе народныхъ представителей. Онъ предложилъ назначить делегацiи сената и посольской палаты для переговоровъ съ Репнинымъ по дѣлу о равноправiи диссидентовъ, новомъ строѣ республики и союзѣ съ Россiей. Послѣ назначенiя делегацiи засѣданiя сейма будутъ прiостановлены и затѣмъ онъ снова будетъ созванъ для принятiя и утвержденiя готовыхъ уже, выработанныхъ ею проектовъ. Смыслъ этого предложенiя, подсказаннаго Радзивиллу Репнинымъ, былъ ясенъ. Репнинъ, несмотря на мѣры, принятыя имъ на предсеймовыхъ сеймикахъ, не могъ положиться на большинство пословъ. Во избѣжанiе пораженiя онъ предложилъ делегацiю, которую онъ подобралъ бы изъ людей, покорныхъ Россiи, готовыхъ исполнять ея желанiя. Делегацiя рѣшала бы дѣла большинствомъ голосовъ, что по закону могъ дѣлать лишь конфедератскiй сеймъ. Принятiе сеймомъ проектовъ было бы простою формальностью. Этимъ путемъ Репнинъ хотѣлъ облегчить себѣ осуществленiе всего, что было въ интересахъ Россiи: равноправiя диссидентовъ, новаго строя республики и союза.

Проектъ Репнина вызвалъ протесты. Епископы: Солтыкъ и Залускiй, коронный польный гетманъ Вацлавъ Ржевускiй и сынъ его, подольскiй посолъ Северинъ, не соглашались на назначенiе делегацiи, требуя, чтобы дѣла обсуждались сеймомъ во всемъ его составѣ. Они разсчитывали на то, что при обычномъ обсужденiи большинство сейма не допустило бы осуществленiя русскихъ плановъ. Репнинъ рѣшилъ подавить оппозицiю насилiемъ. Въ ночь съ 13 на 14 октября онъ

велѣлъ арестовать Солтыка, Залусскаго и обоихъ Ржевускихъ, отвезти ихъ въ русскій лагерь за Вислой, а впослѣдствіи отправить въ Калугу. При этомъ начальникъ казацкаго эскорта получилъ приказаніе убить арестованныхъ въ случаѣ попытки ихъ освобожденія.

На второй день послѣ этого посягательства министры, сенаторы и сеймовые послы обратились къ королю съ жалобою на совершенное насиліе. Станиславъ-Августъ заявилъ, что онъ хотя и раздѣляетъ горе народа, но не видитъ иного средства помощи, кромѣ обращенія къ великодушію императрицы. Канцлеръ Замойскій, видя, что нѣтъ никакой возможности наказать дерзость Репнина и что участь, постигшая Солтыка, Залусскаго и Ржевускихъ, грозитъ каждому, кто не захочетъ подчиниться волѣ русскаго посла, подалъ въ отставку. Примѣру его обѣщали послѣдовать и другіе министры, сенаторы же и послы грозили отказаться отъ своихъ полномочій, но не исполнили этихъ обѣщаній и угрозъ. Делегаціи, посланной къ Репнину по дѣлу объ арестѣ сановниковъ, онъ нахально отвѣтилъ, что не освободитъ арестованныхъ и не считаетъ нужнымъ давать кому либо отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Расправа Репнина сломила противодѣйствіе сеймовой палаты. Въ концѣ концовъ палата согласилась на назначеніе делегаціи и отсрочку засѣданій сейма, который имѣлъ быть впослѣдствіи созванъ для утвержденія приготовленныхъ проектовъ, но не могъ отвергнуть ихъ.

Изъ списка, составленнаго Репнинымъ, король назначилъ 20 сенаторовъ, а Радзивиллъ 48 пословъ—по шестнадцать отъ каждой провинціи. Засѣданія сейма были отсрочены до 1 февраля 1768 г.

Въ составъ делегаціи вошли какъ явные сторонники Россіи, такъ и люди съ незапятнанной репутаціей. Къ послѣдней категоріи принадлежали: Чарторыйскіе—литовскій канцлеръ и генералъ земель подольскихъ, бывшіе сеймовые маршалы: Янекъ Малаховскій и Целестинъ Чаплицъ, вислицкій каштелянъ Рохъ Яблоновскій, литовскій надворный подскарбій Антоній Тизенгаусъ, витебскій посолъ Петръ Богомолецъ и др. Кромѣ членовъ, назначенныхъ королемъ и Радзивилломъ, къ участію въ работахъ делегаціи были, по желанію Репнина, приглашены диссиденты: могилевскій православный епископъ, Георгій Конисскій, маршалы конфедерацій: торнской и слуцкой и нѣсколько иныхъ лицъ. Предсѣдательствовалъ примасъ

Подосскій, но фактическимъ руководителемъ засѣданій делегаціи былъ Репнинъ.

Хотя делегаты съ незапятнанной репутаціей неоднократно старались сдерживать законодательные порывы русскаго посла и оппонировали ему, но они мало что могли отстоять въ пользу республики. Репнинъ напоминалъ оппонентамъ о пребываніи въ Польшѣ 40,000-ной русской арміи, судьбѣ Чацкаго, все еще содержавшагося подъ надзоромъ въ Порицкѣ, и, наконецъ, о ссылкѣ Солтыка, Залусскаго и Ржевускихъ. Онъ не стѣснялся оскорблять делегатовъ. «Иное дѣло играть въ маріашъ, а иное, говорить», сказалъ онъ одному изъ епископовъ. «Вы, замѣтилъ онъ другому, слишкомъ молодой *l'abbé*, чтобы говорить со мною». «*Il est fou*—это сумасшедшій!» закричалъ онъ, указывая на Богомольца; когда же тотъ всетаки продолжалъ возражать, Репнинъ крикнулъ: «*иди прочь!*»

Терроризированная Репнинымъ делегація выработала слѣдующіе проекты:

Диссиденты уравниваются въ правахъ съ католиками какъ относительно свободы вѣроисповѣданія, такъ и относительно политическихъ прерогативъ. Отмѣняются всѣ изданные противъ нихъ эдикты: велюнскій 1424 г., эдиктъ Януша, князя мазовецкаго, 1525 г. и ягеллонскіе эдикты; отмѣняются также направленныя противъ нихъ конституціи, начиная съ 1717 и оканчивая 1766 г. Они могутъ сооружать церкви и молитвенные дома безъ всякихъ ограниченій и имѣютъ право требовать возвращенія такихъ сооруженій, отнятыхъ у нихъ католиками до 1717 г. Для разбора столкновеній между иновѣрцами и католиками по религіознымъ дѣламъ былъ установленъ смѣшанный судъ (*judicim mixtam*) изъ семи диссидентовъ и такого же числа латинянъ. Но при этомъ уравненіи правъ диссидентовъ католичество получаетъ привилегію господствующей религіи. Привилегія эта сводится къ тому, что королемъ можетъ быть только католикъ и переходъ изъ католическаго исповѣданія въ какое либо иное считается уголовнымъ преступленіемъ. Стремленія Репнина и Подосскаго къ освобожденію Польши изъ-подъ вліянія Рима и учрежденію національной церкви не имѣли успѣха.

Утверждены подъ названіемъ *основныхъ законовъ* главныя начала существовавшаго строя республики: избираемость королей, *liberum veto* и прерогативы шляхты. Въ этомъ отношеніи удалось достигнуть лишь небольшихъ измѣненій: королю—въ *liberum veto*, а народной волѣ—въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ.

Единогласіе требовалось при рѣшеніи такъ называемыхъ государственныхъ вопросовъ — относительно: 1) налоговъ, 2) увеличенія численности войска, 3) заключенія трактатовъ, 4) объявленія войны и заключенія мира, 5) измѣненія стоимости монеты и 6) прерогативъ министровъ, 7) относительно порядка собранія и засѣданія сеймовъ и сеймиковъ, 8) организаціи трибуналовъ, 9) разрѣшенія королю пріобрѣтать земельныя владѣнія и 10) созванія всеобщаго ополченія. Лишь по остальнымъ, такъ называемымъ экономическимъ вопросамъ, король взамѣнъ за поддержку оказанную имъ въ диссидентскомъ дѣлѣ, выпросилъ право рѣшенія большинствомъ голосовъ.

Допущенное Репнинымъ измѣненіе въ правовыхъ отношеніяхъ между шляхтой и крестьянами было едва лишь слабымъ отраженіемъ желаній нѣкоторыхъ членовъ делегаціи. Сознаніе необходимости реформы положенія крестьянъ становилось все болѣе и болѣе всеобщимъ. Послѣ Лещинскаго, высказавшаго свой взглядъ на этотъ вопросъ въ «Свободномъ голосѣ, защищающемъ свободу», появлялось не мало предложеній въ интересахъ крестьянъ, особенно въ «*Мониторъ*», періодическомъ изданіи, выходившемъ съ 1765 г. въ Варшавѣ. По иниціативѣ частныхъ лицъ, въ разныхъ мѣстахъ страны производились попытки реформы. Въ 1733 г. магистратъ города Познани, владѣвшаго нѣсколькими селами, далъ личную свободу своимъ крѣпостнымъ, ввелъ у нихъ самоуправленіе и уменьшилъ повинности. Въ томъ же духѣ издалъ предписанія для своихъ помѣстій познанскій каѳедральный кустосъ, свящ. Лаврентій Свинярскій. Въ Семятичахъ, въ Подлясьи, вводила реформы княгиня Яблоновская; въ Мазовіи, въ Бѣжунѣ — канцлеръ Замойскій; въ Королевской Пруссіи — Пржебендовскій. Замойскій въ 1765 г. замѣнилъ барщину оброкомъ, ввелъ крестьянскіе суды, учредилъ общественную кассу и т. п. По почину Роха Яблоновскаго, въ делегаціи былъ предложенъ проектъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и обезпеченія имъ правильнаго суда, но Репнинъ не допустилъ обсужденія этого проекта. Онъ согласился лишь на лишеніе помѣщиковъ права жизни и смерти (*vitae et necis*) надъ ихъ крѣпостными. По уголовнымъ преступленіямъ крѣпостныхъ впредь имѣли судить не помѣщики, а земскіе или городскіе суды. Шляхтичъ за сознательное и преднамѣренное убійство крестьянина подлежалъ впредь не денежному штрафу, а смертной казни согласно предписаніямъ литовскаго статута.

Изъ нововведеній Чарторыйскихъ удержались лишь финансовыя и военныя комиссіи. Коронный трибуналъ, раздѣленіе котораго, установленное на конвокаціонномъ сеймѣ, было отмѣнено, имѣлъ засѣдать въ одномъ году въ Піотрковѣ для Великой и во Львовѣ для Малой Польши, а во второмъ—въ Калишѣ и Люблинѣ. Гетманы возведены въ сенаторское достоинство; спеціально для князя Августа Сулковскаго, не могшаго дождаться освобожденія сановнической вакансіи, было учреждено новое воеводство, гнѣзненское. Даны были индигенаты помощникамъ Репнина: Карру, Игельстрёму и нѣсколькимъ русскимъ генераламъ. Самъ Репнинъ отклонилъ отъ себя эту честь. Равноправіе диссидентовъ и основные законы, включенные въ союзный договоръ между республикой и императрицей, не могутъ быть измѣнены безъ согласія Россіи. Такъ была навязана Польшѣ русская *«гарантія»*, лишившая республику возможности внутренняго преобразованія въ духѣ ея существенныхъ потребностей.

На послѣднемъ засѣданіи делегаціи Репнинъ предостерегалъ, чтобы никто изъ ея членовъ не осмѣливался оспаривать принятыхъ постановленій на сеймѣ, время вторичнаго собранія котораго приближалось. Напротивъ, они должны удерживать своихъ сеймовыхъ товарищей, если бы кто нибудь изъ нихъ захотѣлъ оппонировать. «Иначе, грозилъ Репнинъ:—я закончу, какъ и началъ... Но не трехъ возьму, а тридцать!»

Сеймъ молча слушалъ чтеніе доклада делегаціи; молчаніе его нарушилъ лишь прусскій посолъ, Іосифъ Выбицкій. Этотъ молодой человѣкъ, согласно желанію находившагося за-границею каменецкаго епископа, Адама Красинскаго, прервалъ чтеніе договора между Польшей и Россіей и запротестовалъ противъ его содержанія. Среди суматохи, вызванной этимъ обстоятельствомъ, Выбицкій при содѣйствіи друзей ушелъ изъ сеймовой залы и уѣхалъ изъ Варшавы, спасаясь отъ мщенія Репнина. На послѣднемъ засѣданіи сейма предложеніе делегаціи было подписано.

Такъ реформаторскія нововведенія Чарторыйскихъ были уничтожены, республика обречена на застой и правовую зависимость отъ Россіи. Недальновидный вождь ослѣпленныхъ шляхетскихъ массъ, Радзивиллъ, закончилъ свою дѣятельность маршала большимъ баломъ-маскарадомъ, даннымъ имъ въ день рожденія императрицы...

Та самая шляхта, которая взамѣнъ за низложеніе Станислава-Августа и уничтоженіе реформъ Чарторыйскихъ готова была служить императрицѣ въ рѣшеніи диссидентскаго вопроса, подняла теперь оружіе противъ Россіи. Она сдѣлала это, обманувшись въ своемъ главномъ стремленіи, въ низложеніи Станислава-Августа, и задѣтая въ своихъ чувствахъ религіознаго правовѣрія, которыя могли мириться съ *уступками* въ пользу диссидентовъ, но не съ ихъ полнымъ *равноправіемъ*. Кромѣ этихъ мотивовъ—ненасытной ненависти къ королю и оскорбленныхъ религіозныхъ чувствъ, къ протесту побуждало шляхту и насиліе, совершенное Россіей надъ независимостью Польши, терроризированіе такихъ представителей ея, какъ Чацкій, Кожуховскій, Солтыкъ, Залускій, Ржевускіе. Поэтому цѣлью движенія было освобожденіе республики отъ русскаго деспотизма, низложеніе Станислава-Августа и возвращеніе католичеству его привилегированнаго положенія. Однако главнымъ лозунгомъ его была религія, какъ предметъ, особенно живо интересующій шляхетскую массу и наиболѣе способный взволновать ее.

Мысль о вооруженномъ движеніи противъ Россіи появилась еще до делегаціоннаго сейма, во время радомскихъ насилій. Главнымъ иниціаторомъ ея былъ каменецкій епископъ Красинскій, который вмѣстѣ съ другими духовными сенаторами присоединился къ радомской конфедераціи, но подъ условіемъ неприкосновенности прерогативъ католичества. На сеймъ онъ не явился и убѣждалъ Солтыка уѣхать изъ Варшавы, учредить конфедерацію и обратиться за помощью къ Турціи, Австріи и Франціи. Отъ мести Репнина, который велѣлъ разыскать его, онъ благополучно спасся и бѣжавъ заграницу. Онъ жилъ инкогнито въ австрійской Силезіи, въ Цѣшинѣ, откуда сносился со своими единомышленниками. Идею его осуществили: варецкій староста, Іосифъ Пулавскій, и братъ епископа, рожанскій подкоморій, Михаилъ Красинскій,—оба подписавшіе актъ радомской конфедераціи.

Шестидесятилѣтній Пулавскій еще до вторичнаго созванія сейма уѣхалъ съ Михаиломъ Красинскимъ во Львовъ, сыновей же своихъ: Казиміра, Франциска и Антонія, послалъ на Русь собирать военные отряды. Въ концѣ февраля 1768 г. онъ прибылъ въ Баръ, небольшую крѣпость въ брацлавскомъ воеводствѣ, гдѣ засталъ уже нѣсколько сотенъ вооруженной шляхты изъ окрестныхъ мѣстностей. 26 февраля составленъ былъ актъ конфедераціи.

Барская конфедерація основывалась на принципахъ тѣхъ конфедерацій, которыя предшествовали радомскому съѣзду: она учреждалась для защиты вѣры и старинныхъ республиканскихъ вольностей. Она не объявляла низложенія короля, но учреждалась независимо отъ него. Она приглашала присоединиться къ себѣ сенаторовъ и шляхту, коронное войско и милицію частныхъ лицъ, не допуская въ число своихъ членовъ лютеранъ, кальвинистовъ и диссидентовъ. Маршаломъ ея былъ избранъ Михаилъ Красинскій, а региментаремъ старикъ Пулавскій. Одновременно съ конфедераціей въ Барѣ возникло религіозное братство, называвшее себя рыцарями святого креста и обязывавшееся жизнью защищать вѣру. Члены его носили крестъ, вышитый противъ сердца; лозунгомъ ихъ были слова: «Іисусъ—Марія!» Учредителемъ и главою этого братства былъ пріоръ барскихъ кармелитовъ, свящ. Маркъ Яблоновскій, пользовавшійся на Руси славою пророка-чудотворца.

Когда извѣстіе о возникновеніи барской конфедераціи дошло до Варшавы, Станиславъ-Августъ созвалъ совѣтъ сената для рѣшенія вопроса, какъ должно держать себя правительство республики относительно конфедератовъ. Ему предложено было два вопроса: отправить ли въ Баръ пословъ, которые бы убѣдили конфедератовъ разойтись, или же призвать на помощь русскія войска? Король высказался за оба эти предложенія; къ его мнѣнію присоединилось и большинство сенаторовъ. Въ качествѣ посла отправленъ былъ генералъ Андрей Мокроновскій, пользовавшійся популярностью среди шляхетскихъ массъ вслѣдствіе роли, разыгранной имъ на конвокаціонномъ сеймѣ; объ этомъ сообщено было Репнину съ просьбою о помощи русскихъ войскъ въ случаѣ, если конфедерація не разойдется. Однако Репнинъ не сталъ дожидаться результатовъ посольства: онъ началъ концентрировать русскія войска и потребовалъ, чтобы Станиславъ-Августъ принялъ участіе въ борьбѣ съ конфедератами. Вслѣдствіе этого нѣсколько коронныхъ полковъ подъ начальствомъ короннаго ловчаго Франциска-Ксаверія Корчака-Браницкаго выступили въ Русь для совмѣстныхъ дѣйствій съ русской арміей.

Подъ натискомъ русскихъ войскъ и коронныхъ полковъ значительная часть конфедератовъ съ маршаломъ и региментаремъ ушла за Днѣстръ въ Молдавію, остальные же заперлись въ Барѣ подъ начальствомъ полковника Гижицкаго и въ Бердичевѣ подъ начальствомъ Казиміра Пулавскаго. Подъ Баръ подступилъ генералъ Апраксинъ съ Браницкимъ и взялъ

Бердичевъ, осажденный Кречетниковымъ, сдался на капитуляцію. Плѣнники были освобождены подъ условіемъ отреченія отъ конфедераціи,—за исключеніемъ взятаго въ Барѣ свящ. Марка, который былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь. Этимъ однако не кончились невзгоды конфедераціи: въ юго-восточныхъ воеводствахъ вспыхнуло возстаніе гайдамаковъ (казаковъ) и православныхъ крестьянъ, грозившее польско-католическому элементу на Руси полнымъ уничтоженіемъ.

Дизуниты, которыхъ на окраинахъ республики (въ Бѣлоруссіи, воеводствѣ новогродскомъ и брестъ-литовскомъ, на Украинѣ и Волыни) насчитывалось около полумилліона душъ, состояли изъ крестьянъ, мѣщанъ и мелкой шляхты. Они составляли темную, бѣдную и презираемую часть населенія. По настоянію Петра Великаго, Августъ II привилегіей, изданной въ 1720 г., возстановилъ могилевское дизунитское епископство и разрѣшилъ ему подчиняться во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ кіевскому митрополиту, т. е. въ сущности высшей церковной власти въ Россіи, петербургскому синоду. Могилевскіе епископы: Сильвестръ Четвертинскій и братья Волчанскіе,—Іосифъ и Іеронимъ,—посылали въ Петербургъ жалобы на угнетеніе православія въ республикѣ, жаловались на то, что приходскіе священники, монастыри и цѣлые приходы переходятъ въ унію. Преемникъ Іеронима Волчанскаго, Георгій Конисскій, себя и свою паству считалъ подданными скорѣе Россіи, чѣмъ Польши: въ согласіи съ Кайзерлингомъ онъ неутомимо интриговалъ въ Петербургѣ противъ республики. Вслѣдствіе отдаленности бѣлорусскаго Могилева отъ юго-восточныхъ воеводствъ Конисскій передалъ свои пастырскія права подъ дизунитами на Украинѣ и Волыни заграничному православному епископу, переяславскому, въ которомъ нашелъ ревностнаго сотрудника въ борьбѣ съ католичествомъ. Переяславскій епископъ, Гервасій Линчевскій, началъ православную агитацію среди сельскаго украинскаго населенія. Онъ нашелъ сильную поддержку въ петербургскомъ синодѣ и не меньшую въ православныхъ монастыряхъ на Украинѣ, главнымъ же образомъ въ мотренинскомъ, расположенномъ въ чигиринскомъ староствѣ. Игуменъ мотренинскаго монастыря, Мельхиседекъ Яворскій, привлекалъ въ православіе уніатовъ, возбуждалъ своихъ единовѣрцевъ противъ католической шляхты и латинскаго духовенства. Вражду православнаго русскаго населенія къ польской шляхтѣ, живщую въ традиціяхъ казацкихъ войнъ временъ Хмельницкаго, раздували, кромѣ монаховъ, запорожцы, неодно-

кратно дѣлавшіе хищническіе набѣги на Украину. Для охраны жизни и имущества землевладѣльцы содержали постоянные гарнизоны коронного войска въ Чигиринѣ и Бѣлой Церкви; богатые господа содержали надворныя милиціи въ мѣстечкахъ и своихъ резиденціяхъ. Крестьяне перестали отбывать барщину; ободряемые поддержкою Россіи, они собирались и устраивали совѣщанія относительно защиты православія. При такомъ горючемъ матеріалѣ достаточно было искры, чтобы произошелъ взрывъ. Этой искрой сталъ религіозный лозунгъ барскихъ конфедератовъ.

Игуменъ Яворскій, увидѣвъ въ стремленіяхъ барской конфедераціи посягательство на православную церковь, началъ приготовленія къ бунту. Онъ поддѣлалъ манифестъ царицы, призывавшій вырѣзать ляховъ, евреевъ и уніатовъ, подстрекнулъ запорожцевъ Максима Желѣзняка организовать казацкій отрядъ, который вскорѣ, переправившись черезъ Днѣпръ, вступилъ въ Украину. Самъ Желѣзнякъ направился къ Умани, Неживый— на Каневъ, Швачка—на Фастовъ, другіе же предводители отрядовъ—въ разныя страны по направленію къ важнѣйшимъ городамъ. Къ гайдамакамъ присоединялось украинское крестьянство. Съ отрядами ихъ шли попы, которые освящали оружіе и придавали войнѣ религіозный характеръ. Гайдамаки избивали шляхту, католическихъ и уніатскихъ священниковъ и евреевъ, грабили католическія церкви и господскія усадьбы, принуждали уніатское населеніе переходить въ православіе. Самымъ кровавымъ эпизодомъ этого возстанія, *коліивщины*, была рѣзня въ Умани, принадлежавшей кіевскому воеводѣ, Францеску-Салезію Потоцкому. Въ этомъ мѣстечкѣ укрылось до 20,000 сбѣжавшагося окрестнаго населенія, понадѣявшагося на защиту надворной милиціи, состоявшей подъ начальствомъ сотника Гонты. При извѣстіи о приближеніи Желѣзняка Младановичъ, управлявшій Уманщиною, выслалъ противъ него Гонту съ полкомъ казаковъ. Вѣроломный сотникъ соединился съ предводителемъ гайдамаковъ, взялъ мѣстечко и вырѣзалъ все населеніе, не пощадивъ и учениковъ мѣстной базиліанской школы. Опьяненный побѣдою Желѣзнякъ провозгласилъ себя гетманомъ казаковъ и княземъ Смилы, принадлежавшей Любомірскимъ. Гонта принялъ титулъ князя уманьскаго. Князья эти, изгнанные изъ Умани смрадомъ разлагавшихся труповъ, стали обозомъ за мѣстечкомъ и разослали свои разбойничьи отряды по окрестностямъ. Лишь послѣ уманьской рѣзни, когда уже погибло около 20,000 человѣкъ, им-

ператрица особымъ манифестомъ оффиціально отреклась отъ солидарности съ гайдамацкимъ движеніемъ и велѣла своимъ войскамъ усмирить бунтовщиковъ. Генералъ Кречетниковъ разбилъ гайдамаковъ, велѣлъ заковать ихъ въ цѣпи и отдѣлить русскихъ подданныхъ отъ польскихъ. Первые вмѣстѣ съ Мельхиседекомъ Яворскимъ и Желѣзнякомъ были сосланы въ Сибирь, вторые же выданы властямъ республики. Ловчій Браницкій разослалъ плѣнниковъ по разнымъ крѣпостямъ, гдѣ ихъ вѣшали десятками. Гонта былъ казненъ близъ Могилева на Днѣстрѣ среди страшныхъ мученій. Остатки возставшихъ крестьянъ усмирилъ съ большой суровостью коронный обозный, Іосифъ Стемпковскій. Въ слѣдующемъ, 1769 году бунты возобновились подъ предводительствомъ запорожцевъ: Тименка, Наченка и Журбы, но ихъ банды были разсѣяны коронным войскомъ.

Побѣды русскихъ войскъ въ связи съ гайдамацкимъ бунтомъ сдѣлали невозможнымъ развитіе конфедераціи на юго-востокѣ, но не помѣшали распространенію ея во внутреннихъ воеводствахъ. Когда русскія и польскія команды гонялись за барцами на Руси, началось движеніе въ западныхъ и сѣверныхъ воеводствахъ. Возникали конфедераціи въ разныхъ мѣстахъ: въ краковскомъ воеводствѣ подъ предсѣдательствомъ Михаила Чарноцкаго, въ сандомірскомъ подъ предсѣдательствомъ Петра Потоцкаго, въ сѣрадзскомъ подъ предсѣдательствомъ Іосифа Бержинскаго, въ гостинской землѣ подъ предсѣдательствомъ Михаила Дзержановскаго; въ Литвѣ выступили: Симонъ Коссаковскій, Козеллъ, Медекша и др. Не мало было и авантюристовъ, которые, прикрываясь знаменемъ барской конфедераціи, организовывали мелкіе вооруженные отряды для грабежей. Отсутствіе верховныхъ руководителей конфедераціи, находившихся на турецкой территоріи, лишало частные союзы единства дѣйствій и обрекало ихъ на безсиліе. Лишь война, объявленная Россіей Турціи, открыла барской конфедераціи виды на лучшее будущее.

Запорожскій сотникъ Шило, погнавшись за отрядомъ конфедератовъ, перешелъ турецкую границу и напалъ на Балту, вырѣзавъ въ ней евреевъ и турокъ. Это обстоятельство послужило причиною войны. Въ манифестѣ отъ 22 сентября 1768 г. Порта выставила предлогомъ для объявленія войны, между прочимъ, вмѣшательство Россіи въ избраніе короля и внутреннія дѣла республики, а также содержаніе ею своихъ войскъ въ Польшѣ. Въ то же время достоинство крымскаго

хана получилъ расположенный къ Польшѣ Крымъ-Гирей; назначенъ былъ также новый хотинскій паша вмѣсто прежняго, расположеннаго къ Россіи. Все это совершилось не безъ вліянія французскаго посла въ Константинополѣ. Верженна, и не безъ стараній руководителей барской конфедераціи, среди которыхъ тѣмъ временемъ произошли важныя перемѣны. Барцы, находившіеся въ турецкихъ владѣніяхъ, сваливали вину за пораженіе барской конфедераціи, именно, за паденіе Бара и Бердичева, на старика Пулавскаго, упрекая его въ преждевременности начинанія. Онъ былъ лишенъ декретомъ должности регементаря, на которую назначенъ Іоахимъ Потоцкій. Такъ какъ Пулавскій не хотѣлъ подчиниться этому декрету, то его схватили и отдали, какъ арестанта, хотинскому пашѣ. Въ казематахъ хотинскаго замка и умеръ учредитель барской конфедераціи, или, какъ утверждаютъ другіе, былъ задушенъ по приказанію паши.

Турецкая война увеличила значеніе конфедераціи и открыла ей виды на избавленіе отъ русскаго вліянія. Императрица, не имѣя возможности направить значительныя силы противъ конфедераціи, отозвала прежняго представителя системы насилія, Реннина, и прислала на его мѣсто князя Волконскаго. Король съ Чарторыйскими тоже измѣнили свое отношеніе къ конфедераціи.

Станиславъ-Августъ, который въ 1768 г. за свою покорность Россіи и содѣйствіе подавленію конфедератовъ нѣсколько разъ пользовался денежными субсидіями императрицы, послѣ объявленія турецкой войны и удаленія Реннина измѣнилъ свое поведеніе. Онъ отозвалъ ловчаго Браницкаго, прекратилъ интимныя отношенія съ русскимъ посольствомъ и сблизился съ Чарторыйскими. Окружавшіе его все больше и больше удалялись отъ петербургскаго двора, стремились къ соглашенію съ конфедератами, заготовляли втайнѣ военные запасы и думали начать борьбу съ Россіей увозомъ изъ Варшавы князя Волконскаго въ возмездіе за арестъ сенаторовъ въ 1767 г. Военными приготовленіями занялся князь Адамъ Чарторыйскій, переговоры съ конфедератами велъ его зять, Станиславъ Любомірскій, который послѣ смерти Бѣлинскаго исполнялъ должность великаго короннаго маршала. Руководство общественными дѣлами снова переходило въ руки Чарторыйскихъ, какъ было въ началѣ царствованія Станислава-Августа. Къ несчастію, стремленія двора были разстроены интригами, въ которыя позволила себя вовлечь конфедерація.

Люди, желавшіе въ 1767 г. низложенія Станислава-Августа не оставили этой мысли и теперь. Устраненіе короля вопреки Россіи, если-бъ та захотѣла оставить его, несмотря на желаніе шляхетской массы, стало главной цѣлью стремленій сановниковъ, имѣвшихъ вліяніе на руководителей конфедераціи, находившихся теперь при турецкой арміи. Во главѣ ихъ стояли: примасъ Подосскій, великій коронный подскарбій Өеодоръ Вессель, коронный надворный маршалъ Георгій Мнишекъ и другіе. Они поддерживали сношенія съ Дрезденомъ, подумывая о возведеніи на польскій престолъ саксонскаго принца, и сблизились съ Волконскимъ, убѣждая его, что осуществленіе ихъ плановъ больше всего упрочитъ вліяніе Россіи въ Польшѣ. Эти люди сумѣли овладѣть конфедераціей и направить ее согласно своимъ желаніямъ.

Такъ какъ руководители конфедераціи находились при турецкой арміи, то частные конфедератскіе союзы, лишенные центральной власти, дѣйствовали безъ всякой общей связи между собою: часто они своими дѣйствіями мѣшали другъ другу и вредили общественному дѣлу. Было много самозванныхъ маршаловъ: нѣкоторые изъ нихъ, ссылаясь на избраніе своихъ партій, присваивали себѣ верховную власть надъ провинціей или нѣсколькими воеводствами. Бержинскій объявилъ себя генеральнымъ региментаремъ, Мартинъ Любомирскій титуловалъ себя маршаломъ сандомірскимъ, краковскимъ и русскимъ. Другіе, не признавая надъ собою никакой власти, дѣйствовали самостоятельно, разоряя страну контрибуціями еще больше, чѣмъ русскія войска разоряли его оружіемъ. Чтобы положить конецъ этому хаосу, въ ноябрѣ 1769 г., благодаря стараніямъ каменецкаго епископа, состоялся большой съѣздъ вліятельныхъ лицъ въ Бѣлой, мѣстечкѣ, принадлежавшемъ князьямъ Сулковскимъ и расположенномъ на силезской границѣ. Безопасность этого съѣзда обезпечивалась близостью австрійской границы; его также прикрывали окрестные замки: Бобрекъ, Ланцкрона, тынецкій монастырь, находившіеся въ рукахъ конфедератовъ. На съѣздъ прибыли: епископъ Красинскій, подскарбій Вессель, князь Карлъ Радзивиллъ; нѣсколько каштеляновъ, много маршаловъ и консиліаровъ частныхъ конфедерацій. Къ важнѣйшимъ задачамъ съѣзда принадлежало утвержденіе маршаловъ и установленіе конфедератской власти. Утверждены были на прежнихъ должностяхъ: Михаилъ Красинскій и Іоахимъ Потоцкій; литовскимъ генеральнымъ былъ назначенъ совѣтникъ и другъ Радзивилла — «Пане-коханку», зіоловскій староста,

Михаилъ Папъ, региментаремъ—Санѣга. Папъ сталъ замѣстителемъ отсутствовавшаго Красинскаго, секретаріатъ генеральной конфедераціи получилъ, служившій Радзивилламъ, Игнатій Богушъ. По разсмотрѣніи различныхъ дѣлъ руководители конфедераціи назначили пословъ отъ нея къ правительствамъ иностранныхъ государствъ—между прочимъ, литовскаго великаго кухмистра, Михаила Вельгорскаго, во Францію. Для большей безопасности они переѣхали сперва на силезскую территорію, въ Бильскъ, а затѣмъ въ Венгрію, въ Прешовъ. Въ этой послѣдней резиденціи они, сбитые съ толку примасомъ, Весселемъ и другими, объявили 9 августа 1770 г. низложеніе Станислава-Августа и междуцарствіе. Актъ этотъ вручилъ королю въ варшавскомъ замкѣ конфедератъ Михаилъ Стравинскій, вмѣшавшись въ толпу лицъ, подававшихъ прошенія.

Объявленіе междуцарствія заставило Станислава-Августа снова искать покровительства Россіи. Получивъ извѣстіе, что императрица поддержитъ низложеніе, король обратился къ Волконскому съ заявленіемъ о своей покорности и готовности служить Россіи. Благодаря объявленію междуцарствія Волконскій пріобрѣлъ для Россіи содѣйствіе короля, подобно тому, какъ раньше Репнинъ при помощи конфедерацій, предшествовавшихъ генеральной радомской. Планы Чарторыйскихъ были разстроены: ловчій Браницкій и другіе начальники коронпаго войска получили приказъ снова выступить противъ конфедератовъ.

Объявленіе междуцарствія состоялось тогда, когда Франція изъявила готовность оказать дѣятельную поддержку барскому движенію. Лѣтомъ 1770 г. министръ Шуазель послалъ въ Прешовъ генерала Шарля-Франсуа Дюмурье для организаціи конфедератовъ. Но наперекоръ планамъ Дюмурье актъ междуцарствія не допустилъ объединенія народныхъ силъ, такъ какъ онъ толкнулъ короля въ объятія Россіи и двинулъ коронные полки на конфедератовъ. Несмотря на помощь со стороны Франціи деньгами, оружіемъ и людьми, за отсутствіемъ единства въ народѣ мало пользы принесли геройскіе подвиги отдѣльныхъ партизанскихъ отрядовъ: Казиміра Пулавскаго, Іосифа Зарембы, Саввы Цалинскаго и другихъ. Въ довершеніе несчастья, хаосъ, господствовавшій въ республикѣ, соблазнилъ сосѣднія державы приступить къ проискамъ, результатомъ которыхъ явились проекты раздѣла Польши.

Россія одерживала въ войнѣ съ Турціей блестящія побѣды

Въ морской битвѣ близъ Чесмы въ Архипелагѣ она уничтожила турецкій флотъ; генералъ Румянцевъ одержалъ рядъ побѣдъ на сушѣ. Успѣхи Россіи встревожили Пруссію и Австрію. Уже въ 1769 г. молодой римско-германскій императоръ и король венгерскій, Іосифъ II, имѣлъ въ Нисеѣ, въ Силезіи, свиданіе съ Фридрихомъ II съ цѣлью придти къ соглашенію относительно образа дѣйствій по случаю русскихъ завоеваній. Въ слѣдующемъ году эти же монархи имѣли вторичное свиданіе въ моравскомъ городѣ Нейштадтѣ, куда прислалъ письмо султанъ съ просьбою о посредничествѣ Австріи и Пруссіи для заключенія мира съ Россіей. Въ то же время венгерскія власти заняли спижское староство и часть краковскаго воеводства до Стараго Сонча, а прусскія войска подъ предлогомъ установленія кордона по случаю эпидеміи, вступили въ Королевскую Пруссію и пограничныя мѣстности Великой Польши. Эти нашествія, были предвосхищеніемъ проектовъ, съ которыми вскорѣ прусскій король обратился въ Петербургъ.

Въ концѣ 1770 г. въ Петербургъ отправился братъ Фридриха II, принцъ Генрихъ, съ проектомъ раздѣла пограничныхъ областей республики между Австріей, Пруссіей и Россіей. По этому проекту Россія за свои побѣды надъ Турціей, Австрія и Пруссія за посредничество при заключеніи мира должны были получить вознагражденіе на счетъ Польши. Императрица, стремившаяся овладѣть всею республикою, дала уклончивый отвѣтъ на предложенія принца Генриха и приняла мѣры, клонившіяся къ тому, чтобы не допустить раздѣла. Чтобы прежде всего лишить Пруссію и Австрію предлога для вмѣшательства въ польскія дѣла, она рѣшила умиротворить республику посредствомъ подавленія конфедераціи и съ этой цѣлью на мѣсто князя Волконскаго послала въ Варшаву энергичнаго барона Сальдерна. Новый посланникъ издалъ отъ имени императрицы декларацію, призывавшую народъ къ умиротворенію страны, а барцамъ предлагавшую сложить оружіе; въ то же время онъ направилъ русскіе отряды противъ Дюмурье, стоявшаго подъ Ланцкороной во главѣ организованной конфедератской арміи. Застигнутый полковниками Суворовымъ и Древичемъ, Дюмурье понесъ пораженіе, потерявъ около 3.000 конфедератовъ, среди которыхъ палъ и литовскій генеральный регіментарь, Сапѣга. Увѣренный въ преобладающей силѣ русскаго оружія, Сальдернъ послѣ ланцкронской побѣды издалъ новую декларацію, въ которой называлъ конфедератовъ зло-

дѣями и грозилъ имъ висѣлицею; примаса, безпрестанно интриговавшаго противъ короля, онъ подвергъ домашнему аресту. Насильственный образъ дѣйствій русскаго посланника побудилъ принять участіе въ конфедераціи и тѣхъ, которые до сихъ поръ были равнодушны къ ней или держались выжидательно. Взялся за оружіе зять канцлера Чарторыйскаго, Михаилъ Огинскій, назначенный по смерти Массальскаго литовскимъ великимъ гетманомъ. Хотя Огинскій въ сентябрѣ 1771 г. былъ подъ Столовичами разбитъ Суворовымъ, однако конфедератское движеніе усиливалось, благодаря энергичной помощи Франціи. На мѣсто Дюмурье прибылъ въ Польшу съ значительнымъ числомъ офицеровъ баронъ де-Віоменилъ, по совѣту котораго руководители конфедераціи переселились изъ Прешова въ Цѣшинъ, откуда легче было руководить операціями партизанскихъ отрядовъ. Ближайшей цѣлью руководителей конфедераціи было занятіе Кракова, которымъ овладѣли русскія войска, и созваніе въ немъ элекціоннаго сейма. Имъ казалось, что въ кандидатахъ на престолъ она найдетъ союзниковъ и помощниковъ. Эти соображенія вызвали покушеніе на Станислава-Августа, произведшее рѣшительную перемѣну въ судьбѣ конфедераціи.

Стравинскій, вручившій королю 9 августа 1770 г. въ варшавскомъ замкѣ объявленіе о междуцарствіи, состоялъ на службѣ въ военномъ отрядѣ Казиміра Пулавскаго, занимавшемъ ченстоховскую крѣпость. Съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ онъ выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе предпринять партизанскую экспедицію подъ Варшаву, имѣя въ виду похитить Станислава-Августа и отвезти его въ Ченстоховъ. Съ нѣсколькими товарищами Стравинскій прибылъ въ столицу и выполнилъ свой планъ ночью 13 ноября 1771 г. Заговорщики напали на короля, возвращавшагося по Медовой улицѣ отъ канцлера Чарторыйскаго, посадили его на коня и поѣхали съ нимъ за городскіе валы по направленію къ Бѣлянамъ. Среди ночной темноты заговорщики растеряли другъ друга; оставшійся около короля Кузьма поддался просьбамъ плѣнника и проводилъ его въ сосѣдній Маримонтъ. Утромъ на слѣдующій день Станиславъ-Августъ со слѣдами ночного приключенія вернулся въ Варшаву и сообщилъ о случившемся съ нимъ происшествіи иностраннымъ дворамъ. Такъ какъ Станиславъ-Августъ изобразилъ продѣлку конфедератовъ, какъ покушеніе на цареубійство, то державы, имѣвшія въ виду раздѣлъ республики, нашли благовидный предлогъ къ вмѣшательству во внутреннія

дѣла страны, въ которой жизнь монарха подверглась опасности, и воспользовались этимъ благопріятнымъ случаемъ для того, чтобы произвести давленіе на петербургскій дворъ. Императрица, не имѣя возможности собственными силами подавить конфедерацію и къ тому-же встревоженная сближеніемъ Австріи съ Турціей, приняла предложенія Фридриха относительно раздѣла. 6 февраля 1772 г. въ Петербургѣ была заключена между Россіей и Пруссіей конвенція о раздѣлѣ Польши. 19 февраля императоръ Іосифъ и Марія-Терезія подписали такую же конвенцію съ Россіей и Пруссіей. Конфедераты, не подозрѣвая объ этихъ соглашеніяхъ, напрягали послѣднія усилія въ борьбѣ съ русскими войсками. Нѣсколько десятковъ человѣкъ тынецкаго гарнизона подъ начальствомъ французскаго генерала Шуази проникли по каналу со стороны Вислы въ краковскій замокъ, разсчитывая овладѣть оттуда и городомъ. Суворовъ голодомъ и многократными штурмами принудилъ гарнизонъ замка къ капитуляціи. Одновремено съ этимъ цѣшинскіе руководители конфедераціи получили извѣстіе о состоявшихся конвенціяхъ относительно раздѣла и приказъ оставить австрійскія владѣнія. Они со своимъ маршаломъ, Пацомъ, уѣхали въ Вѣну, гдѣ получили приказъ отправиться въ Баварію. Тѣмъ временемъ во владѣнія республики вступали войска державъ, заключившихъ конвенціи. Конфедераты еще держались въ Ченстоховѣ, Ланцкронѣ и Тынцѣ. Начальникъ Ченстоховскаго гарнизона, Пулавскій, обвиняемый въ участіи въ покушеніи на цареубійство, удалился изъ крѣпости, которую вскорѣ занялъ своимъ войскомъ Суворовъ. Ланцкрона и Тынецъ сдались австрійцамъ. Такъ закончилось шляхетское движеніе, полное геройскихъ подвиговъ, но также и политическихъ ошибокъ, благодаря которымъ оно стало непосредственной причиной раздѣла республики.

Послѣ подписанія конвенцій о раздѣлѣ и занятія пограничныхъ воеводствъ русскими, прусскими и австрійскими войсками въ Петербургѣ начались переговоры о томъ, какія именно земли должны были отойти отъ республики. Результатомъ этихъ переговоровъ явилось три трактата: между Россіей и Пруссіей, Пруссіей и Австріей, Австріей и Россіей. Всѣ они начинаются словами: «Во имя Пресвятой Троицы»; въ качествѣ причинъ раздѣла они указываютъ анархію республики, угрожавшую спокойствію сосѣднихъ государствъ, а также необходимость поставить Польшу въ такія условія по-

литическаго существованія, которыя бы согласовались съ интересами ея сосѣдей. Россія присоединила воеводства: инфлянтское, полоцкое, за исключеніемъ небольшой части его на лѣвомъ берегу Двины, витебское безъ оршанскаго повѣта, мстиславское и часть минскаго,—въ общемъ, около 1692 кв. миль. Австрія—княжества: освѣцимское и заторское, южныя части воеводствъ: краковскаго и сандомірскаго, русское, за исключеніемъ холмской земли, и белзское,—въ общемъ, не считая Спижа, 1508 квадр. миль. Пруссія—Вармію, поморское воеводство безъ Гданска, мальборгское, хелминское безъ Торна и великопольскіе повѣты до Нотеца,—въ общемъ 660 квадр. миль. Изъ всей территоріи республики, занимавшей 13300 квадр. миль, она утрачивала теперь 3860 квадр. миль съ четырьмя милліонами населенія.

Послѣ ратификаціи трактатовъ въ Петербургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ появились въ печати доказательства историческихъ правъ Россіи, Пруссіи и Австріи на захваченныя ими земли; изданія эти были полны извращеній фактовъ и лжи. Въ то же время дворы державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ, издали оккупаціонные манифесты и предписанія своимъ новымъ подданнымъ дать присягу въ присутствіи комиссаровъ: русскаго въ Полоцкѣ, прусскаго въ Мальборгѣ и австрійскаго во Львовѣ. Наконецъ, для узаконенія раздѣла нужно было склонить республику къ отреченію отъ земель, поименованныхъ въ трактатахъ и занятыхъ державами: съ этой цѣлью въ Мальборгъ прибыли послы: русскій, назначенный вмѣсто отозваннаго Сальдерна, баронъ Отто Штакельбергъ, прусскій, Бенуа и австрійскій, Ревицкій. Они вручили министрамъ республики общую декларацію, въ которой, напомнивъ о бывшихъ въ Польшѣ волненіяхъ, сообщали рѣшеніе своихъ державъ: умиротвореніе страны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удовлетвореніе притязаній, основывавшихся, дескать, на исторіи и правѣ. Для рѣшенія обоихъ этихъ вопросовъ они потребовали созванія чрезвычайнаго сейма.

Оккупація земель республики иностранными войсками не встрѣтила никакого сопротивленія. Польскій народъ, истощенный четырехлѣтней борьбой, обнищалъ матеріально и упалъ духомъ. Во время барской конфедераціи Польша потеряла до 100,000 человѣкъ мужескаго пола, способныхъ къ ношенію оружія. Русскіе сослали тысячи конфедератовъ въ Сибирь. Прославившійся своими жестокостями, полковникъ Древичъ, велъ торговлю польскими военноплѣнными, продавая ихъ отрядами по триста человѣкъ Фридриху II. Прусскій к-

роль и самъ устраивалъ облавы на крестьянскую молодежь и захваченныхъ бралъ въ свою армію. Кромѣ павшихъ, сосланныхъ въ Сибирь или выловленныхъ Фридрихомъ II, Польша потеряла много трудолюбивыхъ семей, бѣжавшихъ вслѣдствіе войны въ Венгрію, Силезію или Моравію. Воеводства, въ которыхъ не было сожженныхъ или разграбленныхъ селъ, составляли исключенія. Русскіе коменданты отличались ненасытнымъ хищничествомъ: они грабили усадьбы богатыхъ конфедератовъ, облагали ихъ помѣстья контрибуціями въ десятки тысячъ дукатовъ. Примѣру генераловъ: Кречетникова и Апраксина, полковника Древича и др. слѣдовали солдаты, разграбляя деньги и драгоцѣнности. Когда русскіе опустошали имѣнія конфедератовъ, эти послѣдніе грабили королевскія земли и имѣнія сторонниковъ двора. Шайки бездѣльниковъ прикрываясь знаменемъ конфедераціи, обирали одинаково и сторонниковъ, и противниковъ короля. Фридрихъ II снова сталъ подделывать монету и пустилъ въ обращеніе поддѣльныхъ денегъ на два милліона золотыхъ. Обширныя пространства обрабатывавшихся раньше земель лежали заброшенными; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ палъ весь скотъ. Рука объ руку съ матеріальнымъ разореніемъ шелъ упадокъ духа народа, истощеннаго столь многими жертвами, утратившаго вѣру въ возможность держаться собственными силами. Не оставалось ничего иного, какъ покориться врагамъ, предупреждать даже ихъ желанія и заискивать у нихъ милости. Когда австрійскій комиссаръ прибылъ въ Львовъ для приведенія поляковъ къ присягѣ, отказался дать ее одинъ лишь староста Кицкій, остальные же не только исполнили требованіе, но даже выражали радость по случаю того, что переходятъ изъ-подъ правленія Понятовскаго—«подъ славное владычество императорскаго дома». Въ Полоцкѣ бѣлорусская шляхта выражала русскому коммиссару благодарность императрицѣ за то, что она пожелала присоединить ее къ своимъ владѣніямъ. Въ Великой Польшѣ не мало было шляхты, изъявлявшей готовность перейти въ подданство прусскаго короля. Всѣ желали мира, готовы были мириться даже съ правленіемъ непріятелей, лишь бы выйти изъ угнетающей анархіи.

Между тѣмъ, какъ народъ погрузился въ апатію, Станиславъ-Августъ послалъ письма къ королямъ: Франціи, Испаніи, Португаліи, Сардиніи и къ Голландскимъ генеральнымъ штатамъ. Онъ не видѣлъ возможности бороться съ тройнымъ нашествіемъ, но думалъ, что завладѣніе союзниками страною

не составляетъ еще послѣдняго акта событій, которыя могутъ вызвать протестъ Европы и всеобщую войну. По его также мысли камергеръ Феликсъ Лойко составилъ отвѣтъ на изданныя доказательства историческихъ правъ державъ на занятыя ими земли, въ которомъ на основаніи документовъ опровергалъ неосновательныя притязанія Россіи, Пруссіи и Австріи. Вслѣдствіе деклараціи пословъ, требовавшихъ созванія сейма, Станиславъ-Августъ созвалъ совѣтъ сената на 6 октября 1772 года.

На совѣтъ собралось едва 28 сенаторовъ. Были между ними и такіе, какъ ленчицкій каштелянъ, Ѳаддей Липскій, которые совѣтовали созвать всеобщее ополченіе и защищаться до послѣдней капли крови; были и другіе, совѣтовавшіе безъ сопротивленія подчиниться требованіямъ державъ: большинство же, слѣдуя указаніямъ жившаго въ Силезіи каменецкаго епископа, высказывалось за дипломатическія средства и выжиданіе. Отказъ короля и совѣта сената созвать сеймъ раздражилъ иностранныхъ пословъ. Каменецкій епископъ, считавшійся главнымъ виновникомъ противодѣйствія, былъ схваченъ въ Силезіи вооруженной толпой и подъ стражею привезенъ въ Варшаву. Чтобы сломить противодѣйствіе короля, Штакельбергъ прибѣгъ къ средству, испытанному его предшественниками, къ угрозѣ ему низложеніемъ. Арестъ Красинскаго вызвалъ панику среди сенаторовъ; Станислава-Августа встревожили переговоры русскаго посла съ саксонской партіей. Въ концѣ концовъ, Штаккельбергъ освободилъ Красинскаго, обѣщалъ ходатайствовать передъ императрицею за сенаторовъ, арестованныхъ въ 1767 г., но въ то же время грозилъ войною и разореніемъ страны, если не будетъ созванъ сеймъ. Тѣмъ временемъ король получилъ извѣстія, уничтожившія надежду на иноземную помощь. Вслѣдствіе настояній Штаккельберга совѣтъ сената былъ снова созванъ на 7 февраля 1773 г.

Въ совѣтѣ запрещено было участвовать тѣмъ сенаторамъ, которые носили титулы отнятыхъ у Польши земель: епископу инфлянтскому, воеводамъ: русскому, витебскому и т. д. Совѣтъ сената, и на этотъ разъ бывшій малочисленнымъ, постановилъ созвать сеймъ на 19 апрѣля 1773 г. и предоставилъ королю разослать универсалы на посольскіе сеймики.

Созванію сейма противились лучшіе элементы общества, во главѣ которыхъ стоялъ Красинскій и недавно, вернувшійся изъ Калуги, краковскій епископъ. Не желая допустить узаконенія раздѣла, Красинскій и Солтыкъ начали агитацію, и

десомъ штыковъ. Пратценъ спускался на французскую армію, словно пламя, наполнявшее дымомъ окрестныя деревни, порвало преграды. Справа вспыхивали огоньки перестрѣлки, встрѣчаясь и скрещиваясь на пылающихъ улицахъ, на разоренныхъ дворахъ, на поляхъ, покрытыхъ бѣловатыми облаками. И вотъ, наконецъ, потопъ этотъ докатился до Бернарда. Уланы, избѣжавъ залповъ полка Карафелли и убѣгая отъ стрѣлковъ, поскакали на драгунъ, смотрѣвшихъ, какъ они мчались, въ своихъ темныхъ формахъ, съ опущенными пиками, съ лицами, выражавшими безпокойство, и ртами, оравшими позади вытянутыхъ шей ихъ маленькихъ, толстыхъ лошадокъ. Когда уже можно было различить мѣдныя украшенія на ихъ шапкахъ и желтые отвороты ихъ мундировъ, они замедлили свой бѣгъ, потомъ остановились, увидя, что нечаянно очутились посреди французскихъ полковъ, затѣмъ сгруппировались въ одно послушное стадо, робко направившееся къ Ольмюцкой дорогѣ, чтобы сдаться. Ихъ пропустили.

Немного позже полкъ Бернарда проходилъ мимо пѣхоты. Пѣхотинцы плотно прижимали руки, въ которыхъ несли ружья, къ бѣлымъ отворотамъ своего грязнаго платья. Лица ихъ уже были опьянены выпущеннымъ ими порохомъ. Солдаты шли выпрямившись, въ глазахъ ихъ свѣтилась жадность, вѣки были налиты кровью, они мѣрно раскачивали лѣвыя руки и выставляли впередъ одинаковые черные штиблеты, обтягивавшіе двѣ тысячи нервныхъ ногъ. Командиры смотрѣли вдаль, лица ихъ были суровы, губы сжаты, они шли позади маленькихъ барабанщиковъ, мѣрно отбивавшихъ тактъ. Герикуру нравились тѣ, которые старались казаться героями, нравились лица ихъ, освѣщенныя иллюзіями, свойственными ихъ пятнадцатилѣтнему возрасту. Онъ обогналъ ихъ. Почти тотчасъ же вслѣдъ за этимъ появились желтые кивера, долманы и широкіе синіе панталоны русскихъ гусаръ, выдѣлявшіеся на бокахъ мохнатыхъ лошадей. Проворно неслись они на французовъ, быстро выростая по мѣрѣ приближенія. «Драгуны, рысью!...» скомандовалъ полковникъ... Кавапонъ обнажилъ палашъ, не спуская глазъ съ непріятеля. Первый эскадронъ поскакалъ рысью вслѣдъ за Каюжакомъ, съ воемъ понесшимся вдоль по знаменной линіи, и за Корбегемомъ, высоко поднявшимъ плечи и свое серьезное лицо. Губы солдатъ побѣлѣли, щеки покрылись морщинами и впали, рты открылись. Полкъ устремился впередъ всѣми шестью стами головъ, внезапно очутившимися подъ прикрытіемъ синеватыхъ сабельныхъ лезвій.

Каванонъ галопировалъ впереди, высоко поднимая надъ головою, словно знамя, свой голубой палашъ, подскакивавшій надъ его ярко-красной и зеленой фигурой при каждомъ толчкѣ.

Вдругъ, полковникъ вмѣстѣ съ виконтомъ, одиноко скакавшимъ поодаль отъ другихъ и смѣло разсѣкавшимъ пространство своимъ блѣднымъ лицомъ, остановилъ Герикура, потому что русскіе гусары внезапно разсыпались вправо и влѣво, чтобы открыть, тотчасъ же ихъ поглотившій, громадный потокъ бѣлыхъ всадниковъ. Впереди скакалъ всадникъ на великолѣпномъ рыжемъ конѣ, въ треуголкѣ, украшенной султаномъ, съ низко наклоненной впередъ головою. Рука, его вытянутая впередъ вмѣстѣ со шпагою, какъ бы сдерживала издали обходное движеніе, начинавшееся на лѣвомъ флангѣ французовъ и грозившее окружить австрійцевъ.

При крикѣ полковника и по его жесту эскадронъ Нитуэ замедлилъ свою рысь, повернулъ влѣво и выстроился въ новую боевую линію, шедшую вкось отъ фронта. Меркёръ построилъ въ колонну роту мѣховыхъ шапокъ, которая и понеслась рысью между двумя эскадронами, осѣненная своимъ блистающимъ орломъ. Обѣ силы бросились впередъ, чтобы сразиться другъ съ другомъ: онѣ неслись посреди ужасающаго грома артиллеріи, по направленію къ непрерывному потоку, стремившемуся на равнину съ вершины Пратцена. Тамъ появлялись все новыя лавины блестящей кавалеріи, слышались крики и громовые раскаты галопа: Бернардъ упивался своимъ бѣгомъ навстрѣчу этому потоку.

Человѣкъ съ султаномъ былъ, должно быть, австрійскій генералъ. Золотыя кисточки ударялись о его увѣшанную орденами грудь. Можно было разглядѣть его широкій ротъ: онъ кричалъ, не оборачивая головы. Его адъютанты галопировали по сторонамъ солдатъ въ бронзовыхъ каскахъ. Меркёръ тотчасъ же указалъ на генерала. «Кому-то достанется кошелекъ этого молодчика, дѣтки? Мнѣ сдается, что онъ стоитъ дорого..... Ѣдемте-же къ нему... въ галопъ... маршъ!» Мѣховыя шапки наклонились къ шеямъ своихъ рыжихъ коней, а орелъ приникъ посреди нихъ, какъ-бы для того, чтобы ловчѣе броситься на добычу.

Изъ всѣхъ эскадронныхъ командировъ только одинъ виконтъ, широко разставивъ свои длинныя ноги, скакалъ отдѣльно на правомъ флангѣ отборной роты,

Непріятель приближался, солдаты гнали лошадей. Можно

уже было различать лица австрійцевъ, офицерскіе знаки, усилія вспѣненныхъ лошадей, въ особенности одного сухопараго рыжеватаго съ сѣдиной коня, несшаго на себѣ худощаваго человѣка въ красномъ мундирѣ съ рукавами, обшитыми галуномъ.

Бернардъ все видѣлъ, ко всему прислушивался; онъ радовался уносившему его порыву, гордился тѣмъ, что онъ готовъ совершить, несмотря на свой внутренній страхъ. Ему ничто не помѣшаетъ—ни страхъ Эдма, удерживающаго свою лошадь и выпустившаго изъ рукъ поводья, ни ужасающее паденіе горы, все еще скользящей внизъ съ ея массами солдатъ, казалось, увлекшими въ своемъ бѣгѣ и пылающія деревни и группы обнаженнаго лиственнаго лѣса и зеленыхъ елей. Онъ будетъ бороться съ землею, съ холмомъ, онъ влѣзетъ на его вершину, сброситъ эти статуи, доберется, даже, до этого блѣднаго горизонта, сквозь густой дымъ и сквозь извергаемыя отовсюду молніи выстрѣловъ.

На сто шаговъ впереди, Марій, стоя на возвышеніи, указывалъ рукою направленіе проводникамъ, между тѣмъ какъ Питуэ, сидя на сѣдлѣ, словно на креслѣ въ своемъ бюро, все еще свѣрялъ сходство мѣстности съ картою, приколотою булавками.

На гладкой поверхности воздѣланнаго поля виднѣлось нѣсколько возвышеній, поросшихъ травою, и Герикуръ намѣтилъ одно изъ нихъ. Тамъ столкнутся двѣ силы. Тамъ начнется тотъ славный подвигъ, который заставитъ восторгаться имъ Мальвину, Августина, Виржини и ея сестеръ, и даже самого соперника. Онъ предвидѣлъ, что будетъ великодушенъ и проститъ имъ ихъ насмѣшки. Тамъ начнется битва съ непріязненною судьбою, судьбою, внезапно воплотившеюся въ этихъ великанахъ, скачущихъ на рыжихъ и бѣлыхъ коняхъ.

Онъ скакалъ между отборной ротой и Корбегемомъ, въ двадцати шагахъ отъ генерала съ султаномъ и отъ его сильнаго рыжаго коня. «Доскакать до него, думалъ Бернардъ, захватить его и привести съ собою плѣнникомъ!» Онъ пришпорилъ своего коня. Десять офицеровъ окружали жестикулировавшаго генерала, подававшаго знаки своему отставшему лѣвому крылу. Бернардъ замѣтилъ возлѣ себя Эдма и Корбегема, квартирмейстера Трегека, двухъ солдатъ гасконцевъ... Онъ показалъ имъ на эту группу. Они отдали поводья и понеслись словно вихрь, высоко поднявъ сабли. Эдмъ закрылъ глаза и окончательно опустилъ поводья... Теперь Бернардъ, жаждавшій подвиговъ, видѣлъ опасность лишь сквозь ихъ

каски и эполеты и сквозь развѣвающіяся гривы лошадей, до того момента когда крики и грохотъ аттаки слились во-едино и люди вынуждены были отклониться отъ мордъ лошадей, несшихъ имъ навстрѣчу австрійцевъ, одѣтыхъ въ бѣлые мундиры. Ловкій Бернардъ, доскакавъ до треуголокъ главнаго штаба, направилъ своего коня такимъ образомъ, что его люди, Эдмъ и Корбегемъ, отдѣлили австрійскаго вождя отъ его полка. Въ это время ошеломленный маіоръ получилъ слѣва ударъ пистолетомъ по патронташу, но и самъ онъ въ то же время, съ усмѣшкой, ударилъ саблей по рукѣ какого-то трусливаго старика, очутившагося по правую его руку и грозившаго его поразить. Затѣмъ лавина австрійцевъ затопила все пространство. Лошади бѣсились, люди привстали на стременахъ и рубили саблями, поминутно раздавались пистолетные выстрѣлы: но несмотря на все это, Бернардъ съ Корбегемомъ не переставалъ тѣснить генерала; тотъ покачнулся. Бернардъ направилъ свою саблю на его султанъ, но противникъ обернулся и, прежде чѣмъ упасть на своего могучаго рыжаго, убитаго пистолетнымъ выстрѣломъ Трегека, погрузилъ свою тонкую шпагу въ грудь коня Бернарда, который взвился на дыбы, сдѣлалъ прыжокъ, приподнялъ одурѣвшаго Бернарда на воздухъ надъ равниною касокъ, эполетъ, металлическихъ остріевъ и развѣвающихся гривъ и, обезумѣвъ, погрузилъ его въ разсѣянную толпу австрійскихъ всадниковъ, гдѣ ему пришлось яростно отбивать шпагой удары, сыпавшіеся на его каску и плечи и ранившіе его кожу. Рты рычали, оружіе разсѣкало воздухъ, руки сдерживали поводья, чужія ноги тѣснили его ноги, конь продолжая бѣситься и лягаться и, расширивъ кругъ нападающихъ, снова взвился на воздухъ вмѣстѣ съ задыхавшимся Бернардомъ и снова очутился надъ уровнемъ касокъ и эполетъ, затѣмъ опять опустился посреди австрійцевъ, пробился сквозь ихъ послѣдній рядъ, опрокинулъ одну изъ лошадей на ужасные останки раздавленнаго австрійца и очутился на открытомъ пространствѣ. Нѣсколько гусаръ, увидѣвъ маіора, повернули лошадей и ускакали.

Бернардъ былъ этимъ удивленъ. Овладѣвшій имъ ужасъ мѣшалъ ему что либо понять. Былъ ли онъ побѣжденъ, или самъ онъ былъ побѣдителемъ, раненъ ли онъ смертельно или только контуженъ?.... Будучи увѣренъ въ своей гибели, онъ со страхомъ оглянулся назадъ. Вслѣдъ за нимъ группа французскихъ касокъ съ конскими хвостами, красныхъ нагрудниковъ, зеленыхъ рукавовъ и поднятыхъ или опущенныхъ внизъ сабель,

прорывалась сквозь бѣлые кафтаны, тѣснила ихъ, заглушала ихъ крики, опрокидывала ихъ лошадей. Конь Бернарда остановился, ноги его задрожали, бока высоко вздымались. Подъ нимъ виднѣлась красная лужа, струя крови продолжала увеличиваться... Увѣренный въ томъ, что животное непремѣнно упадетъ, Герикуръ хотѣлъ сойти съ него; жестокая боль въ плечѣ помѣшала ему опереться рукою о сѣдельную луку. Лошадь закачалась сильнѣе, маіоръ вынулъ ноги изъ стремянъ и медленно опустился вмѣстѣ съ нею; она легла на землю въ лужу и тяжело дышала судорожно сжатыми ноздрями. Бернардъ всталъ на ноги, но не могъ пошевельнуться, у него болѣло все тѣло. Теплая струя крови текла въ его рукавахъ, вдоль по локтямъ, и онъ вдругъ увидѣлъ, что вся его одежда превратилась въ лохмотья, каска, нахлобученная на лобъ тысячью ударами, давила ему брови и охватывала его голову острою болью. Одинъ эполетъ висѣлъ у него на груди. Сабельный темлякъ крѣпко былъ стиснутъ отекшимъ, омертвѣвшимъ кулакомъ. Онъ быстро сообразилъ, въ какомъ онъ находится жалкомъ состояніи. Прежде всего онъ постарался поскорѣе разжать лѣвою рукою темлякъ. Тотчасъ же страхъ его исчезъ; онъ обернулся назадъ. Онъ былъ одинъ въ пятистахъ шагахъ отъ мѣста битвы! Со всѣхъ сторонъ скакала кавалерія посреди тучъ пыли, принесенной вѣтромъ съ плоскогорья. «Что дѣлать?» Канонада была столь ужасна, что онъ плохо слышалъ свою собственную мысль. Безъ лошади ему невозможно возвратиться на мѣсто битвы. Онъ будетъ взятъ въ плѣнъ. Къ нему издали скакали крупною рысью десять улановъ. Онъ нагнулся, почувствовалъ страшную боль въ бокахъ, но тѣмъ не менѣе выхватилъ пистолеты.... Потомъ сообразилъ, что хорошо будетъ притвориться мертвымъ, чтобы не быть взятымъ въ плѣнъ, сѣлъ со стономъ на землю, затѣмъ растянулся на ней, земля пахла влагой и прохладой; онъ скорчился и ждалъ. Уланы проскакали, болтая между собою и не обратили вниманія на хитрость маіора.... Ихъ вовсе не удивило присутствіе тѣла француза на ихъ пути. Отставъ отъ полка, они вѣроятно смотрѣли не въ ту сторону, гдѣ находился маіоръ, а туда, гдѣ продолжалась битва. Герикуръ успокоился. Еслибъ онъ только не былъ взятъ въ плѣнъ, еслибъ онъ могъ перестать быть человѣкомъ, осыпаемымъ насмѣшками сестеръ, жены, Августина и соперника! Конь пошевелилъ ногами, поднялъ голову и посмотрѣлъ умоляющими глазами на своего хозяина. «Селимъ!» вскрикнулъ Бернардъ. Животное казалось

поняло его, оно попробовало подняться. Маіоръ схватился за узду, потянулъ ее, лошадь поцарапала копытами землю, стараясь встать, наконецъ встала на колѣни и снова упала. Кровь текла уже не такъ обильно изъ ея груди, проколотой австрійскимъ генераломъ. Ея хозяинъ машинально скаталъ изъ земли шарикъ и заткнулъ имъ рану. Раненая лошадь заржала почти по человѣчески.

«Я потерялъ свою лошадь, сказалъ самъ себѣ Бернардъ, а также и всѣ шансы на успѣхъ...»

Прошло всего нѣсколько минутъ, но ему казалось, что онъ пролежалъ тутъ уже много часовъ. Съ горы обрушивались все новые всадники. Всѣ они приближались къ правому флангу французовъ, остановленному краемъ небольшаго оврага, отдѣлявшаго Бернарда отъ сражающихся. «Какъ это я еще не взятъ въ плѣнъ? думалъ онъ. Австрійцы видѣли, какъ я упалъ. Они воображаютъ, что я убитъ, и оставляютъ меня, чтобы схватиться съ непріятелемъ».

Крупы лошадей продолжали мелькать, но еще дальше отъ него, въ семи или восьми стахъ шагахъ разстоянія. Многіе солдаты вышли изъ схватки, прихрамывая, держась руками за свои обнаженныя головы. Нѣкоторые свалились на землю и сѣли.... Другіе посмотрѣли на него, но не подошли. Каждый думалъ о себѣ, а видъ его изорваннаго мундира и его околѣвающей лошади не возбуждалъ ихъ жадности. Его подпимутъ позже, вмѣстѣ съ другими, по окончаніи сраженія.

Ему казалось, что австрійцамъ нелегко давалась побѣда. Число оставлявшихъ битву, хромающихъ увеличилось. Отъ моря бѣлыхъ кафтановъ и сѣрыхъ лошадей начали отдѣляться потоки. Одинъ солдатъ ускакалъ галопомъ на своей лошади, залитой кровью отъ шеи до самыхъ копытъ. Второй послѣдовалъ за нимъ, онъ отстегнулъ, на скаку, одною рукою свою каску и бросилъ ее, чтобы вытереть рану на разсѣченномъ лицѣ, затѣмъ вырвалось еще два, три, десять... Потомъ другіе, болѣе близкіе отъ него повернули лошадей и поскакали по направленію къ нему. Бернардъ презиралъ ихъ. Тяжело переводя духъ, онъ спрятался за лошадь и снова взялъ свои пистолеты. Они его не замѣтили. Стадо обезумѣло. Многія блѣдныя, судорожно сжатыя фигуры кричали другъ другу, что надо бѣжать.

Одинъ толстый капитанъ подымалъ на воздухъ руки, стараясь убѣдить ихъ остаться; онъ поскакалъ въ галопъ, настиг-

ихъ и сталъ бить, какъ попало, плетью... Два солдата направились къ маіору. Ихъ сабли висѣли на темлякахъ; ему слѣдовало непремѣнно свалить ихъ лошадей, и онъ прицѣлился въ нихъ съ жестокою ненавистью, но, замѣтивъ его, они ускакали въ сторону. Почти вслѣдъ за ними появились въ безпорядкѣ, одновременно съ бѣлыми мундирами австрійцевъ, мѣховыя шапки отборной роты, съ красными саблями и озвѣрѣлыми лицами; они преслѣдовали того же самаго генерала съ султаномъ и его офицеровъ въ треуголкахъ. Эта группа взяла направо, чтобы соединиться съ тѣми изъ австрійскихъ эскадроновъ, которые еще держались. Не видя маіора, австріецъ пришпорилъ лошадь, на которую сѣлъ, очевидно, случайно, —это была бѣлая лошадь трубача. Бернардъ всталъ на колѣни позади своего умиравшаго турецкаго жеребца. Съ сердцемъ, полнымъ боязливой радости, и уже заранѣе кичась будущею побѣдою, онъ выпустилъ два заряда изъ своего пистолета въ бокъ непріятельскому коню. «Тебя-то ужъ я добуду», вскричалъ онъ, и на самомъ дѣлѣ и человѣкъ, и лошадь опрокинулись. Рой офицеровъ пронесся мимо нихъ, вслѣдъ за ними скакалъ Меркёръ и его люди съ судорожно сжатыми губами. Опьяненный своею побѣдою, Герикуръ подошелъ къ генералу, запутавшемуся въ стремянныхъ ремняхъ, причемъ одна нога его была придавлена вспѣненнымъ трупомъ его лошади.

«Вашу шпагу, милостивый государь... Я маіоръ этого полка».

— Ja, ja... господинъ маіоръ, моя нога сломана; прошу васъ... Ich bitte, Herr Major...

Жестомъ онъ выражалъ желаніе быть освобожденнымъ изъ непріятнаго положенія... Сабля Меркёра рубила въ это время плечи и голову офицера, обливавшагося кровью; пальцы его руки, поднятой для защиты, отскочили словно ампутированные, и упали на землю, какъ были въ бѣлой перчаткѣ, почернѣвшей на верхнихъ суставахъ. На землѣ очутились четыре маленькія кровяныя колбаски, въ запятнанной кровью кожѣ, а въ воздухѣ виднѣлся обрубокъ кисти руки, изъ котораго били тонкія красныя струйки. Канонада мѣшала слышать, что кричалъ въ бѣшенствѣ раненый.

Драгуны всюду прорывали австро-русскую линію. Смѣшавшись съ австрійцами во время атаки, казаки и гусары въ желтыхъ киверахъ скакали, сломя голову, преслѣдуемые Каюжакомъ съ его гасконцами и эльзасцами, увлекавшими за собою захваченныхъ ими лошадей, привязанныхъ къ ихъ сѣд-

ламъ. Блеснулъ голубой палашъ Каванона и его яркокрасный киверъ. Герикуръ болѣе не обращалъ вниманія на непріятельскаго генерала, отстегнувшаго свою треуголку и все еще ползавшаго по землѣ въ тщетныхъ стараніяхъ высвободить ногу изъ-подъ тяжести павшей лошади. Маіоръ пришелъ въ восторгъ и весь сіялъ, любуясь виконтомъ: послѣдній скакалъ одинъ, высоко поднявъ голову, и поражалъ бѣлыя плечи австрійцевъ, непрестанно окружая себя, словно молніею, блескомъ своего сверкавшаго въ воздухѣ оружія. Ульбахъ кричалъ австрійцамъ по-нѣмецки, чтобы они перестали сражаться и тогда имъ тотчасъ же будетъ дарована пощада. Но злоба опьяняла людей. Напрасно полковникъ командовалъ построиться повзводно. Ярость придавала жестокое выраженіе лицамъ солдатъ съ ихъ широко открытыми ртами, она заставляла неистовствовать ихъ руки, заставляла судорожно сжиматься ихъ ноги, невольно впивавшіяся острыми шпорами въ бока лошадей. Эдмъ, въ разорванномъ отъ затылка до кушака мундирѣ, скакалъ на лошади, окрашенной кровью. Маіоръ окликнулъ его и назвалъ себя. Молодой человѣкъ подскакалъ къ нему и осадилъ свою дрожащую лошадь. «А, Бернардъ, Бернардъ!... Какіе они... а? Я сбросилъ уже двоихъ съ лошадей...» «Ты не раненъ?—спросилъ Бернардъ. Труби же отбой, чортъ побери! Пусть полкъ построится и идетъ направо, тогда ихъ крыло очутится между двухъ бригадъ... Труби же скорѣй!...» Эдмъ приложилъ ко рту мѣдную трубу, повернулся лицомъ къ полку и затрубилъ во всю мочь. Тогда посреди сумятицы, производимой этими центаврами, большинство лицъ повернулось въ ихъ сторону. Сотни человѣческихъ лицъ землянoго цвѣта смотрѣли теперь на Бернарда и Эдма своими стеклянными или ярко горящими глазами. Бернардъ понялъ, что его узнали и что на него смотрятъ съ восторженнымъ изумленіемъ. Онъ взглянулъ на себя, на свой изорванный мундиръ, на повисшій эполетъ, на запятнанныя кровью брюки и на руки, полныя запекшейся, липкой крови, вытекшей изъ его же собственныхъ ранъ, и увидѣлъ себя стоящимъ между двумя трупами лошадей, въ то время какъ у ногъ его ползалъ австрійскій генералъ, стеня, волоча по мерзлой землѣ свои ордена, аксельбанты и медали и, какъ бы жалуясь и протестуя всею своею сѣдою головою, тогда какъ вправо спасалась могучимъ галопомъ за оврагъ обращенная въ бѣгство бѣлая кавалерія, наполняя воздухъ лязгомъ шести тысячъ стальныхъ сабель. Теперь, велѣв... за отрядомъ саперъ, шелъ на рысяхъ только что постро...

въ ряды, въ отвѣтъ на призывъ трубы, эскадронъ Питуэ, выполняя обходное движеніе съ цѣлью отрѣзать путь кирасирамъ.

Такъ же точно, какъ поутру Бернардъ Герикуръ видѣлъ спускавшихся на войска французовъ, быстрою рысью съ вершины Пратцена нѣмцевъ, чеховъ и венгерцевъ, такъ и въ настоящую минуту онъ увидѣлъ, что гора, спускавшаяся раньше внизъ, начала теперь подниматься вверхъ, удаляясь въ обратную сторону и увлекая вслѣдъ за собою къ горизонту и пожарища окружныхъ деревень и всѣ кишѣвшія на ея склонахъ массы. Маіору показалось, что онъ побѣдилъ эту гору, точно такъ же, какъ побѣдилъ лѣсъ, метавшій въ нихъ свои громы подъ Амштеттеномъ.

И безмѣрная гордость, сразу ослѣпившая его глаза, освѣжила въ то же время и его уста и утолила его страданія.

Полкъ мирно строился на равнинѣ, очищенной отъ бѣлыхъ всадниковъ, отъ лохматыхъ казаковъ и отъ гусаровъ съ ихъ желтыми киверами.

Разсѣянныя по землѣ животныя околѣвали въ судорогахъ. Тамъ и сямъ сидѣли раненые, всячески стараясь заглушить свои страданія. Лошади проходили мимо, прихрамывая и громко ржали.

Что теперь думали о Бернардѣ Мальвина, Виржини, Аврелія и Каролина, угадывали ли онѣ, что толстый полковникъ обнялъ его въ приливѣ энтузіазма, а Кавапонъ пожималъ ему руки, соскочивъ со своей черной лошади? Въ воспоминаніи маіора мелькнули четыре лица: темнокаштановые локоны и прекрасные задумчивые глаза Авреліи; насмѣшливый взглядъ испорченной Мальвины; страстный ротъ Виржини; гладко причесанные волосы и толстыя щеки Каролины. Воображаютъ ли онѣ, что имъ такъ восхищаются, что его такъ превозносятъ драгуны, что они осыпаютъ его восторженными поздравленіями и, съ гордостью указывая на него другъ другу, восторгаются его кровавой славой?

Теперь бригады, еще не бывшія въ дѣлѣ, проходили мимо ихъ отдыхавшаго полка. Офицеры этихъ свѣжихъ эскадроновъ разглядывали лежавшія на землѣ жертвы съ ихъ судорожно сжатыми кулаками и устремленными къ небу мутными глазами, съ ихъ разорванной одеждой, выставлявшей напоказъ влажныя края ихъ ранъ, съ ихъ разсѣченными усами, ноздрями и подбородками. Они смотрѣли съ любопытствомъ на запачканныя глиной подошвы сапогъ на ногахъ мертвецовъ, на трупы, казавшіеся просто спящими, такъ какъ у нихъ не было ви-

димыхъ ранъ, и на тѣ, что судорожно скорчились въ мукахъ агоніи, и на тѣ, которыхъ руки, еслибъ только они остались живы, непремѣнно разорвали-бы вороть ихъ кафтановъ, чтобы облегчить доступъ воздуха къ ихъ задыхающимся легкимъ, и, наконецъ, на драгуна, котораго окровавленный языкъ вмѣстѣ съ отсѣченною до самыхъ ушей нижнею челюстью свѣсился ему на грудь.

До всего этого было очень мало дѣла Бернарду: теперь онъ былъ почти раздѣтъ и протянулъ свои руки хирургамъ, которые обмыли и забинтовали его порѣзы. «Ахъ, сударь, повторялъ толстый полковникъ, ты прорвалъ всѣ ряды! Мы шли вслѣдъ за твоею каскою. Ты настоящій солдатъ»!— «Другъ, старался перещеголять полковника Кавановъ,—Мюратъ узнаетъ обо всемъ не иначе, какъ изъ моихъ устъ. Я хочу, чтобы онъ узналъ объ этомъ отъ меня, я буду этимъ гордиться»... Онъ снова вскочилъ на сѣдло и исчезъ, пустивъ лошадь въ галопъ, между эскадронами, наводнившими уже цѣлую четверть отвоеванной равнины своими металлическими, шумными рядами, тогда какъ батальоны Кафарелли и Сюшэ, въ свою очередь, разливались по ней справа, въ своихъ широкихъ киверахъ съ бѣлыми плетенками и съ развѣвающимися красными султанами, подъ ритмъ десяти тысячъ ногъ, обутыхъ въ черные штиблеты, выставляя впередъ, какъ непобѣдимый оплотъ, свои груди со скрещенными на нихъ аммуниціонными ремнями. На нихъ сейчасъ же начали лаять въ сорокъ голосовъ русскія пушки. Бернардъ напялилъ поверхъ перевязокъ оставшіяся отъ мундира лохмотья; но онъ не могъ надѣть каску на компрессы, покрывавшіе его голову. Два драгуна подсадили его на свѣжую лошадь, осѣдланную уборомъ, снятымъ съ трупа его турка, подвѣсили къ лукѣ его сѣдла изогнутую, продырявленную, изсѣченную каску съ изрубленнымъ саблями конскимъ хвостомъ, и несмотря на жгучій свинецъ, наполнявшій, какъ ему казалось, его мозгъ и на мучительно болѣвшіе порѣзы на рукахъ, маіоръ могъ держаться прямо во главѣ своего вновь построившагося полка.

Онъ съ трудомъ могъ о чемъ либо думать. Въ немъ подымались отъ сердца какъ бы порывы торжества, но муки физическихъ страданій прерывали ихъ тотчасъ же. Битва шумѣла, кричала и гремѣла, ничего не сообщая его отягченнымъ приливомъ крови ушамъ. Онъ хотѣлъ отвѣтить Грелу, хотѣлъ сообщить ему о смерти Корбегема, хотѣлъ отвѣтить австрійскому генералу, котораго вытащили, наконецъ, изъ-подъ туши

его лошади и теперь заботливо поддерживали подъ руки, хотѣлъ сказать что то краснорѣчивому и сильно жестикулировавшему Эдму, у котораго лихорадочно горѣли щеки, полковнику, вытиравшему платкомъ потъ, выступавшій на его лбу, виконту, который привѣтствовалъ его какою то похвалою, обмахивая платкомъ свое пурпуровое лицо, видиѣвшееся изъ подъ каски, разсѣченная чешуя которой свѣшивалась внизъ, наконецъ Мюрату, подскакавшему къ нему. Послѣдній выражалъ громкимъ голосомъ сожалѣніе о гибели его турецкой лошади и въ то же время усмирялъ своего горячаго совершенно взмыленнаго коня. „Драгуны 23 полка, началъ онъ вдругъ, словно декламируя, я привѣтствую въ васъ самыхъ храбрыхъ солдатъ французской кавалеріи. Мнѣ пріятно привѣтствовать васъ, стоя подъ огнемъ непріятеля, котораго вы только что опрокинули. Обнимаю всѣхъ васъ въ лицѣ маіора Герикура. Онъ первый подалъ вамъ благородный примѣръ, вы за нимъ послѣдовали, и исторія Франціи васъ не забудетъ. Да здравствуетъ императоръ!“

— „Да здравствуетъ императоръ!“—закричали оборванные солдаты, и крикъ ихъ разомъ перешелъ въ продолжительную овацію: они кричали, размахивая своими окровавленными, грязными руками, охваченные неизмѣримой радостью, при видѣ того, что они цѣлы и невредимы, и думая, что битва уже окончена.

Въ это время Мюратъ заставилъ свою лошадь подойти близко къ лошади маіора, и зять короля обнялъ своею сіявшею двадцатью рядами золотыхъ нашивокъ рукою шею вздрогнувшаго отъ чувства удовлетворенной гордости Бернарда, почувствовавшаго, что волненіе помутило его глаза и стѣснило дыханіе въ его груди и, что двѣ табачныя щеки поперемѣнно приложились къ его щекамъ. Мюратъ, очевидно, думалъ о чемъ то другомъ, въ то время какъ онъ бормоталъ: «Императоръ, милостивый государь, отблагодаритъ васъ лучше, чѣмъ я... и такъ, какъ подобаетъ...» И, слегка пришпоривъ свою лошадь, онъ заставилъ ее поскакать впередъ, вдоль по фронту полка, причемъ его штабъ послѣдовалъ за нимъ.... Нѣсколько лицъ обернулись еще разъ и посмотрѣли съ восторгомъ на Герикура, стоявшаго неподвижно возлѣ толстаго полковника и другихъ маіоровъ полка. Адъюнктъ-маіоръ Маріусъ объяснялъ, какъ онъ участвовалъ въ геройскомъ поступкѣ Герикура, направляя свою лошадь вслѣдъ за его турецкимъ конемъ сквозь ряды враговъ.

«Я вовсе не помню этого, сказалъ самъ себѣ Герикуръ: къ тому же я довольно долго оставался совершенно одинъ, послѣ того какъ Селимъ палъ... Этотъ подлецъ должно быть вретъ. Да полно! Вѣдь я даже и не раненъ серьезно. Мюратъ цѣлуетъ меня, и Риваль долженъ будетъ отдать мнѣ справедливость. Теперь ты должна посбавить спѣси, Мальвина, и сестры и жена также. Я достигъ того, о чемъ мечталъ. Я буду генераломъ, я буду командовать, я буду побѣждать враговъ для себя самого... Да, да.... Корбегемъ убитъ. Чтожъ дѣлать? Надо съ этимъ примириться. Это самый прекрасный конецъ.... Вотъ онъ въ своемъ плащѣ, съ саблей на груди.... Ну, вотъ поворачиваютъ вправо.... Какъ эти маленькіе пѣхотные барабанщики быстро идутъ за палочкой тамбуръ-мажора. Они не боятся пушекъ. Какъ пахнетъ порохомъ, имъ пропитанъ весь воздухъ. Артиллерія свирѣпствуетъ.... Вотъ-те и разъ, барабанщики опрокинуты. У этого бѣднягн осталась только одна рука, и онъ смотритъ на струю крови, вытекающую изъ обрубка другой его руки.... Мы тоже идемъ на этотъ баттарейный огонь! Было бы глупо умерѣть теперь, когда я наконецъ могу пожать плоды моихъ трудовъ. Что еслибъ я отправился на перевязочный пунктъ? Нѣтъ, я явлюсь передъ соперникомъ въ изодранномъ кафтанѣ, съ окровавленными рукавами и съ повязанной головой. Тогда ужъ ему непремѣнно придется раскаяться.... Чортъ возьми, какъ у меня болятъ ляжки, плечи и голова, каждый пушечный выстрѣлъ отдается у меня въ вискахъ.... А между тѣмъ я не видѣлъ ни одного изъ тѣхъ, кто меня ранилъ. Я закрылъ глаза въ то время, когда на меня сыпались сабельные удары. Все это сдѣлала моя лошадь. Она вынесла меня изъ рядовъ австрійцевъ. Она растолкала ихъ лошадей. Она прорвала ихъ строй. Будучи смертельно ранена и взбѣшенная болью, она опрокинула всѣхъ окружающихъ: а я былъ совершенно безполезенъ, сидя у ней на спинѣ. Ударилъ ли я кого-нибудь своей саблей? Я не помню.... Впрочемъ я убилъ пистолетными выстрѣлами лошадь этого генерала, котораго теперь уносятъ: у него сломана нога...»

Боль разогнала его размышленія. Полкъ шелъ мимо арьергарда колоннъ, тѣснившихъ силы горы. Это была какая-то сутолока ошеломленныхъ людей, бѣгущихъ со всѣхъ сторонъ къ фургонамъ, въ которыхъ была разостлана солома и гдѣ хирурги работали надъ воющими, бьющимися и истекающими кровью человѣческими тѣлами. Запахъ пороха и дыма наполнялъ прокопченный воздухъ. Батальоны ожидали своей

очереди, опустивъ ружья къ ногѣ и подогрѣвая свой страхъ блѣдными лучами солнца. Въ деревняхъ генералы разсылали эстафеты, а цѣлыя роты стояли, набивъ ротъ хлѣбомъ. Говорили, что непріятель разбитъ въ центрѣ, но побѣждаетъ на правомъ флангѣ, у Тельницкихъ прудовъ. Драгуны шли туда на помощь. Они уже почти достигли ручейка, служившаго имъ въ предшествующіе дни для мытья бѣлья. Его берега представляли собою сплошную грязь, такъ много войскъ прошло тамъ съ утра. На склонѣ Пратцена, посреди виноградниковъ и изгородей и посреди сплошной тучи сѣраго дыма, можно было угадывать движеніе корпусовъ по блеску штыковъ, а позицію артиллеріи — по выбрасываемымъ пушками огненнымъ языкамъ. Двадцать пожарищъ освѣщали небеса своимъ широко разлившимся пламенемъ. Безпорядочныя толпы людей, сбившіяся кучей во рвахъ, взлѣзали съ громкими криками вверхъ по склонамъ холма, или же выбрасывали линейный огонь, устремлявшійся вдаль и какъ-бы разрывавшій шелковистый воздухъ.

Съ другой стороны шли нескончаемыя колонны плѣнниковъ въ сѣрыхъ кафтанахъ; они представляли ряды звѣроподобныхъ, толстыхъ, покрытыхъ волосами мордъ, съ густыми бровями, толстыми носами и съ наивнымъ выраженіемъ бородатыхъ, болтливыхъ дѣтей. Но канонада грохотала такъ неистово, что ничего не было слышно, хотя и видно было, что губы ихъ быстро шевелятся.

Каждый толчекъ лошади чуть не вырывалъ крика у Бернарда. Теперь онъ боялся рытвинъ и выбоинъ, покрывавшихъ дорогу, такъ какъ лошади поминутно спотыкались, попадая въ нихъ ногами. Масса солдатъ покрывала всю мѣстность своими форменными кафтанами, затопляла деревни и лѣса, копошилась въ оврагахъ и возвышалась этажами на холмахъ. Цѣлое море голубыхъ кафтановъ и киверовъ съ бѣлыми плетешками надвигалось на холмы, вздувалось надъ ними, словно приливъ, или снова спускалось въ долины.... Солдаты бѣжали, останавливались, строились въ линіи, которыя вскорѣ опять разстраивались, образовывали колонны, проникавшія въ облака дыма и въ линію безпрестанно потрескивавшихъ огоньковъ перестрѣлки, разбивавшіяся о небольшія деревеньки и неустанно оттѣснявшія не только толпы русскихъ, но, какъ казалось, даже и самую гору къ далекому синему горизонту.

Проѣхалъ рысью артиллерійскій паркъ, увлекаемый за-

пряженными цугомъ лошадьми. вслѣдъ за нимъ пробѣжали гимнастическимъ шагомъ пушкари. все это сопровождалось пронзительнымъ лязгомъ желѣза, трескомъ раздавленныхъ камней и командой начальниковъ.

—«Чтожъ это такое. маіоръ, спросилъ Грелу, развѣ мы не увидимъ болѣе битвы? Неужели это громадное столкновеніе германцевъ и гуновъ, разбивающихся о римскихъ галловъ, эта битва Атиллы съ Цезаремъ ограничится для насъ лишь простою кавалерійской стычкой? Мы все подвигаемся назадъ. Дымъ скрываетъ отъ насъ картину битвы. Люди переполняютъ собою всю окрестность. Всюду только и видны блѣдные солдаты, дефилирующіе словно на маневрахъ, появляющіеся изъ-за изгородей и изъ деревень, всходящіе на холмы и спускающіеся въ долину, чтобы войти въ хаосъ бѣловатыхъ облаковъ и утонуть въ этой непонятной сумятицѣ....»

А драгуны все шли впередъ... Адъютанты скакали во всѣ стороны. Колонны шли въ порядкѣ. Непрестанный пушечный громъ становился все глуше. На поляхъ, подъ прикрытіемъ опрокинутыхъ телѣгъ, виднѣлись группы ухаживавшихъ другъ за другомъ солдатъ, сидѣвшихъ на корточкахъ посреди своихъ открытыхъ ранцевъ. Чѣмъ они больше подвигались впередъ, тѣмъ очевиднѣе становилось, что окруженный двумя трескучими линіями огней Пратценъ все болѣе и болѣе покрывался со всѣхъ сторонъ французскими войсками. Посреди просвѣтовъ, образовавшихся между бѣловатыми облаками дыма, появились цѣлыя бригады французовъ: онѣ казались очень маленькими и развертывались далеко впереди роя главнаго штаба. Различали бригаду маршала Сульта, генераловъ Сентъ-Илера. Трибольта Ваннамма, онѣ виднѣлись возлѣ каждаго вихря искръ и дыма, возлѣ каждой изъ огненныхъ завѣсъ, нависшихъ надъ оврагами, въ которыхъ ютились невзрачныя деревеньки.

А драгуны все еще продолжали подвигаться впередъ. Они объѣхали нѣсколько деревенекъ, гдѣ встрѣтились съ восторженными войсками, объявившими, что за ними побѣда, и предложившими голоднымъ драгунамъ нѣсколько кусковъ хлѣба. Затѣмъ они пошли вдоль по ручью Гольдбахъ. Лошади напились въ грязной бухточкѣ, драгуны сняли при этомъ на нѣсколько минутъ свои каски. Опять двинулись впередъ. Виконтъ декламировалъ про себя стихи. Эдмъ тщательно разсматривалъ пейзажъ, а Питуэ указывалъ съ видомъ знатока на всѣ его подробности, отмѣчалъ подходящія мѣста для аттаки нап-

дивизій, и тѣ пункты, въ которыхъ русскіе корпуса должны были дать намъ отпоръ. Онъ называлъ непріятельскихъ генераловъ, указывалъ по ту сторону Пратцена, пути, по которымъ отступалъ Коловратъ, и тѣ, по которымъ долженъ былъ отступать Кутузовъ. Онъ увѣрялъ, что они зайдутъ съ тыла Буксгевдену, Ланжерону и Дохтурову. Эти послѣдніе осаждали корпусъ Даву, опиравшійся правымъ крыломъ на Тельницкій, Меницкій и Сатчанскій пруды, а лѣвымъ крыломъ и центромъ на Сокольницкій замокъ, гдѣ дивизія Фріана сражалась уже съ самаго утра. Питуэ зналъ все. Онъ спрашивалъ каждаго отставшаго солдата, сидѣвшаго съ разутыми ногами на краю дороги, каждаго раненаго, возвращавшагося съ поля битвы съ подвязанною окровавленнымъ платкомъ рукою, каждую маркитантку, ожидавшую позволенія подвинуться со своею желѣзкою къ мѣсту битвы, каждаго хлопотливаго адъютанта, разыскивавшаго свой штабъ, терзавшаго свою упаренную и взмыленную лошадь и усиленно жестикулировавшаго при передачѣ новостей.

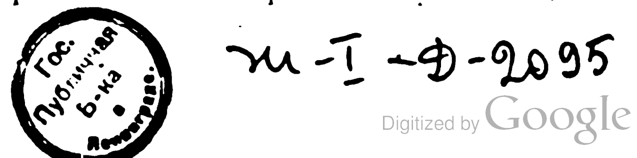
Они все еще шли впередъ. На улицѣ одной изъ деревень раненые стали встрѣчаться чаще. Сначала показался кирасиръ съ головою, окутанною окровавленной рубашкой; онъ объявилъ, что Фріанъ отступаетъ, что подъ Сокольницемъ на него обрушились всѣ русскіе и всѣ австрійцы Кіенмайера. Что касается до него самого, то его на половину оскальпировалъ одинъ бискаецъ, и теперь онъ разыскиваетъ хирурга. Потомъ появились два солдата легкой инфантеріи, одинъ, сильно прихрамывая и опираясь на свое ружье, велъ другого съ повязкой на глазахъ. Они тоже думали, что австрійцы и русскіе перерѣзали дорогу, ведущую въ Вѣну, по ту сторону Тельница и Меница, и что они окружили корпусъ Даву.

Немного подальше, на кладбищѣ, посреди развалинъ его ограды стрѣляла всего только одна восьмидюймовая пушка, вокругъ которой лихорадочно хлопотали пятеро почернѣвшихъ отъ пороха канонировъ, забивавшихъ въ нее зарядъ сломанною ручкою прибойника. Какой то субъектъ въ одной рубашкѣ, безъ штиблетъ, тяжело волочившій свои большія косматыя ноги, принесъ въ деревянномъ ведрѣ жидкую грязь, которую и вылилъ на дымившуюся пушку.

«Она еще слишкомъ горяча, до нея нельзя дотронуться...» сказалъ субъектъ, снявъ съ себя свой артиллерійскій сюртукъ и обернувъ имъ тарель, сѣлъ, какъ былъ въ одной грязной рубашкѣ, верхомъ на лафетъ и навелъ орудіе. Тогда Бернардъ

узналъ по киверу, что это поцпоручикъ. Питуэ спросилъ его: «Какія вѣсти?» — «Ахъ, я ничего не знаю... меня поставили сюда съ одною пушкой... я и дѣлаю свое дѣло... Къ тому же я ничего не вижу, вслѣдствіе дыма... А! каковъ, однако, дымъ то!... Я приказалъ поджечь часовню, чтобы заставить ихъ думать, что насъ здѣсь много.... Но она не хочетъ горѣть, она изъ сырого лѣса... Обозные солдаты еще поджигаютъ верескъ... А, посмотрите, вотъ, наконецъ, показалось немного пламени...» Онъ всталъ съ лафета, и отъ него нельзя было ничего больше добиться. Онъ казался глупымъ и глухимъ, стоя посреди своихъ закопченыхъ солдатъ, оторопѣло посматривавшихъ издали на лежавшіе на могильныхъ плитахъ трупы своихъ товарищей... «Маіоръ, если вы пойдете дальше по линіи, то будьте любезны, скажите начальнику батареи, чтобы онъ прислалъ мнѣ гранатъ и картечныхъ ящиковъ; у насъ ихъ больше нѣтъ... у насъ нѣтъ больше ни гранатъ, ни картечныхъ ящиковъ... да, ни гранатъ, ни картечныхъ ящиковъ...» Онъ повторялъ эти слова, какъ идіотъ, словно предвкушая употребленіе этихъ припасовъ. Грохотъ орудія заставилъ его замолчать. Онъ обернулся. Солдаты уже откатывали пушку. Въ это время послышался ревъ пожара и привлекъ всѣ взоры къ крышѣ часовни, внезапно охваченной чернымъ дымомъ, струями искръ и громадными языками вытягивавшагося по вѣтру пламени. Изъ портика часовни выскочили, бросая головни, солдаты, они подбѣжали къ драгунамъ, чтобы попросить у нихъ хлѣба или какой нибудь другой пищи, а человѣкъ въ рубашкѣ снова усѣлся верхомъ на лафетъ.

Мысль о хлѣбѣ, въ которомъ драгуны отказали артиллеристамъ, такъ какъ у нихъ его не было, вызвала Бернарда изъ оцѣпѣненія. Слюна прилила къ его зубамъ. Онъ почувствовалъ, что языкъ его раздражается: ему захотѣлось ѣсть; онъ винилъ въ этомъ свѣжій воздухъ и походъ, продержавшій его на сѣдлѣ съ трехъ часовъ утра: часы его показывали уже два часа пополудни. Каждый съѣлъ свой пакъ до и послѣ кавалерійской схватки. Вокругъ него тотъ-же вопросъ возбудилъ такой же точно аппетитъ: и драгуны стали жаловаться на недостатокъ съѣстныхъ припасовъ... Но вскорѣ они снова смолкли, потому что ничего не было слышно посреди грохота пушечной пальбы, потрясавшей воздухъ и придававшей ему какой то солоноватый вкусъ, вкусъ золы и пороха, ясно ощутительный для губъ и ноздрей. Маіоръ вспомнилъ страшныя муки голода, испы-

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію—*Петербургъ, Милліонная 34.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ редакцію и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его копію.

Не сообщающіе своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

5) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ редакціи **не позже 1-го числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей:

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію, если авторы не потребуютъ ихъ обратно въ теченіе шести мѣсяцевъ **будутъ уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

5) **Историч. документы и письма,** присылаемые для напечатанія, сдаются въ типографію въ копіяхъ и **тщательно сохраняются редакціей до востребованія** въ несгораемомъ помѣщеніи.

6) Съ перваго сентября редакція будетъ открыта для личныхъ объясненій ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 3 до 5 часовъ вечера.

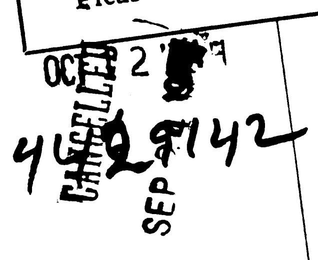
Отъ конторы редакціи:

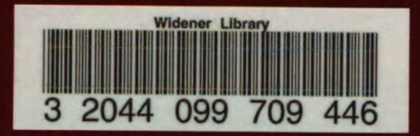
Всѣ уплаты гонорара, по счетамъ и т. п., производятся ежедневно, кромѣ праздниковъ, между 15 и 20 числомъ каждаго мѣсяца, въ конторѣ редакціи (Милліонная, 34), между часомъ и четырьмя дня.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 12 час. дня до 4 час. веч.

Столичная типографія. С.-Петербургъ, Гороховая, 12.

Widener Library
3 2044 099 709 446